

ТРУДЫ

500-7

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ ОДЕССѢ

(1884 г.).

ТОМЪ I.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 21 ТАВЛ. ФОТОТИПЪ, 1 КАРТЫ И РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

ОДЕССА.

Типографія А. Шульца. Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.

1886,

Печатается по определению Редакционного Комитета VI-го
Археологического Съезда.

Предс. Комитета Н. Кондаковъ.

Государственная
операция Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

14382-47.

Фото Гравюра Шерера, Набгольцки Копе Москвы

Генерал Алексей Зваров

Труды VI-ю Археологическаго Съезда обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ благосклонному участию Почетнаго Предсѣдателя Съезда Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича и ходатайству Господина Министра Народнаго Просвѣщенія. Послѣдовавшимъ 25-го Января 1885 года, по докладу Господина Министра Финансовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ въ пособіе Редакціонному Комитету на изданіе Трудовъ Съезда ассигновано изъ суммъ Государственнаго Казначейства пять тысячъ рублей.

Таковая Высочайшая милость, дарованная, въ виду научныхъ интересовъ Съезда, оказавшагося столь плодотворнымъ по своимъ ученымъ работамъ въ областяхъ древности классической, христіанской и въ частности отечественной, дала Комитету возможность какъ снабдить изданіе ученыхъ Трудовъ Съезда необходимыми иллюстраціями, такъ и поспѣшить своевременнымъ выпускомъ ихъ въ свѣтъ.

Изданіе это посвящается памяти покойнаго Предсѣдателя Съезда графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Со времени его кончины прошло уже два года, и скорбныя сожалѣнія о тяжелой утратѣ уступаютъ мѣсто благодарнымъ воспоминаніямъ о томъ, кто былъ долгое время во главѣ новаго движенія археологической науки и душою имъ созданныхъ и руководимыхъ археологическихъ съездовъ.

Комитетъ, коего члены принимали участіе въ самомъ устройствѣ VI-го Съезда, съ благодарностью вспоминаетъ о живомъ участіи покойнаго графа, несмотря на его тяжелую болѣзнь, во всѣхъ засѣданіяхъ Съезда и работахъ Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго.

Русскіе археологическіе Съезды, благодаря руководству покойнаго предсѣдателя, могли съ успѣхомъ выполнить обширную задачу, имъ предъявленную быстрымъ ростомъ археологической науки въ послѣднія три десятилѣтія. Развившееся широко историческое самосознаніе, разнообразіе научныхъ и мѣстныхъ интересовъ и свѣжесть открываемыхъ повсюду памятниковъ и матеріаловъ требовали отъ всѣхъ бывшихъ доселѣ съездовъ не только общаго ученаго руководства въ организаціи научныхъ работъ въ краяхъ, гдѣ съезды

II

устраивались, но и живаго духовнаго сліянія этихъ работъ съ общими задачами науки отечественной древности.

Россія предстала нынѣ взору науки обширнымъ и плодоноснымъ полемъ для историческихъ изысканій какъ по обилію вещественныхъ памятниковъ, наглядно представляющихъ жизнь и судьбы народовъ, населившихъ восточную Европу, такъ и по богатству научныхъ матеріаловъ самаго народнаго быта, сохранившаго свою старину.

Графъ Уваровъ былъ представителемъ этого движенія археологической науки, ибо былъ наиболѣе подготовленъ къ нему: его научные интересы охватывали всѣ важнѣйшія области отечественной археологій; воспитавшись съ молодыхъ лѣтъ на искусствѣ и древностяхъ классическихъ, онъ перешелъ къ древности христіанской, византійской и средневѣковой, давшей ему научное руководство въ занятіяхъ древностями Россіи. Ея доисторическія судьбы, или многовѣковое сложеніе русской земли и ея народа, совершившееся задолго до памяти исторіи, но проявляемое нынѣ намъ памятниками вещественными, — таково содержаніе классическихъ работъ покойнаго графа по древностямъ отечественнымъ и начатаго имъ труда по общей археологій Россіи.

Горячая любовь графа Уварова къ отечественной древности и преподанный имъ образецъ научнаго труда останутся навсегда живымъ примѣромъ въ исторіи русской археологической науки.

Редакціонный Комитетъ

VI-го Археологическаго Съѣзда.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ УВАРОВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Гр. А. С. Уваровъ родился въ 1824 г., 28 февраля, въ Петербургѣ. Отецъ его, Сергій Семеновичъ Уваровъ, впоследствии графъ и министръ народнаго просвѣщенія (съ 1833 по 1849 г.), былъ ранѣ попечителемъ с.-петербургскаго уч. окр. (съ 1810 г.), а съ 1818 г. до самой смерти — президентомъ Академіи наукъ. Мать гр. А. С., Екатерина Алексѣевна, урожденная Разумовская, была дочь гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, бывшаго (съ 1807 по 1810 г.) попечителемъ московскаго университета, а затѣмъ (съ 1810 по 1811) — министромъ народнаго просвѣщенія.

Гр. Сергій Семеновичъ Уваровъ былъ однимъ изъ выдающихся и ученыѣйшихъ людей своего времени. Получивъ хорошее классическое образованіе, онъ уже 24 лѣтъ отъ роду, будучи назначенъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, составилъ проектъ объ основаніи въ Россіи Азіатской академіи, при чемъ представилъ историческій очеркъ ознакомленія съ языками, религіями и цивилизаціями Востока и указалъ на важность изученія азіатскихъ народовъ. Избранный (въ 1811 г.) въ члены Королевскаго Геттингенскаго Ученаго Общества, онъ посвятилъ ему въ слѣдующемъ году свой «Опытъ объ элевзинскихъ таинствахъ» (*Essai sur les mystères d'Eleusis*), вызвавшій одобреніе такихъ ученыхъ филологовъ, какъ Вольфъ, Германнъ и Сильвестръ-де-Саси. Будучи другомъ знаменитаго Гёте, онъ посвятилъ ему специальное изслѣдованіе объ одномъ греческомъ поэтѣ («*Nonnos von Panopolis, ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie*». 1817), а Германну и Крейцеру — свою статью «*Ueber das vor-homerische Zeitalter*». Назначенный президентомъ Академіи наукъ, онъ помѣстилъ въ ея «Мемуарахъ» также нѣсколько изслѣдованій (о мифѣ Геркулеса, о греческихъ трагикахъ и др.); въ то же время онъ былъ любителемъ русской литературы (состоялъ членомъ литературнаго кружка «Арзамасъ»), а по своимъ убѣжденіямъ — сторонникъ просвѣтительныхъ идей начальной половины царствованія Александра I. Вообще нельзя не согласиться съ г. Пыпи-

нымъ, что «впервые мѣсто министра народнаго просвѣщенія занято было человекомъ, дѣйствительно стоявшимъ на высотѣ европейскаго образованія, тогда когда былъ назначенъ Уваровъ». Заслуги этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, — какъ справедливо замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, — еще ждутъ своего признанія въ исторіи Россіи. При немъ была учреждена Археологическая коммиссія, устроена Пулковская обсерваторія, преобразована и раздѣлена на три отдѣленія Академія наукъ, совершены научныя экспедиціи Бѣра, Миддендорфа, Рупрехта, Купфера, Ленца и др., открытъ университетъ св. Владиміра, изданъ новый Уставъ университетовъ, значительно улучшившій ихъ средства, основаны благородные пансіоны, улучшено преподаваніе въ гимназіяхъ и т. д.

Мать гр. Алексѣя Сергѣевича была, по слухамъ, женщина очень развитая, весьма заботившаяся о воспитаніи своего единственнаго сына. Гувернеромъ его былъ французскій эмигрантъ, *Comte de Crescy*, но вліяніе его ограничивалось главнымъ образомъ передачей французскаго языка и манеръ. Большему могъ научиться Алексѣй Сергѣевичъ у разныхъ учителей, дававшихъ ему уроки и приготовившихъ его къ поступленію, въ 1841 г., въ с.-петербургскій университетъ. Значительное вліяніе на его развитіе оказалъ отецъ, внушившій ему любовь къ классическимъ древностямъ и къ художественнымъ памятникамъ. Нѣкоторые образцы античнаго искусства онъ могъ видѣть уже съ дѣтства въ домѣ отца, между прочимъ, знаменитый мраморный саркофагъ, находящійся теперь въ Порѣчьи. Это подмосковное имѣніе (въ Можайскомъ уѣздѣ) было пожаловано гр. Алексѣю Григ. Разумовскому Императрицею Елисаветой, перешло затѣмъ къ Кириллу Гр. Разумовскому, къ сыну его Алексѣю Кирилловичу и наконецъ досталось его дочери, вышедшей замужъ за Уварова. Въ Порѣчьи, по лѣтамъ, часто жила С. С. Уваровъ въ бытность свою министромъ, и туда въ это время приглашались иногда профессора университета (Погодинъ, Спасскій, Шевыревъ, Грановскій и др.), которые читали даже лекціи — избранному кружку слушателей. На этихъ собраніяхъ и чтеніяхъ присутствовалъ иногда и Алексѣй Сергѣевичъ и, несомнѣнно, они должны были оказывать на него извѣстное вліяніе.

Въ 1845 г. гр. Алексѣй Сергѣевичъ окончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ кандидатомъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета, что соответствуетъ нынѣшнему историко-филологическому факультету. Изъ профессоровъ, у которыхъ онъ слушалъ лекціи, наибольшее вліяніе имѣлъ на него (по его собственнымъ словамъ) проф. греческой словесности Грефе. По окончаніи курса Алексѣй Сергѣевичъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, но предварительно былъ отправленъ отцомъ за границу — послушать лекціи въ берлинскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ. Это пребываніе за границей было, впрочемъ, непродолжительно, и въ началѣ слѣдующаго года онъ вернулся.

Въ это время онъ уже сталъ интересоваться древностями, собирать монеты, знакомиться съ археологической литературой. Онъ сблизился съ извѣстными нумизматами, — Бартоломеемъ, Кене, Сабатье и др., и въ 1846 году принялъ вмѣстѣ съ ними участіе въ образованіи «Археологическо-нумизматическаго Общества въ С.-Петербургѣ», учрежденнаго подъ предѣдательствомъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и получившаго впоследствии наименованіе «Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества». Изъ отчета о дѣятельности этого Общества за 25 лѣтъ, читаннаго въ торжественномъ собраніи, 7-го декабря 1871 г., видно, что гр. Алексѣй Сергѣевичъ принималъ дѣятельное участіе въ его трудахъ, и имя его упомянуто въ числѣ лицъ, «внесшихъ въ Общество болѣе или менѣе значительныя суммы», на которыя «учреждались преміи и предпринимались новыя изданія». Уже въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Общества, 10 Марта 1847 г., графъ Алексѣй Сергѣевичъ показывалъ свое собраніе древнихъ монетъ, битыхъ въ Италіи и Сициліи, и пріобрѣтенныхъ имъ во время заграничной поѣздки. Въ 1849 г. онъ пожертвовалъ 300 р. для преміи за сочиненіе на тему: «О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII в. въ отношеніи къ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ», а въ послѣдующіе годы далъ средства на учрежденіе еще двухъ премій на темы: «Историческое обзорнѣе финифтянаго и ценниннаго дѣла въ Россіи» и «Обзорнѣе историческое, библиографическое и критическое литературы русской археологій». Первыя двѣ преміи гр. Уварова получилъ И. Е. Забѣлинъ; на третью задачу отвѣта не послѣдовало. Кромѣ того, графъ жертвовалъ Обществу вещами (монетами), принималъ на свой счетъ изданіе греческаго рукописнаго подлинника для иконописцевъ, а также участвовалъ въ засѣданіяхъ Общества и въ трудахъ его членовъ — по разсмотрѣнію присылавшихся въ Общество статей и коллекцій. Въ 1857 году, по раздѣленіи Общества на три отдѣленія, графъ былъ избранъ управляющимъ Отдѣленіемъ Русской и Славянской Археологій, но скоро долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга и прекратить свое ближайшее участіе въ трудахъ Общества.

Въ 1848 году, находясь на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гр. А. С. Уваровъ былъ посланъ графомъ Нессельроде курьеромъ въ Неаполь и, по возвращеніи, представилъ докладъ, вызвавшій одобреніе министра. Карьера дипломата, однако, не удовлетворяла Алексѣя Сергѣевича, тѣмъ болѣе, что она должна была сопровождаться продолжительнымъ пребываніемъ за границей. Его интересовали болѣе научныя занятія, особенно археологическія раскопки, и онъ очень былъ радъ случаю, который позволилъ ему заняться археологическими изслѣдованіями на югѣ Россіи. Въ 1847 году предѣдатель Археологическаго Общества, герцогъ Лейхтенбергскій, возбудилъ вопросъ о способахъ болѣе полного изученія классическихъ памятниковъ на побережьи Чернаго моря и назначилъ комиссію для разработки этого вопроса. Комиссія пришла къ заключенію, что слѣдовало бы послать для таковаго изученія на мѣстѣ одного изъ членовъ

Археологическаго Общества, но остановилась передъ недостаткомъ средствъ для подобной экспедиціи. Тогда гр. А. С., по возвращеніи изъ Неаполя, предложилъ Обществу выполнить его желаніе на свой собственный счетъ, или, какъ онъ скромно выразился впоследствии въ печатномъ отчетѣ о своей экспедиціи, «рѣшилъ воспользоваться случаемъ для изученія южной окраины отечества, будучи увѣренъ, что такой трудъ требуетъ не столько знанія, сколько точности и добросовѣстности, и что, слѣдовательно, не превосходить его силъ». Герцогъ Лейхтенбергскій принялъ благосклонно предложеніе гр. А. С. и снабдилъ его инструкціей, выработанной комиссіей. Въ 1848 г. А. С. отправился на югъ Россіи, къ устьямъ Днѣпра, затѣмъ проѣхалъ все побережье Чернаго моря на западъ до устьевъ Дуная и на востокъ до Таманскаго полуострова. Всюду онъ дѣлалъ замѣтки, собиралъ свѣдѣнія, прибрѣталъ древности и производилъ раскопки. Особенно заинтересовало его мѣсто древней Ольвіи, съ котораго онъ снялъ подробный планъ и гдѣ ему удалось добыть много монетъ и другихъ древностей. Его сопровождалъ художникъ Вебель, который снималъ по его указаніямъ рисунки. По возвращеніи, онъ принялся за обработку результатовъ своего путешествія, которые и были имъ изданы на свой счетъ подъ заглавіемъ: «Исслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря», 2 вып., in 4°, съ атласомъ рисунковъ въ листъ, Спб.; 1851—1856, также, согласно желанію Общества, на французскомъ языкѣ («*Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale.*») Роскошное изданіе это (стоившее болѣе шести тысячъ рублей), заключающее въ себѣ цѣнныя данныя для археологіи Новороссійскаго края, Бессарабіи и Молдавіи, обратило на себя вниманіе ученыхъ и вызвало, между прочимъ, лестный отзывъ извѣстнаго знатока классическихъ древностей, профессора П. М. Леонтьева.

Предисловіе къ этому труду помѣчено: «Карачарово—1850». Карачарово, это — село на Окѣ, въ Муромскомъ уѣздѣ, — родина миѣнскаго Ильи Муромца, расположенное въ знаменитыхъ Муромскихъ лѣсахъ, 32,000 десятинъ коихъ перешли къ гр. Уварову отъ Разумовскихъ. Здѣсь прожилъ гр. А. С. съ 1850 по 1853 г., разъѣзжая лѣтомъ по Владимірской губ. и производя раскопки кургановъ. Въ это время гр. А. С. уже покинулъ министерство иностранныхъ дѣлъ и, по предложенію графа Л. А. Перовскаго, принялъ должность чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Графъ Перовскій былъ связанъ тѣсными узами съ семействомъ Разумовскихъ и относился къ Уварову, какъ къ родному. Какъ извѣстно, это былъ большой любитель древностей, понимавшій, притомъ, значеніе археологическихъ изслѣдованій въ Россіи; ему обязана наука, между прочимъ, систематическими раскопками, начатыми, по его распоряженію, въ Керчи, на Таманскомъ полуостровѣ, въ Херсонесѣ и т. д. Замѣтивъ страсть къ древностямъ въ молодомъ гр. Уваровѣ, онъ предложилъ ему произвести археологическія изслѣдованія въ Новгородѣ. Но гр. А. С., ссылаясь

на то, что въ Новгородѣ уже часто предпринимались раскопки, подалъ гр. Перовскому мысль начать изслѣдованія въ Суздаль и около Суздаля, какъ въ мѣстности еще нетронутой, а между тѣмъ имѣвшей важное значеніе въ отечественной исторіи. Гр. Перовскій принялъ предложеніе и весною 1851 г. командировалъ Уварова въ Суздаль для раскопки кургановъ. Раскопки эти, начатыя на средства министерства, производились затѣмъ на собственные средства графа, сперва подъ наблюденіемъ его самого, затѣмъ (съ 1853 года) подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога-нумизмата П. С. Савельева и другихъ лицъ. Всего до 1854 г. было здѣсь раскопано (въ Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ) 7,729 кургановъ, вещи изъ коихъ находятся теперь въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Результаты раскопокъ дали матеріалъ для обширнаго сочиненія: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ», напечатаннаго въ «Трудахъ 1-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 года». Ранѣе объ этихъ раскопкахъ графъ представилъ всеподданнѣйшій отчетъ, часть котораго была также напечатана («Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 г.» Спб. 1855.) Кромѣ того, во время своего пребыванія въ Суздаль графу А. С. Уварову удалось открыть заброшенную гробницу князя Д. М. Пожарскаго, которая съ тѣхъ поръ была спасена отъ забвенія, и, отчасти по его настояніямъ, могла получить соотвѣтственную обстановку въ видѣ открытой недавно излщной часовни.

Въ 1853 году гр. А. С. былъ командированъ гр. Перовскимъ снова въ южную Россію, гдѣ въ этотъ разъ производилъ раскопки въ развалинахъ древняго Херсонеса, увѣнчавшіяся, между прочимъ, открытіемъ въ сѣверной части города основанія замѣчательной древней церкви, въ формѣ базилики (называемой и теперь «Уваровской»), а также погребальнаго языческаго сглена. Свои изслѣдованія гр. Уваровъ окончилъ уже почти подъ громомъ непріятельскихъ выстрѣловъ и послѣшилъ въ свое имѣніе, откуда скоро выступилъ въ походъ, въ званіи капитана Владимірской ополченской дружины. Находясь въ Кишиневѣ, въ 1855 году, онъ получилъ извѣстіе о смерти отца († 4-го сентября 1855), что заставило его подать въ отставку и уѣхать въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ. Въ это время имъ было положено прочное основаніе своему музею и библіотекѣ, хотя много древностей имѣлось уже у него ранѣе, въ его петербургскомъ домѣ на Большой Морской, а что касается книгъ, то большое собраніе ихъ досталось ему отъ отца и дяди. Но гр. А. С. обогатилъ уже имѣвшееся пріобрѣтеніемъ извѣстнаго собранія рукописей Царскаго (если не ошибаемся — за 25,000 руб.) и Сахарова, а въ бытность свою въ 1856 году за границей пріобрѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ древнихъ художественныхъ памятниковъ, между прочимъ драгоцѣнное мозаичное изображеніе І. Христа, большихъ размѣровъ — съ острова Кипра. Что касается рукописей, то ихъ, въ собраніи гр. Уварова, уже въ 1858 г. насчитывалось до 1700, но съ тѣхъ поръ

VIII

число ихъ увеличилось значительно и продолжало пополняться до смерти графа, при чемъ въ послѣднее время рукописи пріобрѣтались большей частью въ Муромскомъ уѣздѣ, у раскольниковъ, чрезъ посредство одного довѣреннаго отъ графа лица. Рукописями гр. Уварова пользовались многіе русскіе ученые (Погодинъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, Ключевскій и др.) — для своихъ специальныхъ изслѣдованій. Въ 1858 году графъ предпринялъ было изданіе болѣе замѣчательныхъ рукописей въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Рукописи графа А. С. Уварова». Въ сожалѣнію, по разнымъ обстоятельствамъ, вышелъ только одинъ выпускъ этого изданія (1-й по второму историческому отдѣлу), заключающій въ себѣ преимущественно сочиненія Кирилла Туровскаго съ изслѣдованіемъ о сочиненіяхъ этого представителя русской письменности XII вѣка, — профессора Сухомлинова.

Въ 1856 году графъ Алексѣй Сергѣевичъ учредилъ въ память своего отца, при Академіи Наукъ, награды имени графа Уварова, съ цѣлью «поощрить русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторіею въ обширномъ значеніи слова» (сначала также и «драматическою словесностью»), обязуясь вносить для того ежегодно къ 25 сентября, начиная съ 1857 года, по 3000 р., что и было имъ выполняемо въ теченіи 27 лѣтъ. Значеніе этихъ наградъ было объяснено г. непрежѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ К. С. Веселовскимъ, въ торжественномъ засѣданіи 4 октября 1855 г. по случаю первой раздачи наградъ, — слѣдующимъ образомъ: «Со смертію графа Сергѣя Семеновича Уварова не кончилось вліяніе его на просвѣщеніе Россіи и на дѣятельность Академіи. Духъ отца живетъ въ сынѣ. Взлелѣанный просвѣщенною попечительностью и мудрыми совѣтами своего родителя, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ наследовалъ его любовь къ наукамъ, его горячее сочувствіе къ благу Россіи, ея народности и славы. Соединяя сыновнюю горячность съ высокою патриотическою мыслью и желая неразрывно связать память о знаменитомъ своемъ родителѣ съ существованіемъ Академіи, онъ возымѣлъ счастливую мысль воздвигнуть ему памятникъ «вѣчный, вѣчный» и съ этою цѣлью часть своего наследія употребить на учрежденіе, на вѣчныя времена, премій, которыя, вызывая благородное соревнованіе, дали бы новое оживленіе тѣмъ именно литературнымъ трудамъ, въ которыхъ наиболѣе выражается народное самосознаніе»...

По мысли учредителя, награды назначены для поощренія сочиненій историческихъ и драматическихъ. Какъ ни кажутся разнородными эти двѣ отрасли умственныхъ произведеній, соединеніе ихъ въ Уваровскомъ учрежденіи является однако естественнымъ слѣдствіемъ духа и цѣли онаго, или, лучше сказать, духъ и цѣль учрежденія всего яснѣе высказываются именно въ этомъ соединеніи. Драма есть художественный отпечатокъ народной жизни и историческаго развитія, она выставляетъ въ высшей чистотѣ духъ человѣческой, проявляющійся въ исторіи.

Однимъ изъ основныхъ положеній всей системы графа Сергѣя Семеновича Уварова, какъ государственнаго человѣка, была идея народности. Эта именно идея и лежитъ въ основѣ учрежденія его сына. Въ горячей любви своей къ Россіи и ко всему русскому, гр. Алексѣй Сергѣевичъ призываетъ къ участію въ учрежденныхъ имъ наградахъ лишь тѣ произведенія мысли, въ которыхъ отражается духъ народа, народное самосознаніе, въ возвышеннѣйшемъ его проявленіи — исторіи и драмѣ. Награды за историческіе труды раздѣляются на два разряда. Первые учреждены для такихъ, относящихся къ исторіи Россіи и славянскихъ странъ, сочиненій, которыя написаны на избранные самими авторами предметы, вторыя, названныя поощрительными, назначены для сочиненій, отвѣтныхъ на предлагаемыя Академіею задачи. Учрежденіе поощрительныхъ наградъ представляетъ Академіи возможность направлять вниманіе изслѣдователей на тѣ именно вопросы, которыхъ разработка особенно необходима въ связи съ общимъ состояніемъ историческихъ изслѣдованій въ Россіи.

Наградъ графа Уварова было удостоено болѣе ста лучшихъ русскихъ историческихъ и драматическихъ произведеній. Впрочемъ, награды за драматическія сочиненія были впоследствии отмѣнены, и вмѣсто нихъ, увеличено число премій за историческія изслѣдованія. Почти всѣ награды были присуждены за сочиненія, написанныя авторами на избранныя ими самими темы, а не на предложенныя Академіею, что побудило графа Алексѣя Сергѣевича, подъ конецъ его жизни, представить въ Академію записку о желательномъ имъ измѣненіи порядка присужденія его наградъ. Въ этой запискѣ графъ выразилъ желаніе, чтобы награды его имени присуждались, главнымъ образомъ, за археологическія изслѣдованія и чтобы темы этихъ изслѣдованій назначались особой комиссіею изъ академиковъ (занимающихся различными отдѣлами древностей) и выборныхъ представителей русскихъ Археологическихъ Обществъ. Намъ неизвѣстно, какая судьба постигла эту записку, но, во всякомъ случаѣ, послѣдники графа заявили публично, что они памѣрены поддерживать его учрежденіе и выдавать по прежнему, ежегодно, по три тысячи рублей на преміи имени графа Уварова.

Въ іюлѣ 1857 г. графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, въ каковой должности состоялъ по 1859 годъ, причемъ, за отсутствіемъ попечителя Бахметева нѣсколько разъ и подолгу управлялъ округомъ. Между прочимъ, въ это время, ему привелось открыть первую въ Россіи женскую гимназію, именно въ Твери. Выйдя въ отставку по весьма серьезнымъ причинамъ, не желая входить (какъ выражается профессоръ Д. А. Корсаковъ) въ какіе-либо компромиссы, графъ А. С. совсѣмъ удалился съ пути государственной службы и посвятилъ остальную жизнь исключительно наукѣ и общественной дѣятельности.

Въ 1859 г. графъ вступилъ въ бракъ съ княжной Прасковьею Сергѣевной

Щербатовой и отправился вскорѣ съ супругою за границу, гдѣ и пробылъ до начала 1861 года, оставаясь всего долѣе въ Италіи, особенно въ Римѣ. Здѣсь его страсть къ археологій и древнему искусству получила дальнѣйшее развитіе и болѣе опредѣленное направленіе. Онъ сталъ интересоваться по преимуществу византійскимъ искусствомъ, имѣвшимъ такое важное вліяніе на русское и, просматривая въ Ватиканѣ греческія рукописи и византійскія миниатюры, заинтересовался особенно въпросомъ о христіанской символикѣ. Изъ-за границы графъ вернулся въ Россію въ годъ отмѣны крѣпостнаго права и прожилъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Порѣчьи, устраняя свои дѣла съ крестьянами (ихъ было, во всѣхъ имѣніяхъ, около 16,000), служа по выборамъ (два трехлѣтія въ должности предводителя можайскаго дворянства) и вводя въ уѣздѣ земскія учрежденія. Въ то же время онъ устраивалъ въ Порѣчьи музей и бібліотеку, перевезъ сюда всѣ свои собранія изъ Петербурга, и обдумалъ мысль объ основаніи въ Москвѣ Археологическаго Общества. Переехавъ на зиму 1864 г. на жительство въ Москву, гр. А. С. сталъ приглашать къ себѣ извѣстныхъ ему лицъ, занимающихся археологіей, какъ-то: Ешевскаго, Герца, Брыкина, Сонцова, Филимонова, Андреева, Гатцука и др. и устраивалъ у себя ученые бесѣды съ цѣлью общаго сообщенія и обсужденія вопроса объ основаніи Общества. Составленъ былъ проектъ устава и посланъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 19-го сентября того же года. Съ 4-го октября начались уже распорядительныя засѣданія Общества, а 3-го ноября состоялось 1-е обыкновенное собраніе, которое гр. Уваровъ открылъ рѣчью: «о дѣятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу». Въ этой рѣчи, послѣ краткаго обзора исторіи археологій, графъ указалъ на главную задачу новаго Общества — изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ старины. «Какъ рѣдко, — выразился онъ, — пытались спросить у самой земли рѣшенія такихъ вопросовъ, которые остаются темными въ нашихъ лѣтописяхъ. А между тѣмъ мы понимаемъ, какъ важны для исторіи и для археологій раскопки могилъ и кургановъ. Необходимость такихъ раскопокъ доказана результатами изслѣдованій Копенгагенскаго Общества. Въ нѣдрахъ русской земли мы также найдемъ издѣлья каменные и бронзовые, которые могутъ свидѣтельствовать о степени развитія древней Руси и пояснить намъ обширность ея сношеній. Какъ звено между Сѣверомъ и Византією, между Азією и Западомъ — Россія общается для науки болѣе обильную жатву, чѣмъ скандинавскія страны». Указавъ затѣмъ на необходимость принятія мѣръ къ охраненію памятниковъ старины отъ разрушенія, онъ высказалъ мнѣніе, что «самую дѣйствительную и коренную мѣру для уничтоженія равнодушія къ русскимъ древностямъ и для возбужденія общаго живаго участія въ русской археологій слѣдуетъ признать — «ученые съѣзды».

Новое Общество, въ составъ котораго скоро вошли: Котляревскій, Погодинъ, Соловьевъ, Аванасьевъ, Шловайскій, Забѣлицъ и др., начало мало-по-малу проявлять свою дѣятельность. Оно основало свой органъ: *Древности*, выходящій и до сихъ поръ несрочными выпусками (въ 1867 г. было издано еще 6 выпусковъ *Археологическаго Вѣстника*), стало собирать древнія вещи, обмѣниваться изданіями и т. д. Гр. Уваровъ былъ постоянно душою и двигателемъ Общества, принималъ самое живое участіе въ его ученой дѣятельности, ставилъ новые вопросы и задачи, хлопоталъ объ его матеріальномъ снабженіи и помогалъ собственными средствами, когда въ томъ оказывалась необходимость. Первые расходы Общества были въ значительной степени покрыты на средства графа, который выхлопоталъ за тѣмъ правительственную субсидію, въ 1868 г. — домъ для помѣщенія Общества (такъ называемый Курьерскій домъ на Берсеневкѣ, переданный покойнымъ Государемъ въ собственность Обществу), затѣмъ наименованіе «Императорскаго» и въ 1882 г. — увеличеніе ежегодной субсидіи до 5000 р. — Въ теченіи двадцати лѣтъ, когда гр. Уваровъ стоялъ во главѣ Московскаго Археологическаго Общества, имъ было сдѣлано въ сѣданіяхъ послѣдняго болѣе 70 ученыхъ сообщеній (по списку, составленному проф. С. М. Шплевскимъ) и демонстрировано болѣе 80 предметовъ и коллекцій древностей. Графомъ былъ поднятъ также вопросъ о составленіи объясненій разныхъ археологическихъ терминовъ, которыя и стали прилагаться къ «Трудамъ» Общества подъ названіемъ «Матеріаловъ для Археологическаго Словаря». Самимъ графомъ были составлены объясненія болѣе тридцати словъ; изъ нихъ нѣкоторыя представляютъ цѣлыя обширныя ученныя изслѣдованія. Затѣмъ графу же принадлежитъ инициатива болѣе двадцати ученыхъ предпріятій (раскопокъ и др.), исходившихъ отъ Общества, — возбужденіе вопроса объ Археологическихъ Съездахъ, — о преподаваніи археологіи, — о публичныхъ чтеніяхъ по различнымъ отдѣламъ древностей (бывшихъ одинъ годъ въ помѣщеніи Археологическаго Общества), — о составленіи легенды для русскихъ археологическихъ картъ, — о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ старины и др.

Важная заслуга была оказана графомъ А. С. Уваровымъ русской археологіи — организацией археологическихъ съездовъ. Выше было сказано, что уже при самомъ открытіи дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества графъ говорилъ о пользѣ, которую бы могли принести наукѣ съезды русскихъ археологовъ. Вскорѣ, по его инициативѣ, была основана при Обществѣ особая коммиссія для разработки этого вопроса и начаты были сношенія съ другими учеными Обществами и отдѣльными лицами по вопросу о созывѣ перваго Археологическаго Съезда. Съ общаго соглашенія рѣшено было созвать первый съездъ въ Москвѣ, а совѣщанія предварительнаго комитета устроить въ Петербургѣ. Исходатайствовано было Высочайшее разрѣшеніе на открытіе съезда, которое и послѣдовало 16 марта 1869 года. Графъ Уваровъ, состоявшій предѣдате-

лемъ предварительнаго комитета, былъ избранъ и предсѣдателемъ совѣта съѣзда. Онъ сдѣлалъ въ засѣданіяхъ его нѣсколько важныхъ научныхъ сообщеній и былъ вообще главнымъ организаторомъ, душою и руководителемъ съѣзда, какъ то и заявилъ на послѣднемъ засѣданіи академикъ М. И. Сухоминовъ. Но этого мало; графъ принялъ также на себя и изданіе «Трудовъ» этого перваго съѣзда, составившихъ два большихъ тома in 4° и одинъ томъ рисунковъ — въ листъ. — Когда дошла очередь до организациі втораго съѣзда въ Петербургѣ, — взоры всѣхъ остановились опять на графѣ Уваровѣ. Въ изложеніи дѣйствій предварительнаго комитета Петербургскаго съѣзда значится, что «члены комитета, приступая къ избранію себѣ предсѣдателя и руководителя преній, естественно и единогласно остановились на графѣ Уваровѣ. Его обширныя и многостороннія познанія въ археологіи и важныя практическія изслѣдованія кургановъ и памятниковъ древней церковной архитектуры приобрѣли ему почетную извѣстность въ ряду русскихъ ученыхъ. Но сверхъ того, и еще болѣе, русская археологія обязана ему тѣмъ, что онъ первый поднялъ мысль о съѣздѣ археологовъ и, осуществивъ ее въ 1869 г. въ Москвѣ, свелъ лицомъ къ лицу людей, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи по любви къ одной и той же наукѣ и по живому участию къ отечественнымъ памятникамъ. Однако графъ положительно отклонилъ отъ себя предсѣдательство въ комитетѣ на томъ основаніи, что имѣя постоянное пребываніе въ Москвѣ, не можетъ оставаться на долгое время въ Петербургѣ, гдѣ назначенъ съѣздъ. Комитетъ единогласно просилъ его сохранить званіе предсѣдателя номинально; но онъ отказался и отъ этого предложенія и, обѣщая полную готовность содѣйствовать своими трудами устройству предстоящаго съѣзда, согласился только принять званіе помощника предсѣдателя». — Графъ принялъ, однако, дѣятельное участіе въ трудахъ и этого съѣзда, состоялъ предсѣдателемъ ученаго комитета его и предсѣдателемъ отдѣленія первобытныхъ древностей, дѣлалъ сообщенія по нѣсколькимъ вопросамъ и принималъ живое участіе въ преніяхъ. Въ послѣднемъ засѣданіи, когда былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ III-го Археологическаго Съѣзда, въ Кіевѣ, проф. Н. И. Срезневскій выразилъ желаніе, чтобы графъ Уваровъ взялъ на себя созывъ и этого съѣзда. Но графъ Уваровъ заявилъ, что подобное закрѣпощеніе идеи за однимъ лицомъ онъ считаетъ положительно вреднымъ для дѣла и что инициатива въ этомъ случаѣ должна исходить изъ Кіева. Тѣмъ не менѣе, графъ ѣздилъ въ Кіевъ для совѣщаній въ предварительномъ комитетѣ съѣзда, а при открытіи самаго съѣзда (2-го августа 1884) былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта, предсѣдателемъ ученаго комитета и предсѣдателемъ отдѣленія по первобытнымъ древностямъ, и въ этомъ званіи немало содѣйствовалъ правильной организациі засѣданій и устраненію излишней горячности преній. — Въ печатаніи «Трудовъ» этого съѣзда (составившихъ 2 тома in 4° съ атласомъ изъ 25 таблицъ въ листъ) графъ принялъ

также живое участіе, и въ предисловіи къ «Трудамъ» сказано, что изданіе ихъ обязано тѣмъ средствамъ, какія были съ одной стороны назначены для сего г. министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, по ходатайству предѣдателя съѣзда, гр. А. С. Уварова, а съ другой — доставлены и самимъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отечествѣ».

Въ устройствѣ слѣдующаго, IV-го Казанскаго съѣзда, графъ принялъ тоже весьма дѣятельное участіе, начиная съ трудовъ его предварительнаго комитета, собравшагося въ Петербургѣ, въ августѣ 1876 года, во время сессіи III-го международнаго конгресса ориенталистовъ. «Графъ Уваровъ (рассказываетъ проф. Д. А. Корсаковъ, работавшій съ нимъ въ это время) входилъ во всѣ мелочи устройства будущаго Казанскаго съѣзда, разспрашивалъ меня о разныхъ мѣстныхъ условіяхъ и надавалъ мнѣ массу ученыхъ порученій для исполненія ихъ къ съѣзду въ Казани. Онъ диктовалъ мнѣ эти порученія и самъ редактировалъ и писалъ собственноручно большую часть вопросовъ и запросовъ, вошедшихъ въ программу IV Археологическаго съѣзда. Нѣсколько дней къ ряду, безъ усталки, и утромъ и вечеромъ, занимались мы съ графомъ, въ его номерѣ въ гостинницѣ Демута, этими предварительными работами, не обращая вниманія на праздничные и табельные дни и на разные оффиціальныя и оффиціозныя приглашенія, которыя получалъ графъ Уваровъ по случаю съѣзда ориенталистовъ; графъ пропускалъ разные званые обѣды, вечера и рауты — и все сидѣлъ со мной, занимаясь Казанскимъ съѣздомъ.... Когда я уѣхалъ въ Казань, графъ и телеграммами, и письмами постоянно дѣлалъ мнѣ указанія, наставленія, порученія по Казанскому съѣзду. Зимой 1876 года было опять засѣданіе предварительнаго комитета въ Москвѣ — и опять та же прилежная работа со стороны гр. Уварова. Съ начала весны слѣдующаго 1877 года графъ отправился въ свои археологическія экскурсіи и по своимъ многочисленнымъ имѣніямъ, и отовсюду: изъ Владиміра, и изъ Мурома, и изъ Порѣчья, и изъ Пензенской губерніи — велъ со мной дѣятельную переписку объ организаци Казанскаго съѣзда. Приближалось время открытія самаго съѣзда. За двѣ недѣли до его открытія прибылъ графъ Уваровъ въ Казань и, почти прямо съ парохода отправился въ университетъ и принялся вмѣстѣ со мной за внѣшнее устройство съѣзда и выставки при немъ». «Прибывъ въ Казань за двѣ недѣли до открытія съѣзда (говоритъ другой свидѣтель трудовъ графа Уварова, проф. С. М. Шпилевскій), графъ явился поучительнымъ примѣромъ неутомимаго работника: онъ принялъ на себя всю черную работу по устройству археологической выставки, самъ приводилъ въ порядокъ и систему предметы выставки, наклеивалъ на нихъ ярлыки, составляя каталогъ и проч. Для этой выставки онъ привезъ изъ Москвы свою коллекцію каменныхъ орудій; изъ своего знаменитаго собранія рукописей онъ привезъ относящіяся до исторіи

Казани, которыя передалъ мнѣ на разсмотрѣніе. Графъ принялъ на себя должности предсѣдателя съѣзда и совѣта, предсѣдателя отдѣленія первобытныхъ древностей и предсѣдателя ученаго комитета». «Графъ Алексѣй Сергѣевичъ, — замѣчаетъ П. Д. Шестаковъ — былъ какъ бы прирожденнымъ предсѣдателемъ съѣзда, онъ былъ и душою, хозяиномъ, руководителемъ съѣзда и первымъ его работникомъ. Онъ всегда былъ готовъ съ совѣтомъ и помощію. Онъ съ уваженіемъ и привѣтомъ относился къ труду каждаго члена; своимъ внутреннимъ огнемъ, не перестававшимъ горѣть въ немъ и тогда, онъ согревалъ дѣятелей и вносилъ жизнь въ дѣло, умѣлъ возбуждать оживленные и жаркіе споры по научнымъ вопросамъ и вмѣстѣ поддерживать дружественныя отношенія между сочленами. Какъ человекъ, съ полною любовью предавшійся изученію избранной имъ науки и обладавшій основательными въ ней знаніями, графъ Алексѣй Сергѣевичъ по праву могъ и долженъ былъ быть предсѣдателемъ Археологическихъ съѣздовъ. Къ его голосу, къ его указаніямъ и мнѣніямъ члены прислушивались съ глубокимъ уваженіемъ» *). На Казанскомъ съѣздѣ графъ сдѣлалъ три реферата, которые вошли потомъ въ его «Археологію Россіи».

Но особенно много потрудился графъ Алексѣй Сергѣевичъ для V-го Тифлискаго съѣзда, на подготовкѣ котораго Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, бывшій тогда Намѣстникомъ Кавказа, назначилъ субсидію по пяти тысячъ въ теченіи трехъ лѣтъ, пригласивъ въ то же время графа къ руководству учеными экспедиціями по Кавказу. Подготовительный комитетъ этого съѣзда, подъ предсѣдательствомъ графа Уварова, былъ образованъ въ 1878 году въ Москвѣ, и въ первомъ же засѣданіи его графъ изложилъ общій очеркъ программы для изученія кавказскихъ древностей и указалъ на необходимость изслѣдованія кавказскихъ пещеръ, могильниковъ и кургановъ. Отправлено было нѣсколько экспедицій въ разные пункты Кавказа и отчеты объ этихъ экспедиціяхъ, вмѣстѣ съ разными другими сообщеніями, дали матеріалъ для большаго тома (болѣе 600 стр. in 4°) «Трудовъ» Подготовительнаго Комитета съѣзда. Другой подготовительный комитетъ былъ организованъ графомъ въ 1879 г. въ Тифлисѣ и дѣйствовалъ потомъ подъ предсѣдательствомъ генерала А. В. Комарова. Самъ графъ тоже принималъ участіе въ экспедиціяхъ и объѣхалъ въ 1879 и 1880 г. значительную часть Кавказа, производя мѣстами и раскопки. Въ засѣданіяхъ съѣзда графъ сдѣлалъ три реферата: «О Дербентскихъ курганахъ», «Объ обсидановыхъ орудіяхъ, найденныхъ на Ваякѣ» и «О бронзовыхъ древностяхъ Кавказа», не считая еще нѣсколькихъ мелкихъ сообщеній.

Шестой съѣздъ въ Одессѣ также сталъ готовиться при участіи графа Уварова, создавшаго въ Москвѣ подготовительный комитетъ съ участіемъ пред-

*) «Памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. 17 января 1885 г.».

ставителей разных ученых обществ и учреждений. Въ этомъ комитетѣ былъ поставленъ рядъ вопросовъ и намѣчены нѣкоторыя желательныя экспедиціи, но затѣмъ продолжительная болѣзнь помѣшала графу принять ближайшее участіе въ организаціи съѣзда. Тѣмъ не менѣе, больной съ ослабленными силами, онъ все таки явился на съѣздѣ, принималъ участіе въ занятіяхъ ученаго комитета и даже сдѣлалъ нѣсколько сообщеній въ засѣданіяхъ съѣзда. Вообще можно сказать, что графъ не переставалъ трудиться для созданныхъ по его иниціативѣ учреждений (Съѣздовъ и Московскаго Археологическаго Общества) — до послѣднихъ дней своей многотрудной жизни.

Ученые труды гр. Уварова, со времени основанія Московскаго Археологическаго Общества и русскихъ археологическихъ съѣздовъ, помѣщались, почти исключительно, въ «Трудахъ» этихъ учреждений. Въ шестидесятыхъ годахъ главное вниманіе графа было обращено на христіанскую символику, изученіе которой дало матеріалъ для нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ «Древностяхъ». Впослѣдствіи графъ занялся по преимуществу первобытною археологіей, тѣмъ не менѣе христіанская символика не была имъ заброшена. Напротивъ, онъ написалъ толстѣйшую тетрадь по этому предмету и изготовилъ массу рисунковъ, большая часть которыхъ была даже вырѣзана на деревѣ. Вдова покойнаго, графиня Прасковья Сергѣевна Уварова имѣетъ, какъ мы слышали, намѣреніе издать этотъ почтенный трудъ со всѣми сдѣланными къ нему изображеніями.

Въ «Трудахъ» I-го съѣзда графомъ была помѣщена обширная статья: «Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ», а въ «Трудахъ» II-го съѣзда — другая статья по тому же предмету: «Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси». — Ислѣдованія по доисторической археологіи были начаты гр. Уваровымъ съ раскопокъ кургановъ Владимірской губерніи, давшихъ матеріалъ для обширнаго труда: «Меряне и ихъ бытъ» — въ «Трудахъ» I-го съѣзда. Трудъ этотъ былъ удостоенъ отъ Императорскаго Географическаго Общества высшей награды — Константиновской медали, а С.-Петербургскій Университетъ поднесъ за него графу Уварову дипломъ почетнаго доктора русской исторіи. Въ 1869 г., осенью, графъ присутствовалъ на 4-мъ (Копенгагенскомъ) международномъ конгрессѣ по доисторической Археологіи, о которомъ имъ была написана статья, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы». Въ «Древностяхъ» за 1873 г. графъ помѣстилъ статью: «О признакахъ народности могильныхъ насыпей», а за 1876 г. — «Мегалитическіе памятники въ Россіи», причемъ онъ воспользовался результатами своихъ раскопокъ, произведенныхъ въ каменныхъ гробницахъ и дольменахъ Крыма. Находки, сдѣланныя въ 70-хъ годахъ по берегамъ Оки, около Муромъ, — древнихъ каменныхъ издѣлій побудили его заняться основательнымъ обследованіемъ этихъ мѣстностей, что, въ связи съ обстоятельнымъ изученіемъ литературы по

каменному вѣку, дало ему возможность написать обширное сочиненіе: «Археологія Россіи. Каменный Періодъ». М. 1881, одинъ томъ текста и одинъ — рисунковъ, гт. 8°. Въ послѣдніе годы графъ занимался собираніемъ матеріаловъ по бронзовому вѣку въ Россіи, а также оставилъ ненапечатанною вторую часть своего труда — о мегалитическихъ памятникахъ въ Россіи, для которой были уже сдѣланы и рисунки. Кромѣ того, онъ интересовался раскопками кургановъ въ Смоленской губерніи, производимыми отчасти подъ его личнымъ наблюденіемъ, отчасти, по его указаніямъ, В. И. Сизовымъ, а также отысканіемъ мѣстонахожденія на Дону древняго Саргела, для чего была отправлена специальная экспедиція — въ лицѣ того же В. И. Сизова.

Труды графа Уварова вызвали справедливую оцѣнку ихъ въ средѣ русскихъ и иностранныхъ археологовъ. Графъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи наукъ, двухъ университетовъ, Казанской Духовной Академіи, многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ и получилъ званіе почетнаго доктора русской исторіи. Въ 1875 г., при празднованіи десятилѣтія Московскаго Археологическаго Общества графу было прислано много поздравительныхъ адресовъ; въ томъ числѣ въ адресъ предсѣдателя Филологическаго Общества, академика и профессора И. И. Срезневскаго, мы встрѣчаемъ слѣдующее прочувствованное обращеніе къ гр. А. С.: «Важныя заслуги ваши въ дѣлѣ просвѣщенія, выразившіяся не только множествомъ вашихъ собственныхъ научныхъ трудовъ, но и разнообразными поощреніями другихъ къ подобнымъ трудамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — починомъ, веденіемъ и довершеніемъ разныхъ научныхъ предпріятій, не могли не утвердить всюду къ вамъ глубокое уваженіе, а въ сердцахъ русскихъ людей, любящихъ отечество, вмѣстѣ съ уваженіемъ и глубокую благодарность». На V археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, — если не ошибаюсь, самомъ многочисленномъ по количеству участвовавшихъ, — гр. Уваровъ былъ почтенъ восторженными оваціями и по инициативѣ Д. Я. Самохвасова и Л. П. Майкова, было сдѣлано постановленіе — о поднесеніи ему золотой медали, съ его портретомъ. Медаль была изготовлена на средства, собранныя по подпискѣ между членами археологическихъ обществъ, и торжественно поднесена графу въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 2-го октября 1882 г., прибывшими изъ Петербурга, гг. Иверсеномъ и Ивановскимъ.

На шестомъ съѣздѣ, въ Одессѣ, графъ имѣлъ случай убѣдиться еще разъ, съ какимъ уваженіемъ и сочувствіемъ относятся къ нему представители различныхъ отраслей исторіи, — сочувствіемъ, которое выразилось, между прочимъ, и въ прощальной рѣчи (при окончаніи экскурсіи въ Крымъ), произнесенной профессоромъ университета св. Владиміра, В. В. Антоновичемъ.

Весьма много занимали графа Уварова заботы о сохраненіи русскихъ памятниковъ. Когда до свѣдѣнія его дошло, что передѣлки въ Покровской церкви при Боголюбовомъ монастырѣ соединяются съ истребленіемъ важныхъ памятни-

ковъ древности, графъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ Владимірскому архіепископу, самъ ѣздилъ въ Боголюбовъ и, убѣдившись въ истребленіи древнихъ фресокъ, просилъ оберъ-прокурора Св. Синода принять зависимыя отъ него мѣры къ охраненію на будущее время нашихъ памятниковъ отъ подобныхъ поврежденій. Только, благодаря вліянію графа Уварова, удалось сохранить въ неприкосновенности бібліотеку Синодальной типографіи и достигнуть возстановленія древнихъ палатъ Московскаго Печатнаго двора. Въ 1876 г. графъ Уваровъ состоялъ членомъ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, для обсужденія представленнаго вторымъ съѣздомъ проекта о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности и, несомнѣнно, что лишь благодаря его усиліямъ состоялось распоряженіе, чтобы при передѣлкахъ и сломкахъ старинныхъ церквей было испрашиваемо предварительно мнѣніе Археологическихъ обществъ.

Заботясь о сохраненіи памятниковъ, гр. Уваровъ старался и о томъ, чтобы они, по возможности, были сконцентрированы въ музеяхъ и доступны для изученія. Много предметовъ было собрано и приобрѣтено имъ лично для своего музея въ Порѣчьи, гдѣ двѣ обширныя залы сплошь заставлены витринами съ разными первобытными и христіанскими древностями, занимающими также всѣ стѣны, а одна зала посвящена спеціально рукописямъ. Тутъ можно видѣть древности каменнаго вѣка, богатую коллекцію бронзовыхъ древностей съ Кавказа (приобрѣтенную, главнымъ образомъ, въ Осетіи, чрезъ посредство г. Ольшевскаго отъ Банукова), многіе предметы изъ кургановъ, изъ раскопокъ около Десятинной церкви въ Кіевѣ, греческія древности и превосходное собраніе древнихъ образовъ, крестовъ, шитыхъ иконъ, рѣзныхъ издѣлій и т. д., весьма цѣнное для изученія византійскаго и древне-русскаго искусства и христіанской символики. Графа Уварова очень занимала мысль о составленіи каталога своего музея, но осуществить эту мысль при жизни ему не удалось, хотя многіе матеріалы для такой описи имъ и были подготовлены. Вдова покойнаго, графиня Прасковья Сергѣевна Уварова рѣшила докончить это дѣло и, при содѣйствіи специалистовъ, составила подробное описаніе нѣкоторыхъ отдѣловъ музея, которое уже и начато печатаніемъ. Каталогъ предполагается иллюстрированнымъ, снабженнымъ множествомъ рисунковъ, болѣею частью, на отдѣльныхъ таблицахъ, и въ натуральную величину. Несомнѣнно, что такое изданіе будетъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ археологів и весьма важнымъ для всѣхъ лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ отдѣломъ русскихъ древностей.

Въ послѣдніе годы главная дѣятельность графа Уварова была направлена на организацію Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ. Назначенный товарищемъ предсѣдателя музея, Великаго Князя Сергія Александровича и предсѣдателемъ строительной комиссіи, гр. Уваровъ положилъ много труда и здоровья на выработку проектовъ отдѣлки различныхъ частей и залъ Музея, на

наблюденіе за работами, на собираніе, размѣщеніе и описаніе коллекцій, на борьбу съ разными тормозившими дѣло условіями. При его ближайшемъ участіи выработывались проекты орнаментаціи различныхъ залъ; онъ придумывалъ темы для картинъ и заказывалъ ихъ извѣстнымъ художникамъ; составлялъ списки древностей и посылалъ для снятія съ нихъ слѣпковъ художниковъ; отыскивалъ и пріобрѣталъ для Музея подходящія коллекціи; распредѣлялъ ихъ по заламъ и составлялъ имъ каталогъ. Ему удалось пріобрѣсти богатѣйшую коллекцію южно-русскихъ классическихъ древностей отъ П. О. Бурачкова, за весьма умѣренную сумму, а также многія другія коллекціи меньшихъ размѣровъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и Московскимъ университетомъ — относительно передачи въ Историческій Музей всѣхъ коллекцій бывшей въ 1879 году, въ Москвѣ, Антропологической выставки, которыя въ 1883 году и поступили въ Музей, обогативъ значительно собранія древностей по каменному, бронзовому вѣкамъ и различнымъ группамъ кургановъ, и положивъ основаніе обширной краіологической коллекціи, способной служить важнымъ подспорьемъ при работѣ многихъ вопросовъ, касающихся древнихъ народностей, заселявшихъ русскую землю. Заботясь объ устройствѣ музея, графъ передалъ ему многія собственныя коллекціи древностей, а также пріобрѣлъ рядъ слѣпковъ и копій съ замѣчательныхъ Кіевскихъ и Новгородскихъ древностей, и большое собраніе рисунковъ и фотографій. По предложенію графа, Московское Археологическое Общество передало Историческому Музею всѣ болѣе замѣчательныя предметы изъ своего музея, для пріобрѣтенія коихъ имъ было потрачено не мало средствъ, въ видѣ субсидій различнымъ экспедиціямъ и раскопкамъ. Въ короткое, сравнительно, время, графу удалось устроить и наполнить десять первыхъ залъ Музея, выработать проекты отдѣлки для большей части прочихъ залъ и собрать рядъ предметовъ, могущихъ служить для ихъ начальной обстановки. Всѣ, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ ученой дѣятельности графа по Музею сохранили самую живую память о проявленной имъ въ этоъ дѣлѣ энергіи. Но заботой о наполненіи залъ далеко не исчерпывались стремленія графа Уварова. Онъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Музея — живое учрежденіе, которое бы не только хранило болѣе или менѣе случайно поступающія въ него древности, но и добывало ихъ согласно намѣченнымъ цѣлямъ, организовало экспедиціи и раскопки, привлекало къ участію въ своей дѣятельности специалистовъ, занималось изученіемъ и описаніемъ древностей, распространяло бы археологическія свѣденія въ публикѣ, путемъ каталоговъ, бібліотеки, издаваемого при Музеѣ журнала, публичныхъ чтеній и т. д., однимъ словомъ — было бы центромъ археологическихъ изученій и занятій въ нашемъ отечествѣ.

Ученая и организаторская дѣятельность графа Уварова была вообще настолько обширна и многосторонна, что въ настоящемъ краткомъ біографическомъ

очеркъ не можетъ быть и рѣчи о полной и всесторонней ея оцѣнкѣ. Мы позволимъ себѣ только привести (въ извлеченіи) отзывъ одного изъ представителей русской исторической науки, профессора Казанскаго университета Д. А. Корсакова *) какъ выражающій, по нашему мнѣнію, довольно вѣрно значеніе графа А. С. Уварова въ области русской археологіи.

«Въ изученіи русской археологіи графъ Уваровъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто. . . До графа Уварова русская археологія имѣла многихъ почтенныхъ ученыхъ представителей и дѣятелей, но дѣятельность этихъ ученыхъ была одинока, разобщена, не была организована и вращалась лишь въ весьма небольшомъ кругу специалистовъ, ученыхъ и любителей; публика относилась совершенно безучастно къ археологіи. Русскій археологъ занимался въ то время частными изслѣдованіями; не доставало обобщенія въ его трудахъ, не доставало руководящей нити въ его изслѣдованіяхъ. Были, правда, попытки провести это обобщеніе, но онѣ принадлежали дилетантамъ-археологамъ и не всегда имѣли достаточно научныхъ основаній. . . Графъ Уваровъ не былъ дилетантомъ науки. Онъ былъ меценатъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезный ученый, самъ трудившійся, побуждавшій другихъ къ ученому труду и имѣвшій серьезную, обширную научную подготовку для своей дѣятельности въ области археологіи. . . Графъ Алексѣй Сергѣевичъ самъ добылъ цѣлый рядъ новыхъ весьма важныхъ фактовъ для русской археологіи, обобщилъ какъ эти факты, такъ и прежде добытые; далъ программу для изученія русской археологіи, организовалъ это изученіе учрежденіемъ цѣлаго ряда ученыхъ обществъ и съѣздовъ, и распространялъ свѣдѣнія по археологіи — въ публикѣ. . . Какъ ни отрѣшена, повидимому, археологія отъ переживаемой нами дѣйствительности, но то отношеніе, въ какое стала къ ней графъ Алексѣй Сергѣевичъ, дѣлаетъ и археологію живымъ элементомъ современности.

«Русская археологія есть одно изъ вспомогательныхъ знаній при изученіи исторіи Россіи, знаніе столь важное, что безъ него становятся непонятными цѣлыя группы явленій изъ прошлой жизни нашего народа, а жизненность исторической русской науки не подлежитъ никакому сомнѣнію. Исторія народа является однимъ изъ источниковъ его самосознанія, и знать русскій народъ, изучать его — обязанъ всякій серьезный общественный русскій дѣятель. Каждый дѣятель на поприщѣ русской исторической науки способствуетъ историческому пониманію русскаго народа, его самосознанію.

*) Рѣчь прое. Д. А. Корсакова въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 января 1885.

«Почившій графъ Алексѣй Сергѣевичъ совершилъ въ этомъ отношеніи великій подвигъ на пользу своей родины, своего народа. Да послужитъ же его благородная, независимая личность примѣромъ для подражанія... Да побуждаетъ насъ постоянно память о почившемъ на служеніе родинѣ и родной наукѣ съ такой силой духа и съ такой независимостью и стойкостью убѣжденій, какими отличался графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ!»

Д. Н. Анциковъ.

Правила, выработанныя Предварительнымъ Комитетомъ и утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 30 іюля 1883 г.

1. Съѣздъ открывается въ Одессѣ 15-го Августа 1884 года и будетъ продолжаться до 1-го Сентября.

2. За недѣлю до открытія Съѣзда, а именно 8-го Августа 1884 г. открываетъ свои дѣйствія въ Одессѣ Совѣтъ Съѣзда.

3. Совѣтъ Съѣзда составляютъ а) всѣ прибывшіе къ Съѣзду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и Археологическихъ Обществъ, коихъ представителей не было въ Предварительномъ Комитетѣ.

4. Членами Съѣзда признаются всѣ лица, изъявившія согласіе принять участіе въ занятіяхъ Съѣзда и внесшія 3 руб. 60 коп. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съѣзда и участвовать въ его занятіяхъ. Но участіе въ экскурсіяхъ Съѣзда могутъ принимать только тѣ лица, которыя получаютъ на это особенное приглашеніе со стороны Распорядительнаго Комитета.

5. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскаго взноса.

6. Записываться въ члены Съѣзда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно: въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ Предварительномъ Комитетѣ въ Одессѣ, въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ въ С.-Петербургѣ и у членовъ-корреспондентовъ.

7. Съѣздъ раздѣляется на 8 отдѣленій: I. Памятники первобытныя; II. Памятники языческія; III. Памятники классическія; IV. Памятники общественнаго и домашняго быта; V. Памятники юридическія; VI. Памятники искусствъ и художествъ; VII. Памятники письменности и языка; VIII. Памятники исторической географіи и этнографіи. Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ увеличить число отдѣленій или слить нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ. Кроме того на Съѣздѣ обсуждаются вопросы обще-археологическія.

8. При Създѣ предполагается устроить археологическую выставку.

9. Въ секретари Създа и отдѣлений его приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Създа. Секретари признаются членами Совѣта Създа.

10. Всякій членъ Създа можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

11. Совѣтъ Създа, въ первомъ засѣданіи своемъ, избираетъ изъ среды своей предсѣдателя совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ, на все время Създа. Независимо отъ сего, совѣтъ въ томъ-же засѣданіи, раздѣляется по числу отдѣлений създа, на комиссіи, впредь до открытія отдѣлений, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей и секретарей.

12. Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частию и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Създа.

13. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Совѣтомъ, входитъ казначей Създа.

14. Предсѣдатели и секретари отдѣлений и секретари Създа составляютъ Ученый Комитетъ Създа.

15. Ученый Комитетъ руководитъ всею ученою частию Създа и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

16. Комитеты Распорядительный и Ученый сами избираютъ своихъ предсѣдателей, Комитеты засѣдаютъ ежедневно, въ продолженіи всего Създа.

17. Совѣтъ Създа и комиссіи Совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая Комиссія вправе избирать въ свои члены, изъ среды Създа, ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ предсѣдатели Комиссій доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта.

18. Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ — Ученаго и Распорядительнаго, а равно и Комиссій Совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

19. Засѣданія Създа бываютъ общія и частныя, по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются тѣ предметы, которые относятся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣльно обсуждаются спеціальные вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

20. Засѣданія Совѣта всѣ публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Одесскій распорядительный комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

21. Предсѣдатели какъ общихъ собраній Създа, такъ и собраній отдѣлений назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ, изъ среды членовъ Създа.

22. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Предсѣдатель обязанъ остановить каждаго члена Създа, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія, или уклонится отъ научной цѣли.

23. Программа каждого засѣданія, какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій, опредѣляется заблаговременно, на каждый разъ особо, Ученымъ Комитетомъ. Программы засѣданій вывѣшиваются наканунѣ у дверей залы. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго разрѣшенія Ученаго Комитета.

24. Во время предложенія Съѣзда издаются, отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съѣзда бесплатно.

25. Время каждого засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и его отдѣленій, назначаются Распорядительнымъ Комитетомъ.

26. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія, но ни одинъ членъ Съѣзда не въ правѣ говорить или читать болѣе $\frac{1}{2}$ часа, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія Ученаго Комитета.

27. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда, какъ общихъ такъ и частныхъ по отдѣленіямъ, происходятъ на Русскомъ языкѣ; но Ученый Комитетъ можетъ назначить особое засѣданіе для выслушанія сообщеній иностранныхъ ученыхъ, признанныхъ Комитетомъ важными для археологической науки. На этихъ особыхъ засѣданіяхъ сообщенія могутъ быть сдѣланы на французскомъ или на нѣмецкомъ языкахъ.

28. Исслѣдованія или сообщенія, присланныя на Съѣздъ, въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, рассматриваются въ Комиссіяхъ Совѣта, и докладываются къѣмъ либо изъ ихъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

29. Каждый членъ Съѣзда долженъ предъявить свой членскій билетъ или знакъ при входѣ въ засѣданіе и имѣть при себѣ тотъ знакъ, который ему выданъ.

30. Для напечатанія трудовъ Съѣзда избирается Совѣтомъ Съѣзда особый Редакціонный Комитетъ.

Вопросы, предложенные къ обсужденію на Съѣздѣ.

А) ВОПРОСЫ ОБЩИЕ.

1. Е. В. Барсова. Какое значеніе имѣеть русскій расколъ въ исторіи русской археологіи.
2. Ѳ. И. Леонтовича. О методологическихъ приемахъ и способахъ обработки историческихъ и археологическихъ данныхъ.
3. Т. Д. Флоринскаго. Нѣсколько замѣчаній и соображеній по поводу археологическихъ изысканій въ Болгаріи.
4. И. В. Цвѣтаева. О Фридрихѣ Велькерѣ.
5. И. В. Лучицкаго. О способахъ сохраненія старинныхъ документовъ и мѣрахъ къ сосредоточенію ихъ въ ученыхъ учрежденіяхъ.
6. М. М. Шпилевскаго. О мѣрахъ къ охраненію памятниковъ старины.
7. Н. Я. Грота. Мѣсто археологіи въ системѣ наукъ.
8. В. П. Катенева. Роль русской археологіи по отношенію къ разработкѣ древностей славянскихъ земель.

Б) ВОПРОСЫ ЧАСТНЫЕ.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

9. Д. Н. Анучина. Можно ли на основаніи сдѣланныхъ до сихъ поръ находокъ точнѣе опредѣлить типы издѣлій каменнаго вѣка въ Россіи, прослѣдить ихъ варіаціи по мѣстностямъ и отчасти эпохамъ, а равно провести параллель между ними и соответственными типами издѣлій въ другихъ странахъ, преимущественно Западной Европы и Сѣверной Азіи.
10. В. Б. Антоновича. Исслѣдованіе скальныхъ пещеръ по берегамъ Днѣстра и его притоковъ: Збруча, Смотрича, Лядовы и др. и опредѣленіе значенія этихъ пещеръ въ доисторическую эпоху.
11. Графа А. С. Уварова. Доселѣ невозможно опредѣлить, когда начался бронзовый періодъ, а потому надо довольствоваться опредѣленіемъ того времени, когда появилось желѣзо; — иными словами — когда окончился бронзовый періодъ и начался періодъ желѣза? Въ какомъ хронологическомъ отношеніи находится бронзовый періодъ на Азіатскомъ материкѣ съ эпохой брон-

зоваго періода въ Европѣ? Не связанъ ли обрядъ сожиганія съ первымъ появленіемъ бронзы?

12. А. С. Трачевскаго. Эволюціонная теорія въ приложеніи къ *орудію*.

13. М. В. Малаховъ. Результаты изслѣдованій по каменному вѣку доисторической эпохи въ Уральскомъ краѣ, въ предѣлахъ Пермской, Вятской и Оренбургской губерній; условія залеганія и характеристика памятниковъ культуры: пещерной, подгорфяниковой и озерно-рѣчнаго гравія, въ связи съ ихъ географическимъ распредѣленіемъ и геологическимъ строеніемъ мѣстности; типы орудій и орнаментація.

14. — Обзоръ данныхъ по металлическому вѣку доисторической эпохи на Уралѣ; мѣста обитанія и примитивные способы добычи металловъ; условія залеганія, характеристика остатковъ культуры и орнамента на нихъ; идеографическія начертанія на прибрежныхъ скалахъ; обрядъ погребенія и содержаніе могилъ. Распредѣленіе памятниковъ данной эпохи, какъ матеріалъ для доисторической картографіи.

15. Л. К. Ивановскаго. Къ какимъ выводамъ можно прійти, сравнивая составъ курганныхъ бронзъ различныхъ мѣстностей сѣверозападной Россіи?

16. — Чѣмъ отличаются погребальныя насыпи Шелонской пятины Новгородской земли отъ таковыхъ же Вотской?

Отдѣленіе II. Памятники языческіе.

17. В. Б. Антоновича. Опредѣленіе погребальныхъ типовъ въ курганахъ, находящихся въ бассейнѣ Днѣстра и Южнаго Буга; отношеніе этихъ типовъ какъ къ раскопкамъ, произведеннымъ въ Галиціи, въ бассейнѣ Днѣстра, такъ и къ погребальнымъ типамъ въ курганахъ другихъ мѣстностей южно-русскаго края.

18. Д. И. Иловайскаго. Объ Угличахъ и Тиверцахъ.

19. В. Ф. Миллера. Какіе сохранились на Кавказѣ слѣды такъ называемыхъ парейскихъ вѣрованій и обрядовъ.

20. В. И. Сизова. Характеристическія черты погребальныхъ обрядовъ въ области Кривичей на основаніи раскопокъ. Какіе можно сдѣлать выводы изъ тѣхъ же раскопокъ о культурномъ развитіи жизни?

21. Графа А. С. Уварова. Отличительные признаки погребальнаго обряда Муромы, и въ чемъ состоитъ различіе этого обряда отъ погребенія у Мери.

22. Д. Н. Овсянко-Будилковскаго. Анализъ терминовъ, обозначающихъ родственныя отношенія въ языкахъ славянскихъ и родственныхъ.

23. П. А. Безсоновъ. Частныя замѣчанія по даннымъ языкованія и этнологіи относительно древнѣйшаго быта въ общемъ племени (*Urstamm*) и въ частныхъ племенахъ, въ связи со звѣрями и животными, орудіями и ихъ ма-

теріаломъ, религією и творчествомъ, примѣнительно къ Славянамъ и особенно къ Россіи.

24. — Первые намеки, отразившіеся въ старшей общей рѣчи (Ursprache), на дѣленіе племенъ, на главные виды сихъ послѣднихъ въ извѣстной лѣстницѣ и на отношеніе ихъ къ племени общему.

25. — Значеніе передовыхъ вѣтвей, какъ *пльцовъ*, *священнослужителей*, и *знатныхъ* или *воинственныхъ* родовъ, при расселеніи главнѣйшихъ племенъ и послѣдующихъ историческихъ.

26. — *Ады* (Аты, Уды, Уты и т. д.) и *Акхи* (Якхи), какъ одинъ изъ самыхъ старшихъ слоевъ племеннаго населенія повсюду въ Европѣ, частіе въ послѣдующей Россіи и на обще-славянской территоріи. *Тавери* (Туране, Тирапе и т. д.), въ одинаково важномъ значеніи, какъ и Ады—Акхи. *Нары* (Невры, Норы и т. д.), съ соответствующими измѣненіями видовъ и названій, въ значеніи не менѣе важномъ, какъ предыдущіе. *Скивъ* и *Скувы* (Скуты, Скиты и т. д.): названіе и объемъ его содержанія; было-ли то *особое племя* или тотъ *періодъ* въ развитіи жизни племенной и какіе *народы* отголѣ возникли по разнымъ странамъ (преимущественно въ Европѣ).

27. — Составныя части по племенамъ и топографіи въ *Геродотовой Скиѣи*.

28. — (Вкратцѣ): Отношеніе *Венетовъ*, *Будинъ* и *Антовъ* къ *Ванамъ* и *Адамъ*. (Подробнѣе): Сочиненіе *Вендовъ* (Виндовъ, Венетовъ, Антовъ и т. д.), *Ретовъ* (Ратовъ, Расовъ, Рѣзовъ, Ругіевъ и т. д.) и *Норовъ* (Норовъ, Невровъ и т. д.), какъ тройная племенная формація, ближайше предшествовавшая народу *Славянъ* и особенно *Руси*.

Отдѣленіе III. Памятники классическіе.

29. А. В. Орѣшниковъ. На сколько измѣнилась съ 1856 г., т. е. послѣ изданія труда Б. Кене: «Описаніе Музея Князя Кочубея», исторія царствъ, лежавшихъ по сѣверному берегу Евксинскаго Понта и хронологія царей Босфора — на основаніи вновь открытыхъ и опубликованныхъ надписей и монетъ. Пересмотрѣть, по возможности, всѣ тексты древнихъ писателей, на основаніи которыхъ создавалась исторія вышеупомянутыхъ царствъ.

30. И. В. Помяловскаго, Коллегіи въ древнежъ Танаисѣ и отношеніе ихъ къ греческимъ еранамъ (*ἐράνοι*) и оргеонамъ.

31. В. Н. Пироговъ. Древне-римскій культъ въ связи съ чествованіемъ Свв. Космы и Даміана и церковью этихъ святыхъ на римскомъ форумѣ.

32. Л. Ф. Воеводскій. Геродотовы свѣдѣнія о древней Скиѣи.

33. И. К. Суручанъ. Новыя керамическія надписи Понта Скъскаго.

34. В. В. Латышевъ. Государственное устройство Ольвіи по авторамъ и эпиграфическимъ документамъ.

35. — Государственное устройство Херсониса до византийскаго періода, по такимъ-же даннымъ.

36. — Древніе календари Тираса, Ольвіи, Херсониса и Пантикапэя по эпиграфическимъ памятникамъ.

37. В. П. Модестовъ. О русскомъ произношеніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именахъ всякаго рода, относящимся къ древнегреческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго.

Отдѣленіе IV. Памятники общественнаго и домашняго быта.

38. Н. И. Веселовскаго. Существуютъ ли какія либо частныя отличія въ кочевомъ бытѣ, смотря по народности кочевниковъ, или же онъ повсюду одинаковъ?

39. — Кто былъ великій сѣверный Хаганъ, которому въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству армянскихъ историковъ, подчинялся повелитель Хозаръ?

40. Егіазарова. Нѣкоторыя черты феодальныхъ отношеній на Кавказѣ. О сельской общинѣ у Армянъ,

41. М. М. Ковалевскаго. О русскихъ Кавказскихъ и Славянскихъ рабахъ на побережьѣ Средиземнаго моря, на основаніи нотаріальныхъ актовъ въ Итальянскихъ и Испанскихъ архивахъ.

42. Ѳ. И. Леонтовича. Объ арійскимъ основахъ общественнаго быта славянскихъ народовъ.

43. Ѳ. И. Успенскій. Слѣды славянскаго права въ византийскомъ законодательствѣ по XV-е столѣтіе и обратныя вліянія Византіи на славянство.

44. — Организация древней славянской общины по византийскимъ извѣстіямъ.

45. Д. И. Багалъй. Займка въ Лѣвобережной и Слободской Украинѣ, какъ одинъ изъ главныхъ способовъ возникновенія поземельной собственности.

46. Е. С. Филимоновъ. О формахъ землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи на сѣверѣ Черниговской губерніи (сябренная, согупная займанщина и сябренное доленое землевладѣніе. Личная займанщина и личное землевладѣніе).

47. М. Н. Березковъ. О русскихъ плѣникахъ въ Крыму.

48. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. О землевладѣніи въ Крыму, послѣ присоединенія его къ Россіи, по архивнымъ документамъ.

Отдѣленіе V. Памятники юридическіе.

49. Егіазарова. Адаты Курдовъ.

50. М. М. Ковалевскаго. Древности брачнаго права преимущественно арійскихъ народовъ.

51. — Обычное право Осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи.

52. — Древности уголовного права и въ частности вопросъ объ ордаляхъ.

53. **Ө. И. Леонтовича.** Формы племенно-родовыхъ и территориальныхъ союзовъ инородцевъ.

54. — Происхождение сословій у южно-русскихъ инородцевъ.

55. — Обь аналогическомъ значеніи кавказскаго «Маслагата», «или рѣда» по древне-русскому праву.

56. — О родовой организаціи горцевъ, въ особенности сѣвернаго Кавказа.

57. — Обь аналогическихъ явленіяхъ въ общинномъ устройствѣ кавказскихъ горцевъ и славянскихъ народовъ.

58. — О куначествѣ и гостепріимствѣ кавказскихъ горцевъ.

59. — О родовомъ значеніи кавказскихъ абрѣковъ и Монгольскихъ элѣтовъ (sabssag).

60. — Обь аналогическомъ значеніи древне-русскихъ «дѣтей боярскихъ» и служебно-родовыхъ классовъ кавказскихъ горцевъ.

61. **И. В. Лучицкаго.** Какіе порядки пользованія землею устанавливались малороссійскими переселенцами въ мѣстахъ новаго ихъ поселенія въ Ставропольской и другихъ губерніяхъ: были ли это порядки личнаго подворнаго владѣнія, или общиннаго, или смѣшаннаго, смотря по угодыямъ.

62. **Г. Ф. Блюменфельда.** О значеніи древнихъ писцовыхъ книгъ и купчихъ грамотъ въ хозяйственномъ быту русскаго народа.

63. **Н. О. Кривицкаго.** О нѣкоторыхъ русскихъ слѣдственныхъ актахъ и актахъ на вотчинное владѣніе XVII вѣка.

64. **Д. И. Багалъй.** Къ вопросу о значеніи и организаціи южно-русскихъ архивовъ.

65. **Е. Т. Соловьева.** О древнѣйшихъ способахъ укрѣпленія правъ на имущество въ Россіи посредствомъ юридическихъ знаковъ.

Отдѣленіе VI. Памятники искусствъ и художествъ.

66. **К. М. Быковскаго.** О составныхъ элементахъ русскаго церковнаго архитектурнаго стиля въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

67. **И. Д. Мансветова.** О формѣ и украшеніяхъ царскихъ дверей въ славяно-русскихъ церквахъ.

68. **И. В. Помяловскаго.** Значеніе и употребленіе погребальныхъ масокъ у древне-классическихъ народовъ.

69. **Н. П. Бондакова.** Изображенія Свв. Кирилла и Меѳодія въ подземной церкви Св. Климента въ Римѣ.

70. **А. А. Матвѣева.** Памятники Оттоманскаго музея въ Константинополѣ (Дженили-Кіоскъ).

71. — Памятники древности въ Смирнскомъ музеѣ Евангелической школы.

72. — О памятникахъ средневѣковаго искусства въ Польшѣ.

73. А. И. Кирпичниковъ. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.
74. А. Н. Бударявцевъ. О вліяніи особенностей богословскаго міросозерцанія церквей на иконопись.
75. Я. Я. Чепуринъ. О пещерныхъ церквахъ въ Крыму.
76. И. К. Суручанъ. Богини дѣтопитательницы (*κοροστρόφοι*) по неизвѣстнымъ и новымъ терракоттамъ колоній Понта Скиѣскаго.
77. — Бриксіійскій богъ Ноттулій и его новое изображеніе.
78. — Новый хризосъ скиѣскаго царя Фарзоя.
79. О. Г. Лебединцевъ. О гравировальныхъ работахъ типографіи Кіево-Печерской Лавры въ XVII и XVIII стол.

Отдѣленіе VII. Памятники языка и письма.

80. Архимандрита Амфилохія. Что собственно святитель Алексій, Митрополитъ Московскій, исправилъ въ Новомъ Заветѣ и что имъ заимствовано изъ прежде его сдѣланныхъ исправленій?
81. Е. В. Барсова. Опытъ палеографіи, т. е. систематическаго руководства къ опредѣленію не только вѣка рукописи, но и мѣстностей ея написанія; какъ-то рукописей: южно-русскихъ, западно-русскихъ, сѣверно-русскихъ, Волоколамскихъ, Кирилловскихъ, Новгородско-Софійскихъ и проч.
82. Н. И. Дашкевича. Легенды Троянскаго цивла, пріурочившіяся къ сѣверному Черноморью.
83. О. И. Леонтовича. Значеніе данныхъ сравнительной филологіи въ дѣлѣ археологическихъ и историческихъ изслѣдованій.
84. И. О. Токмакова. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи и археологіи Новороссійскаго края, на основаніи документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
85. И. С. Некрасова. Можно ли объяснить происхожденіе пермскихъ письменъ изъ мѣстныхъ *чертъ* и *рльзовъ*? Не составлены ли эти письмена искусственно подъ вліяніемъ древне-греческаго и финикійскаго алфавитовъ?
86. А. И. Маркевича. Найти преемственность въ лѣтописаніи древней Руси и Югозападной Россіи XVI—XVII вѣковъ.
87. — Какія сочиненія польскихъ или иностранныхъ историковъ служили источникомъ или даже образцами для историческихъ сочиненій Югозападной Россіи XVI и XVII столѣтій?
88. А. А. Башмакова. О народномъ изустномъ эпосѣ Болгаръ.
89. В. М. Добровскаго. О несостоятельности дѣленія славянскихъ языковъ на двѣ вѣтви — юго-восточную и западную.
90. — Насколько языкъ старославянскій подходитъ къ типу праязыка Славянъ?

91. Е. Т. Соловьева. Знаки собственности великоруссовъ, малоруссовъ и инородцевъ Россіи представляютъ собою по преимуществу остатки архаическихъ письменъ.

92. Е. Θ. Будде. Типъ литературнаго обще-славянскаго языка въ періодъ X—XI вѣка.

93. — Насколько надстрочные знаи въ древне-славянскихъ памятникахъ составляютъ простой заимствованный приемъ письма?

Отдѣленіе VIII. Памятники исторической географіи и этнографіи.

94. Д. И. Азаревича. О распространеніи въ Византіи, начиная съ V-го вѣка, славянскихъ національностей. Опредѣленіе этнографическаго состава Византійской Имперіи и ея Азіатскихъ провинцій.

95. Н. И. Веселовскаго. Какіе народы входили, или могли входить въ составъ Хазарскаго царства. Какимъ образомъ и когда исчезло въ средней Азіи имя Гузовъ и замѣнилось именемъ Туркменъ, если Туркмены суть прямые потомки Гузовъ.

96. А. Я. Гаркави. О національномъ происхожденіи Тавровъ (Тавροι, Таугі), давшихъ названіе Таврическому полуострову.

97. — Возможно ли допустить принадлежность нынѣшняго Чуфуть-Кальскаго кладбища Караимамъ во время господства въ Киргерѣ христіанскихъ Аланъ и существованіе тамъ татарскаго Ханата?

98. Н. И. Дашкевича. Очеркъ исторіи Берлада.

99. — Извѣстія о русскомъ племени въ при-Дунайскихъ земляхъ.

100. В. М. Михайловскаго. О Готахъ въ Брыму по лѣтописнымъ извѣстіямъ и по указаніямъ средневѣковыхъ путешественниковъ.

101. В. Θ. Миллера. Объ Иранскомъ словѣ населенія, существовавшемъ въ древности въ южной Россіи въ при-Понтійскихъ областяхъ.

102. А. С. Павлова. О числѣ и порядкѣ епископій въ Херсонесѣ-Таврическомъ въ XI и XII вѣкѣ.

103. В. Н. Юргевича. О мѣстонахожденіи древняго города Турса.

104. — Мѣстонахожденіе Эвпаторіона, построеннаго Діофантомъ.

105. — Находилась ли средневѣковая Тана на мѣстѣ древняго Азова?

106. Θ. Θ. Соколова. Древнѣйшая исторія греческихъ поселеній на берегу Чернаго моря. По возможности точный разборъ фактовъ до V вѣка до Рождества Христова.

107. Надписи VII, VI и V вѣковъ. Проверка хронологическихъ о предѣленій новѣйшихъ ученыхъ.

108. Обломки Критскихъ древнѣйшихъ законовъ.

109. Число афинскихъ гражданъ и статистическія срьднія о другихъ греческихъ городахъ.

110. Малая Азія при двухъ послѣднихъ Артаксерксахъ. Годъ смерти Артаксеркса II-го.
111. Эгейское море въ III вѣкѣ до Р. Х.—Торговля и политическая власть.
112. Различныя формы греческихъ союзовъ въ III и II вѣкахъ до Р. Х.
113. Сношенія Аенія съ Воспоромъ-Киммерійскимъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ.
114. И. И. Мечниковъ. Антропологическія данныя о Калмыкахъ.
115. Г. И. Перетятковичъ. Участіе Малороссіянъ въ колонизаціи Оренбургскаго края.
116. В. А. Сосняковъ. Къ вопросу о заселеніи Новороссіи.
117. П. О. Бурачковъ. Географія Константина Багрянороднаго.
118. — Походъ Владиміра на Корсунь.
119. Д. П. Эварницкій. Археологическія и историко-топографическія данныя о Запорожьи, добытыя въ поѣздку 1883 года.
120. Л. Ф. Воеводскій. О названіи «Чернаго» моря.
121. Ѳ. Г. Мищенко. О «царскихъ» Скиахъ, на основаніи Геродота и Страбона.
122. — Свѣдѣнія Эсхила о Кавказѣ.
123. П. К. Суручанъ. Номенклатура города Офіузы.
124. — Опытъ доказательства мѣстонахожденія «золотаго берега» Константина Багрянороднаго.
125. В. П. Катеневъ. Нѣкоторыя этнографическія данныя о Мордвахъ въ Саратовской губерніи.
126. А. А. Орловъ. Историческій очеркъ Одессы за прошлое столѣтіе, составленный по документамъ, хранящимся въ Архивѣ Министерства Юстиціи.
127. В. Н. Ястребовъ. Родословная Хорватовъ по грамотамъ и другимъ документамъ.

Отдѣленіе IX. Памятники византійскіе.

128. Н. П. Кондаковъ. О научныхъ потребностяхъ въ современномъ изученіи византійской археологіи.
129. Ѳ. И. Успенскій. О научныхъ потребностяхъ въ современномъ изученіи Византіи.
130. Н. П. Кондаковъ. Какаѣ возможна въ наукѣ археологіи искусства постановка вопроса о *вліяніяхъ* въ области искусства вообще и византійскомъ вліяніи въ частности.
131. А. Г. Недзвѣльскій. О водопроводѣ въ древнемъ Херсонесѣ.

Вопросы, по которымъ желательно получить свѣдѣнія къ Сѣзду.

Древности первобытныя.

1. Можно-ли, на основаніи сдѣланныхъ до сихъ поръ находокъ, принимать для западной и южной Россіи существованіе бронзоваго вѣка, предшествовавшаго желѣзному?

2. Встрѣчаются-ли въ южной Россіи, на правой сторонѣ Днѣпра, могилы съ урнами, начальной эпохи желѣзнаго вѣка, какъ въ Польшѣ, сѣверной Германіи и т. д., и нельзя-ли опредѣлить восточную границу распространенія означенной характеристичной формы погребеній и соответственной культуры?

3. Вещи (оружіе, обдѣланные рога, украшенія), найденныя г. Самоквасовымъ въ курганахъ г. Чернигова («Гульбище» и «Черная могила»), могутъ-ли считаться туземными издѣліями того времени, или завозными изъ Скандинавіи и Византіи?

4. Можно-ли сдѣлать въ настоящее время какіе либо опредѣленные выводы относительно развитія въ Россіи орнаментаціи (на вещахъ, посудѣ), начиная съ каменнаго вѣка и до исторической эпохи, — опредѣлить ея типы, формы и показать связь съ подобными же типами въ западной Европѣ и современными народными въ Россіи?

5. Какіе типы фибулъ встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи и Кавказа, и можно-ли сдѣлать какіе либо выводы по отношенію къ ихъ распредѣленію по могиламъ различныхъ эпохъ и мѣстностей?

6. Желательно было-бы собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о находкахъ (прежнихъ и новѣйшихъ) предметовъ доисторической эпохи въ Румыніи и Болгаріи и о типахъ найденныхъ тамъ издѣлій каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ?

7. Составъ бронзы не былъ-ли измѣняемъ, смотря по предмету, для котораго назначался? Такъ что для топоровъ или кинжаловъ, для цѣпочекъ, или для простыхъ украшеній приготавливались особые составы бронзы?

8. Не можетъ-ли разнообразіе въ составахъ европейской бронзы быть объяснено тѣмъ, что большая часть европейскихъ бронзовыхъ издѣлій изготовлена изъ перелитыхъ предметовъ азіатскаго происхожденія, или даже изъ

обломковъ и кусковъ поврежденныхъ азіатскихъ издѣлій или вообще издѣлій, вывезенныхъ изъ странъ, изобилующихъ мѣдными рудниками?

9. Въ отношеніи мѣдныхъ рудъ, какія страны, кромѣ азіатскаго материка, Урала и Кавказа, могутъ считаться богатыми странами? При этомъ надо принять въ соображеніе тѣ только рудники, которые были извѣстны уже въ древнія времена, а не рудники, открытые вновь, которыми не могли пользоваться во времена глубокой древности.

10. Кромѣ древнихъ, такъ называемыхъ Чудскихъ копей, на которыя указалъ Эйхвальдъ, въ двухъ или трехъ статьяхъ, найдены-ли были съ тѣхъ поръ другія еще копи, сохранившія несомнѣнные слѣды ихъ обработки въ древнія времена?

11. Происхожденіе гончарнаго производства въ Россіи древнѣе, или новѣе западно-европейскаго?

12. Консистенція сосудовъ грубой ручной работы — плетенка и пр., — имѣеть-ли предѣлы въ извѣстныхъ типахъ, т. е. въ погребальныхъ и обрядовыхъ урнахъ, а также въ сосудахъ для пищи и пр.?

13. Какое вліяніе могли имѣть на нашу керамику египетская и восточная культуры и колоній береговъ Чернаго Моря, и какія извѣстія мы имѣемъ о провикновеніи къ намъ усовершенствованной обработки сосудовъ (гончарная дощечка и гончарное колесо)?

14. Нельзя-ли указать инструменты и способы, практиковавшіеся въ первобытную эпоху въ Россіи для выдѣлки орнамента на сосудахъ?

15. Имѣть-ли указаній на тѣ практическія требованія жизни, изъ которыхъ могли возникнуть зачатки орнамента и окрашиванія сосудовъ?

16. Какого рода растенія употреблялись для производства матерій, которыми обволакивали сосуды каменнаго вѣка, т. е. какія древесныя вѣтви и знаки употреблялись для изготовленія плетенки; не аналогичны-ли вышеупомянутыя матеріи съ тканями изъ *linum angustifolium*, или нѣкоторыя изъ тканей дѣлались изъ нынѣ употребительнаго льна? Имѣть-ли указаній на матеріи въ эти періоды изъ конопли, шерсти и волосъ?

17. Въ Сибири и на Уралѣ, особенно въ Пермской губерніи, открыты на береговыхъ утесахъ идеографическія начертанія красною краскою; желательно имѣть свѣдѣнія, распространяется-ли этотъ видъ доисторическихъ памятниковъ въ губерніяхъ: Вологодской, Архангельской и Костромской?

Памятники языческіе, классическіе и христіанскіе.

18. Желательно было-бы имѣть, по возможности, полную библиографію сочиненій (также сборниковъ и поврежденныхъ изданій) и путешествій, въ

которых заключаются или изслѣдованія, или упоминанія о Крымскихъ древностяхъ (языческихъ и христіанскихъ), съ приложеніемъ краткихъ указаній самыхъ памятниковъ и рода древностей.

19. Составить сводъ всѣхъ извѣстій древнихъ о Сѣверномъ и Восточномъ побережьи Чернаго моря и о Южной Россіи вообще, въ переводѣ и съ поясненіями.

20. Желательно было-бы имѣть исторію раскопокъ въ Крыму до открытія дѣйствій Императорской Археологической Коммиссіи, обративъ вниманіе на розыски бумагъ Одесскихъ археологовъ Бларамберга, Стемповскаго и др.

21. Желательно было-бы имѣть подробные каталоги Одесскаго и Феодосійскаго Музеевъ, по образцу каталоговъ Бенндорфа и Шене.

22. Собрать свѣдѣнія о частныхъ собраніяхъ древностей въ Новороссійскомъ краѣ.

23. Нанести на особую карту мѣстности Южной Россіи, гдѣ были находимы древности (надписи, монеты и пр.)

Памятники искусствъ и художествъ.

24. Желательно выяснитъ характерныя черты хотя нѣкоторыхъ варварскихъ народностей по различнымъ изобразительнымъ памятникамъ Южной Россіи.

25. Слѣды апокрифическихъ Евангелій въ древнерусской иконописи.

26. Гдѣ и когда и исключительно-ли подъ вліяніемъ Запада является въ русской иконописи изображеніе Вѣнчанія Богородицы?

27. По какимъ пунктамъ можно было-бы прослѣдить отношенія лубочныхъ картинъ и народной поэзіи?

28. Какія извѣстны иконографическія особенности въ уніатской иконописи?

Памятники юридическіе.

29. Гдѣ находится Румянцевская опись Малороссіи и нельзя-ли получить полный списокъ ея для съѣзда, такъ какъ только часть ея находится въ бібліотекѣ Кіевского Университета.

30. Не сохранилось ли въ Малой и Новой Россіи слѣдовъ общиннаго владѣнія и какіе именно?

31. Не встрѣчается-ли въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Малой и Новой Россіи большихъ семей, близкихъ къ характеру сербскихъ задругъ?

32. Не удержали-ли нѣкоторые города въ Малой и Новой Россіи общинную пахоть, пастбища и луга? Не встрѣчается-ли тамъ-же чиншеваго владѣнія?

33. Желательны точныя свѣдѣнія о характерѣ землевладѣнія отдѣльныхъ горскихъ племенъ; встрѣчается-ли въ ихъ быту родовое землевладѣніе, или нераздѣльная собственность сосѣдей сельчанъ, или нераздѣльная семейная соб-

ственность, или только личная семейная собственность, или всё четыре вида одновременно?

34. При существовании родовой или семейной нераздельной собственности, встрѣчается-ли частная собственность на продукты личного труда, добытого без помощи родового или семейного капитала?

35. Въ какихъ мѣстностяхъ Малой и Новой Россіи существуетъ доселѣ старозапимное землевладѣніе и какимъ образомъ оно возникло въ нихъ?

36. Встрѣчается-ли гдѣ либо въ Великороссіи, Малой и Новой Россіи такая форма общиннаго землевладѣнія, при которой между отдѣльными общинниками дѣлятся только продукты урожая? Не встрѣчается-ли тѣхъ явленій въ нѣкоторыхъ Кавказскихъ селахъ?

37. Въ какихъ мѣстностяхъ Кавказа встрѣчается *подворная*, въ какихъ *сельская* система поселеній?

38. При существовании подворной системы не встрѣчается ли общиннаго владѣнія угодіями?

39. Не сохранилось-ли въ монастыряхъ Малороссіи земельныхъ описей и рукописныхъ сборниковъ, жалованныхъ грамотъ, гдѣ и какого вѣка?

40. Не сохранилось-ли въ частныхъ владѣніяхъ приходорасходныхъ книгъ, гдѣ именно и какого времени?

41. Не возможна-ли присылка на съѣздъ старинныхъ книгъ изъ волостныхъ и сельскихъ судовъ казенныхъ крестьянъ?

42. Встрѣчается-ли въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Малой и Новой Россіи выкупъ женихомъ головной повязки или вѣнга невѣсты?

43. Имѣетъ-ли отецъ въ осетинской семьѣ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, какъ объ этомъ глухо упоминаетъ Пфаффъ?

44. Не встрѣчается-ли на Кавказѣ обычай дѣтоубійства дѣвочекъ?

45. Не встрѣчается-ли мѣстностей на Кавказѣ, въ которыхъ вступленіе въ бракъ дозволяется только между односельчанами?

46. Не участвуетъ-ли родъ матери наравнѣ съ родомъ отца въ раздѣлѣ выры за убійство (Кавказъ)?

47. Встрѣчаются-ли гдѣ либо на Кавказѣ слѣды гостепримно-религіознаго гетеризма?

48. Желательно получить возможно точныя свѣдѣнія о сословіяхъ у отдѣльныхъ горскихъ племенъ (Кавказъ).

49. Не возможно-ли получить для съѣзда списокъ съ адатовъ сѣверной Осетіи (Кавказъ)?

50. Запрещаются-ли браки между семьями кунаковъ (Кавказъ)?

51. Въ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчается покупка невѣсты, часть калыма не идетъ-ли на покупку приданнаго невѣстѣ (Кавказъ)?

52. Встрѣчаются-ли на Кавказѣ случаи уплаты калыма всѣмъ родомъ жениха всему роду невѣсты?

53. Обычай кочевого быта южно-русскихъ инородцевъ.

54. Архаическія формы экономической культуры южно-русскихъ инородцевъ.

55. Формы военно-дружиннаго быта инородцевъ.

56. Слѣды древней организаціи семейственныхъ отношеній.

57. Слѣды архаическихъ формъ родственныхъ отношеній у инородцевъ.

58. Архаическія формы имущественныхъ отношеній у южно-русскихъ инородцевъ.

59. Архаическія формы инородческаго суда.

60. Архаическія формы уголовного права.

61. Объ адатахъ, образовавшихся у кавказскихъ горцевъ въ силу внѣшнихъ вліяній и заимствованій.

62. Нельзя-ли розыскать арабскій текстъ кайтахскихъ и бежидскихъ адатовъ, а также «тарикатнаго ученія».

63. Основанія древнерусской системы территориальнаго дѣленія на станы и волости и разъясненіе ихъ взаимнаго соотношенія.

Памятники письменности и языка.

64. Этимологическія формы, встрѣчающіяся въ разныхъ рукописяхъ, писанныхъ въ разныхъ мѣсностяхъ и въ разное время, -- можно-ли приурочивать къ живымъ народнымъ нарѣчіямъ и поднарѣчіямъ?

65. О происхожденіи Глаголицы?

Памятники общественнаго и домашняго быта.

66. Остатки слѣдовъ греческаго вліянія въ нѣкоторыхъ спискахъ древнѣйшей первоначальной лѣтописи Нестора.

67. Вліяніе греческой жизни на русскую до принятія христіанства.

68. Борьба греческой народности съ русскою и другими въ Кіевѣ.

69. Вліяніе греческихъ взглядовъ на дѣятельность первыхъ христіанскихъ князей на Руси.

Памятники исторической географіи и этнографіи.

70. Собрать свѣдѣнія о кладахъ и отдѣльныхъ экземплярахъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и опредѣлить, когда и по какой причинѣ монеты римскихъ Императоровъ занесены въ центральныя области Россіи?

71. — Разобрать свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могилъ доисторической эпохи, открытыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и заключающихъ въ себѣ монеты и ругіе предметы, точно опредѣляющіе время могилъ.

72. — Определить признаки, отличающие устройство и содержание могил скиво-сарматской эпохи (до V вѣка по Р. Х. включительно), съ одной стороны, и эпохи славянской (съ V по XI в.) съ другой.

73. — Собрать свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могилъ несомнѣнно скивскихъ.

74. — Собрать свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи языческихъ могилъ, несомнѣнно славянскихъ.

75. — Устройство и содержаніе древнихъ могилъ въ Пятигорскомъ округѣ, въ окрестностяхъ колоніи Константиновки.

76. — Устройство и содержаніе катакомбнаго кладбища, открытаго въ Тагаурскомъ ущельи, въ окрестностяхъ аула Чми.

77. — Первобытныя формы социальной организаціи.

78. Для предстоящаго VI-го Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ весьма важно и особенно интересно получить возможно подробныя указанія на древне-письменные и библиографическіе памятники, могущіе выяснитъ вопросы о древнихъ обитателяхъ мѣстности, занимаемой нынѣ городомъ Одессой. Отчасти уже извѣстно изъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ и хронографовъ, что въ окрестностяхъ теперешней Одессы обитали *Калмитиды*, происходившіе отъ смѣшенія Грековъ со Скивами; по всей вѣроятности, имя этого народа скрывается также въ Карпидахъ, которые, по Эфору, жили между Истромъ и Борисоеномъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хиоскаго.

Тому же Съѣзду представлятъ несомнѣнный интересъ разныя данныя о происхожденіи, наименованіи и существованіи *Одиссосо* (близъ Варны), *Ордессы*, свѣдѣнія о Сарматахъ и Скивахъ, населявшихъ въ отдаленномъ періодѣ теперешній Новороссійскій край, свѣдѣнія о Половцахъ и Золотой Ордѣ, Бужакскихъ и Крымскихъ Татарахъ, Запорожьѣ и Ногайцахъ, Калмыкахъ и Биргизъ-Кайсакахъ и, вообще, объ обычномъ правѣ южно-русскихъ кочевыхъ племенъ, точныя топографическія и историческія извѣстія о Трояновомъ-валѣ, Бахчисарайскомъ дворцѣ, Хотинской крѣпости, а также и прочихъ Украинскихъ крѣпостяхъ; наконецъ объ епископіяхъ Новороссійской и Херсонской губерній.

По всѣмъ почти вышеозначеннымъ вопросамъ, намѣченнымъ въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета VI-го Археологическаго Съѣзда, найдутся богатые матеріалы въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, разработкой коихъ наши ученые изслѣдователи мало занимались и о существованіи коихъ они даже отчасти не знали.

Источниками для таковыхъ свѣдѣній могутъ послужить изъ *внутренняго состава Архива* слѣдующія дѣла: Крымскаго Ханства съ 1474 по 1722 годъ *),

*) Дипломатическія сношенія Россіи съ Крымомъ, съ 1462 по 1533 годъ помѣщены въ V-мъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Ред.

Муигальскихъ Калмыковъ, Ногайскія и Кайсацкія съ 1489—1880 годъ; Татарскіе и Малороссійскіе акты съ 1522—1781 г. Донскія окладныя и боярскія книги съ 1594—1880 г., — а изъ *Архивской Библиотеки*: Церковно-Славянскіе и Русскіе рукописныя Сборники, рукописи: иностранныя, исторіографа Г. Ф. Миллера и другія, а также рукописная картографическая коллекція Библиотеки, въ коей заключаются старинные планы и чертежи Бессарабской Области и губерній: Екатеринославской, Таврической, Херсонской*) и др. Южно-русскихъ и Новороссійскаго края.

79. Была-ли южная степная полоса Россіи, въ доисторическую эпоху, такою-же, какъ въ позднѣйшій періодъ и не была-ли она тогда болѣе лѣсиста, чѣмъ потомъ? Какъ можно представлять себѣ южную Россію въ ледниковый періодъ и въ непосредственно за нимъ слѣдовавшій?

80. Что можно вывести изъ сравнительнаго изученія найденныхъ до сихъ поръ въ курганахъ различныхъ эпохъ и различныхъ мѣстностей средней и южной Россіи череповъ? Можно-ли установить, на основаніи ихъ, извѣстные краініологическіе типы и нельзя-ли прослѣдить распространеніе послѣднихъ и сравнить ихъ съ типами курганныхъ череповъ?

81. Желательно было-бы нанести на карту всѣ изслѣдованные до сихъ поръ курганы южной Россіи, которые могутъ быть приурочены къ различнымъ славянскимъ племенамъ, — также всѣ курганы, въ которыхъ были найдены предметы скифской эпохи, а равно всѣ тѣ, которые нѣтъ основаній относить ни къ одной изъ означенныхъ категорій, — при чемъ было-бы полезно отмѣтить особо курганы со слѣдами трупосоженія и обозначить различные типы кургановъ особыми знаками.

82. Какіе остатки шаманизма сохраняются еще у киргизъ — кайсаковъ и какія вліянія имѣлъ исламъ на тѣ обычаи, которые существовали у кайсаковъ, когда они были шаманистами?

83. Карта развалинъ, нынѣ находящихся на черноморскомъ побережьи. Образчикъ: Keller, Archäologische Karte der Ostschweiz. Zürich. 1874.

84. Сводъ извѣстій древнихъ о Черноморьи. Периплы. Образчики: Quellenbuch d. Schweizerischen Geschichte и Gallia antiqua.

85. Биографіи и ученныя заслуги Бларамберга и Стемпковскаго.

86. Не было-ли греческаго позднѣйшаго поселенія на мѣстѣ древняго городища, находящагося на правой сторонѣ р. Буга, въ 6-ти верстахъ къ Сѣверу отъ древней Ольвii.

87. О мѣстоположеніи Ордиссеса.

88. Основываясь на преданіи, записанномъ Иродотомъ (4, 5), по которому Киммеріане, при вторженіи Скивовъ, обсуждали въ народномъ собраніи при рѣкѣ

*) Каталогъ картинъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, принадлежащимъ Одесскому Обществу, изданъ въ 1881 году.

Тирасъ, давать ли имъ отпоръ непріятелю, или выселиться изъ отечества, и на свидѣтельствѣ Страбона (кн. 7), который говоритъ, что Скиѣны завоевали земли между Борисфеномъ и Истромъ у Фракійцевъ, упоминая въ другомъ мѣстѣ (кн. 1, кн. 14) — между народами жившими въ Фессалии, народъ Трироновъ (Τρίρωνες) и причисляя его къ Киммеріянамъ (ἔθνος κίμμερικόν), нельзя-ли вывести заключеніе, что *владѣтели сѣвернаго побережья Чернаго моря были эти Трироны, или какъ ихъ называетъ Фукидидъ (2, 9 в.) Триры (Τρίρες) или по другимъ Геты (Готы) Даки, Кельты.* Тогда понятно, почему названіе Киммеріянъ, появившееся прежде у поэтовъ (Гомеръ), присвоивалось разнымъ народамъ, вторгавшимся съ сѣвера, изъ позднѣйшей Скиѣи, въ Азію? Извѣстно, что Эфоръ, Плиній и другіе географы, введенные въ заблужденіе разсказомъ Гомера, находили Киммеріянъ въ Италіи между Кумами и Баями около озера Аверна, гдѣ, по Виргилію было отверстіе, ведущее въ преисподнюю.

89. Можно-ли принять могилы, обложенныя вертикально стоящими камнями, встрѣчающіяся въ Крыму, на Тамани на островѣ между моремъ Азовскимъ и лиманомъ Таманскимъ, близъ покинутой деревни Чокракъ-Кой и на Кавказѣ, за киммерійскія съ Дюбуа (Т. V, 47), или за греческія съ Палласомъ Voyage dans les gouvernements méridionaux. II p. 368)? Подобныя-же могилы замѣчены Палласомъ близъ Токлука и въ землѣ Черноморскихъ казаковъ (ср. Караулова въ Записк. Одеск. Общ. Т. VIII. стр. 95; Кеппена Крымск. сборникъ, стр. 33).

90. Откуда произошло названіе Крыма и когда оно присвоено Таврическому Херсонису?

91. Такъ какъ, по Иродоту (4, 11), Скиѣны завоевали земли Киммеріянъ, будучи сами вытѣснены Массагетами изъ своихъ жилищъ и переправившись черезъ рѣку Араксъ, то для опредѣленія первоначальной родины Скиѣновъ и состоящаго отчасти съ этимъ въ связи вопроса объ ихъ народности, любопытно было-бы знать, какую рѣку понималъ Иродотъ подъ именемъ Аракса. Была-ли это Волга, какъ думаютъ одни, или Оксъ, или Яксартъ, какъ другіе?

92. При обезужденіи положенія Скиѣи, которую Иродотъ представляетъ намъ въ видѣ квадрата, и для уразумѣнія состоящаго въ связи съ этимъ вопросомъ теченія рѣкъ и положенія описываемыхъ историкомъ земель, слѣдовало бы подвергнуть критикѣ мнѣніе Лелевеля, по которому въ Иродотовомъ разсказѣ и воображеніи, то что обращено къ югу, на самомъ дѣлѣ обращено къ востоку. Это, по словамъ Лелевеля, произошло изъ токарной работы квадратной Скиѣи, по съ этимъ согласно кажущееся жителямъ и путешественникамъ при взглядѣ на солнце положеніе. Отправляясь по направленію къ востоку, они имѣли всегда, во всякое время года, солнце и восходъ его съ правой стороны. Такъ какъ они это положеніе солнца принимали за востокъ, то ихъ направленіе къ востоку наклонялось сильно къ югу, въ особенности въ

зимнее время года, такъ что оно почти дѣлалось южнымъ. При этомъ дѣйствительный востокъ и направленіе къ нему имъ казалось идущимъ къ сѣверу и они считали его сѣвернымъ. Это, по мнѣнію Лелевеля, необходимо принять во вниманіе для уразумѣнія дѣйствительнаго направленія, показаннаго Иродотомъ (Лелевель, *Narody na ziemiach sławianskich* стр. 30).

93. Хотя Иродотъ не упоминаетъ о поселеніяхъ Скивовъ, представляя ихъ народомъ кочующимъ, но изъ того, что, по словамъ его, часть ихъ занималась хлѣбопашествомъ и изъ свидѣтельства Страбона, который говоритъ, что Греки построили свои города, изгнавъ Скивовъ (кн. 11), не слѣдуетъ-ли заключить, что часть Скивовъ вела осѣдлую жизнь и имѣла свои поселенія. Такія племена мы должны предполагать преимущественно по берегамъ моря, гдѣ они производили торговлю. Въ послѣдствіи мы находимъ у нихъ даже крѣпости. Внутри Крыма упоминаются Палакюнъ, Хавонъ и Неаполь, построенныя сыновьями скивскаго царя Скилура. Опредѣленіемъ мѣстностей, гдѣ находились эти крѣпости, занимались многіе (См. Псифисмъ Діофанта въ Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн. Т. XII), но желательна было-бы, чтобы этотъ вопросъ былъ рассмотрѣнъ еще разъ, тѣмъ болѣе, что въ Запискахъ Одесскаго Общества помѣщены двѣ статьи, въ которыхъ два автора — Юргевичъ и Бурачковъ высказываютъ разныя мнѣнія, основываясь на недавно открытой въ Херсонисѣ надписи Діофанта.

94. Съ помощью упомянутой сейчасъ надписи и другихъ открытыхъ въ Херсонисѣ, составить болѣе полную исторію этого города, чѣмъ это сдѣлано Аркасомъ и Кѣне.

95. Такая-же желательна исторія Воспора Киммерійскаго послѣ Спасскаго и Ашига.

96. Вопросъ о мѣстонахожденіи Иродотовскаго Керкинита при рѣкѣ Ипакирисѣ до сихъ поръ не можетъ считаться рѣшеннымъ. Между тѣмъ извѣстно изъ Перипловъ Арріана и Безымяннаго и изъ псифисма Діофанта (см. Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн. т. XII), что на западномъ берегу Крыма находился городъ Керкинитисъ, о чемъ свидѣлствуютъ и монеты. Нельзя-ли поэтому предположить, что или Крымскій Керкинитисъ, пройденный молчаніемъ Иродотомъ, не существовалъ еще во время Иродота, какъ Иродотовскій не существовалъ при Арріанѣ и Безымянномъ, которые о немъ не упоминаютъ, или скорѣе, что Иродотъ, не знавшій совсѣмъ Крымскаго полуострова, ни городовъ въ немъ находящихся, помѣстилъ крымскій Керкинитисъ гораздо сѣвернѣе для того, чтобы этотъ городъ находился на южной сторонѣ скивскаго квадрата, и что такимъ образомъ не было двухъ, а только одинъ Керкинитисъ.

97. Можно-ли вѣрить съ Цейсомъ, Кёппеномъ, Бруномъ, Томашекомъ и другими свидѣтельству путешественниковъ Рубруквиса (1253) и Барбаро (1436) и константинопольскаго посланника Бусбена (1557—1564), отъ которыхъ мы

узнаемъ, что въ XIII-мъ, XV-мъ и даже во второй половинѣ XVI-го столѣтія было еще въ Крыму значительное число Готеовъ, говорящихъ по нѣмецки? Сомнѣніе возбуждаетъ выраженіе *по нѣмецки*, ибо трудно предположить, чтобы языкъ Готеовъ при другихъ условіяхъ жизни этого народа и замкнутости среди другихъ народовъ развивался подобно нѣмецкому и чтобы нѣмецъ, находившійся въ услуженіи у Барбаро, понималъ Крымскаго Готеа. Еще курьезнѣе свидѣтельство Бусбека, который приводитъ много словъ изъ языка тогдашнихъ Готеовъ, изъ коихъ три четверти не разнятся отъ нѣмецкихъ. При томъ же, по Бусбеку, Готы заселяли въ Крыму много деревень и города Мангупъ (Феодоро) и Сциварийъ, и татарскій князь набиралъ изъ нихъ, отправляясь въ походъ, 800 пѣшихъ солдатъ, тогда какъ намъ извѣстно, что послѣдній Мангупскій князь въ 1476 году, когда Турки, послѣ взятія генуэзской Кафы, подступили къ Мангупу, не имѣлъ въ своемъ войскѣ Готеовъ, а защищался съ 300 Валахами (Canale, Della Crimea. Vol. III. p. 356). Не видно ли изъ этого, что путешественники сочинили подобную небылицу, принимая за Готеовъ крымскихъ евреевъ, какъ уже думалъ Бекманнъ (Litteratur der ältern Reisebeschreibungen, Göttingen 1807 1, 179, 180), введенные въ заблужденіе тѣмъ, что первоначальное церковно-іерархическое названіе Готеія, данное Греками крымскому епископству, а потомъ архіепископству, получило со временемъ значеніе географическое и заставило ихъ искать Готеовъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Всѣмъ извѣстно, что названіе Скиѳія и Сармація давалось долго странѣ, когда въ ней не было ни Скиѳовъ ни Сарматовъ. Крымъ назывался у Генуэзцевъ Газаріей еще въ XV столѣтіи. Сѣверная его часть подъ названіемъ Аланія принадлежала къ архіепископству готейскому. Титулъ готейскаго сохранился еще за митрополитомъ Игнатіемъ, жившимъ въ Бахчисараѣ въ 1779 году, который переселился съ крымскими Греками на сѣверный берегъ Азовскаго моря. На основаніи этого вопросъ о крымскихъ Готеахъ заслуживаетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

98. Хазары, владѣвшіе долгое время значительной частью Россіи вмѣстѣ съ Крымомъ, не могли исчезнуть безслѣдно. Нѣкоторые слѣды ихъ господства указаны въ статьѣ Юргевича «О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ Русской исторіи», помѣщенной въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Желательно было-бы, чтобы этотъ вопросъ былъ обсужденъ въ особой статьѣ и болѣе подробно.

99. Такъ какъ у Черкесовъ сохранилась до сихъ поръ память о Генуэзцахъ (см. примѣчаніе къ генуэзскому уставу 1449 года въ V томѣ Запис. Одесск. Общ.), то интересно было-бы знать, не сохранились ли на Кавказѣ вещественныя доказательства пребыванія Генуэзцевъ, какъ-то оружіе, монеты и т. под.

100. Какъ понимать свидѣтельство Шардена о положеніи Азака (см. Черноморье Бруна 1, 137) и документъ венеціанскій, помѣщенный у Канале (см.

Записк. Одесск. Общ. примѣч. къ уставу 150 въ V томѣ стр. 835), по которому Венеціанцамъ повелѣвалось ихъ сенатомъ, по поводу ссоры съ Генуэзцами, хлопотать у хана о назначеніи имъ другаго мѣста для ихъ факторіи въ Танѣ, лежащаго на берегу моря. (Брунъ, Черноморье, 1, стр. 207)? Слѣдовало-бы изслѣдовать мѣстность около плавней.

101. Мѣстоположеніе Діоскуріи.

102. О древностяхъ Одессы.

ОТЧЕТЪ

Распорядительнаго Комитета по устройству VI Археологическаго Съезда въ Одессѣ.

Пятый Археологическій Съездъ, происходившій въ Тифлисъ въ 1881 году, заслушавъ въ общемъ собраніи своемъ 21-го Сентября телеграмму отъ г. попечителя одесскаго учебнаго округа о томъ, что совѣтъ Императорскаго Новороссійскаго университета считаетъ за честь принять на себя устройство VI Археологическаго Съезда, опредѣлилъ: «мѣстомъ собранія въ 1884 г. VI Археологическаго Съезда избрать г. Одессу, возложивъ подготовительныя работы по его устройству на совѣтъ Новороссійскаго университета».

По ходатайству совѣта Новороссійскаго университета и представленію г. попечителя одесскаго учебнаго округа г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія въ 29 день Октября 1882 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на устройство въ 1884 году VI Археологическаго Съезда въ Одессѣ и на созывъ въ Декабрѣ 1882 г. въ Москвѣ предварительнаго комитета для выработки правилъ и программы Съезда, съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства 3000 рублей на устройство означеннаго Съезда.

Образованная совѣтомъ Новороссійскаго университета коммиссія для подготовительныхъ работъ по устройству Съезда обратилась съ просьбою къ университетамъ, археологическимъ обществамъ и другимъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ о командированіи въ Москву депутатовъ для принятія участія въ работахъ предварительнаго комитета и къ ученымъ, извѣстнымъ своими трудами по археологіи или своими собраніями древностей, о доставленіи подробно мотивированныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ для обсужденія на Съездѣ, съ указаніемъ на мѣстности, изслѣдованіе которыхъ въ археологическомъ отношеніи было-бы желательно въ видахъ собиранія научныхъ матеріаловъ для предстоящаго Съезда. Въмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія постановила обратиться съ подобными же просьбами къ заграничнымъ археологическимъ обществамъ и къ извѣстнѣйшимъ ученымъ, интересующимся русской исторіей и археологіей.

Предварительный Комитетъ, засѣданія котораго происходили въ Москвѣ съ 15 по 18 Декабря 1882 года, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Н. Н. Мурзакевича и предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. С. Уварова, въ составѣ членовъ этого Общества и депутатовъ, прибывшихъ для участія въ Комитетѣ, отъ разныхъ ученыхъ учреждений и обществъ, выработалъ правила Съезда, затѣмъ утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 30 Іюня 1883 года.

Дальнѣйшія подготовительныя работы по устройству Съезда были сосредоточены въ Одессѣ въ Распорядительномъ Комитетѣ Съезда при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ профессора Н. П. Кондакова.

Одною изъ главныхъ своихъ задачъ Комитетъ призналъ исполненіе ученыхъ экскурсій съ цѣлью изслѣдованія нѣкоторыхъ мѣстностей для отысканія новыхъ данныхъ и свѣжихъ матеріаловъ къ предстоявшему Съезду. Двѣ изъ нихъ были намѣчены еще Предварительнымъ Комитетомъ въ Москвѣ, по заявленію графа Уварова, а именно: 1) для изслѣдованія пещеръ и кургановъ по побережью Днѣстра, и 2) для разслѣдованія предполагаемыхъ кухонныхъ остатковъ на островѣ Березани. Первая экскурсія была исполнена лѣтомъ 1883 и 1884 г. профессоромъ В. Б. Антоновичемъ.

Экскурсія профессора Антоновича, охватившая большой районъ, ознаменовалась любопытными открытіями и вызвала посылку отъ Комитета фотографа г. Рауля для снятія самой мѣстности и открытыхъ памятниковъ. Развѣдка на островѣ Березани произведена весною 1884 г. членами Новороссійскаго Общества Естественныхъ Наукъ Р. А. Пренделемъ и И. М. Видгальмомъ.

Археологическая экскурсія въ Константинополь, устроенная Комитетомъ, имѣла цѣлью собраніе на мѣстѣ матеріаловъ для топографіи Цареграда въ эпоху его завоеванія Турками и изученіе сохранившихся памятниковъ. Августѣйшему Предсѣдателю VI Археологическаго Съезда Великому Князю Сергію Александровичу благоудно было отнестись милостиво и сочувственно къ ходатайству Комитета и по послѣдовавшему 27 Января 1884 г. Высочайшему повелѣнію въ пособіе Комитету на означенную экскурсію было ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства 1200 руб. Экскурсія была совершена весною 1884 г. въ слѣдующемъ составѣ: профессора Н. П. Кондаковъ, Ѳ. И. Успенскій и В. Гр. Васильевскій, фотографъ Ю. Рауль, рисовальщикъ А. Ф. Красовскій, архитекторъ А. Г. Люнгсъ, при участіи прибывшаго въ Константинополь художника Э. С. Вилье.

Кромѣ того нѣсколько лицъ, отправляясь въ ученые поѣздки для собранія новыхъ матеріаловъ, преимущественно въ Южной Россіи, изъявили желаніе содѣйствовать цѣлямъ Съезда и потому приняли на себя порученія Комитета:

профессоръ И. В. Лучицкій по разысканію неизвѣстныхъ частей Румянцевской описи Малороссіи и изслѣдованію этого замѣчательнаго собранія въ различныхъ архивахъ Полтавской и Черниговской губерній; г. Эварницкій по изслѣдованію малоизвѣстныхъ мѣстностей Запорожской Сѣчи, г. Браунеръ по собиранію этнографическихъ и археологическихъ матеріаловъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, г. Залѣсскій въ Кубанской области и друг.

Комитетъ нашелъ возможнымъ принять мѣры къ организаціи одной археологической экскурсіи въ Крымъ, въ виду невозможности выполнить въ большомъ числѣ членовъ экскурсіи въ другія мѣстности, представляющія археологическій интересъ, какъ то Ольвію или Керчь. По предварительному проекту экскурсію членовъ Съѣзда, въ числѣ около 100 чел., въ Крымъ предположено было выполнить въ теченіи 5—6 дней, причѣмъ полагалось посѣтить Севастополь, Херсонесъ, Инкерманъ, Георгіевскій монастырь, Бахчисарай, и пещерные города Чуфуть-Кале, Тепе-Кермень, Мангупъ-Кале и Черкесъ-Кермень. Въ виду особаго интереса, представляемаго развалинами древняго города Херсонеса, послѣ произведенныхъ тамъ раскопокъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, Комитетъ обращался къ содѣйствію означеннаго Общества. По просьбѣ Комитета вице-президентъ Общества В. Н. Юргевичъ принялъ на себя руководство экскурсіе въ Херсонесъ, а Общество выразило готовность производить раскопки въ мѣстности древняго Херсонеса во время пребыванія тамъ членовъ Съѣзда. По ходатайству Комитета Правленіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли предоставило для экскурсіи въ Крымъ бесплатный провозъ членовъ Съѣзда изъ Одессы въ Севастополь и обратно на особомъ пароходѣ, а Правленіе Лозово-Севастопольской желѣзной дороги — бесплатный проѣздъ изъ Севастополя въ Бахчисарай и обратно. Затѣмъ Комитетъ обращался съ ходатайствомъ къ мѣстному начальству и городскому управленію въ Севастополь о предоставленіи членамъ Съѣзда возможныхъ удобствъ.

Наравнѣ съ учеными экскурсіями Комитетъ имѣлъ въ виду для содѣйствія цѣлямъ Съѣзда нѣкоторыя научныя изданія. Такъ еще въ Апрѣлѣ 1882 г., по предложенію председателя, Комитетъ остановился на мысли о насущной современной потребности составить сборникъ всѣхъ надписей древне-греческихъ колоній береговъ Чернаго моря, и мысль эта, какъ *rius desiderium*, сообщена была г. секретарю Русскаго Археологическаго Общества профессору И. В. Помяловскому. Русское Археологическое Общество приняло на себя это капитальное изданіе подъ редакціей В. В. Латышева и къ открытію Съѣзда было представлено начало этого замѣчательнаго труда, общающаго стать наравнѣ съ лучшими европейскими собраніями этого рода.

Въ виду интереса, представляемаго историко-географическими вопросами мѣстнаго края, по порученію Комитета, профессоръ Л. Ф. Воеводскій принялъ на

себя трудъ составленія «Карты древнихъ поселеній на югѣ Россіи». Карта эта приложена къ членскимъ билетамъ.

Желая по возможности распространить знакомство съ вопросами, занимающими археологію, и съ программю собиранія археологическаго матеріала, Комитетъ издалъ въ трехъ выпускахъ трудъ своего члена *А. А. Митюева*: «Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Вып. I. Этнографія. Вып. II. Программа историко-географическихъ свѣдѣній. Вып. III. Археологія. Одесса 1884».

VI Археологическому Съезду посвящены слѣдующія изданія:

1. *П. О. Бурачкова*. Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ жившихъ въ древности на югѣ нынѣшней Россіи въ періодъ пребыванія тамъ Эллиновъ. Съ изображеніями на XXXII табл. Часть I. Общій каталогъ монетъ. Одесса 1884.

2. *А. В. Орпинникова*. Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. Москва 1884.

3. *J. R. Aspelin*. La Rosomonorum gens et le Ruotsi. Etude d'histoire et d'archéologie respectueusement dédiée au Congrès Archéologique d'Odessa. Helsingfors, 1884.

4. Collection Lemmé à Odessa décrite par M. F. Première partie: Orfèvrerie antique. Dedié au VI-me Congrès Archéologique Russe. Odessa, Août 1884.

Послѣднею по времени задачей Комитета было организовать, согласно § 8 Правилъ Съезда, археологическую выставку при Съездѣ. Признавая, что живая связь, возникающая между обществомъ и дѣятелями науки чрезъ посредство археологическихъ выставокъ, взаимными усиліями устраиваемыхъ, служить однимъ изъ дѣйствительныхъ способовъ распространенія интереса къ историко-археологическимъ наукамъ въ обществѣ, Комитетъ стремился къ возможно полному и лучшему устройству выставки. Преслѣдуя эту цѣль, Комитетъ обращался съ просьбами принять участіе въ выставкѣ къ многимъ частнымъ владельцамъ археологическихъ коллекцій на югѣ Россіи или отдѣльныхъ предметовъ древностей, преимущественно мѣстнаго значенія, а также къ духовенству южно-русскихъ епархій съ просьбою о содѣйствіи комитету въ устройствѣ отдѣла церковныхъ древностей.

Комитетъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ упомянуть при этомъ о просвѣщенномъ содѣйствіи его цѣлямъ со стороны многихъ лицъ, приславшихъ своя коллекція и работы на выставку Съезда: г. Херсонскаго предводителя дворянства *И. И. Куриса*, проф. Петербургскаго университета *А. В. Прахова*, проф. Кіевскаго университета *В. Б. Антоновича*, помѣщика Екатеринославской губ. *А. Н. Поля*, *Н. К. Суручана*, *Д. И. Эварницкаго*, *В. А. Орлова*, *А. Н. Кудрявцева*, *В. Н. Хитрово*, *В. Н. Ястребова*, *В. В. Суслова*, *А. Ф. Краковского*, *Ю. К. Рауля*, *Н. А. Фадѣевой* и многихъ другихъ.

По просьбѣ Комитета графъ М. Д. Толстой, владѣющій замѣчательной галлереей картинъ древнихъ школъ, происходящей изъ дворца Гримани въ Венеціи, предоставилъ членамъ Съѣзда обозрѣвать эти картины въ его домѣ, открытомъ для сего во все время Съѣзда.

Въ заключеніе Распорядительный Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ содѣйствовавшимъ Комитету въ дѣлѣ устройства Съѣзда, Одесской Городской Думѣ за дарованную отъ города на усиленіе средствъ Комитета субсидію въ 2,000 руб., Русскому Обществу Пароходства и Торговли за предоставленіе особаго парохода для экскурсіи членовъ Съѣзда въ Крымъ и Правленіямъ Обществъ Желѣзныхъ Дорогъ, предоставившимъ льготы по переѣздамъ членовъ Съѣзда.

Денежный отчетъ Распорядительнаго Комитета VI-го Археологическаго Съѣзда.

ПРИХОДЪ.

	Р. К. Р. К.
1. Ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства на устройство Съѣзда.....	3000.—
2. Ассигновано на Константинопольскую экскурсію....	1200.—
3. Субсидія отъ Одесской Городской Думы.....	2000.—
%	26.45
4. Членскіе взносы.....	1258.—
Итого прихода....	7484.45.

РАСХОДЪ.

1. <i>На экскурсіи:</i>	
а) Въ побережье Днѣстра проф. В. Б. Антоновича....	500.—
б) На островъ Березань Р. А. Пренделя и И. М. Видгальма	150.—
в) Въ Константинополь профессоры Н. П. Кондакова, Ѳ. И. Успенскаго, В. Г. Васильевскаго, фотографа Ю. Рауля и рисовальщика А. Ф. Красовскаго.....	1650.—
г) Въ Елисаветградскій уѣздъ А. А. Браунера	25.—
д) По устройству экскурсіи членовъ Съѣзда въ Севастополь и его окрестности.....	106.65
	2431.65.

XLVIII

2. На устройство выставки :

	Р. К. Р. К.
а) За поѣздки и снимки фотографій съ древностей по Днястру фотографу Раулю	145.—
б) За сухіе негативы и бумагу для фотографій въ Константинополѣ, фотографу Раулю за снимки въ Константинополѣ, за рамы и пасъ-парту для акварелей	343.52
в) За окраску залы для выставки, заказъ витринъ, экрановъ и приспособленіе мебели	344.23
г) За пересылку изъ Петербурга въ Одессу и обратно и устройство коллекціи проф. Прахова	336.61
д) За пересылку и переноску разныхъ предметовъ и разные расходы по устройству выставки	94.30
	1263.66.

3. На изданія Комитета :

а) За 1200 экз. Программы Съѣзда, 1 и 2 Приложенія съ пригласительными бланками	198.—
б) За 1200 экз. Членскихъ билетовъ съ картою и планомъ и за 1800 удостовѣреній для Жел. Дорогъ ..	289.—
в) За 400 экз. 1 и 2 выпусковъ соч. г. Матвѣева	55.—
г) За 250 экз. Рефератовъ Съѣзда изъ Новороссійскаго Телеграфа	65.—
	607.—

4. Общіе расходы :

а) За письменныя принадлежности, печатаніе бланговъ, почтовые расходы и телеграммы	134.92
б) Вознагражденіе дѣлопроизводителю за 11 мѣсяцевъ	275.—
в) Вознагражденіе писцу и разсылному	295.—
г) Въ счетъ заказа значковъ для членовъ Съѣзда....	151.03
д) Устройство бюро въ университетѣ, на вокзалѣ и пароходной пристани и вознагражденіе 12 служителей	191.53
е) Уплочено за квартиры 5 членовъ Съѣзда иностранцевъ, расходъ по прощальному обѣду и на покрытіе убытка по буфету при Съѣздѣ.....	251.25
ж) За печатаніе билетовъ и вывѣсокъ, освѣщеніе, разѣзды и проч.	53.44 1352.14
	5654.45

Итого расхода.... 5654.45
Остатокъ 1830 руб. переданъ въ Редакціонный Комитетъ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ СЪЪЗДА.

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЪДАТЕЛЬ VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Предсѣдатель Създа: Графъ Алексѣй Сергѣевичъ *Уваровъ.*

Распорядительный Комитетъ.

Предсѣдатели:

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ *Уваровъ.*

Никодимъ Павловичъ *Кондаковъ.*

Федоръ Ивановичъ *Леонтовичъ.*

Почетные Члены:

Министръ Народнаго Просвѣщенія Иванъ Давыдовичъ *Деляновъ.*

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія князь Михаилъ Сергѣевичъ
Волконскій.

Архіепископъ Херсонскій и Одесскій *Никаноръ.*

Временный Одесскій Генераль-Губернаторъ Христофоръ Христофоровичъ
Роопъ.

Графъ Александръ Григорьевичъ *Строгановъ.*

Баронъ Федоръ Андреевичъ *Бюллеръ.*

Александръ Алексѣевичъ *Васильчиковъ.*

Члены:

Азаревичъ Дмитрій Ивановичъ.

Арсеньевъ Дмитрій Сергѣевичъ.

Воеводскій Леопольдъ Францовичъ.

L

Войтговскій Василій Мироновичъ.
Головкинскій Николай Алексѣевичъ.
Гротъ Николай Яковлевичъ.
Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ.
Заленскій Владиміръ Владиміровичъ.
Зарудный Викторъ Ивановичъ.
Комаровъ Александръ Виссаріоновичъ.
Косаговскій Павелъ Павловичъ.
Кочубинскій Александръ Александровичъ.
Кудрявцевъ Александръ Николаевичъ.
Курисъ Иванъ Иракліевичъ.
Лавровскій Петръ Алексѣевичъ.
Маразли Григорій Григорьевичъ.
Матвѣевъ Антонъ Александровичъ.
Мечниковъ Пля Ильичъ.
Неграсовъ Иванъ Степановичъ.
Овсянко-Куликовскій Дмитрій Николаевичъ.
Перетятковичъ Георгій Ивановичъ.
Пироговъ Владиміръ Николаевичъ.
Трачевскій Александръ Семеновичъ.
Успенскій Фѣдоръ Ивановичъ.
Хитрово Василій Николаевичъ.
Чихачевъ Николай Матвѣевичъ.
Юргевичъ Владиславъ Норбертовичъ.
Ярошенко Семень Петровичъ.
Эрдели Николай Владиміровичъ.
К а з н а ч е й : Павелъ Митрофановичъ Прохоровъ.
Д ѣ л о п р о и з в о д и т е л ь : Людвигъ Филипповичъ Брунъ

Ученый Комитетъ.

Предсѣдатель Н. П. Кондаковъ.

<i>По отдѣленіямъ :</i>	<i>Предсѣдатели :</i>	<i>Секретари .</i>
Общихъ вопросовъ	В. И. Модестовъ	И. В. Лучицкій.
I. Древности первобытныя	Д. Н. Анучинъ	В. Б. Антоновичъ
II. Памятники языческіе	Кн. П. А. Путятинъ	Ю. Я. Булаговскій.
III. Памятники классическіе	И. В. Помяловскій	Н. В. Цвѣтаевъ.
IV. Пам. обществ. и домашн. быта	М. М. Ковалевскій	Д. И. Багал'ѣй.
V. Пам. юридическіе	Ө. И. Леонтовичъ	А. Н. Евреинова.
VI. Пам. искусства	Н. П. Кондаковъ	Н. В. Покровскій.
VII. Пам. языка и письма	А. Ө. Бычковъ	В. В. Латышевъ.
VIII. Пам. истор. географіи	Д. Я. Самоковасовъ	А. А. Матвѣевъ.
IX. Пам. византійскіе	В. Г. Васильевскій	Ө. И. Успенскій.
X. Восточныя древности	А. Я. Гаркави	В. Д. Смирновъ.

Списокъ гг. Депутатовъ, прибывшихъ на Съѣздъ.

- Отъ Императорской Академіи Наукъ : А. Ө. Бычковъ и И. В. Ягичъ.
- » Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества : Графъ А. А. Бобринскій, Н. Е. Бранденбургъ, А. Я. Гаркави, Л. К. Ивановскій, П. Н. Петровъ, А. В. Праховъ, князь П. А. Путятинъ, Д. А. Сабан'евъ, Н. И. Стояновскій и К. Ж. Никольскій.
 - » Импер. Археологической Коммисіи : П. А. Безсоновъ.
 - » Археографической Коммисіи : А. Ө. Бычковъ.
 - » Археологическаго Института : Князь П. А. Путятинъ.
 - » Императорскаго С.-Петербургскаго университета : И. В. Помяловскій, Н. И. Веселовскій и В. Д. Смирновъ.
 - » Императорскаго Эрмитажа : Ю. Б. Иверсенъ.
 - » С.-Петербургской Духовной Академіи : Н. В. Покровскій.
 - » Императорской Академіи Художествъ : В. В. Сусловъ.

- Отъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ: Н. В. Султановъ.
- » Православнаго Палестинскаго Общества: В. Г. Васильевскій.
 - » Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: П. А. Соколовскій и Д. И. Чубиновъ.
 - » Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Графъ А. С. Уваровъ, Д. Н. Анучинъ, Д. И. Иловайскій, И. Д. Мансветовъ, В. Θ. Миллеръ, А. В. Орѣшниковъ, А. М. Подшиваловъ и В. И. Сизовъ.
 - » Императорскаго Московскаго университета: А. С. Павловъ, Д. Н. Анучинъ и И. В. Цвѣтаевъ.
 - » Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей: Ю. Д. Филимоновъ, Г. Θ. Карповъ и П. А. Безсоновъ.
 - » Московской Духовной Академіи: Гр. Ал. Воскресенскій.
 - » Московскаго Архива Министерства Юстиціи А. А. Орловъ.
 - « Московскаго Юридическаго Общества: М. М. Ковалевскій и А. С. Павловъ
 - » Императорскаго Общества Любителей Естествознанія: Д. Н. Анучинъ.
 - » Московскаго Архитектурнаго Общества: А. А. Авдѣевъ.
 - » Императорскаго университета Св. Владиміра: В. Б. Антоновичъ, И. В. Лучицкій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Т. Д. Флоринскій и Ю. А. Булаковскій.
 - » Кіевской Духовной Академіи: Н. И. Петровъ.
 - » Историческаго Общества лѣтописца Нестора: А. А. Андріевскій, М. И. Булишеръ и Θ. Г. Лебединцевъ.
 - » Кіевской Временной Комисіи для разбора древнихъ актовъ: И. А. Линниченко.
 - » Историко-филологическаго Института въ Нѣжинѣ: П. И. Люперольскій и М. Н. Бережковъ.
 - » Императорскаго Харьковскаго университета: Д. И. Багалъй.
 - » Императорскаго Варшавскаго университета: А. И. Никитскій, А. Θ. Мѣржинскій, О. О. Первольфъ, А. С. Будиловичъ, Д. Я. Самогвасовъ, А. И. Смирновъ, Н. И. Карѣевъ, К. Я. Гротъ и Н. Н. Любовичъ.
 - » Императорскаго Дерптскаго университета: И. Е. Энгельманъ и П. А. Висковатовъ.
 - » Императорскаго Гельсингфорскаго университета: I. Р. Аспелинъ.
 - » Хорватскаго Археологическаго Общества: С. Любичъ и Ф. Рачки.
 - » Греческаго Филологическаго Общества въ Константинополѣ: А. Пападопуло Карамевсъ.
 - » Археологическаго Музея въ Ольмюцѣ: Г. Ванкель.
-

Списокъ Членовъ VI Археологическаго Съезда.

- Августиновичъ Николай Лаврентьевичъ, Севастополь.
 Авдѣевъ Алексѣй Александровичъ, Севастополь.
 Азаревичъ Дмитрій Ивановичъ, Одесса.
 Алехинъ Александръ Ивановичъ, Воронежъ.
 Андожскій Василій Якимовичъ, Одесса.
 Андреевскій Алексѣй Александровичъ, Кіевъ.
 Андріевскій Андрей Митрофановичъ, Екатеринославъ.
 Антоновичъ Владиміръ Бонифасьевичъ, Кіевъ.
 Анучинъ Дмитрій Николаевичъ, Москва.
 Аргутинскій-Долгоруковъ князь Константинъ Моисеевичъ, Одесса.
 Аргутинскій-Долгоруковъ князь Николай Васильевичъ, Тифлисъ.
 Аспелинъ Юганъ Рейнг., Гельсингфорсъ.
 Аванасьевъ Георгій Емельяновичъ, Одесса.
 Багалѣй Дмитрій Ивановичъ, Харьковъ.
 Балицкий Иванъ Ивановичъ, Прилуки.
 Балласъ Тереза Конст., Аккерманъ.
 Бантышъ Георгій Дмитріевичъ, Бѣльцы.
 Башмаковъ Александръ Александровичъ, Одесса.
 Безгровный Илья Степановичъ, Керчь.
 Безсоновъ Петръ Алексѣевичъ, Харьковъ.
 Безсонова Дарья Петр., Харьковъ.
 Бережковъ Михаилъ Николаевичъ, Нѣжинъ.
 Бернштейнъ Михаилъ Григорьевичъ, Одесса.
 Бертъ де-ла-Гардъ Александръ Львовичъ, Севастополь.
 Березина Людмила Александр., Одесса.
 Бестужевъ-Рюминъ Константинъ Николаев., Петербургъ.
 Билигъ Исаакъ Владиміровичъ, Херсонъ.
 Бларамбергъ Федоръ Ипполитовичъ, Одесса.
 Блокъ Евгеній Эдуардовичъ, Одесса.
 Блюменфельдъ Германъ Фадѣевичъ, Одесса.
 Бобринскій графъ Алексѣй Александровичъ, Петербургъ.
 Богдановъ П. А., Москва.
 Богословскій Николай Петровичъ, Москва.
 Богоявленскій Михаилъ Константиновичъ, Одесса.
 Боннелль Эрнестъ Ивановичъ, Петербургъ.
 Бордычевскій Владиміръ Александровичъ, Одесса.
 Борзаковскій Петръ Корнил., Одесса.
 Бориневичъ Ант. Самойловичъ, Богодуховъ.

Бранденбургъ Николай Ефимовичъ, Петербургъ.
 Брунъ Карлъ Филипповичъ, Одесса.
 Брунъ Людвигъ Филипповичъ, Одесса.
 Браунеръ Александръ Александровичъ, Елисаветградъ
 Брунъ Моисей Исааковичъ, Одесса.
 Будде Евгенийъ Фодоровичъ, Одесса.
 Бурачковъ Платонъ Осиповичъ, Херсонъ.
 Быковскій Константинъ Михайловичъ, Москва.
 Бычковъ Аванасій Фодоровичъ, Петербургъ.
 Бѣлозерскій Николай Михайловичъ, Борзна.
 Бѣльскій Владиміръ Николаевичъ, Одесса.
 Ванкель Генрихъ, Ольмютцъ.
 Ванкель Люція Генр., Ольмютцъ.
 Ванкель Магдал. Генр., Ольмютцъ.
 Василевскій Теоф. Александровичъ, Елисаветградъ.
 Васильевскій Василій Григорьевичъ, Петербургъ.
 Вассаль Владиміръ Романовичъ, Одесса.
 Ващенко Ольга Эраст., Одесса.
 Великановъ Александръ Семеновичъ, Одесса.
 Веневитиновъ Михаилъ Алексѣевичъ, Воронежъ.
 Веселовская Варвара Вас., Петербургъ.
 Веселовскій Николай Ивановичъ, Петербургъ.
 Видгальмъ Игнатій Мартыновичъ, Одесса.
 Визаро Владиміръ Яковлевичъ, Полтава.
 Виноградовъ Вас. Ксеноф., Феодосія.
 Висковатовъ Павелъ Александровичъ, Дерптъ.
 Владимірова Зинаида Ефим., Петербургъ.
 Владимірскій-Будановъ Михаилъ Флегонт., Кіевъ.
 Воеводскій Леопольдъ Францовичъ, Одесса.
 Волчанецкій Петръ Ивановичъ, Одесса.
 Вольфензонъ Аронъ Львовичъ, Одесса.
 Волянскій Николай Ананьевичъ, Херсонъ.
 Вонлярлярскій Серг. Александровичъ, Одесса.
 Воскресенскій Григорій Александровичъ, Москва.
 Войтковскій Василій Мироновичъ, Одесса.
 Всеволожскій Андрей Никит., Симферополь.
 Вырланъ Александръ Васильевичъ, Одесса.
 Габбе Владиміръ Николаевичъ, Одесса.
 Ганнибалъ Анна Семен., Одесса.
 Гаркави Авраамъ Яковлевичъ, Петербургъ.

Гацискій Александръ Серафимовичъ, Нижній Новгородъ.
 Герасимовъ Александръ Дмитріевичъ, Одесса.
 Гербель Ольга Николаевна, Николаевъ.
 Гермашова Анна Акимовна, Одесса.
 Гиль Христіанъ Христіановичъ, Петербургъ.
 Головацкій Всеволодъ Яковлевичъ, Вильна.
 Головацкій Яковъ Федоровичъ, Вильна.
 Головинскій Николай Алексѣевичъ, Одесса.
 Голицынъ князь Василій Дмитріевичъ, Варшава.
 Голубовскій Петръ Васильевичъ, Кіевъ.
 Городецкій Кондратій Фомичъ, Одесса.
 Горожанскій Николай Петровичъ, Москва.
 Граве Владиміръ Владиміровичъ, Одесса.
 Гроссъ Федоръ Ивановичъ, Керчь.
 Гротъ Константинъ Яковлевичъ, Варшава.
 Гротъ Николай Яковлевичъ, Одесса.
 Гурляндъ Іона Ильичъ, Одесса.
 Гуровичъ Симонъ Соломоновичъ, Одесса.
 Гуслистый Дмитрій Григорьевичъ, Петербургъ.
 Длугошъ Іосифъ Александровичъ, Одесса.
 Добровъ Григорій Ивановичъ, Севастополь.
 Добровскій Василій Магаровичъ, Одесса.
 Доброграева Елена Алексѣевна, Кіевъ.
 Долинскій Левъ Павловичъ, Одесса.
 Дризо Александръ Акимовичъ, Одесса.
 Дуброва Сергѣй Павловичъ, Харьковъ.
 Душенькевичъ Михаилъ Гавриловичъ, Каменецъ-Подольскъ.
 Евреинова Анна Михайловна, Петербургъ.
 Егунова Софья Николаевна, Кіевъ.
 Еранцевъ Федоръ Николаевичъ, Севастополь.
 Желиховскій Ипполитъ Петровичъ, Одесса.
 Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ, Москва.
 Заленскій Владиміръ Владиміровичъ, Одесса.
 Залѣскій Григорій Васильевичъ, Екатеринодаръ.
 Зарудный Викторъ Ивановичъ, Николаевъ.
 Звенигородской Александръ Викторовичъ, Петербургъ.
 Ивановъ Андрей Акимовичъ, Кіевъ.
 Иверсенъ Юлій Богдановичъ, Петербургъ.
 Иверсенъ Матильда Александровна, Петербургъ.
 Иверсенъ Альма Юліевна, Петербургъ.

- Иверсенъ Матильда Юліевна, Петербургъ.
 Игнатъевъ Р. Г., Москва.
 Износковъ Ілюд. Александр., Базань.
 Иконниковъ Владиміръ Степановичъ, Кіевъ.
 Іловайскій Дмитрій Ивановичъ, Москва.
 Каманинъ Иванъ Михайловичъ, Кіевъ.
 Каминскій Федоръ Ивановичъ, Лубны.
 Карповъ Геннадій Федоровичъ, Москва.
 Карѣевъ Николай Ивановичъ, Варшава.
 Касперовъ Василій Ивановичъ, Алушта.
 Кашневъ Василій Ивановичъ, Одесса.
 Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ, Одесса.
 Кирьяковъ Григорій Степановичъ, Лубны.
 Клименко Ефимъ Филимоновичъ, Одесса.
 Князевъ Александръ Сергѣевичъ, Одесса.
 Ковалевскій Максимъ Максимовичъ, Москва.
 Кожевниковъ Михаилъ Михайловичъ, Одесса.
 Колачевскій Серг. Николаевичъ, Одесса.
 Кондаковъ Михаилъ Павловичъ, Ялта.
 Кондаковъ Никодимъ Павловичъ, Одесса.
 Константиновичъ Николай Александровичъ, Кіевъ.
 Кореницкій Николай Григорьевичъ, Одесса.
 Корфъ баронъ Николай Федоровичъ, Одесса.
 Косцюшко Карлъ Казиміровичъ, Севастополь.
 Котруца Александръ Матвѣевичъ, Кишиневъ.
 Кохно Александръ Андреевичъ, Одесса.
 Кочубинскій Александръ Александровичъ, Одесса.
 Красовскій Артуръ Францовичъ, Одесса.
 Кренбергъ Артуръ Владиміровичъ, Одесса.
 Крыжановскій Петръ Адамовичъ, Одесса.
 Крыловъ Александръ Лукичъ, Новочеркасскъ.
 Кудрявцевъ Александръ Николаевичъ, Одесса.
 Булаковскій Юліанъ Андреевичъ, Кіевъ.
 Кулишеръ Михаилъ Игнатъевичъ, Кіевъ.
 Кунигъ Аристъ Аристовичъ, Петербургъ.
 Кужба 2-й Николай Ильичъ, Городня.
 Лавинскій Юлій Генриховичъ, Одесса.
 Лагодовскій Федоръ Аркадіевичъ, Кишиневъ.
 Ламанскій Владиміръ Ивановичъ, Петербургъ.
 Ланге Николай Христ., Одесса.

Лати Алексѣй Францовичъ, Одесса.
 Латышевъ Василій Васильевичъ, Петербургъ.
 Лашковъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Симферополь.
 Лебединцевъ Арсеній Гавриловичъ, Одесса.
 Лебединцевъ Петръ Гавриловичъ, Кіевъ.
 Лебединцевъ Ѳеофанъ Гавриловичъ, Кіевъ.
 Левицкій Орестъ Ивановичъ, Кіевъ.
 Левченко Михаилъ Михайловъ, Кіевъ.
 Лемме Юлій Христіановичъ, Одесса.
 Леонтовичъ Ѳедоръ Ивановичъ, Одесса.
 Лигинъ Валеріанъ Николаевъ, Одесса.
 Линниченко Иванъ Андреевичъ, Кіевъ.
 Лихачевъ Андрей Ѳедоровичъ, Казань.
 Лоначевскій Степанъ Ивановичъ, Богодуховъ.
 Лопата Трофимъ Моис., Кіевъ.
 Лоранъ Ефросинія Балнинична, Одесса.
 Лучицкій Иванъ Васильевичъ, Кіевъ.
 Львовъ Аполли. Никол., Петербургъ.
 Люба-Радзиминскій Сигизм. Владим., Кременецъ.
 Любичъ Сима, Загребъ.
 Люнксъ Артуръ Густавовичъ, Одесса.
 Люперсольскій Петръ Ивановичъ, Нѣжинъ.
 Ляхъ Елисавета Влад., Екатеринодаръ.
 Ляхъ Ѳедоръ Влад. Екатеринодаръ.
 Малаховъ Михаилъ Викторовичъ, Ялта.
 Малининъ Михаилъ Иван., Одесса.
 Маковская Юлія Павловна, Москва.
 Маковскій Константинъ Егоровичъ, Москва.
 Мансветовъ Иванъ Даниловичъ, Москва.
 Маргулисъ Михаилъ Григорьевичъ, Одесса.
 Маркевичъ Алексѣй Ивановичъ, Одесса.
 Маркевичъ Любовь Семеновна, Одесса.
 Маркопуло Аристот. Ѳед., ст. Уманская.
 Маровскій Людвигъ Адольфовичъ, Одесса.
 Мартыновъ А. А., Москва.
 Матвѣевъ Антонъ Александровичъ, Одесса.
 Машкевичъ Василій Ѳедоровичъ, Одесса.
 Мельникъ Екатерина Николаевна, Кіевъ.
 Мечниковъ Илья Ильичъ, Одесса.
 Миллеръ Всеволодъ Ѳед., Москва.

Модестовъ Василій Ивановичъ, Петербургъ.
 Молдавскій Григорій Никифоровичъ, Одесса.
 Моранди Францъ Осиповичъ, Одесса.
 Мочульскій Василій Николаевичъ, Одесса.
 Мочутковскій Осипъ Осиповичъ, Одесса.
 Мурузи князь Константинъ Дмитриевичъ, Унгены.
 Мурье Юлій, Одесса.
 Мѣржинскій Антонъ Ѳад., Варшава.
 Накко Алексѣй Константиновичъ, Кишиневъ.
 Науменко Владиміръ Павловичъ, Кіевъ.
 Недзѣльскій Антонъ Григорьевичъ, Севастополь.
 Незеленый Александръ Ильичъ, Петербургъ.
 Некрасовъ Иванъ Степановичъ, Одесса.
 Немировскій Анатолій Осиповичъ, Одесса.
 Никитинъ Н. В., Москва.
 Никитскій Александръ Ивановичъ, Варшава.
 Никифоровъ Василій Николаевичъ, Александрія.
 Николайчикъ Ѳед. Данил., Кіевъ.
 Никольскій Константинъ Тимофѣевичъ, Петербургъ.
 Новосадскій Николай Ивановичъ, Петербургъ.
 Нѣмецъ Ярославъ Осиповичъ, Одесса.
 Овенъ Адольфъ Васильевичъ, Одесса.
 Овсянко-Буликовскій Дмитрій Николаевичъ, Одесса.
 Оглоблинъ Николай Николаевичъ, Москва.
 Околовичъ Аѳанасій Андреевичъ, Одесса.
 Орловскій Степанъ Филар., Одесса.
 Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Москва.
 Орловъ Василій Андреевичъ, Одесса.
 Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ, Москва.
 Оссовскій Готфридъ Осиповичъ, Браковъ.
 Остеридъ Г-жа, Москва.
 Павловъ Алексѣй Степановичъ, Москва.
 Пантелеевъ Моисей Николаевичъ Кіевъ.
 Пападопуло-Керамевъ Аѳан., Константинополь.
 Папаригопуло Александръ Ивановичъ, Одесса.
 Паткановъ Керопе Петровичъ, Петербургъ.
 Первольфъ Іосифъ Іосифовичъ, Варшава.
 Перегятковичъ Георгій Ивановичъ, Одесса.
 Петровъ Алексѣй Леонидовичъ, Петербургъ.
 Петровъ Николай Ивановичъ, Кіевъ.

Пироговъ Влад. Николаевичъ, Одесса.
 Погибка Аванасій Ивановичъ, Одесса.
 Подшиваловъ Алексѣй Матвѣевичъ, Москва.
 Покровскій Николай Васильевичъ, Петербургъ.
 Полевой Петръ Николаевичъ, Петербургъ.
 Поль Александръ Николаевичъ, Екатеринославъ.
 Помяловскій Иванъ Васильевичъ, Петербургъ.
 Поповскій Матвѣй Юліановичъ, Петербургъ.
 Поруновъ Николай Николаевичъ, Одесса.
 Прахова Эмилія Львовна, Петербургъ.
 Праховъ Адрианъ Викторовичъ, Петербургъ.
 Прендель Ромуль Александровичъ, Одесса.
 Прохоровъ Павелъ Митрофановичъ, Одесса.
 Прушинскій Брониславъ Мечиславовичъ, Житомиръ.
 Путятинъ князь Павелъ Арсеньевичъ, Петербургъ.
 Пятницкій Константинъ Андреевичъ, Одесса.
 Ралли Павелъ Степановичъ, Одесса.
 Рандичъ Осипъ Осиповичъ, Одесса.
 Рауль Юлій, Одесса.
 Рачки Францъ, Загребъ.
 Режабекъ Францъ Вячеславовичъ, Одесса.
 Ретовскій Отто Фердин., Феодосія.
 Ролле Іосифъ Іосиф., Каменецъ-Подольскъ.
 Романовскій Степанъ Григорьевичъ, Судакъ.
 Рослякова Екатерина Алексѣевна, Екатеринодаръ.
 Россолимо Григорій Иван., Москва.
 Ростовцевъ графъ Николай Яковлевичъ, Одесса.
 Русовъ Александръ Александровичъ, Елисаветградъ.
 Сабанѣевъ Дмитрій Александровичъ, Петербургъ.
 Сабинъ-Гусъ Степанъ Юрьевичъ, Тифлисъ.
 Савусканъ Ифуда Исаак., Херсонъ.
 Самоквасовъ Дмитрій Яковл., Варшава.
 Самофаловъ Николай Вас., Кіевъ.
 Свирѣдинъ Александръ Иван., Переяславль-Залѣсскій.
 Селивановъ Александръ Фед., Харьковъ.
 Сенькевичъ-Борчакъ Иванъ Петр., Одесса.
 Сергѣевъ Алексѣй Николаевичъ, Одесса.
 Сизовъ Влад. Ильичъ, Москва.
 Силуановъ Василій Андреевичъ, Одесса.
 Симоновъ Петръ Вас., Острогъ.

Скадовскій Юрій Львов., Бѣлозерка.
 Скаржинская Екатерина Николаевна, Лубны.
 Скиданъ Владиміръ Вас., Одесса.
 Смирунтъ Казиміръ Александр., Севастополь.
 Скрейшовскій Францъ, Каміенецъ (въ Австріи).
 Скрыгинъ Александръ Александр., Одесса.
 Смирновъ Александръ Иван., Варшава.
 Смирновъ Василій Дмитріевичъ, Петербургъ.
 Смоленскій Леонидъ Анастасьевичъ, Одесса.
 Соколовскій Павелъ Александровичъ, Петербургъ.
 Соловьевъ Евплъ Тит., Тетюши.
 Сосновская Александра Влад., Одесса.
 Сосняковъ Викторъ Адриановичъ, Таганрогъ.
 Спиро Петръ Антоновичъ, Одесса.
 Спицынъ Александръ Андреевичъ, Вятка.
 Сталь баронъ Карлъ Фед., Одесса.
 Станкевичъ Густавъ Платоновичъ, Одесса.
 Старковъ Алексѣй Петровичъ, Одесса.
 Стаховичъ Владиміръ Петровичъ, Городня.
 Стенбокъ-Ферморъ графъ Влад. Вас., Одесса.
 Стенбокъ-Ферморъ графъ Юрій Вас., Одесса.
 Стенбокъ-Ферморъ графиня, Одесса.
 Стороженко Андрей Влад., Борисполь.
 Стояновская Александра Григорьевна, Петербургъ.
 Стояновскій Николай Ивановичъ, Петербургъ.
 Стратоновъ Степанъ Исаевичъ, Хотинъ.
 Строгонова Евгенія Николаевна, Одесса.
 Строгоновъ Николай Алексѣевичъ, Одесса.
 Строкинъ Н. А., Москва.
 Султанова Екатерина Павловна, Петербургъ.
 Султановъ Николай Влад., Петербургъ.
 Сумцовъ Николай Фёдоровичъ, Харьковъ.
 Суручанъ Иванъ Кассіановичъ, Кишиневъ.
 Сусловъ Влад. Вас., Петербургъ.
 Тамамшевъ Давидъ Александровичъ, Одесса.
 Тарновскій Василій Васильевичъ, Кіевъ.
 Тизенгаузенъ баронъ Влад. Густ., Петербургъ.
 Толмачевъ Николай Александровичъ, Казань.
 Толстой графъ Дмитрій Ивановичъ, Петербургъ.
 Толстой графъ Иванъ Ивановичъ, Петербургъ.

Толстой графъ Михаилъ Влад., Москва.
Толстой графъ Михаилъ Михайловичъ, Одесса.
Трахтенбергъ Феликсъ Моис., Одесса.
Трачевскій Александръ Семеновичъ, Одесса.
Трегубовъ Алексѣй Бипріановичъ, Кіевъ.
Троицкій Николай Ивановичъ, Тула. .
Труворовъ Аскалонъ Николаевичъ, Петербургъ.
Тульчинскій Мих. Григор., Одесса.
Турау Елисавета Васильевна, Варшава.
Турчаковскій Климентъ Ивановичъ, Кіевъ.
Уваровъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ, Москва.
Уварова графиня Е. А., Москва.
Уварова графиня П. А., Москва.
Успенскій Василій Ивановичъ, Владикавказъ.
Успенскій Ѳедоръ Ивановичъ, Одесса.
Успенская Над. Эраст., Одесса.
Фанъ-деръ-Флитъ Николай Ѳед., Одесса.
Финкельштейнъ Александръ Марк., Одесса.
Флоринскій Тимофѣй Дмитр., Кіевъ.
Фортинскій Ѳед. Яков., Кіевъ.
Хитрово Василій Никол., Петербургъ.
Цвѣтаевъ Иванъ Влад., Москва.
Цитовичъ Николай Степановичъ, Одесса.
Чаушанскій Сергѣй Вас., Одесса.
Чохотинъ Степанъ Ивановичъ, Іерусалимъ.
Чеботаревъ Василій Ильичъ, Бѣлгородъ.
Чепуринъ Яковъ Яковлевичъ, Евпаторія.
Чернасъ Адольфъ Игнатъевичъ, Одесса.
Черневъ Николай Павловичъ, Кіевъ.
Чикванова Анна Ѳед., Одесса.
Чикванова Ольга Александровна, Одесса.
Швенднеръ Александръ Александровичъ, Одесса.
Шеболдаевъ Петръ Валент., Кіевъ.
Шимановскій Митрофанъ Васильевичъ, Одесса.
Шимановъ Николай Мирон., Одесса.
Шляпкинъ Илья Александровичъ, Петербургъ.
Шмакова Ванда Леонардовна, Одесса.
Шмидъ Генрихъ Христіан., Одесса.
Шпановскій Леонидъ Платоновичъ, Одесса.
Штернъ Ѳед. Моисеевичъ, Одесса.

Штромъ Иванъ Вас., Петербургъ.
Щукаревъ Александръ Николаевичъ, Петербургъ.
Эварницкій Дмитрій Ивановичъ, Харьковъ.
Энгельманъ Юганнъ Егоровичъ, Дерптъ.
Эрдели Николай Владим., Херсонъ.
Юргевичъ Владиславъ Норберт., Одесса.
Юрченко Петръ Осип., Одесса.
Юферовъ Влад. Никол., Петербургъ.
Яблоновскій Александръ Петр., Варшава.
Яворовскій Николай Иван., Каменецъ-Подольскъ.
Ягичъ Игнатій Викентьевичъ, Петербургъ.
Яковенко Александръ Игнатьевичъ, Голованевскъ.
Ярошенко Семенъ Петровичъ, Одесса.
Ястребовъ Влад. Никол., Елисаветградъ.

Редакціонный Комитетъ.

Предсѣдатель: Н. П. Кондаковъ.

Члены: Ф. И. Леонтовичъ.

Ф. И. Успенскій.

А. А. Матвѣевъ.

Перечень рефератовъ, прочитанныхъ на VI Археологическомъ Сѣздѣ, по отдѣленіямъ.*)

А) ВОПРОСЫ ОБЩИЕ.

1. Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о легендѣ для карты по русской до-исторической археологіи?
2. В. Б. Антоновичъ. О средствахъ для усиленія археологическихъ коллекцій въ университетскихъ музеяхъ.
3. В. Г. Васильевскій. Объ изданіяхъ Православнаго Палестинскаго Общества.

Б) ВОПРОСЫ ЧАСТНЫЕ.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

4. Графъ А. А. Уваровъ. Не существуетъ ли сходства между итальянскими теггатаге и русскими городищами.
5. Е. Н. Мельникъ. Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ Херсонской губерніи.
6. Н. Е. Бранденбургъ. Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Ладогѣ и ея окрестностяхъ.
7. А. А. Браунеръ. О городищахъ Елисаветградскаго уѣзда.
8. Князь П. А. Путятинъ. Орнаментация древняго гончарства.
9. Г. О. Оссовскій. Опытъ хронологической классификаціи каменнаго вѣка, основанной на находкахъ, сдѣланныхъ въ пещерахъ Краковского округа и Кѣлецкой губерніи.
10. Д. Н. Анучинъ. Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи.
11. В. Б. Антоновичъ. О раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула.

*) За многочисленностью сообщений и отсутствіемъ стенографовъ, на VI арх. Сѣздѣ оказывалась полная невозможность вести протоколы засѣданій и преній во всѣхъ отдѣленіяхъ, почему Ред. Ком. и почелъ за лучшее ограничиться даннымъ перечнемъ. Дополнительнымъ матеріаламъ служатъ изд. Комитетомъ «Рефераты засѣданій VI Археологическаго Сѣзда въ Одессѣ» Од. 1884, также обзоры занятій Сѣзда, составленные И. В. Помяловскимъ для Жур. Мин. Нар. Просв. за 1885 г., Д. Н. Анучинымъ и М. М. Бовалевскимъ для журнала «Вѣстникъ Европы» 1885 г., Н. В. Покровскимъ для «Христ. Чтенія за 1885 г., д-ромъ Франц. Рачки для 76-й книги «Рады Югослав. Академіа», Н. В. Султановымъ для «Вѣстника изв. иск.» и пр.

12. Графъ А. С. Уваровъ. Объясненіе костюма древнихъ Руссовъ по Ибнъ-Фодлану.

13. В. Б. Антоновичъ. О скальныхъ пещерахъ въ бассейнѣ Днѣстра.

14. Р. А. Прендель. Братній отчетъ о развѣдкѣ на островѣ Березани.

15. Д-ръ Ванкель. Результаты раскопокъ близъ Прерау, у села Шнед-моста, въ Моравіи.

Отдѣленіе II. Памятники языческіе.

16. А. Ѳ. Лихачевъ. Скиѣскіе элементы въ Чудскихъ древностяхъ Казанской губерніи.

17. Ѳ. Мищенко. Легенды о царскихъ скиѣахъ Геродота.

18. Я. П. Гейдукъ. Нѣсколько словъ о могильныхъ памятникахъ въ окрестностяхъ г. Новороссійска на Кавказѣ.

19. Н. Е. Бранденбургъ. Къ вопросу 5-му первобытныхъ древностей: Какія фибулы встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи.

20. Д. Н. Анучинъ. О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей.

21. А. Ѳ. Мѣржинскій. О прусскомъ Ромове.

Отдѣленіе III. Памятники классическіе.

22. Ѳ. И. Люперольскій. О каллипидахъ по Геродоту.

23. Л. Ф. Воеводскій. О картѣ древнихъ поселеній на Югѣ Россіи.

24. В. Н. Юргевичъ. Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія.

25. А. А. Ивановъ. О Касіи Бассѣ, какъ источникѣ для теоріи Сатурніи.

26. А. А. Ивановъ. О нынѣшнихъ преимущественно русскихъ искаженіяхъ греческаго и латинскаго языковъ.

27. А. А. Ивановъ. О кавказскихъ надписяхъ, изданныхъ И. Помяловскимъ.

28. А. Папандопуло-Керамевсъ.

a) Inscriptions de Chalcedoine.

b) Communications archéologiques d'Albanie.

c) Documents inédits des XIII, XIV et XV siècles concernant l'histoire et la géographie de Trébisonde.

d) Documents partiarchaux 1566, 1610, Pologne. Cafa.

e) De la part du rev. père Canon. G. Curtis sur les Goths de Crimée.

f) De la part de Mr. I. Mordtmann. Observations sur une inscription grecque ayant trait à l'histoire de la Géorgie.

29. И. К. Суручанъ. Опытъ доказательства мѣста находженія «Золотаго берега» Константина Багрянороднаго и Скиѣскаго укрѣпленія «Алектора».

30. И. К. Суручанъ. Мнимый Брискійскій богъ Нортулій и его единственный художественный памятникъ.

31. В. В. Латышевъ. О календаряхъ Тираса, Ольвіи и Херсониса.
32. И. В. Помяловскій. О надписяхъ Танаитскихъ коллегій.
33. А. М. Подшиваловъ. Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ.
34. В. В. Латышевъ. О государственномъ устройствѣ Херсониса по эпиграфическимъ даннымъ.
35. В. Г. Тизенгаузенъ. Неизданные записка и дневникъ Дюбрюкса.
36. В. И. Модестовъ. О русскомъ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ, относящимся къ древнегреческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Евксинскаго.
37. И. В. Цвѣтаевъ. Фридрихъ Велькеръ.
38. В. В. Латышевъ. Сообщение о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей Южной Россіи.

Отдѣленія IV и V. Памятники общественнаго и домашняго быта и юридическіе.

39. Д. Я. Самоквасовъ. Древнѣйшія формы общественныхъ отношеній.
40. М. И. Кулишеръ. Сословно-поземельныя отношенія у горцевъ сѣвернаго Кавказа.
41. Д. И. Багалъй. Займанщина въ лѣво-бережной Украинѣ.
42. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. О землевладѣніи въ Крыму до и послѣ присоединенія его къ Россіи по архивнымъ документамъ.
43. І. Е. Энгельманъ. Происхожденіе современнаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи.
44. И. В. Лучицкій. Сельская Община въ Малороссіи въ XVII и XVIII вв.
45. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. Землевладѣніе въ Крыму до и послѣ присоединенія его къ Россіи.
46. Ѳ. И. Успенскій. О землевладѣніи по византійскимъ писцовымъ книгамъ.
47. М. М. Ковалевскій. О православныхъ рабахъ на побережьѣ Испанскомъ.
48. А. А. Башмаковъ. О народномъ эпосѣ Болгаръ.
49. М. М. Ковалевскій. Присяга какъ одинъ изъ видовъ судебного доказательства.
50. Ѳ. Г. Блюменфельдъ. Волостная община.
51. Ѳ. И. Леонтовичъ. О происхожденіи древне русск. отроковъ.
52. М. И. Кулишеръ. О нѣкоторыхъ первобытныхъ способахъ взысканія долговъ.

53. М. М. Ковалевскій. О судахъ Божіихъ.
 54. И. В. Лучицкій. О Румянцовой описи Малороссіи.
 55. Д. И. Багалъй. О новыхъ матеріалахъ, найденныхъ въ архивѣ Полтавскаго Губернскаго Правленія лѣтомъ 1884 года.
 56. В. В. Лучицкій. О нѣкоторыхъ архаическихъ чертахъ малорусскаго землевладѣнія.
 57. А. И. Погибко. Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ Прилукскомъ уѣздѣ.
 58. Ѳ. Г. Блюменфельдъ. О значеніи древнихъ писцовыхъ книгъ въ древнемъ хозяйственномъ быту Русскаго народа.

Отдѣленіе VI. Памятники искусствъ и художествъ.

59. Графъ М. В. Толстой. О древнихъ иконахъ.
 60. П. Г. Лебединцевъ. О иконахъ Софіи Премудрости Божіей Новгородской и Кіевской.
 61. К. И. Турчаковскій. О средствахъ къ охраненію памятниковъ старины.
 62. Н. В. Султановъ. Историческое развитіе типа русскихъ колоколенъ
 63. А. Г. Люицъ. Архитектурный планъ древней церкви, нынѣ мечети Фетхіе-джами въ Константинополѣ.
 64. А. А. Чепуринъ. О пещерныхъ церквахъ въ Крыму.
 65. Ю. Б. Иверсенъ. О монетныхъ гладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.
 66. В. В. Сусловъ. О древнихъ деревянныхъ церквахъ въ Вологодской и частью Архангельской губерніи.
 67. Н. П. Кондаковъ. По вопросу о вліяніи византійскаго искусства.

Отдѣленіе VII. Памятники языка и письма.

68. И. С. Некрасовъ. Къ вопросу о Пермской письменности.
 69. Т. Д. Флоринскій. Объ одномъ ново-найденномъ Болгарскомъ памятникѣ XIV вѣка.
 70. В. Д. Смирновъ. О русскихъ словахъ въ грамотахъ крымскихъ Хановъ.
 71. Я. Ѳ. Головацкій. О приготовляемомъ Виленскою Археографическою Коммиссіею изданіи: «образцы дѣловой письменности Литовско-Русскаго Княжества въ XV» XVI вв.
 72. Е. Ѳ. Будде. Типъ литературнаго общеславянскаго языка въ X. и XI вв.
 73. Т. Д. Флоринскій. Объ одномъ неизданномъ Болгарскомъ памятникѣ XIV вѣка.

74. Г. А. Воскресенскій. О славянскомъ переводѣ Евангелія.
 75. Г. Н. Первольфъ. О червонно-русскомъ переводѣ Вислицкаго статута.
 76. А. Я. Гаркави. О древнѣйшемъ русскомъ словарѣ.

Отдѣленіе VIII. Памятники исторической географіи и этнографіи.

77. Графъ А. А. Бобринскій. О раскопкахъ въ курганахъ м. Смѣлы.
 78. Д. И. Багалъй. Исторія колонизаціи слободской Украины въ XVII и XVIII вв.
 79. А. Л. Крыловъ. О старинѣ Донской Области.
 80. А. Я. Гаркави. О происхожденіи названія Крыма.
 81. Г. В. Залѣсскій. О древностяхъ Кубанской области.
 82. Г. И. Перетятковичъ. Малороссіяне въ Оренбургскомъ краѣ въ началѣ его заселенія.
 83. Д. И. Эварницкій. Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ.
 84. М. Н. Бережковъ. О русскихъ плѣнникахъ въ Крыму.
 85. А. И. Маркевичъ. Одесса въ народной поэзіи.
 86. В. И. Сизовъ. О раскопкахъ въ Придонской Области.
 87. В. А. Сосняковъ. Къ вопросу о заселеніи Новороссійскаго края (по матеріаламъ въ «Записк. Одес. Общ. Истор. и Древн.»).
 88. Д. Я. Самоквасовъ. Клады Римскихъ монетъ въ предѣлахъ земель русскихъ и польскихъ славянъ.
 89. Д. Я. Самоквасовъ. Этнографическое наслоеніе въ курганахъ на берегахъ рѣки Конки въ Екатеринославской губерніи.
 90. П. А. Висковатовъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ эстахъ, живущихъ въ Псковской губерніи.
 91. М. А. Андріевскій. Географическо-этнографическій обзоръ геродотовой скиѣи.
 92. А. И. Маркевичъ. Одесса въ народной поэзіи.
 93. Л. Ф. Воеводскій. О названіи Чернаго моря.
 94. Д. И. Эварницкій. Археолого-топографическое описаніе мѣстности Запорожской Сѣчи.
 95. П. О. Бурачковъ. По поводу брошюры Орѣшникова «Босфоръ Киммерійскій» etc. —
 96. Д. И. Иловайскій. Паденіе древняго Новгорода.
 97. Д. И. Иловайскій. Ересь мнимо-жидовствующихъ.
 98. А. И. Никитскій. Петербургъ въ XV вѣкѣ.
 99. А. А. Орловъ. Къ исторіи г. Одессы на основаніи архивныхъ документовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отдѣленіе IX. Памятники византійскіе.

100. В. Г. Васильевскій. О вновь прибрѣтенномъ публичною библіотекою греческомъ сборникѣ Месопотамита.
101. Ѳ. И. Успенскій. О рукописяхъ библіотеки на остр. Халки.
102. Н. П. Кондаковъ. Церкви Константинополя (рефератъ прочтенъ на выставкѣ).
103. А. А. Авдѣевъ. Церковь Св. Іоанна Предтечи въ Берчи.
104. Н. В. Покрѣвскій. Объ изображеніяхъ Страшнаго Суда.
105. М. Н. Брунъ. Хронологія войнъ Святослава.
106. Графъ И. Н. Толстой. Знамя первыхъ нашихъ христіанскихъ князей.
107. Ѳ. Н. Успенскій. Незданный греческій текстъ, имѣющій отношенія къ русскимъ князьямъ Святославу и Владиміру.
108. Н. И. Троицкій. Значеніе символическихъ изображеній на древней епископской палицѣ.

Отдѣленіе X. Памятники восточныхъ древностей.

109. Н. И. Веселовскій. Объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ.
110. А. Я. Гаркави. Татарское повѣствованіе о Петровскихъ войнахъ.
111. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ Ханствѣ.
112. В. Д. Смирновъ. О Крымско-татарскихъ древностяхъ и въ частности о гробницѣ Ненеке-Джанъ-Ханымъ.
113. В. Д. Смирновъ. О значеніи изображенія льва и солнца на монетахъ Сельджукскаго Султана Блей-Хосроу-Бенъ-Бей-Кобада.
114. Н. И. Веселовскій. Кто былъ великій сѣверный Хаканъ, которому въ VII в. подчинялся повелитель Хазаръ?
115. Н. И. Веселовскій. О времени принятія киргизами ислама.
116. А. Я. Гаркави. О новооткрытыхъ рукописяхъ Ветхаго Заветъа.
117. Ѳ. Ѳ. Лашковъ. Архивныя данныя о бейлигахъ въ Крымскомъ Ханствѣ.

Археологическая выставка VI-го Съезда *).

Археологическая выставка VI-го Съезда, размѣстившаяся въ трехъ залахъ верхняго этажа зданія Императорскаго Новороссійскаго Университета, представляла какъ значительное разнообразіе по выбору предметовъ древности, такъ и особую важность многихъ памятниковъ, или же относящихся къ отечественной древности и старинѣ и доселѣ остававшихся неизвѣстными по находенію своему въ различныхъ мѣстныхъ коллекціяхъ, или даже и вновь открытыхъ. Считаемо не излишнимъ сообщить хотя краткій и бѣглый обзоръ въ историческомъ порядкѣ наиболее важныхъ отдѣловъ выставки и самыхъ предметовъ древности.

Раскопки въ окрестностяхъ скальныхъ пещеръ въ Подольской губерніи, произведенныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ 1883—4 годахъ, дали обширное собраніе первобытныхъ древностей, а именно: изъ окрестностей села Карачковецъ на р. Смотричѣ нѣсколько кремневыхъ ножей и осколковъ, полированное долото изъ сѣраго кремня, три пряслицы изъ жженой глины и обломокъ гранитнаго молота съ просверлиною, не полированную. Изъ окрестностей пещеръ у с. Нѣгина на р. Смотричѣ — полированный цельтъ изъ желтаго сланца и долото изъ сѣраго кремня, также человѣческія кости съ признаками первобытнаго скелета (двѣ плечевыя кости съ отверстіемъ на локтевомъ составѣ, 2 fibulae, 1 tibia platicnemica, 1 femur). У с. Кривчика на той же рѣкѣ найдены 23 кремневыхъ отбивныхъ орудія (ножи, острія, скребки, пилы, топорикъ) и 14 подобныхъ съ краями, подправленными мелкими осколками. У с. Браги на лѣвомъ

*) Помѣщая лишь краткій обзоръ археологической выставки Съезда, а не подробное ея описаніе, считаемъ нужнымъ указать на *позднее* (въ послѣдніе дни передъ открытіемъ самаго съезда) доставленіе ей предметовъ, которое сдѣлало невозможнымъ какую бы то ни было каталогизацію выставки. Одесскій фотографъ Ю. К. Рауль исполнилъ съ наиболѣе интересныхъ предметовъ древности фотографическіе снимки въ видѣ альбома изъ 63 таблицъ in 4°.

берегу Днѣстра обломокъ клина изъ чернаго кремня, съ полированными сторонами, 9 кремневыхъ отбивныхъ орудій; изъ м. Студеницы 106 отбивныхъ же орудій и много подобныхъ выше пещеръ на Бѣлой горѣ, у с. Бакоты, с. Нагорянь и Косницы, Ямпольскаго уѣзда.

Изъ кургановъ села Карачковецъ, м. Студеницы, с. Бакоты и с. Лозоватки Александрійскаго уѣзда тѣмъ же ученымъ были выставлены находки, состоящія въ бронзовыхъ и желѣзныхъ предметахъ, а также кремневыхъ ножахъ и орудіяхъ.

Изъ находокъ въ песчаныхъ буграхъ съ р. Норынъ, Овручскаго уѣзда, Волынской губ. Л. П. Долнскимъ представлены были на выставку полированные орудія изъ діорита съ отверстіями, кремневые стрѣлки въ большомъ количествѣ, ножи, молоты и долота отбивныя, изъ кремня, указывающія, повидимому, на существованіе фабрикъ мѣстнаго производства кремневыхъ издѣлій.

Изъ кургановъ с. Станишино Александрійскаго уѣзда, Лозоватской вол. Елисаветградскаго уѣзда, с. Кугушевки и Сѣднєвки того же уѣзда, также с. Григорьевки Каневскаго уѣзда и с. Баландино Черкаскаго уѣзда, В. Н. Ястребовымъ выставлено было различныя каменные орудія.

А. Ѳ. Бычковъ доставилъ на выставку Съѣзда присланные горнымъ инженеромъ И. С. Боголюбскимъ снимки съ 5 древнихъ надписей на могильныхъ (?) камняхъ (въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи), исполненныхъ такъ называемыми руническими письменами. Также изваянную изъ камня рыбу, найденную въ каменоломнѣ кушца Хорошихъ въ Верхоленской горѣ, верстахъ въ 8 отъ г. Иркутска; и шесть каменныхъ предметовъ неизвѣстнаго назначенія, находки въ могилахъ каменнаго вѣка изъ Иркутской губерніи.

Результаты раскопокъ на о. Березани, выставленные И. М. Видгальмомъ вмѣстѣ съ находками готскаго кладбища при с. Біа-Сала, представляютъ значительное число росписныхъ и орнаментированныхъ сосудовъ и обломковъ греческаго происхожденія.

Коллекція древностей, между ними нѣкоторыхъ золотыхъ вещей, изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова описана въ его рефератѣ.

Помѣщикъ Екатеринославской губ. А. Н. Поль представилъ изъ своего богатаго собранія: 1) каменные орудія, найденныя на лѣвомъ берегу Днѣпра, на пространствѣ между сел. Чапли и г. Александровскомъ, каменные молоты изъ дер. Запорожской, найденныя въ большой Дубовой балкѣ, на правомъ берегу р. Саксагани, впадающей въ Ингулецъ, и различныя предметы изъ кости, найденныя въ могилахъ деревни Александрополь (Любоміровкѣ) Верхне-Днѣпровскаго уѣзда. Также 2) золотыя украшенія изъ села Маячка, Новомосковскаго уѣзда, изъ сел. Сартака Маріупольскаго уѣзда, и золотыя украшенія съ изображеніемъ головы Горгоны, льва, зайца и пр. изъ кургана близъ Никополя. Равно 3) различныя предметы древности съ острова Хортицы, с. Мишу-

ринъ-Рогъ Верхне-Днѣпровскаго уѣзда, дер. Обуховки Новомосковскаго уѣзда, с. Волошскіе хутора Екатеринославскаго уѣзда и пр. 4) кресты и образки, найденные въ Екатеринославской губерніи, по берегамъ Днѣпра и 5) различные предметы запорожской старины, какъ-то: люлька, булава, ножикъ и вилка 1464 года, эмалевый набалдашникъ трости, жалованныя табакерки и пр.

Замѣчательное собраніе греческихъ древностей, между ними золотыхъ украшеній изъ Ольвіи и Пантигапеи, также терракоттъ и пр. выставлено было И. И. Курисомъ изъ его коллекцій, находящихся въ селѣ Покровскомъ-Курисовѣ*).

Къ отдѣлу классическихъ древностей Южной Россіи относились предметы, выставленные И. К. Суручаномъ, изъ которыхъ наиболѣе обращали на себя вниманіе терракотовыя пдѣлія.

Изображенная на особой таблицѣ (таблица I) внѣ текста бронзовая ручка**) представляетъ фрагментъ большаго сосуда, найденнаго въ Мартоношскомъ курганѣ, (Херс. губ. Елисаветградскаго уѣзда), къ сожалѣнію разграбленномъ.

Этотъ любопытный памятникъ древности VI или V вѣка носитъ на себѣ признаки архаизма, выражающагося въ фигурѣ бѣгущей Медузы, одѣтой въ безрукавный хитонъ, плотно облегающій тѣло. Лицо съ широкооткрытыми глазами, широкимъ приплюснутымъ носомъ, полуразинутымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ; полъ ея хорошо обозначенъ развитой грудью; руки судорожно сжаты въ кулаки около пояса, ноги согнуты для ходьбы; за спиной у фигуры 6 крыльевъ, изъ нихъ 4 помѣщены сзади фигуры, а два — по бокамъ ручки. Подобное помѣщеніе двухъ крыльевъ сбоку сдѣлано для того, чтобы въ профиль изображеніе Медузы тоже было видимо съ крыльями и по возможности не пропадало бы то впечатлѣніе, которое художникъ хотѣлъ передать этой ручкой. Верхъ ручки загнутъ спирально назадъ, а низъ переходитъ въ двѣ змѣи. Чтобы скрыть заднюю неотдѣланную сторону ея, ручка плотно прилегала своими ушками къ верхнему выпуклому поясу вазы, выдаваясь вверхъ своимъ закругленіемъ съ шариками. Змѣи же, расположенныя внизу, обхватывая амфору, составляли какъ бы гирлянду кругомъ.

Впервые о самомъ древнемъ изображеніи Медузы упоминается у Павзанія, которое онъ относитъ ко времени циклопическихъ построекъ въ Аргосѣ. Овербекъ предполагаетъ, что этотъ памятникъ искусства долженъ былъ быть одного стіля съ извѣстными микенскими львами. Изъ того же Павзанія извѣстно, что художникъ Гитіадъ (724 до Р. Х.) воспроизвелъ это мифологическое существо въ

*) Нѣкоторые, наиболѣе важные предметы выставки И. И. Куриса воспроизведены путемъ фотогравюры и фототипіи въ особомъ альбомѣ, издаваемомъ владѣльцемъ коллекціи и имѣющимъ выйти въ свѣтъ одновременно съ «Трудами Съезда».

**) Въ настоящее время въ Музеѣ Императорскаго Эрмитажа; обломки же самаго сосуда находятся въ собраніи Одесск. Общ. Ист. и Древностей. Замѣтка о ручкѣ составлена А. М. Подшиваловымъ по просьбѣ Комитета.

одной группѣ изъ бронзы (Ш, 17, 3). Древнѣйшій типъ Медузы, уцѣлѣвшій до нашего времени, представляетъ собой монеты г. г. Аеинъ, Популоніи (Этрурія), Коринъ (Ахаія), Коронея (Бэотія), Неаполисъ (Македонія), Эвбеи (Сицилія), Фезуле (Этрурія) и др. .¹⁾ Изъ памятниковъ скульптуры и керамики извѣстны дошедшіе до насъ: Селинунтскій метопъ, представляющій собой сцену убіенія Медузы Персеемъ, антефиксъ акрополя въ Аеинахъ и рисунки этрусскихъ вазъ. Вообще надо замѣтить, что древнѣйшая эпоха греческаго искусства характеризуетъ Медузу, какъ существо демоническое, побѣждаемое героемъ. Всѣ эти памятники изображали ее съ чертами лица, выражающими страданіе съ широко раскрытыми глазами, разинутымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ между двумя рядами зубовъ. Однимъ словомъ: въ этомъ изображеніи Медузы, художники старались передать ее отвратительной и ужасной, усиливая безобразіе лица рѣзкими чертами. Мало по малу этотъ типъ теряетъ свое выраженіе, изображеніе мучи исчезаетъ: глаза и ротъ большей частью закрыты, волоса обозначаются причесанными назадъ и наконецъ переходитъ въ изображеніе съ красивыми чертами лица; у головы появляются змѣи и единственно, что указываетъ на ея названіе Медузы, такъ это еще уцѣлѣвшія на головѣ маленькія крылья.²⁾ Здѣсь уже мѣстъ о Медузѣ связанъ съ Посейдономъ, Хризоаромъ и Пегасомъ. Такимъ образомъ голова этого существа, являющаяся вначалѣ эмблемой ужаса и страха, (часто совершенно самостоятельно, безъ зависимости отъ всей фигуры) замѣняется исключительно представленіемъ Медузы съ точки зрѣнія изящной красоты; впоследствии оно является предохраняющимъ средствомъ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ, что можно указать на гробницы въ Керчи и на Таман. пол., гдѣ маски Медузы сопровождаютъ похороненнаго.³⁾ Сравнивая изображеніе Медузы на ручкѣ съ подобными перечисленными сейчасъ мною, видимъ, что ея идущая фигура своимъ движеніемъ, передачей мускулатуры и неравной длиной ногъ ближе всего подходитъ къ селинунтскому метопу, памятнику греческаго искусства 7-го вѣка,⁴⁾ хотя на нашей ручкѣ замѣтно переходное состояніе стиля къ болѣе новѣйшему, выразившееся въ полуоткрытомъ ртѣ, одеждѣ и въ сравнительно тщательной отдѣлкѣ всей фигуры. Все это дало бы возможность отнести нашу Медузу къ греческой работѣ 6 ст., если бы только позволяла это сама ручка, которая по своей вычурности, ширинѣ и волнотѣ никакъ не гово-

¹⁾ Каталогъ Британскаго музея. Таб. 4 № 6; Таб. 5 №№ 24, 25; Таб. 7 № 1; Таб. 15 № 1; Таб. 21 № 12.

²⁾ 1) Шитъ съ Пареекона 2) Medusa Rondanini, 3) Medusa Ludovisi 4) Медуза въ М. Вогбонисо и найденныя маски въ Крыму изъ глины и золота, изоб. въ Древ. Босф. Кнж. и Отчетахъ Арх. Ком.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Хотя, разсуждая строго, это античное произведеніе носить на себѣ столько же греческаго характера, сколько и восточнаго.

рять за архаическое произведение Греции. Въ ней чувствуется, что она какъ бы носить на себѣ два различныя вліянія; потому вѣрнѣе всего предположить смѣшеніе греческаго съ южно-италійскимъ (этрусскимъ). Дѣйствительно, разсматривая т. н. этрусскія вазы — (правильнѣе ихъ называть произведеніями греческихъ колоній въ южной Италіи и большей частью Апуліи), встрѣчаешь большую аналогію въ ручкахъ съ нашей, а потому вѣроятнѣе предположить, что она носить на себѣ переходное состояніе стили греческой работы къ южно-италійской 6-го или 5-го в. до Р. Х. и вышла изъ рукъ мастеровъ южной Италіи, но не Греціи¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что вышеозначенная бронзовая амфора легко могла попасть въ одну изъ южныхъ греческихъ колоній Сарматіи, Херсониса или Босфора, откуда и перешла къ скиѣамъ, если только добыта изъ кургана, который можетъ быть причисленъ къ т. н. скиѣскимъ сооруженіямъ, а это возможно, такъ какъ на это указываютъ найденныя въ немъ вещи (котель, стрѣлы, амфора) и самая мѣстность. Во всякомъ случаѣ эта ручка заслуживаетъ вниманіе, какъ рѣдкое античное произведеніе изъ бронзы, найденное въ Россіи и нужно сожалѣть, что варварская раскопка этого кургана унесла съ собой почти всѣ слѣды вещей, въ немъ находившихся.

Между древностями античнаго міра, не принадлежащими по мѣсту происхожденія, но представляющими свою особую важность, должно упомянуть нѣсколько древнихъ мраморныхъ бюстовъ, выставленныхъ И. И. Курісомъ, и мраморную группу, принадлежащую А. И. Папаригопуло, и воспроизводящую античный оригиналъ, извѣстный подъ именемъ группы «Флорентинскихъ борцовъ» — произведеніе, прежде принимавшееся за работу Скопасова ученика Кефисодота.

Много важныхъ находокъ изъ области греко-скиѣскихъ древностей можно отмѣтить въ выставленномъ собраніи запорожскихъ древностей Д. И. Эварницкаго, кромѣ плановъ о Хортицы, фотографическихъ видовъ пороговъ, предметовъ запорожской старины и т. д.

Особеннымъ обиліемъ отличался на выставкѣ отдѣлъ древностей христіанскихъ. Въ порядкѣ времени слѣдуетъ назвать собраніе фотографическихъ снимковъ и акварелей, исполненныхъ фотографомъ Ю. К. Раулемъ и художниками Э. С. Вилье и А. Ф. Красовскимъ съ церквей и памятниковъ Константинополя для ученой экскурсіи Распорядительнаго Комитета.

На выставкѣ находился также для обозрѣнія гг. членовъ «Синайскій аль-

¹⁾ Находка произведеній искусствъ южной Италіи у насъ, на югѣ Россіи — явленіе обыкновенное, а изъ одного Отчета Имп. Арх. Общ. извѣстно, что въ м. Смѣда (Кіевс. губ. Черкас. уѣзда) найдена была глиняная этрусская ваза.

бомъ» фотографій съ видовъ и древностей Синайскаго монастыря,¹⁾ преимущественно греческихъ рукописей съ миниатюрами.

Планы раскопокъ древняго Херсонеса, также планы его базиликъ, фотографическіе снимки ихъ капителей и архитектурныхъ деталей, а также акварельные рисунки армянской церкви св. Урпата и св. Сергиза въ Крыму и церкви Іоанна Предтечи въ Керчи были представлены архитекторомъ (нынѣ умершимъ) А. А. Авдѣевымъ. Виды Аккерманскихъ пещеръ, памятниковъ Бахчисарая и Чуфутъ-Кале — художникомъ А. Ф. Красовскимъ.

Особенное значеніе имѣло выставленное Проф. А. В. Праховымъ собраніе копій въ величину подлинниковъ съ фресокъ Кіевъ-Кирилловскаго монастыря XII-го вѣка,²⁾ а также копій мозаикъ Кіево-Софійскаго собора, открытыхъ профессоромъ лѣтомъ 1884 года въ куполѣ собора, на стѣнѣ и алтарскомъ столбѣ, благодаря реставраціи собора, исполненной подъ руководствомъ этого же лица въ натуральную величину.

О. Протоіерей Я. Я. Чепуринъ представилъ на выставку собранія акварельныхъ снимковъ съ фресковой росписи, имъ открытой въ пещерныхъ церквяхъ Крыма, въ частности Мангуна. Архитекторъ В. В. Сусловъ — собраніе фотографій плановъ и перспективныхъ видовъ и иныхъ акварельныхъ снимковъ съ древнихъ деревянныхъ церквей Вологодской и Архангельской губерній, также фотографій съ рисунковъ того же художника, исполненныхъ для Императорской Академіи Художествъ, съ древнихъ церквей г. Романова Борисоглѣбска и пр. Архитекторъ Н. В. Султановъ — собраніе фотографическихъ снимковъ съ древнихъ церквей Ростова, Владиміра, Звенигорода и пр., подобное меньшее собраніе фотографій съ русскихъ древностей — графъ М. В. Толстой.

Въ отдѣлѣ рукописей, доставленныхъ на выставку, кромѣ греческаго кодекса IX—X стол. Омилій Василя Великаго и славянскаго Евангелія XIII—XIV на пергаментѣ, изъ коллекціи Н. Д. Куриса, обращала на себя особое вниманіе славянская рукопись *Четвероевангелія*, въ листѣ, XV—XVI вѣка, повидимому, молдавовлахійскаго письма, принадлежащая Покровской единоувѣрческой церкви въ Елисаветградѣ, со множествомъ великолѣпныхъ миниатюръ византійскаго пошиба, повтореннаго по древнимъ образцамъ въ югославянскихъ земляхъ и перешедшаго на Русь. Число миниатюръ по Евангеліямъ: къ Ев. отъ Маттея выходная одна и 93 въ текстѣ; отъ Марка одна и 60; отъ Луки — одна и 84; отъ Іоанна одна и 82. Въ исполненіи и техникѣ рисунка и красокъ видно нѣсколько рукъ, однако, работавшихъ въ одномъ пошибѣ. Различіе въ исполненіи

¹⁾ См. оглавленіе альбома при книгѣ «Путешествіе на Синай въ 1881 г.» Н. Кондакова.

²⁾ См. *Каталогъ выставки копій съ пал. иск. въ Кіевѣ, исполненныхъ А. Праховымъ*. Спб. 1882, №№ 1—168.

зависитъ также отъ оригиналовъ, которые послужили для рукописи. Въ общемъ замѣчается сохраненіе византійскихъ типовъ, схематической шраффировки одеждъ, пропорціи, каштановаго цвѣта волосъ, пепельно-голубой сѣдины. Изъ красокъ господствующія; лиловая, алая, голубая, коричневая, синяя, вмѣсто розовой — красная, но пурпуръ является и античнаго характера (лиловый) и новаго (малиновый). Византійскаго же типа архитектура (не сложна, лучшаго времени) условный ландшафтъ, травы и пр. Инициалы типа XIII стол., съ помутнѣвшими красками. Изъ иконографическихъ переводовъ особенно обращаетъ на себя вниманіе повтореніе у разныхъ евангелистовъ одной и той же иконографической сцены, напр. Крещенія, Распятія и пр. Начальныя миниатюры къ Ев. отъ Матвѣя болѣе свободной манеры, менѣе придерживаются византійскаго образца и представляютъ много любопытнаго. Ев. отъ Луки иллюстрировано въ видѣ точной копии съ византійскихъ миниатюръ XI—XII вѣка. Особенно миниатюрными размѣрами отличаются рисунки къ Ев. отъ Марка. Многія миниатюры къ Ев. отъ Іоанна иныхъ любопытныхъ переводовъ, болѣе сложныхъ и отличающихся извѣстнымъ драматизмомъ; равно и въ техникѣ замѣчается особенность въ обозначеніи напр. румянца на лбу и на щекахъ.

Не входя въ иконографическія подробности, представляемыя миниатюрами этого Евангелія, должно сказать, что онѣ представляютъ богатый матеріалъ для изученія той художественной среды, которая, по разрушеніи Византійской Имперіи, сложилась въ югославянскихъ странахъ и, руководимая Аеономъ, сама вліяла на русскую иконопись. Правда, въ числѣ миниатюръ этого Евангелія значительное мѣсто занимаютъ тѣ буквенныя, подстрочныя иллюстраціи текста, которыя уже въ византійскихъ рукописяхъ XII—XIII вѣговъ свидѣтельствуютъ о близкомъ упадкѣ; и здѣсь эта масса скучныхъ иллюстрацій сосредоточивается въ изображеніяхъ притчъ и чудесъ Христа. Однако и здѣсь, извѣстное оживленіе народно-религіозной мысли выразилось въ разныхъ приаткахъ лирическаго характера, не чуждаго сентиментальности. Любопытна напр. исторія проповѣди Крестителя (онъ держитъ свѣчу), заключенія его въ темницу, различные эпизоды Страстей Господнихъ, проповѣди Апостоловъ и т. д. Согласно съ этимъ характеромъ къ словамъ «Бысть егда сконча Іисусъ» и пр. и послѣ словъ: «праведницы въ животь вѣчный», — помѣщена большая миниатюра «Страшнаго Суда» ¹⁾, кратко повторенная къ Еванг. отъ Марка.

¹⁾ Въ виду важности темы (см. рефератъ Н. В. Покровскаго въ III томѣ «Трудовъ Свѣзда») даемъ краткое описаніе миниатюры: Христосъ на престолѣ, въ голубомъ мидальевидномъ орсолѣ; обѣ руки простерты какъ у Распятаго и представляютъ язвы на дланяхъ: по сторонамъ его Богородица и Предтеча, молящіе Его. Справа и слѣва 12 Апостоловъ Судей съ книгами, на которыхъ написаны начальныя буквы ихъ именъ, благословляющіе; за сѣдалищами сонмы ангеловъ со значками голубыми и красными. Ниж: Христа 4 Херувима и гетимасія — престолъ въ голубомъ кругѣ. Справа отъ гетимасіи ангель связывающій свитокъ на:а и слѣва Ангель трубящій на землѣ. Справа предъ гети-

Между позднѣйшими бытовыми чертами, занесенными въ поздне-византійскую миниатюру натурализмомъ, слѣдуетъ отмѣтить красные флорентійскіе колпаки на головахъ, причудливые средневѣковые шлемы воиновъ, восточные фонтаны и т. д.

Изъ области раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ западно-византійскаго происхожденія (венеціанскаго)? слѣдуетъ отмѣтить замѣчательный бронзовый окладъ Евангелія съ эмалевыми изображеніями Распятія, бичеванія Спасителя, взятія его стражею, Несенія Креста и Положенія во гробъ, съ греческими надписями, XIII—XIV столѣтія, изъ собранія И. И. Куриса.

Изъ того же собранія на выставкѣ Съѣзда, благодаря обязательности владѣльца, можно было видѣть извѣстную оригинальную картину Альбрехта Дюрера, портретъ, приписываемый Гансу Гольбейну, и Св. семейство Филиппино Липпи.

Между грамотами, гравюрами, старопечатными книгами, автографами и пр., представленными на выставку Съѣзда, слѣдуетъ отмѣтить рѣдкій портретъ Петра Великаго И. И. Куриса, нѣсколько запорожскихъ грамотъ, восемь сборниковъ рукописныхъ книгъ изъ собранія В. А. Орлова, автографъ его же, письма Дюка Ришельё къ судѣбъ Контеніусу отъ Н. А. Фадѣевой и др.

Представляемъ въ заключеніе этого обзора перечень листовъ двухъ альбомовъ, изданныхъ въ память VI Археологическаго Съѣзда и составляющихъ приложение къ «Трудамъ Съѣзда».

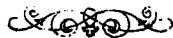
Первый изъ этихъ альбомовъ, изданный И. И. Курисомъ въ видѣ отдѣльныхъ снимковъ съ замѣчательныхъ предметовъ выставленной имъ коллекціи и исполненный гелиографурою Дюжардена въ Парижѣ и фотографурою Шерера и Набольца въ Москвѣ, содержитъ въ себѣ:

1. Бюстъ мраморный, римской работы послѣднихъ временъ республики.
2. Голова Паросскаго мрамора, по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, — Александра Македонскаго, греческой работы около III-го вѣка до Р. Х.
3. Горшки (два) изъ красной глины и горшковъ черной глины, съ орнаментами начерченными. Изъ кургана близъ с. Сорочинскаго, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи.
4. Фрагменты вазъ съ барельефами изъ Ольвіи, терракотовая статуэтка танцовщицы изъ кургана близъ с. Сорочинска. 3. Вазочка съ росписнымъ барельефомъ изъ Аѳинъ. Горшки изъ черной глины.

масіей хоръ Святыхъ съ 1. Златоустомъ, Николаемъ Чудотворцемъ, и другой хоръ съ царемъ Давидомъ, хоръ святыхъ и святыхъ женъ. Около ангела трубящаго трое воскресшіе изъ гроба и китъ, извергающій тѣла. Отъ подножія престола Христа протека рѣка внизъ направо, въ ней нагая фигура богатаго, указывающаго на свои уста; ангель и вельможа; группа грѣшниковъ. Ниже, въ срединѣ ангель съ вѣсами и демоны. Слѣва адскія мученія въ пяти отдѣленіяхъ. Справа группа праведныхъ у вратъ рая и Ап. Петръ; за вратами на престолахъ Богородаца и Авраамъ съ душами на лонѣ и душами праведныхъ по сторонамъ. Справа надъ раемъ для симметріи изображено море, отдающее мертвыхъ.

5. Стрѣлки, броши, свинцовыя фигурки и эмблемы, ключи изъ Ольвіи. Золотыя украшенія изъ Пантикапеи. Маски Горгоны и Сатира изъ Пантикапеи.
6. Вазы въ формѣ головъ, ноги и статуэтти изъ Ольвіи.
7. Статуэтти, маски и лампочки изъ Ольвіи.
8. Ваза изъ Ольвіи въ видѣ карлика Беса, увѣнчаннаго плущемъ.
9. 2 страницы греческой рукописи «Омилій» Василія Великаго IX-го стол.
- 2 страницы Евангелія славянскаго апостольскаго, XIII—XIV в.
10. Окладъ бронзовый, украшенный эмалевыми изображеніями, XI—XII стол.
11. Филиппино Липпи «Святое Семейство», на деревѣ.
12. Альбрехта Дюрера «Богородица съ Младенцемъ и Св. Анною».
13. Факсимиле портрета Петра Великаго въ молодости съ современной гравюры.

Перечень листовъ «фотографическаго Альбома VI Арх. Съѣзда» Ю. Рауля: 1—6 черепа макроцефаловъ изъ Зоологическаго Музея Новороссійскаго Университета; 7—8. черепъ изъ гробницъ Біа-Сала—колл. того же Музея; 9. ручка бронзоваго сосуда, изъ Мартонопскаго кургана; 10—11. каменные орудія изъ колл. А. И. Поля; 12—16 бронзовыя и желѣзныя орудія той же колл., изъ Верхнеднѣпров. у., Новомосков. у. и пр. 17. зол. вещи изъ Чертомлыцкаго кургана близъ м. Никополя. 18. ожерелье изъ Маячки, 19—22. разныя вещи изъ могилъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда; 23. кресты и образки изъ Екатеринослав. губ., 24. пуговицы и перстни Запорожскія; 25. люлька, булава, ножикъ и вилка запорожскія, 26—28. сосуды съ о. Березани; 29. копія моз. Златоверхо-Михайловскаго монастыря; 30. мозаическій образъ Спаса, открытый въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ 1884 г., 31. ангелъ Господень—тамъ же; 32. Ааронъ и Ап. Павелъ—тамъ же; 34—36. фрески Кіево-Кирилловскаго монастыря, тамъ же; 37—63. миниатюры Евангелія Покровской единовѣрческой церкви въ Елисаветградѣ; 64. мраморная группа «борцевъ».

Замѣтка объ экскурсіи, состоявшейся послѣ закрытія VI Археологическаго Съѣзда, въ Крымъ. *)

30-го Августа, по закрытіи съѣзда, членами его въ числѣ 90 человекъ была начата археологическая экскурсія въ Крымъ на пароходѣ «Владиміръ». Передъ самымъ отправленіемъ, членами выражена была глубокая благодарность лицамъ, принявшимъ на себя устройство съѣзда, за ихъ предупредительное отношеніе къ своимъ гостямъ-археологамъ, увозившимъ со съѣзда не мало новыхъ свѣдѣній по археологіи.

31-го Августа, послѣ весьма удачнаго плаванья, пароходъ прибылъ въ Севастополь и первое желаніе пріѣхавшихъ было: посѣтить раскопки древняго Х-рсонеса, гдѣ въ это время находился вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей В. Н. Юргевичъ. Подъ его руководствомъ и нѣкоторыхъ членовъ Съѣзда, знакомыхъ съ этой мѣстностью, были подробно осмотрѣны раскопанные кварталы, а также и тѣ, которые специально разслѣдовались для членовъ экскурсіи.

Изъ прежнихъ раскопокъ, членамъ были показаны работы, производившіяся съ 12-го Мая по 1-е Сентября въ такъ называемомъ: второмъ и третьемъ кварталахъ, близъ памятника Аристона. Здѣсь были очищены: одна комната съ погребомъ, кромѣ того, еще четыре комнаты, одна большая цистерна, три малыхъ и шесть дверныхъ отверстій. При этомъ въ разное время найдено: болѣе 200 монетъ и разныхъ предметовъ, изъ нихъ болѣе заслуживающіе вниманія слѣдующіе: мѣдная гиря, перстень изъ олова, стеклянное блюдо, бронзовая статуэтка въ $3\frac{1}{4}$ д., образокъ изъ серебра, торсъ Венеры (статуэтка).

*) Составлена, по просьбѣ Комитета, г. членомъ экскурсіи А. М. Подшиваловымъ. Дополненіе см. въ указ. отчетѣ о VI Арх. Съѣздѣ Н. В. Покровскаго въ «Христ. Чтеній» за 1885 г.

Раскопки, произведенныя въ присутствіи членовъ, не были удачны, такъ въ открытомъ погребѣ, длиною около 23 ф., шириной 16 ф. и глубиной 21 ф. съ 12—14 ведущими внизъ ступенями, ничего выдающагося найдено не было. Самыя же раскопки шли очень медленно, благодаря малому количеству рабочихъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ экскурсіи, намъ удалось вторично побывать на раскопкахъ и осмотрѣть этотъ погребъ уже совсѣмъ разрытый, внизу котораго замѣтна была глубокая яма въ видѣ колодца, а вокругъ нея—три ниши: Здѣсь найдены были: шесть человѣческихъ череповъ съ костяками, маленькая мраморная колонна, простые перстни, пластинка золота и болѣе 200 монеть, большей частью относящихся къ византійскому періоду.

Раскопки близъ Херсонеса, предпринятыя предсѣдателемъ съѣзда гр. Уваровымъ, за исключеніемъ черепицъ и стекла византійской работы, не дали ничего; впрочемъ, работы эти носили скорѣе характеръ развѣдокъ, чѣмъ раскопокъ.

Большое количество членовъ (90 ч.), желающихъ ознакомиться съ древними памятниками этой части Крыма, не дало возможности совершить имъ обзоръ всѣмъ вмѣстѣ за неудобствомъ помѣщеній и за трудностью самаго сообщенія, а потому дальнѣйшій обзоръ памятниковъ Крыма былъ совершенъ нѣсколькими группами въ продолженіи 4—5 дней.

Послѣ осмотра Херсонеса, особенно удался обзоръ древностей Инкермана, совершенный подъ руководствомъ о. прот. Чепурина, извѣстнаго своимъ изслѣдованіемъ о пещерныхъ церквахъ въ Крыму. Здѣсь экскурсанты могли хорошо ознакомиться съ самымъ устройствомъ пещерныхъ Крымскихъ церквей, преобладающій типъ которыхъ—базилика (иногда сокращенная) и рѣдко выстѣченная въ формѣ креста, съ примкнутымъ престоломъ къ стѣнѣ съ сопрестоліемъ и сѣдалищами вокругъ всей церкви. Въ одной церкви хорошо еще замѣтна фресковая живопись, изображающая лики святыхъ, которую нужно отнести къ 13 в. Въ Инкерманѣ же были осмотрѣны остатки генуэзскихъ укрѣпленій, чѣмъ и окончился первый день членовъ экскурсіи.

Остальные 4 дня были посвящены поѣздкѣ въ Балагладу, Георгіевскій монастырь, Бахчисарай, Тепе-Керменъ, Черкесъ-Керменъ, Чуфутъ-Кале и Успенскій скитъ.

Въ Бахчисарай путешественники подробно могли осмотрѣть ханскій дворецъ и сады его, а послѣ утомительной дороги на Тепе-Керменъ, имъ былъ предложенъ здѣсь ночлегъ. На другой день послѣ отдыха, совершены были поѣздки въ Тепе-Керменъ и Черкесъ-Керменъ для осмотра т. н. пещерныхъ городовъ, представляющихъ собой большую древность и по заключенію занимающихъ ихъ изслѣдованіемъ, встрѣчаемыя въ нихъ нѣкоторыя церкви можно даже отнести къ раннимъ вѣкамъ христіанства.

Около 2½ в. отъ Бахчисарая по дорогѣ въ Чуфуть-Кале, былъ осмотрѣнъ Успенскій Скитъ, пользующійся съ XVII вѣка особымъ уваженіемъ татаръ. Въ Чуфуть-Кале экскурсанты посѣтили синагогу, домъ Фирковича, осмотрѣли кладбище города и остатки генуэзскихъ укрѣпленій.

Вся экскурсія дала возможность приблизительно познакомиться съ мѣстными древностями, а также и поднять много вопросовъ въ средѣ археологовъ, о самомъ изслѣдованіи, памятниковъ, еще ожидающихъ своей исторіи.

Фото-Гравюра Шереръ, Набогымъ и Жю

Бронзовая ручка греческой вазы изъ кургана
с. Мартоношь Елизаветградскаго уѣзда.

Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи.

Рефератъ Д. Н. Амурскаго.

Изученіе древнѣйшихъ породъ домашнихъ животныхъ, ихъ сходства съ дикими видами, ихъ распространенія и пользованія ими человѣкомъ представляетъ, несомнѣнно, значительный интересъ, какъ съ точки зрѣнія зоолога и зоотехника, для которыхъ результаты такого изученія могутъ дать новый матеріалъ по вопросу объ обособленіи и видоизмѣненіяхъ животныхъ типовъ, такъ и для антрополога и историка культуры, получающихъ новыя данныя для сужденія объ обстановкѣ, бытѣ, отчасти даже распространеніи древнихъ племенъ, или по крайней мѣрѣ ихъ культуры.

Руководясь этою идеей, западные ученые (зоологи и антропологи) пользуются теперь всякимъ случаемъ, всякими остатками домашнихъ животныхъ, находимыми въ древнихъ отложеніяхъ, — въ пещерахъ, въ торфяникахъ, на днѣ озеръ (въ культурномъ слое, накопившемся подъ древними свайными постройками), въ могилахъ и т. д.; — для того, чтобы выяснитъ себѣ особенности древнихъ породъ сравнительно съ настоящими, а также — съ ближайшими къ нимъ дикими родичами. Исслѣдованія Рютимейера, изучившаго остатки животныхъ изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, были, можно сказать, починомъ въ этомъ направленіи и открыли собою новый періодъ въ собираніи данныхъ по вопросу о древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Европѣ.

Затѣмъ слѣдовали работы Натусіуса, Леттелейса, Франка, Вольдхриха, Вилькинса, Наумана, Штудера, Неринга, Форсайтъ-Майора, Стробеля, Сансона, Пьетремана и другихъ, во многомъ разъяснившихъ наши свѣденія о древнѣйшихъ породахъ или собравшихъ новыя данныя — для ихъ болѣе обстоятельнаго изученія. Не смотря на всю отрывочность и неполноту достигнутыхъ покуда результатовъ, они настолько обратили на себя вниманіе, что отчасти уже сдѣлались достояніемъ учебниковъ и вошли въ общія зоологическія и археологическія сочиненія.

Всѣ указаные изслѣдователи имѣли однако дѣло исключительно съ матеріаломъ, добытымъ въ западной Европѣ и происходящимъ, главнымъ образомъ, изъ древнихъ аллювіальныхъ отложеній, пещеръ, торфяниковъ, свайныхъ построекъ, террамаръ, такъ называемыхъ «кухонныхъ остатковъ» и т. п. Что касается же другихъ странъ, то въ распоряженіи изслѣдователей оказывались покуда только весьма немногіе отрывочные матеріалы — изъ сѣверной Африки

(Египта), Америки и нѣкоторыхъ мѣстностей Азіи. Относительно Россіи матерьяловъ почти совершенно не было, не смотря на всю важность изслѣдованій именно здѣсь, на востокѣ Европы и въ областяхъ, ближайшихъ къ Азіи. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что изслѣдованія по доисторической археологіи начались въ Россіи сравнительно недавно, да и теперь еще далеко не всегда ведутся достаточно обстоятельно и систематично. Притомъ при раскопкахъ обращается обыкновенно болѣе вниманіе на попадающіяся металлическія, каменные и другія вещи, и затѣмъ еще на человѣческіе черепа (и то не всегда); что же касается прочихъ костей, и особенно костей животныхъ, то о нихъ обыкновенно только упоминаютъ въ описаніи раскопокъ, но рѣдко сохраняютъ какъ матерьялъ для дальнѣйшаго изученія. Собственно говоря, случаевъ находенія костей домашнихъ животныхъ, въ древнихъ отложеніяхъ, могилахъ, городищахъ и т. д., у насъ было не мало, но большая часть ихъ погибла и погибаетъ безслѣдно для науки. Тѣмъ большую цѣнность имѣютъ въ этомъ отношеніи немногіе сохранившіеся остатки, въ особенности, если они были добыты въ несомнѣнно древнихъ отложеніяхъ, и если они — вообще достаточно полны и характеристичны.

Первыми изслѣдователями, обратившими серьезное вниманіе на остатки домашнихъ животныхъ, попадающіеся въ древнихъ отложеніяхъ Россіи, были гг. Теплоуховъ и Иностранцевъ. Первый изслѣдовалъ такъ называемыя «костища» въ Шадринскомъ уѣз., Пермской губ., т. е. скопленія костей, оставшіеся вѣроятно послѣ древнихъ жертвоприношеній или пировъ и въ которыхъ, рядомъ съ остатками дикихъ животныхъ и нѣкоторыми издѣліями (костяными и желѣзными стрѣлами, черепками и т. п.), онъ встрѣтилъ также и массу костей животныхъ домашнихъ. Образцы этихъ костей онъ послалъ въ Базель, профессору Рютимейеру, который и сдѣлалъ ихъ опредѣленіе (въ Archiv für Anthropologie Bd. VIII), снабдивъ его нѣкоторыми замѣчаніями. Проф. А. А. Иностранцевъ обратилъ вниманіе на кости и другіе предметы, которые были находимы при прорытіи новаго Сяьскаго канала, причѣмъ въ числѣ костей попалъ также кости одного домашняго животнаго, собаки, которые онъ предоставлялъ для изученія пишущему эти строки. Я постарался изучить ихъ возможно обстоятельнѣе, принявъ во вниманіе все данныя, имѣвшіяся по тому же предмету въ западно-европейской литературѣ и въ результатъ такого изученія явился первый вкладъ въ палеонтологію одного домашняго животнаго на основаніи матерьяловъ, добытыхъ въ Россіи*). Заинтересовавшись вопросомъ, я, въ сообщеніи, сдѣланномъ на V-мъ Тифлисскомъ Археологическомъ съѣздѣ, старался возбудить интересъ къ этому вопросу и въ другихъ, предлагая сохранять попадающіеся при раскопкахъ остатки домашнихъ животныхъ и доставлять ихъ, для изученія, мнѣ. Къ сожалѣнію, при-

*) *Иностранцевъ*. «Доисторическій человекъ на побережь Ладожскаго озера». Статья Анучина — о собакахъ, волкахъ и лисицахъ.

зываетъ этотъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и только въ послѣднее время мнѣ удалось получить нѣкоторые матерьялы, способные нѣсколько пополнить имѣющіеся свѣдѣнія.

Эти матерьялы касаются собаки и заключаются въ немногихъ остаткахъ, происходящихъ изъ кургановъ и изъ одного отложенія каменнаго вѣка, именно изъ извѣстнаго мѣста древней стоянки на берегу р. Велетъмы, близъ с. Волосова, недалеко отъ Муромъ (Владимірской губ.). Мѣсто это, открытое П. П. Кудрявцевымъ въ 1877 году, было изслѣдовано затѣмъ гр. Уваровымъ и гг. Григорьевымъ, Докучаевымъ, Поляковымъ, Кротовымъ, Высоцинымъ и др. Тѣмъ не менѣе, всѣ изслѣдованія были непродолжительныя и далеко еще не исчерпали остатковъ, находимыхъ въ этомъ интересномъ уголкѣ. Наиболѣе находокъ было сдѣлано П. П. Кудрявцевымъ, который собралъ обширную коллекцію каменныхъ, костяныхъ и глиняныхъ издѣлій, а равно порядочное число костей. Ему обязаны также значительными собраніями предметовъ изъ той же мѣстности—коллекція общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и Общества Естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ. Большая часть находимыхъ здѣсь предметовъ были описаны гр. А. С. Уваровымъ въ его «Археологій Россіи» (гдѣ приведены также изображенія многихъ изъ нихъ и планъ мѣстности), затѣмъ въ «Изслѣдованіяхъ по каменному вѣку въ долигѣ Оки» И. С. Полякова («Записки Географическаго Общества») и въ замѣткахъ П. П. Кудрявцева («Къ матерьяламъ о доисторическомъ челоуѣкѣ каменнаго вѣка р. Оки» въ «Запискахъ Петерб. Общ. естествоиспытателей»). Что касается остатковъ животныхъ, то опредѣленіе ихъ было сдѣлано И. С. Поляковымъ, причемъ оказалось, что всѣ найденные виды принадлежатъ къ современнымъ, хотя нѣкоторые (какъ, напримѣръ, бобръ) и подверглись теперь совершенному истребленію. Изъ костей животныхъ всего болѣе попадаетъ рыбныхъ (цѣлые слои), затѣмъ довольно много птичьихъ, а изъ млекопитающихъ — куницы, лося, лисицы, бобра, кабана, водяной крысы, также медвѣдя, волка, барсука и зайца. Поляковъ упоминаетъ еще о сѣверномъ оленѣ и первобытномъ быкѣ, но, повидимому, остатки ихъ встрѣчаются очень рѣдко; по крайней мѣрѣ я не могъ констатировать ихъ въ коллекціи, собранной П. П. Кудрявцевымъ. Любопытно также, что между остатками животныхъ ни одному изслѣдователю не попадались кости собаки, а между тѣмъ трудно предположить, чтобы древніе обитатели Волосова, снискивавшіе себѣ пропитаніе, очевидно, рыбною ловлею и охотою, не знали собаки, когда она была извѣстна, и притомъ въ двухъ породахъ, древнимъ обитателямъ каменнаго вѣка въ Приладожьи. Волосовская культура каменнаго вѣка представляется вообще не особенно далекою отъ той, съ которою насъ познакомили раскопки при проведеніи Сясскаго канала, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Приладожѣ главнымъ матерьяломъ для орудій служили глинистыя сланцы и кость, а въ Волосовѣ — болѣе кремень и другія твердыя

породы, рѣже кость и еще рѣже сланецъ, употреблявшійся главнымъ образомъ для привѣсокъ. И тѣмъ не менѣе, костей собаки не было найдено ни Поляковымъ, ни мною, хотя я имѣлъ возможность просмотрѣть довольно много костей, доставленныхъ Обществу Любителей Естествознанія г. Кудрявцевымъ. Фактъ этотъ казался страннымъ, и на него я обратилъ особенное вниманіе г. Кудрявцева, прося его сохранять всѣ попадающіяся при раскопкахъ кости и зубы, особенно такіа, которыя сколько нибудь могутъ казаться подходящими къ костямъ собаки. Онъ обѣщалъ, но нѣкоторое время всѣ его старанія найти въ Волосовскихъ отложеніяхъ собаку были тщетны.

Прошлымъ лѣтомъ наконецъ (въ іюлѣ 1884 г.) я получилъ отъ г. Кудрявцева письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что, повидимому, ему удалось найти цѣлый скелетъ собаки. Заинтересованный такимъ извѣстіемъ, я попросилъ его доставить найденныя имъ кости, которыя оказались, дѣйствительно, принадлежащими собакѣ. Предполагая воспользоваться этою находкою для сообщенія о ней на предстоящемъ VI Археологическомъ сѣздѣ въ Одессѣ, я еще разъ обратился къ г. Кудрявцеву, съ просьбой доставить обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ именно и при какихъ условіяхъ были найдены присланныя имъ кости. Г. Кудрявцевъ былъ такъ любезенъ, что немедленно же отвѣтилъ на мое письмо и прислалъ подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ сдѣланной имъ находки.

Изъ этого описанія видно, что кости собаки были найдены въ томъ же мѣстѣ, откуда добываются вообще каменные издѣлія, кости животныхъ и черепки, на берегу Велетьмы, близъ с. Волосова, именно по сю сторону такъ называемаго Песьяго болота, на гребнѣ бугра, который весною, во время сильнаго разлива, иногда заливается водой. Здѣсь г. Кудрявцевъ, въ одну изъ своихъ археологическихъ экскурсій, раскопалъ довольно большую яму, аршина два въ ширину, т. е. по направленію параллельному берегу Велетьмы, и аршина три въ длину, т. е. по направленію перпендикулярному берегу Велетьмы. Шель онъ отъ вершины бугра внизъ къ рѣкѣ, причемъ слой вездѣ оказывался мѣшанный, перерытый деревенскими искателями стрѣлокъ и другихъ издѣлій (какъ извѣстно — продаваемыхъ любителямъ). Находки г. Кудрявцева были довольно скудны: нѣсколько обломанныхъ кремневыхъ стрѣлокъ, скребковъ и шила, два костяныхъ шила, довольно много кремневыхъ осколковъ и глиняныхъ черепковъ и очень мало костей. Г. Кудрявцевъ рѣшилъ уже бросить раскопку, тѣмъ болѣе, что день клонился къ вечеру и находили тучи, какъ попалъ на цѣльное, нетронутое мѣсто. Оно находилось на болѣе низкомъ уровнѣ двухъ съ половиной аршинной ямы, на разстояніи около полутора аршина отъ поверхности. Въ этомъ мѣстѣ самый верхній, поверхностный слой, состоялъ изъ обыкновеннаго бѣлаго песка былъ довольно тонкій; подъ нимъ шель черный, культурный слой, всюду перемѣшанный деревенскими искателями, а, ниже его

замѣчался тотъ же слой, но цѣльный, не тронутый. Нетронутость его доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ, надъ костями собаки, оказался довольно тонкій (вершка два толщины) слой рыжевато-бураго цвѣта, состоящій изъ сполненія рыбныхъ остатковъ, или точнѣе — изъ мелкихъ обломковъ костей и глиняныхъ черепковъ со множествомъ, разсыянныхъ въ нихъ, мелкихъ костей рыбъ; Такой слой (съ рыбными костями) обыкновенно хруститъ подъ заступомъ, и присутствіе его доказываетъ обыкновенно нерушенность ниже лежащаго чернаго слоя самый черный слой былъ въ этомъ мѣстѣ много свѣтлѣе, а еще ниже показался бѣлый рѣчный пѣсокъ, въ которомъ обыкновенно никакихъ остатковъ не находятся. Кости лежали въ порядкѣ и представляли цѣлый скелетъ, лежащій на лѣвомъ боку, параллельно берегу рѣки, головой на югъ, конечностями къ рѣгѣ, спиннымъ хребтомъ — къ вершинѣ бугра. Переднія конечности были сближены съ задними, а голова пригнута не къ груди, а къ спинѣ (т. е. заворочена на спину). Между реберъ торчалъ кремневый осколокъ, около вершка длиной, неопредѣленной формы, который по своему виду едва ли могъ служить какимъ либо орудіемъ. Около костей попадались разные кремневые осколки, черепки горшковъ, кусочки угля, зубъ лося и поломанная, большей частью разрушившаяся кости птицъ. Вынувъ кости собаки, г. Кудрявцевъ пробовалъ копать вокругъ и ниже ихъ, но слой рыбныхъ остатковъ исчезъ, а съ нимъ и всякія находки, вслѣдствіе чего, а также и потому, что наступалъ вечеръ, раскопка была закончена и г. Кудрявцевъ уѣхалъ изъ Волосова, причемъ послѣ того ему не удалось еще разъ сдѣлать сюда поѣздку.

Рис. 1. Положеніе скелета собаки, найденнаго въ отложеніяхъ каменнаго вѣка близъ с. Волосова: *a* самый наружный слой обыкновеннаго песка; *b* черный слой мѣшанный, перебитый; *c* — с черный слой цѣлый, нетронутый; *d* слой рыбныхъ остатковъ; *e* скелетъ собаки; *f* слой нижняго бѣлаго песка.

Такимъ образомъ, скелетъ собаки былъ найденъ въ самомъ низу культурнаго слоя, почти непосредственно надъ слоемъ бѣлаго песка и подъ довольно толстымъ (1½ арш.) слоемъ кухонныхъ остатковъ. Крімъ того, онъ оказался въ нарушенной еще толщѣ, подъ характеристичнымъ слоемъ рыбныхъ остатковъ, что все указываетъ на несомнѣнную принадлежность его къ той эпохѣ, когда откладывались слои кухонныхъ остатковъ, т. е. къ эпохѣ каменнаго вѣка.

Этот же вывод подтверждает и рассмотрение самих костей, которые заключаютъ въ своихъ полостяхъ мелкій черно-сѣрый песокъ, характеристичный для культурнаго слоя и видъ которыхъ совершенно одинаковъ съ костями другихъ животныхъ изъ «кухонныхъ остатковъ».

Г. Кудрявцевъ старался собрать всѣ косточки открытаго имъ скелета и, дѣйствительно, разбирая ихъ, я могъ подобрать почти полный скелетъ, именно весь позвоночный столбъ съ ребрами и частями грудной кости (за исключеніемъ нѣсколькихъ хвостовыхъ позвонковъ) и почти всѣ кости конечностей — исключая только немногихъ костей запястья, предплечна и суставовъ пальцевъ. Къ черепу можно было подобрать также большую часть зубовъ. Такимъ образомъ можно было составить почти совершенно полный скелетъ собаки каменнаго вѣка и получить наглядное понятіе о размѣрахъ ея тѣла и формѣ ея черепа.

Собака эта была средняго роста, величиною съ небольшую лягавую или съ довольно крупнаго шакала. Въ то же время ея размѣры подходятъ къ размѣрамъ типичной собаки каменнаго вѣка (Torf-Hund) особенно болѣе крупныхъ (хотя и не самыхъ крупныхъ) ея особей, многіе остатки которыхъ изъ Билерскаго озера были описаны Штудеромъ, а также къ размѣрамъ одной (болѣе мелкой изъ двухъ) породы каменнаго вѣка съ побережья Ладожскаго озера (названной мною *Canis familiaris palustris ladogensis*). Объ этомъ сходствѣ въ размѣрахъ можно судить изъ слѣдующей таблицы, въ которой приведены длины отдѣльныхъ костей конечностей—Волосовскаго скелета, древне-Ладожской породы и «торфяной» собаки, описанной проф. Рютимейеромъ и Штудеромъ. Приэтомъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что цифры перваго столбца относятся къ костямъ одного и того же скелета, тогда какъ цифры слѣдующихъ двухъ представляютъ длины костей различныхъ особей *).

Полная длина.	Волосовскій скелетъ.	Мелкая порода изъ торфянаго слоя Приладжья.	Торфяная собака.	
			Рютимейера	Штудера
Плечевая кость (humerus)...	133	126—139	127—144	122—130
Лучевая — (radius).....	129	—	122—128	142
Локтевая — (ulna).....	152	—	—	—
Бедренная — (femur).....	143	145	137—144	145
Больше-бедровая — (tibia) ..	141	135—145	—	127
Мало-бедровая — (fibula)...	131	—	—	—

Штудеръ высказалъ мнѣніе (основываясь на своихъ измѣреніяхъ костей конечностей), что «торфяная» собака имѣла конечности, переднія и заднія, почти одинаковой длины, однако приведенныя имъ цифры относятся, повидимому, къ костямъ различныхъ особей неодинаковаго роста, что можно заклю-

*) Цифры Рютимейера заимствованы изъ его «Fauna der Pfahlbauten», цифры Штудера изъ его прекрасной работы: «die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, въ «Mittheilungen der Bern. Naturforscher - Gesellschaft.» 1883.

чить изъ значительной разности въ длинѣ между плечевою и лучевою костью, изъ коихъ послѣдняя много длиннѣе. Цифры Рютимейера болѣе подходятъ къ моимъ и также какъ бы указываютъ на то, что заднія конечности были нѣсколько длиннѣе переднихъ. (У моего экземпляра femur+Tibia=284; humerus+radius=262), какъ это замѣчается и у большей части собакъ, и еще явственнѣе у шакала. Для сравненія съ шакаломъ я привожу здѣсь размѣры костей конечностей трехъ экземпляровъ его, а также одной, довольно первобытной породы домашнихъ собакъ, именно Исландскаго косматаго терьера *)

Полная длина.	Волосовскій скелеть.	Шакаль (Индія), <i>Canis aureus</i>		Шакаль (Индія) изъ Гамбург. злярница. особь средн. возр.	Косматый терьеръ (Исландія)
		Стар. особь ♂ (?)	Стар. особь ♀ (?)		
Humerus.....	133	144	122,5	130	107
Radius.....	129	134	118,5	126	109
Ulna.....	152	158	140,5	150	130
Femur.....	143	155	137,5	144	115
Tibia.....	141	154	139	145	119
Fibula.....	131	145	130	139	115

Изъ этой таблички видно, что Волосовская собака, по размѣрамъ своихъ конечностей, подходила довольно близко къ среднему по величинѣ шакалу, хотя имѣла заднія конечности, относительно, нѣсколько болѣе короткія.

Наиболѣе характеристичныя данныя можемъ мы, однако, встрѣтить при разсматриваніи черепа **), который, у Волосовскаго экземпляра, сохранился довольно хорошо: недостаетъ только лѣвой скуловой дуги и части передняго края лѣвой глазицы. Черепъ этотъ принадлежалъ, очевидно, старой особи, какъ то доказываютъ уже сильно стертые коренные и схватный зубы. По всѣмъ признакамъ, это былъ старый сильный самецъ, на что указываетъ значительное развитіе надглазничныхъ отростковъ и другихъ мѣстъ прикрѣпленія мускуловъ. Поверхность черепа представляется весьма шероховатою, сѣтчатою, — признакъ, отличающій кости дикихъ — и мало тронутыхъ культурою, домашнихъ животныхъ. На правой лобной кости, позади надглазничнаго отростка, замѣчаются слѣды зажившей раны, нанесенной какимъ нибудь острымъ орудіемъ (или зубомъ). Кость здѣсь была проломлена, но затѣмъ края разлома стали заживать и образовали костяной рубецъ или неправильный костяной наростъ. Слѣдъ пораненія, въ видѣ вдавленія, замѣчается также на верхней сторонѣ лба, и можно думать, что онъ образовался одновременно съ первымъ, по всей вѣроятности, отъ укушенія какимъ нибудь звѣремъ, напримѣръ волкомъ, барсукомъ и т. п. Очевидно, эта собака была дѣятельной помощницей Волосовскаго охотника ка-

*) Размѣры костей шакаловъ и терьера сняты со скелетовъ Берлинской Сельско-Хозяйственной Академіи и доставлены мнѣ, по моей просьбѣ, профессоромъ Нерингомъ.

**) См. прилагаемую таблицу 1-ю, рис. 1, 2, 3, 4.

менного вѣка и ей случалось выдерживать опасныя схватки. Смерть ея, впрочемъ, послѣдовала не отъ этой раны, которая успѣла уже почти вполнѣ зарости костянымъ образованіемъ.

Обращаясь къ размѣрамъ черепа, отмѣтимъ прежде всего значительное развитіе лба между надглазничными отростками, также ширину въ скулахъ и верхней челюсти. Особенности размѣровъ выясняются, впрочемъ, наиболѣе изъ сравненія; поэтому мы позволимъ себѣ привести размѣры черепа Волосовской собаки параллельно съ соответственными размѣрами череповъ другихъ древнихъ породъ, и именно — древне-ладожской и «торфяной» швейцарской, причемъ для послѣдней мы пользуемся измѣреніями Штудера, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя относятся къ особямъ, подходящимъ къ Волосовской по величинѣ.

	Воло- совск. собака	Древне- Ладож- ская собака	Собака каменнаго вѣка изъ свай- ныхъ построекъ Билерскаго озера (Bielersee) въ Швейцаріи				
Длина черепа отъ передняго края затылочн. отверстія до передняго края ячей рѣзцовъ.....	151	145	151	145	147	160	158
Длина — отъ затыч. гребня до задн. края носовыхъ костей..	94	90	97	99	93	98	102
Длина отъ затыч. отверстія до задняго края твердаго (костнаго) неба.....	67,5	64	68	67	62	70	68
Длина костнаго неба.....	83,5	82	83	78	75	90	78
Длина носовыхъ костей по средней линіи	56	52(?)	—	51,5	53	61	53
Длина всѣхъ коренныхъ зубовъ..	61	57	60	60	59	63	62
Длина схватнаго зуба.....	18	16	17	16	17	18	16
Длина двухъ заднихъ бугорчатыхъ коренныхъ	18	16	17	16	17	18	16
Длина морды до передняго края глазицы.....	72	—	78	72,5	70	81	73
Ширина лба между надглазничн. обростками	55	43	51	45	50	52	54
Наибольш. ширина верхней челюсти на краю зубныхъ ячей.	60	56	56	56	58	58	61
Ширина между скуловыми дугами.	100(?)	92(?)	—	—	—	98	—
Наибольш. ширина носов. костей напереди.....	15	14,5	—	15,5	17	18	18
Наибольш. ширина черепа на височно-темянномъ швѣ.....	56	56(?)	55	56	56	57	53
Ширина между верхн. краями наружн. слухов. отверстій	52	—	50	52	—	54	53
Наимен. разстояніе между глазицами	32,5	29	36	33	38	36	39
Ширина морды между передн. краями ячей влыговъ	24,5	25	22	25	27	28	27
Высота черепа отъ основн. кости до теменн. гребня.....	51	45-50	52	54	—	55	60

Хотя изъ этой таблицы уже довольно ясно видны особенности Волосовскаго черепа, но для большей наглядности мы свели цифры каждаго черепа къ одной величинѣ, именно выразили ихъ въ процентномъ отношеніи длины черепа, принятой=100, и получили другую таблицу, въ которую вставили также соотвѣтственныя цифры черепа крупной ладожской породы, названной нами *Canis fam. Inostranzewi* *).

	Воло- совск. собака	Древне- Ладожск. мелкая порода	Древне- Ладожск. крупная порода	Собака каменнаго вѣка изъ свайныхъ построекъ Вилерск. озе- ра, въ Швейцаріи (Штудеръ).				
				100	100	100	100	100
Длина черепа въ осно- ваніи	100	100	100	100	100	100	100	100
Отъ затылочн. гребня до задн. края носовыхъ костей	62,2	62	61,3	64,2	68,2	63,2	61,2	64,5
Отъ затыл. отверстія до задн. края костн. неба.	44,7	44,1	—	45,1	46,2	42,1	43,7	43
Длина костнаго неба . . .	55,3	56,5	55,3	54,9	55,8	57,9	56,2	55,7
Длина носов. костей по средн. линіи	37,1	35,8	37,3	—	35,1	36,1	38,1	33,4
Длина коренн. зубовъ . . .	40,4	39,3	37,8	39,7	41,3	40,1	39,4	39,2
Длина схватнаго зуба . . .	11,9	11	11,0	11,2	11,1	11,5	11,2	10,1
Длина двухъ бугорчат. коренныхъ	11,9	11	11,3	11,2	11,1	11,5	11,2	10,1
Длина морды до пер. края глазницъ	47,7	—	48,6	51,6	50	47,6	50,6	46,2
Ширина лба между над- глазн. отростк.	37,7	29,6	33,0	33,8	31	34,1	32,5	34,1
Наибольш. ширина верхн. чел. на алвеол. краѣ.	39,7	38,6	—	37,1	38,6	39,4	36,5	38,6
Ширина между скулов. дугами	66,2	63,4	63,3	—	—	—	61,2	—
Наиб. ширина носов. ко- стей на переди	9,9	10,0(?)	10,5(?)	—	10,6	11,5	11,2	11,4
Наиб. ширина черепа на височно-темян. швѣ.	37,1	38,7(?)	32,5	36,4	38,6	38,1	35,6	33,4
Ширина между верхн. краями наружн. слух. отверстія	34,4	—	—	33,1	35,9	—	33,7	33,4
Наим. разстояніе между глазницами	21,2	20	21,5	23,8	22,7	25,8	22,5	24,7
Ширина морды между передн. краями ячей клыковъ	16,2	17,2	—	14,6	17,2	18,3	17	17,1
Толщина черепа до те- менн. шва	33,8	31-34,5	32,2	34,4	37,2	—	34,5	37,9

*) Какъ я показаль въ моей работѣ объ остаткахъ собакъ изъ торѣяныхъ отложе-
ній Приладожья, обитатели каменнаго вѣка въ этой мѣстности имѣли двѣ породы собакъ:
мелкую, соответствующую «торѣяной» собакѣ западно-европейскаго каменнаго вѣка, и другую,

Сличая цифры первого столбца съ цифрами слѣдующихъ, не трудно убѣдиться, что Волосовскій черепъ вообще сходенъ, въ относительныхъ размѣрахъ, съ черепами другихъ собакъ каменнаго вѣка, но отличается отъ нихъ довольно рѣзко въ большей ширинѣ лба между надглазничными отростками, въ большей ширинѣ между скуловыми дугами и въ большей длинѣ схватнаго зуба и обѣихъ заднихъ, бугорчатыхъ коренныхъ. Кромѣ того, можно отмѣтить довольно значительную наибольшую ширину верхней челюсти (назадъ, на краю ячей коренныхъ) и явственное суженіе морды впереди (малую ширину носовыхъ костей на ихъ переднемъ краѣ и малое разстояніе между передними краями ячей клыковъ), а также — малое наименьшее разстояніе между глазами и сравнительно малую вышину черепа при довольно значительной его ширинѣ. Всѣ эти особенности придаютъ Волосовскому черепу особенный характеръ, заставляють видѣть въ немъ своеобразное измѣненіе типа черепа «торфяной собаки», обусловленное, главнымъ образомъ, большимъ развитіемъ хватательныхъ органовъ (мышцъ и зубовъ), при заостренной впереди мордѣ и при отсутствіи слѣдовъ значительнаго одомашненія, выражающихся обыкновенно въ большей гладкости черепныхъ костей, въ увеличеніи мозговаго черепа и въ числѣ и расположеніи зубовъ (именно — уменьшеніи ихъ числа и ихъ болѣе неправильномъ, взаимномъ положеніи). Это была, очевидно, подобная же порода каменнаго вѣка, что и въ Приладожьи, но уже нѣсколько видоизмѣненная и болѣе сильная; въ ней однако, нельзя видѣть приближенія къ крупной Ладожской породѣ, такъ какъ, если она сильнѣе и больше «торфяной», то всетаки она много уступаетъ по величинѣ «Иностранцевской собакѣ», а между тѣмъ, во многихъ относительныхъ размѣрахъ (напр. относительной ширинѣ лба между надглазничными отростками, ширинѣ между скуловыми дугами, длинѣ схватнаго зуба и бугорчатыхъ коренныхъ) значительно превосходить эту послѣднюю. Большее сходство съ ладожскою «торфяною» собакою, чѣмъ съ Швейцарскими, можно констатировать въ заостренной мордѣ (въ малой ширинѣ носовыхъ костей напередъ, малой ширинѣ между клыками и между глазами), и въ значительной ширинѣ и низкости мозговаго черепа. Такое сходство весьма естественно и понятно; Волосовская собака находилась въ болѣе близкомъ соседствѣ и, вѣроятно, въ большемъ родствѣ съ древне-ладожскою породою, чѣмъ съ торфяной собакой Швейцарскихъ свайныхъ построекъ *).

болѣе крупную, соответствующую собакѣ «бронзоваго» вѣка на западѣ, такъ называемой *Canis matris optimaе Ietteleis*. Такъ какъ у насъ на сѣверѣ эта крупная порода является въ тѣхъ же отложеніяхъ, какъ и торфяная, то я и привожу въ таблицѣ редуцированныя цифры ея черепа, на ряду съ черепами другихъ собакъ каменнаго вѣка.

*) Нижняя челюсть Волосовской собаки имѣетъ въ длину (отъ угла альвеолярнаго края рѣзцовъ) 125 мм.; восходящая вѣтвь ея — (отъ угла до высшей точки вѣчнаго отростка) — 51 мм.; высота горизонтальной вѣтви (между схватнымъ и послѣднимъ ложно-кореннымъ зубами) — 21 мм. У древне-ладожской «торфяной собаки» длина нижней челюсти составила 115—123 мм., у «торфяной» Швейцарской—110—120 (по Рютимейеру).

«Торфяная» собака на Западѣ не исчезла съ окончаніемъ каменнаго вѣка и продолжала существовать, рядомъ съ другими, появившимися впоследствии породами, въ теченіи всей доисторической и исторической эпохи. Остатки ея скелета находили и въ свайныхъ постройкахъ металлическаго вѣка, и въ древнихъ гробницахъ Египта и въ отложеніяхъ римской эпохи. Потомки ея, болѣе или менѣе видоизмѣненные, существуютъ еще и теперь; мы видимъ ихъ въ шпицѣ, мелкихъ породахъ лягавыхъ и гончихъ, въ таксѣ и пинчерѣ (террьерѣ) и во многихъ дворняжкахъ. У насъ, въ Россіи, остатки этой же породы попадаются иногда въ древнихъ курганахъ, куда собака, повидимому, также сопровождала нерѣдко своего хозяина, какъ и лошадь, корова и другія домашнія животныя. Любопытно было бы прослѣдить, въ какихъ именно курганахъ и въ какомъ отношеніи къ костяку были находимы у насъ скелеты и черепа собакъ, а также — къ какимъ породамъ они относятся; но матерьяловъ и указаній по этому вопросу имѣется, покуда, еще весьма мало, такъ что приходится ограничиться лишь немногими, отрывочными данными.

Остатки собакъ встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ, «скиѣскихъ» курганахъ южной Россіи, заключающихъ въ себѣ греческія издѣлія III-го вѣка до Р. Хр. Такъ, скелетъ небольшой собаки былъ найденъ И. Е. Забѣлинымъ въ огромномъ Чертомлыцкомъ курганѣ, именно въ юго-восточномъ наугольномъ подземельи его, близъ многихъ, стоявшихъ здѣсь, глиняныхъ амфоръ, одной бронзовой чаши, колчановъ съ бронзовыми стрѣлами, ножей съ костяными ручками, остатками тканей и т. д. *).

Въ новѣйшее время мнѣ извѣстна одна раскопка кургана близъ с. Станишина, Елисаветградскаго уѣзда (на которомъ стояла оригинальная, фаллическая «каменная баба»), гдѣ также, рядомъ съ лошадиными костями, были найдены и кости собаки. Въ курганахъ средней и сѣверной Россіи остатки собаки также иногда встрѣчаются. Такъ, обломанный, ветхій собачій черепъ былъ добытъ Дружгиннымъ изъ одного кургана Нижегородскаго уѣзда. Здѣсь была разрыта цѣлая группа кургановъ, ссыпанныхъ, по всѣмъ признакамъ, Мордвою (которая живетъ еще и теперь по сосѣдству), причемъ въ каждомъ курганѣ, — кромѣ многихъ привѣсовъ, «сустуковъ», желѣзныхъ орудій, сабель, котловъ (съ остатками гречневой крупы), остатковъ бобровыхъ и медвѣжьихъ мѣховъ и т. д., — оказалось и по лошадиному скелету, а въ одной — еще и кости собаки. Видѣнный мною

*) Въ томъ же курганѣ, въ другихъ подземельяхъ, были найдены, какъ извѣстно, многіе скелеты лошадей съ богатыми сѣдельными и уздечными нарядями. См. статьи И. Е. Забѣлина о Чертомлыцкомъ курганѣ въ «Древностяхъ» Московскаго Археологическаго Общества и во 2-мъ томѣ «Древностей Геродотовой Скиѣи». Въ статьяхъ этихъ упомянутый скелетъ собаки названъ, впрочемъ, скелетомъ «какого-то небольшого животнаго»; но Иванъ Егоровичъ передавалъ мнѣ лично, что это была очевидно, собака. — Въ курганахъ Кіевской губ., Черкаскаго уѣзда, близъ мѣст. Сивла, раскопанныхъ гр. А. А. Бобринскимъ, кости собаки были также находимы, рядомъ съ остатками лошади и вола.

собачій черепъ (весьма неполный) выказываетъ довольно крупные размѣры и вытянутую морду, и принадлежалъ, вѣроятно, борзой, — породѣ, которая, по всей вѣроятности, стоитъ въ родствѣ съ крупной породой «бронзоваго» вѣка на западѣ или съ родственной ей, древне-ладожской *Canis Inostranzewi*. Нижегородскіе мордовскіе курганы, повидимому, не очень древни, и, по всей вѣроятности, не древнѣе XIII—XIV вѣковъ *).

Кости и черепа собакъ были находимы также Н. Е. Бранденбургомъ и Л. К. Ивановскимъ въ курганахъ Петербургской губернии и В. И. Сизовымъ въ одномъ курганѣ Смоленскаго уѣзда (по всей вѣроятности — славянскомъ). Остатки Смоленской курганной собаки были отданы на разсмотрѣніе мнѣ и описаны мною подробно въ «Протоколахъ Московскаго Археологическаго Общества» 1882 года, въ Приложеніи къ сообщенію В. И. Сизова. Собака эта оказалась, по типу, родственною «торфяной» и мелкой ладожской породѣ, но нѣсколько крупнѣе и сильнѣе послѣдней, съ болѣе широкой головой и мордой (въ скулахъ и верхней челюсти) и съ болѣе длиннымъ рядомъ коренныхъ зубовъ. Но что ее особенно отличаетъ, это — короткость конечностей, какъ то можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія длины нѣкоторыхъ длинныхъ костей.

	Humerus	Femur	Tibia
	въ миллиметрахъ		
«Торфяная» собака изъ свайныхъ построекъ Робенгаузена (по Рютимейеру)	127—144	127—144	144
«Торфяная» собака изъ свайныхъ построекъ Билерскаго озера (по Штудеру)	122—130	145	127
«Торфяная» собака съ побережья Ладожскаго озера	126—139	145	135—145
Собака изъ кургана Смоленскаго уѣзда .	118	132	121
Шакаль (по Нерингу)	144—122	155—137	154—139
Исландскій косматый терьеръ	107	115	119

*) Раскопки Дружбина описаны подробно мною въ «Протоколахъ Московскаго Археологическаго Общества» 1883 года, гдѣ помѣщены и сдѣланныя мною измѣренія собачьяго черепа. — Кости и черепа собакъ попадаютъ также въ курганахъ Тобольской губерніи, какъ это я могу заключить изъ Альбома раскопокъ этихъ кургановъ, доставленнаго въ Московское Археологическое Общество А. И. Дмитриевымъ-Мамоновымъ. На ряду съ разными издѣліями и человѣческими черепами, на таблицахъ этого кургана изображенъ и собачій черепъ и притомъ, по формѣ, весьма напоминающій черепъ «торфяной» собаки.

Такимъ образомъ, кости конечностей Смоленской курганной собаки (особенно плечевая и больше-берцовая) замѣтно короче, чѣмъ у «торфяной» собаки и у шакала, хотя по размѣрамъ головы (длина черепа въ основаніи—155 милл., ширина въ скулахъ—102 милл.) собака эта подходила къ наиболѣе крупнымъ экземплярамъ послѣднихъ или даже превосходила ихъ по величинѣ (на черепахъ шакаловъ, по Нерингу, соответственные размѣры составляютъ только 147—139 и 90—82). Очевидно, это былъ потомокъ древней «торфяной» породы, но уже значительно измѣнившійся подъ вліяніемъ одомашненія. «Измѣненіе выражается особенно въ укороченіи конечностей и въ большей ширинѣ головы, особенно въ скулахъ и верхней челюсти. Собака курганнаго періода сдѣлалась нѣсколько крупнѣе и сильнѣе древней торфяной (послѣднее видно изъ большаго развитія темяннаго гребня и скуловыхъ дугъ), но укороченіе конечностей и большее развитіе бугорчатыхъ коренныхъ указываетъ въ тоже время на болѣе продолжительное одомашненіе и большее приспособленіе къ растительной пищѣ» *).

Изъ Петербургскихъ кургановъ я имѣлъ возможность видѣть только одинъ черепъ собаки — изъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга **). Это маленькій, ветхій, обломанный черепъ, у котораго недостаетъ большей части затылочной кости, правой темянной, носовыхъ, скуловыхъ дугъ и переднихъ концовъ челюстныхъ костей. Темянной гребень не развитъ, надглазничные отростки, равно какъ и вообще всѣ мѣста прикрѣпленія мышцъ выражены слабо, профиль довольно прямой (мало вогнутый). По своей величинѣ и относительнымъ размѣрамъ черепъ этотъ принадлежитъ, несомнѣнно, «торфяной» породѣ и выказываетъ значительное сходство съ черепами болѣе мелкихъ типичныхъ экземпляровъ собакъ каменнаго вѣка изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно просмотрѣть прилагаемую таблицу, въ которой размѣры собачьяго черепа изъ кургана Петербургской губерніи приведены рядомъ съ размѣрами двухъ собачьихъ череповъ (подходящихъ по величинѣ) изъ свайныхъ построекъ Билерскаго озера, а также съ размѣрами черепа одного довольно крупнаго, нѣмецкаго шпица (послѣдніе сняты для меня проф. Нерингомъ на скелетѣ Берлинской Сельско-хозяйственной Академіи).

*) См. мою замѣтку въ Приложеніи къ протоколу Московскаго Археологическаго Общества, № 200, 1882 года. Волосовская собака имѣла, впрочемъ также болѣе короткія конечности, чѣмъ шакалъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ курганная Смоленская.

**) Черепъ этотъ, равно какъ и многіе другіе собачьи черепа, о которыхъ будетъ сказано далѣе, я получилъ для просмотра изъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, благодаря любезности академика А. А. Штрауха.

	Собака из кургана Петерб. губ.	Собака из свайных построек Валерского озера (по Шугаеру)	Большой шпич (по Перягу) старая особь
Длина черепа въ основаніи.....	135 (?)	135	134
Отъ затылоч. гребня до задн. края носовыхъ костей.....	82,5	84	84
Отъ затылочн. отверстія до задняго края костнаго неба.....	63,5	62	61
Длина костнаго неба.....	71 (?)	73	74
Длина ряда верхнихъ коренныхъ зубовъ.	54,5	57	55
Длина схватнаго зуба.....	15,5	16	15
Длина двухъ бугорчатыхъ коренныхъ ..	16	16	16
Ширина лба между надглазн. отростками.	40 (?)	46	44
Наибольш. ширина верхней челюсти на алвеол. краѣ.....	55	56	53
Ширина между верхн. краями наружн. слухов. отверстій.....	46	49	46
Ширина морды между передн. краями ячей клыковъ	21	21	20
Вышина черепа до тем. шва	48	51	49
Длина нижн. челюсти отъ угла до алвеол. края рѣзцовъ.....	110	—	—
			110

Меньшая ширина лба между надглазничными отростками объясняется, можетъ быть, отчасти вліяніемъ пола, такъ какъ курганный черепъ принадлежалъ, повидимому, самгѣ.

Размѣры черепа шпича приведены много для доказательства, что собаки, весьма похожія на мелкую породу каменнаго вѣка, встрѣчаются еще и теперь въ Европѣ. «Торфяная» собака дала, впрочемъ начало не одному шпичу, но многимъ породамъ, изъ которыхъ шпичъ можетъ считаться однако одною изъ древнѣйшихъ. Въ пользу этой большей древности говорить уже тотъ фактъ, что шпичъ обладаетъ стоячими ушами, такъ какъ висячіе уши — признакъ большаго одомашненія и измѣненія. Съ другой стороны, типичный шпичъ, бывшій прежде весьма распространеннымъ, особенно въ средней Европѣ, теперь становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и представляетъ, по всѣмъ признакамъ, породу вымирающую. Чаше можно его еще встрѣтить въ болѣе отдаленныхъ и обособленныхъ мѣстностяхъ; между прочимъ, собаки, весьма похожія на шпичовъ, черной или бѣлой масти, встрѣчаются почти у всѣхъ нашихъ сѣверныхъ, кочевыхъ инородцевъ.

Малорослая порода каменнаго вѣка, съ теченіемъ времени, дала начало болѣе крупнымъ разновидностямъ, остатки коихъ мы и встрѣчаемъ въ отложенияхъ позднѣйшаго каменнаго вѣка. Эти, болѣе крупныя разновидности, въ свою очередь, дали начало различнымъ породамъ, которыя, болѣе или менѣе измѣненныя искусственнымъ подборомъ, существуютъ и до настоящаго времени.

Нижѣ мы приводимъ измѣренія нѣсколькихъ череповъ современныхъ породъ, относительно коихъ можно думать, что онѣ ведутъ свое происхожденіе отъ «торфяной» собаки, именно одной лягавой (маркловки), одной собаки изъ Обдорска (колл. И. С. Полякова въ Музеѣ Академіи Наукъ), одной «ѣзжалой» собаки съ острова Сахалина (тоже изъ коллекціи Полякова) и одной — неизвѣстной (дворяшки) и сопоставляемъ имъ съ измѣреніями Волосовскаго черепа *).

	Воло- совская собака	Черепъ «Марк- ловки	Черепъ собаки изъ Обдорска	Черепъ оди- нъ «ѣз- жалой» собаки съ устья р. Поро-най на о. Сахалинѣ	Черепъ неизвѣст- ной породы
Длина черепа въ основаніи	151	151	148	152	155
Отъ затылочн. гребня до задняго конца носовыхъ костей	94	86	87,5	95	95
Отъ затылочн. отверстія до задн. края костнаго неба	67,5	64	65	66	69
Длина костнаго неба	83,5	86	82	84	86
Длина носовыхъ костей по средн. линіи	56	56	50	57	56
Длина ряда верхн. коренныхъ . .	61	56	60,5	59	62
Длина схватнаго зуба	18	17,5	17	18	19
Длина двухъ бугорчат. коренныхъ.	18	20	18	18,5	19
Длина морды отъ алвеол. края рѣзцовъ до передняго края глазницы	72	—	69	73,5	—
Ширина лба между надглазнич. отростками	55	55	51,5	48,5	48
Наибольш. ширина верхн. челюсти на алвеол. край	60	66	59	61	60
Ширина между скул. дугами	100 (?)	104	—	93,5	93
Наибольш. ширина носов. костей на переди	15	—	18	15	—
Наиб. ширина носов. отверстія . .	20	—	20	21	—
Наибольшая ширина черепа на височно-темян. швѣ	56	—	55	53	—
Ширина между верхн. краями наруж. слухов. отверстій	52	—	52	55	—
Наименьш. разстояніе между глаз- ницами	32,5	39	33	31	31
Ширина морды между передн. краями ячей клыковъ	24,5	—	26,5	26	—
Вышина черепа	51	—	52	53	—
Длина нижн. челюсти	125	—	121	126	—
Высота ея гориз. вѣтви между схватн. и послѣдн. ложно- корен. зубами	21	—	19	21	—

*) У нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ череповъ показаны не все измѣренія, потому что черепа эти были измѣрены мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ чего я не имѣлъ случая ихъ видѣть и дополнить недостающіе размѣры.

Наибольшее сходство съ Волосовскимъ черепомъ въ размѣрахъ (и общей формѣ) выказываютъ Обдорскій, Сахалинскій и — неизвѣстной породы, тогда какъ черепъ «маркловки» представляетъ уже болѣе отличій — преимущественно въ короткости и ширинѣ своей мозговой коробки при большей длинѣ морды и болѣе значительномъ развити бугорчатыхъ коренныхъ. Профиль у маркловки болѣе вогнутъ, корень носа сильно вдавленъ, морда шире, рядъ коренныхъ короче и второй ложно-коренной заходитъ за третій. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ признакамъ, именно — значительной ширинѣ въ скулахъ и — между надглазничными отростками — черепъ маркловки болѣе подходитъ къ черепу Волосовской собаки, чѣмъ всѣ прочіе, здѣсь приведенные. Можно, поэтому, думать, что Волосовская собака обладала уже до нѣкоторой степени качествами охотничьей собаки — ищейки.

Что касается до первоначальнаго происхожденія «торфяной» собаки, то есть основанія полагать, что она произошла отъ прирученнаго шакала. Нѣкоторые современные ученые (Вольджрихъ, Бургиня и др.) не раздѣляютъ, однако, этого взгляда, и принимаютъ, что прародичемъ древнѣйшей породы собакъ былъ одинъ изъ вымершихъ нынѣ видовъ р. *Canis*. Въ дилювиальныхъ отложенияхъ Западной Европы, дѣйствительно, были найдены остатки нѣсколькихъ ископаемыхъ канидъ, но они еще плохо изучены и точные отличительные признаки ихъ еще предстоитъ установить. Волкъ и шакалъ представляютъ столько разновидностей, столько варіацій въ ростѣ и размѣрахъ тѣла, что прежде чѣмъ устанавливать особые ископаемые виды, необходимо обстоятельно изслѣдовать, не составляютъ ли они просто варіететы существующихъ еще и нынѣ формъ *). По мнѣнію Нерпига, сравнившего до сорока череповъ волковъ, не только формы, въ родѣ *Lupus vulgaris fossilis* Woldr. или *Lupus spelaeus* Woldr. но и такіе, какъ *Lupus Suessii* Woldr., представляются весьма сомнительными, какъ отдѣльные виды. Признаніе шакала за прародича собаки вызываетъ затрудненіе только въ томъ отношеніи, что шакалъ есть форма южная, не встрѣчающаяся въ средней Европѣ, свойственная, по преимуществу, странамъ, прилегающимъ къ Средиземному морю (Сѣверная Африка, Далмація, Турція, Кавказъ, Малая Азія) и Средней и Южной Азіи (до Цейлона). Но это затрудненіе теряетъ значительно свою силу, какъ скоро мы убѣждаемся, что древнѣйшія породы домашнихъ животныхъ въ Европѣ — всѣ указываютъ на южное и восточное происхожденіе. Ниже мы коснемся еще этого вопроса; теперь же замѣтимъ, что нѣкоторыя разновидности шакала могли водиться, въ прежнее время, и въ средней Европѣ. На эту возможность указываетъ, между прочимъ,

*) Подробнѣе объ этомъ — въ моей статьѣ о собакахъ, въ книгѣ проф. Иностранцева. — Какъ ни типичны, повидимому, волкъ и шакалъ, но и они, какъ думаетъ Гексли (Huxley. On the cranial and dental characters of the Canidae, въ «Proceedings of the Zoolog. Society», 1880) связаны между собою переходными формами.

находка остатковъ одного мелкаго вида дикой собаки, сдѣланная проф. Мачкой въ пещерѣ «Чертова дыра», близъ Нейтшпейна, въ Моравіи. Остатки эти были описаны Вольджрихомъ, который установилъ, на основаніи ихъ, новый диллювіальный видъ канидъ, назвавъ его *Canis Mikii* *). По размѣрамъ челюстей и зубовъ, *C. Mikii* занимаетъ промежуточное положеніе между шакаломъ и лисицей, выказывая, однако, всѣ характерные признаки собаки. Вольджрихъ принимаетъ, что этотъ *C. Mikii* былъ дикимъ видомъ, который былъ прирученъ въ концѣ диллювіальной эпохи и далъ начало древнѣйшей, самой мелкой породѣ «торфяной» собаки. Возможно, однако, что *C. Mikii* былъ только варіететомъ шакала или даже — уже одомашненной собакой. Если допустить, что населеніе Европы, начиная съ неолитическаго періода, пополнялось переселенцами изъ Азіи и что оно получало съ юга и востока новые элементы культуры, то и собака могла явиться первоначально оттуда же и произойти отъ прирученія какаго либо южнаго дикаго вида. Новыхъ данныхъ для разъясненія этого вопроса можно ожидать только отъ новыхъ палеонтологическихъ находокъ и именно въ средней Европѣ. Если самостоятельность *Canis Mikii* подтвердится или если найдутся другія ископаемыя европейскія формы, близкія къ «торфяной» собакѣ, то вопросъ о происхожденіи послѣдней, равно какъ объ отношеніи ея къ шакалу — разрѣшится этимъ самъ собою **).

Еще менѣе положительнаго можно сказать о происхожденіи крупныхъ породъ собакъ, появившихся въ западной Европѣ къ началу «бронзоваго» вѣка, и въ Приладожьѣ, какъ показали остатки, добытые проф. Иностранцевымъ, существовавшихъ уже въ теченіи каменнаго вѣка. Д-ръ Штудеръ, основываясь на значительной измѣнчивости собакъ къ концу каменнаго вѣка (въ свайныхъ постройкахъ) и на появленіи въ это время болѣе крупныхъ и сильныхъ формъ «торфяной» собаки, высказалъ сначала мнѣніе, что порода «бронзоваго» вѣка (*Canis matris optimaе Jettel*) могла обособиться изъ «торфяной» собаки, путемъ постепеннаго увеличенія ея роста и размѣровъ. Въ новѣйшее время онъ, однако, отказался отъ этого взгляда и именно вслѣдствіе моей работы о древне-Ладожскихъ собакахъ.

*) Woldfich, Beiträge zur Geschichte des fossilen Hundes, въ «Mittheil. d. Anthropol. Ges. in Wien» 1881.

**) Современный шакалъ, при всемъ его сходствѣ съ нѣкоторыми мелкими породами собакъ, отличается отъ нихъ какъ своимъ общимъ видомъ и размѣрами, положеніемъ хвоста, неспособностью лаять и т. д., такъ и нѣкоторыми особенностями своего черепа, какъ напримѣръ, меньшей величиной мозговой коробки, болѣе узкою, вытянутою мордою, болѣе сильнымъ развитіемъ слуховыхъ *bullae*, болѣе относительной длиною хваткаго зуба и бугорчатыхъ корней и — положеніемъ носовыхъ костей, которыя, обыкновенно, на весьма маломъ протяженіи соприкасаются съ верхне-челюстными, будучи отдѣлены отъ нихъ отростками межчелюстныхъ и лобныхъ костей. Всѣ эти признаки представляютъ, однако, у шакала варіаціи, которыя могутъ, вѣроятно, еще усиливаться подъ влияніемъ прирученія, подобно тому, какъ это было констатировано Нерингомъ для волковъ (въ «Sitzungsberichte der Gesellschaft naturforsch. Freunde in Berlin» 1884).

Нахождение типичной крупной породы на отдаленномъ сѣверѣ и въ однихъ и тѣхъ же древнихъ отложенияхъ съ характеристичною мелкою «торфяною» породою, дѣйствительно, не говоритъ въ пользу тѣсной связи между двумя формами, тѣмъ болѣе, что крупная порода отличается, сравнительно, меньшимъ развитіемъ (въ высоту и ширину) мозговой коробки. Этотъ признакъ, вмѣстѣ съ раннимъ появленіемъ крупной расы въ сѣверо-восточной Европѣ, заставляетъ (какъ теперь думаетъ Штудеръ) признать въ ней форму, отличную отъ «торфяной» собаки и появившуюся въ западной Европѣ лишь къ началу «бронзоваго» періода. Въ остаткахъ позднѣйшихъ свайныхъ построекъ Билерскаго озера Штудеръ могъ найти одинъ черепъ, который, во всѣхъ своихъ размѣрахъ, представляетъ почти полное сходство съ описаннымъ мною черепомъ *Canis fam. Inostranzewi*, за исключеніемъ только нѣскольکو меньшихъ размѣровъ мозговой коробки у послѣдней, свидѣтельствующихъ повидимому, въ пользу менѣе продолжительнаго одомашненія древне-Ладожской породы. Во всякомъ случаѣ, этой формой изъ свайныхъ построекъ Билерскаго озера, крупные собаки «бронзоваго» вѣка тѣсно связываются съ *Canis Inostranzewi* и имъ можетъ быть приписываемо одинаковое съ послѣдней происхождение *).

Какое именно это происхождение, рѣшить однако еще трудноѣе, чѣмъ относительно «торфяной» собаки. Jetteleis **), сравнивая черепа различныхъ канидъ, высказалъ мнѣніе, что прародичемъ *Canis matris optimaе* могъ быть *Canis pallipes* Sykes, — индійскій степной волкъ. Приведенные имъ размѣры, дѣйствительно, говорятъ въ пользу сходства, которое могъ подтвердить и Нерингъ, имѣвшій возможность сравнить нѣскольکو череповъ «бронзовой» собаки съ однимъ черепомъ *Canis pallipes*. Нерингъ, однако, полагаетъ, что такое же и даже еще большее сходство окажется, вѣроятно, и съ другими степными разновидностями волковъ, водящимися, на примѣръ, въ арало-каспійскихъ степяхъ. По словамъ Гексли, *Canis pallipes*, какъ и нѣкоторые другіе индійскіе и тибетскіе виды волковъ, можетъ считаться просто мѣстнымъ варіететомъ, разновидностью обыкновеннаго волка, *Canis lupus*.

Очень вѣроятно, что въ образованіи собачьихъ породъ принималъ участіе и обыкновенный волкъ. Jetteleis и другіе ученые, занимавшіеся вопросомъ о происхожденіи домашнихъ собакъ, отвергали родство съ волкомъ главнымъ образомъ потому, что черепъ и зубы волка выказываютъ болѣе сильное сложеніе и что отношеніе верхняго схватнаго зуба къ бугорчатымъ кореннымъ у

*) Studer, Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, 1. c. Separatabdruck, S. 34: «Durch diese Form des Hundes aus dem Bielersee werden die grossen Hunde der Bronzezeit und der *Canis intermedius* Woldr. nahe mit dem *Canis Inostranzewi* Anutsch. vom Ladogasee verknüpft und dürften daher wohl einen Ursprung beanspruchen können».

**) Jetteleis, Die Stammväter unserer Hunde-Rassen. Wien, 1877.

него иное, чѣмъ у собакъ, хотя бы послѣднiя и подходили къ нему по силѣ и величинѣ. Схватный зубъ у волка длиннѣе чѣмъ оба заднихъ коренныхъ, тогда какъ у собакъ (и у шакала — прибавимъ мы) замѣчается обратное. Нерингъ могъ, однако, констатировать, что у волковъ, рожденныхъ въ неволѣ, размѣры черепа и зубовъ бываютъ, вообще, замѣтно меньше, чѣмъ у экземпляровъ того же возраста, живущихъ на волѣ, и что уменьшенiе схватнаго зуба и относительное увеличенiе бугорчатыхъ коренныхъ, замѣчаемыя у собакъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ одомашненiя. Съ другой стороны, онъ могъ убѣдиться, что указанное различiе между волкомъ и крупными собаками по отношенiю къ зубамъ, вовсе не такъ велико, какъ иные думаютъ, и что у многихъ волковъ бугорчатые зубы настолько же превосходятъ по своей длинѣ схватный, какъ и у собакъ ***). Нерингъ могъ найти въ одномъ Берлинскомъ музеѣ два древнихъ (по всей вѣроятности — доисторическихъ) собачьихъ черепа такихъ крупныхъ размѣровъ, что въ родствѣ ихъ съ волкомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣнiй. Онъ назвалъ эту древнюю породу: *Canis fam. descantanus* и полагаетъ, что она произошла непосредственно отъ волка ****). Возможно однако, что сходство съ волкомъ получилось въ данномъ случаѣ отъ скрещиванiя съ нимъ домашнихъ собакъ, какъ это по древнимъ свидѣтельствамъ, было въ обычаѣ у галловъ, и какъ это дѣлалось еще недавно въ Россiи — по отношенiю къ борзымъ и гончимъ. Происхожденiемъ отъ волка или скрещиванiемъ съ нимъ можно объяснить и сходство съ волкомъ многихъ другихъ первобытныхъ породъ собакъ, какъ напримѣръ эскимосскихъ или сибирскихъ «ѣжалыхъ» (ѣзовыхъ). Черепа сахалинскихъ ѣжалыхъ собакъ представляютъ (какъ я могъ убѣдиться изъ сравненiя шести череповъ въ коллекцiи Академiи Наукъ) значительныя вариацiи въ величинѣ, причемъ напримѣръ, длина черепа въ основанiи варьируетъ отъ 146 до 187 милл., а съ Новой земли я видѣлъ одинъ черепъ — длиною 194 милл. Эти крупные черепа отличаются иногда такой значительной шириной лба, верхней челюсти, скулъ и т. д., и такимъ развитiемъ зубовъ, что невольно напоминаютъ волка, хотя послѣднiй имѣетъ, обыкновенно, еще болѣе крупные размѣры и его верхнiй схватный зубъ достигаетъ до 25—30 миллиметровъ, чего у собакъ мнѣ еще не приходилось встрѣчать. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманiе силу измѣнчивости, вызываемую прирученiемъ, то нельзя не признать вѣроятности за мнѣнiемъ Неринга, что волкъ съ его мѣстными разновидностями могъ быть въ той же степени пра-

***) Я могу прибавить, что и наоборотъ — встрѣчаются собаки, у которыхъ схватный зубъ длиннѣе бугорчатыхъ коренныхъ, какъ у волка. Такъ у одной «ѣжалой» собаки съ острова Сахалина я нашелъ схватный зубъ длиною въ 18,5 милл., а бугорчатые — 18; у одной крупной собаки съ Новой земли — схватный зубъ — 19,5 милл., а бугорчатые — 18,5.

****) Nehring, Ueber eine grosse wolfsähnliche Hunde-Rasse der Vorzeit etc. Separat-Abdruck aus «Sitzungsberichte der Gesellsch. naturforsch. Freunde». Berlin, 1884.

родичемъ крупныхъ собачьихъ породъ, какъ шакалъ — съ его различными расами — родоначальникомъ породъ болѣе мелкихъ *). Для большаго разъясненія этого вопроса важно было бы изслѣдовать, путемъ опыта, въ какомъ направленіи идетъ измѣненіе волковъ и шакаловъ, когда они подвергаются одомашненію въ ряду нѣсколькихъ поколѣній. Покуда точныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи еще нѣтъ и ихъ могутъ дать только специальные опыты разведенія, съ этою цѣлью, волковъ и шакаловъ, въ зоологическихъ садахъ **).

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія относительно древнѣйшихъ породъ собаки въ Россіи, но по отношенію къ другимъ домашнимъ животнымъ мы не имѣемъ и такихъ. Одно только можемъ мы сказать, основываясь на имѣющихся покуда данныхъ: это — что въ теченіи каменнаго вѣка собака была у насъ единственнымъ домашнимъ животнымъ. Но затѣмъ, когда у насъ появилась овца, крупный рогатый скотъ, свинья, и въ какихъ породахъ, — обо всемъ этомъ мы почти ровно ничего не знаемъ. Впрочемъ, относительно древнѣйшихъ породъ овцы и козы и ихъ происхожденія, весьма мало данныхъ имѣется и въ западной Европѣ. Извѣстно только, что коза встрѣчается уже въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ и притомъ въ формѣ, похожей на современную. Въ болѣе позднихъ пфальбаутахъ, къ концу каменнаго вѣка остатки ея становятся рѣже и, по численности, замѣтно уступаютъ остаткамъ овцы. Последняя является сначала въ свайныхъ постройкахъ въ видѣ небольшой, длинноногой, козьевидной породы, съ сплюснутыми, двугранными, слабо изогнутыми въ стороны рогами, но къ концу каменнаго вѣка къ ней присоединяется другая, болѣе крупная порода, съ большими и сильно изогнутыми рогами, весьма похожими, по Рютимейеру, на рога крупной испанской овцы. Овца, впрочемъ, судя по численности ея остатковъ, не имѣла въ продолженіи каменнаго вѣка, значительнаго

*) По словамъ Л. П. Сабаньева («Иллюстр. Охотнич. Календарь» 1885), восточныя породы борзыхъ, вѣроятно, произошли отъ индійскаго дола или колсуна (*C. dochunensis*). Русскія псовые борзые, по тому же автору, образовались, вѣроятно, отъ скрещиванія восточныхъ борзыхъ съ сѣверными волкообразными собаками или съ самими волками. Изъ гончихъ — костромскія и русскія во многихъ признакахъ, также напоминаютъ волка и испытали, вѣроятно, примѣсь его крови или, по крайней мѣрѣ — крови волкообразныхъ сѣверныхъ собакъ, такъ называемыхъ лаякъ, которыя, по мнѣнію г. Сабаньева, «несомнѣнно ведутъ свое происхожденіе отъ волка».

***) Относительно Америки извѣстно, что тамъ домашняя собака существовала съ древнихъ временъ. Въ гробницахъ Анкона, въ Перу, были найдены многія муміи собакъ, изслѣдованныя недавно проф. Нерингомъ (*Nehring, Ueber Rassebildung bei den Inca-Hunden*, Ser.-Abdr. aus «Kosmos» 1884). Онѣ оказались принадлежащими различнымъ расамъ — до формъ таксы и бульдога включительно. Во многихъ признакахъ онѣ, однако, отличаются отъ европейскихъ собакъ, и прародичемъ ихъ былъ, вѣроятно, сѣверо-американскій волкъ (*Lupus occidentalis*), а отчасти, можетъ быть — еще и Койоте (*Canis volatrans*).

распространенія; остатки свиньи, напимѣрь, встрѣчаются, въ свайныхъ постройкахъ этой эпохи гораздо чаще. Совершенно обратное видимъ мы въ свайныхъ постройкахъ «бронзоваго» вѣка: кости овецъ попадаютъ здѣсь въ количествѣ, равномъ или даже превышающемъ количество костей всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ. Только овца эта не та, что въ каменномъ вѣкѣ: она — безрогая и, повидимому, принадлежала къ короткохвостой породѣ средне-европейскихъ низменностей.

Относительно крупнаго рогатаго скота извѣстно, что остатки его встрѣчаются также уже въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Какъ показали изслѣдованія Рютимейера, крупный рогатый скотъ былъ представленъ въ каменномъ вѣкѣ нѣсколькими породами, изъ коихъ наиболѣе типичными были двѣ: такъ называемыя «первобытныя» (*Bos taurus primigenius*) и короткорогая — (*Bos taurus brachyceros*). Первая — самая крупная: потомки ея существуютъ и теперь въ лицѣ степной породы южной Россіи, Румыніи, Венгріи, также — голландской, фрисландской, англійской породы низменностей и др. Видоизмѣненіями ея были породы: *Bos frontosus* и *Bos trochoceros*, изъ коихъ къ первой принадлежитъ теперь пестрый швейцарскій скотъ (Симментальская порода) и короткорогія расы Англійи (*Shorthorn*), а *B. trochoceros* встрѣчается уже въ свайныхъ постройкахъ, какъ переходная форма отъ *primigenius* къ *frontosus*, и притомъ чаще послѣднихъ двухъ. Прародичемъ «первобытной» породы (*Bos taurus primigenius*) былъ дикій первобытный быкъ или туръ (*Bos primigenius* Voj.), водившійся почти во всей Европѣ въ доисторическую эпоху и существовавшій въ западной Европѣ до IX вѣка нашей эры, а въ Польшѣ и Литвѣ даже до XVI вѣка. Одомашненіе этой породы произошло, по всей вѣроятности, въ Европѣ, но оно послѣдовало, повидимому, не ранѣе какъ къ концу каменнаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того факта, что остатки крупной породы рогатаго скота (*Bos taurus primigenius*) попадаютъ только въ позднѣйшихъ пфальбаутахъ каменнаго вѣка; въ болѣе же древнихъ мы встрѣчаемъ только мелкую, короткорогую породу, названную Рютимейеромъ — *Bos taurus brachyceros*. Порода эта, очевидно, происходитъ не отъ европейскаго тура (*Bos primigenius*), а отъ какаго то другаго дикаго быка, нынѣ вымершаго и остатки котораго еще не найдены. По изслѣдованіямъ Рютимейера, этотъ короткорогій скотъ представляетъ наибольшее сходство съ нѣкоторыми индійскими формами быковъ и, по всей вѣроятности, распространился въ Европу съ юга и востока. Въ настоящее время типъ *Bos brachyceros* представляютъ намъ нѣкоторыя горныя породы малорослаго рогатаго скота въ Швейцаріи, Тироля, верхней Баваріи, также въ Алжирѣ и, вѣроятно—горный скотъ Кавказа (Дагестана)*). Въ

*) Горный скотъ Дагестана — мелкой, короткорогой породы, большей частью чернаго цвѣта и резко отличается отъ болѣе крупныхъ породъ на плоскости (въ степи), а также отъ породъ Закавказья. См. мой «Отчетъ о поездкѣ въ Дагестанъ» въ «Извѣстіяхъ Географич. Общества» 1884 г.

родствѣ съ *Bos brachyceros* находится, можетъ быть, и такъ называемый калмыцкій скотъ, судя по его росту, рогамъ, формѣ головы съ широкимъ лбомъ и т. д. Въ позднѣйшую эпоху каменнаго вѣка, крупный рогатый скотъ становится весьма распространеннымъ и по своей численности превосходить всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ. Рядомъ съ мелкою короткоголою породою, въ это время появляются и другія, происшедшія, очевидно, отъ прирученія первобытнаго быка и отъ скрещиванія съ нимъ *B. t. brachyceros*. Разведеніе крупнаго рогатаго скота достигаетъ вообще въ эту эпоху, — у обитателей свайныхъ построекъ Швейцаріи, — своего апогея. Въ слѣдующую «бронзовую» эпоху онъ падаетъ, типичныя породы уступаютъ мѣсто помѣсямъ, и на первый планъ выдвигается овцеводство, а затѣмъ — разведеніе лошадей *).

Домашняя свинья встрѣчается на западѣ уже въ отложеніяхъ древнѣйшаго неолитическаго періода, но въ породѣ отличной отъ обыкновенной, вислоухой свиньи, распространенной, напримѣръ, въ Россіи. Рютимейеръ, давшій ей названіе «торфяной» свиньи (*Sus scrofa palustris*), показалъ, что она отличается отъ обыкновенной европейской породы своимъ меньшимъ ростомъ, зубами, формой черепа и ведетъ свое происхождение, очевидно, не отъ кабана. По изслѣдованіямъ Натусіуса (*Nathusius, Vorstudien für Geschichte und Zucht der Hausthiere, zunächst am Schweineschädel*), всѣ расы домашнихъ свиней могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, изъ коихъ одна происходитъ, несомнѣнно, отъ европейскаго кабана, тогда какъ другая, наиболѣе типичнымъ представителемъ которой можетъ считаться индійская домашняя свинья, примыкаетъ къ южно-азиатскому дикому виду, *Sus vittatus* Schleg. Этотъ азиатскій типъ свиней мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и съ древнихъ временъ въ южной Италиі (какъ то доказываютъ бронзовые статуетки свиней изъ Помпеи); его можно видѣть и теперь еще въ лицѣ мелкой, короткоухой породы Бюндтенскихъ Альповъ, Базена, и т. д. Эта же индійская или неаполитанская порода послужила въ новѣйшее время

*) Подробности — у Рютимейера въ «Fauna der Pfahlbauten» въ его «Natürliche Geschichte des Rindes» и Studer «Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bilersee's». Въ «бронзовую» эпоху появляются еще формы рогатаго скота, напоминающія «короткоголовую» расу Вилькенса (*Bos Taurus brachycerphalus*), которая отличается, между прочимъ, значительною шириною лба, при короткости рыла и носовыхъ костей. Рютимейеръ видитъ въ этой расѣ — продуктъ помѣси между *Frontosus* и *Brachyceros*, выказывающій известную наклонность къ аномальному, молсообразному складу рыла. Короткоголовая порода распространена еще и теперь въ горныхъ долинахъ Тироля, Баваріи, Богеміи и въ Девонскомъ граствѣ Англии. См. Wilkens. «Die Rindergassen Mitteleuropas» и Rüttimeyer, «Weitere Beiträge über das zahme Schwein und Hausrind» въ «Verhandlungen der Naturf. Gesellsch. in Basel.» 1877. — Что касается до изученія первобытныхъ породъ крупнаго рогатаго скота въ Россіи, то въ этомъ отношеніи, кромѣ изслѣдованія бычьихъ костей (особенно череповъ) изъ древнихъ стоянокъ, кургановъ, городищъ и т. д., значительное содѣйствіе можетъ оказать изслѣдованіе современныхъ породъ нашихъ отдаленныхъ мѣстностей, напр. сѣверныхъ, Приуралья, Кавказа и т. д., починъ которому сдѣлалъ недавней экспедиціей академика Миддендорфа.

для улучшенія туземныхъ англійскихъ породъ и дала начало тѣмъ помѣсямъ, которыя, испытавъ затѣмъ усиленное вліяніе искусственнаго подбора, произвели нынѣшнія культурныя породы — боркширскую, іеркширскую и др. По мнѣнію Натусіуса — «торфяная» свинья произошла, всего вѣроятнѣе, также отъ скрещиванія южной породы съ обыкновенною европейскою; Рютимейеръ высказалъ сначала подобное же мнѣніе, именно — что торфяная свинья, вѣроятно, азіатско-европейскаго происхожденія и произошла отъ азіатской формы, скрещенной съ какою либо европейскою, происшедшею отъ кабана. Въ новѣйшее время, однако, Рютимейеръ могъ сравнить черепа многихъ азіатскихъ и африканскихъ породъ свиней, и пришелъ къ выводу, что формы, подходящія къ *Sus vittatus*, имѣютъ обширное распространеніе отъ острововъ Тихаго Океана до западной Африки. Такимъ образомъ домашняя свинья ведетъ свое происхожденіе отъ двухъ дикихъ видовъ, причѣмъ въ восточной части стараго свѣта распространены породы, происшедшія отъ *Sus vittatus*, а въ западной — происшедшія отъ кабана. Но прирученіе *Sus vittatus* началось на востогѣ, повидимому, раньше, чѣмъ кабана на западѣ, чѣмъ и можно объяснить тотъ фактъ, что домашняя свинья появляется первоначально въ Европѣ въ породѣ, сходной съ индійскою. Рютимейеръ держится теперь того мнѣнія, что «торфяная» свинья — не есть продуктъ помѣси, а только нѣсколько видоизмѣненный культурою потомокъ дикаго *Sus vittatus* **). Европа, такимъ образомъ, получила свою первую породу свиней — съ юга и востока и только въ послѣдствіи къ ней присоединились болѣе крупныя породы, происшедшія отъ прирученія европейскаго кабана. Слѣды этихъ крупныхъ породъ, однако, такъ скудны въ отложеніяхъ каменнаго вѣка, что существованіе ихъ въ теченіи послѣдняго, по Штудеру, представляется еще сомнительнымъ. Несомнѣнные слѣды послѣдней крупной породы, происшедшей отъ кабана, мы встрѣчаемъ только въ свайныхъ постройкахъ «бронзоваго» вѣка, когда «торфяная» свинья, наоборотъ, тоже совершенно отсутствуетъ, — новый доводъ въ пользу той археологической теоріи, что наступленіе «металлической» эпохи было вызвано въ Европѣ появленіемъ новыхъ народовъ, принесшихъ съ собою новые элементы культуры.

Изъ древнихъ историческихъ свидѣтельствъ (арабскихъ писателей) извѣстно, что въ Россіи, за тысячу лѣтъ тому назадъ, свиньи уже разводились повсюду и были многочисленны. Мы не имѣемъ, однако данныхъ, которыя бы позволяли рѣшить вопросъ — происходили ли эти свиньи отъ кабана, или были прирученными потомками азіатскаго *Sus vittatus*. Въ настоящее время русская

***) Иной взглядъ высказалъ Стробель (*Il teschio del pasco delle Mariere*), по мнѣнію котораго *Sus palustris* происходитъ отъ европейскаго дикаго вида, остатки котораго были найдены въ дилювіальныхъ отложеніяхъ Франціи, и потомки котораго живутъ еще и теперь въ лицѣ испанской домашней породы свиней (*Sus ibericus Sanson*). Мнѣніе это, однако, основано на довольно сомнительныхъ данныхъ.

порода свиней, также какъ нѣмецкая и вообще европейская, не облагоустроенная искусственнымъ подборомъ, выказываетъ очевидное родство съ кабаномъ, но мы не знаемъ, было ли также и прежде, и не вытѣснила ли эта порода болѣе древнюю, тождественную, можетъ быть, съ «торфяною» свиньей. Типъ «торфяной» свиньи можно видѣть еще и теперь въ Закавказьи (Мингрелии), гдѣ туземная порода, — мелкая со стоячими ушами и обыкновенно чернаго цвѣта, — находится въ очевидномъ, близкомъ родствѣ съ неаполитанскою и англійскою породою *). Но Закавказье — область слишкомъ отдаленная для того, чтобы ее принимать во вниманіе при сужденіи о породахъ животныхъ въ европейской Россіи. Гораздо болѣе важную имѣетъ тотъ фактъ, что въ извѣстныхъ жертвенныхъ скопленіяхъ костей на Уралѣ, такъ называемыхъ «костищахъ» по р. Гаревой, изслѣдованныхъ г. Теплоуховымъ, Рютимейеръ нашелъ остатки свиньи, сравнимой имъ съ венгерскою, т. е. съ породою, примыкающей къ группѣ «торфяной» свиньи. Судя по тѣмъ фрагментамъ костей и зубовъ «костищъ», которые были доставлены Обществу Любителей Естествознанія Н. Ю. Зографомъ, древняя порода свиней въ Приуральи была, дѣйствительно, мелкая, сходная болѣе съ «торфяной» породой. Къ сожалѣнію, имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ былъ слишкомъ скуденъ, чтобы на основаніи его можно было сдѣлать болѣе опредѣленное заключеніе. Еще болѣе любопытно, что такіе же мелкіе размѣры представляютъ кости и зубы свиньи изъ такъ называемаго «Чортова городища», подъ Москвою, откуда было добыто много издѣлій изъ лошадиныхъ и другихъ костей, а также различныя бронзовыя украшенія. Но изъ остатковъ, добытыхъ въ этомъ мѣстѣ, я могъ видѣть только немногіе, въ томъ числѣ лишь нѣсколько лошадиныхъ, бычьихъ и свиныхъ костей и зубовъ; поэтому, ограничусь только постановкой вопроса, не была ли водившаяся нѣкогда, у подмосковныхъ финновъ, порода свиней — родственною съ тою, которая была распространена у приуральскихъ финновъ и принадлежала, къ типу «торфяной» породы? **). Если бы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ утвердительно, то можно было бы предположить, что финскія племена обладали мелкою «торфяною» породою свиньи, вывезенною изъ Азіи, и что эта порода уступила мѣсто вполнѣдствии другой, болѣе крупной, происходящей отъ кабана, и распространившейся особенно съ расселеніемъ славянъ и германцевъ.

*) Отличіе мингрельской свиньи отъ русской было замѣчено довольно давно, тѣмъ не менѣе порода эта не изучена до настоящаго времени. Я старался достать черепа ея, но покуда безуспѣшно.

**) Предметы изъ «Чортова Городища» находятся, болѣею частью, въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеѣ; но кое что было доставлено и Обществу Любителей Естествознанія, какъ то: обдѣланныя, въ родѣ шилъ, кости лошадей, нѣсколько костей другихъ животныхъ, два — три бронзовыхъ, простыхъ браслета и каменная форма — для отливки какой-то бронзовой провѣски.

Весьма интересно было бы прослѣдить древнѣйшую исторію лошади въ Россіи, но къ сожалѣнію, данныя, для того имѣющіяся, еще весьма отрывочны и скудны. Для западной Европы данныхъ извѣстно больше, хотя и то еще многое остается недостаточно разъясненнымъ. Первый вопросъ, который здѣсь представляется, это — о томъ дикомъ видѣ, отъ котораго произошла лошадь. Палеонтологія учитъ насъ, что въ геологическую эпоху, предшествующую современной, дикія лошади существовали и въ Европѣ, и въ Азіи (Индіи), и въ Америкѣ, но что затѣмъ, ко времени появленія человека, большинство этихъ видовъ — вымерло. Извѣстно, напримѣръ, что американскіе индѣйцы не знали лошади и что они познакомились съ нею, впервые, чрезъ посредство испанцевъ. Въ Европѣ, однако, дикая лошадь существовала въ теченіи всей доисторической эпохи и продолжала еще водиться долгое время спустя. Остатки ея встрѣчаются въ изобиліи во многихъ дилювіальныхъ и аллювіальныхъ отложеніяхъ, въ пещерахъ, торфяникахъ, свайныхъ постройкахъ и т. д. Весьма часто лошадиныя кости представляются такъ же расколотыми, какъ и кости оленей, быковъ, кабановъ, такъ что, очевидно, лошадь служила такимъ же предметомъ охоты и мясо ея также употреблялось въ пищу, какъ и другихъ копытныхъ животныхъ. Кромѣ того, въ доисторическую эпоху (а отчасти и позже) кости лошади давали матеріалъ для подѣлокъ; изъ нихъ изготовлялись разныя шила, острія и т. под. орудія. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ извѣстныхъ эпохи, дикая лошадь была даже охотничьимъ животнымъ по преимуществу; на мѣстахъ нѣкоторыхъ древнихъ стоянокъ кости ея встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости какихъ либо другихъ животныхъ. Съ подобнымъ фактомъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, на мѣстѣ древней стоянки близъ Солютрэ (недалеко отъ Макона, во Франціи), гдѣ, въ однихъ и тѣхъ же пластахъ съ костями мамонта, пещернаго медвѣдя, гіены, сѣвернаго оленя, первобытнаго быка и т. д., была найдена, масса костей лошади, примѣрно отъ 100,000 или даже болѣе особей. Лошадиныя кости были добыты также почти изъ всѣхъ пещеръ, въ которыхъ оказались остатки человѣка или его культуры, эпохи мамонта и сѣвернаго оленя, а равно и изъ многихъ открытыхъ отложеній того же періода — во Франціи, Германіи, Австріи и Италіи и т. д. Въ Германіи, напримѣръ, онѣ оказались въ большомъ количествѣ — въ гипсахъ Вестергелъна, близъ Магдебурга, въ наносахъ Тиде, около Вольфенбюттеля, въ лѣсѣ Ремагена, на Рейнѣ и въ другихъ мѣстахъ, въ сопровожденіи остатковъ животныхъ, указывающихъ, болѣею частью, на степной характеръ страны и фауны (остатки сусликовъ, сурковъ, тушканчиковъ, пищухъ, сайги и т. д.). Въ Россіи кости ископаемой лошади находили во многихъ торфяникахъ, въ Нерубаевскихъ кояхъ около Одессы, въ послѣтретичныхъ наносахъ на средней Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ южной и средней полосѣ.

Что эта лошадь была дикая, явствует изъ всѣхъ условій находенія ея остатковъ; съ другой стороны извѣстно, что лошадь была приручена, сравнительно, довольно поздно, и, что, напримѣръ, въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, слѣдовъ ея почти нѣтъ, тогда какъ остатки собаки, свиньи и рогатаго скота встрѣчаются тамъ въ изобиліи. Дикая лошадь продолжала водиться въ Европѣ и въ историческую эпоху, какъ о томъ свидѣлствуютъ многія положительныя указанія. Варронъ и Страбонъ упоминаютъ о дикихъ лошадяхъ въ Испаніи, Плиніи — на сѣверѣ, Павелъ Діаконъ — въ Италіи. Въ VIII вѣкѣ дикія лошади еще водились въ Германіи, въ XI—XII онѣ упоминаются въ Швейцаріи, Помераніи, Силезіи и Южной Россіи, въ XIV — есть указаніе на нихъ въ одной вестфальской грамотѣ, въ XVI — онѣ были еще довольно обыкновенны въ предѣлахъ Польши и Литвы*). Съ XVII вѣка извѣстія о дикихъ лошадяхъ, въ западной Европѣ уже не встрѣчаются, но въ Россіи — свѣдѣнія о нихъ, или о такъ называемыхъ тарпанахъ, появляются въ теченіи всего XVIII вѣка (у Рычкова, Гмелина, Палласа) и даже позже. Гмелину**) мы обязаны наиболѣе подробнымъ ихъ описаніемъ, которое однако, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, не совсѣмъ согласно съ приведеннымъ у Рычкова и Палласа. Косыки тарпановъ встрѣчались въ южной Россіи до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, какъ то видно изъ показаній многихъ старожилонъ и изъ данныхъ, приведенныхъ І. Н. Шатиловымъ***) Въ 1862 г. удалось даже доставить одного ручнаго тарпана-жеребчика въ Московскій Зоологическій садъ, откуда его отправили по просьбѣ академика Бранта, въ Петербургъ, гдѣ однако онъ не былъ признанъ за тарпана и отвергнутъ какъ «скверная крестьянская лошадедка». Въ недавнее время, г. Шатиловъ могъ узнать о существованіи другаго тарпана, находящегося въ неволѣ уже 18 лѣтъ въ мѣстечкѣ Ново-Воронцовкѣ, при Днѣпрѣ. Интересуясь этимъ исчезающимъ видомъ, г. Шатиловъ постарался пріобрѣсть указанный экземпляръ и подарилъ его въ Московскій Зоологическій садъ, съ тѣмъ

*) Историческія данныя о дикихъ лошадяхъ въ Европѣ приведены, во всей ихъ подробности, у V. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere. Historisch-linguistische Skizzen, 3-te umgearb. Auflage. Berlin. 1877. S. 20 ff., также въ статьѣ Ecker, Das Europäische Wildpferd. «Globus». 1878.

**) Гмелинъ, Путешествіе по Россіи въ 1768 и 1769 г. ч. 1. Pallas, Zoographia rosso-asiatica. I p. 260.

***) І. Н. Шатиловъ, «Сообщеніе о тарпанахъ». Оттискъ изъ «Трудовъ» Московск. Общества Аклиматизаціи. Москва, 1884. Тарпаны — по Гмелину — небольшого роста, съ большою головою, острыми ушами, огненными глазами и короткой гривой; цвѣтомъ похожи на мышей, но съ черными, отъ колѣна до копыта, ногами; шерсть у нихъ длинная и густая; бѣгаютъ они съ несказанною скоростью. По Рычкову — тарпаны «ростомъ противъ средней лошади, только крупнѣе, шерстью саврасые и голубые, голова большая». Тарпаны, видѣнные г. Шатиловымъ, были мышастой масти, съ чернымъ ремнемъ на спинѣ, съ черными ногами, и такую же окраску (только темно-мышастую) представляетъ тарпанъ, подаренный въ 1884 г. въ Московскій Зоологическій садъ.

условіемъ, чтобы по смерти животнаго, трупъ его былъ переданъ въ распоряженіе Зоологическаго Музея Московскаго университета — для приготовленія изъ него чучела и особенно для изслѣдованія его скелета. Кромѣ того, тотчасъ по прибытіи тарпана въ Зоологическій садъ, съ него была снята фотографія и онъ былъ описанъ и измѣренъ особой комиссіей, протоколъ осмотра которой, вмѣстѣ съ тремя фотографическими снимками — приложенъ къ составленному г. Шатиловымъ «Сообщенію о тарпанахъ».

Спрашивается — представляетъ ли этотъ тарпанъ прямого потомка той дикой лошади, которая водилась въ Европѣ въ доисторическую и раннюю историческую эпоху, или же его слѣдуетъ считать потомкомъ одичавшихъ домашнихъ лошадей, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчались, напримѣръ, въ историческую эпоху, въ Америкѣ. Гмелинъ, считалъ тарпановъ, очевидно, дикимъ видомъ; напротивъ того, Палласъ склонялся къ мнѣнію, что это потомки одичавшихъ лошадей, принадлежавшихъ калмыкамъ, киргизамъ и другимъ кочевникамъ.

Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, А. Вагнеръ, Фитцингеръ, М. Н. Богдановъ и И. С. Поляковъ раздѣляютъ мнѣніе Палласа, тогда какъ Эккеръ видитъ въ тарпанѣ типичнаго представителя дикихъ лошадей, какія водились въ западной Европѣ въ доисторическую эпоху. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ довольно трудно, такъ какъ нѣкоторые данныя, — напримѣръ мышастый цвѣтъ съ чернымъ ремнемъ на спинѣ и отсутствіе каштанчиковъ или мозолей на заднихъ ногахъ (у экземпляра М. Зоологическаго сада) — говорятъ болѣе въ пользу типичности тарпана, какъ особой, дикой расы, — тогда какъ другія, напримѣръ, нѣкоторые указанія Рычкова и Палласа, факты дѣйствительнаго одичанія лошадей въ степяхъ Америки и т. д., наводятъ скорѣе на мысль, что мы имѣемъ въ тарпанахъ потомковъ одичавшихъ домашнихъ лошадей. Генъ склоняется къ мнѣнію, что и всѣ другія дикія лошади, о которыхъ упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, были собственно не дикія, а одичавшія, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе соображеніями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной вѣроятности. Настоящая дикая лошадь, повидимому, водится еще только въ Средней Азіи, около озера Лобъ-Нора, гдѣ о ней слышалъ Пржевальскій и откуда онъ вывезъ шкуру и черепъ молодой особи. По словамъ монголовъ, эти дикія лошади держатся большими стадами и чрезвычайно осторожны, такъ что убить одну изъ нихъ весьма трудно. Цвѣтомъ онѣ всѣ гнѣдыя, но имѣютъ черный хвостъ и гриву, которая у взрослыхъ жеребцовъ бываетъ такъ велика, что свѣшивается почти до земли. Наоборотъ, молодая особь, шкура и черепъ которой были доставлены въ Академію Наукъ, имѣла саврасый цвѣтъ, короткую стоячую гриву и хвостъ съ длинными волосами только въ конечной половинѣ. И. С. Поляковъ, описавши ее какъ *Equus Przewalskii*, предполагаетъ, что порода эта могла въ древности распространяться дальше на западъ, до Урана и даже въ сѣверо-восточную Европу, и что Рычковъ, можетъ быть, основывался

на разсказахъ объ ней, когда писалъ о саврасыхъ тарпанахъ *). Во всякомъ случаѣ, обстоятельное изученіе этой средне-азиатской лошади было бы весьма желательнымъ, равно какъ и сравненіе ея съ тарпаномъ и съ различными домашними породами. Работа г. Полякова въ этомъ отношеніи не можетъ считаться исчерпывающею вопросомъ, такъ какъ описанная пмъ особь была молодая, не сложившаяся вполне и не усвоившая еще себѣ всѣхъ признаковъ взрослыхъ.

Выше было сказано, что слѣды домашней лошади весьма скудны въ отложеніяхъ каменнаго вѣка. Дѣйствительно они становятся вполне явственными только въ отложеніяхъ «бронзоваго» періода, когда лошади, одновременно, служила и для питанія, и для работы. Такъ можно заключить по даннымъ, представляемымъ свайными постройками, въ которыхъ кости лошади, ббльшей частью, также расколоты, какъ и кости другихъ домашнихъ животныхъ, но въ которыхъ встрѣчаются и многочисленныя удила изъ бронзы, а также и другія части конской сбруи и наряда. Эта лошадь свайныхъ построекъ отличалась небольшимъ ростомъ, широкой и короткой головой и стройными конечностями, чѣмъ подходила къ восточному типу лошадей, представителями коего могутъ служить арабская лошадь и другія азиатскія породы. Какъ показавъ Франкъ, всѣ европейскія породы лошадей могутъ быть распределены по двумъ группамъ, изъ коихъ одна — болѣе крупная и тяжелого склада, съ длинной головой — туземнаго т. е. европейскаго происхожденія, тогда какъ другая, заключающая въ себѣ болѣе мелкія и легкія породы, съ широкой головой и стройными конечностями, ведетъ свое происхожденіе изъ Азии. Къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный зоотехникъ, Сансонъ, принимающій восемь расъ лошадей, изъ коихъ шесть — съ длиннымъ типомъ головы (долихоцефальнымъ) — европейскія, а двѣ — съ короткой головой (брахицефальныя) — родомъ изъ Азии и Сѣверной Африки **). Пьетреманъ, написавшій большое сочиненіе по исторіи лошади, принимаетъ, въ общемъ, то же дѣленіе, но опредѣляетъ иначе двѣ брахицефальныя восточныя расы, называя одну изъ нихъ («азиатскую» Сансона) — «арійскою», а другую («африканскую» Сансона) — «монгольскою» ***). Онъ предполагаетъ, что дикая лошадь была представлена нѣсколькими расами, распространенными въ Европѣ и Азии, и что прирученіе ея послѣдовало въ различныхъ странахъ и независимо у различныхъ народовъ. Такъ монголы приручили одну породу, арійцы — другую, первобытныя племена западной Европы — еще нѣсколько. Съ распространеніемъ монголовъ и арійцевъ на западъ, стали распространяться и прирученныя ими породы лошадей.

*) И. С. Поляковъ. «Лошадь Пржевальскаго» съ 2 таблицами. Оттискъ изъ «Извѣстій Геогрѳическаго Общества» т. XVII.

**) Frank. Ein Beitrag zur Rassenkunde unserer Pferde. «Landwirthsch. Jahrbücher» 1874. — Sanson. Traité de zootechnie. T. III.

*) Piétrement. Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques. P. 1883.

которыя въ Европѣ отчасти вытѣснили туземныя, отчасти смѣшались съ ними и образовали производныя породы. Всѣ эти выводы представляются довольно остроумными и вѣроятными, но во всякомъ случаѣ это не болѣе, какъ гипотезы, которыя могутъ быть провѣрены только результатами сравнительнаго изученія современныхъ и ископаемыхъ породъ Азіи и Европы. Покуда въ этомъ отношеніи матерьяловъ собрано еще весьма мало и мы принуждены довольствоваться отрывочными, и то лишь въ послѣднее время установленными фактами.

Одинъ изъ этихъ фактовъ — тотъ, что прирученная лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка относится къ другой породѣ, чѣмъ та дикая лошадь, остатки которой мы встрѣчаемъ въ дилювіальныхъ отложенияхъ Европы, въ пещерахъ и открытыхъ стоянкахъ эпохи мамонта и сѣвернаго оленя. Науманъ первый показалъ, что лошадь свайныхъ построекъ выказываетъ иной типъ, чѣмъ большинство современныхъ европейскихъ породъ и что она представляетъ сходство съ арабской расой, а также съ нѣкоторыми первобытными мелкими породами, сохранившимися въ болѣе глухихъ уголкахъ Европы, какъ напр. съ такъ называемыми *Zeldmochinger Pferd* въ верховьяхъ Дуная *).

Затѣмъ, Стробель и Шторини могли констатировать, что лошадь итальянскихъ террамаръ относится къ той же породѣ, какъ и лошадь свайныхъ построекъ «бронзоваго» вѣка Швейцаріи и южной Германіи, тогда какъ Оуэнъ, Сансонъ, Туссенъ и Штудеръ — показали, что дикая лошадь палеолитическаго періода, — изъ отложений Гренелли, изъ Солотрѣ, изъ Брионкельской, Тангенской и другихъ пещеръ, даже изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, — представляла тяжелый и коренастый типъ и была, очевидно, сродня современнымъ породамъ Першероновъ, Арденнскихъ и Германскихъ лошадей. Основываясь на этихъ данныхъ, Штудеръ высказалъ мнѣніе, что домашняя лошадь свайныхъ построекъ не состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ дикою дилювіальною европейскою лошадью, — мнѣніе, которое скоро было подтверждено точными и обстоятельными изслѣдованіями Неринга **). Послѣдній имѣлъ возможность сравнить многіе десятки лошадиныхъ скелетовъ и болѣе 200 лошадиныхъ череповъ (въ музеѣ берлинской Сельско-хозяйственной Академіи), могъ придти, въ этомъ отношеніи, къ наиболѣе убѣдительнымъ выводамъ, которые заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія. Нерингъ убѣдился, что дилювіальная дикая лошадь средней Европы представляла типъ тяжелой европейской лошади и что отъ нея, несомнѣнно, ведутъ свое начало современные тяжелыя домашнія породы Европы, но что домашняя лошадь свайныхъ построекъ («бронзоваго»

**) Naumann. Die Fauna der Pfalbauten im Starnberger See. «Archiv. für Anthropologie» Bd. VIII. 1875.

*) Studer. «Die Thierwelt in den Pfalbauten des Bielersees. Bern. 1883. S. 36—52; Nehring, «Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden». Mit 5 Taf. Berlin. 1884.

вѣка) происходитъ не отъ нея, а отъ какой то другой дикой расы, родственной современнымъ азиатскимъ породамъ (арабской, туркестанскимъ и др.) Впрочемъ, говорить онъ, изъ этого еще нельзя утверждать положительно, чтобы всѣ легкія, мелкія короткоголовыя породы европейскихъ лошадей происходили изъ Азіи; возможно, что лошади такого типа встрѣчались и въ Европѣ, въ диллювіальную эпоху, рядомъ съ дикими лошадьми болѣе крупнаго и тяжелаго склада. Въ пользу такой возможности говоритъ находка Фраасомъ остатковъ мелкой породы дикой лошади въ родѣ пони, въ отложеніяхъ ледниковаго періода близъ Шуссенрида, въ Вюртембергѣ. Къ сожалѣнію, остатки эти описаны довольно кратко и точныхъ размѣровъ костей у Фрааса не приведено.

Что касается исторической эпохи, то изъ данныхъ, собранныхъ у Гена и Пьетремана, видно, что разведеніемъ лошадей славились съ незапамятныхъ временъ страны Средней Азіи, Бактріана, Сузіана и Медія, тогда какъ къ югу и западу отсюда домашняя лошадь распространилась уже позже. Такъ, въ Египтѣ мы не знаемъ изображенія лошадей и колесницъ ранѣе 18-ой династіи, и хотя Эберсъ полагаетъ, что лошадь была введена въ Египетъ гиксами, однако доказательства тому слабы, и во всякомъ случаѣ, въ эпоху древнѣйшихъ династій, лошадь въ Египтѣ еще не была извѣстна. У семитовъ передней Азіи, особенно евреевъ, лошади также въ древнѣйшую эпоху не было (её замѣнялъ оселъ), равно какъ и у измаильтянъ или арабовъ. Въ войскѣ Ксеркса арабы были на верблюдахъ, и еще Страбонъ говоритъ, что въ Аравіи нѣтъ лошадей и муловъ. Арабская порода лошадей была вовсе неизвѣстна въ древности (о ней не упоминаетъ, напримѣръ, Публій Вегетъ, писавшій специально о лошадяхъ) и только въ IV вѣкѣ по Р. Хр., у Амміана Марцеллина говорится о быстрыхъ лошадяхъ «сарациновъ». По всей вѣроятности, лошадь была введена въ Аравію въ концѣ древнихъ вѣковъ и обособилась въ современную породу еще позже. У восточныхъ семитовъ въ Ассиріи и Вавилоніи, лошадь была извѣстна ранѣе и отсюда, повидимому, она распространялась въ Сирію и Египетъ. Въ Ассиріи же, надо полагать, были введены въ употребленіе военные колесницы, распространившіяся за тѣмъ по всей передней Азіи, Египту и Греціи. Семиты, впрочемъ, получали лошадей изъ Ирана и отсюда же онѣ получались и Индусами. Коренной страной коневодства была Медія, лежавшая на границѣ Ирана и Турана; здѣсь разводились низейскія лошади, славившіяся во всей древности *). Далѣе слѣдовали уже области издревле конныхъ народовъ: парянъ, массагетовъ, даевъ, хоразмиевъ, сарматовъ, скиновъ, саковъ и др. — народовъ, которые проводили на конѣ большую часть жизни, какъ то описываютъ Юстинъ, Геродіанъ, Амміанъ Марцеллинъ и др. Здѣсь, въ азиатскихъ степяхъ лошадь была приручена, повидимому, впервые, и отсюда она распространилась, можетъ

*) Пьетреманъ, основываясь, между прочимъ, на изображеніяхъ низейскихъ лошадей на древнихъ памятникахъ, относитъ ихъ къ своей монгольской расѣ.

быть, съ древнѣйшими, какъ теперь думаютъ — туранскими засельниками халдеи, — на западъ. Здѣсь же, вѣроятно, сдѣлалась извѣстная лошадь и арійцамъ, которые, несомнѣнно, обладали ею съ глубочайшей древности (корень аква, отъ ак — спѣшить, стремиться, санскр. ас, ва, венд. ас, ра, литов. asva — кобыла, лат. equus, греч. ἵππος ἵκκος, и т. д., только въ славянскихъ языкахъ утерянъ). Древнѣйшія средне-европейскія породы (упоминаемые въ историческихъ свидѣтельствахъ) были, однако, невзрачныя и мелкія. Геродотъ описываетъ лошадей Сигинновъ (родомъ изъ Мидіи, сидѣли къ сѣверу отъ Дуная) — мелкими, толсторулыми, покрытыми густою шерстью; по Цезарю, jumenta германцевъ — parva atque deformia: по Тациту — германскіе кони — non forma, non velocitate conspicui; каледонская порода — описывается также какъ мелкая. Улучшеніе лошадиныхъ породъ послѣдовало прежде всего на югѣ, въ Греціи, Испаніи, Сѣверной Африкѣ, находившихся въ болѣе тѣсномъ общеніи съ культурными странами древняго Востока *).

Въ области Россіи, особенно южной, степной ея полосѣ, лошадь была въ употребленіи, вѣроятно, съ весьма древнихъ временъ. Въ V вѣкѣ до Р. Хр. здѣсь уже жилъ типичный конный народъ, скифы, лошади котораго, судя по изображенію на Никопольской вазѣ, выказывали отчасти греческій, европейскій типъ, отчасти — восточный, степной, какой можно встрѣтить и теперь у нашихъ степныхъ инородцевъ. Въ такъ называемыхъ «скифскихъ» курганахъ остатки лошадей были находимы въ большомъ числѣ; къ сожалѣнію, на нихъ мало обращали вниманія, не сохраняли и не описывали подробно; поэтому и нельзя сказать ничего опредѣленнаго объ анатомическомъ, расовомъ типѣ этой породы. Древніе славяне не были коннымъ народомъ и сражались, обыкновенно, пѣшими, но вѣроятно — лошадь была у нихъ въ употребленіи также съ отдаленныхъ временъ, особенно по восточной окраинѣ, граничащей со степью. Древніе князья русскіе сражались на конѣ, и остатки лошадей мы встрѣчаемъ во многихъ южно- и средне-русскихъ курганахъ, какъ съ погребеніемъ, такъ и трупосоженіемъ, какъ въ ссыпанныхъ, по всей вѣроятности, славянами, такъ и въ несомнѣнно финскихъ (меренскихъ, мордовскихъ) и тюркскихъ (сибирскихъ, позднѣйшихъ южно-русскихъ и др.). Чаше находятъ отдѣльныя, болѣе или менѣе и стлѣвшія кости и зубы, но иногда попадаются цѣлыя скелеты или по крайней мѣрѣ — черепа, на основаніи коихъ можно составить уже болѣе опредѣленное понятіе о типѣ породы. Къ сожалѣнію, эти остатки, какъ уже сказано, рѣдко сохраняются, и въ курганныхъ коллекціяхъ, собранныхъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи

*) Важно было бы обратить вниманіе на малорослыя породы нашего сѣвера, такъ назыв. шведокъ, вятокъ, сибирскихъ лошадей; это, несомнѣнно, породы весьма древнія и заслуживали бы обстоятельнаго изученія.

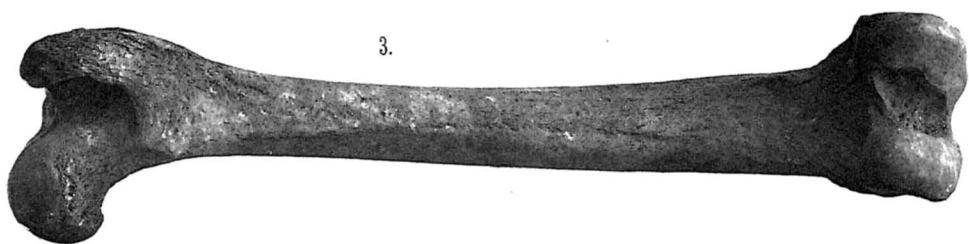
и Этнографіи и Историческимъ Музеумъ, я могъ найти только два лошадиныхъ черепа, да еще нѣсколько костей и зубовъ изъ «Чортова Городища» подъ Москвой и изъ пермскихъ «костищъ». Что касается посылѣднихъ, то уже Рютимейеръ замѣтилъ, что констатированная тамъ порода лошадей была мелкая и выказывала нѣкоторыя особенности въ размѣрахъ. Видѣнные мною остатки, въ общемъ, также это подтверждаютъ, хотя попадаются и остатки болѣе крупныхъ особей, о типѣ которыхъ, впрочемъ, я не могъ составить заключенія, по ихъ фрагментарности и малому количеству. Къ мелкой же породѣ относятся и видѣнные мною кости изъ «Чортова Городища», по сравненію ихъ, напримѣръ, съ костями лошади изъ Солютрэ (полученныхъ мною отъ Шантра изъ Ліона) или изъ пещеры Vize, во Франціи (добыты лично мною въ 1879 г.). Два видѣнныхъ мною курганныхъ черепа происходятъ: одинъ — изъ кургана близъ д. рѣчки, Московской губ., другой — изъ кургана Тарскаго округа Тобольской губ. Обѣ эти группы кургановъ существенно разнятся между собою по находящимся въ нихъ предметамъ и были ссыпаны, очевидно, различными народностями. Это доказываютъ уже найденныя въ тѣхъ и другихъ — человѣческія черепа, которые въ московскихъ курганахъ — выказываютъ типъ бѣлой расы и, болѣею частью, долихокефальную форму, а въ тобольскихъ — характеристичный типъ монгольской расы и брахикефальную форму. Къ сожалѣнію лошадиный черепъ изъ Кургана Тарскаго округа принадлежитъ не вполне взрослой особи, у которой посылѣдніе коренные и клыки только что прорѣзаются, а два переднихъ ложно-коренныхъ только что начинаютъ стираться. Я могъ еще сравнить одинъ фрагментъ черепа ископаемой лошади, найденный въ средней Россіи (но гдѣ именно — неизвѣстно) и скелетъ туркестанской лошади (изъ Самарканда), доставленный въ Зоологическій Музей покойнымъ Феденко. Ниже приведенная таблица даетъ понятіе о главнѣйшихъ размѣрахъ этихъ четырехъ череповъ.

	Черепъ изъ кург. Московск. губ.	Черепъ изъ кург. Тарскаго округа	Фрагментъ черепа изъ монгольской лошади	Черепъ Самаркандской лошади
Длина черепа отъ затыл. отверстія до середины рѣзцового края верх. челюсти....	475	452	—	470
Наибольшая длина черепа—отъ затыл. гребня до середины рѣзцового края.....	532	510	—	530
Ширина лба между крайними боковыми точками заднихъ краевъ глазницъ.....	194	186	203	202
Ширина рыла (между точками пересѣченія швовъ раздѣляющихъ верхнечелюстную кость отъ скуловой, съ лицевыми гранями).....	166,5	170	—	192

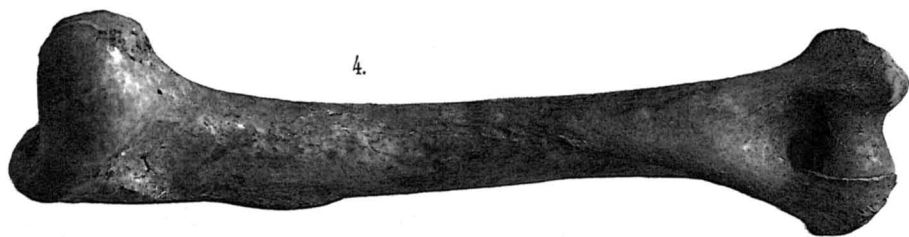
1.

3.

4.

2.

Задній отдѣлъ } глазной линіи *).....	188	183	183	191
Передній отдѣлъ }	376	358	—	363
Длина отъ средины перед. края затылочнаго отверстія до вырѣзки сошника.....	153	126	—	122
Длина отъ вырѣзки сошника до задняго конца небнаго шва.....	108	101	—	102
Длина ряда верхнихъ коренныхъ.....	170	170	—	163
Ширина рыла напередѣ, между задн. краями ячей третьихъ рѣзцовъ.....	60	58	—	59,5
Отношеніе длины черепа отъ затыл. отверстія — къ ширинѣ лба, принятой=100....	245	243	—	233
Отношеніе наибольш. длины черепа къ ши- ринѣ лба принятой=100.....	274	274	—	262
Отношеніе передняго отдѣла глазной линіи къ заднему, принятому=100.....	200	196	—	190

Принимая во вниманіе признаки, установленные Нерингомъ, легко убѣдиться, что черепъ изъ кургана Московской губ. принадлежалъ тяжелой, долихоцефальной, европейской расѣ, тогда какъ черепъ самаркандской лошади выказываетъ болѣе легкій, короткоголовый, восточный типъ **). У курганной московской лошади лобъ и рыло уже, разстояніе отъ затылочнаго отверстія до сошника значительно длиннѣе разстоянія отъ сошника до задняго конца небнаго шва и всѣ три отношенія (длины черепа къ ширинѣ и передняго отдѣла глазной линіи къ заднему) — замѣтно больше. Повидимому, къ брахикефальной же породѣ принадлежала и ископаемая лошадь, судя по значительной ширинѣ ея лба, но при отсутствіи передней части черепа нельзя судить объ его относительной ширинѣ. Что касается до черепа изъ кургана Тарскаго округа, то опредѣленіе его породы, въ виду молодости экземпляра, также представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Повидимому, онъ относится къ долихоцефальному типу, какъ то явствуетъ изъ отношенія длины черепа къ его ширинѣ. Если же это такъ, то отсюда можно заключить, что эта порода лошадей находилась въ болѣемъ сродствѣ съ древнею московскою, чѣмъ съ современною среднеазиатскою породою. Изъ одного черепа однако трудно сдѣлать рѣшительный выводъ относительно принадлежности къ той или другой породѣ. Желательно было бы сравнить нѣсколько череповъ, какъ изъ кургановъ европейской Россіи, такъ и сибирскихъ, и сопоставить ихъ съ черепами современныхъ азиатскихъ породъ — у монгольскихъ и тюркскихъ народностей.

*) Подъ глазной линіей Нерингъ разумѣетъ ломаную линію, идущую отъ верхней точки затылочнаго гребня къ заднему краю глазницы и отъ юда къ среднему альвеолярнаго рѣзцоваго края.

**) Принадлежность этого скелета восточной породы, родственной арабской, явствуетъ и изъ особенности позвоночнаго столба, поясничная часть котораго имѣетъ только пять позвонковъ, какъ у многихъ типичныхъ арабскихъ лошадей.

Заканчивая эту статью, я позволю себѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ любителямъ археологіи, занимающимся раскопками, — сохранять находимые ими древніе остатки домашнихъ животныхъ, особенно черепа, челюсти, рога и цѣльныя кости конечностей, и доставлять ихъ для изученія мнѣ — адресуя въ Московскій Университетъ, профессору Дмитрію Николаевичу Анучину или въ Зоологическій Музей того же университета. При этомъ желательно только обстоятельное описаніе мѣста и всѣхъ подробностей находки, и если найденные остатки сколько нибудь интересны и характеристичны, то расходы по пересылкѣ ихъ въ Москву могутъ быть съ благодарностью возмѣщены *).

Д. Анучинъ.

*) Въ последнее время мнѣ удалось получить еще нѣсколько древнихъ остатковъ собакъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Такъ, князь П. А. Путятинъ предоставилъ въ мое распоряженіе половину нижней челюсти собаки, найденную имъ на песчаномъ мысу Вологовскаго озера (въ Новгородской губерніи), въ отложенияхъ каменнаго вѣка. Эта челюсть сохранилась хорошо и по своему цвѣту (желтому) отличается отъ костей находящихся въ черепѣ «культурномъ» словъ. Она—довольно крупныхъ размѣровъ и принадлежала, очевидно, болѣе крупной породѣ, нежели обыкновенная собака каменнаго вѣка, но не отличавшейся значительно отъ *Canis fam. Inostranzevi*.—Я получилъ также обломокъ нижней челюсти собаки изъ одного дольмена (каменной гробницы) Кубанской области, разрытого г. Фелицинымъ. Эта челюсть, по своимъ размѣрамъ, вполне походитъ на челюсть типичной собаки каменнаго вѣка. Наконецъ, Н. Е. Бранденбургъ доставилъ мнѣ два неполныхъ собачьихъ черепа изъ одного городища Петербургской губерніи, относящихся къ эпохѣ, повидимому, не древнѣе XVII вѣка. Эти два черепа принадлежатъ также типичной малорослой породѣ каменнаго вѣка, имѣвшей, очевидно, обширное распространеніе и сохранившейся до настоящаго времени.

О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири.

Д. Н. Анучина.

(съ 1 табл.).

Древнія каменные издѣлія, говоря вообще, далеко не представляютъ того разнообразія формъ, отдѣлки и украшеній, какъ позднѣйшія издѣлія изъ металла, бронзы и желѣза. Объясняется это, во первыхъ, свойствомъ самаго матеріала, менѣе поддающагося обработкѣ, а отчасти и менѣе развитыми потребностями человѣка въ болѣе древній, каменный періодъ. Впрочемъ, въ оцѣнкѣ потребностей необходимо быть довольно осторожнымъ: дикари палеолитическаго вѣка Франціи и многіе первобытные народы современной Меланезіи и сѣверныхъ полярныхъ странъ наглядно доказываютъ, что первобытному человѣку не чуждо извѣстное стремленіе къ разнообразію, къ изяществу, даже къ художественному воспроизведенію окружающихъ его предметовъ, особенно людей и животныхъ. Съ другой стороны, какъ бы ни были сходны потребности людей на низшихъ ступеняхъ культуры и какъ бы это сходство ни выражалось въ однообразіи каменныхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, топоровъ, ножей, скребковъ и т. д., все таки, сравнивая между собою однородныя каменные издѣлія изъ различныхъ странъ, мы можемъ констатировать извѣстныя мѣстныя отличія и особенности. Такъ, на примѣръ, типичный сѣверо-американскій каменный топоръ (томогаукъ) замѣтно отличается (своимъ поперечнымъ, не вполне кольцевымъ желобкомъ) отъ каменныхъ топоровъ, находимыхъ въ предѣлахъ Европы и Азіи, а еще болѣе своеобразны формы каменныхъ топоровъ изъ южной Америки (Гвіяны) и съ острововъ Малайскаго Архипелага. Подобныя же особенности формъ можно констатировать и между каменными стрѣлками (напр. въ Америкѣ и сѣверной Африкѣ), между ножами (напримѣръ — скандинавскіе кинжалы) и др.

Еще большее разнообразіе можемъ мы найти между художественными произведеніями первобытнаго творчества, каковы на примѣръ рѣзные изображенія на кости и рогахъ, рисунки на скалахъ, курьезныя маски, орнаменты домовъ-лодокъ и посуды, украшенія для разныхъ частей тѣла и лица, различныя изваянія изъ камня, глины, дерева и т. п. Иногда они способны вызывать удивленіе смѣлостью очертаній, колоссальностью размѣровъ или тщательностью

отдѣлки; въ другихъ случаяхъ они возбуждаютъ интересъ своею загадочностью, своими непонятными символическими или шаблонными формами. Большой частью подобныя изображенія дѣлаются изъ матерьяловъ, легче поддающихся обработкѣ, какъ, напримѣръ, дерево, кость, рогъ, раковины, черепаха и т. д., но попадаются подобныя издѣлья и изъ камня, особенно болѣе мягкихъ каменныхъ породъ. Въ западной Европѣ, въ отложеніяхъ каменнаго вѣка, мы однако такихъ изображеній не встрѣчаемъ; матерьяломъ для художественныхъ издѣлій тогда служила главнымъ образомъ кость (можетъ быть, еще дерево), а въ древнѣйшую эпоху — бивни мамонта и рога сѣвернаго оленя. Наболѣе раннія скульптурныя издѣлья изъ камня появились, повидному, на востокѣ, въ восточной Европѣ и Азіи, и наибольшее число ихъ было найдено до сихъ поръ въ сѣверной Россіи, Приуралья и Сибири. Извѣстны, напримѣръ, каменные кирки съ изображеніемъ головы животнаго (медвѣдя, лося и др.) на тупомъ концѣ—изъ Архангельской и Олонецкой губерній; онѣ представляютъ какъ бы первообразъ позднѣйшихъ бронзовыхъ или мѣдныхъ, чужескихъ кирокъ съ рельефными изображеніями барановъ и орлиныхъ головъ. Изображеніе здѣсь, впрочемъ, является не самостоятельнымъ; оно составляетъ только орнаментъ орудія, имѣвшаго практическое значеніе. Но въ разныхъ мѣстахъ Россіи найдены и самостоятельныя каменные изображенія, бывшія, можетъ быть, амулетами или просто воспроизведеніями болѣе знакомыхъ предметовъ. Таково, напримѣръ, кремневое изображеніе тюленя, найденное на берегу Бѣлаго моря, у с. Зимней-Золотицы,—различныя изображенія человѣчковыхъ, звѣрей, птицъ, добытыя П. П. Кудрявцевымъ въ древнихъ отложеніяхъ с. Волосова и подобныя-же изображенія найденныя въ Казанской губерніи *). Всѣ эти издѣлья изъ кремня или другихъ твердыхъ, раковистыхъ породъ—довольно мелки и обработаны исключительно обивкой. Болѣе крупныхъ древнихъ издѣлій въ томъ-же родѣ, изъ болѣе мягкихъ породъ камня и полированныхъ—у насъ, въ Европейской Россіи, кажется, еще не находили. Онѣ извѣстны покуда только изъ Сибири и то, сравнительно, съ недавняго времени; мы разумѣемъ, именно, каменные изображенія рыбъ, хранящіяся въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ музеяхъ.

На Московскои Антропологической выставкѣ 1879 г., въ числѣ предметовъ, выставленныхъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, было, между прочимъ, весьма оригинальное изображеніе рыбы—налима изъ жировика, и подобное же изображеніе можно было видѣть въ числѣ предметовъ, доставленныхъ Восточно-Сибирскимъ отдѣломъ того-же Общества. Къ сожалѣнію, объ

*) Всѣ эти издѣлья находятся теперь въ Императ. Историческомъ Музеѣ. Мы не упоминаемъ о кремневыхъ изображеніяхъ, найденныхъ г. Шапошниковымъ близъ с. Бологое, Новгородской губ. и Ф. Д. Нефедовымъ—въ Велжужскомъ уездѣ, на томъ основаніи, что эти «изображенія» признаются у многихъ—мнимыми, или вызывающими извѣстное сходство случайно, вслѣдствіе естественнаго раскола кремня, а не путемъ его искусственной, намѣренной, повторной обивки.

условіяхъ находки обоихъ этихъ предметовъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они происходятъ изъ Восточной Сибири (окрестностей Иркутска); въ виду оригинальности этихъ издѣлій, съ нихъ были сдѣланы гипсовые слѣпки, а съ послѣднихъ, для настоящей статьи, сняты фотографическіе снимки. На таблицѣ, рис. 2 представлена одна такая рыба, сверху, а на рис. 3 — другая, подобная же, снизу и сбоку. Впослѣдствіи подобная-же рыба ббльшаго размѣра, но худшей отдѣлки, оказалась еще въ коллекціи г. Лопатина, доставленной въ Императорскій Историческій Музей (та-же таблица, рис. 10), затѣмъ еще одна — въ коллекціи каменныхъ и бронзовыхъ древностей изъ Барабинской степи, доставленной Обществу Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (рис. 9) и, наконецъ, одна, по меньше, передана, чрезъ посредство А. Ѳ. Бычкова, г. Агапитовымъ, на Одесскомъ Археологическомъ съѣздѣ, графу А. С. Уварову для Императорскаго Историческаго Музея (рис. 8). И того мнѣ извѣстно пять экземпляровъ такихъ рыбъ, различающихся по матерьялу и подробностямъ отдѣлки, но сходныхъ въ главныхъ признакахъ и въ томъ, что всѣ онѣ происходятъ изъ Сибири.

Самая крупная изъ этихъ рыбъ — выставленная г. Лопатинымъ; она имѣетъ въ длину 36, 3 сантиметра, затѣмъ слѣдуетъ Барабинская, длиною въ 25 сант., далѣе — Географическаго Общества — 23 и 22,7 сант. и наконецъ пожертвованная г. Агапитовымъ — 17,7 сант. Всѣ экземпляры сходны однако въ томъ, что изображаютъ рыбъ и что на верхнемъ и нижнемъ краю ихъ, а также на заднемъ концѣ хвоста имѣются сквозныя отверстія, которыя, по видимому, служили для подвѣшиванія и нѣкоторыя изъ коихъ, ограниченныя тонкой перемычкой, разорваны (превратились въ выемки). Матерьялъ издѣлій не одинаковъ; экземпляры Географическаго Общества сдѣланы изъ жировака, Лопатинскій изъ глинистаго сланца со слюдой, а прочіе два — изъ болѣе или менѣе плотнаго песчаника желтоватаго или (Барабинскаго) бѣловатаго цвѣта. Неодинаковы также и подробности формы и отдѣлки, какъ то видно изъ сравненія изображеній и изъ нижеслѣдующаго описанія экземпляровъ:

1) Экземпляръ г. Лопатина, изъ глинистаго сланца со слюдой. Длина — 36, 3 сант., высота, въ срединѣ, 7,2, толщина (ширина) — 3, 0 сант. Представляется удлиненное, сжатое съ боковъ, округленное тѣло, одинаково суживающееся къ обоимъ концамъ. Въ срединѣ верхняго края имѣется небольшой округленный выступъ, со сквознымъ въ немъ отверстіемъ и подобныя-же два выступа съ отверстіями имѣются на нижнемъ краѣ, расположенные симметрично въ одинаковомъ разстояніи отъ передняго и задняго концовъ. Обѣ боковыя стороны представляются одинаковыми; только на одной (противоположной той, которая изображена на рисункѣ) замѣтны двѣ поперечныхъ зарубки, подъ среднимъ верхнимъ выступомъ. Подобныя-же зарубки имѣются у концовъ и показываютъ, очевидно, ротъ и жабры; кромѣ того, можно отличить еще точки

(маленькія ямочки), соответствующія глазамъ. Всѣ зарубки сдѣланы, однако, уже послѣ полировки изображенія и, можетъ быть, сравнительно въ недавнее время. Сходство этого издѣлія съ рыбой явствуетъ изъ общей, вытянутой его формы и изъ присутствія верхняго и нижнихъ выступовъ, соответствующихъ плавникамъ. Тѣмъ не менѣе, сходство въ данномъ случаѣ довольно поверхностное, и нельзя даже отличить передняго конца тѣла отъ задняго, — головы отъ хвоста. Оба конца совершенно симметричны и весь предметъ можетъ считаться скорѣе символомъ, чѣмъ изображеніемъ рыбы, а тѣмъ болѣе определенной породы рыбъ.

2) Экземпляръ изъ Барабинской степи, изъ бѣлаго песчанника, длиною — 25, шириною (на нижней сторонѣ) — 4, 6, вышиною (въ срединѣ) — 6, 8 сент., представляетъ подобіе рыбы съ заостренными концами, изъ коихъ впрочемъ одинъ, передній, значительно тупѣе задняго. Боковыя стороны тѣла въ передней половинѣ округлены, а въ задней угловаты, (имѣютъ каждая продольную срединную грань). Кромѣ того вся рыба нѣсколько изогнута по длинѣ (въ видѣ буквы S), какъ то ясно видно при разсматриваніи сверху. Къ верху тѣло рыбы представляетъ край, въ который сходятся боковыя стороны, но внизу подобный край имѣется только въ задней половинѣ тѣла, а въ передней онъ расширяется и образуетъ удлинненную, неправильно-ромбoidalную площадку съ двумя маленькими, сквозными отверстіями на краяхъ (въ тупыхъ углахъ ромба). Одно отверстіе есть еще у конца хвоста и одно на спинномъ краѣ, въ небольшомъ выступѣ (нѣсколько ближе къ переднему концу тѣла). Такимъ образомъ всѣхъ отверстій четыре, и всѣ они могутъ быть представляемы, какъ находящіяся на мѣстахъ плавниковъ — спиннаго, грудныхъ и хвостоваго. Сходство съ рыбою здѣсь, вообще, болѣе очевидное, и, хотя изображеніе представляется все еще довольно шаблоннымъ, тѣмъ не менѣе по формѣ передней части тѣла, можно допустить, что имѣлось въ виду изобразить определенную рыбу, именно налима.

3) и 4) Экземпляры Географическаго Общества изъ Восточной Сибири. длиною, каждый около 23 сент., вышиною (въ срединѣ) около 5, 5, шириною (впередѣ, въ головѣ) около 4, 5 сент.; сдѣланы изъ жировика(?). Оба имѣютъ округленное тѣло, съ плоскатою нижнею стороною въ области головы, тупое и широкое на переднемъ концѣ (гдѣ замѣтна поперечная борода, обозначающая ротъ) и суженное къ заднему, съ болѣе или менѣе яснымъ обозначеніемъ глазъ или задняго спиннаго и брюшнаго плавника. Въ подробностяхъ, впрочемъ, есть различія; и именно одинъ экземпляръ (рис. 2) совершенно прямъ и симметриченъ, а другой (рис. 3) слабо изогнутъ (сверху внизъ) и имѣетъ еще на лѣвомъ боку (изображенномъ на рисункѣ) косвенную, поперечную ложбинку, какъ-бы отъ перетиравшей его въ этомъ мѣстѣ веревки. На рис. 2, изображающемъ рыбу сверху, ясно видны глаза и длинный плавникъ въ задней трети тѣла (онъ продолжается и на нижней сторонѣ, на такомъ-же протяженіи); кромѣ

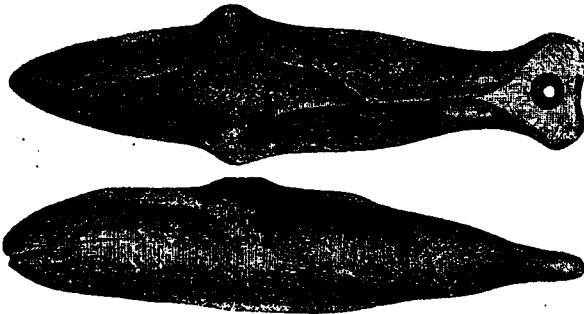
того, на нижней сторонѣ этого экземпляра, въ области головы, замѣтно два небольшихъ желобка, сходящіеся напереди почти подъ прямымъ угломъ, а позади ихъ, на боковыхъ краяхъ, два сквозныхъ отверстія, соединенныя между собою поперечнымъ желобкомъ. Всѣхъ сквозныхъ отверстій у этого экземпляра четыре: два нижнихъ, боковыхъ, въ области головы; одно, на выступѣ нижняго же края, но далѣе взадъ и одно у верхняго края, нѣсколько впереди отъ середины его, тоже въ небольшомъ выступѣ; на концѣ хвоста отверстія, повидимому, не было. На экземплярѣ, изображенномъ на рис. 3, глазъ не замѣтно, и нижняя сторона его, въ передней (головной) части, напоминаетъ болѣе соотвѣтственную сторону экземпляра, изображеннаго на рис. 9, съ тѣмъ только различіемъ, что голова здѣсь не заострена и оканчивается также тупо какъ и у предъидущаго экземпляра (рис. 2). Отверстій здѣсь 4: два по краямъ нижней площадки, третье въ выступѣ верхняго края и четвертое на концѣ хвоста (последнее разорвано). Въ общемъ, эти два экземпляра, особенно первый, представляютъ уже очевидное сходство съ рыбой, и именно налимомъ; большая широкая голова съ глазами наверху, длинный задній плавникъ на спинной и брюшной сторонѣ, плоская нижняя сторона тѣла въ передней половинѣ съ обозначеніемъ на ней краевъ жаберныхъ крышекъ, темный цвѣтъ — все это не оставляетъ сомнѣнія въ сходствѣ.

5) Экземпляръ, доставленный г. Агапитовымъ, изъ песчаника, грязно-желтоватаго цвѣта, длиною около 18 сант., вышиною — 5, 8, шириною — 2, 7 сант., съ четырьмя сквозными отверстіями: у верхняго края, у нижняго (два — одно около головы, другое — при началѣ плавника) и на концѣ хвоста (рис. 8). Общая форма рыбы передана здѣсь всего вѣрнѣе, но передній конецъ не округленъ, а поперечно срѣзанъ; въ задней части тѣла (она склеена изъ двухъ, причемъ кончикъ отломанъ) какъ по спинѣ, такъ и по брюшному краю — тянется длинный, зубчатый плавникъ. На головѣ, съ боковъ можно отличить зарубки, спереди поперечную черту, снизу двѣ черточки, сходящіяся напередѣ въ треугольникъ, позади котораго видна еще ямка, — все очевидно попытки изобразить ротъ и жаберныя крышки. Форма плавника выражена такъ ясно, что сомнѣваться въ породѣ изображенной рыбы невозможно: это, очевидно, налимъ, хотя голова представлена здѣсь болѣе схематично, чѣмъ у экземпляровъ, изображенныхъ на рисункахъ 2 и 3. Замѣтимъ кстати, что налимъ, по его вкусу, можетъ считаться первою рыбою изъ прѣсноводныхъ, послѣ стерляди и что въ Восточной Сибири, гдѣ стерляди нѣтъ, а породы налимовъ — весьма крупныя, это, безспорно, лучшая рыба. Какое значеніе имѣли эти каменные изображенія, когда, гдѣ и какъ они употреблялись? На этотъ вопросъ можно отвѣчать, покуда, только гадательно, такъ какъ описанные экземпляры были всѣ найдены случайно и отдѣльно въ землѣ, причемъ даже точное мѣстонахожденіе ихъ неизвѣстно. Одно, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, это происхожденіе ихъ

изъ Восточной Сибири, включая сюда, впрочемъ, Енисейскую губернію и Барабинскую степь. Относительно древности ихъ мы также не имѣемъ опредѣленныхъ указаній, но въ пользу ея говоритъ тотъ фактъ, что подобныя издѣлія изъ камня не были замѣчены у сибирскихъ инородцевъ въ новѣйшее время (съ XVIII вѣка), что о нихъ не сохранилось даже никакого преданія и что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Барабинскій экземпляръ, представляютъ слѣды весьма продолжительнаго лежанія въ землѣ; что касается ихъ значенія и употребленія, то мы можемъ думать, что они представляли родъ идоловъ или амулетовъ и что они подвѣшивались къ чему-нибудь, напримѣръ къ кольямъ чума, разбитаго на берегу рѣки, или даже къ рыболовнымъ сѣтямъ. Извѣстно, что сѣверные народы, живущіе по берегамъ моря, особенно эскимосы, чукчи, тунгузы, якуты, до сихъ поръ дѣлаютъ еще изъ моржевой или мамонтовой кости изображенія тюленей и другихъ морскихъ звѣрей, доставляющихъ имъ пропитаніе. Вдали отъ моря, по берегамъ рѣкъ, мѣсто тюленей занимаетъ рыба, и извѣстно, что даже у древнихъ халдеевъ почитался богъ, изображавшійся иногда полу-рыбою. Каменное изображеніе рыбы могло исполнять роль идола или амулета на рыболовномъ затонѣ или, подвѣшенное къ сѣти, какъ грузило, могло способствовать, по мнѣнію первобытныхъ обитателей Восточной Сибири, большому улову рыбы. Фактъ, что отверстія для привѣски имѣются не только у верхняго края, но и у нижняго, и на концѣ хвоста, и что нѣкоторыя изъ нихъ разорваны, какъ-бы говоритъ въ пользу этого послѣдняго предположенія.

Въ западной Сибири и въ Европѣ подобныя изображенія не извѣстны, такъ что, очевидно, происхожденіе ихъ слѣдуетъ искать на далекомъ востокѣ. Интересно, однако, что мы встрѣчаемъ совершенно аналогичныя издѣлія въ сѣ-

Рис. 1.

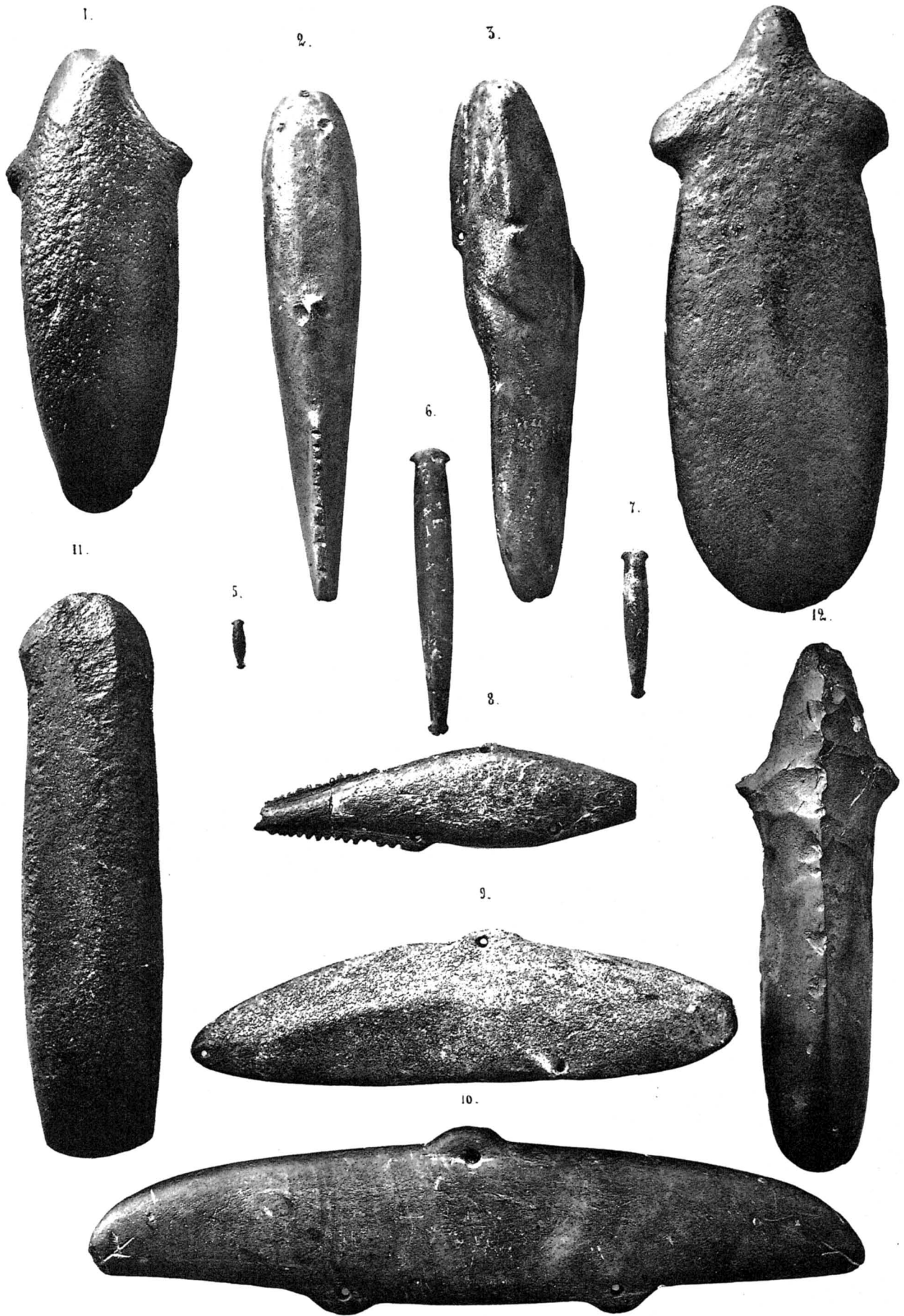

верной Америкѣ, и притомъ не только у эскимосовъ и чукчей, выдѣлывающихъ себѣ изображенія рыбъ, тюленей и другихъ животныхъ изъ кости*), но и у первобытныхъ обитателей Калифорніи, а равно и другихъ частей Соединенныхъ Штатовъ,

гдѣ подобныя изображенія дѣлались также изъ камня. Прилагаемый здѣсь рисунокъ одного каменнаго предмета, найденнаго въ Нью-Гампширѣ**), можетъ служить

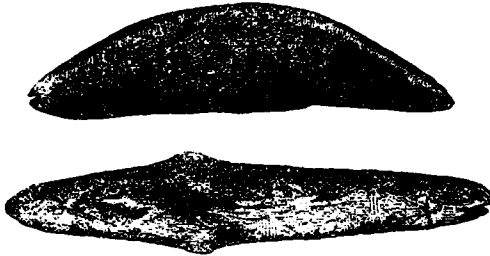
*) Ср., напримѣръ, рисунки подобныхъ издѣлій въ описаніи путешествія *Норденшельда* или въ новѣйшемъ сочиненіи: «*Car. Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Americas 1881—1883*», bearbeitet v. *Woldt*, L. 1884, рисунки на стр. 237, 347, 351.

**) *Ch. Abbott, Primitive Industry... of the native races of America. Salem, Mass. 1881, p. 387—388, fig. 365.*

тому доказательствомъ. Предметъ этотъ, изъ сіенита (длиною 25 сант.), изображаетъ бѣлаго кита или бѣлху: округленное тѣло суживается къ головѣ (гдѣ показанъ ротъ), имѣетъ на заднемъ концѣ поперечный плавникъ (со сквознымъ въ немъ отверстиемъ), а на брюшной сторонѣ—нѣсколько приплюснутъ и снабженъ двумя грудными плавниками. По словамъ Abbott'a въ Нью-Гампширѣ было найдено нѣсколько экземпляровъ подобныхъ каменныхъ изображеній. Но еще чаще находятъ ихъ, повидимому, въ Калифорніи, особенно на островѣ Св. Николая, откуда Л. де-Сессакъ (*mission en Californie par Léon de-Cessac*) вывезъ цѣлые десятки такихъ издѣлій, изображающихъ различные виды тюленей, китовъ, рыбъ, а равно птицъ и звѣрей *). Ниже помѣщаемый рисунокъ (рис. 2) передаетъ очертанія двухъ подобныхъ изображеній рыбъ, какъ они приведены у де-Сессака **).

Рис. 2.

Указанное сходство между нѣкоторыми каменными древностями Сибиря и Сѣверной Америки можетъ найти себѣ подтвержденіе еще въ одномъ видѣ каменныхъ орудій, именно—въ такъ называемыхъ песткахъ. Каменные орудія въ родѣ пестовъ, которыя могли служить для перетиранія зеренъ

или для растиранія краски (извѣстно, что дикари любятъ окрашивать свое тѣло и румяниться, а также красятъ свои одежды), находятъ изрѣдка, въ экземплярахъ малой или средней величины, въ Западной Европѣ и въ Россіи, но гораздо чаще и болѣе крупныхъ размѣровъ попадаются они далѣе на востокъ; въ Сибири, а особенно по западной окраинѣ Сѣверной Америки, гдѣ они представляютъ довольно разнообразныя формы, какъ въ томъ можно, напримѣръ, убѣдиться изъ сличенія рисунковъ ихъ у Abbott'a («Primitive Industry», chapter X, Mortars and Pestles, figg. 136—154) ***). Въ Сибири ихъ находили въ разныхъ

*) *L. de-Cessac*, Observations sur des fétiches de pierre sculptés, en forme d'animaux, découverts à l'île de San Nicolas (Californie), въ «Revue d'Ethnographie I. 188», p. 30—40, fig. 35—41.

**) Изображенія рыбъ, сдѣланныя изъ мамонтовой кости и довольно крупныхъ размѣровъ были найдены гр. Завишей въ т. наз. Мамонтовой пещерѣ Кялецкой губ., въ отложеніяхъ эпохи сѣвернаго оленя. Сравненіе этихъ издѣлій съ аналогичными имъ каменными, описанными де-Сессакомъ, равно какъ и йденныхъ Завишей костяныхъ украшеній для носа и амулетовъ въ родѣ сердца—съ подобными-же у эскимосовъ и амурскихъ инородцовъ, добытыми Пинаромъ и Шренкомъ), дало Завишѣ поводъ заключить, что бытъ древняго населенія эпохи сѣвернаго оленя въ Европѣ представлялъ аналогію съ бытомъ современныхъ эскимосовъ и тугузовъ, см. *J. Zavisza*, Explication des fétiches et des amulettes en dent de Mamouth etc. Varsovie. 1883.

***) Я имѣлъ возможность видѣть довольно большую коллекцію такихъ пестовъ въ собраніи американскихъ древностей, которая была выставлена на Московской антропологической выставкѣ 1879 г., г-мъ Обстомъ, отъ Лейпцигскаго этнографическаго музея.

мѣстахъ; мнѣ лично извѣстна цѣлая серія ихъ изъ Барабинской степи. Между пестами, находимыми въ Америкѣ, попадаются иногда такіе, верхній конецъ коихъ украшенъ грубымъ изображеніемъ головы какого-нибудь животнаго—змѣи, рыбы или звѣря. Такіе экземпляры находятся въ Археологическомъ музеѣ Кембриджа (Массачузетсъ), въ Берлингтонскомъ и Нью-Йоркскомъ, и одинъ изъ нихъ, изображенный у Abbott'a (fig. 147), представленъ на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 3). Любопытно, что въ Сибири также былъ найденъ одинъ каменный

Рис. 3.

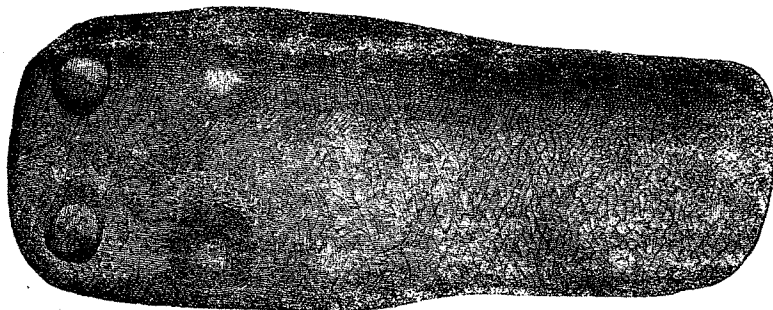
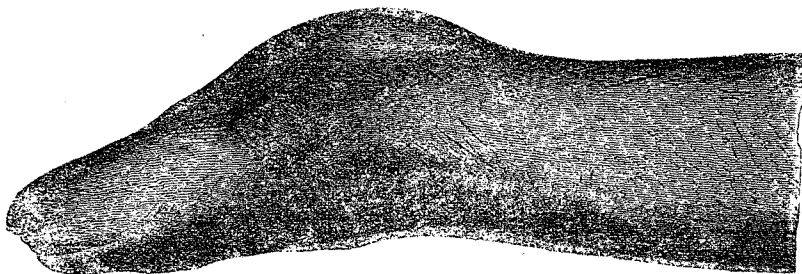

Рис. 4.

предметъ, по видимому пестъ, верхній конецъ котораго представляетъ явственное изображеніе головы змѣи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ помѣщеннаго рядомъ рисунка № 4. Очертаніе челюстей, положеніе носовыхъ отверстій, глазъ, форма всей головы указываютъ, очевидно, на змѣю, — фактъ довольно интересный при сравненіи культуры каменнаго вѣка Сибири съ древне-американскою. Къ сожалѣнію, точное мѣстонахожденіе этого песта съ змѣиной головой не можетъ быть указано; о немъ извѣстно только, что онъ происходитъ изъ Сибири и былъ подаренъ Обществу Любителей Естествознанія, Антропологін и Этнографіи г. Сидоровымъ.

Въ коллекціи г. Лопатина, выставленной въ Историческомъ музеѣ, имѣется еще нѣсколько каменныхъ древностей изъ Сибири, замѣчательныхъ по своей оригинальной формѣ. Таковы, напримѣръ, три каменные хорошо ошлифованные предмета одинаковой формы, но разной величины, изображенные на таблицѣ.

рис. 5, 6 и 7. Самый крупный изъ нихъ имѣетъ 13 сант. въ длину, при наибольшей ширинѣ въ 0, 9 сант.; длина другаго — 6, 7 сант., третьяго — 2, 2. Общая форма ихъ напоминаетъ рыбъ, но они круглѣе въ поперечномъ разрѣзѣ (нижняя сторона ихъ, впрочемъ, плоская) и на суженныхъ концахъ (переднемъ и заднемъ) снабжены небольшими, ограниченными спереди полукруглой линіей, головками [одна изъ нихъ, передняя (?), больше другой, задней (?)], съ выдающимися въ стороны ушками. Относительно одного изъ этихъ экземпляровъ (самаго крупнаго) извѣстно, что онъ подаренъ Лопатину г-мъ Вицинымъ въ 1874 г. и былъ купленъ отъ крестьянъ дер. Цркинеевой, на р. Ангарѣ, Енисейской губерніи, Енисейскаго округа, а ими былъ найденъ около дер. Цркинеевой, въ черноземѣ. Г. Лопатинъ обозначаетъ этотъ предметъ, какъ «каменное изображеніе рыбы—подвѣска», и, дѣйствительно, всѣ три издѣлья напоминаютъ, общей своей формой, рыбъ, а выдающіяся ушки на головкахъ какъ-бы указываютъ на то, что ихъ подвѣшивали. Тѣмъ не менѣе, сходство съ рыбой здѣсь довольно поверхностное и въ описываемыхъ предметахъ можно видѣть скорѣе символы рыбъ вообще, чѣмъ изображенія какихъ-либо опредѣленныхъ ихъ видовъ.

Подобныя «символическія изображенія рыбъ» были найдены также, повидному, И. С. Поляковымъ въ окрестностяхъ Тупки (о нихъ упоминается въ «Отчетѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества» за 1868 г., но они были уничтожены Иркутскимъ пожаромъ 1878 года, истребившаго музей Отдѣла), а сто шестьдесятъ такихъ издѣлій изъ жировика и различныхъ сланцевъ были добыты Н. П. Витковскимъ изъ могилъ каменнаго вѣка на лѣвомъ берегу р. Ангары въ Иркутской губерніи *). Издѣлія, найденныя г. Витковскимъ представляютъ полнѣйшее сходство съ описанными мною; длина ихъ—отъ 15,1 до 1, 5 сант., всѣ они хорошо отшлифованы и всѣ съ удивительнымъ постоянствомъ сохраняютъ одну и ту-же форму. Ихъ находилось по десяти и болѣе въ одной могилѣ, въ безпорядочной кучѣ при вѣстяхъ рукъ или при ступняхъ ногъ, или-же расположенныхъ рядомъ на плечевой кости. Проф. Гревинкъ въ своемъ сообщеніи о могилахъ, раскопанныхъ Витковскимъ, высказалъ мнѣніе, что, можетъ быть, это были подобныя-же орудія лова именно птицъ, какія употребительны у чукчей и эскимосовъ, которые умѣютъ добывать птицъ посредствомъ метанія въ нихъ мелкихъ пращей (изъ камышковъ или костяшекъ), связанныхъ по нѣскольку ремешками. Г. Витковскій полагаетъ однако, что «принимая во вниманіе незначительные размѣры многихъ изъ этихъ издѣлій, а также и то, что всѣ они сдѣланы изъ породы сравнительно легкихъ, съ большею вѣроятностью можно допустить, что это не орудія въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе предметы украшенія или какіе-нибудь символическіе

*) Витковскій, Отчетъ о раскопкѣ могилъ въ Иркутской губ., въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отд. Геогр. Общ.» 1882 г.

знаки». Всего вѣроятнѣе послѣднее предположеніе, которымъ можетъ быть объяснено до извѣстной степени постоянство ихъ формы и находженіе ихъ, часто въ большомъ числѣ, въ могилахъ. Можно полагать, что ихъ клали въ могилу—рядомъ съ нефридовыми топорами, яшмовыми наконечниками стрѣлъ, костяными острогами, клыками и когтями звѣрей — въ качествѣ амулетовъ, чтобы обезпечить умершему въ будущей жизни удачный ловъ звѣря и рыбы. Ограниченное сходство этихъ издѣлій съ рыбами не должно насъ въ данномъ случаѣ смущать; въ коллекціи де-Сессака, древностей изъ Калифорніи, изображенія звѣрей и птицъ иногда еще менѣе соответствуютъ дѣйствительности, а между тѣмъ въ вѣрности ихъ обозначенія де-Сессакъ могъ убѣдиться, спрашивая мнѣніе о нихъ современныхъ индѣйцевъ.

Въ заключеніе, укажемъ еще на два предмета въ коллекціи г. Лопатина, замѣчательные по оригинальности своей формы: они изображены на таблицѣ, рис. 1 и 12. Относительно предмета, изображеннаго на рис. 1, (изъ какого-то зеленого камня, (?) отшлифованнаго), имѣется свѣденіе, что онъ былъ приобретенъ близъ Красноярска, отъ одной крестьянки, дѣдъ которой вывезъ его будто-бы изъ Камчатки (?). Длинною онъ 20,8 сант., шириною, въ ушкахъ, 8,3. Выпуклый съ одной стороны, онъ болѣе плосокъ съ другой и оканчивается на одномъ концѣ округленнымъ и сточеннымъ краемъ, въ родѣ долота. На противоположномъ концѣ онъ представляетъ округленный выступъ, на разстояніи пяти сантиметровъ отъ котораго выдаются въ стороны небольшія заостренныя ушки. Другой предметъ (рис. 12) представляетъ подобную же форму, но съ нѣкоторыми отличіями. Онъ длиннѣе (23,7 сант.), но уже (ширина въ ушкахъ—7,6 сант., а далѣе около 5 сант.) и красноватаго цвѣта (изъ Felsittuff, по опредѣленію проф. Фшпера, съ удѣльн. вѣс. 2,46); на одной выпуклой сторонѣ его замѣтна грань и съ этой стороны предметъ отшлифованъ только внизу, къ острому краю, тогда какъ другая, плоская сторона отшлифована полнѣе и лучше. Острый край здѣсь рѣзче и болѣе напоминаетъ долота. Выступъ противоположнаго конца здѣсь длиннѣе равно какъ и боковыя ушки обозначены сравнительно лучше. Относительно мѣстонахожденія этого предмета извѣстно, что онъ былъ найденъ при рытѣхъ ямы на берегу р. Чадобца, въ 3 верстахъ отъ с. Заледеева (Енисейской губ.).

Съ этими двумя предметами представляетъ сходство изображенный на таблицѣ рис. 4, найденный въ Якутской области и хранящійся въ Музеѣ Географическаго Общества (въ Историческомъ Музеѣ имѣется лишь его слѣпокъ, съ котораго и снята фотографія). Въ длину онъ имѣетъ почти 28 сант., въ ширину 11,3 сант. Округленное лезвіе его довольно тупо, и выступъ, на противоположномъ ему концѣ, довольно малъ, такъ что немногимъ превышаетъ, по величинѣ, боковыя ушки, которыя являются, поэтому, отнесенными ближе къ концу. Выпуклость одной стороны здѣсь не выражена и обѣ стороны почти

одинаково плоски. Въ Иркутскомъ Музеѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества было нѣсколько такихъ изъ Якутской области; о нихъ упоминаетъ г. Поповъ, въ своей статьѣ о каменномъ вѣкѣ въ Сибири (въ «Извѣстіяхъ В.-Сибирскаго Отдѣла»). Онъ называетъ ихъ топорами и полагаетъ, что они прикрѣплялись къ рукояткѣ особымъ образомъ, посредствомъ ремня или веревки, зацѣплявшейся за боковыя ушки. Мнѣніе это повторено и гр. Уваровымъ во 2-мъ томѣ его «Археологін Россіи» (гдѣ приведены два изображенія такихъ «топоровъ»), но съ нимъ едва-ли можно согласиться. Подобное прикрѣпленіе къ рукояткѣ едва-ли возможно, и, во всякомъ случаѣ его нельзя подтвердить ни слѣдами на самыхъ предметахъ, ни аналогичными примѣрами подобныхъ орудій изъ другихъ мѣстностей. Вѣрнѣе думать, что если они и были орудіями, то скорѣе теслами или долотами и употреблялись безъ рукоятки. Боковыя ушки могли приносить пользу тѣмъ, что не позволяли рукѣ скользить по орудію и давали возможность держать его удобнѣе (подъ ушками). Въ этомъ убѣждаетъ меня, между прочимъ, еще орудіе, изображенное на таблицѣ рис. 11, найденное въ Барабинской степи, вмѣстѣ съ упомянутыми ранѣ пестами. По своей общей формѣ, длина—25,5 сант., ширина въ ушкахъ, 6,5 сант., по лезвію 5,3 сант., она также походитъ на пестъ, но одинъ конецъ его, вмѣсто того чтобы оканчиваться тупо, заостренъ въ лезвіе, противоположный конецъ имѣетъ, однако, маленькіе боковыя выступы, въ родѣ того, какъ у пестовъ, съ которыми орудіе несомнѣнно представляло сходство и въ способѣ его держанія. Имъ пользовались, очевидно, безъ рукоятки, охватывая рукою болѣе узкую верхнюю его часть. Можно думать, что такимъ-же образомъ пользовались и орудіями, изображенными на рисункахъ, 1, 4 и 12 таблицы. Съ другой стороны, на этикеткѣ г-на Лопатина, къ орудію, изображенному на рисункѣ 1-мъ таблицы, замѣчено довольно мѣтко, что онъ представляетъ изваяніе «въ родѣ тюленя». Дѣйствительно, взглядыаясь въ его очертанія и сравнивая его съ упомянутыми ранѣ древними издѣльями изъ Калифорніи, изображающими звѣрей и птицъ, возможно допустить, что придавая оружію такую форму, имѣли въ виду также подражаніе формѣ извѣстнаго животнаго. Это подражаніе могло быть сначала болѣе выраженнымъ, а затѣмъ становится все менѣе и менѣе явственнымъ. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе, что орудія эти, сравнительно, рѣдки и что рядомъ съ ними употреблялись, повидимому, и другіе типы топоровъ и долотъ, надо думать, что при изготовленіи ихъ имѣлось въ виду какая либо особая цѣль. Покуда издѣлья такого типа были находимы исключительно въ восточной Сибири. Извѣстное сходство съ ними можно, однако, констатировать на нѣкоторыхъ типахъ американскихъ томагавковъ.

Сопоставляя всѣ описанные нами виды каменныхъ издѣлій изъ отдаленной Сибири, нельзя не прійти къ заключенію, что они не имѣютъ себѣ аналогіи между издѣльями каменнаго вѣка Европы и что, наоборотъ, нѣкоторые ихъ

формы во многом напоминают соответственные издѣлія изъ Сѣверной Америки. Фактъ этотъ указываетъ, какъ будто на то, что культура каменнаго вѣка восточной Сибири имѣла извѣстное общеніе съ такой-же культурой Сѣверной Америки или что одна изъ нихъ (американская) оказывала нѣкоторое вліяніе на другую (сибирскую). Въ пользу подобнаго вліянія говоритъ также и тотъ фактъ, что типы нѣкоторыхъ пашихъ сибирскихъ породцевъ (какъ показалъ напримѣръ Миддендорфъ относительно долганъ) выказываютъ довольно близкое родство съ типами первобытныхъ племенъ Сѣверной Америки.

Д. Анучинъ.

Объясненіе таблицы:

- Рис. 1. Орудіе изъ зеленого камня (?), длиною 20,8 сант., шириною, въ ушкахъ, 8,3. Изъ коллекціи г. Лопатина въ Историческомъ Музеѣ. Приобрѣтено близъ Красноярска отъ крестьянки.
2. Изображеніе рыбы-налима изъ жировина } Оригин. въ Геогр. Общ.
3. Тоже: Оба длиною около 23 сантиметр. { Изъ восточн. Сибири.
4. Орудіе (слѣпокъ) изъ Якутской области, длиною около 28 сант. Оригиналъ въ Музеѣ Географ. Общества.
5. } Символическія изображенія рыбъ, длиною 13,—6,7—2,2 сант.,
6. } изъ коллекціи г. Лопатина, въ Историческомъ Музеѣ. Найдены
7. } около д. Ирвинеевой, на р. Ангарѣ, Енисейской губ.
8. Изображеніе рыбы-налима, длиною 17,7 сант., изъ восточной Сибири. Подарено г. Агапитовымъ графу Уварову для Историческаго Музея.
9. Изображеніе рыбы длиною 25 сант., найденное въ Барабинской степи. Изъ коллекціи Моск. Университета (Общ. Люб. Ест.) въ Историческомъ Музеѣ.
10. Изображеніе рыбы, длиною 36,3 сант., изъ восточной Сибири. Изъ коллекціи г. Лопатина, въ Историческомъ Музеѣ.
11. Тесло изъ діорита, найденное въ Барабинской степи: длиною — 25,5 сант., изъ коллекціи Московскаго Университета (Общ. Люб. Ест.) въ Историческомъ Музеѣ.
12. Тесло изъ красного фельзита, длиною 23,7 сант., изъ коллекціи г. Лопатина въ Историческомъ Музеѣ. Найдено на берегу р. Чадобца, близъ с. Заледеева.

Примѣчаніе. По недосмотру фотографа, нѣкоторыя отверстія у каменныхъ рыбъ вышли недостаточно явственно, вслѣдствіе того, что не были уничтожены закрывающія ихъ темныя пятна, отъ гвоздей, которыми предметы эти были прихвачены, при снятіи, къ доскѣ.

Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи, по находкамъ, добытымъ изъ пещеръ Кѣлецкой губерніи и окрестностей Кракова.

Рефератъ Г. О. Оссовскаго.

(съ 7-ю таблицами).

Чѣмъ болѣе, благодаря развившимся нынѣ трудамъ нашихъ ученыхъ, умножается археологическая добыча, происходящая изъ различныхъ мѣстностей обширнаго пространства Россіи и принадлежащая весьма различнымъ доисторическимъ временамъ, и, чѣмъ болѣе, изучая этотъ громадный уже нынѣ матеріалъ, стараемся мы распознать присущій ему научный характеръ: тѣмъ болѣе, каждому изъ насъ представляется нецѣлѣбная потребность классифицировать этотъ матеріалъ по отношенію ко времени, къ которому онъ принадлежитъ, т. е., опредѣлить точно относительную его древность. Потребность эта относится по преимуществу къ добычамъ и находкамъ вѣка каменнаго, въ которомъ, единственнымъ основаніемъ къ такому ихъ опредѣленію можетъ послужить только собственный археологическій характеръ этихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи одно распредѣленіе находокъ на палеолитическія и неолитическія для насъ уже вполнѣ недостаточно. Въ виду современныхъ потребностей науки, намъ становятся необходимыми болѣе тонкія и болѣе точныя хронологическія отличія, т. е. распредѣленіе по отдѣльнымъ эпохамъ, или стадіямъ культуры этихъ періодовъ. Потребность эта, гораздо прежде чѣмъ у насъ, была понята на западѣ Европы, гдѣ самое понятіе о значеніи археологій, по отношенію къ палеознологіи, развилось гораздо ранѣе. Весьма продолжительнымъ, совокупнымъ трудамъ тамошнихъ археологовъ удалось въ последнее время достигъ этой цѣли если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ весьма высокой степени. По преимуществу относится это къ археологической литературѣ Франціи. Оцѣняя вполнѣ всю важность этого въ высшей степени полезнаго труда, съ другой стороны, я не намѣренъ входить здѣсь ни въ критическій его разборъ, ни въ какую-бы то ни было полемику о его несовершенствахъ, замѣченныхъ уже и безъ того многими первостепенными археологами.

По поводу, однако, самого предмета, котораго я теперь коснулся, мнѣ необходимо указать на одно только весьма важное и характерное явленіе, которое, я убѣжденъ вполнѣ, пришлось не только мнѣ одному замѣтить, но должны были замѣтить его и многіе сотоварищи мои по археологическимъ изслѣдованіямъ. Я долженъ именно указать на то, что если-бы мы, находки каменнаго вѣка, добытыя изъ какой-бы то ни было мѣстности Россіи, а равно даже и всей центрально-восточной Европы, вознамѣрились классифицировать хронологически по образцу схемы, выработанной на западѣ Европы, то встрѣтимъ въ этомъ отношеніи всегда немаловажныя неудобства, а иногда и непреодолимыя затрудненія. Наши соображенія по этому предмету приведутъ насъ всегда къ тому исходу, что находки наши, хотя, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, будутъ иногда подходить къ находкамъ той или другой эпохи каменнаго вѣка Франціи, Бельгіи, Швейцаріи или другихъ странъ, но вся находка, въ цѣлостномъ ея составѣ, по общему ея археологическому характеру, никакъ не можетъ быть признана полнымъ археологическимъ эквивалентомъ какой-нибудь изъ эпохъ той, или другой страны всей западной Европы.

Касаясь причинъ такихъ неудобствъ при сравнительномъ опредѣленіи точнаго вѣка нашихъ находокъ по отношенію къ западно-европейскимъ, по видному кажется, что онѣ являются тутъ послѣдствіемъ только не полного совершенства хронологическаго схематизма Франціи. Въ такомъ случаѣ, сущность дѣла не была-бы еще совсѣмъ потеряна для нашей науки, ибо съ усовершенствованіемъ этого предмета на западѣ Европы, схематизмъ этотъ, если не сегодня, то когда нибудь могъ-бы принести намъ дѣйствительную пользу. Но углубляясь болѣе въ значеніе этого явленія, я прихожу къ тому убѣжденію, что дѣйствительныя причины неудобства въ примѣненіи западно-европейской хронологической схемы для находокъ каменнаго вѣка нашихъ мѣстностей, лежатъ въ самомъ существенномъ основаніи этого вопроса. Жизнь человѣчества и ея развитіе хотя, въ общемъ своемъ направленіи, подлежатъ одному естественному, непреложному закону, но тѣмъ не менѣе, въ частномъ своемъ характерѣ, въ проявленіяхъ особенностей своего домашняго быта, а даже и въ сложеніи общественнаго строя, жизнь эта подвержена всегда вліянію мѣстныхъ, фізіографическихъ условій страны, выработавшихъ на ней печать собственной самостоятельной своеобразности. За тѣмъ, какъ нынѣ, такъ и въ особенности въ доисторическія времена, у насъ и на западѣ Европы жизнь тогдашняго человѣчества, подверженная весьма различнымъ мѣстнымъ фізіографическимъ вліяніямъ, не только могла, но и должна была развиваться въ своихъ частностяхъ совершенно различно. Въ томъ именно и лежитъ главная причина того, что классификація хронологической послѣдовательности эпохъ, или стадій развитія человѣческой культуры каменнаго вѣка, выработанная археологами для запада Европы, какъ-бы она ни была даже полна и совершенна для этой мѣстности,

Фото-Травера Шерера. Настроилъ въ Мюссла.

все-таки, ни теперь, ни въ будущемъ, не можетъ быть примѣнима вполне для столь отдаленнаго отъ этихъ мѣстъ нашего Востока. По этому-то при попыткахъ хронологическаго распредѣленія нашихъ находокъ по образцу этого схематизма, этотъ послѣдній оказывается и теперь и всегда окажется для нихъ несостоятельнымъ и вовсе непригоднымъ.

Если-же мы разъ уже пришли къ высказанному теперь убѣжденію, то весьма логическимъ изъ этого выводомъ будетъ то, что для центрально-восточной Европы слѣдуетъ принять такую хронологическую классификацію, которая бы наилучше согласовалась съ послѣдовательностью развитія жизни и культуры ея доисторическаго населенія. Такою-же можетъ быть только та классификація, которая основана будетъ на строгомъ научномъ изученіи находокъ того-же самаго пространства. Трудъ выработки такой классификаціи, конечно, не легокъ, но онъ принадлежитъ не силамъ одиночнымъ, но совокупнымъ, и исполненъ можетъ быть не мгновенно, но въ теченіи извѣстнаго продолжительнаго времени. Въ виду однако-же его неизбѣжности, онъ долженъ быть когда-нибудь начатъ.

Касаясь, поэтому, нынѣ началъ этого труда, столь неизбѣжнаго для будущаго развитія нашей археологіи, я, прежде всего, считаю себя обязаннымъ высказать и тотъ методъ, которому намѣренъ я слѣдовать въ настоящей и въ будущей разработкѣ этого вопроса. Принципы этого метода я предлагаю слѣдующіе:

1-е Основныя понятія объ относительной древности археологическихъ предметовъ должны быть выработаны на основаніи строгаго и многосторонняго изученія археологическаго характера находокъ только того физіографическаго пространства, для котораго имѣется въ виду обработка хронологической классификаціи.

2-е Изъ числа такого рода находокъ заслуживаютъ изученія для нашей цѣли только тѣ изъ нихъ, которыя добыты были въ слѣдствіе систематическихъ и научнымъ образомъ исполненныхъ изслѣдованій, и при этомъ соединяютъ въ себѣ слѣдующія условія:

а) Онѣ должны происходить изъ такихъ нетронутыхъ естественныхъ пластовъ, которые однимъ уже своимъ геологическимъ строеніемъ могли-бы съ совершенною достовѣрностью доказать большую или меньшую относительную древность содержащихся въ нихъ вещественныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи особое преимущество имѣютъ тѣ находки, которыя, различаясь между собою археологическимъ характеромъ, найдены были или въ различныхъ, но непосредственно лежащихъ другъ на другѣ пластованіяхъ, или-же, хотя найдены въ одномъ и томъ-же пластѣ, но видимо на различныхъ его горизонтахъ.

б) Онѣ должны тоже соединять въ себѣ на сколько возможно разнообразный археологическій матеріалъ, представляющій намъ воз-

возможность обсудить археологическій характеръ данной эпохи по возможности многостороннѣе.

3-е Всякія находки случайныя, добытыя или пріобрѣтенныя безъ изученія условій ихъ находенія, должны быть для нашей цѣли устранены и изъяты отъ всякихъ по нимъ соображеній.

Весьма очевидно, что слѣдуя принципамъ предложеннаго метода, трудъ по выработкѣ нашей хронологической классификаціи не можетъ идти слишкомъ поспѣшно, но всякая предвидѣнная, впрочемъ, медленность въ этомъ трудѣ, вознаградится вполне гарантіей несомнѣнной его прочности.

Слѣдуя затѣмъ такому методу, не трудно замѣтить, что вообще, изъ числа находокъ обладающихъ всеми вышепомянутыми для нашей цѣли необходимыми свойствами, наиболѣе и вполне на этотъ предметъ пригодными могутъ считаться только тѣ, которыя добыты изъ пещерныхъ и водно-свайныхъ (*палафитовыхъ*) первобытныхъ жилищъ. Наиболѣе пригодны онѣ потому, что имѣютъ самое близкое отношеніе и самую близкую связь съ современными имъ и послѣдовавшими послѣ нихъ естественными образованіями, отложившими геологическія наслоенія, могущія для насъ служить самыми надежными указателями несомнѣнной хронологической послѣдовательности содержимыхъ въ нихъ вещественныхъ слѣдовъ доисторическаго быта челоука.

Приступая теперь къ примѣненію предложеннаго мною метода для поставленной цѣли, я обращаюсь къ тѣмъ изъ собственныхъ моихъ находокъ, которыя, соотвѣтствуя вполне условіямъ этого метода, могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ теперь уже положить первыя основанія предложенному труду. Найдены такія удалось мнѣ найти при изслѣдованіяхъ многочисленныхъ пещеръ южной части Кѣлецкой губерніи, въ окрестностяхъ селенія Ойцова и въ смежныхъ съ тѣмъ пространствомъ пещерахъ окрестностей г. Кракова. Изъ пещеръ этихъ я добывалъ находки весьма разнообразнаго археологическаго характера, и въ различныхъ, непосредственно другъ на другѣ лежащихъ геологическихъ пластахъ, и въ одномъ и томъ-же пластѣ, но на различныхъ его горизонтахъ. Явленія эти, для каменнаго вѣка наиболѣе рѣзко и убѣдительно выразились при изслѣдованіи двухъ въ особенности пещеръ, результаты которыхъ я намѣренъ здѣсь изложить, именно: пещеры *М а ш и ц к о й* (окрестности Ойцова) и *Н а - Л о п я н - к а х ъ I.* (окрестности Кракова).

Пещера Машницкая.

Пещера эта лежитъ на разстояніи 4—5 верстъ къ югу отъ развалинъ Ойцовскаго замка, на земляхъ селенія Машницъ, по лѣвому берегу Ойцовскаго ущелія и находится почти у вершины величественной горы, подымающейся до

высоты 150 метровъ надъ уровнемъ долины, лежащей у ея подошвы, по которой протекаетъ рѣченка Прондшикъ. Входъ въ эту пещеру открывается въ одномъ изъ пемысокихъ скальныхъ обнаженій, состоящихъ изъ породъ известковыхъ, принадлежащихъ къ системѣ бѣлоюрскихъ, отложений. На нихъ лежатъ непосредственно образованія дилувіальныя, принадлежащая лѣссу и называемыя здѣсь геологами мамонтовою глиною. *) (См. рис. 1).

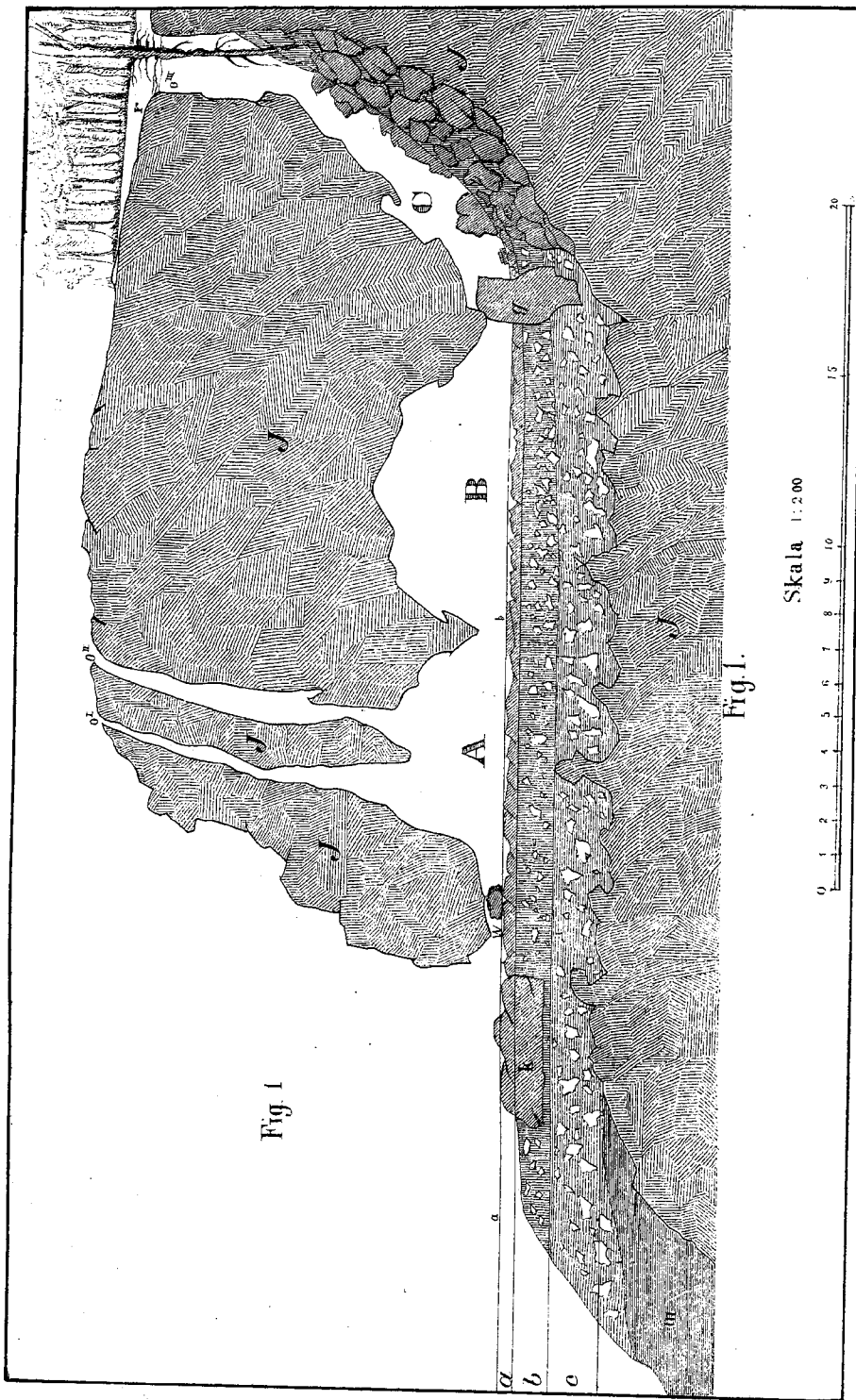
Продольно-отвѣсный разрѣзъ этой пещеры изображенъ на фигурѣ 1 таблицы I. Изъ него мы видимъ, что внутренность пещеры составляютъ двѣ камеры (А. и В.), слѣдующія одна за другою внутрь скалы, освѣщенныя при входѣ отверстиями верхнихъ скальныхъ щелинь (O^I и O^{II}) и кончающіеся узкимъ каналомъ (С), который, подымаясь исподоволь къ верху, достигаетъ поверхности самой скалы, и отверстиемъ своимъ (O^{III}) соприкасается съ растительною почвою (г. г.). Вторая камера (В) преграждена отъ канала (С) большою каменною глыбою (G), отвалившеюся отъ свода пещеры. Вся длина этой пещеры, считая отъ ея входа (W), равняется 30 метрамъ и имѣетъ въ мѣстахъ самой большой ширины 9 метровъ.

Внутренность этой пещеры наполнена была наплывными осадками до высоты 3 сажень метровъ, считая отъ скальнаго ея дна. Пещерное это наслоеніе раздѣлялось по всей его длинѣ на три видимо различные между собою пласта, которые, какъ вообще во всѣхъ изслѣдованныхъ много пещерахъ обозначаются буквами *a*, *b* и *c*.

Литологическія свойства этихъ пластовъ были слѣдующія:

Пластъ *c*, самый нижній, непосредственно лежащій на скальномъ днѣ пещеры, толщиною 1,50 метра, состоялъ изъ осадковъ глинистыхъ, свѣтлаго сѣрожелтаго цвѣта, заключающихъ въ себѣ малообильную примѣсь растительной почвы, придающей осадкамъ этого пласта сѣроватость цвѣта. Въ пластѣ этомъ заключалось громадное количество глыбъ, кусковъ и мелкаго щебня известняка, происходящаго отъ вывѣтриванія стѣнъ и сводовъ пещеры и небольшое количество глыбъ постороннихъ каменныхъ породъ, наплывшихъ и попавшихъ сюда черезъ скальныя отверстія пещеры, а преимущественно черезъ главный ея каналъ *c*. Въ смѣси этой глины съ каменнымъ матеріаломъ, сплотившейся мѣстами до твердости почти скалы, находились костяные остатки животныхъ дилувіальной фауны, которые по опредѣленію моему принадлежатъ слѣдующимъ видамъ: Мамонтъ (*Elephas primigenius* Blum.), Носорогъ волнистый (*Rhinoceros tichorhinus* Fisch.) Лошадь ископ. (*Equus caballus* sp. foss.), Гиена пятнистая, разновидность пещерная (*Hyena* var. *spelaea*),

*) Такъ называлъ эти дилувіальныя отложения геологъ Цейснеръ, на основаніи того, что въ глинѣ этой, содержащей въ себѣ обильные костяные остатки фауны дилувіальной, во множествѣ преобладаютъ кости мамонта.

Медвѣдь пещерный (*Ursus spelaeus*), Медвѣдь сѣрый (*Ursus arctos*), Зубръ (*Bos priscus*, Воj.), Быкъ ископ. (*Bos primigenius*, Воj.), Лось (*Cervus alces*), Олень (*Cervus elaphus*), Сѣверный олень (*C. tarandus*), Сайга (*Antilope saige* Pult), Заяць ископ. (*Lepus timidus foss.*). Кромѣ того находилось небольшое количество костей птичьихъ, къ опредѣленію непригодныхъ. Всѣ эти кости носили на себѣ слѣды оглаженія водою, были видимо напльвныя и достались онѣ сюда вмѣстѣ съ напльвшею мамонтовою глиною, слѣдовательно представляютъ остатки фауны дилувіальной на вторичномъ ея ложѣ, т. е. принадлежать къ образованіямъ алувіальнымъ. Поверхность этихъ костей во многихъ мѣстахъ покрыта, а иногда и вся испещрена дендритами.

Пласть *b*, лежащій выше, на пласть предыдущемъ, состоялъ изъ глинистаго чернозема угольно-чернаго цвѣта, заключающаго въ себѣ такія-же известняковыя глыбы и такой-же известняковый щебень, происходящій отъ вывѣтриванія стѣнъ и свода пещеры, какъ и пласть предыдущій, но въ нѣсколько меньшемъ количествѣ. Въ немъ находились тоже и напльвныя кости ископаемыя, но въ мелкихъ и сглаженныхъ водою кускахъ, къ опредѣленію видовъ животныхъ непригодны. По всему-же вѣроятію, принадлежали онѣ крупнымъ породамъ тѣхъ самыхъ видовъ, которые опредѣлены выше по костямъ пласта предыдущаго. Внутри пещеры, въ пласть этомъ погружена была отпавшая отъ свода большая каменная глыба (*g*), а передъ входомъ громадныя глыбы, отпавшія отъ верхнихъ частей скальнаго обнаженія.

Пласть *a*, т. е. самый верхній, состоялъ изъ чистаго известковаго щебня (естественнаго щебня), представляющаго продуктъ вывѣтриванія стѣнъ и свода пещеры и покрывающаго собою лежащія подъ нимъ пещерныя осадки пластовъ, описанныхъ выше. Толщины имѣлъ онъ 15—20 сантиметровъ. Отсутствіе въ этомъ пластвѣ землестыхъ отложеній указываетъ на то, что пещера эта, будучи долгое время сухою, напльвныхъ осадковъ въ новѣйшее время не образовывала.

Изъ всѣхъ трехъ описанныхъ пластовъ добыты были мною обильныя и по археологическому своему характеру весьма различныя находки. Составъ и характеръ этихъ находокъ прослѣдимъ мы теперь по пластамъ, въ которыхъ онѣ были найдены, начиная съ пласта нижняго.

Находка пласта *c* состояла изъ издѣлій: 1) кремневыхъ, 2) каменныхъ, 3) костяныхъ и 4) рога сѣвернаго оленя. Главныя типы этихъ издѣлій изображены на таблицахъ II и III. Археологическій ихъ характеръ есть слѣдующій.

1) Издѣлія кремневыя (Табл. II, фиг. 1—29) состояли изъ колотыхъ орудій, принадлежащихъ къ разряду ножей и скребковъ. Отличительныя ихъ свойства заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ онѣ суть, видимо, откола толстаго, тяжелыя, величиною доходящія до 134 и 174 миллиметровъ въ длину (фиг. 10 и 13). Три исключительно маленькія орудія (фиг. 27—29) по

всему вѣроятію, могли служить для рѣзбы и орнаментики на кости. Количество всѣхъ кремневыхъ издѣлій доходило до 109 штукъ, изъ которыхъ значительное большинство экземпляровъ имѣло на себѣ видимые слѣды вторичной обивки (фиг. 7, 9—20 и 22—29). Немногочисленные вмѣстѣ съ этими издѣліями найденные нуклеи были тоже большіе и тяжеловѣсные.

2) Издѣлія каменные состояли изъ трехъ только штукъ, изъ которыхъ двѣ были кварцитовыя глыбы величиною въ большой кулакъ, съ одной стороны характеристически сглаженные, видимо въ слѣдствіе искусственнаго тренія, а третья представляла кварцитовый пестикъ, служащій, очевидно, для растиранія естественныхъ красокъ, что полагать можно изъ немалаго количества лимонита прилипшаго къ его поверхности.

3) Издѣлія костяныя, (фиг. 30—43, табл. II и таблица III), найденныя въ значительномъ количествѣ, по формамъ своимъ и по отдѣлкѣ, заслуживаютъ особаго вниманія. Состояли онѣ изъ наконечниковъ метательныхъ орудій, сулицъ, лопатокъ и наконецъ изъ шилъ.

Наконечники метательныхъ орудій (фиг. 1—12, табл. III) представляются въ видѣ тонкой палочки, 15—25 сантиметровъ длиною, заостренной въ одномъ концѣ и сплющенной въ другомъ (фиг. 7, табл. III). Этимъ послѣднимъ концемъ прикрѣплялись они къ деревяшкѣ, съ которою вмѣстѣ служили для метанія въ родѣ стрѣлы. Конецъ, служащій для прикрѣпленія (сплющенный), имѣетъ косые нарѣзы на обѣихъ своихъ плоскостяхъ: верхней (фиг. 2—4 и 10) и нижней (фиг. 5), служащіе для удобства въ прикрѣпленіи. Всѣхъ такихъ издѣлій найдено 22, изъ коихъ изображенныя на фиг. 1—12 табл. III представляютъ экземпляры наиболѣе типичныя. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ родѣ издѣлій ихъ орнаментика. Она бываетъ нарѣзная (фиг. 1—4, 6, 8 и 9), углубленная (фиг. 11 и 12) и вынуклая (фиг. 10). Каждая изъ этихъ родовъ орнаментики отличается съ одной стороны особенною старательностью и очевиднымъ особымъ прилежаніемъ въ ея исполненіи, а съ другою стороны особымъ, свойственнымъ ей первичнымъ, архаическимъ стилемъ. Всѣ экземпляры этихъ издѣлій выдѣланы изъ реберъ крупныхъ животныхъ (мамонта, носорога, лося и т. п.).

Сулицы, по наружной формѣ своей весьма похожи на издѣлія предыдущія, именно тѣмъ, что имѣютъ одинъ конецъ заостренный, а другой сплющенный, но отличаются отъ нихъ своею величиною и извѣстною кривизною. Фигуры 13 *a* и *b*, и 16—19, таблицы III изображаютъ этого рода издѣлія, выдѣланныя изъ реберъ крупныхъ животныхъ, а фигуры 14 и 15 той же таблицы, — изъ мамонтоваго бивня. О величинѣ сулицъ можно имѣть понятіе изъ фигуръ 13 *a* и 13 *b*, представляющихъ двѣ части одной и той-же сулицы, которыя, сложенныя вмѣстѣ, имѣютъ $\frac{1}{2}$ метра длины, а не представляютъ еще впрочемъ издѣлія цѣлаго. Сплющеннымъ своимъ концемъ сулицы прикрѣплялись къ

деревцу и въ такомъ видѣ служили онѣ для ручной защиты въ бою и на охотѣ *). Нѣкоторые экземпляры сулицъ, какъ напр. часть сулицы, изображенной на фиг. 16, имѣютъ бока, украшенные орнаментикою такого-же самаго архаическаго стиля, какъ издѣлія предыдущія.

Лопатки имѣютъ двойкій видъ: плоскій и полукруглый. Первые выдѣлывались изъ шпорокхъ костяныхъ пластинокъ тонко и плоско (фиг. 35, 36 и 38 табл. II) и бывали или богато украшены на одной своей плоскости нарѣзною орнаментикою стиля архаическаго, какъ это видно на одной лопаткѣ, изображенной на фиг. 36, табл. II и на обломкѣ другой такой-же, фиг. 37, или же совершенно гладкія, какъ видимъ изъ части испорченной лопатки на фиг. 38. Одна такая-же лопатка плоская (фиг. 35), слегка украшенная орнаментикою нарѣзною, покрашена на одной сторонѣ лимонитомъ, имѣетъ красный цвѣтъ. Лопатки полукруглыя выдѣлывались изъ костей длинныхъ, посредствомъ распиливанія ихъ на двѣ половинѣ въ длину. Способъ этого распиливанія кремнемъ изображаетъ экземпляръ неоконченнаго издѣлія этого рода изображенный на фиг. 39 (табл. II). Послѣ распиленія такой кости получались двѣ лопатки (фиг. 41 а и б). На верхней сторонѣ онѣ имѣютъ видъ, изображенный на фиг. 40 и 42. Кромѣ тѣхъ описанныхъ, бывали тоже лопатки, выдѣланныя изъ произвольнаго куска кости, которыя въ такомъ случаѣ не имѣютъ никакого типоваго вида (фиг. 43, табл. II).

Шила не отличаются никакою особенностью по отношенію къ своимъ формамъ. Онѣ встрѣчаются большія (фиг. 31, табл. II) и меньшія (фиг. 30), или же совершенно мелкія (фиг. 32—34).

Относительно технической обдѣлки всѣхъ вообще описанныхъ костяныхъ издѣлій этого пласта слѣдуетъ замѣтить, что прежде всего онѣ выпиливались кремнемъ, а затѣмъ окончательно обдѣлываемы были чрезъ ошлифованіе ихъ поверхности посредствомъ песчаника. Способъ этой выдѣлки замѣтенъ весьма ясно и его можно прослѣдить на всякомъ безъ исключенія издѣліи.

Кромѣ описанныхъ издѣлій изъ кости, найдено еще въ этомъ же пластѣ не малое количество разныхъ начатыхъ или же откинутыхъ подѣлокъ. Фигура 22, таблицы III изображаетъ брусокъ, выдѣланный изъ мамонтоваго бивня, предназначенный по всему вѣроятію для выдѣлки изъ него какого нибудь издѣлія. На фиг. 21 представленъ кусокъ, кости съ одной стороны надпиленный.

4) Издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя весьма рѣдки; въ пластѣ этомъ найденъ одинъ только экземпляръ такого издѣлія значительной величины, изображенный на фигурѣ 20, таблицы III. Назначенія въ употребленіи такихъ издѣлій неизвѣстно и объяснить его трудно; издѣлія подобныхъ нашему формѣ французскіе археологи называютъ фантастически *baton de commandement*.

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Литвы употребляютъ еще и теперь сулицы деревянныя, въ которыхъ обжигаютъ ихъ заостренный конецъ.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ произведеній руки человѣка, къ находкамъ этого же пласта относятся и кости человѣческія. Состояли онѣ изъ одной нижней челюсти и около 20 штукъ обломковъ череповъ, принадлежащихъ пяти особямъ человѣка разныхъ возрастовъ. Немногочисленные куски эти были столь малы, что никакихъ краниологическихъ выводовъ по нимъ сдѣлать не было возможно. Поверхность всѣхъ этихъ кусковъ испещрена была дендритами на подобіе костяныхъ остатковъ другихъ животныхъ этого пласта.

Вообще, ни на одномъ предметѣ всей этой находки не было замѣтно никакихъ слѣдовъ известной, такъ называемой пещерной патины. Углубленія-же, встрѣчаемыя на ихъ поверхности, наполнены были сѣрожелтою глиною, составляющею основной составъ осадочныхъ отложений этого пласта.

Перехожу теперь къ находкамъ слѣдующаго за симъ пласта.

Находка пласта *b* состояла изъ издѣлій: 1) кремневыхъ, 2) каменныхъ, 3) костяныхъ, 4) изъ рога оленьяго, 5) керамическихъ и 6) колотыхъ костей животныхъ.

Прослѣдимъ теперь весь археологическій характеръ предметовъ этой находки въ такомъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ мы это сдѣлали относительно находки пласта предыдущаго.

1) Издѣлія кремневая, найденныя въ количествѣ 120 штукъ, состояли главнымъ образомъ изъ ножей и одного пестика (*percuteur*). Всѣ ножи этого пласта, въ противоположность найденнымъ въ пластѣ предыдущемъ, были откола тонкаго, легкіе, мелкіе и, за исключеніемъ одного только экземпляра, не имѣли на себѣ никакихъ слѣдовъ вторичной обивки. Экземпляры, изображенные на фигурахъ 1—14 таблицы IV, даютъ полное понятіе о формахъ, величинѣ и отколѣ всего количества этого рода издѣлій, найденныхъ въ этомъ пластѣ, а фигура 15 той же таблицы представляетъ тотъ единственный экземпляръ, на которомъ исключительно видна обдѣлка вторичная. Кремневый пестикъ изображаетъ фигура 21. Всѣ нуклеи, найденныя тутъ въ большомъ количествѣ, были тоже незначительной величины (фиг. 22). Поверхность всѣхъ этихъ издѣлій, а равно нуклеевъ и пестика покрыта была въ большей, или меньшей степени плотною известково-кремнистою пещерною патиною темно-сѣраго цвѣта.

2) Издѣлія каменные состояли изъ орудій шлифованныхъ: молотковъ, долотъ, топоришковъ и т. п. снарядовъ, найденныхъ въ состояніи непорченномъ (фиг. 16—20 табл. IV), песчаниковыхъ точильныхъ камней (фиг. 23—25) и такъ назыв. жерновыхъ камней т. е. глыбъ выглаженныхъ съ одной стороны и смянутыхъ. Снаряды шлифованные отличаются чистотою формъ и глаженія ихъ поверхности. Всѣ безъ исключенія издѣлія этого рода имѣютъ поверхность, покрытую обильно пещерною патиною.

3) Издѣлія костяныя принадлежатъ къ категоріи орудій и украшеній. Къ первымъ относятся шила (фиг. 4—9 табл. V) и лопатки (фиг. 24—26),

а ко вторымъ привѣски, выдѣланныя изъ клыка дикаго кабана (фиг. 12) и изъ зуба оленьяго (фиг. 13). Всѣ эти костяныя издѣлія выдѣланы отчасти изъ кости ископаемой (фиг. 5, 6, 9 и 24—26), а отчасти изъ кости животныхъ алувіальныхъ (фиг. 4, 7 и 8): оленя, козы, дикаго кабана и т. п. На поверхности всѣхъ костяныхъ издѣлій видна въ изобиліи пещерная патина, освѣщая не рѣдко и на поверхности обдѣланной *).

4) Издѣлія изъ рога оленьяго, весьма характеристичныя для этого пласта, состояли изъ большихъ молотовъ съ высверленными для насадки дырами и изъ черенковъ для кремневыхъ ножей. Изъ молотовъ одинъ найденъ въ состояніи цѣломъ и, какъ кажется, еще даже неоконченномъ (фиг. 1 табл. V): всѣ прочіе были болѣе или менѣе испорченные (фиг. 2, 10 а и в и 11). Черенки всѣ безъ исключенія были испорченные (фиг. 17—21). На одномъ изъ такихъ черенковъ (фиг. 19), видѣнъ способъ перешливанія оленьяго рога, а на двухъ другихъ (фиг. 17 и 18)—слѣды нарѣзовъ кремнемъ.

5) Издѣлія керамическія состояли изъ множества побитой глиняной посуды ручной выдѣлки и изъ нѣсколькихъ штукъ кружковъ, служащихъ, какъ кажется, предметомъ украшенія (фиг. 27 и 28 табл. V). Сосуды, коимъ принадлежало все множество найденныхъ обломковъ, имѣли тройную форму: горшковъ, кувшинъ и мисокъ. Выдѣланы они были вообще изъ глины достаточно хорошо подготовленной, а нѣкоторые изъ нихъ изъ весьма нѣжной. На поверхности своей сосуды эти были выдѣланы или гладко, или же украшены различною орнаментною грубою и болѣе нѣжною, углубленною и налѣпною или выпуклою. Характеръ этой орнаментики представляютъ экземпляры обломковъ, изображенныхъ на фигурахъ 1—16 таблицы VI.

6) Колотыя кости животныхъ находились въ пластѣ этомъ въ громадномъ количествѣ. Принадлежали они видамъ фауны исключительно современной (алувіальной). Изъ колотыхъ, пиленыхъ, рѣзанныхъ и рубленныхъ кусковъ этихъ костей опредѣлили я слѣдующіе виды животныхъ: быкъ (*Bos taurus*), лось (*Cervus alces*), олень (*C. elaphus*), данель (*C. dama*), коза скальная (*Antilope rupicapra*), коза домашняя (*Capra hircus*), овца (*Ovis aries*), дикій кабанъ (*Sus scrofa fer*), лисница (*Vulpes vulgaris* Gray), волкъ (*Canis lupus*), кошка домашняя (*Felis domest.*), кошка дикая (*F. catus*), бобръ (*Castor fiber*). Поверхность всѣхъ этихъ костей покрыта была обильно помянутою уже выше пещерною патиною.

Кромѣ исчисленныхъ предметовъ найдены еще были въ этомъ пластѣ

*) Между найденными издѣліями изъ кости, нѣкоторые находятся въ состояніи едва начатомъ, такъ что опредѣлить еще невозможно, что предполагалось изъ нихъ сдѣлать. Къ такимъ относится, между прочимъ, отломокъ позвоночной кости, съ одной стороны отшлифованный, изображенный на фиг. 15, два гуска кости нарѣзанной и шлифованной (фиг. 22 и 23) и два сланга, по всему вѣроятію оленіе (фиг. 14 и 16).

немногочисленные кости человеческія, которыя принадлежали четыремъ особямъ разнаго возраста и состояли изъ небольшихъ кусковъ точно тагъ-же колотыхъ, какъ и выше описанныя кости животныхъ.

Находка, наконецъ, самаго верхняго пласта *a* состояла уже изъ издѣлій металлическихъ (железныхъ), относящихся къ XI по XIII в. и изъ произведеній новѣйшаго гончарства того-же приблизительно времени. Такъ какъ находки этого рода къ предмету нашему не относятся, то я ни описывать, ни исчислять ихъ не буду, но обращаюсь къ сравненію описанныхъ уже двухъ находокъ, относящихся къ вѣку каменному.

Если теперь, ознакомившись уже съ составомъ и съ характеромъ описанныхъ выше находокъ, начнемъ мы сравнивать между собою каждый родъ описанныхъ издѣлій, происходящихъ изъ двухъ нижнихъ пластовъ этой пещеры, то нетрудно намъ, на первый же взглядъ, замѣтить весьма крупную между ними археологическую разницу. Не менѣе важную разницу замѣтимъ мы также и въ томъ случаѣ, если тѣ-же самыя находки станемъ сравнивать между собою и въ цѣлостномъ ихъ составѣ. Для большей ясности и большаго удобства при этомъ сравненіи постараемся выразить археологическій характеръ находокъ этихъ двухъ пластовъ посредствомъ формулированнаго сопоставленія ихъ состава по роду издѣлій. Въ такомъ случаѣ получимъ мы нижеслѣдующее:

Составъ находокъ.

Изъ пласта *c*.

Издѣлія кремневая, каменные, костяныя и изъ рога съвернаго оленя. Напльвныя кости ископаемыхъ животныхъ и кости человеческія.

Изъ пласта *b*.

Издѣлія кремневая, каменные, костяныя изъ рога оленя и керамическія. Колотыя кости фауны современной (алувіальной) и кости человеческія.

Издѣлія кремневая.

Ножи и сережки колотые, большіе, тяжелые, откола толстаго, преимущественно со вторичною обдѣлкою; малое количество нуклеевъ тоже тяжеловѣсныхъ. Слѣдовъ патины на нихъ нѣтъ.

Ножики колотые, мелкіе, легкіе, откола тонкаго, безъ вторичной обдѣлки; множество нуклеевъ и отколовъ тоже мелкихъ; поверхность ихъ покрыта обильно крѣпкою пещерною патиною.

Издѣлія каменныя.

Глыбы кварцитовыя съ поверхностью сглаженною, отъ тренія; песчанитъ для растиранія красокъ. Слѣдовъ патины нѣтъ.

Орудія шлифованныя: молотки, топорики, долота и т. п., оформленныя и обдѣланныя аккуратно; камни жерновые; плиты глаженныя и оселки песчаниковые. На поверхности видна обильная пещерная патина.

Издѣлія костяныя.

Оружіе: наконечники метательныхъ орудій и сулицы, выдѣланныя изъ кости ископаемой (реберъ мамонта, носорога и т. п. и изъ мамутѣваго бивня), гладкіе и украшенные орнаментикою нарѣзною, углубленною и выпуклою стилия архаическаго; шила и лопатки изъ кости тоже ископаемой. На поверхности видны мѣстамп дендриты, осѣвшіе иногда и на мѣстахъ обдѣланныхъ.

Шила, лопатки и украшенія изъ кости ископаемой и животныхъ фауны современной. На поверхности замѣтна мѣстами сохранившаяся пещерная патина.

Издѣлія изъ рога оленьяго.

Молоты и черенки для кремневыхъ ножей; поверхность покрыта во многихъ мѣстахъ пещерною патиною.

Издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя.

Издѣліе загадочнаго употребленія (волшебный жезлъ? *bâton de commandement?*).

Издѣлія керамическія.

Сосуды для домашняго употребленія ручной выдѣлки, украшенные орнаментикою и гладкіе; предметы украшеній (панделоки). Патина обильна.

Кости животныхъ.

Наплывшія кости животныхъ ископаемыхъ видовъ (мамонтъ, носорогъ,

Колотыя кости домашнихъ и лѣсныхъ животныхъ фауны алувіальной,

сѣв. олень, зубръ и т. п.), покрытыя дендритами, безъ слѣдовъ пещерной патины.

покрытыя обильною пещерною патиною, а иногда натековымъ известнякомъ. Мелкіе обломки костей ископаемыхъ.

Кости человѣческія

Обломки череповъ и другихъ костей, покрытыхъ дендритами.

Малое количество костей колотыхъ также точно, какъ и кости живогныхъ; также покрыты патиною.

Изъ приведеннаго нами сопоставленія общаго и частнаго характера нашихъ находокъ, очевиднымъ становится, что и по своему матеріалу, и по техникѣ, а наконецъ, и по формѣ составляющихъ ихъ издѣлій, находки эти разнятся между собою до такой степени, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть припяты за продуктъ культуры одновременной, но, напротивъ того, должны принадлежать несомнѣнно различнымъ эпохамъ развитія доисторическаго быта человѣка въ каменномъ вѣгѣ. Если, послѣ этого, поставимъ себѣ задачею разрѣшить вопросъ объ относительной древности этихъ двухъ находокъ, то въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе батрологическихъ условій ихъ залеганія въ двухъ нетронутыхъ и непосредственно другъ на другѣ лежащихъ пластахъ, вопросъ этотъ разрѣшится со всею точностью, ибо мы находку пласта нижняго (с) неоспоримо должны признать древнѣйшею противъ находки, содержимой пластомъ верхнимъ (б). Эту древнѣйшую находку пласта с я предлагаю опредѣлить названіемъ эпохи Машницкой, такъ какъ она въ пещерѣ Машницкой впервые была найдена въ столь разнообразномъ и характеристичномъ составѣ. Находку затѣмъ пласта б отношу я къ эпохѣ Сѣверно-Краковской на томъ основаніи, что характеръ ея состава совершенно сходствуетъ съ составомъ находокъ, добытыхъ по настоящее время изъ таковаго же пласта всѣхъ изслѣдованныхъ пещеръ сѣверныхъ окрестностей Кракова.

Остановившись пока на этомъ выводѣ относительно двухъ этихъ эпохъ, опредѣленныхъ изслѣдованіемъ пещеры Машницкой, обратимся теперь къ результатамъ изслѣдованій, произведенныхъ мною въ другой изъ поминутыхъ пещеръ.

Пещера «На-Лопянкахъ».

Пещера эта лежитъ въ ущелии с. Мошкова, отстоящаго на 10—12 километровъ на западъ отъ г. Кракова. Выступаетъ она въ тѣхъ самыхъ известковыхъ породахъ новѣйшихъ бѣло-юрскихъ отложеній, какъ и пещера предыдущая. Состоитъ она изъ одной большой камеры, около 12 метровъ длинны и

немного меньше наибольшей ея ширины, за которою слѣдуетъ узкій коридоръ, идущій въ лобномъ направленіи на протяженіи болѣе 20 метровъ. Фигура 2 таблицы I представляетъ продольно-отвѣсный разрѣзъ главной камеры этой пещеры, т. е. той ея части, въ которой найдены были самыя многочисленныя находки. (См. рис. 2).

Строеніе осадочныхъ отложеній этой части пещеры дѣлится здѣсь совершенно такъ, какъ и въ пещерѣ предыдущей, на три извѣстные уже намъ пласты: *a*, *b* и *c*, общая массивность которыхъ была здѣсь значительнѣе, ибо доходила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 5 метровъ въ толщину. Два нижніе пласта

(6 и с), въ литологическомъ отношеніи были совершенно аналогичны съ соотвѣствующими имъ пластами пещеры Машицкой; пластъ-же верхній (а) отличался только тѣмъ, что кромѣ известковаго щебни, заключалъ въ себѣ землястые наносы, состоящіе изъ тяжелыхъ, глинисто черноземныхъ наносовъ. Въ пластѣ этомъ, имѣющемъ 45 до 50 см. толщины, находились не многочисленные кости современныхъ намъ животныхъ (барсука, лисицы, зайца, волка, домашнихъ птицъ и т. п.), которыя, и по наружному своему виду, и по степени сохраненія костной ткани, указываютъ на то, что принадлежатъ онѣ или къ особямъ вымершимъ изъ числа нынѣ обитающихъ въ пещерахъ животныхъ, или-же втянуты сюда были хищными звѣрями. Изъ подвлокъ руки человѣка найдены были въ этомъ пластѣ издѣлія изъ бронзы и даже желѣзныя, относящіяся къ XI—XIII вѣкамъ; также остатки новѣйшаго гончарства: предметы, не входящіе въ область нынѣшнихъ нашихъ изслѣдованій. Углубляясь затѣмъ ниже подъ уровень этого верхняго пласта, въ слѣдующемъ за нимъ (б) начали показываться издѣлія кремневыя и костяныя. Первые состояли изъ ножиговъ, скребковъ и нуклеевъ, по виду, величинѣ и отколу совершенно сходныхъ съ такими-же издѣліями пласта б пещеры Машицкой, а вторые, — изъ шилъ, лопатокъ и предметовъ украшеній, похожихъ на такія-же издѣлія того-же Машицкаго пласта. Кромѣ, однако, тѣхъ предметовъ находились тутъ еще и другія неопредѣленнаго назначенія, фантастическихъ формъ мелкія издѣлія костяныя, служащія, быть можетъ, для украшеній, а наконецъ и представляющія формы человѣческія и разныхъ животныхъ. Вмѣстѣ съ этими предметами находилось множество небольшихъ глиняныхъ сосудовъ ручной лѣпной работы, которые и по формамъ своимъ, и по характеру ихъ орнаментики сходились тоже съ остатками известной уже намъ керамики пласта б пещеры Машицкой (см. табл. VI). Мѣстами замѣтны тутъ были также слѣды очаговъ, размѣщенныхъ на различныхъ уровняхъ пласта. Чѣмъ глубже слѣдовали въ этомъ пластѣ работы, тѣмъ болѣе количество этихъ разнородныхъ находокъ увеличивалось; наиболѣе-же ихъ найдено было въ срединной части пласта, гдѣ, кромѣ исчисленныхъ издѣлій, находились еще и издѣлія, похожія на помянутыя костяныя издѣлія фантастическія, но выдѣланныя изъ нашковаго известняка. Въ самой нижней части этого пласта, т. е. на полуметровой его глубинѣ двухъ метровъ отъ поверхности пещернаго наслоенія, найдены были также молоты изъ рога оленьяго, и каменные шлифованныя издѣлія, (молотки, долота, ляссы и т. п. и оселки).

Вся находка этаго пласта была чрезвычайно обильна. Ее составляли: почти три тысячи издѣлій изъ кремня, состоящихъ изъ ножиговъ, скребковъ, отколу и нуклеевъ, множество побитой глиняной посуды; десятка два каменныхъ шлифованныхъ орудій, безъ малаго полторы тысячи разнаго рода мелкихъ издѣлій костяныхъ, около сотни подобныхъ издѣлій изъ натековаго известняка и на-

конецъ молоты и черенки кремневыхъ ножей и т. п. издѣлія изъ оленьяго рога, а также украшенія, выдѣланныя изъ рѣчныхъ валуновъ (*Unia pictorum*). Всѣ эти предметы находились почти равномерно разсѣянными на всемъ пространствѣ пещеры. Никакого особаго ихъ скопленія замѣтно не было. Относительно только кремневыхъ отколовъ и нуклеевъ, а также относительно испорченныхъ каменныхъ и костяныхъ издѣлій можно сказать, что наибольшее ихъ количество сосредоточено было или у входа въ пещеру, или невдали отъ него, со стороны наружной.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на археологическій характеръ всей находки этого послѣдняго пласта, а также и на расположеніе въ немъ по горизонту издѣлій ее составляющихъ, то не трудно примѣтить, что издѣлія, наиболѣе отличающія известную уже намъ съверно-краковскую эпоху культуры каменнаго вѣка, именно: каменные шлифованныя издѣлія и молоты изъ рога оленьяго, находились въ пластѣ этомъ на наибольшей глубинѣ, гдѣ почивали они вмѣстѣ съ остатками керамики, и съ издѣліями костяными, свойственными той же самой эпохѣ. Выше за тѣмъ отъ нихъ, вмѣстѣ съ такою-же керамикою и съ такими-же кремнями и издѣліями костяными, появлялись во множествѣ совершенно новыя для насъ помянутыя выше мелкія костяныя издѣлія фантастическихъ формъ и такія-же издѣлія изъ натековаго известняка. Поэтому очевидно, что вся находка этого пласта состояла изъ продуктовъ культуры двухъ хронологически слѣдующихъ за собою эпохъ каменнаго вѣка: известной уже намъ съверно-краковской и другой, младшей отъ нея, которую, по мѣсту ея открытія въ этой пещерѣ, назовемъ мниковскою. Эта послѣдняя, хронологически самая младшая эпоха, по роду составляющихъ ее предметовъ, характеризуется, какъ видно изъ этой первой ея находки, содержаніемъ, кромѣ известныхъ уже намъ каменныхъ, кремневыхъ и керамическихъ издѣлій эпохи съверно-краковской, множествомъ еще мелкихъ издѣлій фантастическихъ формъ и весьма разнообразнаго но по большей части неизвѣстнаго намъ пока ихъ употребленія, выдѣланныхъ изъ кости животныхъ, кости ископаемой и изъ натековаго известняка. Фантастичность и разнообразіе этихъ предметовъ по отношенію къ формамъ представляется неисчерпаемымъ. Небольшое количество такихъ предметовъ, изображенныхъ на фигурахъ нашей таблицы VII, могутъ намъ дать весьма только слабое объ нихъ понятіе въ этомъ отношеніи. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мною другихъ пещеръ того-же мниковского ущелія найдено ихъ было еще большее количество, а между прочимъ и фигуры чело-вѣческія. тоже костяныя и известняковыя *), по техникѣ и формамъ своимъ

*) Описаны онѣ были мною въ Третьемъ отчетѣ моемъ по изслѣдованіямъ пещеръ Краковскаго округа (*Trzecié prawozdanie z bader antrop.—archeolog. w jaskiniach okolic Krakow*). помѣщенномъ въ изданіяхъ академіи наукъ въ Краковѣ: *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. т. VI, стр. 28, таблицы IV, фиг. 1—3 и т V, *1—3.

совершенно аналогичны съ фигурками куришгафскими изъ окрестностей Шварцорта выдѣланными изъ янтаря, описанными д-ромъ Клебсомъ *). Аналогію эту первый примѣнилъ и подробно изложилъ ея техническую характеристику Директоръ Кенигсбергскаго археологическаго музея д-ръ Тишлеръ въ сочиненіи своемъ: *Beiträge zur Kenntniss der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten* (v. Dr Otto Tischler **).

Въ третьемъ самомъ нижнемъ пластѣ (с) этой пещеры, не нашелъ я никакихъ слѣдовъ доисторическихъ издѣлій руки человѣческой.

Обращаясь теперь къ цѣлому ряду описанныхъ уже нами и изученныхъ находокъ, добытыхъ изъ обѣихъ помянутыхъ здѣсь пещеръ, съ цѣлью установить между этими находками ту хронологическую послѣдовательность, въ которой составляющія ихъ произведенія руки человѣческой появлялись въ постепенномъ развитіи доисторической культуры, мы безъ всякаго затрудненія можемъ теперь же указать на несомнѣнное обнаруженіе находокъ, принадлежащихъ къ тремъ ярусамъ или этажамъ культуры каменнаго вѣка, или принадлежащихъ къ тремъ различнымъ эпохамъ, именно: Машницкой, Сѣверно-Краковской и Мнпковской. Оставляя пока вопросъ о существованіи или отсутствіи между этими эпохами перерывовъ во времени, о которыхъ теперь еще ничего сказано, мы, на основаніи всего вышензложеннаго объ археологическомъ характерѣ издѣлій, можемъ свойственныя этимъ эпохамъ особенности резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1. Эпоха машницкая, самая древняя изъ открытыхъ въ центрально-восточной Европѣ, представляетъ слѣдующій составъ костяныхъ, кремневыхъ и каменныхъ издѣлій: наконечники метательныхъ орудій и сулицы выдѣланныя изъ кости исключительно ископаемой крупныхъ дилувіальныхъ (мамонта, носорога, лося и т. п. преимущественно изъ реберъ ихъ и мамонтоваго бивня, украшенныя орнаментикою особаго архаическаго стиля: лопатки полукруглыя и плоскія, имѣющія такого же рода украшенія и шпала, выдѣланныя тоже изъ кости исключительно ископаемой. Изъ рога сѣв. оленя являются издѣлія загадочныя (волшебный жезль? *baton de commandement*?). Орудія кремневая состоятъ изъ ножей и скребковъ значительной величины, откола толстаго и тяжелыхъ, съ часто встрѣчаемою на нихъ вторичною обивкою, придающаго имъ иногда извѣстную умышленную форму. Издѣ-

*) См. *Der Bernstein Schmuck der Steinzeit etc* D-r Richard Klebs, помѣщенное въ изданіяхъ *Physikalisch-ökonomischen gesell. zu Königsberg*, въ 1887 г.

**) См. *Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft*. Jahrg. XXIV. Königsberg. 1883, стр. 89.

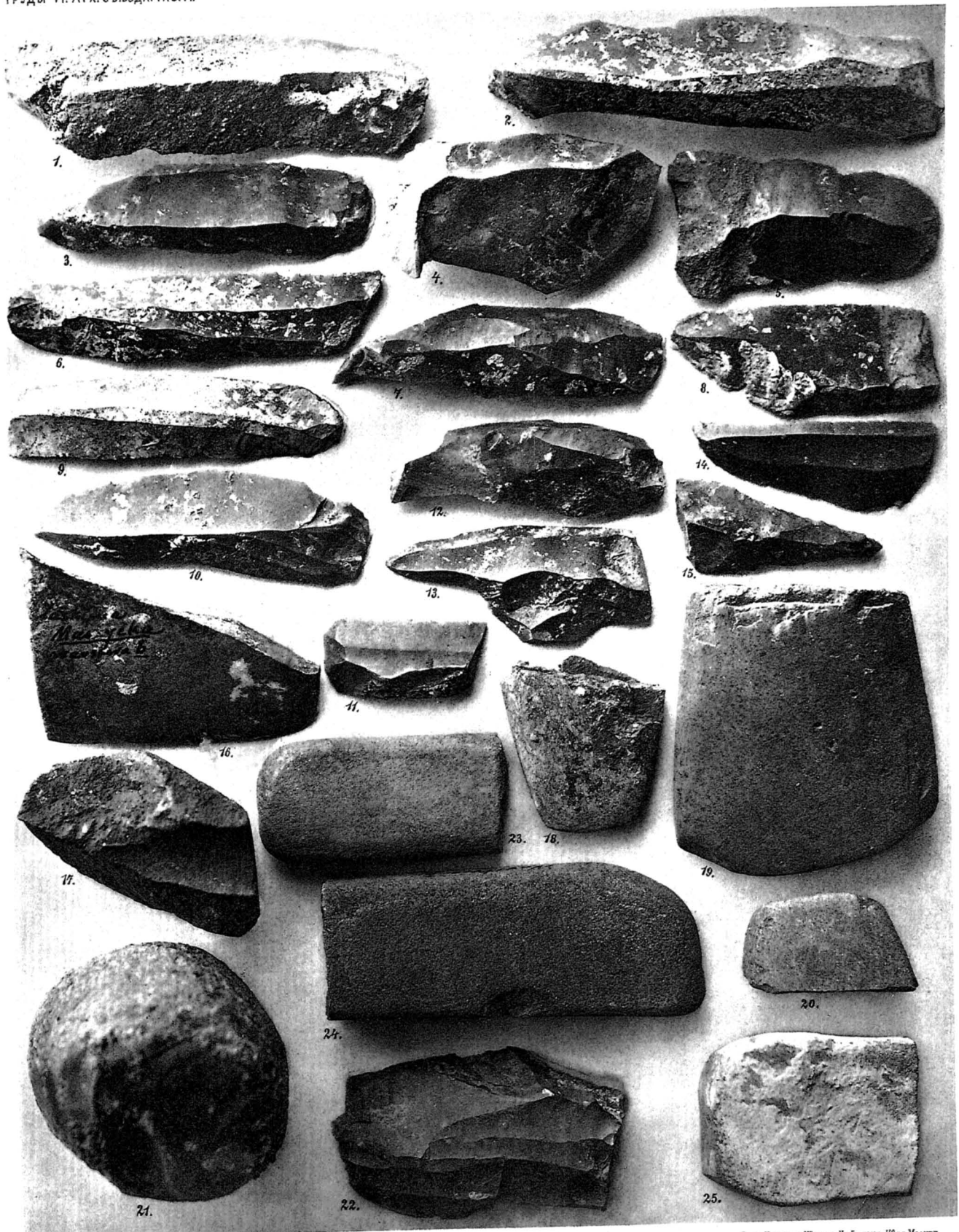

Фото Г. Гантвора Шерера, Наблюдатель № в Москвѣ.

лія каменныея проявляются въ видѣ глыбокъ изъ твердой каменной породы (кварцита), съ одной стороны сглаженныхъ треніемъ.

Кромѣ того, найдены слѣды естественной краски (лимонита) со слѣдами окрашиванія имъ издѣлій и пестикъ для растиранія этой краски, а также обломки человѣческихъ костей.

На всѣхъ издѣліяхъ этой эпохи нѣтъ слѣдовъ пещерной патины, а на поверхности костяныхъ издѣлій появляются весьма часто дендриты.

Между предметами, принадлежащими къ находкамъ этой эпохи, нѣкоторые весьма похожи, а иногда почти аналогичны съ издѣліями, причисляемыми нѣкоторыми французскими археологами къ эпохѣ мадленской (Magdalénien), какъ напримѣръ наконечники метательныхъ орудій и волшебный жезль, (?) (baton de commandement? *). Но и тѣ однако издѣлія сохраняютъ свойственный имъ мѣстный характеръ. Въ цѣлостномъ-же составѣ своемъ, вся находка этой эпохи весьма разнится отъ мадленской, какъ по археологическому характеру всего состава ея издѣлій, такъ, тѣмъ болѣе еще, и по геологическому своему вѣку, относящемуся къ образованіямъ современнымъ (алувиальнымъ **), вслѣдствіе чего и сравниваема съ нею ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

2. Эпоха съверпо-краковская, младшая отъ предыдущей, заключаетъ издѣлія костяныя, кремневые, каменные, рога оленьяго и керамику. Издѣлія ея кремневые, состояція изъ множества ножниковъ и скребковъ, отличаются въ противоположность такимъ-же предметамъ эпохи предыдущей тонкостью откола, мелкою величиною, легкостью и наконецъ тѣмъ, что вообще не подвержены онѣ вторичной обивкѣ. Изъ каменныхъ издѣлій выступаютъ здѣсь отлично оформленные и чистой шлифовки молотки, долота, топорики, лассо и т. п. предметы, выдѣланные изъ твердаго камня, и оселки. Весьма характеристичны для этой эпохи суть издѣлія изъ рога оленьяго: молоты и черенки для кремневыхъ ножей. Издѣлія костяныя состоятъ изъ шилъ, лопатокъ и предметовъ украшенія въ не особенно большомъ количествѣ, выдѣланныхъ отчасти изъ кости ископаемой, а отчасти животныхъ фауны алувиальной. Наконецъ выступаетъ здѣсь въ изобиліи керамика, состоящая изъ множества побитой посуды домашняго употребленія, ручной лѣпной работы, грубой и нѣжной, съ орнаментикою и безъ пей, и изъ небольшого количества предметовъ украшеній (большихъ глиняныхъ бусъ). На поверхности всѣхъ этихъ предметовъ видна въ изобиліи крѣпкая пещерная патина.

*) См. G. Mortillet, *Musée préhistorique*. Pl. XXV, fig. 181 и Pl. XXVI, fig. 192.

**) Кости животныхъ фауны алувиальной, найденныя въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ предметами человѣческой культуры этой находки, принадлежатъ, какъ мы уже сказали выше, къ дилувиуму на вторичномъ его ложѣ, слѣдовательно къ временамъ алувиальнымъ.

Находки этой эпохи въ пещерахъ сопровождаются очагами и замѣчательнымъ множествомъ кухонныхъ остатковъ, состоящихъ изъ колотыхъ костей домашнихъ и дѣсныхъ животныхъ, покрытыхъ тоже патиною.

Одиночные предметы этой эпохи сходствуютъ съ издѣліями разныхъ членовъ робенгаузенскаго періода, но въ цѣлостномъ составѣ находка имѣетъ свой самостоятельный характеръ и ни съ однимъ изъ этихъ членовъ не согласуется.

3. Эпоха мннговская, самая младшая изъ открытыхъ по настоящее время въ центральной и восточной Европѣ неолитическихъ эпохъ, отличается необыкновеннымъ изобиліемъ издѣлій самаго разнообразнаго употребленія, выдѣланныхъ изъ кости и натееваго известняка. Къ числу этихъ издѣлій относятся шила, лопатки или ножики, разнообразные предметы украшеній (панделоки) и наконецъ множество подѣлокъ фантастическихъ употребленія неизвѣтнаго, въ числѣ которыхъ встрѣчаются формы звѣриныя, птицы и фигурки человѣческія. Между прочимъ попадаются такіе-же предметы изъ крѣпко выжженной глины и панделоки изъ рѣчныхъ скоекъ (*Unio pictorum*).

Культура этой эпохи представляетъ собою, несомнѣнно, одинъ изъ членовъ того новѣйшаго неолитическаго отдѣла, который, по находкамъ происходящимъ изъ скальныхъ жилищъ верхней Франконіи описалъ Д-ръ Ранке подъ названіемъ *костянаго періода*¹⁾, но она показывается еще нѣсколько новѣйшею противъ верхнефраконской и приближается еще болѣе къ культурѣ издѣлій, найденныхъ въ пещерахъ ментонскихъ и описанныхъ г-мъ Шульце въ 1882 и 1883 годахъ²⁾.

Порядокъ размѣщенія находокъ этихъ трехъ эпохъ по горизонтамъ пещерныхъ отложений, съ показаніемъ согласованія съ пластами этихъ же отложений графически представляетъ здѣсь составленная мною ипжеслѣдующая таблица.

Оканчивая поставленный вопросъ, я полагаю, что предложенный мною здѣсь опытъ собственной, мѣстной хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка Россіи, представитъ въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ хронологическіе схематизмы, составленные по находкамъ весьма отдаленныхъ отъ Россіи странъ. Примѣненіе этого сравненія принадлежитъ, конечно, будущимъ трудамъ нашихъ археологовъ. Съ моей же стороны, заключая настоящій рефератъ, я позволю себѣ привести здѣсь только нѣкоторые одиночные примѣры такого хронологическаго сравненія, именно: къ наиболѣе древней, машицкой эпохѣ принадлежатъ несомнѣнно издѣлія, добытыя въ послѣднія времена изъ пещеры Гуденусовой, въ нижней Австріи, изслѣдованной

¹⁾ См. D-r J. Ranke. *Die Felsenwohnungen aus der jüngerer Steinzeit in der fränkischen Schweiz*. Bd. III. p. 206—230, Taf. IX—XVI.

²⁾ См. *Verhandlungen d. Berliner Ges. f. Anthrop., Ethnol. u. Urgesch.* Jahrg. 1882. Sitzung v. 21 October. S. 510—512, fig. 4—7 и о томъ же: Sitzung v. 24 Juli 1883. S. 404 bis 406. Fig. 1 und 8—11.

г-мъ Л. Гаккеромъ (L. Haecker), и описанныя имъ въ статьѣ Die Gudenis-Höhle ¹⁾. Предметы наиболѣе типичныя этой находки изображены на фигурахъ 21—24 этой статьи (стр. 150). Въ предѣлахъ Россіи, къ той же Машицкой эпохѣ относится большинство издѣлій, добытыхъ г-мъ Завишею изъ пещеры Мамонтовой въ с. Вържовѣ (г. Кѣльцкан, уѣздъ Олькушскій) ²⁾ и проф. д-мъ Ромеромъ, въ нѣсколькихъ пещерахъ окрестностей Ойцова въ той же губерніи ³⁾. Къ эпохѣ сѣверно-краковской принадлежатъ всѣ добычи изъ пещеръ, находящихся къ сѣверу отъ Кракова, на самой границѣ съ губерніей Кѣлецкою. Наконецъ, къ самой младшей, Мышковской эпохѣ отношу я все множество издѣлій изъ янтара, описанныхъ д-мъ Р. Клебсомъ изъ окрестности Шварцорта (*Schwarzort in Ost-Preussen* ⁴⁾). Въ предѣлахъ же Россіи относятся къ той же эпохѣ костяныя издѣлія находки, добытой гр. К. Г. Сиверсомъ въ 1875 году въ окрестностяхъ Буртнискскаго озера (*Burtneck. see*) въ Лифляндіи ⁵⁾.

¹⁾ См. *Mittheilungen d. Anthropolog. Gesellschaft in Wien. XIV Band (d. neuen Folge W B), II und III Heft, S. 145.*

²⁾ Предметы этой находки были описаны Г. Завишею въ изданіи *Wiadomości archeologiczne* (археологическія извѣстія), Т. II стр. 5, таблицъ 12-ть; Т. III, стр. 125, Т. VII и IV, стр. 1. т. I—III, а также въ *Mémoires de la Soc. d'Anthropol. de Paris. T. I. 2-me serie. Pl. XII—XIV, p. 439—447*, статья: *La caverne de Mamouth en Pologne.*

³⁾ См. F. Römer. *Die Knochenhöhlen von Ojcow in Polen Paleontographica. Cassel XXIX. B.;* таблицъ 12.

⁴⁾ См. D-r R. Klebs. *Der Bernsteinschmuck der Steinzeit etc. (Beiträge zur Naturkunde Preussen. Schriften d. Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg V. 1882),* таблицъ 12.

⁵⁾ См. *Ausgrabung des Rinnhügels am Burtneck-see (Livld) Verhandlungen d. Berlin. Gesell. f. Antrop. Ethnol. und Urgesch. Jahrg. 1875. Sitz. 16 October. S 14. Taf XIV).*

ХРОНОЛОГИЧЕ

Строения и содержания пещерных напластований въ пещерахъ, изслѣ

Геологическій характеръ пещерныхъ отложений.

Огла- вованіи	Пла- сты.	Признаки литологическіе	Мощ- ности
Я Н Ы	Пласть а	<p>Подъ верхнимъ щебнемъ и подъ глыбами известняковыми, происходящими отъ вывѣтриванія свода и стѣнъ пещеры и покрывающими собою поверхность пещерныхъ отложений, слѣдуетъ ниже:</p> <p>Плотные, черноземно-глинистые наносы, содержащіе примѣсь мелкаго щебня и значительной величины глыбъ, происходятъ отъ вывѣтриванія свода пещеры.</p> <p>Примѣчаніе 1-ое. Осадки эти образуютъ тонкую оболочку осадковъ, слѣдующихъ за ними глубже, и содержатъ кости современныхъ намъ домашнихъ птицъ (куроца, гусь и т. п.), или же нѣкъ обитающихъ въ пещерахъ животныхъ (барсука, лисицы, мышей, крота и т. п.), и наконецъ кости вынутыя хищными звѣрями.</p> <p>Примѣчаніе 2-ое. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, въ слѣдствіе продолжительнаго существованія пещеры въ состояніи сухомъ, осадковъ земныхъ въ ней не существуетъ, тогда эквивалентомъ ихъ служатъ щебень и глыбы известняковыя и вмѣстѣ съ такимъ же продуктомъ верхнимъ составляютъ съ нимъ одинъ щебенный пластъ.</p>	0,15—0,20 а иногда и до 0,30 м.
Л В И А Л Ь	Пласть б.	<p>Глинистый черноземъ угольно-чернаго цвѣта, образующій у входа въ пещеру почти чистый гумусъ, а дальше, къ концу пещеры, въ слѣдствіе большаго относительнаго содержанія въ немъ глинистыхъ частицъ, перенстощается постепенно въ осадокъ темно-бураго цвѣта, переполненный скальнымъ щебнемъ вывѣтривавшагося свода пещеры.</p> <p>Примѣсь этихъ осадковъ составляютъ содержащія въ немъ въ небольшомъ количествѣ малые и къ опредѣленію видовъ животныхъ непригодные обломки костей ископаемыхъ; въ большинствѣ же случаевъ выступаютъ здѣсь колотыя кости домашнихъ и дѣсныхъ животныхъ фауны алувиальной, почти намъ современной (волъ, олень, коза черная, дикій кабанъ, сѣрый медвѣдь и т. п.), являющіеся здѣсь какъ продуктъ кухонныхъ остатковъ доисторическихъ временъ. Иногда встрѣчаются тоже и кости человѣческія колотыя плъ-же въ состояніи обдѣланномъ на издѣліе.</p> <p>Примѣчаніе. Въ пещерахъ лежащихъ въ низу самыхъ долинъ и въ случаѣ отсутствія въ нихъ пласта нижняго (с), въ основаніи этихъ осадковъ лежатъ рѣчные пески, заключающіе спорыны современныхъ намъ <i>Unio pictorum</i>.</p>	1,00—1,50, а исключит. 4,00—5,00 м.
А Л У	Пласть с	<p>Осадки глинистые свѣтлаго, сѣро-желтаго цвѣта, заключающіе въ себѣ примѣсь растительной почвы. Внутри пещеры пластъ этотъ принимаетъ цвѣтъ желто или темно-бурый. Наполняетъ его изобильный щебень вывѣтривавшагося свода пещеры, крѣпко сплоченный въ видѣ однослойной почти скалы. Осадки эти заключаютъ небольшое количество наплывшихъ малыхъ эратическихъ валуновъ и многочисленныя наплывныя кости ископаемыя, между которыми находятся обыкновенно: <i>Elephas primigenius</i>, <i>Rhinoceros tichorhinus</i>, <i>Cervus tarandus</i>, <i>Ursus spelaeus</i> (въ чрезвычайномъ множествѣ), <i>Cervus elathus</i>, <i>Equus caballus foss.</i>, <i>Bos priscus</i>, <i>Corvus alles</i>; рѣже встрѣчаются, — <i>Hyena spelaea</i>, <i>Antilope rupicapra</i>, <i>Vulpes vulgaris</i>, <i>Vulpes lagopus</i>, <i>Canis spelaeus</i>, <i>Sus scrofa fer.</i>; весьма же рѣдко встрѣчаются <i>Bos primigenius</i>, <i>Antilope Saiga</i>, <i>Ovibus moschatus</i>, <i>Cervus canadensis</i>. <i>Ursus ovatos</i>. При этомъ попадаются обломки костей человѣческихъ.</p> <p>Примѣчаніе. Въ пещерахъ лежащихъ въ низу самыхъ долинъ подъ этимъ пластомъ лежатъ иногда рѣчные алувиальные пески заключающіе <i>Unio pictorum</i></p>	1,20-1,50 м. а иногда и гораздо болѣе

СБАЯ ТАБЛИЦА.

дованныхъ въ окрестностяхъ Ойцова (Кълецкая губ.) и Кракова.

Археологическое содержаніе пещерныхъ напластованій.

Періодъ	Эпоха	Признаки археологическіе
Железный		
Бронзовый		
Неолитическій (новокаменный).	Мниковская	Замѣчательное множество самыхъ разнообразныхъ издѣлій изъ кости животныхъ и отчасти изъ кости ископаемой, а исключительно изъ кости человѣческой представляющихъ орудія для домашнихъ работъ (шила, лопатки, вилы, ножи и т. п.), предметы украшеній (панделюки), подражанія формамъ существующимъ въ природѣ животнымъ, птичьимъ и человѣческимъ (фигурки), множество предметовъ формъ фантастическихъ употребленія неизвѣстнаго и такого же самаго рода издѣлія, выдѣланныя изъ патековаго известняка; большое множество колотыхъ орудій кремневыхъ (ножей и скребковъ) не подверженныхъ обивкѣ вторичной, со множествомъ отколовъ и нуклеевъ; значительное количество побитой глиняной посуды ручной выдѣлки съ орнаментикою и безъ нея: панделюки изъ <i>Unio pictorum</i> ; очаги и колотыя кости животныхъ. Попадаются при этомъ шлифованныя каменные орудія и подѣлки изъ рога оленьяго.
	С-рю Краковская	Каменные шлифованныя орудія (молотки, топорки, долота и т. п.); камни жерновые; значительное количество тонко колотыхъ мелкихъ и легкихъ орудій кремневыхъ (ножей и скребковъ, иногда пилы) вмѣстѣ съ отколами и нуклеями; шила, лопатки и предметы украшеній (панделюки) выдѣланныя отчасти изъ кости домашнихъ животныхъ а отчасти изъ кости ископаемой. Молоты изъ оленьяго рога; замѣчательное множество посуды изъ глины ручной выдѣлки, грубой и нѣжной, гладкой и орнаментированной; множество колотыхъ костей домашнихъ и дѣсныхъ животныхъ; мѣстамъ очаги значительной иногда толщины; незначительное количество костей человѣческихъ. Поверхность издѣлій покрыта пещерною патиною.
	Машицкая	Наконечники метательныхъ орудій и сулицы, выдѣланныя исключительно изъ кости ископаемой большихъ исчезнувшихъ видовъ (мамонта, носорога и т. п.) и изъ кости слоновой (изъ бивня мамонта), обработки гладкой и украшенные орнаментикою стиля арханческаго: шила и лопатки тоже украшенныя и изъ такой же ископаемой кости; издѣлія изъ рога сѣв. оленя (волшебный жезлъ (?), balon de commandement (?), ножи и скребки кремневые, тяжелые, откола толстаго, значительной величины и по преимуществу подверженные вторичной обивкѣ; нуклеи тоже большіе; глыбки твердыхъ камней (кварцитовъ) глаженныя; пестики и слѣды минеральной краски (лимонита) и употребленія оной; остатки костей человѣческихъ. Поверхность предметовъ не имѣетъ слѣдовъ пещерной патины, а на поверхности издѣлій и предметовъ костяныхъ являются въ небольшомъ количествѣ дендриты. Слѣдовъ керамики и очаговъ по настоящее время не замѣчено.

Объяснение таблицъ.

Таблица въ текстѣ

- Фиг. 1. Продольно отвѣсный разрѣзъ пещеры Машницкой. *J.J.J.* Скала юрскаго известняка содержащая пещеру. — *W.* Входъ въ пещеру.—*A.* Первая камера пещеры.—*B.* Вторая камера пещеры. — *c.* Дальнѣйшее продолженіе пещеры въ видѣ узкаго канала.—*O^I*, *O^{II}*, *O^{III}*, Скальные щелины въ видѣ отверстій вверхъ. *a*, *b*, *c.*—Пласты пещернаго наноса. *g.*— Глыба отвалившаяся отъ свода пещеры. *k.*—Глыбы отпавшія отъ поверхности скальнаго обнаженія. *r.*—Растительная почва.
- Фиг. 2. Продольно отвѣсный разрѣзъ пещеры На-Лопянкахъ. *J.J.J.* Скала юрскаго известняка, содержащая пещеру. *W.* Входъ въ пещеру. *A.* Главная камера пещеры. *O.* Скальная щелина, идущая вверхъ. *k.* Часть скалы, отпавшая отъ поверхности скальнаго обнаженія. *a*, *b*, *c.* Пласты пещернаго наноса. *n.* Осыпь сверху.

Таблица II.

Изъ пещеры Машницкой (пластъ *c*; величина= $\frac{1}{4}$).

- Фиг. 1—20. Издѣлія кремневыя (ножики и скребки), различныхъ формъ и величины.
- Фиг. 30—34. Шила изъ кости ископаемой различной величины.
- Фиг. 35—38. Лопатки плоскія, изъ такой-же кости, гладкія (38) и съ орнаментикою (35—37).
- Фиг. 39. Лопатки полукруглыя въ неоконченномъ видѣ.
- Фиг. 40—42. Такия-же лопатки цѣльныя (41а и 41b) и испорченныя (40 и 42).
- Фиг. 43. Лопатки формы произвольной. Всѣ предметы, на этой таблицѣ изображенные, добыты изъ пласта *c* пещеры Машницкой и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Таблица III (тоже).

- Фиг. 1—12. Наконечники метательныхъ орудій цѣльные и испорченные, выдѣланные изъ реберъ ископаемыхъ животныхъ.
- Фиг. 13 а и б. Двѣ части одной сулицы, выдѣланной изъ ребра мамонта.
- Фиг. 14 и 15. Сулицы, выдѣланныя изъ мамонтоваго бивня.
- Фиг. 16 и 17. Передніе коцы сулицъ, выдѣланныя изъ реберъ ископаемыхъ животныхъ, украшенныя орнаментикою.
- Фиг. 18. Задній конецъ большой сулицы.
- Фиг. 19. Часть сулицы съ орнаментикою.
- Фиг. 20. Издѣліе загадочное (волшебный жезль (?); *baton de commandement* (?).
- Фиг. 21. Кусокъ пленной кости.
- Фиг. 22. Брусъ изъ мамонтоваго бивня. Всѣ предметы, на этой таблицѣ изображенные добыты изъ пласта *c* пещеры Машницкой и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Таблица IV (пласть 6).

- Фиг. 1—14. Издѣлія кремневыя различныхъ формъ и величины безъ вторичной обивки.
 Фиг. 15. Кремневый ножикъ со слѣдами вторичной обивки.
 Фиг. 16—20. Издѣлія каменныя шлифованныя въ испорченномъ видѣ.
 Фиг. 21. Кремневый пестикъ (*percuteur*).
 Фиг. 22. Кремневый пуклей.
 Фиг. 23—25. Песчаниковыя оселки для шлифованія костяныхъ издѣлій. Всѣ предметы, на этой таблицѣ изображенные, добыты изъ пласта 6 пещеры Машницкой и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Таблица V (тоже).

- Фиг. 1 и 2. Молоты изъ рога оленьяго двухъ видовъ.
 Фиг. 3. Остатокъ пережеженного издѣлія изъ рога оленьяго.
 Фиг. 4—9. Шила, выдѣланныя изъ кости ископаемой (5, 6 и 9) и изъ кости животныхъ алувіяльныхъ (4, 7 и 8).
 Фиг. 20 а и б. Двѣ части одного молота изъ рога оленьяго.
 Фиг. 11. Часть такого же молота.
 Фиг. 12. Панделокъ изъ зуба оленя.
 Фиг. 13. Тоже, изъ клыка дикаго кабана.
 Фиг. 14—16. Издѣлія, начатыя изъ фаланговъ оленя (14 и 16) и изъ vertebra домашняго животнаго.
 Фиг. 17—21. Черенки отъ кремневыхъ ножей изъ рога оленьяго, различныхъ видовъ и величины.
 Фиг. 22. Часть издѣлія неизвѣстнаго, пережеженного.
 Фиг. 23. Часть издѣлія неоконченнаго или откинутаго.
 Фиг. 24—26. Лопатки изъ кости ископаемой.
 Фиг. 27 и 28. Украшенія (бусы) изъ жженой глины. Всѣ предметы, на этой таблицѣ изображенные, добыты изъ пласта 6 пещеры Машницкой и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Таблица VI (тоже).

- Фиг. 1—18. Обломки керамическихъ издѣлій съ орнаментикою. Всѣ предметы, на этой таблицѣ изображенные, добыты изъ пласта 6 пещеры Машницкой и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Таблица VII.

- Фиг. 1—40. Разнородныя издѣлія, выдѣланныя изъ натековаго известняка, предметы украшеній (панделоки и т. п.) и употребленія неизвѣстнаго. Предметы эти происходятъ изъ пласта 6 пещеры На-Лопанкахъ и хранятся въ археологическомъ музеѣ Академіи наукъ въ Краковѣ.

Орнаментация древняго гончарства.

Кн. П. А. Путькина.

Объ орнаментации древняго гончарства; геометрической орнаментъ: его существованіе на рѣзныхъ рисункахъ палеолитической эпохи и послѣдующее вліяніе на образованіе нумерацій (бирки), буквъ и знаковъ собственности.

Въ числѣ первобытныхъ древностей, представляющихъ собою интересъ въ археологическомъ отношеніи, обращаютъ на себя особое вниманіе издѣлія нашего древняго гончарства. Не желая, впрочемъ, вдаваться въ подробности своего изслѣдованія гончарства каменнаго періода, я займусь только коренными, практическими формами его орнамента. По моему убѣжденію, геометрической орнаментъ положилъ начало не только однимъ начертаніямъ на твердыхъ матеріалахъ, т. е. камнѣ, кости, деревѣ, но и рѣзамъ на болѣе мягкихъ: кожѣ, древесной корѣ и т. п., изъ которыхъ у разныхъ народовъ выдающееся значеніе возымѣли отпечатки и узоры, произведенные на кромкахъ, стѣнкахъ, ручкахъ, днищахъ и крышкахъ глиняныхъ сосудовъ въ неолитической періодъ. Подтвержденіе этой мысли можно найти у профессора Іенскаго университета Клопплейша. Онъ въ первомъ выпускѣ „Vorgeschichtliche Alterthümer der Prov. Sachsen“ старается исполнѣ логично провести слѣдующее положеніе: «первобытный человѣкъ вслѣдствіе развитія гончарства получалъ въ глиниѣ болѣе способный для рисунковъ матеріалъ». Этотъ матеріалъ чрезвычайно удобный и гораздо меньше требовалъ усилій для рѣзей, чѣмъ твердый, какъ-то: камень, кость и пр. Черезъ подобную доступность онъ развивалъ въ массѣ вкусъ, способствуя къ воспроизведенію различныхъ орнаментовъ, а также усиливалъ движеніе въ области пиктографіи и идеографіи. Ваяніе, живопись, архитектурныя отдѣлки, изображенія звѣздныхъ пространствъ, даже самыя основы цифръ и письменныхъ знаковъ какъ-бы связуются съ начальными эстетическими попытками древнихъ гончаровъ и первичныя начертанія съ кости и дерева въ большинствѣ случаевъ переносятся на глиняныя произведенія. У нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, какъ напримѣръ: у Египтянъ и Китайцевъ грамотѣи еще долго записывались письменами на камнѣ. Алфавитъ этихъ народовъ представляетъ собою изображенія человѣка, животныхъ и ихъ движенія, тогда какъ первичная пиктографія другихъ народовъ въ современной имъ эпохѣ, вѣроятно, обуславливалась начертаніями общедоступныхъ геометри-

ческих знаковъ. Даже замкнутая письменность древнѣйшихъ іероглифовъ Египта не могла уклониться отъ простыхъ пиктографическихъ условій, и въ ней встрѣчаются начертанія, схожія съ рѣзами орнаментовъ гончарства. Эти простые украшенія, по моему мнѣнію, возникли по большей части изъ практическихъ манипуляцій при выдѣлкѣ сосудовъ.

Вопросъ о возникновеніи письменныхъ знаковъ далеко не выясненъ, хотя дальнѣйшія изслѣдованія археологовъ въ области палеоэтнологіи, нужно надѣяться, современемъ обѣщаютъ указать основы ихъ. Многіе изъ лингвистовъ придерживаются того мнѣнія, что въ началѣ человѣкъ, для выраженія своихъ идей графически, бралъ образцы съ себя, съ своихъ движеній и съ окружающей его природы. Эти-то начертанія, по ихъ личному взгляду, и привели къ идеографизму, высшія проявленія котораго мы встрѣчаемъ въ іероглифахъ Китая и Мексики. Эта идея, по моему мнѣнію, точно также невѣрна, какъ идея воспроизведенныхъ вообще орнаментовъ отъ падающихъ снѣжинокъ. Мы находимъ орнаменты гончарства одинаковые съ нашими напр. у такихъ народовъ, которые о снѣгѣ не имѣютъ никакого представленія *). Разсматривая находки археологовъ въ области первобытныхъ древностей, я нахожу, что хотя изъ палеолитической эпохи Солютры и найдены изображенія Cervidae (оленей) и даже руки человѣка съ 4 пальцами **), но это были только простые рисунки, тогда какъ практическія очертанія орудій геометрически и симметрично отдѣляются и типы Шель и Мустье улучшаются. Правда, слѣдовъ особеннаго украшенія на нихъ нѣтъ, но зато на нихъ можно видѣть выбивныя ямки. Эти чашечки нѣкоторые принимаютъ за знаки собственности ***), другіе-же въ подобныхъ лункахъ видятъ вмѣстилище для токсическихъ субстанцій. Въ эпоху Magdaleine искусство начертаній получаетъ еще большее значеніе. Въ эту эпоху, кромѣ изображеній людей, мамонта, оленей, лошадей, быковъ (Aurochs), найденныхъ во Франціи ****), кромѣ изображеній полярной лисицы *ovibos moschatus*, бурого медвѣдя

*) Смотри рисунки веревочнаго орнамента на сосудахъ неолитической эпохи съ мыса «Доброй Надежды», помѣщенные въ Voll.: XI № 1-й 8 II. The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Auguste, November 1881. Gorbis IV. D. Gooch Esq. C. E. M. A. I. The stone age of South Africa.

**) Musée préhistorique de Mortillet, pl. XIX fig. 125 и 126.

***) Въ книгѣ «Доисторическій человѣкъ» J. Lubbock'a есть рисунки стрѣлъ, найденныхъ въ Nudam въ Даніи и принадлежащихъ вѣроятно III-му вѣку. На этихъ стрѣлахъ видны рѣзы чашечекъ, мельницобразныя скрѣпы, ущербобразныя рѣзы, прямыя черты, полупораболы, открытые треугольники и пр. и пр. Лэббокъ находитъ въ этихъ знакахъ сходство съ знаками собственности эскимосовъ.

****) Musée préhistorique de Mortillet, pl. XXIII fig. 158, pl. XXVI fig. 191, 192, 197, pl. XXV fig. 182, 195, pl. XXVII fig. 205, 204, 203, 201, 200, 202, 196, 199, pl. XXIII fig. 206, 208, 212, 210, 211, 209, 207.

и пр., найденныхъ въ пещерѣ Thaginieen и описанныхъ Рютимейеромъ*), кромѣ нѣкоторыхъ попытокъ къ воспроизведенію орнаментовъ, найдены еще кости съ насѣчками, которыя Mortillet называетъ значками охоты**). Напримѣръ въ Кро-Мальонѣ найдены пластинки съ подобными рѣзьями не только по краямъ, но и съ многочисленными кружечками на одной изъ плоскостей. Подобные имъ значки охоты находились и въ Россіи***). Мнѣ кажется, гораздо логичнѣе думать, что первыя попытки передачи мыслей графически были разныя системы нумерацій, которыя впоследствии и натолкнули человѣка на письменность. Ленорманъ въ статьѣ «пиктографія» говоритъ о насѣчкахъ, какъ о мнемоническомъ выраженіи. Насѣчки дѣлались на корѣ, костяхъ, камняхъ, рѣзались на планшеткахъ, рисовались на кожѣ или большихъ сухихъ листьяхъ, составляя условно-принятыя знаки, обыкновенно фигуративныя. Такими были татарскіе кхе-му (khe-mou). Въ нѣмецкомъ словѣ Buchstabъ первичный смыслъ палка-книга. У скандинавовъ параллельное слово bok-statir означаетъ до сихъ поръ прутья, на которомъ вырѣзываются таинственные знаки. Тацитъ, говоря о германцахъ, упоминаетъ, что они употребляли обломки фруктовыхъ деревьевъ для гаданій, а Евстафій, что древніе по образцу египтянъ рисовали, какъ іероглифы, животныхъ и другія фигуры, чтобы означать то, что они хотѣли высказать такимъ способомъ, какъ позднѣе скиены означали желаемое, чертя или вырѣзая на дощечкахъ изъ дерева нѣкоторыя изображенія или различныя линейныя рѣзы. Разбирая слова Евстафія, который ясно дѣлитъ различныя іероглифическія изображенія съ примѣсью одушевленныхъ предметовъ отъ рядолинейныхъ рѣзей геометрическаго характера, мы сталкиваемся какъ бы съ двумя различными способами письменности съ іероглифическими чертами и рядолинейными рѣзьями. Рядолинейная грамота скиеновъ, вѣроятно, напоминала нѣкоторыя буквы другихъ геометрическихъ алфавитовъ, какъ напримѣръ: огамъ, футоркъ, руны****), древній нумидійскій, индійскій асока, іоканитскіе сафа и сабеанъ, этрусскій и пр. и пр. Какъ я уже упомянулъ, въ іероглифахъ Египта, равно и древне-еврейскихъ письменахъ есть тоже многія геометрическія рѣзы; слѣдовательно, если по словамъ Евстафія, древніе и употребляли изображенія, сходныя съ египетскими, то это сходство, нужно думать, существовало потому, что они по большей части вхо-

*) 8-я часть Archiv für Anthropologie 1875 г. находки въ Thuamien близъ Шаагаузена.

**) Musée préhistorique, pl. XXII fig. 153, 154.

***) Гр. А. С. Уваровъ, Каменный вѣкъ Россіи, въ таблицѣ 42-й II части, рисунокъ 1808-й, изображаетъ кость голенистой птицы съ зазубринами по краямъ. У меня также была найдена на мысу Бологовскаго озера кость лисицы съ нѣсколькими поперечными надрѣзами. Она въ настоящее время помѣщена за № 849 во II-мъ залѣ Императорскаго Историческаго Московскаго музея.

****) Ист-руны, лаго-руны, сѣверныя руны англо-саксонскія, маркоманскія и пр.

дили въ однородныя общедоступныя рѣзи гончарнаго начальнаго орнамента, изъ котораго и сами египтяне оставили часть для своихъ іероглифовъ, тѣмъ болѣе, что орнаменты гончарства неолитическаго періода практиковались гораздо ранѣе возникновенія какой-либо опредѣленной письменности.

Въ Россіи въ нѣкоторыхъ деревняхъ до сихъ поръ производится счетъ рѣзями, сдѣланными на небольшихъ деревянныхъ палочкахъ, называемыхъ бирками *). Въ разныхъ мѣстностяхъ эти рѣзи въ счетахъ и въ нѣкоторыхъ очертаніяхъ разнятся другъ отъ друга, вслѣдствіе искаженій, произведенныхъ временемъ и людьми, а иногда и отъ того, что этотъ счетъ происходитъ отъ различныхъ народовъ. Ориентируясь, сколь возможно, въ сферѣ этихъ рѣзей, я назову только слѣдующія три особи: 1-я Тверская, въ которой счетъ обозначается такимъ образомъ **) I II V V X XXV ∞ ∞ ∞ Ж. Кромѣ бирокъ

1 2 3 5 10 25 50 100 500 1000

Тверской губерніи еще существуютъ, такъ называемыя цифры безграмотныхъ крестьянъ. Они по большей части практикуются на стѣнахъ амбаровъ и по нимъ ведется счетъ хлѣба въ закромахъ. Въ этомъ счетѣ есть разница съ бирками въ слѣдующемъ: 50 обозначается полукругомъ (лунка) ∞; 100 кругомъ (солнце, колесо) ⊗; тогда какъ въ биркахъ схожимъ съ этимъ знакомъ обозначается не 100, а 50; 500 — воротами безъ мельницеобразной скрѣпы бирокъ (крестикъ) ⊏; 1000 — четырехугольникомъ (поле, камень) □ вмѣсто двухъ положенныхъ одна на другую мельницеобразныхъ бирочныхъ скрѣпъ; 3 — обозначается просто тремя черточками III, тогда какъ въ биркахъ три сходно съ изображеніемъ наконечника стрѣлы (tig runъ) V.

Эти тверскія начертанія бирокъ и хлѣбный счетъ болѣе другихъ подходятъ къ орнаментамъ нашего гончарства и если принять въ расчетъ, что большинство каменныхъ орудій нашей мѣстности выработано изъ заноснаго матеріала, вырытаго изъ известняковъ въ Тверской губерніи, то понятна будетъ подобная аналогичность.

Во 2-й особи Псковской, напоминающей огамъ и 3-й Новгородской, сходной болѣе съ сѣверными рунами, чѣмъ съ нумидійскимъ и др. алфавитами, счетъ ведется такъ: 2) Псковской счетъ I II # # V VI VII V# V# X / \

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 100 1000

3) Новгородскій счетъ I † † † / † † † X. Въ послѣднемъ счетѣ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

10 одинаково съ Тверскимъ. Что-же касается до рѣзи 5, то хотя она и носитъ

*) Происхожденіе слова «бирка» отъ санскритскаго bhṛ, zendское bēgъ вырѣзывать, рубить. Отъ него славянскія: брати и бороти; русское—братъ-брань. Съ ними связано слово береза, нѣмецкое bircha, birke.

**) Рѣзи бирки сдѣланы 111-ти лѣтнимъ старикомъ Савеліемъ Сидоровымъ Вышневолоцкаго уѣзда, деревни Медаждово.

название «косынки», которое подходит къ Тверскому, но въ начертаніяхъ съ ней разнится, представляя изъ себя одну косую линію. Первичные знаки нумерацій въслѣдствіи вошли во многія письменности. Подобное мы видимъ у валійскихъ бардовъ: у нихъ рунической шрифтъ, называемый Coelbrenybeirdd, (слово Coelbren означаетъ палочку съ значками) состоитъ изъ 16-ти знаковъ, которые въѣсть съ тѣмъ обозначаютъ и числа *)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Λ	J	I	L	◇	W	Γ	F	<	C	↑	>	И	K	H	V
a	e	i	o	b	m	p	f	k	g	t	d	n	l	r	c

Цифровыхъ знаковъ, введенныхъ въ алфавитъ, держались многіе древніе народы. Эта манера была принята евреями, затѣмъ финиціянами, греками, кочами, армянами, славянами въ ихъ кириллицѣ и глаголицѣ и народами Индіи въ ихъ десятичной системѣ.

Можно очень ясно представить себѣ картину первичнаго зачатка цифръ и письменныхъ знаковъ у разныхъ народовъ. Напримѣръ какой-нибудь нововводитель желаетъ въ своемъ племени устроить нумерацію или развитіе грамотности; что ему остается дѣлать? Разумѣется, онъ выбираетъ тѣ чертанія, которыя извѣстны его племени, будь это орнаменты гончарства или знаки собственности на днищахъ сосудовъ. Для него все это безразлично. Одно только важно, чтобы племя его могло легче запоминать знаки и имѣло практику въ ихъ рисовкѣ. Относительно-же того обстоятельства, будто бы рѣзь < — пять произошла отъ грубаго изображенія руки или ручной кисти, называемой въ простонародіи пятерней, а десятокъ X отъ двухъ протянутыхъ рукъ, то я не согласенъ съ этимъ. По моему мнѣнію, древній человѣкъ произвелъ въ началѣ рисунки практически. Такъ, скрѣпляя плетенкой сосуды, онъ машинально сдѣлалъ орнаменты вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій (единицы), затѣмъ устроилъ для простоты мельницеобразныя скрѣпы X (десятки), верхняя половина мельницеобразныхъ скрѣпъ произвела пятки—треугольнички V. Верхніе круглыхъ сосудовъ, поддерживаемые мельницеобразно въ отверстіяхъ связками произвели круги ⊗ сотни. Бока сосудовъ ∪ полукруги, пятьдесятъ (⊕ корзинка Кн китайскаго Ку-Вень). Въслѣдствіи уже эти рисунки стали принаровлять къ видимой природѣ и изображать какія либо опредѣленныя идеи. Такъ кругъ простой обозначалъ круглое отверстіе, а кругъ съ точкой или мельницеобразной скрѣпой уподоблялся солнцу (Ra египетск. іероглифы) полукругъ — лунѣ; мельницеобразныя скрѣпы—жпищу (Tau евреевъ), а также узелъ; копьеобразное углубленіе—рту. Открытый треугольничекъ V—египетскому демотическому говорить (Гезаримъ косою кусокъ евреевъ, косынка бирокъ**), закрытый треугольничекъ ► зубу (іероглифъ Египта ***) и пр. и пр.

*) Geschichte der Schrift von Karl Faulman, стр. 180.

**) Открытые треугольнички имѣли большое примѣненіе въ кипрскомъ шрифтѣ.

***) Закрытые треугольнички въ разныхъ направленіяхъ составили гвоздеобразные шриоты.

Оставляя вопросъ о биркахъ, я перехожу къ неолитической эпохѣ Робенгаузенъ, эпохѣ усиленнаго развитія гончарства, и при этомъ останавливаюсь на мнѣніи Mortillet, который полагаетъ, что гренландцы — потомки людей Magdaleine и Solutré. У гренландцевъ до сихъ поръ встрѣчаются пиктографическія стремленія и большинство ихъ каменныхъ орудій сходно съ типами Солютры и Магдаленъ. Если это такъ, то понятно, что пришлые въ Европу народы эпохи Робенгаузенъ, каковы были вѣроятно арійцы при ихъ вторженіи, имѣя за собой знаніе улучшенной обработки орудій гончарства и, какъ нужно полагать—металлургію, отодвинули гренландцевъ. Ихъ миграціи привели затѣмъ другихъ животныхъ прирученныхъ, замѣнившихъ оленей, и культуру растений годныхъ для производства одежды и пищи. Принимая во вниманіе эти преимущества въ развитіи арійцевъ предъ гренландцами и то, что въ глиняхъ сосудовъ они имѣли болѣе доступный для пиктографіи матеріалъ, становится понятнымъ тотъ регрессъ въ художественныхъ начертаніяхъ одушевленныхъ предметовъ, который произошелъ въ Европѣ при введеніи геометрическихъ рѣзей, такъ какъ художественныя отдѣлки начертаній на твердыхъ тѣлахъ при глиняхъ уже утратили свое значеніе, сдѣлавшись общедоступными.

Въ Египтѣ хотя при Кушитахъ іероглифы и процвѣтали, но они все-таки должны были даже измѣненные войти на долгое время въ мертвые знаки, пока труды Шамполиона и Леярда и др. не воскресили ихъ намъ. Какъ я уже говорилъ, по моему мнѣнію, фигуративные знаки возникли не изъ подражанія видимой природѣ, но изъ простыхъ манипуляцій, имѣющихъ по большей части геометрической характеръ. Хотя рисунки человѣка и животныхъ въ эпохи Солютры и Магдаленъ, какъ живопись какъ-бы поддерживаютъ древность этихъ изображеній, но практическія геометрическія формы орудій, и главное, охотничьи рѣзы указываютъ на болѣе древнее происхожденіе основъ пиктографіи. Наконецъ, подѣлки изъ дерева палеолитическаго періода по логикѣ вещей не сохранились, можетъ быть, даже и болѣе древнія глиняныя, необожженные произведенія смѣшались съ землей, поэтому можемъ-ли мы ручаться, что въ эпоху Солютры не было бирокъ или зачатка гончарства.

Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ палеолитическаго періода, перехожу къ основнымъ типамъ украшеній керамики Робенгаузенской эпохи и къ связи ея украшеній съ азбучными знаками нѣкоторыхъ народовъ. G. G. Mortillet въ его сочиненіи Musée préhistorique древнѣйшимъ орнаментомъ гончарства въ эпоху Робенгаузенъ признаетъ орнаментъ, сходный съ существовавшимъ еще въ эпоху Магдаленъ, ногтевой *), затѣмъ, сдѣланный мякотью пальцевъ **). Въ моемъ чтеніи 6-го марта 1884 года, въ отдѣленіи этнографіи Императорскаго геогра-

*) №№ 200, 201, 209, 534. Mortillet.

**) № 535. Mortillet. Гр. А. С. Уварова, *Археологія Россіи*, II. 4054.

фического общества я возсталъ противъ этого мнѣнія и мнѣнія Клопфлейша, признающаго первичными орнаментами эхиновый *) , веревочный **).

Правда, эхиновый орнаментъ очень древень для народовъ морскихъ прибрежій, потому что эти народы въ первыя времена гончарства для укрѣпленія сосудовъ налѣпливали на ихъ бока различные мелкіе предметы изъ фауны и флоры, ихъ окружающей, какъ-то: камешки, раковины, кости животныхъ, стебли, прутья и листья растений и пр. и пр. Въ моей Бологовской коллекціи и въ коллекціи, собранной профессоромъ Иностранцевымъ на земляхъ ладожскаго побережья, нашлось нѣсколько черепковъ съ ямочками, въ которыхъ еще сохранились обугленные остатки прутьевъ, что доказываетъ то, что горшки обжигались иногда съ воткнутыми для консистенцій въ глину прутьями. Изъ этихъ-то круглыхъ отпечатковъ и образовался параллельный эхиновому ямочный орнаментъ (кружки) буква 'айнъ юканитскихъ сафы и сабеанъ, буква тхъ асоки ***) и буква р нумидійскаго алфавита. Кружки впоследствии стали не вдавливать, а просто обводить и внутри помѣстили точку, б нумидійскаго алфавита, тхъ сафы и сабеанъ. Въ нумидійскомъ алфавитѣ встрѣчается небольшая странность: тамъ буквы: р и б пишутся двойко, т. е. кругомъ и четырехугольникомъ ****); у сабеанъ 'айнъ пишется кругомъ и четырехугольникомъ, а у талмудитовъ сафа — кругомъ и треугольникомъ. Объясненія этой двойственности трудно приискать. Въ большинствѣ случаевъ круглые и четырехугольные значки на гончарныхъ произведеніяхъ дѣлались при посредствѣ различныхъ формъ деревянныхъ палочекъ; отъ того, можетъ быть, эти разнообразныя начертанія смѣшивали вмѣстѣ *****). Четырехугольникомъ еще означались б асока, бетъ сафа, бетъ сабеанъ, тайтъ сабеанъ; при чемъ бетъ сафы и тайтъ сабеанъ имѣютъ посрединѣ четырехугольника прямую черту. Ногтевой орнаментъ впоследствии перешелъ въ изображенія полукружій, сферическихъ треугольниковъ, двухъ соединенныхъ сферическихъ треугольниковъ и въ ущербобразный знакъ.

Такъ мѣмъ сафа обозначался слѣдующимъ образомъ: $\text{D} \text{D} \text{C}$; т асока C , дхъ того-же алфавита — полукругомъ, решъ въ сафа и у сабеанъ изображался какъ т асока. Въ нумидійскомъ алфавитѣ буква шбъ имѣла слѣдующее очертаніе O — (50—цифра безграмотныхъ крестьянъ). Часть четырехугольника въ видѣ нашей буквы п, повернутая въ разныя стороны, обозначала разныя буквы.

*) Гр. Уваровъ № 80, I-го тома; Klopffleisch fig. 3 и 4-я 1-й тетради, fig. 98 и 2-й тетради.

**) Klopffleisch fig. 22-я а и b, с и d, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32 и 19 1 й тетради. Гр. Уваровъ, *Археологія Россіи*, II, табл. 24, fig. 4253.

***) тхъ по Ионесу просто тхъ по Маку Мюллеру.

****) Четырехугольничъ въ Египтѣ обозначалъ камень—равносиленъ 1000 въ нашихъ биркахъ.

*****) Треугольнички закрытые не всегда производились палочками, иногда они отпечатывались посредствомъ зуба какаго либо животнаго (зубъ іероглифовъ Египта).

Въ биргахъ эта часть носить наименованіе воротъ и обозначаетъ 500. Въ сабеанъ ею обозначается беть; въ сафа—самекхъ, у индобактрійцевъ ζ (Ионесъ), въ стоячемъ нумидійскомъ алфавитѣ тоже ζ , перевернутая τ , поставленная бокомъ δ , и съ точкой асока. Двойныя ворота Ш д; ворота въ воротахъ Ш б нумидійскаго алфавита оба. Изъ соединенія нѣсколькихъ воротъ образовался египетскій *Naftenwerf* $\square \square \square \square$ и азіатскій узоръ $\square \square \square \square$. Изъ четырехугольника еще возникъ, такъ называемый, *Chialmüster* (Зибель). \boxplus , нумидійская іезъ \boxplus = 1000 тверскихъ бирокъ.

Образцовъ ямочнаго орнамента много помѣщено въ книгѣ А. С. Уварова *) «Каменный вѣкъ Россіи», но только большинство ихъ, равно какъ и моихъ сдѣлано не прутиками, а кондіусами костей разныхъ мелкихъ животныхъ. У меня даже есть черепки съ отпечатками, произведенными кондіусомъ чело-вѣческаго пальца. Отпечатки, произведенные костями, не вполне круглы; но видъ ихъ скорѣе напоминаетъ египетское изображеніе тростниковаго цвѣта, только безъ стебля (*Schilfbütze*) A . Черезъ изслѣдованіе нашихъ древнѣйшихъ орнаментовъ практически я пришелъ къ слѣдующему убѣжденію: первичный орнаментъ нашихъ гончарныхъ сосудовъ есть орнаментъ вертикальныхъ прямыхъ линий, первообразомъ котораго нужно считать плетенку стеблей растений (*Tifasæ*), отпечатокъ которой и производилъ практически образцы прямолинейнаго орнамента $\square \square \square \square$. Изъ него выработался прутикъ узоровъ I, палка крюковъ ноть Γ , единица бирокъ, буква а стоячаго нумидійскаго алфавита, ламедъ и нуль сафа, р асока и пр. и пр.

Этотъ значекъ одинаковъ съ значками охотъ эпохи Магдаленъ и потому вдвойнѣ легче привился къ гончарнымъ изображеніямъ **). Затѣмъ стебли стали переплетать мельницеобразно внутри и снаружи сосудовъ, а потомъ скрѣплять только внутреннюю или наружную стороны, что и произвело орнаментъ, называемый мельницеобразнымъ (*Windmühlennornament*) $\times \times \times \times$. Верхняя часть этого орнамента составила зигзакъ (городокъ) ***) шинъ сафы и сабеанъ, нумидійское χ . Если къ нему присоединить кромку сосуда, то онъ получаетъ названіе май-аксума ефіоповъ ∇ мемъ сабеанъ. Этотъ-же городокъ, состоящій изъ трехъ линий Λ произвелъ букву цайнъ еврейскаго алфавита, зеть нумидійскаго, о и а асоки. Городки, помѣщенные параллельно другъ другу произвели узоръ, называемый діагональнымъ (*Diagonalmüster* Зибеля) Z ***). Закругленные края этого узора,

*) Графъ Уваровъ отъ 4005 до 4016, отъ 4034 до 4036, отъ 4245 до 4250, 4019, 495, 499, томъ II-й.

***) Изъ прямыхъ черточекъ составился цѣлый алевитъ искрунь.

***) 526, 530, 536, 541 Mus. préhist. G. Mortillet.

****) Еглопелейшъ, Мерзбургскій камень, fig. 36.

образуя волнообразныя линіи, произвели волнообразный орнамент *); іотъ асока и ей нумидійскаго алфавита. Средняя часть мельницеобразнаго орнамента на- чертала ромбы **, которые въ свою очередь чрезъ закругленіе боковыхъ краевъ воспроизвели копьевидный орнамент (Zanzenfüßmigeß Ornament). Одна мельницеобразная скръпа обозначила 10 въ биркахъ, крыжъ въ кроко- выхъ нотахъ, тау сафа и сабеанъ (жилице), т нумидійскаго алфавита, к асока. Когда верхняя часть одного мельницеобразнаго орнамента въ сосудѣ пересѣка- лась кромкой, то онъ получалъ слѣдующее очертаніе . Эта фигура соответ- ствуетъ тсадай аксума ефіоповъ и буквѣ ф нумидійскаго алфавита. Съ закруг- ленными-же краями эта фигура изображала у египтянъ узелъ—альфа гре- ковъ. Крестообразная скръпа, помѣщенная между двумя линіями, соответствуетъ буквѣ зеть нумидійскаго алфавита.

Верхняя часть простой мельницеобразной скръпы открытій треугольникъ вмѣстѣ съ косою линіей / получаетъ въ биркахъ названіе косынки (5) (еврей- ская гезаримъ обозначаетъ косою кусокъ), еврейскую букву гиммель сабеанскаго алфавита, букву *z* и *u* асока и букву *z* нумидійскаго алфавита, а также простой крюкъ крюковыхъ нотъ ***). Косынка закрытая кромкой составила равно- бедренный треугольникъ (зубъ египетскихъ іероглифовъ). Онъ въ еврейскомъ алфавитѣ соответствуетъ далетъ въ сафа (время—раздѣленіе) е асока ****). Нѣсколько открытыхъ треугольниковъ, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ, именуютъ шевронъ *****). Если-же посредніи угловъ шеврона провести прямую линію, то составитъ елочный орнаментъ , а асока . На основаніи орна- мента этого видится цѣлый алфавитъ хагалъ-рунъ. Линіи косынокъ, разроз- ненныя съ поперечною между ними линіей, носятъ въ крюковыхъ нотахъ на- званіе громовзводной стрѣлы .

Изъ треугольной верхней части мельницеобразной скръпы еще выработался орнаментъ три кухтра чрезъ проведеніе перпендикулярной линіи отъ угла внизъ. Онъ сходенъ съ рисунками перистыхъ окопчаній древковъ стрѣлъ мерзбургскаго камня и обозначаетъ т въ асока . Клопфлейшъ однимъ изъ древнихъ орна- ментовъ считаетъ еще орнаментъ съ отпечаткомъ веревки. Этотъ орнаментъ, по его мнѣнію, образовался отъ привязыванія при обжиганіи сосудовъ для крѣ- пости веревкой. Изъ него образовались цѣпочка, спираль, параллельные круги (обручи) и вообще орнаменты кривыхъ линій. Изъ перечисленныхъ мною узо- ровъ въ эпоху Лярдоденъ имѣли большое значеніе кругъ съ точкой и мельнице-

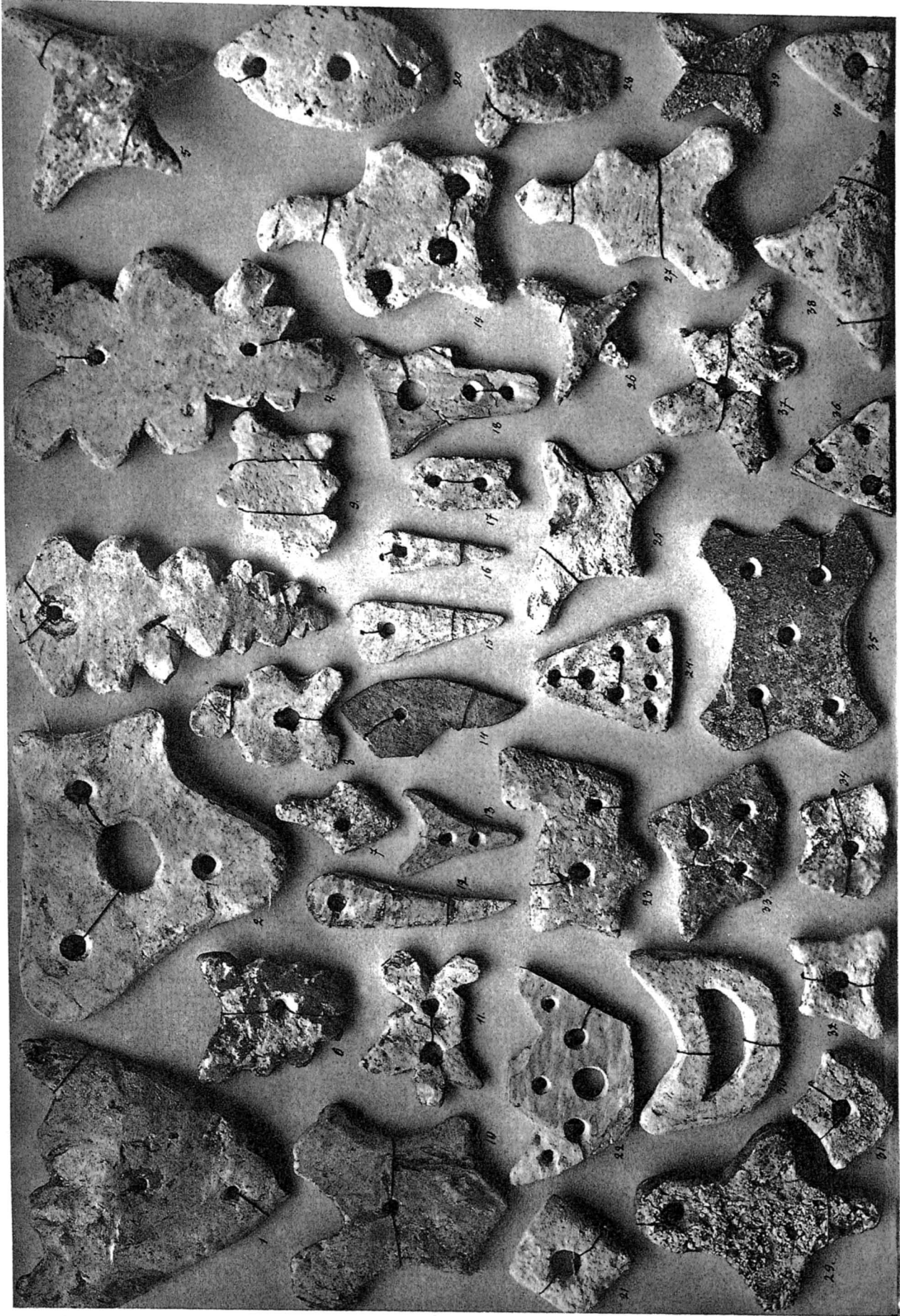
*) Клопфлейшъ, *ibidem* 538. Хотя нѣчто подобное встрѣчается и въ періодъ Магда- лень (№ 175 Mort.), но въ этомъ изображеніи скорѣе можно видѣть пламя, или *Palmen- haste Mauritia armata*, Клопфлейшъ *fig* 42.

**) Клопфлейшъ, Мерзбургскій камень *fig*. 36.

***) Изъ открытыхъ треугольниковъ составилъ цѣлый алфавитъ лагорунъ.

****) Изъ эпохи Магдалень *fig*. 158. Musée préhist. G. Mortillet.

*****) Клопфлейшъ, *fig*. 22, 23, 37, 31. Гр. Уваровъ, таб. 24, *fig*. 4253.

образной скрѣпой , азіатскія украшенія и происшедшія изъ него чрезъ закругленіе угловъ валюта , дхъ асока , свастика соуастига, орнаменты изъ растительной жизни, трилистникъ, двулистникъ, четверолистникъ и проч. Приложение эволюціонной теоріи для разработки нашего первичнаго орнамента далеко неполно въ этой статьѣ. Трансформація узоровъ здѣсь выражается не вся, тѣмъ болѣе этого потому сдѣлать нельзя, что матеріалъ орнамента каменнаго періода еще сравнительно не очень великъ. Въ послѣднее время въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ шли оживленныя пренія по поводу живописныхъ изображеній, найденныхъ на стѣнахъ усыпальницы фараона Сети I, умершаго за 1540 лѣтъ до Р. Хр. На этомъ рисункѣ изображены 4 цвѣтныя особи, извѣстныя тогдашнимъ римлянамъ:

- 1) Ротъ или египтяне, красная окраска кожи. Одежда безъ орнаментовъ.
- 2) Аму или азіатцы, желтая окраска кожи. Линейный и квадратный орнаментъ.
- 3) На-гасіу или негры, черная окраска кожи. Орнаменты: линейный, эхиновый и круглый.
- 4) Тама-ху или либико-европейцы, бѣлая окраска кожи и татуировка. Орнаменты татуировки ногтевой и ромбическій. Орнаменты одежды линейный, круглый, съ точками и елочной*).

Эти изображенія важны для насъ тѣмъ, что орнаменты украшенія ливійца напоминаютъ вообще сѣверныя европейскія и ихъ основныя формы находятся и у насъ. Геродотъ въ 4-й книгѣ Мельпомена, глава СХІІ, говоритъ слѣдующее: «На западѣ рѣки Тритонъ живутъ либійцы, земледѣльцы сосѣди есеновъ. Земледѣльцы имѣютъ постоянныя дома; ихъ называютъ максіи. Они оставляютъ рості свои волосы на правой сторонѣ головы, тогда какъ лѣвая брѣтея и расписываютъ свое тѣло маниумомъ. Себя онѣ называютъ троянцами». Не основываясь на мнѣніи Геродота, что либійцы максіи были трояне, тѣмъ болѣе, что голубоватый цвѣтъ глазъ и бѣлокурые волосы египетской фрески скорѣе говорятъ за сѣверное происхожденіе, хотя впрочемъ и существуютъ у нѣкоторыхъ писателей взглядъ о сѣверномъ происхожденіи троянъ отъ славянъ **), я не могу однако

*) У Шамполиона младшаго помѣщены еще рисунки грека іонійца съ сандаліями, имѣющими мельницеобразныя перевязки и съ орнаментомъ одежды зигзагообразнымъ и ассирійца; въ его одеждѣ замѣтны слѣдующіе орнаменты: спиральной ленты (Spiralband) зигзаговъ, кружковъ, чешуекъ (Schuppen), прямыхъ линий, прямыхъ линий съ точками и эхиновый, стр. 15-я, Menard.

**) Заборовскій въ статьѣ, помѣщенной въ «Dictionnaire Anthropologique», стр. 137-я, говоритъ слѣдующее: по нѣкоторымъ признакамъ можно подуматъ, что въ Малой-Азій равнѣ францевъ становали бѣлокурые арійцы. Бѣлокурые-же галаты киммерійскаго происхожденія пришли и произвели приращеніе гораздо повдѣе.

не удивляться описанію татуировки маниумомъ (вапъ) и манерѣ ношенія Максiami волосъ на правой сторонѣ лица *). Эти двѣ особенности сходны съ описаніемъ Геродота и нужно думать, что Тама-ху и Максiи были одинъ и тотъ-же народъ. Во всякомъ случаѣ рисунки на кожѣ и одеждѣ либійцевъ даютъ намъ драгоценное указаніе, такъ какъ они сходны съ нашими древнѣйшими орнаментами сосудовъ.

Въ сѣверной Африкѣ въ Тугѣ была найдена извѣстная нумидійская надпись вмѣстѣ съ финикійской. Эта находка дозволила Галени разобрать ея содержаніе и составить стоячій и лежачій нумидійскіе алфавиты. Эти алфавиты я нахожу самыми близкими къ орнаментамъ нашего гончарства; затѣмъ близки іоканитскіе сафа и сабеанъ, индійскій асока, этрусскій, древнегреческій и нѣкоторыя руны.

Итакъ, окончивая описаніе связи орнамента каменнаго вѣка съ цифровыми и азбучными знаками, рѣшаюсь высказать слѣдующее: 1) коренныя формы орнамента гончарства возникли изъ простыхъ манипуляцій при выдѣлки сосудовъ. 2) Возникновеніе коренныхъ формъ орнамента гончарства происходило въ тотъ періодъ каменнаго вѣка, въ который еще не было сдѣлано никакой правильной попытки къ организаціи нумерацій и алфавитовъ. 3) Первые формы нашихъ орнаментовъ имѣютъ геометрическій по преимуществу прямолинейный характеръ. 4) Есть основаніе думать, что геометрическіе, прямолинейные нумераціи и алфавиты возникли изъ рисунковъ орнаментовъ каменнаго вѣка, а алфавиты и нумераціи, имѣющіе очертаніе кривыхъ линий—изъ рисунковъ орнаментовъ 1-го желѣзнаго періода. 5) Что-же касается до чистой фигуративной письменности, т. е. до той, въ которую входитъ изображеніе людей и животныхъ, то она, какъ болѣе трудная, получила болѣе обширное развитіе только у нѣкоторыхъ цивилизованныхъ народовъ древности; напр.: у египтянъ, мексиканцевъ и пр., хотя нѣкоторыя общедоступныя геометрическія формы и тамъ существовали. Почти съ достовѣрностью можно думать, что іероглифы Египта не составляютъ еще 1-го звена изобрѣтенія нумерацій и алфавита. 6) Къ нашему гончарному прямолинейному орнаменту болѣе всего подходятъ слѣдующіе алфавиты: древне-нумидійскій, іоканитскіе сафа и сабеанъ, индійскій асока. 7) Корнемъ нѣкоторыхъ цифръ и буквъ можетъ быть были знаки собственности, которые часто встрѣчаются на днищахъ сосудовъ.

Въ заключеніе всего этого скажу нѣсколько словъ о знакахъ собственности и юридическихъ. Кажется, что древнѣйшіе у насъ не были взяты изъ какихъ либо алфавитовъ. Курганныя урны, найденныя въ Тверской губерніи и хранящіяся въ тверскомъ музеѣ, имѣютъ на днищахъ значки геометрическаго характера самаго древняго пошиба (хотя уже позднѣе каменнаго вѣка). Ихъ

*) У Геродота есть мѣсто, по которому можно предполагать, что Будины татуировались

можно причислить къ знакамъ собственности *). Въ 5 и 6-мъ выпускѣ *Bulletino di paleontologia italiana* 1884 года въ статьѣ Р. Montovani **) приложены въ таб. 4-й рисунки урнъ, найденныхъ близъ Ливорно изъ перваго желѣзнаго періода Villanova. На этихъ урнахъ имѣются надписи округлаго характера. Г. Montovani видитъ въ нихъ сходство съ этрусскими буквами, подходящими по характеру къ восточно-азиатскимъ. Итакъ южно-азиатскія іоканитскія рѣзи и восточныя криволинейныя округлыя черты знакомятъ насъ какъ-бы съ двумя родами разнообразной письменности, изъ которыхъ все-таки преимущество нужно отдать геометрической, тѣмъ болѣе, что она возникла изъ орнаментовъ каменнаго вѣка, хотя другой письменности I-го желѣзнаго вѣка мы, кажется, обязаны улучшенію скорописи. Первичные орнаменты были, можетъ быть, отъ того такъ разнообразны, что отдѣльныя семьи ихъ измѣняли для того, чтобы сосуды различились другъ отъ друга. Не тутъ-ли пужно искать зачатка знаковъ собственности. Чтобы убѣдиться въ этомъ взглядѣ, достаточно сравнить таблицу, приложенную къ статьѣ П. С. Ефименко о знакахъ собственности и рисунки гончарныхъ орнаментовъ.

Кончая рефератъ, касающійся геометрическаго характера рисунковъ гончарства и отчасти палеографіи, я не могу умолчать о моей находкѣ нынѣшняго лѣта, о каменной точилкѣ съ выбитыми ямками, общее очертаніе которыхъ подходитъ къ созвѣздію большой медвѣдицы, *Ursa major* съ частями созвѣздій *Draco*, *Canis Venatici* и *Bootes*. Изображеніе въ древности созвѣздій лунками нынѣ многими доказано. Г. Клопфлейшъ, въ своемъ 1-мъ выпускѣ «*Verzeichnisse Alterthümer der Provinz Sachsen*» 1884 г. стр. 75, упоминаетъ о найденномъ имъ въ кошачьемъ курганѣ (близъ замка Виппахъ) въ Тюрингіи глиняномъ цилиндрѣ неолитическаго періода, съ изображеніемъ большой медвѣдицы (фиг. 45). Въ курганѣ; кромѣ цилиндра, былъ открытъ остовъ человѣка въ согнутомъ положеніи и остатки гончарства съ веревочнымъ орнаментомъ рѣзями (*Schnittornament*) и съ желобковымъ обручеобразнымъ орнаментомъ (*Reifornament*). Извѣстна еще костяная пластинка съ изображеніемъ 8 звѣздъ плеядъ, открытая Шлиманомъ въ нижнемъ слоѣ Трои, потомъ изображеніе созвѣздій малой медвѣдицы, найденныхъ въ неолитическомъ жертвенномъ курганѣ, близъ Мертендорфа, и наконецъ, изображеніе созвѣздія козерога, приобрѣтенное со дна озера Биенъ, неолитической Робенгаузенской станціи Локрасъ въ Швейцаріи (помѣщены у Гросса въ его «*Les Protohelvetes*», табл. II, фиг. 12). Что это созвѣздіе принадлежитъ козерогу, то это видно изъ книги д-ра Раффитто — «*Der defuncte Himmel*», стр. 136). У насъ славянъ два созвѣздія несомнѣнно относятся къ глубокой древности, это 1-е созвѣздіе возъ, большая медвѣдица—*ursa*

*) ☞ ⊗ ▢ ▣ На некоторыхъ изъ этихъ сосудовъ видѣли веревочный орнаментъ.

**) *Oggetti del periodo archeologico di Villanova trovati a Quercianella presso Livorno.*

major и бабы—plejades. Въ словѣ возъ встрѣчается замѣчательная аналогія съ греческимъ *ἄραξα*, латинское *plaustrum*, нѣмецкое *Wagen*. (Тримъ, Мис. 102. 416, 417, 704, Аван. I, 609). Созвѣздіе бабъ, бабѣ созвѣздіе тоже извѣстно въ славянскихъ мифахъ. Ему еще придаютъ наименованія волосожары (ib. I, 222) утиное гнѣздо (ib. 533), книга (ib. I, 228). Пикте въ своемъ сочиненіи «*Les origines indo-européennes ou les aryas primitifs, paleontologie linguistique* (1877 г. т. III, стр. 324) говоритъ, что созвѣздіе большой медвѣдицы, кажется, сохранило свое древнее названіе; это вѣроятно потому, что оно во все времена болѣе другихъ привлекало вниманіе своимъ движеніемъ около полярной звѣзды. Въ одномъ мѣстѣ Ригъ-веда (1, 24, 10) оно названо *rkshâs*, т. е. звѣзды или медвѣдь, потому что звѣзды и медвѣдь имѣютъ два значенія. Которое-же самое древнее? Вѣроятно первое, по множественному числу, потому что, если созвѣздіе это грубо походить на медвѣдя, то трудно было-бы въ немъ видѣть многихъ. Къ тому-же понятіе, что второй смыслъ могъ легко быть замѣненъ другимъ, такъ какъ у индійцевъ *rkshâs* впоследствии сдѣлалось семь *rshî saptarshayas*, по причинѣ сходства именъ. То, что вѣрно, то это то, что переименованіе должно восходить къ чрезвычайно далекой эпохѣ, потому что *ἄρατος* греческое, которое означаетъ медвѣдь и которое соотвѣтствуетъ *rksha* уже находится у Гомера (II. XVIII, 487, *Odiss. V, 2731*).

Подобное-же сопоставленіе плеядъ мы находимъ и у финикійцевъ. У нихъ добеба или дубенъ означало плеяды, медвѣдя и полярную звѣзду (Bunsen «*Die Plejaden*» etc. стр. 110 и 112 *). Находка рисунка большой медвѣдицы важна въ томъ отношеніи, что представленіе объ этомъ созвѣздіи, извѣстное давно славянамъ, могло проникнуть въ Германію и съ сѣвера отъ арійцевъ, такъ какъ едва-ли финикійское вліяніе, признаваемое сочиненіями Нильсона и поддерживаемое Клопфлейшомъ, могло простираться до жителей южныхъ склоновъ Валдайской сплошной возвышенности. Наконецъ, раса озерныхъ жилищъ, въ средѣ которой нашлись изображенія козерога, по Вирхову не семитическая, а арійская. Напротивъ, можно думать, что движеніе изъ Европы части арійцевъ въ сѣверную Африку, образовавшее берберовъ беранъ, внесло съ собой геометрической орнаментъ и можетъ быть геометрическую письменность, или при послѣдующихъ колонизаціяхъ семитовъ (финикійцевъ) и грековъ берберы только приносили ее къ своему идиому изъ собственнаго орнамента. Понятіе-же о большой медвѣдицѣ, вѣроятно, перешло къ финикійцамъ съ сѣвера, такъ какъ въ Египтѣ

*) У египтянъ созвѣздіе большой медвѣдицы изображается переднимъ бедромъ быка, что правильнѣе изображенія медвѣдя да и кромѣ того у египтянъ медвѣдь не игралъ какой либо значительной роли въ ихъ жизни. У грековъ это представленіе равносильно изображенію бедра Зевса, что тоже означало большую медвѣдицу. У нихъ тоже это созвѣздіе означалось Алькіономъ или Перифосомъ, божественнымъ кормчимъ, по нему они ориентировались въ плаваніи.

оно не именовалось медвѣдицей, а переднимъ бедромъ быка. Знаніе этого созвѣздіа какъ видно очень древнее: вначалѣ оно вѣроятно практиковалось при передвиженіяхъ охотниковъ, рыболововъ нomanъ, а потомъ при прирученіи домашнихъ животныхъ номадами-пастырями. Изображеніе на камнѣ большой медвѣдицы, найденное мною, какъ я уже упоминалъ, восходитъ къ каменному періоду. Его древность подтверждается еще тѣмъ, что главные семь звѣздъ большой медвѣдицы движеніемъ измѣняютъ во времени свое положеніе. Судя по рисунку звѣздъ на пайденой точилкѣ видно, что время, въ которое былъ сдѣланъ рисунокъ, было очень отдаленное. Наконецъ патина, нарощая на искусственныхъ выбоинахъ, усиливаетъ еще это заключеніе. Клопфлейшъ на 77-й стр. своего труда дѣлаетъ очень остроумный выводъ, т. е. что первобытные народы часто съ простыми предметами натуры сравнивали живыя существа; такъ, обломки костей и куски дерева у нихъ воспроизводились въ живые образы и что тѣ-же условія руководили первобытныхъ людей въ названіяхъ и очертаніяхъ видимыхъ ими созвѣздій: такъ возникли большая и малая медвѣдицы, плеяды и знаки зодіака *). Подобные символы подтверждаютъ мои выводы о возникновеніи орнаментовъ изъ практической цѣли и о первичномъ ихъ вліяніи на понятія о разныхъ предметахъ, а также на очертаніе буквъ и цифръ. Вслѣдствіе этихъ причинъ древній орнаментъ, я думаю, для насъ чрезвычайно важенъ и его положительное изученіе составляетъ одну изъ серьезнѣйшихъ задачъ палеоэтнологіи и палеологіи.

Очень жалѣю, что въ настоящемъ рефератѣ, нѣкоторые изъ положеній, можетъ быть, покажутся смѣлыми, но въ виду движенія науки и въ виду того, что предметы здѣсь разбираемые не однимъ мною ставятся на почву первичныхъ анализовъ, я возымѣлъ рѣшимость подѣлиться моими практическими выводами.

24 Января 1885 г.

Андрей Пугачевъ.

*) Объясненіе знаковь зодіака, принятыхъ египтянами, мы находимъ у мюнхенскаго профессора Lauthъ въ «*Archiv für Anthropologie*» 1882 г. въ статьѣ «*Über Ägyptische Astrologie*». По его мнѣнію египтяне къ небу примѣнили названія, сообразныя съ ихъ жизненными отношеніями къ природѣ въ извѣстные періоды. Такъ напр. Августъ — время способное для рыбныхъ ловель въ Нилѣ, изображенъ рыбой; Сентябрь, въ который гнались стада овецъ въ загоны—овномъ и пр. Эти живыя представленія и ввелись въ небесныя сферы какъ зодіаки. Г. Лаутъ не отвергаетъ мнѣнія, что основаніе зодіаковъ могло быть сдѣлано халдеями, что поддерживаютъ и извѣстные астрономы Letrone и Ideler.

О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи.

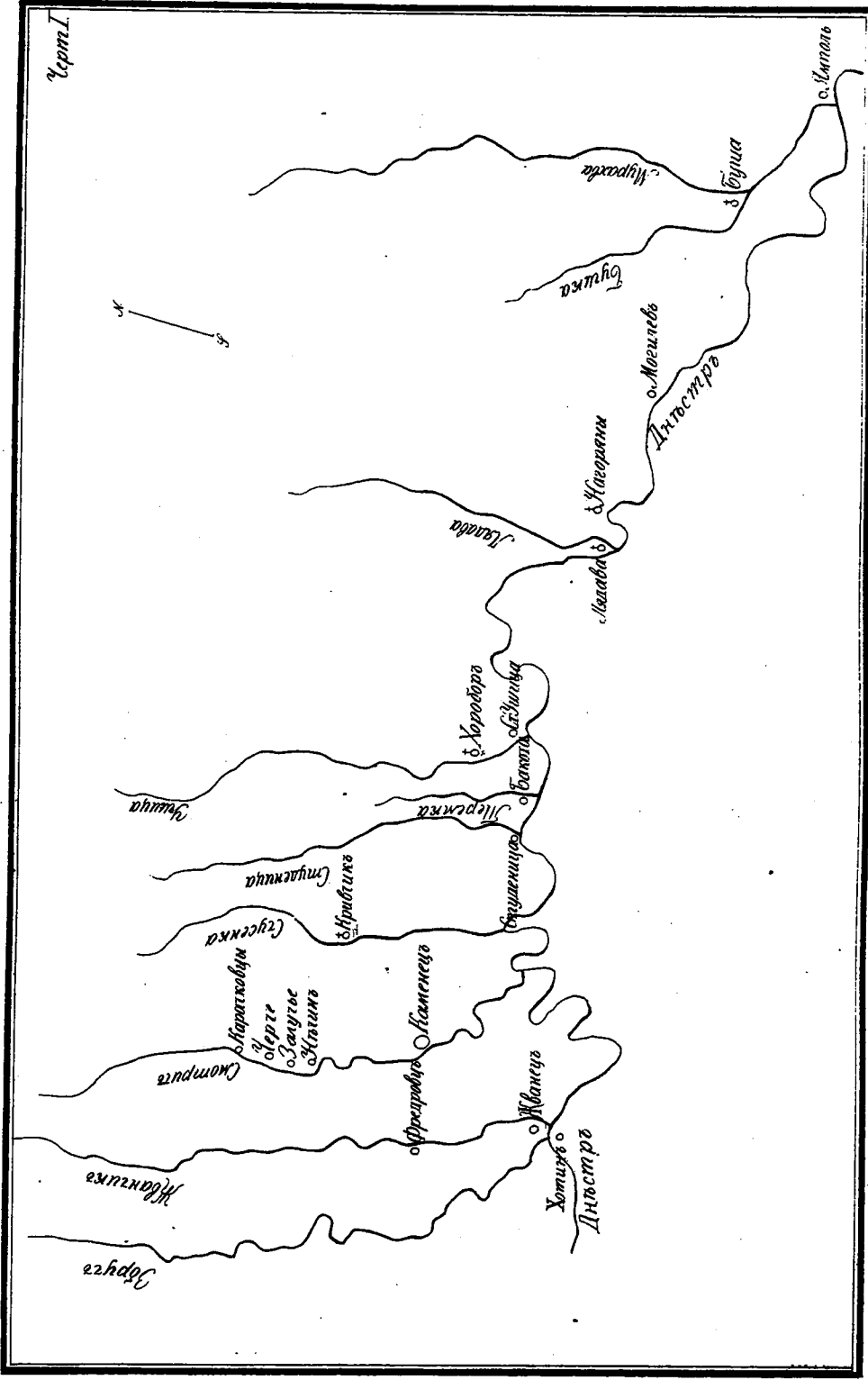
В. Б. Антоновича.

(съ 3 таблицами).

Въ 1833 г. по порученію Распорядительнаго Комитета VI-го Археологическаго Съѣзда, я осматривалъ скальныя пещеры, расположенныя на берегу Днѣстра и его притоковъ. Многія изъ этихъ пещеръ были давно намѣчены писателями и путешественниками, описывавшими Подоліе. Довольно подробныя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ уже у польскаго писателя XVIII ст. Ржончинскаго въ его сочиненіи «*Actuarium historiae naturalis regni Poloniae*» (стр. 26—30). Минуя свѣдѣнія, разсѣянныя въ историко-статистическихъ сочиненіяхъ Балинскаго и Липинскаго, вс. Марчинскаго и т. п., мы встрѣчаемъ весьма подробныя указанія на днѣстровскія пещеры въ сочиненіи Афанасьева-Чужбинскаго «Поѣздка въ Южную Русь» (часть II) и въ очеркѣ Поднѣстровія г. Гроссула-Толстаго: «Замѣчательныя мѣста Днѣстровскаго побережья». — Но составители упомянутыхъ описаній не имѣли въ виду археологическаго изслѣдованія намѣченныхъ ими пещеръ, и моя поѣздка имѣла цѣлью предпринять попытку въ этомъ отношеніи.

Образованіе многочисленныхъ естественныхъ скальныхъ пещеръ на среднемъ теченіи Днѣстра и на нижнихъ частяхъ его притоковъ находится въ связи съ общимъ географическимъ характеромъ края; Днѣстръ отъ устья въ него пограничной рѣки Збруча и до Ямполья течетъ въ глубокомъ руслѣ, которое онъ проложилъ себѣ черезъ нагорную возвышенность, составляющую продолженіе Карпатской горной цѣпи. Русло рѣки пролегаетъ почти постоянно среди отвѣсныхъ скалъ обнаженнаго имъ третичнаго силурійскаго известняка *). Эта каменная порода, составляющая весьма толстый слой, рыхла и представляетъ множество трещинъ, образующихъ естественныя пещеры. Такія-же обнаженія третичнаго известняка встрѣчаемъ на протяженіи нижнихъ теченій сѣверныхъ притоковъ Днѣстра, на рѣкахъ: Збручѣ, Жванчикѣ, Смотричѣ, Счусенкѣ, Студеницѣ, Теремкѣ, Ушицѣ, Лядавѣ и т. п. (черт. 1).

*) Малевскій. О силурійской формации днѣстровскаго бассейна, 1866.

"Буря. М. К. 1895"

Во всемъ указанномъ районѣ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о 30 съ лишнимъ пещерахъ, но далеко не всѣ возможно было осмотрѣть. Трудность изслѣдованія подольскихъ пещеръ зависитъ главнымъ образомъ отъ свойства каменной породы, въ которой онѣ находятся; порода эта мягкая и рыхлая, легко вывѣтривается и осыпается; вслѣдствіе того доступъ къ пещерѣ затрудняется; многія такія пещеры, въ которыя вели тропинки по краямъ скалъ еще за 20—30 лѣтъ, теперь совершенно недоступны; тропинки эти осыпались и разрушились и отверстіе въ пещеру представляется открывающимся на совершенно отвѣсной скалѣ, на высотѣ 50—60 сажень отъ ея подножія и въ разстояніи 10—20 сажень отъ верхняго обрыва; проникнуть въ нее можно развѣ весьма рискованнымъ путемъ, спускаясь изъ вершины скалы до отверстія пещеры на канатѣ; но способъ этотъ представляетъ столь значительныя неудобства и опасности, что, испытавъ его разъ (въ Бакотѣ), я не отважился вторично повторять опыта. — Вслѣдствіе этого препятствія я не могъ изслѣдовать пещеръ у Карачковецъ, верхняго ихъ ряда у Нагорянъ и верхней пещеры у Лядавы — особенно сожалѣть приходилось о послѣдней, такъ какъ, по сказанію мѣстныхъ людей, въ ней нѣкогда видѣли много костей какихъ-то громадныхъ животныхъ.

Въ другихъ случаяхъ изслѣдованіе пещеръ оказалось затрудненнымъ вслѣдствіе закрытія входа въ пещеры мѣстными жителями по хозяйственнымъ соображеніямъ. Такъ самая обширная, по описанію Ржончинскаго, подольская пещера у м. Бривчика на берегу рѣки Счусенки, открывавшаяся нѣкогда тремя узкими отверстіями на склонѣ горы и представлявшая рядъ огромныхъ, соединенныхъ другъ съ другомъ залъ, теперь совершенно недоступна вслѣдствіе того, что мѣстные жители завалили всѣ 3 входа огромными массами скалъ; сдѣлали это они вслѣдствіе того, что овцы изъ сосѣдняго пастбища забивались часто въ пещеры, и отыскиваніе ихъ доставляло много хлопотъ хозяевамъ. Также оказались закрытыми входы двухъ пещеръ у села Хоробора на берегу рѣки Ушицы и т. п.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ изъ числа намѣченныхъ пещеръ я успѣлъ осмотрѣть только 15. — Пещеры эти могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) Пещеры естественныя съ слѣдами болѣе или менѣе явственной отдѣлки рукою человѣка и съ слѣдами его пребыванія или въ самой пещерѣ или въ ея окрестностяхъ въ первобытное время и 2) Пещеры, высѣченныя въ скалахъ въ болѣе близкое къ намъ уже историческое время для разныхъ культурныхъ цѣлей. Въ первой группѣ, я полагаю, могутъ быть отнесены пещеры у селъ: Нѣчина, Студеницы и Нагорянъ, къ второй—пещеры у Жванца, Бакоты, Лядавы и Буши.

Пещеры у Нѣчина.

На лѣвомъ берегу Смотрича между селами Нѣчиномъ и Залучьемъ, на земляхъ принадлежащихъ послѣднему, расположены рядомъ 3 пещеры. Онѣ

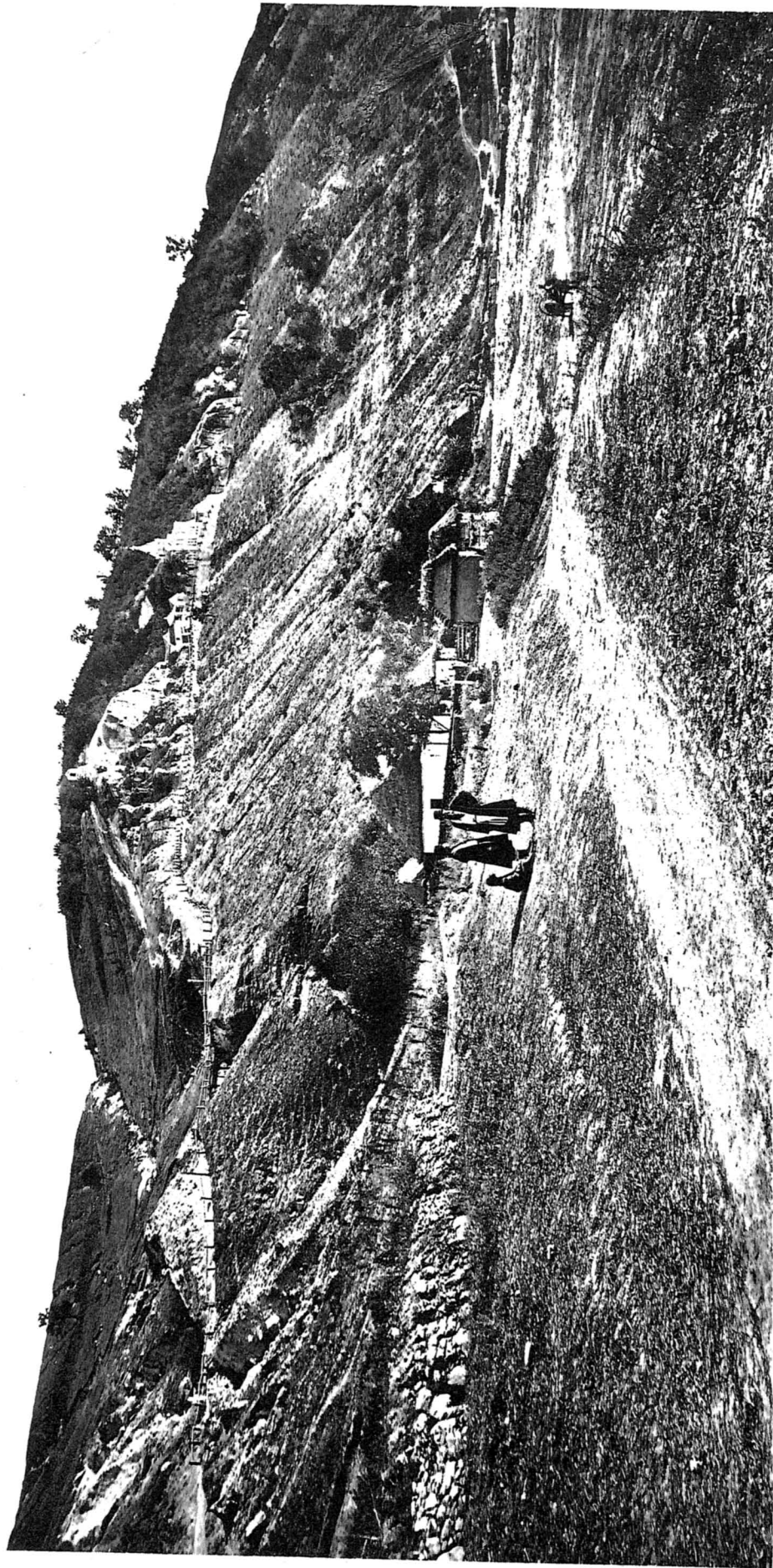
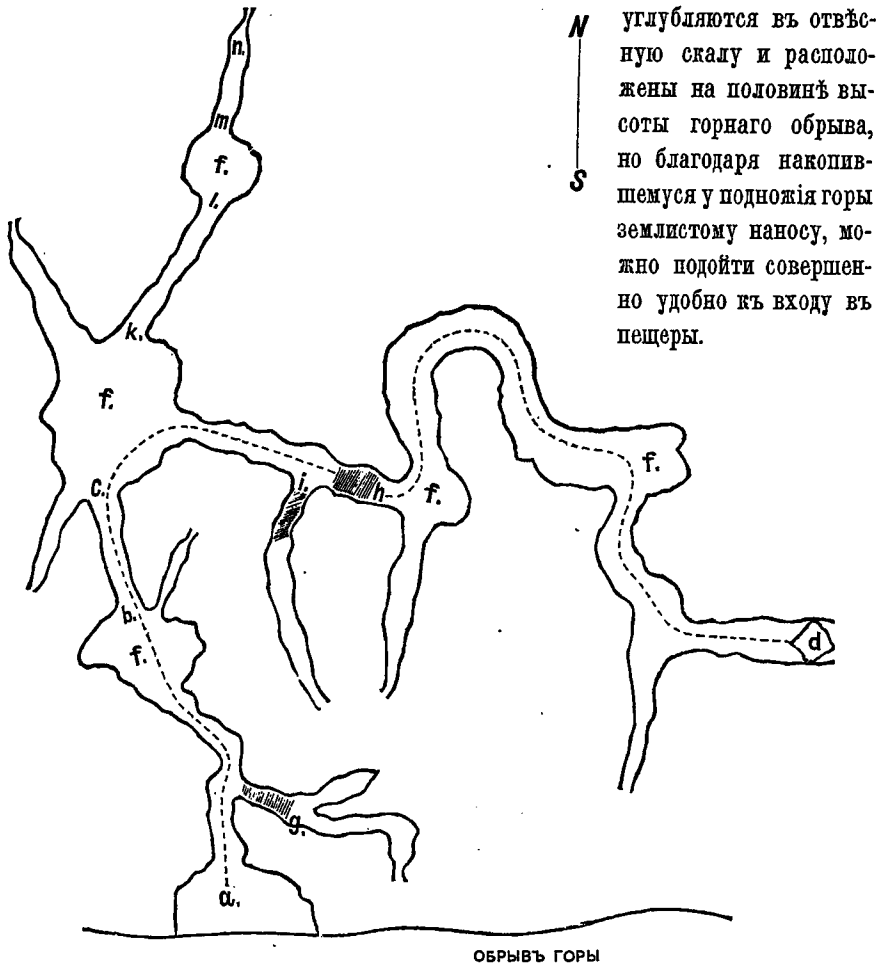

Фото Гравера Шерера. Колодильнаго м. Мисака

ВИДЪ ПЕЩЕРНОЙ ЦЕРКВИ У С. ЛЯДОВЫ.

углубляются въ отвѣсную скалу и расположены на половинѣ высоты горнаго обрыва, но благодаря накопившемуся у подножія горы землистому наносу, можно подойти совершенно удобно къ входу въ пещеры.

По свидѣтельству документа половины XVI столѣтїя, въ то время входы въ пещеры находились на совершенно отвѣсной скалѣ и проникать въ нихъ можно было только по лѣстницамъ, обязанность строить которыя возлагалась какъ повинность на жителей двухъ сосѣднихъ селъ. — Входъ въ главную пещеру обращенъ къ югу; у входа находится довольно широкій гротъ (a); въ немъ въ настоящее время помѣщены старыя образа и ежегодно служится молебствіе. Изъ грота углубляется въ скалу корридоръ, которымъ можно пройти на довольно значительное расстояние; корридоръ этотъ довольно низкій, такъ что идти по немъ можно только согнувшись, а въ иныхъ мѣстахъ (b—c, k—l, m—n) можно двигаться только ползкомъ; извилины хода пролегаютъ не на одномъ уровнѣ, а постоянно то понижаются, то повышаются, слѣдуя направленію трещины, образовавшейся въ скалѣ. По мѣстамъ (f. f. f.) корридоръ

нѣсколько расширяется, образуя небольшие камеры въ 5—12 шаговъ въ діаметрѣ, вышиною отъ 3 до 7 аршинъ. Самая большая длина пройденнаго пещернаго хода (a.....d) равняется 42 метрамъ. Въ концѣ d ходъ заваленъ огромною каменною глыбою, сорвавшеюся изъ потолка и закрывшею проходъ въ дальнѣйшую часть пещеры. Боковые ходы развѣтвляются въ различныхъ направленіяхъ и на различномъ уровнѣ и оканчиваются постепенно суживаясь, такъ что дальнѣйшее движеніе по нимъ даже ползкомъ становится невозможнымъ. — Дно корридоровъ и камеръ каменное; оно состоитъ или изъ цѣльной скальной породы, въ которой проложена пещера, или изъ обвалившихся изъ ея стѣнъ и потолка глыбъ и муссора; только въ трехъ мѣстахъ (g, h, i) дно пещеры покрыто мягкимъ слоемъ наноса, состоящимъ изъ смѣси глины, щебня и чернозема; въ мѣстахъ h и i слой этотъ достигаетъ толщины 35 сантиметровъ, а въ g—57 сантим. Слой этотъ взрытъ былъ маленькими лопатками; онъ заключалъ человѣческія и звѣриныя кости. — Вообще дно всѣхъ корридоровъ и камеръ покрыто множествомъ человѣческихъ костей разбросанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Съ перваго взгляда поражаетъ то обстоятельство, что при огромномъ количествѣ всѣхъ костей скелета, невозможно найти среди нихъ ни одного черепа, но обстоятельство это объясняется случайностью; лица разныхъ сословій, посѣщавшія пещеру, руководимыя благочестивыми побужденіями, тщательно собирали черепа, выносили ихъ изъ пещеры и предавали погребенію.

Последнее погребеніе всѣхъ оставшихся еще череповъ произошло за 3 или 4 года до посѣщенія мною пещеры; такимъ образомъ краниологическій матеріалъ исчезъ безвозвратно. Разсматривая остальные кости, на многихъ изъ нихъ можно было замѣтить характеристическія черты, относимыя обыкновенно антропологами къ признакамъ скелета первобытнаго человѣка; такъ среди нихъ были бедренныя кости съ очень сильно развитою шероховатою линіею на задней поверхности кости (*femurs à colonne*), многія голени имѣли ясно мечевидную форму (*tibia platyspémica*), малыя берцевыя кости отличались весьма глубокими продольными бороздами (*fibules cannelées*), наконецъ многія плечевыя кости имѣли сквозное отверстіе выше локтевой сочленительной головки*).

Въ 60 шагахъ къ востоку отъ большой пещеры, на одномъ уровнѣ съ нею, находится гротъ, извѣстный у народа подъ названіемъ «Киньска пещера»; гротъ этотъ, длиною въ 10,20 метра, шириною отъ 2 до 3,20 метровъ и высотой отъ 2—3 метровъ, имѣетъ видъ неправильнаго треугольника; дно его состоитъ изъ сплошной скалы, на поверхности которой никакихъ предметовъ не было найдено.

Въ 40 шагахъ еще дальше къ востоку лежитъ третья пещера, носящая у народа названіе «Жидовской»; она представляетъ одинъ корридоръ безъ раз-

*) Проф. Анучинъ призналъ на засѣданіи съѣзда эти особенности представленныхъ экземпляровъ костей.

вѣтвленій, высотой отъ 2—3 аршинъ и длиною въ 13½ метровъ. Оба конца пещеры выходятъ наружу и представляютъ удобные входы. Дно пещеры состоитъ изъ каменнаго муссора, среди котораго находятся многочисленныя раковины *unio pictorum*.

Въ окрестности пещеръ, насколько можно было собрать свѣдѣнія у мѣстныхъ жителей, найденъ былъ за нѣсколько лѣтъ человѣческій скелетъ, при которомъ лежалъ большой обломокъ сталактита съ цилиндрическимъ отверстіемъ и два полированные каменные топорика: одинъ кремневый, другой изъ тальковаго сланца — оба топорика удалось пріобрѣсти у ихъ владѣльца.

Въ народныхъ разсказахъ Нѣчинскія пещеры соединены съ преданіями о татарскихъ набѣгахъ. Старожилы утверждаютъ, что во время этихъ набѣговъ жители Нѣчина и сосѣднихъ селъ находили въ пещерахъ безопасное убѣжище отъ грабителей и разсказываютъ по этому поводу болѣе или менѣе драматическіе эпизоды. Подтвержденіе народнаго преданія мы нашли въ двухъ обстоятельствахъ: производя изслѣдованіе въ главной пещерѣ, при расчисткѣ наноса въ мѣстѣ h, среди костей найдена была маленькая серебряная монета, которая оказалась польскимъ полторакомъ Сигизмунда III 1620 года. Сверхъ того въ актовыхъ каменецкихъ книгахъ отыскался документъ, подтверждающій самымъ положительнымъ образомъ народныя воспоминанія *). Здѣсь записанъ актъ, составленный въ 1543 году, по которому подкоморій Подольской земли Янъ Гербуртъ произвелъ разграниченіе между имѣніемъ паніи Анны Домаратовичевны Радецкой селомъ Лучниковичъ, alias Залучье, и имѣніями каменецкаго католическаго епископа селомъ Нѣчиномъ и мѣстечкомъ Черчемъ. При производствѣ разграниченія пещера оказалась на пограничной чертѣ обоихъ имѣній и очевидно обѣ стороны сильно дорожили правомъ пользованія оною, ибо подкоморій опредѣляетъ это право два раза въ текстѣ составленнаго имъ документа; доведши пограничную черту до пещеры, онъ говоритъ: «Во истину пещера должна оставаться на всегда и во вѣки въ общемъ пользованіи людей какъ изъ Залучья такъ и изъ Черча; ни одна сторона не должна ее считать своею исключительною собственностью, но она должна служить мѣстомъ общаго убѣжища отъ поганыхъ и отъ всякаго другаго врага во время набѣговъ на страну. Вольно въ ней искать пріюта всякому мужу и всякой жонкѣ и всякому жителю до малѣйшаго ребенка такъ изъ Залучья, alias Лучниковичъ, какъ и изъ епископскаго Черчинскаго имѣнія». Затѣмъ окончивши актъ разграниченія, подкоморій еще разъ возвращается къ вопросу о правѣ пользованія пещерою и опредѣляетъ слѣдующія условія: «Относительно пещеры — она, какъ выше было сказано, должна быть въ общемъ и недѣлимомъ владѣніи. Одинъ другому

*) Книга Кіевскаго центрального архива. Каменецкая земская записовая 1544 года (*liber inscriptionum et aliarum transactionum*) fol. 334—338. № книги 3593, № документа 719.

не должны препятствовать входу въ нее во время вражескаго набѣга. Если бы челоуѣкъ или жонка изъ Залучья не допускали входа въ пещеру челоуѣку, жонкѣ или ребенку изъ епископскаго Черчинскаго имѣнія и если бы это было доказано присяжнымъ показаніемъ одного или двухъ лицъ, то владѣлецъ Залучья долженъ будетъ наказать виновнаго подъ опасеніемъ штрафа въ 3 гривны. То же относится обратно къ жителямъ Черча по отношенію къ Залучанамъ. Но если бы самъ помѣщикъ одного села не допустилъ пользоваться пещерою помѣщику другаго села или его людямъ, или слугамъ, или служанкамъ во время непріятельскаго нашествія, то онъ будетъ подлежать штрафу въ 100 гривенъ..... Лѣстницы же къ пещерамъ должны строить сообща жители Залучья и Черча, а кто, получивъ повѣстку, не исполнитъ этой повинности, уплотитъ два золотые штрафа, и сверхъ того помѣщикъ долженъ учинить справедливость надъ виновнымъ подъ опасеніемъ штрафа въ 3 золотые по земскому позву».

Приведенный отрывокъ констатируетъ вполне историческое назначеніе пещеры въ XVI столѣтіи, но не исключаетъ предположенія о существованіи ея въ гораздо болѣе раннюю эпоху, на которую указываютъ какъ антропологическія особенности многихъ челоуѣческихъ костей, такъ и немногія каменные орудія, найденныя въ окрестности пещеры; во всякомъ случаѣ слишкомъ продолжительное, хотя и не постоянное пребываніе челоуѣка въ Нѣчинской пещерѣ, даю поводъ къ такимъ наслоеніямъ остатковъ его быта, что древнѣйшій періодъ его пребыванія въ этомъ убѣжищѣ едва-ли можетъ быть констатированъ съ полною ясностью.

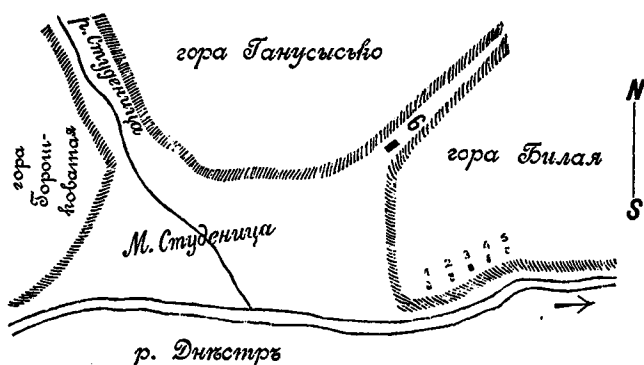
Пещеры у Кривчика.

Пещеры эти лежатъ за мѣстечкомъ Кривчикомъ на высокой горѣ, на которой замѣтны слѣды позднѣйшаго городища. Онѣ открывались тремя узкими входами на самомъ верхнемъ уступѣ горы, входы обращены были къ сѣверо-западу, къ руслу небольшой горной рѣчки Счусенки; въ настоящее время ходы эти завалены глыбами камней, по хозяйственнымъ соображеніямъ крестьянъ, о которыхъ выше было упомянуто, такъ, что проникнуть въ пещеры невозможно; вѣроятно въ обширныхъ залахъ, описанныхъ Ржончинскимъ и посѣщенныхъ, по его словамъ, около 1700 года подольскимъ воеводою Мартиномъ Бонтскимъ, можно было бы найти много слѣдовъ пребыванія въ нихъ первобытнаго челоуѣка—по крайней мѣрѣ окрестности пещеръ усѣяны понынѣ многочисленными экземплярами отбивныхъ кремневыхъ орудій; отстранивъ болѣе сомнительные экземпляры, въ нѣсколько часовъ удалось собрать на склонахъ горы довольно многочисленную коллекцію этихъ орудій: ножей, острій, скребковъ, стрѣлокъ и топоровъ; большинство этихъ орудій отличалось явными признаками отдѣлки рукою челоуѣка; помимо ясной, вполне цѣлесообразной формы, большинство ихъ представляло весьма типическія отбивныя луковичи (bulbes de percussion),

образовавшіяся на мѣстахъ, гдѣ ударъ отдѣлилъ орудіе отъ кремневой глыбы и края многихъ изъ нихъ носили слѣды подправки, произведенной рядомъ мелкихъ ударовъ. Присутствіе этихъ орудій вблизи входа въ пещеру служитъ хотя косвеннымъ указаніемъ на значеніе ея въ качествѣ жилища, убѣжища, или стоянки людской въ неолитическую эпоху каменнаго вѣка.

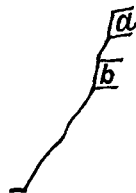
Пещеры у Студеницы.

Мѣстечко Студеница расположено въ долинѣ, окаймленной съ юга р. Днѣстромъ и замкнутой съ трехъ другихъ сторонъ высокими горами: съ за-

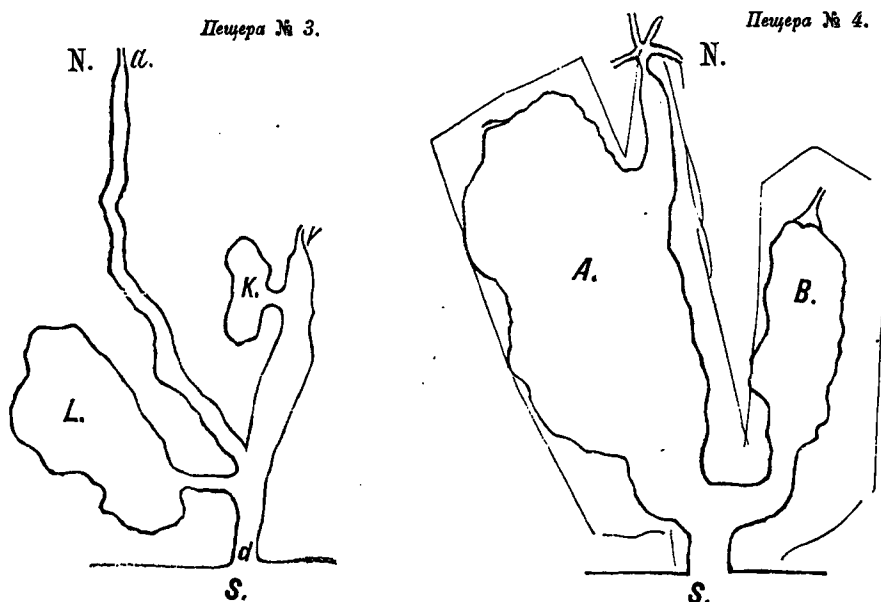
пада возвышается гора, называемая «Горошковая», съ сѣвера гора «Ганусысько» — онѣ раздѣлены глубокою долиною, по которой протекаетъ рѣчка Студеница, впадающая въ Днѣстръ въ самомъ мѣстечкѣ; съ восточной стороны долины возвышается гора «Билая», южная часть которой прилегаетъ къ руслу Днѣстра, сѣверная же отдѣляется отъ горы «Ганусысько» глубокимъ сухимъ оврагомъ, вымытымъ теченіемъ дождевой воды. — Билая гора высится надъ уровнемъ Днѣстра на 70 сажень, и склонъ ея очень крутъ и въ верхнихъ частяхъ совершенно отвѣсенъ, между тѣмъ какъ внизу становится нѣсколько болѣе пологимъ вслѣдствіе осыпей и наносовъ, скопившихся у ея подножія. Отвѣсная часть склона, ближе къ вершинѣ горы въ *a* и *b*, состоитъ изъ обнаженныхъ скалъ третичнаго известняка; въ верхней части этого отвѣснаго скальнаго обрыва находится цѣлый рядъ пещеръ и скальныхъ гротовъ (1, 2, 3, 4, 5). Собственно пещеръ насчитывается 5, но двѣ первыя (считая съ запада) незначительны и могутъ быть сочтены скорѣе объемистыми гротами, чѣмъ пещерами.

Склонъ Билой горы въ разрывѣ

Пещера № 3 состоитъ изъ нѣсколькихъ корридоровъ и открывающихся въ нихъ двухъ неравномѣрныхъ камеръ L и K. Входъ, обращенный къ югу, очень низокъ, такъ что войти въ него можно только ползкомъ, но на разстояніи одной сажени отъ начала онъ постепенно повышается, такъ, что средняя

высота корридоровъ и камеръ=1,30 метра. Вся длина пещеры (a—d)=17,75 метра, длина же большого зала (L)=6,35 метра, а ширина его=2½ метра.

Входъ въ пещеру № 4, также довольно низкій, обращенъ къ югу; онъ ведетъ въ пространную и высокую (2 до 2½ метровъ) камеру А, изъ задняго конца которой небольшой корридоръ продолжается дальше къ сѣверу, и заканчивается четырьмя узкими проходами, расходящимися въ видѣ норъ въ разные стороны; вся длина пещеры отъ входа до конца этого корридора=15 метрамъ. Непосредственно послѣ входа, при началѣ камеры А, отдѣляется по направленію къ востоку другой корридоръ, который ведетъ въ небольшую, почти овальную камеру В (6,50 м. длины, 2,30 м. ширины и 1,30 м. высоты), заканчивающуюся также узкимъ проходомъ въ видѣ норы.

Наконецъ 5-я пещера, самая обширная, имѣетъ 3 входа: два изъ нихъ обращены къ югу, третій къ юго-западу; сама пещера представляется соединеніемъ трехъ обширныхъ залъ и нѣсколькихъ небольшихъ камеръ и корридоровъ.—Входы *a* и *c* на столько высоки, что въ нихъ можно войти согнувшись, въ входѣ *b* можно войти только ползкомъ. Камера А овальной формы длиною въ 12,50 метра, шириною (въ *ef*) 4 м., средняя ея высота 1,55 м.; съ запада къ ней примыкаетъ небольшая камера *d*, съ востока же корридоръ *fn*, который соединяетъ ее съ другою большою залою В; эта послѣдняя соединяется къ сѣверу съ небольшою камерою Е, къ западу съ залою А и глухимъ корридоромъ F и къ востоку, посредствомъ широкаго прохода съ залою С. Длина залы В=10

метрамъ, залы С=7 м.; общая же ихъ ширина (въ шп) достигаетъ 24 метровъ; высота ихъ въ разныхъ мѣстахъ различна отъ 1,50 до 3 метровъ.

Дно всѣхъ описанныхъ пещеръ покрыто камнями и мусоромъ, обвалившимися изъ сводовъ пещеръ, по мѣстамъ мягкой почвою и щебнемъ, происшедшими отъ вывѣтриванія той же скальной породы. При раскопкѣ мягкаго дна пещеръ, а также при осмотрѣ скатовъ горы у ихъ выходовъ и поверхности поля, расположеннаго на вершинѣ горы, непосредственно надъ пещерами, найдено было нѣсколько десятковъ отбивныхъ кремневыхъ орудій: ножей, острий, скребковъ, нуклеусовъ и топоровъ. Орудія были отбиты большими отбойниками, онѣ отличаются грубою формою и края большей части ихъ подправлены рядомъ мелкихъ ударовъ, расположенныхъ по краямъ орудія.

Затѣмъ въ оврагѣ, отдѣляющемъ Билую гору отъ Ганусыська (см. по плану 6), на самомъ днѣ рывины найдены были кости мамонта: влыкъ и нѣсколько реберъ, плотно инкрустированные въ почву, состоящую изъ известковаго щебня и кремней. Въ этомъ мѣстѣ весной, во время половодія вода размыла, по видимому, цѣлый скелетъ мамонта, но обнаруженные кости были взяты разными лицами въ качествѣ предметовъ любопытства; въ весьма плотной почвѣ, окружавшей оставшіяся кости мамонта замѣчено было множество отбивныхъ кремневыхъ орудій и отбитыхъ осколковъ кремня различной формы и величины; изъ нихъ удалось добыть и сохранить около двухъ десятковъ экземпляровъ.

Пещеры у Нагорьянъ.

Село Нагорьяны расположено на высокой горѣ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ 4 верстахъ отъ устья рѣки Лядавы (табл. 2). Гора на берегу рѣки представляетъ почти отвѣсный скальный обрывъ, у подножія котораго накопились мягкіе наносы и осыпи до высоты $\frac{1}{5}$ горы. На отвѣсной скалѣ въ три яруса расположены пещеры, числомъ 7. Самая обширная расположена ниже другихъ въ томъ мѣстѣ скалы, до котораго достигаютъ мягкіе наносы почвы, а потому доступъ въ нее совершенно свободенъ. Входъ въ пещеру, обращенный къ югу, имѣетъ видъ высокой арки, шириною въ 8 метровъ и высотой въ срединѣ въ 4,15 метра. Сама пещера состоитъ изъ одной обширной залы, неправильной эллиптической формы, длиною въ 28 метровъ, различной ширины въ разныхъ мѣстахъ, достигающей по срединѣ гота до 42 метровъ. Такъ какъ дно пещеры постоянно повышается отъ отверстія въ глубину, то и высота гота уменьшается въ этомъ направленіи: въ глубинѣ гота она не превышаетъ 1,25 метра, между тѣмъ какъ у отверстія она болѣе 4 метровъ. — Дно пещеры состоитъ изъ сплошной известковой скалы, однородной съ каменною породою, составляющею ея стѣны и сводъ; мягкихъ наносовъ на днѣ нѣтъ, но по мѣстамъ оно покрыто крупнымъ щебнемъ и обломками камней. Среди этого щебня, равно какъ и на склонѣ горы, ниже отверстія пещеры найдено 17 отбивныхъ кремневыхъ орудій: ножей, острий, скребковъ; всѣ эти орудія отличаются гораздо большимъ объемомъ, чѣмъ въ предъидущихъ пещерахъ и гораздо болѣе грубою и первобытною отбивкою.

Во второмъ и третьемъ ярусѣ расположено еще 6 пещеръ, изъ которыхъ только двѣ оказались доступными; обѣ представляютъ узкіе (около 2 метровъ), высокіе (5—8 метровъ) и не особенно длинные (8—9 метровъ) готы. Своды ихъ устроены такъ, что боковыя стѣнки лежатъ наклонно другъ къ другу и у вершины гота сливаются, такъ, что ходъ пещерный представляетъ въ разрѣзѣ высокій равнобедренный треугольникъ. — Скалы у входа въ эти пещеры покрыты большимъ количествомъ рѣзовъ и рисунковъ, между которыми преобладаютъ изображенія креста, составленнаго изъ точекъ, крылатой человѣческой фигуры и четырехугольника, раздѣленнаго двумя діагоналями и выполненнаго десятью кружками: Сверхъ того у входа въ одну изъ этихъ пещеръ на скалѣ выкованы 7 чашечныхъ углубленій (écuelles), каждая величиною въ полъ апельсина.

На склонѣ горы, понижающейся отъ самой обширной, нижней пещеры къ рѣкѣ, противъ входа въ пещеру, расположены въ видѣ неправильнаго полукружья 15 большихъ камней, изъ которыхъ 7 образуютъ 2 группы (а. в.), 8-же остальныхъ расположены каждый отдѣльно. Три камня,

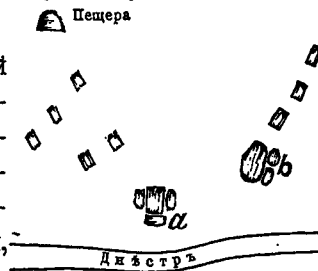

Фото Гравера Шерера. Наблюдения Кув. Москвит.

В И Д Ъ П Е Ш Е Р Ъ У С . Н А Г О Р Я Н Ъ .

Фото-Гравюра Шереръ, Наблюдения № 8 въ Миссиссипи.

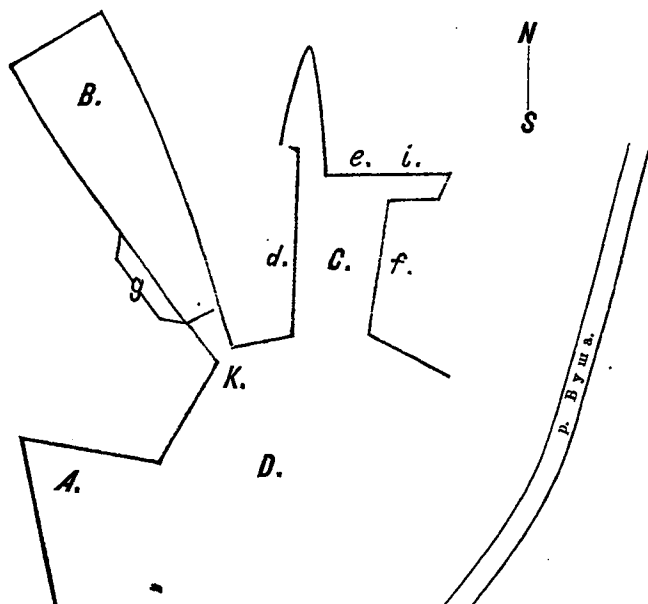
ГОРЕЛЬЕФЪ НА СКАЛЬ У С. БУШИ.

составляющіе группу *b*, расположены такъ, что образуютъ небольшой гротъ, напоминающій мегалитическія сооруженія. Всѣ эти камни покрыты значительнымъ количествомъ рѣзовъ и рисунковъ, аналогичныхъ съ рисунками на стѣнахъ пещеръ, но представляющихъ гораздо болѣе многочисленныя и разнообразныя начертанія. Среди всевозможныхъ комбинацій прямыхъ линий, точекъ и кружковъ, чаще всего замѣчаются начертанія различной формы креста, сочетанія, составленныя изъ пернатыхъ частей стрѣлъ, болѣе или менѣе неуклюжія изображенія человѣческихъ фигуръ, знаки похожіе на свастикку и особенно тщательно выкованныя чашечныя углубленія различной величины.

Разсматривая предметы, найденныя въ исчисленныхъ пещерахъ, мы можемъ предполагать съ большою вѣроятностью, что онѣ нѣкогда служили жилищемъ первобытныхъ насельниковъ страны. Во всѣхъ этихъ пещерахъ, составляющихъ естественныя расщелины или гроты въ скальной мѣстной породѣ, найдены кремневые отбивныя орудія; орудія эти, разбѣянные частью внутри самыхъ пещеръ, частью въ непосредственномъ ихъ сосѣдствѣ, принадлежать къ неолитическому типу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются уже со слѣдами полировки (2 орудія у Нѣчина, 1 у Студеницы и 1 у Кривчина). Кромѣ присутствія кремневыхъ орудій, признака общаго для всѣхъ перечисленныхъ пещеръ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, встрѣчались данныя, подтверждающія высказанное предположеніе другими признаками и указаниями. Таковы: 1) въ Студеницѣ присутствіе вблизи пещеры мамонтовыхъ костей, сопровождаемыхъ отбивными кремневыми орудіями, аналогичными съ тѣми, которыя были найдены въ пещерѣ; 2) въ Нагорянахъ рѣзы, рисунки и чашечныя углубленія, покрывающіе стѣны пещеръ и камни, расположенныя противъ ихъ входовъ; 3) въ Нѣчинѣ характеристическіе признаки многихъ найденныхъ въ пещерѣ человѣческихъ костей, признаваемые какъ черты, свойственныя скелету человѣка въ первобытную эпоху.

Кромѣ перечисленныхъ выше пещеръ, въ бассейнѣ Днѣстра есть еще значительное количество другихъ, болѣе позднихъ пещерныхъ сооруженій, возникшихъ уже въ историческое время; пещеры эти или высѣчены были въ скалахъ рукою человѣка для удовлетворенія его новыхъ культурныхъ потребностей, или, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ возникли путемъ расширенія и принаровленія для новыхъ нуждъ старыхъ, первобытныхъ естественныхъ скальныхъ расщелинъ; но въ такомъ случаѣ, какъ первоначальная форма древней пещеры, такъ и всякіе слѣды быта ея первоначальныхъ обитателей исчезли совершенно, уступивъ мѣсто новымъ, болѣе развитымъ требованіямъ жизни.

Какъ-бы переходной типъ отъ типа древнихъ троглодитскихъ пещеръ до типа новаго христіанскаго составляетъ пещера, лежащая въ селѣ Бушѣ, Ямпольскаго уѣзда. Село это расположено въ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ

Мураховы и Бушки. Берега этихъ рѣчекъ обнажаютъ въ Бушѣ на довольно значительномъ пространствѣ пласть гранита, въ которомъ и выкована пещера, осмотрѣнная нами. Она расположена на правомъ берегу рѣки Бушки, нѣсколько выше впаденія ея въ Мурахову; входъ въ пещеру лежитъ на небольшой площадкѣ (D), окруженной со всѣхъ сторонъ отвѣсными гранитными скалами, взаимно пересѣкающимися подъ углами различной величины. На южномъ концѣ площадки двѣ скалы, пересѣкающіяся подъ острымъ угломъ, образуютъ какъ-бы нишу (A); на верхнихъ краяхъ обѣихъ скалъ, образующихъ этотъ уголъ, высѣчены глубокія горизонтальныя рывины, во всю ширину скалъ, какъ будто назначенныя для того, чтобы удерживать доски деревяннаго потолка; затѣмъ, миновавъ этотъ уголъ, встрѣчаемъ входъ въ пещеру B; стѣны, потолокъ и полъ этой пещеры состоятъ изъ гладкихъ, ровныхъ поверхностей гранитныхъ скалъ. Длина пещеры=10 метрамъ, высота=1,40 метра и ширина въ глубинѣ пещеры=2,20 метра, но по направленію къ входу она постепенно суживается и у входа (K) едва достигаетъ 70 сантиметровъ. Въ лѣвой стѣнѣ отъ входа высѣчена въ скалѣ продолговатая ниша (g), служившая какъ-бы ложемъ—надъ нею высѣчена на скалѣ надпись: *kaï n regunian*. — Подвигаясь далѣе къ востоку отъ входа въ пещеру, мы встрѣчаемъ продолговатую площадку C, окруженную съ трехъ сторонъ скалами, на которыхъ начерчены разновременныя

надписи и изображенія: на скалѣ d, длиною въ 6,50 метра и высотой въ 2,80 метра, во всю ея длину на верхнемъ краѣ высѣчены двѣ глубокія борозды, служившія вѣроятно для придѣлки деревяннаго потолка, затѣмъ, ниже ихъ начертанъ квадратъ и среди него неясный вензель, состоящій изъ латинскихъ буквъ R. O. и еще ниже въ одну строку высѣчена польская надпись: *Ta Jaskinia odkryta przez W. Romualda Ostoja Owsianego r. 1824* (эту пещеру открылъ Ромуальдъ Остоа Овсяный 1824 года).

Между этою скалою и слѣдующею скалою e находится промежутокъ длиною въ 2 метра и шириною въ 0,90; въ сѣверномъ его концѣ до недавняго времени находился ходъ въ другую пещеру, теперь совершенно залывшій землею и непроходимый. Скала e, длиною въ 2,68 метра и высотой около 2 метровъ, отдѣляется отъ слѣдующей скалы f также промежутокъ, около $\frac{1}{2}$ метра шириною, изъ котораго въ мѣстѣ i былъ другой ходъ въ пещеру, лежащую подъ скалою e, теперь совершенно непроходимый; на самой же этой скалѣ вырѣзаны: треугольникъ, съ кружкомъ внутри, ниже его польская надпись: *Ramię: 1524: R: d 3 Junii* (въ память 3 іюня 1524) и еще ниже во всю ширину скалы вензель такой формы: $\text{H} \text{---} \text{---} \text{IS}$. Надпись на этой скалѣ, не смотря на выставленный годъ, по способу вырѣзки и начертанію буквъ совершенно однородна съ вышеприведенною надписью, обозначенною 1824 годомъ, и вѣроятно начертана въ одно время съ нею.

Наконецъ, скала f, высотой въ 2,30 метра и длиною 3,20 метра, покрыта изображеніями гораздо болѣе древними, выдающимися на скалѣ въ видѣ высокаго рельефа. Изваяніе это изображаетъ слѣдующую группу: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей — горизонтальной — сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣни человѣческая фигура, изображенная въ профиль и нѣсколько напоминающая своими контурами каменная баба; фигура эта держитъ въ рукахъ чашу, совершая какъ будто либацію. Сзади, за человѣческою фигурою стоитъ фигура оленя съ вѣтвистыми рогами; послѣдняя притомъ поставлена, по видимому, какъ изображеніе не ливаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталь. Между рогами оленя и пѣтухомъ находится квадратъ, въ видѣ рамки, но произведенный не рельефомъ, а выдолбленный въ скалѣ, что наводитъ на мысль, что квадратъ этотъ высѣченъ не одновременно съ остальными фигурами, а, вѣроятно, въ гораздо болѣе позднее время. Высота рельефа выпуклыхъ фигуръ, въ разныхъ мѣстахъ различна; такъ олень у начала роговъ представляетъ рельефъ въ $3\frac{1}{2}$ сантиметра высотой, а у туловища $5\frac{1}{2}$; высота рельефа человѣческой фигуры у головы — 6 сантиметровъ, и, постоянно повышаясь къ низу, достигаетъ у ногъ 17 сантиметровъ (табл. 3).

О древности происхожденія рельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія неравномѣрно и на поверхности ея образовались глубокія продольныя борозды, которыя пресѣкаютъ равно гладкую поверхность скалы и высѣченныя на ней фигуры. Въ ближайшей окрестности пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій.

О происхожденіи горизонтальныхъ бороздъ на скалахъ и польскихъ надписей, высѣченныхъ на нихъ, мѣстные старожилы рассказываютъ слѣдующее довольно еще свѣжее преданіе: около 1820—1830 годовъ въ Бушѣ жилъ помѣщикъ Ромуальдъ Овсяный, отличавшійся крутымъ и эксцентрическимъ нравомъ; отношенія его къ крестьянамъ сложились довольно недружелюбно — и характеръ этихъ сношеній Овсяный считалъ поводомъ частыхъ пожаровъ, жертвою которыхъ нѣсколько разъ сдѣлался его домъ, бывший среди села; наскучивъ пожарами, и вѣроятно увлекшись оригинальностью затѣи, Овсяный приказалъ построить крышу надъ гротами, выше описанными, и поселился въ пещерѣ; тогда же онъ и приказалъ изсѣчь надписи и вензеля, сохранившіеся на скалѣ по нынѣ. Впрочемъ ему пришлось не долго обитать въ новомъ жилищѣ; онъ кончилъ жизнь весьма трагически: въ одно утро найденъ былъ въ гротѣ повѣсившимся. — Впрочемъ, рассказчики не могли сказать была ли его смерть результатомъ самоубійства или преступленія.

Относительно рельефа, изображающаго группу, онъ изсѣченъ былъ, конечно, гораздо раньше и преданій о времени его происхожденія и о его значеніи не сохранилось. Мы не беремъ на себя задачи комментировать значеніе этого рельефа, осмѣлимся, однако, высказать предположеніе, что изображенная на немъ группа представляетъ сцену изъ славянскаго, предшествовавшаго христіанству религіознаго культа; на предположеніе это наводитъ насъ жертвенное и символическое значеніе пѣтуха у славянъ язычниковъ, явствующее какъ изъ текста «исторіи» Льва Діакона Калойскаго, такъ и изъ изображенія на бляхѣ, которою окованъ былъ турій рогъ, найденный Д. Я. Самовасовымъ въ Черной могилѣ. Символическое значеніе оленя, или «тура—оленя», носящаго на рогахъ то солнце, то разные символическіе предметы, мы встрѣчали въ древнѣйшихъ колядкахъ, сохранившихъ неясные образы и представленія дохристіанскаго времени; наконецъ, сходство человѣческой фигуры съ изображеніями каменныхъ бабъ, указываетъ также на давнее происхожденіе рельефа. Впрочемъ, на предположеніи этомъ, слишкомъ можетъ быть поспѣшномъ, мы не намѣрены настаивать, предоставляя комментировку группы лицамъ, спеціально посвятившимъ себя изученію мифологіи и символистики славянской.

Остальные видѣнныя нами поднѣстранскія пещеры относятся къ историческому, христіанскому времени и представляютъ сооруженія, изсѣченныя въ скалахъ древнѣйшими христіанами отшельниками, посвятившими себя пустынножительству, вѣроятно, еще въ удѣльномъ періодѣ русской исторіи, по крайней мѣрѣ о происхожденіи въ это время пещеры въ Бакотѣ мы имѣемъ прямое лѣтописное свидѣтельство.

Самое интересное сооруженіе такого рода представляетъ пещерная древняя церковь во имя св. Іоанна Крестителя, лежащая у села Лядавы, на высокомъ берегу Днѣстра. Какъ сама церковь, такъ и ризница при ней, комната, погребъ и двѣ келіи высѣчены въ скалѣ. Это весьма интересный образецъ поднѣстровскаго древняго скальнаго монастыря; къ несчастію о времени и обстоятельствахъ его возникновенія до насъ не дошли никакія свѣдѣнія (табл. 1).

Другое такого же рода сооруженіе, не сохранившееся впрочемъ вполне, представляютъ остатки скальнаго монастыря въ Бакотѣ. О монастырѣ этомъ мы находимъ свѣдѣнія въ двухъ литовско-русскихъ лѣтописяхъ *). Лѣтописи эти, рассказывая исторію завоеванія Подолія князьями Кориатовичами во второй половинѣ XIV столѣтія, сообщаютъ: «Напервое пашли себѣ твержу на рѣцѣ на Смотричи, а въ другомъ мѣстѣ были черицы въ горе и въ томъ месте на радили городъ Бокоту». Изъ этого отрывка видно, что монастырь въ Бакотѣ существовалъ раньше прихода Кориатовичей; онъ возникъ, вѣроятно, въ то время, когда Бакота состояла административнымъ и вѣчевымъ центромъ той части Подолія, которою управляли Галицкіе князья **).

Въ настоящее время отъ древняго Бакотскаго скальнаго монастыря осталось не многое. На отвѣсной скалѣ, лежащей за селомъ Бакотою и возвышающейся надъ уровнемъ Днѣстра на 72 сажени, у верхняго края обрыва — виднѣется отверстіе пещеры; нѣкогда къ нему вели снизу ступеньки, высѣченныя въ скалѣ, но онѣ давно обрушились и та часть скалы, въ которой онѣ были высѣчены вывѣтрилась и осыпалась; затѣмъ, значительная часть самой скалы, въ которой помѣщались келіи, откололась и упала внизъ, вмѣстѣ съ нею исчезла, помѣщавшаяся въ ней большая, передняя часть монастыря; теперь проникнуть въ отверстіе, зияющее надъ пронастью, невозможно снизу — за то можно было попасть въ монастырскую пещеру, только спускаясь въ нее на канатѣ сверху. Пещера эта имѣетъ видъ улитки, спускающейся внутри скалы въ два оборота и постепенно расширяющейся къ низу; нижнее широкое отверстіе выходитъ въ скалѣ на обрывѣ, перпендикулярно спускающійся къ Днѣстру; тонкая скальная полоса, отдѣлявшая верхній оборотъ улитки отъ нижняго, въ нѣсколькихъ мѣстахъ провалилась. Въ нижнемъ оборотѣ винта

*) Лѣтопись, изданная Даниловичемъ, стр. 49. Лѣтопись изданная Нарбутомъ по рукописи Быховца, стр. 19.

***) Ипатская лѣтопись стр. 525, 526, 527, 549—550.

высѣчены въ богахъ его двѣ келіи съ сводообразными потолками; келіи эти очень тѣсны: 9 футовъ въ длину, 4 въ ширину и около 6 футовъ высокою. Ниже второй келіи замѣчаются съ каждой стороны хода, на высотѣ 2½ аршинъ отъ пола, по двѣ зазубины въ 2—3 дюйма глубиною; онѣ расположены другъ противъ друга и очевидно назначены были для того, чтобы укрѣплять въ нихъ доски. Такимъ образомъ корридоръ пересѣкался двумя досчатыми стѣнами и часть его превращалась въ келію, полукаменную, полудеревянную. Среди этой келіи въ лѣвой ея каменной стѣнѣ высѣчена низкая ниша, правдоподобно служившая ложемъ.

Вотъ все, что осталось нынѣ отъ древняго скальнаго монастыря въ Бакотѣ и старое назначеніе пещеры осталось лишь въ преданіи, очень упорно сохранившемся среди мѣстнаго населенія и въ названіи урочища, лежащаго у подножія обрыва на берегу Днѣстра; урочище это нынѣ называется «Монастырьско», хотя самъ монастырь давно пересталъ существовать и мы не въ состояніи даже указать времени, когда прекратилось его существованіе.

В. Антоновичъ.

Слѣды мегалитическихъ сооруженийъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южной Россіи.

Е. Н. Мельникъ.

Вопросъ о существованіи мегалитическихъ памятниковъ въ Россіи еще почти до послѣдняго времени оставался совершенно открытымъ въ археологической наукѣ.

Разсматривая карту распространенія мегалитическихъ построекъ *)), мы находимъ ихъ въ огромномъ количествѣ въ Индіи, Палестинѣ, сѣверной Африкѣ, во Франціи, въ особенности вдоль западнаго ея побережья, въ Германіи на побережья Нѣмецкаго и Балтійскаго морей; нѣсколько меньше въ Испаніи, на Британскихъ островахъ и въ южной Швеціи, еще меньше въ Италіи, Норвегіи и въ Царствѣ Польскомъ. Затѣмъ онѣ почти прекращаются въ центральной Европѣ и только въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Крыму и на Кавказѣ.

Поэтому среди ученыхъ археологовъ западной Европы установилось мнѣніе, что Россія — по преимуществу страна кургановъ и должна быть исключена изъ района распространенія мегалитическихъ построекъ. Это первоначальное мнѣніе, еще до недавняго времени господствовавшее и даже сдѣлавшееся общимъ мѣстомъ въ археологической наукѣ, давало поводъ къ различнымъ догадкамъ для объясненія такого страннаго пробѣла и различнымъ теоріямъ объ иммиграціи и расселеніи того народа, который оставилъ послѣ себя многочисленныя сооружения изъ огромныхъ неотесанныхъ или мало отдѣланныхъ камней, которыми въ наукѣ усвоено названіе мегалитическихъ памятниковъ.

Мы не будемъ входить въ разборъ различныхъ теорій болѣе или менѣе вѣроятныхъ о возникновеніи мегалитическихъ построекъ, о происхожденіи и переселеніи одного или многихъ сооружавшихъ ихъ народовъ; остановимся только на двухъ болѣе выдающихся мнѣніяхъ.

*) Fergusson. Les monuments mégalithiques.

По мнѣнію одной группы ученыхъ народъ этотъ, по выходѣ изъ своей родины въ центральной Азіи, двигался въ Европу двумя путями: одинъ путь пролегалъ черезъ Индію, Персію, Аравію, Палестину, вдоль сѣвернаго побережья Африки, откуда продолжался на Пиренейскій полуостровъ и, пройдя изъ конца въ конецъ всю Францію, остановился на Британскихъ островахъ. Другой путь пролегалъ черезъ Кавказъ и Крымъ, откуда направился къ берегамъ Балтійскаго моря, въ Скандинавію и сошелся съ первымъ въ нынѣшней Ирландіи. Народъ этотъ на всемъ протяженіи своего пути долженъ былъ оставить слѣды своего пребыванія въ видѣ большаго или меньшаго количества мегалитическихъ памятниковъ, особенно многочисленныхъ въ западной полосѣ нынѣшней Франціи.

Всѣ остальные мѣстности, въ которыхъ не замѣчено этого рода памятниковъ указанною группою ученыхъ, были отнесены къ району циклопическихъ сооружений — какъ Аппенинскій и Балканскій полуострова и острова Средиземнаго моря — и кургановъ — какъ вся средняя и восточная Европа. Цѣльность этой теоріи нарушалась впрочемъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ настоящихъ мегалитическихъ построекъ, разбросанныхъ въ видѣ островковъ въ разныхъ частяхъ Италіи, Греціи и на островахъ Средиземнаго моря.

По мнѣнію другой группы археологовъ, къ которой принадлежатъ такіе ученые какъ de Bonstetten, Desog и Worsaae, этотъ невѣдомый народъ, выйдя изъ Бактріи, своей родины, направился на западъ по теченію Оксуса, вдоль береговъ Каспійскаго моря, черезъ Кавказъ, Азовское море, Днѣпръ, Нѣманъ и Вислу къ побережью Балтійскаго моря, откуда началось новое передвиженіе въ различныхъ направленіяхъ *). — Впрочемъ и до настоящаго времени вопросъ этотъ далеко еще нельзя считать рѣшеннымъ, ни одна изъ существующихъ въ наукѣ теорій не можетъ быть признана безусловно вѣрною и постоянное открытіе новыхъ мегалитовъ въ различныхъ мѣстностяхъ средней Европы заставляетъ постепенно расширять районъ ихъ распространенія и даетъ поводъ къ новымъ догадкамъ.

Какъ бы то ни было, какому бы мнѣнію мы ни послѣдовали, — будутъ ли то указанныя выше теоріи объ имиграціи одного арійскаго племени, или Broca, Mortillet, Cazalis de Fondouce **), по которой самыя различныя народы на извѣстной степени развитія могутъ совершенно самостоятельно, каждый на своей территоріи, сооружать вполне аналогичныя памятники подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій быта и религіозныхъ вѣрованій, — но во всякомъ случаѣ при каждой изъ существующихъ теорій насъ поражаютъ огромныя, ничѣмъ не объяснимыя пробѣлы въ распространеніи мегалитическихъ построекъ.

*) Nadaillac. Les premiers hommes. I, 371. **) Тоже, I, 367.

Если принять теорію переселенія изъ центральной Азіи народовъ, принесшихъ въ Европу культуру неолитическаго и перваго бронзоваго періода (такъ какъ къ этимъ двумъ періодамъ относятъ большинство мегалитическихъ памятниковъ по находимымъ въ нихъ предметамъ), то становится яснымъ, что народы эти не могли проникнуть сюда иначе, какъ черезъ территорію нынѣшней Россіи, — будетъ ли то черезъ сѣверную Россію къ Балтійскому морю и дальше на западъ, по мнѣнію А. Berger'a *), или черезъ южную Россію, что кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ южная полоса Россіи, представляющая наиболѣе удобствъ для массовыхъ передвиженій, есть по преимуществу тотъ путь, по которому двигались въ Европу большинство населившихъ ее и вышедшихъ изъ Азіи народовъ. Поэтому господствующее въ археологической литературѣ мнѣніе, что Россія — исключительно страна кургановъ, поколебалось въ послѣднее время и такіе авторитетные ученые какъ Mortillet начинаютъ высказываться въ томъ смыслѣ, что если понынѣ и не было еще констатировано существованіе мегалитическихъ построекъ въ средней и восточной Европѣ, то это еще не доказываетъ, что онѣ здѣсь совершенно отсутствуютъ и не могутъ быть открыты при болѣе тщательномъ изслѣдованіи указанной территоріи.

Остается только заполнить этотъ пробѣлъ, болѣе чѣмъ странный, въ особенности если принять гипотезу переселенія народовъ Дезора и Ворсо. Дѣйствительно трудно допустить, чтобы народъ, привыкшій въ теченіи долгаго времени удовлетворять извѣстнымъ религіознымъ или культурнымъ потребностямъ посредствомъ сооруженія такъ называемыхъ мегалитическихъ памятниковъ, могъ забыть свой древній обычай тотчасъ по выходѣ изъ родины въ новый край и, отказавшись отъ него на время весьма продолжительнаго путешествія, снова обратиться къ прежнимъ формамъ на отдаленныхъ берегахъ западной Европы и Африки. Подобное предположеніе тѣмъ болѣе можетъ казаться страннымъ, что, если не на всемъ протяженіи пути, то на большей его части, въ изобиліи встрѣчается на поверхности почвы матеріалъ, необходимый для этого рода сооруженій въ видѣ обнаженія различныхъ каменныхъ породъ. Поэтому здѣсь не пришлось бы привозить камень издалека, какъ это мы видимъ во многихъ низменныхъ мѣстностяхъ западной Европы.

Всѣ эти соображенія невольно приводятъ къ мысли о возможности существованія хотя нѣкоторыхъ видовъ мегалитическихъ построекъ, по крайней мѣрѣ въ южной полосѣ Россіи, и заставляютъ насъ присоединиться къ мнѣнію г. Mortillet. Дѣйствительно и географическое положеніе края на пути изъ центральной Азіи въ Европу, и характеръ мѣстности, и обиліе камня какъ необходимаго матеріала — все это приводитъ къ мысли, что есть всѣ необходимыя

*) Congrès préhist. de Bruxelles, 1872, p. 408.

условія для возможности существованія мегалитовъ въ краѣ и что присутствіе ихъ могло бы быть констатировано при болѣе правильныхъ археологическихъ изслѣдованіяхъ.— Случай подтверждаетъ эту догадку и по крайней мѣрѣ нѣкоторые виды этихъ памятниковъ доисторической древности мнѣ удалось встрѣтить въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, въ системѣ рѣки Ингульца, и отчасти въ Подольской губерніи по берегамъ Днѣстра.

Вся эта мѣстность прорѣзывается тою гранитною грядою, которая, отдѣлившись отъ Карпатскихъ горъ, направилась къ востоку, то появляясь на поверхности почвы въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ скальныхъ грядъ, то залегая подъ почвою и обнажаясь мѣстами по берегамъ рѣкъ и балокъ изъ подъ налегающихъ на нее третичныхъ и дилювіальныхъ пластовъ. Это та самая гряда, которая тянется съ запада на востокъ на всемъ пространствѣ южной полосы Россіи и образуетъ пороги на Днѣстрѣ, Бугѣ, Днѣпрѣ и нѣкоторыхъ ихъ притокахъ.

Своимъ характеромъ первая указанная нами мѣстность (Александрійскій уѣздъ Херсонской губерніи) представляетъ довольно возвышенную равнину, изрѣзанную болѣе или менѣе значительными рѣчками и множествомъ глубокихъ балокъ, большею частью пересыхающихъ въ лѣтнее время. По берегамъ и по склонамъ этихъ балокъ, а иногда и въ промежуткахъ между ними, замѣчаются обнаженія различныхъ гранитныхъ породъ, по большей части сѣраго и красноватаго гранита.

Благодаря обязательному указанію семейства мѣстныхъ землевладѣльцевъ гг. Меркуловыхъ, мнѣ удалось осмотрѣть въ системѣ Ингульца, среди весьма обильныхъ гранитныхъ отложеній, нѣсколько группъ камней съ ясными признаками искусственной постановки, которыя своимъ внѣшнимъ видомъ и расположеніемъ представляютъ много аналогіи съ нѣкоторыми видами такъ называемыхъ мегалитическихъ построекъ. Если бы удалось констатировать принадлежность этихъ группъ къ мегалитическимъ памятникамъ, то было-бы положено начало для заповнення указанного нами пробѣла въ археологической картѣ и тогда явилась бы возможность расширить районъ ихъ распространенія и включить въ него по крайней мѣрѣ южную полосу Россіи.

Мнѣ удалось осмотрѣть на пространствѣ 15—20 верстъ семь искусственно расположенныхъ группъ камней, которыя напоминаютъ четыре или пять различныхъ видовъ мегалитическихъ построекъ.

Верстахъ въ 25 къ югу отъ уѣзднаго города Александріи впадаетъ съ правой стороны въ р. Ингулецъ довольно глубокая балка, называемая Дубовою, почти пересыхающая въ лѣтнее время; она имѣетъ до десяти верстъ въ длину: Дубовая балка въ свою очередь принимаетъ въ себя нѣсколько поперечныхъ балокъ, вырытыхъ водою; склоны ихъ частью обнаруживаютъ пласты третичной формации: красную, бѣлую и синюю глину подъ тонкимъ слоемъ чернозема,

частью же поросли дерномъ, среди котораго обнажаются на поверхности почвы болѣе или менѣе значительныя массы красновато-сѣраго гранита, который тянется то сплошною линіею, то въ видѣ отдѣльныхъ скалъ на всемъ протяженіи балки.

При устьѣ одной изъ поперечныхъ балокъ, Скелеватою, впадающей съ правой стороны въ Дубовую, расположено небольшое село Дубовая, иначе Меркуловка. Весь западный склонъ Скелеватою балки, какъ показываетъ самое ея названіе, усѣянъ гранитными скалами; на днѣ протекаетъ небольшой ручей.

На западномъ склонѣ балки, нѣсколько выше впаденія ея въ Дубовую, среди обнаженныхъ скалъ на расчищенной горизонтально скальной площадкѣ расположенъ дольмень (№ 1), въ настоящее время сильно поврежденный. Три года назадъ дольмень этотъ, еще вполне сохранившій свой первоначальный видъ, состоялъ изъ трехъ гранитныхъ массъ, расположенныхъ на подобіе стола и носящихъ ясныя слѣды искусственной постановки.

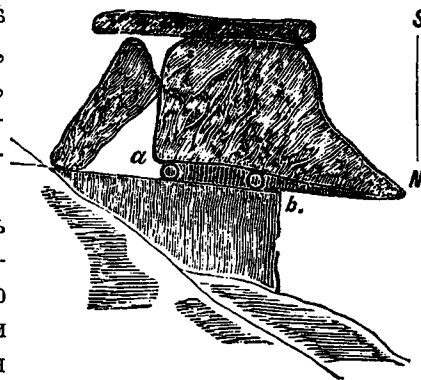

Рис. № 1.

Самый большій и самый массивный изъ трехъ камней, довольно правильно отколотый съ двухъ сторонъ, лежалъ на краю расчищенной скальной площадки, почти на половину выступая надъ нею и образуя довольно значительный навѣсъ, обращенный на западъ ко дну балки, подъ которымъ пастухи укрывались отъ дождя; камень этотъ удерживался въ неподвижномъ положеніи устоями изъ нѣсколькихъ мелкихъ камней, что составляетъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ мегалитическихъ построекъ. Двѣ стороны этой глыбы, нижняя и боковая, пересѣкающіяся почти подъ прямымъ угломъ, довольно правильно отесаны или вѣрнѣе отколоты отъ скалы.

Второй камень, значительно коротче и тоньше перваго, стоялъ на той же площадкѣ въ наклонномъ положеніи, прислоненный къ первому болѣе широкимъ своимъ концемъ, также образуя подобіе навѣса съ довольно свободнымъ проходомъ. Оба камня были сверху накрыты третьимъ, имѣвшимъ форму четырехугольной, продолговатой и сравнительно тонкой плиты, на которой свободно могли помѣщаться нѣсколько человѣкъ.

Въ такомъ видѣ дольмень, который долженъ быть отнесенъ къ виду трилитовъ и dolmens à table, существовалъ еще три года назадъ, но въ 1882 г. мѣстные крестьяне, введенные въ заблужденіе кладоискателями, разбили на нѣсколько кусковъ верхнюю плиту, части ея употребили на различныя хозяйственныя нужды и вынули мелкіе камни, служившіе подставками. Вслѣдствіе

того самый большой камень, образовавший навѣсъ и главную часть дольмена, обрушился и врылся острымъ концемъ въ землю; второй камень, лишенный точки опоры, тоже подался внизъ и повисъ надъ скалою, опираясь однимъ концемъ на первый и образуя преграду между нимъ и площадкою. Такимъ образомъ получился новый видъ дольмена (№ 2).

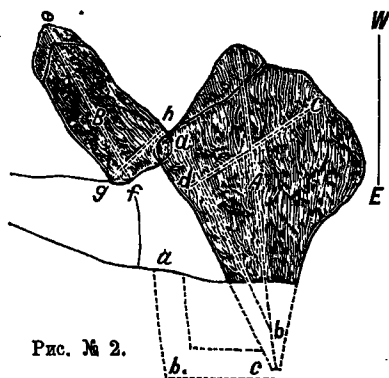

Рис. № 2.

Теперь онъ представляет собою гротъ съ выходомъ обращеннымъ на сѣверо-западъ, т. е. наклонно ко дну балки; противоположная сторона почти замыкается естественными скалами, которые тянутся сплошною линіею вдоль Скелеватой балки и оканчиваются дольменомъ. Какъ внутри грота, образовавшагося при разрушеніи дольмена, такъ и вокругъ него почва состоитъ изъ довольно значительнаго слоя мягкой наносной земли—глины, прикрытой

черноземомъ. Такъ какъ самый дольмень стоялъ первоначально на естественной скалѣ, гдѣ нельзя было допустить ни малѣйшей возможности погребенія, то можно было произвести раскопку только у его подножія, т. е. внутри нынѣшняго грота и внизъ отъ него по склону балки.

Поэтому отъ скалы замыкающей гротъ пущена продольная траншея ab къ выходу, по направленію къ сѣверо-западу; длина траншеи 1,80 метра, ширина 1 метръ. Кромѣ слоя чернозема и глины, лежащей на гранитной скалѣ, которая все больше углубляется въ почву ко дну балки, раскопка ничего не обнаружила. Послѣ того пущена была другая траншея bc перпендикулярно первой, на западъ отъ нея прямо ко дну балки, длиною въ 2,05 метра; на глубинѣ двухъ метровъ показалась та же гранитная подпочва, въ которую упирался острымъ концемъ камень A . Послѣ того раскопка была прекращена, такъ какъ трудно было ожидать чего нибудь опредѣленнаго.

Размѣры камней:

A . длина $ab=4$ метр., ширина—3,56 метр., высота dc 2,08 метр.

B . длина $ef=3,80$ метр., ширина $gh=2,10$, въ узкомъ концѣ 0,95 метр., высота 1,30 метр.

Второй памятникъ, который можетъ быть отнесенъ къ виду ментровъ, находится верстахъ въ шести отъ перваго, вблизи той же Дубовой балки. На лѣвомъ берегу р. Ингульца въ углу, образованномъ извилиною рѣки, нѣсколько выше впаденія въ нее Дубовой балки расположенъ небольшой хуторъ Лещенкова. Вдоль берега рѣки, довольно пологого, сплошною массою тянутся гранитныя скалы. На самомъ концѣ выдающагося въ рѣку мыса, шагахъ въ

тридцати отъ берега, на естественной скалѣ, расчищенной въ видѣ горизонтальной площадки, какъ на постаментѣ стоялъ монолитъ, обращенный широкимъ фасомъ къ рѣкѣ, т. е. прямо на юго-западъ. Монолитъ этотъ носить ясныя слѣды искусственной отдѣлки и постановки; онъ отколотъ въ формѣ четырехгранной призмы, нѣсколько суживающейся къверху и своимъ видомъ чрезвычайно напоминаетъ ментръ въ Lochrist'ѣ (Finistère).

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ ментръ стоялъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Теперь онъ, какъ это показано на рисункѣ № 3, опрокинутъ на бокъ и только небольшою своею частью прилегаетъ къ площадкѣ; вершина его отбилась при паденіи и скатилась внизъ къ рѣкѣ. Въ настоящее время высота монолита два метра, ширина внизу 1 м., толщина 0,60 м. Судя по мѣстоположенію ментра на естественномъ скальномъ грунтѣ почти при полномъ отсутствіи мягкой наносной почвы, трудно допустить здѣсь мысль о какомъ бы то ни было погребеніи; какъ у подножія ментра, такъ и вокругъ него и ниже до самаго берега не представлялось ни малѣйшей возможности для раскопки; слѣдовательно, это не былъ надгробный памятникъ, поэтому только можно догадываться объ иномъ его назначеніи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ментра найденъ обломокъ кремневого ножа простѣйшаго вида.

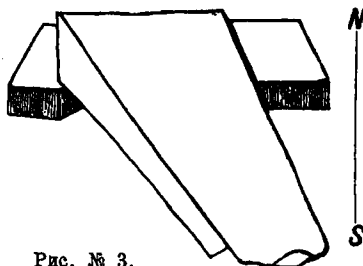

Рис. № 3.

Въ разстояніи 6—7 верстъ южнѣ Дубовой балки и почти параллельно этой послѣдней тянется другая балка, на днѣ которой протекаетъ небольшая рѣчка, подъ названіемъ Большая Верблюжка. Эта балка значительно длиннѣе и глубже первой, рамификаціи ея гораздо больше и многочисленнѣе. Всѣ эти балки носятъ одинъ характеръ съ Дубовою и ея боковыми: тѣ же высокіе и болѣе или менѣе пологіе берега, по склонамъ которыхъ обнажаются третичные пласты или обнаженные породы красноватаго гранита, а на днѣ по большей части протекаетъ незначительный ручей, мѣстами пересыхающійся или обратившійся въ болото.

Въ семи верстахъ къ югу отъ Меркуловки, по обоимъ берегамъ Б. Верблюжки при впаденіи въ нее балокъ Сухой Верблюжки, Каменовой и двухъ безымянныхъ, расположено огромное село Спасово съ нѣсколькими улицами, носящими разныя названія. На окраинахъ села замѣчаются четыре искусственно расположенныя группы камней, которыя могутъ быть отнесены къ тремъ различнымъ видамъ мегалитическихъ построекъ.

1. На лѣвой сторонѣ Сухой Верблюжки нѣсколько выше ея впаденія въ Б. Верблюжку, на западномъ склонѣ балки въ урочищѣ Киндуривка среди скалъ находится группа камней, расположенныхъ почти правильнымъ кругомъ,

которая можетъ быть отнесена къ разряду кромлеховъ или загорождъ епсепіте. Группа расположена на естественной скалѣ ближе къ вершинѣ склона и на самой верхней границѣ камня въ этой части балки; на одномъ уровнѣ съ нею и ниже до самаго берега постоянно обнажаются гранитныя массы, но выше нѣтъ ни малѣйшей скалы, отгуда могли бы отколоться и скатиться внизъ образующіе ограду камни.

Группа состоитъ изъ девяти камней разной величины, расположенныхъ почти правильнымъ кругомъ и плотно прилегающихъ другъ къ другу по внутренней окружности круга съ небольшимъ промежуткомъ въ видѣ входа, обращеннаго на сѣверъ прямо къ рѣкѣ, въ который свободно можетъ пройти человекъ. Нѣкоторые изъ камней плотно прилегаютъ основаниями къ скальной почвѣ, другіе удерживаются въ равновѣсіи устоями изъ мелкихъ камней. Вслѣдствіе каменстаго грунта производство раскопки оказалось невозможнымъ какъ внутри круга, такъ и въ его ближайшей окрестности. Поэтому можно было только снять

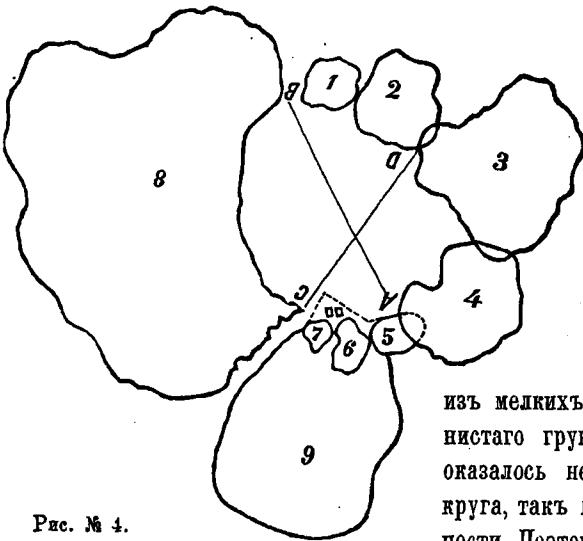

Рис. № 4.

планъ кромлеха и измѣрить величину площадки и каждаго камня отдѣльно; при этомъ ширина бралась по фасу камня, обращенному внутрь круга, толщина—перпендикулярно ширинѣ, высота со стороны площадки. Сверхъ того нужно замѣтить, что иные камни носятъ нѣкоторые слѣды отдѣлки только по внутренней окружности площадки; здѣсь они слегка отесаны перпендикулярно основанію.

Диаметръ AB площадки=3,40 метр., диаметръ CD =3,10 метр.

Размѣры отдѣльныхъ камней :

1.	ширина = 1,10 м.,	толщина 0,70 м.,	высота 1 м.
2.	» 1,60 м.	» 1,90 м.	» 1 м.
3.	» 2,20 м.	» 2,80 м.	» 1,20 м.
4.	» 1,80 м.	» 2 м.	» 1,38 м.
5.	» 0,80 м.	» 0,72 м.	» 0,75 м.
6.	» 0,73 м.	» 1,07 м.	» 0,96 м.
7.	» 0,68 м.	» 0,53 м.	» 0,73 м.
8.	» 6,20 м.	» 4,05 м.	» 2,70 м.

при этомъ сторона, обращенная внутрь круга, представляетъ дугообразную выемку, значительно дополняющую круглыя очертанія площадки; ширина фаса, выходящаго на площадку 3,55 метр., высота съ этой стороны 1,93 м. и постепенно увеличивается къ наружной сторонѣ. № 5 поддерживается съ одной стороны устоемъ изъ небольшого камня, причемъ противоположный его край въ свою очередь служитъ опорой для № 4. № 9 широкій, плоскій камень на подобіе плиты лежитъ на скалѣ, образуя подставку для № № 5, 6 и 7, изъ которыхъ первый прислоненъ къ нему, остальные два расположены на его узкомъ концѣ вмѣстѣ съ двумя мелкими камнями, которые ихъ слегка поддерживаютъ. Можно полагать, что первоначально этотъ большій камень былъ поставленъ вертикально узкимъ концемъ внизъ и опирался одной стороной на меньшіе камни № 5, 6 и 7; но впоследствии потерялъ равновѣсіе и опрокинулся на противоположную сторону, лишившую опоры, причемъ долженъ былъ поднять мелкіе камни, которые могли лечь на его край, какъ это мы видимъ теперь.

Корридоръ, составляющій обращенный къ рѣчкѣ выходъ изъ круга, имѣетъ около 1 м. въ длину и около 0,50 м. въ ширину. Вся группа стоитъ на слегка наклонной гранитной площадкѣ, едва прикрытой самымъ тонкимъ слоемъ наносной земли позднѣйшаго происхожденія.

2. Въ разстояніи около 150 шаговъ къ юго-востоку отъ указаннаго кромеха, на томъ-же склонѣ балки и приблизительно на томъ-же уровнѣ среди скалъ, обнаженныхъ почти непрерывною полосой вдоль всего берега балки, встрѣчается другая группа камней, часть которыхъ расположена въ видѣ дольмена весьма оригинальной формы, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ въ специальныхъ изданіяхъ; остальные поставлены рядомъ съ дольменомъ, какъ-бы составляя его продолженіе.

Собственно дольмень состоитъ только изъ четырехъ камней съ ясными признаками отдѣлки, очевидно имѣвшей въ виду придать имъ желательную форму. Вся группа расположена на ровномъ скальномъ грунтѣ. Два огромные камня (1-й около 2,30 м. въ длину, 1,20 м. въ ширину и около 2 м. въ высоту; 2-й около 2,55 м. длины, около 1 м. ширины и приблизительно такой-же высоты), составляютъ двѣ стѣны дольмена. Оба они отколоты почти перпендикулярно съ внутренней стороны и притомъ такъ, что каждый имѣетъ внизу правильный горизонтальный выступъ или карнизъ на подобіе лавки вдоль стѣны. Параллельно первому камню на разстояніи одного метра лежитъ № 3. огромная плоская плита, около 2,10 м. длины, 1,94 м. ширины и около 0,50 сант. толщины, которая служитъ подставкою для № 4. На серединѣ плиты, образуя по обѣимъ сторонамъ карнизы, болѣе широкимъ и плоскимъ концемъ укрѣпленъ огромный закругленный камень, вытесанный съ внутренней стороны такъ, что составляетъ въ одно время стѣну и крышку дольмена; его тонкій

край опирается на вершину № 1, и въ общемъ получается гротъ съ выходомъ, обращеннымъ на западъ, въ которомъ свободно могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ.

Внутреннее устройство дольмена отличается тою характерною особенностью, что нижняя часть всѣхъ трехъ камней, образующихъ стѣны грота и поддерживающихъ сводъ, отдѣлана въ видѣ правильнаго горизонтальнаго карниза вдоль всѣхъ внутреннихъ стѣнъ грота; высота карниза у каждой стѣны различна, но ширина вездѣ одна и та же = 0,42 сант. Это послѣднее обстоятельство не могло быть случайнымъ, очевидно равная ширина выступовъ имѣлась въ виду при постройкѣ дольмена, что становится особенно яснымъ, если обратить вниманіе на камень № 2. Почти во всю его длину сверху до низу отколотъ пластъ гранита въ 0,42 сант. толщины и оставленъ только выступъ около 0,72 сант. длиною въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ камень замыкаетъ отверстие грота съ востока; такимъ образомъ получается почти сплошной диванъ вдоль стѣнъ.

Въ глубинѣ камеры, на равномъ разстояніи между тремя ея стѣнами стоитъ продолговатый камень *a*, почти одной вышины съ карнизомъ № 3, и повидимому отколотый отъ № 2 при отесываніи его, напоминающій столикъ, около 0,60 сант. длины и 0,42 сант. ширины. Закругленный верхній камень немного длиннѣе своихъ подставокъ (2,60 м. длины, 2,05 м. ширины и около 2,40 м. вышины) и потому даетъ небольшой навѣсъ у входа.

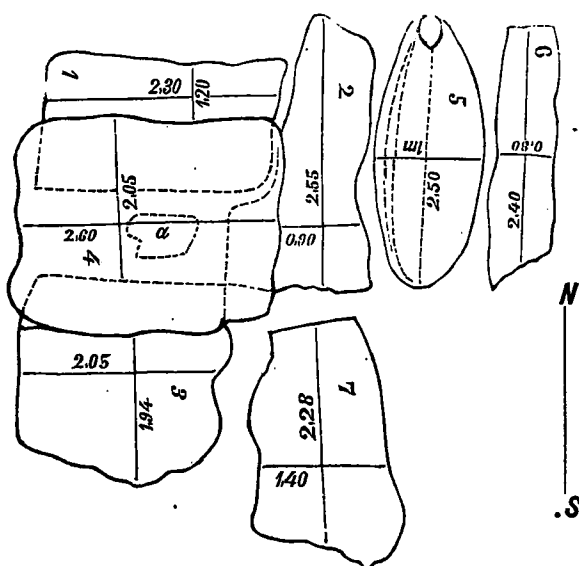

Рис. № 5.

Длина камеры 2,05 м., ширина около 1 м., высота около 2 м.; ширина карнизовъ 0,42 м., высота отъ 40 до 50 сант.

Какъ-бы продолженіе постройки представляютъ 2—3 камня съ ясными признаками искусственной постановки, непосредственно слѣдующіе за дольменомъ.

№ 5, почти одинаковыхъ размѣровъ съ № 2, привлекаетъ вниманіе своею весьма оригинальною формою. Если смотрѣть

сверху, контуры его представляютъ почти правильный овалъ; продольныя стороны закруглены, вся масса расширяется посерединѣ и постепенно суживается

кверху, въ особенности на концахъ. Сверху и сбоку она чрезвычайно напоминаетъ грубое подобіе лошади, быка или другаго подобнаго животнаго съ вогнутымъ хребтомъ, безъ головы. Въ передней части этой фигуры, обращенной на сѣверъ къ рѣкѣ, замѣчается овальный выступъ въ нѣсколько сантиметровъ вышиною, постепенно суживающійся кверху и чрезвычайно напоминающій отрѣзанную шею лошади. Такимъ образомъ получается фигура животнаго, обращенная къ рѣкѣ. Легко можетъ быть, что форма эта чисто случайная, но она очень рѣзко бросается въ глаза; поэтому она легко могла привлечь вниманіе древняго человѣка и повліять на выборъ именно этого мѣста для сооруженія дольмена. № 6, рядомъ съ предыдущимъ, почти одной съ нимъ длины и высоты, но значительно тоньше, представляетъ продолговатую гранитную массу съ отвѣсными краями, довольно правильно отдѣланную или отколотую отъ скалы. № 7 короче другихъ, но гораздо толще, не носитъ особыхъ признаковъ отдѣлки, видно только, что это не природная скала, но что онъ поставленъ здѣсь подобно другимъ. Вся эта группа расположена на естественномъ скальномъ грунтѣ и кажется есть основаніе думать, что почти всѣ входящія въ составъ ея камни подверглись искусственной обработкѣ или по крайней мѣрѣ поставовкѣ, такъ какъ и внѣшнимъ своимъ видомъ, и характеромъ изломовъ рѣзко отличаются отъ цѣлага ряда прилегающихъ къ нимъ естественныхъ скалъ.

Два другіе мегалита находятся въ противоположной части села Спасова, на закраинѣ села, называемой Пирогивка, расположенной на правомъ берегу Б. Верблюжки, между устьями въ нее балокъ Сухой Верблюжки и Каменоватой. Первый расположенъ по каменистому руслу сухой ложбины, вырытой дождевою водою сравнительно не въ очень отдаленное время; она проходитъ прямо съ востока на западъ по сѣверо-западному склону берега и впадаетъ въ Б. Верблюжку.

Группа состоитъ изъ пяти камней, расположенныхъ вдоль русла на подобіе узкаго корридора—авенюе, съ выходомъ на востокъ. Камни, образующіе аллею, довольно длинны, но не высоки—ок. 0,70—0,80 м., за исключеніемъ одного, теперь впрочемъ разбитаго. Сѣверную стѣну аллеики составляетъ одинъ продолговатый камень, лежащій прямо съ запада на востокъ и суживающійся къ выходу; длина его 2,20 м., ширина около 0,60 м., высота около 0,70 м. Почти параллельно первому лежатъ три другіе камня поменьше; изъ нихъ два образуютъ южную стѣну аллеи, а третій ея продолженіе къ западу; между ними небольшіе промежутки, сквозь которые можно пройти человѣку. Расстояніе между стѣнками аллеи увеличивается посрединѣ и суживается въ обоихъ концахъ, особенно въ западномъ. Здѣсь входъ совершенно замыкается тонкимъ и высокимъ, почти закругленнымъ камнемъ, стоящимъ отвѣсно въ видѣ колонны между № 1 и 2; онъ былъ значительно выше всѣхъ остальныхъ, но

теперь вершина его отбита и лежитъ рядомъ съ нимъ на поверхности № 2, куда легла при паденіи.

Длина аллеи=2,20 м., вмѣстѣ съ продолж.=3,50 м., ширина 0,85 м.

Можно предполагать, что параллельно меньшему былъ еще одинъ или и больше камней, такъ что аллея могла быть длиннѣе и тогда болѣе высокій камень, находясь посрединѣ, долженъ былъ дѣлится ея на два отдѣленія, но въ такомъ случаѣ продолженіе ея нужно искать ниже въ ложбинѣ, среди снесенныхъ водою скалъ. Можно даже предположить, что самый болѣе большой камень опирался обѣими концами на другіе, образуя такимъ образомъ дольмень съ небольшою аллейкой, обращенной къ рѣкѣ на подобіе полу-дольмена близъ Пуатье. Впослѣдствіи средняя и главная подставка могла быть разрушена атмосфернымъ вліяніемъ или сильными потоками весеннихъ водъ, крышка дольмена должна была упасть и тогда могъ получиться настоящій видъ этой группы. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ аналогію съ однимъ изъ извѣстныхъ уже видовъ мегалитическихъ построекъ.

Второй памятникъ (Рис. № 6) находится на томъ-же склонѣ и на томъ же урочищѣ Пирогивѣ, въ разстояніи болѣе 200 шаговъ къ юго-западу отъ перваго на берегу Б. Верблюжнн.

Здѣсь мы видимъ такую же загородку—enceinte, какъ на Кинцуригвѣ, только меньше и проще ея. Она состоитъ всего изъ четырехъ камней разной величины, расположенныхъ въ формѣ продолговатаго прямоугольника съ узкимъ выходомъ, обращеннымъ къ сѣверо-западу, т. е. прямо къ рѣкѣ. Всѣ четыре камня носятъ нѣкоторые признаки отдѣлки, а именно та сторона каждаго изъ нихъ, которая образуетъ внутреннюю стѣну камеры, отколота почти по прямой линіи въ длину и особенно въ высоту; всѣ-же остальные стороны представляютъ естественную поверхность гранита.

Группа расположена на слегка наклонной естественной скалѣ, покрытой внутри ограды весьма тонкимъ слоемъ наносной земли, между тѣмъ какъ снаружн культурный слой значительно толще, вслѣдствіе чего дно камеры выходитъ ниже окружающей почвы.

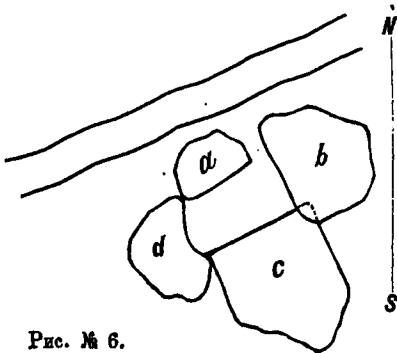

Рис. № 6.

Самый меньшій камень *a* (около 1,50 м. длины и 0,80 м. толщины) стоитъ параллельно наибольшему *c* (около 2,30 м. длины и 2,40 м. толщины) причеиъ въ сѣверномъ углу образуется промежутокъ, который даетъ выходъ къ рѣкѣ. Два другіе, средніе по величинѣ камня, *d* (около 1,80 м. длины и 1,15 м. толщины) и *b* (2 м. длины, 1,80 м. толщины), параллельные другъ другу, составляютъ поперечныя

стѣны камеры, причѣмъ камень с однимъ угломъ поддерживаетъ стоящій рядомъ *b*. Этотъ послѣдній своею внутреннею стороною, параллельной *a*, образуетъ вмѣстѣ съ нимъ корридоръ при входѣ, около 1 м. длиною и 25—30 сант. шириною.

Длина внутренней площадки 2,06 м., ширина 1,08; средняя высота стѣнъ извнутри камеры 1,80 м.

Въ такомъ видѣ ограда чрезвычайно напоминаетъ внутреннюю камеру кромлеха на островѣ Vancouver съ тою только разницею, что тамъ она состоитъ изъ пяти камней безъ выхода *).

Наконецъ послѣдняя группа встрѣтилась намъ въ с. Чечелѣвкѣ на правомъ берегу р. Ингульца, при впаденіи въ нее Б. Верблюжки. Берега обѣихъ рѣчекъ вообще весьма скалисты, въ особенности-же такимъ характеромъ отличается уголь образованный ихъ сліяніемъ; здѣсь тянется сплошной стѣною рядъ совершенно отвѣсныхъ гранитныхъ скалъ съ весьма узкой береговою полосой, по которой едва могутъ пройти два человѣка; мѣстами только обрывъ замѣняется крутыми, довольно правильными уступами, чрезвычайно напоминающими вырубленные въ скалѣ ступеньки.

На вершинѣ горы на уступѣ болѣе шести сажень вышиною, надъ одною изъ такихъ лѣстницъ, ведущею къ рѣкѣ, на слегка наклонной скальной площадкѣ едва поросшей дерномъ, находится аллея изъ камней, расположенныхъ тремя рядами параллельно другъ другу. Къ сожалѣнію группа эта сильно повреждена вѣроятно потому, что находится въ самомъ селѣ въ крестьянской усадьбѣ.

Два первые камня стоятъ еще прямо на своихъ основаніяхъ, рядомъ съ ними лежитъ большой камень № 6, повидимому покрывавшій ихъ на подобіе дольмена, котораго западную стѣнку долженъ былъ составить высокій плоскій камень № 7, утвержденный тонкимъ концемъ между двумя меньшими, №№ 9 и 10. Далѣе слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ два параллельно поставленные камня № 3 и 4. Рядомъ съ ними лежитъ почти кубическій камень № 8, который могъ покрывать эти два камня вмѣстѣ съ поставленнымъ впереди ихъ № 5.

Замѣтимъ, что всѣ образующіе группу камни, во первыхъ носятъ ясные слѣды искусственной постановки; во вторыхъ, всѣ они, за исключеніемъ двухъ мелкихъ

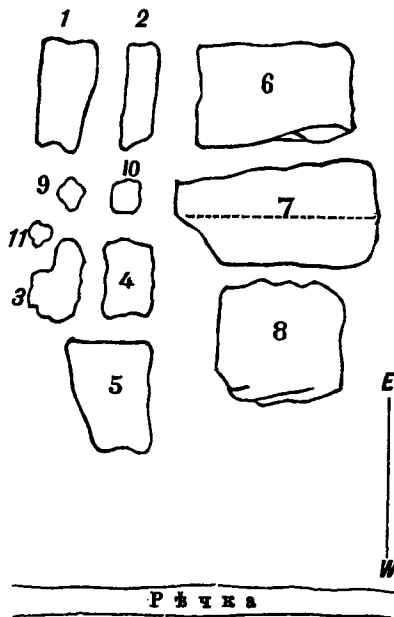

Рис. № 7.

*) Nadaillac. Les premiers hommes. I, 304.

устоевъ, очевидно искусственно были отдѣлены отъ скалы, такъ какъ контуры ихъ очерчены по большей части прямыми линиями и подѣ прямыми углами, чѣмъ рѣзко отличаются отъ естественной поверхности мѣстныхъ скалъ. Въ особенности обращаетъ вниманіе № 6, отколотый въ видѣ довольно правильной плиты, причеиъ одна только сторона, теперь прилегающая къ землѣ, но первоначально при сооруженіи дольмена обращенная къ верху, повидимому отесана такъ, что образуетъ двѣ плоскости, которыя пересѣкаются по срединѣ почти подѣ прямымъ угломъ, представляя настоящее подобіе крыши.

Группа занимаетъ пространство около 4,50 метр. въ длину съ востока на западъ и около 2,40 м. въ ширину.

Размѣры отдѣльныхъ камней .

№ 1.	длина	1 м.,	высота	1,26 м.,	толщина	0,62 м.
№ 2.	»	0,60 м.,	»	1,15 м.,	»	0,40 м.
№ 3.	»	0,80 м.,	»	1,25 м.,	»	0,57 м.
№ 4.	»	1 м.,	»	1,88 м.,	»	0,32 м.
№ 5.	»	0,77 м.,	»	1,19 м.,	»	0,79 м.
№ 6.	»	1 м.,	»	1,30 м.,	»	0,55 м.
№ 7.	»	0,97 м.,	»	1,70 м.,	»	0,32 м.
№ 8.	»	1,23 м.,	»	1,24 м.,	»	0,90 м.

ширина продольной аллеи 0,46 сантиметровъ. Два большіе камня, № 6 и 7, лежатъ подѣ угломъ въ 45°, остальные въ вертикальномъ положеніи; 9, 10 и 11 небольшіе камни около $\frac{1}{2}$ аршина величиною, вѣроятно служившіе устоями для № 3 и 7.

Соображая какъ самый планъ группы, такъ и размѣры отдѣльныхъ камней, можно предположить, что они первоначально должны были составлять такъ называемый двойной дольмень, покрытый двумя наклонно лежащими плитами (6 и 8), которыя повышались къ срединѣ и понижались на концахъ дольмена. Впослѣдствіи, вѣроятно подѣ ихъ давленіемъ, средний и самый высочій камень № 7 потерялъ равновѣсіе и въ своемъ паденіи увлекъ обѣ верхнія плиты, которыя и легли рядомъ и въ одномъ съ нимъ направленіи.

Если принять такую реставрацію памятника, то получится двойной дольмень, аналогичный напримѣръ съ дольменами въ Minging-Low *) и Plas-Newidd **) (въ Англіи).

Сопоставляя всѣ указанныя данныя, мы замѣчаемъ въ семи описанныхъ группахъ камней такія общія всѣмъ имъ характерныя черты, которыя отымаютъ возможность считать ихъ случайнымъ явленіемъ, а напротивъ заставляютъ признать дѣломъ рукъ человѣческихъ. Какъ по наружному виду, такъ

*) Fergusson. Les monuments mégalithiques, p. 153.

**) Тамъ-же, стр. 181.

и по нѣкоторымъ отличительнымъ особенностямъ можно, кажется, безъ большой погрѣшности причислить ихъ къ тѣмъ остаткамъ доисторической культуры, которымъ усвоено въ археологической наукѣ названіе мегалитическихъ памятниковъ.

1) Всѣ эти группы, за исключеніемъ ментра, расположены на самой верхней границѣ скалъ на склонахъ балокъ, слѣдовательно камни не могли, отрываясь и скатываясь сверху, случайно образовать такое ясное подобіе мегалитовъ; что же касается самаго ментра, то хотя и выше его существуютъ скалы, но всѣ его стороны носятъ такіе ясные слѣды отдѣлки, они такъ правильно отколоты отъ скалы, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ его искусственномъ происхожденіи.

2) Большая часть камней, образующихъ памятники, носятъ ясные признаки отдѣлки, преимущественно откалыванія отъ скалы, какъ это замѣчается въ такихъ памятникахъ какъ Stonehenge въ Англіи, dolmen Castle въ Wellan въ Ирландіи, дольмены въ Locmariaquer въ Бретани *) и вообще во множествѣ мегалитическихъ сооруженій Европы, Африки и Азіи, въ особенности Индіи.

3) Всѣ безъ исключенія указанные нами памятники расположены на возвышенностяхъ и по берегамъ рѣчекъ или источниковъ, во всякомъ случаѣ надъ водою; это послѣднее обстоятельство вполне согласуется съ наблюденіемъ ученаго археолога А. Bertrand, что дольмены во Франціи находятся по преимуществу по берегамъ рѣкъ и источниковъ **).

Что касается ориентировки нашихъ памятниковъ, то четыре изъ нихъ обращены фронтомъ на западъ или юго-западъ, какъ дольмены въ Пуату и Ardèche, два на сѣверъ и сѣверо-западъ и одинъ на востокъ, какъ дольмены въ Бретани. Въ этомъ отношеніи археологическая наука еще не установила сколько нибудь опредѣленныхъ общихъ правилъ или классификаціи и такіе ученые, какъ гг. Mortillet и Cartailhas на основаніи многочисленныхъ примѣровъ констатируютъ ориентированіе дольменовъ во всѣ стороны въ той же самой мѣстности ***). Впрочемъ, относительно указанныхъ нами херсонскихъ мегалитовъ можно отмѣтить одну общую черту: въ какомъ-бы направленіи ни были они ориентированы, они всегда обращены фронтомъ къ рѣкѣ. Исключеніе представляетъ только дольмень—гротъ въ Канцуриркѣ, обращенный выходомъ на западъ параллельно рѣкѣ, но зато вся линія камней обращена къ водѣ.

Можно отмѣтить еще одну особенность относительно мѣстоположенія нашихъ мегалитовъ. Ни одинъ изъ нихъ не стоитъ на равнинѣ или въ мѣстахъ, лишенныхъ обнаженій каменныхъ породъ; напротивъ всѣ они расположены

*) Fergusson. Les monuments mégalithiques.

***) A. Bertrand. Archéologie celtique et gauloise.

***) Nadaillac—I, 343.

на вершинѣ или на склонахъ балокъ и частью окружены естественными скалами какъ ментръ, аллея на Пирогивѣ и разрушенный дольментъ въ селѣ Чечелъевкѣ, частью-же заканчиваютъ собою цѣлый рядъ гранитныхъ скалъ, которыя тянутся сплошною полосою вдоль береговъ балки. Очевидно древній человѣкъ находилъ болѣе удобнымъ мѣстомъ для сооруженія необходимыхъ ему памятниковъ скалистые склоны балокъ, обращенные къ водѣ, и считалъ излишнимъ затруднять себя перетаскиваніемъ камня дальше въ степь, какъ это замѣчается въ памятникахъ другихъ странъ (напримѣръ во Франціи). Впрочемъ, подобные случаи замѣчаются также и въ странахъ, богатыхъ мегалитическими постройками. Случается, что естественная скала входитъ въ систему мегалитовъ, составляя часть дольмена, кромлеха или другаго памятника, который дополняется уже искусственно разставленными камнями и за которыми продолжается рядъ естественныхъ скалъ, такъ что иногда съ трудомъ можно отличить, гдѣ оканчивается скала и начинается памятникъ. Для примѣра можно указать еncaine въ Бу-Мурзугѣ въ Алжирѣ *).

Остается вопросъ о времени возникновенія и о назначеніи херсонскихъ мегалитовъ, но къ сожалѣнію вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ во всей полнотѣ.

Въ наукѣ признано уже какъ несомнѣнный фактъ, что огромное большинство извѣстныхъ и изслѣдованныхъ нынѣ мегалитическихъ построекъ служатъ надгробными памятниками и потому эпоха ихъ сооруженія можетъ быть хотя приблизительно опредѣлена изслѣдованіемъ заключающихся подъ ними могилъ. Между тѣмъ подобное изслѣдованіе оказывается невозможнымъ для нашихъ мегалитовъ: всѣ они, какъ было указано при ихъ описаніи, расположены на каменныхъ площадкахъ, по большей части, повидимому, искусственно расчищенныхъ для этой цѣли въ скальномъ грунтѣ, чѣмъ отымается возможность какого-бы то ни было погребенія какъ подъ самымъ памятникомъ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Поэтому никакія раскопки здѣсь невозможны, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя опредѣлять ни времени ни цѣли ихъ сооруженія. Ясно только, что это не были надгробные памятники. Впрочемъ, подобныя исключенія встрѣчаются и въ западной Европѣ. Дольмены, кромлехи и въ особенности ментры не всегда ставились на могилахъ; они часто указываютъ мѣсто погребенія, но часто также воздвигались въ память покойника, погибшаго далеко отъ родины, или въ память какого нибудь событія политической, гражданской или религіозной жизни народа.

Съ такимъ значеніемъ они упоминаются въ самыхъ древнихъ преданіяхъ и памятникахъ литературы древнѣйшихъ народовъ **). Для сооруженія такихъ votivныхъ и религіозныхъ памятниковъ не было нужды въ мягкой наносной

*) Nadaillac — I, 323. **) Nadaillac — I, 308—310.

почвъ, — прочность ихъ напротивъ болѣе гарантировалась твердой каменной подставкой и потому строившіе ихъ люди тщательно расчищаютъ въ скальномъ грунтѣ болѣе или менѣе обширную площадку, на которой и устанавливаютъ тотъ или другой видъ мегалитическихъ памятниковъ. Укажемъ для примѣра мегалиты въ Mane-Lud (въ Бретани): здѣсь мы видимъ обширную площадь, 80 метровъ длины и 50 м. ширины, тщательно расчищенную въ скальномъ грунтѣ, на которой расположенъ дольмень, avenue и galval вмѣстѣ съ цѣлой массой такъ называемыхъ кухонныхъ остатковъ *).

По не имѣнію сколько нибудь опредѣленныхъ данныхъ — за исключеніемъ кремневаго ножа въ окрестности нашихъ мегалитовъ не найдено другихъ остатковъ доисторическаго человѣка, — мы не можемъ дѣлать никакихъ предположеній относительно цѣли ихъ сооруженія и племени самихъ строителей. Въ археологической литературѣ встрѣчается очень много теорій о возникновеніи и назначеніи мегалитическихъ памятниковъ; иные приписываютъ ихъ одной расѣ, другіе различнымъ народамъ на одинаковой степени развитія, третьи культу мертвыхъ при самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованьяхъ, или же «распространенію одной религіозной идеи, одного организованнаго культа»**); нѣкоторые наконецъ видятъ извѣстную связь между формою дольмена и гротомъ, пещерою, землянкою, шатромъ и другими видами жилища первобытнаго человѣка.

Не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ предположеніяхъ, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко. — Замѣтимъ только, что къ какому бы времени и народу ни относились эти памятники, съ достовѣрностью можно сказать одно, что могилы этого народа нужно искать въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть въ многочисленныхъ курганахъ, выложенныхъ огромными гранитными плитами, которые разсыяны на поляхъ въ окрестностяхъ мегалитическихъ памятниковъ. Дальнѣйшія изслѣдованія въ данной мѣстности должны рѣшить этотъ вопросъ; можетъ быть въ системѣ Ингула и далѣе въ другихъ мѣстахъ удастся открыть со временемъ какіе нибудь виды надмогильныхъ мегалитовъ, но пока еще въ указанныхъ нами памятникахъ можно видѣть только результатъ культурныхъ или религіозныхъ потребностей какаго-то доисторическаго народа.

Можно дѣлать различныя догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя, относительно ихъ назначенія, но для насъ важно только констатировать самый фактъ существованія мегалитическихъ памятниковъ въ одной изъ мѣстностей южной Россіи — фактъ, который можетъ расширить районъ распространенія этихъ памятниковъ, заполнить до нѣкоторой степени указанный выше непонятный пробѣлъ въ мегалитической картѣ стараго свѣта и положить начало новымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи.

*) Nadaillac — I, 312. **) Tome I, 367—8.

II.

До настоящаго времени въ археологической наукѣ еще не составлено вполне точной классификаціи для различныхъ остатковъ древности; поэтому къ разряду мегалитическихъ памятниковъ обыкновенно относятъ еще такъ называемые чашечные камни и изображенія на скалахъ, восходящія къ доисторической эпохѣ, которые встрѣчаются почти повсемѣстно въ районѣ распространения мегалитическихъ построекъ и нерѣдко даже покрываютъ ихъ стѣны.

И въ этомъ отношеніи нашъ край можетъ служить связью между Европой и Азіей, по крайней мѣрѣ намъ удалось осмотрѣть цѣлую группу этого рода памятниковъ на побережьи Днѣстра, въ селахъ: Бакотѣ, Лядавѣ и Нагорянахъ, въ Ушицкомъ и Могилевскомъ уѣздахъ Подольской губерніи.

Село Бакота расположено на изгибѣ лѣваго берега Днѣстра, при впаденіи въ него горной рѣчки Теремки, и со всѣхъ сторонъ окружено горами; къ востоку отъ села возвышается на 72 сажени надъ уровнемъ рѣки Била гора.

Подобно большинству подольскихъ горъ она состоитъ изъ мягкаго бѣловатаго известняка силурійской формации, весьма быстро вывѣтривающагося. Въ верхнихъ пластахъ горы часто можно встрѣтить одну или нѣсколько естественныхъ или искусственныхъ пещеръ, иногда расположенныхъ въ нѣсколько ярусовъ. Нерѣдко скала у подножія пещеры обрушилась и тогда доступъ къ ней не возможенъ, но если пещеры доступны, то внутри и въ окрестности ихъ почти всегда встрѣчаются слѣды пребыванія первобытнаго человѣка въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій.

Подобная пещера находится и въ с. Бакотѣ, въ отвѣсной скалѣ на вершинѣ Билой горы. На берегу Днѣстра, прямо противъ выхода пещеры, обращеннаго на юго-западъ къ рѣкѣ, тянется площадь около двухъ десятинъ на столько возвышенная, что не заливается въ половодіе, и окаймленная съ двухъ сторонъ топкимъ болотомъ. Урочище это носитъ названіе «Монастыриська» въ воспоминаніе существовавшаго здѣсь еще въ XIV столѣтіи христіанскаго монастыря. Извѣстно, что въ то время пещера служила жилищемъ для монаховъ, но вблизи ея на вершинѣ горы мнѣ удалось найти нѣсколько прекрасныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій, что даетъ возможность догадываться о заселеніи пещеры въ болѣе отдаленную эпоху.

Самое урочище «Монастырисько» также носитъ слѣды двухъ различныхъ культуръ. Среди множества камней, частью скатившихся сверху и покрывающихъ площадь, нѣкоторые носятъ ясныя слѣды искусственной постановки; а) на поверхности почвы замѣтны слѣды стѣны циклонической постройки, которая тянется отъ стоящаго въ водѣ огромнаго утеса до самаго подножія горы; б) три продолговатыя, плоскія плиты очень толстыя и плохо отесанныя, надминающія надгробныя плиты, которыя лежатъ горизонтально въ разныхъ

мѣстахъ; с) въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской стѣны четыре глыбы известняка, отколотыя въ формѣ неправильной пирамиды около двухъ метровъ вышины и около 1,25 м. въ основаніи. Три изъ нихъ опрокинуты, четвертая еще стоитъ на основаніи и на фасѣ ея, обращенномъ къ рѣкѣ и довольно гладко отесанномъ, глубокими чертами вырѣзанъ рисунокъ, который и по сюжету, и по выполнению чрезвычайно напоминаетъ древнѣйшія художественныя произведенія первобытнаго человѣка.

Рисунокъ изображаетъ двѣ человѣческія фигуры. Одна, около аршина вышины, представляетъ человѣка, идущаго на лѣво, но очевидно рисовальщикъ не могъ совладать съ трудной задачей — представить цѣлаго человѣка въ профиль, такъ какъ голова и туловище изображены en face. Лицо почти круглое и совершенно плоское, нѣтъ ни глазъ, ни рта, ни носа; вокругъ лица волосы въ видѣ сіянія; шея нѣтъ, торсъ очерченъ прямыми линиями безъ перехвата; руки протянуты горизонтально съ разставленными пальцами; ноги очерчены одною линіею, ступни — двумя, при чемъ обѣ обращены въ одну сторону; на лѣво.

Другая фигура, въ половину меньше и еще проще первой, представлена en face, ноги ея стоятъ на одномъ уровнѣ съ протянутой рукой перваго. Лицо также плоско и безъ волосъ, руки разставлены наклонно; ноги также очерчены одною линіею, при чемъ оба конца, которые должны замѣнять ступни, загнуты кверху на подобіе лыжъ; онъ какъ будто издали слѣдуетъ за первымъ. Обѣ фигуры обращены лицомъ на западъ къ рѣкѣ, при этомъ рисунокъ не представляетъ ни малѣйшаго указанія на одежду. Посрединѣ между ихъ головами прямыми, твердыми чертами вырѣзанъ крестъ, сдѣланный очевидно болѣе искусною рукой и въ болѣе позднѣе время, вѣроятно, однимъ изъ монаховъ, которымъ кажется нельзя приписать самаго рисунка, свидѣтельствующаго о самой низкой степени художественнаго развитія своего исполнителя. — По характеру выполненія рисунокъ этотъ больше всего напоминаетъ изображеніе человѣческихъ фигуръ на камнѣ Ingelstrûp въ Зеландіи *).

Сравнивая это изображеніе съ извѣстными понынѣ древнѣйшими рисунками, вырѣзанными на камняхъ, можно кажется приписать его людямъ, обитавшимъ бакотскую пещеру въ эпоху каменнаго вѣка, и причислить къ разряду тѣхъ изображеній на скалахъ, которыя до сихъ поръ еще принято относить къ числу мегалитическихъ памятниковъ. d) Наконецъ, туда-же слѣдуетъ отнести огромный утесъ, болѣе трехъ метровъ вышины, который упирается острымъ концемъ въ дно рѣки, а другимъ краемъ прилегаетъ къ берегу; онъ окруженъ цѣлою группою камней по меньше, которые удерживаютъ его въ устойчивомъ положеніи и даютъ возможность взойти на него съ берега. Группировка этихъ камней ясно доказываетъ, что они не могли, сорвавшись съ горы, сами прокатиться черезъ всю ширину площади и стать такъ безъ посторонней помощи, —

*) Nadaillac — II, 193.

очевидно здѣсь дѣло искусственной постановки. Самый монолитъ не носить никакихъ признаковъ отдѣлки, но вершина его покрыта множествомъ правильно выдолбленныхъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ (*écuelles*), одно изъ нихъ продолговатое напоминаетъ форму человѣческой стопы. Подобное изображеніе человѣческой стопы на камняхъ, иногда очень правильное, встрѣчается довольно часто въ различныхъ странахъ; для примѣра можно указать извѣстную ступку Богородицы въ Почаевѣ, или рисунокъ морскаго сраженія на скалахъ Богусланы въ Швеціи *), гдѣ можно насчитать нѣсколько десятковъ такихъ фигуръ, расположенныхъ частью единично, частью попарно. Очевидно фигуры эти имѣли какое-то символическое значеніе, можетъ быть они означали путешествіе души въ загробный міръ, или что нибудь подобное. Этотъ монолитъ также какъ и пирамиду съ рисункомъ и опрокинутыя вблизи ея три другія пирамиды, расположенныя прямо противъ выхода пещеры, часть которой уже обрушилась и которая должна была сообщаться съ «Монастыриськомъ» и съ берегомъ рѣки посредствомъ вырубленныхъ въ скалѣ ступеней, мы считаемъ возможнымъ отнести къ самой отдаленной порѣ и причислить къ разряду мегалитическихъ памятниковъ — къ виду ментровъ съ рисункомъ и чашечныхъ камней, между тѣмъ какъ отесанныя плиты и фундаментъ циклопической стѣны, вѣроятно составлявшей часть монастырской ограды, являются остатками сравнительно недавняго времени.

Весьма возможно, что число мегалитовъ могло быть первоначально гораздо значительнѣе, но монастырь просуществовалъ здѣсь весьма продолжительное время, вслѣдствіе чего часть ихъ, разумѣется, должна была исчезнуть.

Въ данномъ случаѣ мы видимъ то-же, что часто повторяется съ памятниками глубокой древности различныхъ странъ. Оставленная первобытными обитателями пещера послужила жилищемъ для христіанскихъ отшельниковъ; расположенныя у ея подножія памятники были частью истреблены, частью уцѣлѣли за предѣлами монастырской ограды и подправлены, или-же заброшены, какъ рисунокъ, дополненный крестомъ и три опрокинутыя пирамиды; частью, наконецъ, вошли въ систему монастырскихъ построекъ, какъ стоящій у берега монолитъ, который повидимому былъ обращенъ въ передовую выступъ монастырской ограды, плотно къ нему примыкавшей, и представлялъ для нея подобіе угловой башни, выходящей на рѣку — единственное доступное мѣсто «Монастыриська».

Другое изображеніе на скалѣ встрѣчено нами въ окрестности скальнаго монастыря въ с. Лядавѣ на лѣвомъ берегу Днѣстра при впаденіи въ него горной рѣчки Лядавы.

Въ половинѣ высоты горы у подножія отвѣсныхъ утесовъ тянется неширокая, искусственно расчищенная скальная площадка, ведущая къ вырубленной

*) *Nadaillac* — II, 192—197.

въ скалѣ церкви. Дальше за церковью тянутся въ два яруса четыре или пять пещеръ, которыя сообщаются между собою посредствомъ вырубленныхъ въ скалѣ ступеней и внутри которыхъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, находятся огромныя кости — правдоподобно кости мамонтовъ, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ системѣ Днѣстра. Это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ мѣстоположеніемъ и внѣшнимъ видомъ пещеръ, обращенныхъ выходомъ къ Днѣстру, даетъ основаніе предполагать, что всѣ лядавскія пещеры могли служить жилищемъ для первобытнаго человѣка.

У входа въ церковную ограду прямо противъ верхняго яруса пещеръ стоитъ на площадкѣ огромный монолитъ около 6 метровъ вышины, неправильной яйцевидной формы, обращенный болѣе тупымъ концемъ вверху. Въ настоящее время вся поверхность его испещрена вырѣзанными въ камнѣ крестами, распятіями, надписями, датами и монограммами приходящихъ на богомоліе лицъ; по мѣрѣ надобности прежнія надписи стираются и замѣняются новыми и самая поверхность монолита постепенно сглаживается. Но не смотря на то, одного взгляда на положеніе этого монолита достаточно, чтобы убѣдиться, что появленіе его здѣсь не могло быть случайнымъ; очевидно, онъ поставленъ съ намѣреніемъ у подножія пещеръ, можетъ быть, съ религіозною цѣлью.

Такимъ образомъ здѣсь повторяется то-же, что мы видѣли въ Бакотѣ, т. е. памятникъ доисторической древности входитъ въ систему монастырскихъ построекъ и получаетъ иное примѣненіе. Своимъ внѣшнимъ видомъ и своею судьбою монолитъ этотъ чрезвычайно напоминаетъ другой аналогичный монолитъ изъ дольмена San Miguel въ Arrichinaga (province Basques—Испанія *). Неподалеку отъ него, вблизи перваго яруса пещеръ, на отвѣсной скалѣ вырѣзаны глубокими чертами рисунокъ, весьма напоминающій часть очень сложнаго рисунка, вырѣзаннаго на одномъ изъ камней въ allée couverte въ Gavt'innis (Франція), гдѣ представлены рядомъ четыре такіа-же фигуры **).

Въ четырехъ верстахъ отъ Лядавы, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Днѣстра расположено огромное село Нагоряны. У вершины горы въ почти отвѣсномъ обрывѣ расположены въ три яруса семь пещеръ.

По преданію здѣсь также въ древности жили монахи и дѣйствительно на стѣнахъ двухъ нижнихъ пещеръ замѣчается много разныхъ рисунковъ и надписей, по большей части позднѣйшихъ, среди которыхъ нѣсколько крестовъ, сдѣланныхъ чертами или небольшими круглыми углубленіями въ видѣ чашекъ (écuelles), двѣ-три розетки, сдѣланныя изъ такихъ же чашекъ около 1—2 сантиметровъ величиною, грубое изображеніе крылатой человѣческой фигуры и двѣ даты: 1766 и 1797 г.

*) Fergusson. Les mon. mégalit.

***) Nadailac — I, 337.

Большинство этихъ изображеній сдѣланы, вѣроятно, позднѣйшими посѣтителеми пещеры, но среди ихъ на стѣнахъ одной изъ пещеръ тотчасъ у входа замѣчается съ лѣвой стороны три, съ правой четыре глубокія чашечныя углубленія одно надъ другимъ, вырѣзанныя на отвѣсной скалѣ и обращенныя на юго-востокъ и юго-западъ; каждая чашка имѣетъ 8—10 сант. въ діаметрѣ и немногимъ меньше въ глубину. Эти чашки также какъ и меньшія, расположенныя въ видѣ различныхъ фигуръ, кажутся должны быть отнесены къ несравненно болѣе отдаленному времени.

На склонѣ горы у подножія пещеръ расположены въ видѣ довольно правильной ограды 15 камней мѣстной известковой породы довольно значительныхъ

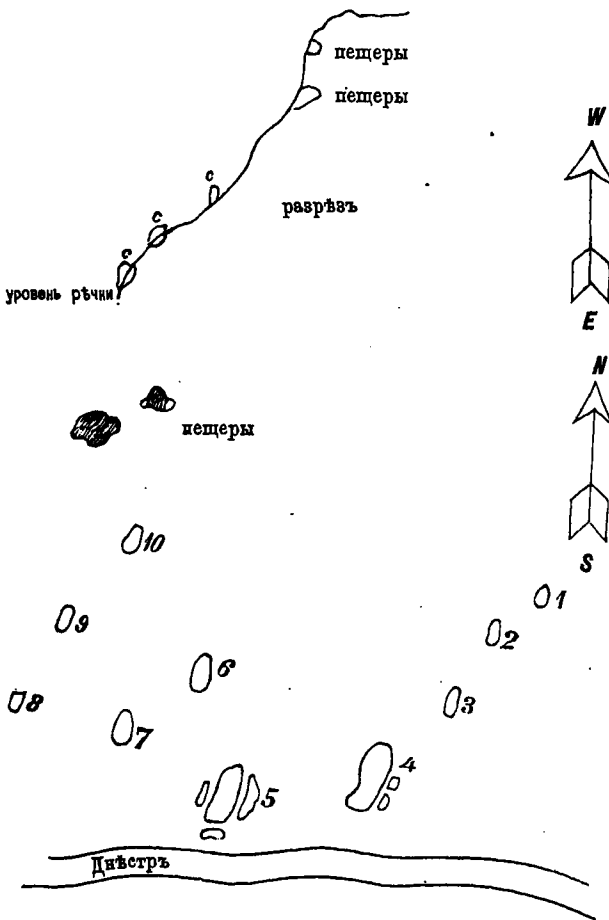

Рис. № 8.

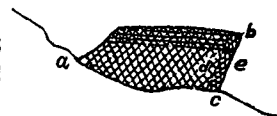
размѣровъ, стоящихъ частью единично, частью группами. Судя по плану можно думать что, первоначально камни эти были гораздо многочисленнѣе и должны были стоять четырьмя параллельными рядами, но впоследствии часть ихъ была уничтожена. Всѣ они носятъ ясныя слѣды искусственной постановки и сверхъ того поверхность ихъ покрыта множествомъ разныхъ изображеній. Поверхность трехъ камней (№ 1, 2, 7) подверглась болѣе сильному вывѣтриванію, такъ что изображенныя на нихъ фигуры едва ли могутъ быть восстановлены; большинство же остальныхъ рисунковъ сохранились вполне яственно. Рисунки со-

стоятъ по преимуществу изъ различныхъ комбинацій прямыхъ линий въ видѣ крестовъ, звѣздъ, различныхъ фигуръ, напоминающихъ растительныя формы,

или изъ круглыхъ чашечныхъ углубленій, нерѣдко соединенныхъ между собою глубокими чертами. Иногда рисунки расположены рядами и тогда чрезвычайно напоминаютъ подобіе іероглифическихъ надписей.

Всѣ указанные на планѣ камни обращены тонкимъ концемъ къ рѣкѣ, нижняя часть ихъ занесена глубокимъ слоемъ мягкихъ осыпей.

№ 3, имѣетъ въ длину ab около 2,50 м., въ толщину de 1,48 м., въ высоту bc 1,35 м. На южной сторонѣ камня de , обращенной къ Днѣстру,

представленъ рисунокъ изъ взаимно пересѣгающихъ прямыхъ линий, нѣсколько напоминающій изображеніе дерева безъ листьевъ; въ промежуткѣ между пересѣченіемъ главной горизонтальной и трехъ перпендикулярныхъ линий расположенъ квадратомъ четыре маленькія чашечныя углубленія, около двухъ сантиметровъ въ діаметрѣ и въ глубину; одна такая-же чашечка выдолблена внизу рисунка. Совершенно аналогичная фигура изъ прямыхъ линий и маленькыхъ чашечекъ замѣчается на одномъ изъ камней,

составляющихъ стѣны похоронной камеры въ Long-Crew (Ирландія)(рис. 15)*)

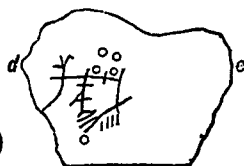

Рис. № 9.

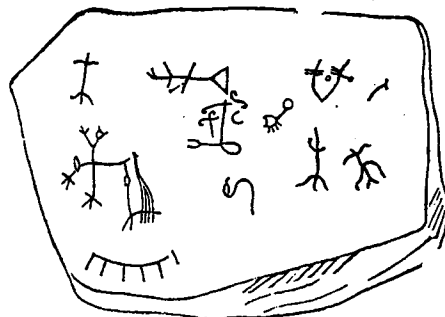

Рис. № 10. Inscription sur pierre à Seaga (Nadaillac, II, 97).

Какъ по своимъ составнымъ час-

тямъ, такъ и по характеру комбинацій прямыхъ линий первый рис. представляетъ большую аналогію съ подобнымъ-же изображеніемъ на камнѣ въ Seaga (Бразилія).

№ 4 представляетъ группу изъ трехъ камней; самый большой изъ нихъ (5,50 м. длины, 3,40 м. вышины и 3 м. ширины) съ южной стороны выдолбленъ, такъ что образуетъ гротъ, открытый на югъ къ рѣкѣ, около 1 м. въ высоту и 3,35 м. глубиною отъ входа

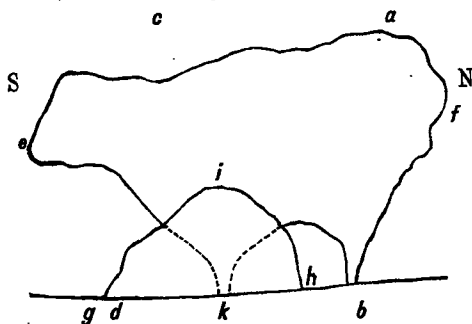

Рис. № 11.

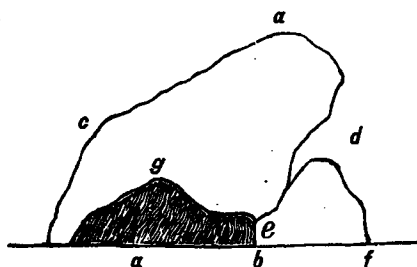

Рис. № 12.

*) Fergusson. 228—235.

до основанія сѣверной стѣны. Ширина грота при входѣ около 2,50 м.; восточную стѣну составляютъ два другіе камня, плотно прилегающіе къ первому, длина передняго камня $g h = 2,70$ м., высота и ширина $= 1,50$ м.; третій камень меньшихъ размѣровъ.

Восточная и западная сторона большаго камня покрыты весьма оригинальнымъ рѣзнымъ рисункомъ. Фигуры, изображенныя на восточной плоскости камня, расположены довольно правильно тремя рядами, одинъ надъ другимъ, и въ общемъ представляютъ нѣкоторую аналогію съ древнѣйшими надписями первобытныхъ народовъ различныхъ странъ.

Нѣкоторыя фигуры сходны съ рисунками на камнѣ № 3, напримѣръ фигура ⌘ около 8 сант. длиною, но сверхъ того здѣсь вводятся и новые элементы: два креста, $+$ встрѣчающійся почти во всѣхъ извѣстныхъ понынѣ рисункахъ на скалахъ, и другой видъ креста ⌘ , который повторяется еще на двухъ нагорянскихъ камняхъ и представляетъ характерный орнаментъ глиняной посуды, находимой въ дольменахъ, глиняныхъ и бронзовыхъ сосудовъ изъ свайныхъ построекъ *) и наконецъ перувіанскихъ погребальныхъ урнъ **).

Рис. № 13.

Рядомъ съ № 1 находится другая совершенно аналогичная фигура побольше, напоминающая также изображеніе дерева въ народной орнаментикѣ. Каждая вѣтка оканчивается небольшою круглою чашечкой, величиною въ орѣхъ, которыя можетъ быть должны были означать плоды; такимъ образомъ фигура эта могла представлять дерево лѣтомъ или осенью, между тѣмъ, какъ первая — дерево зимою, или можетъ быть просто эти времена года.

Далѣе мы видимъ фигуру прямоугольника и нѣсколько круглыхъ чашечныхъ углубленій, расположенныхъ то въ одну линію или нѣсколькими параллельными рядами, что повторяется на всѣхъ почти нагорянскихъ камняхъ и весьма часто встрѣчается среди множества аналогичныхъ рисунковъ на скалахъ и стѣнахъ дольменовъ другихъ странъ; укажемъ для примѣра рисунки на монолитѣ въ Сканиіи и другой подобный-же рисунокъ на скалѣ Massibert (Lozère—Франція) ***, или на стѣнахъ камеры (Рис. № 15, 20.) Long-Crew, (Ирландія) ****) и дольмена въ Mane-Lud въ Бретани *****).

Фигуры ρ и Δ напоминаютъ буквы ρ и Δ ; обѣ онѣ повторяются въ числѣ изображеній на другомъ нагорянскомъ камнѣ (Рис. № 27), напоминающихъ цѣлую страницу іероглифовъ, а также въ указанной уже нами надписи на камнѣ въ Seaga (Рис. № 10).

*) Mortillet. La croix avant le christianisme. **) Nadaillac. II, 231.

) Тоже. I, 280—281. *) Fergusson. 128—535. *****) Nadaillac. I, 336.

Наконецъ, при самомъ началѣ рисунка мы видимъ фигуру (10 сант. вышины), чрезвычайно напоминающую изображение жилища съ прямыми стѣнами и крышей подъ угломъ около 48°; боковая стѣна и крыша отдѣляются тремя параллельными линіями. Совершенно аналогичныя фигуры нѣсколько проще встрѣчаются среди другихъ изображеній на одномъ изъ камней, называемомъ Chaise-de-la-sorcière въ камерѣ Long-Crew и на указанномъ выше монолитѣ въ Скани.

Вообще можно замѣтить, что всѣ почти составныя части этого рисунка встрѣчаются въ различномъ порядкѣ среди изображеній на стѣнахъ похоронной камеры въ Long-Crew. Прилагаемъ для сравненія копію съ этихъ рисунковъ, на которые намъ постоянно приходится ссылаться.

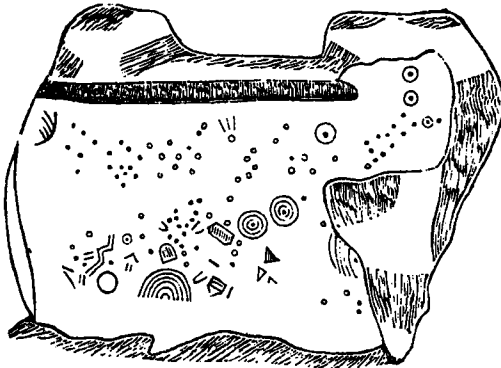

Рис. № 14. Chaise-de-la-sorcière (Long-Crew).

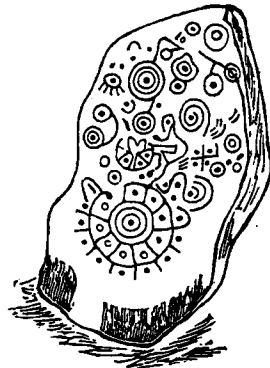

Рис. № 15. Long-Crew. (Fergusson, 228—235).

Западная сторона камня № 4 носить рисунокъ, также расположенный двумя рядами. Въ самомъ началѣ мы видимъ грубое подобіе человѣческой фигуры, 2 сант. въ вышину и 7½ сант. въ ширину. Фигура представлена en face и въ своихъ основныхъ чертахъ совершенно аналогична съ такими-же изображеніями въ Бакотѣ, но сверхъ того замѣчаются нѣкоторыя детали. Голова и туловище очерчены точно также, руки и ноги раздвинуты и оканчиваются кривою или ломаною линією; но сверхъ того по обѣ стороны лица два круглые придатка, которые должны замѣнять уши; затѣмъ идутъ двѣ почти параллельныя линіи вдоль тѣла, соединяющія плечи и колѣни и двѣ крестообразно пересѣкающіяся линіи — одна поперечная на груди и другая вертикальная отъ шеи до ступней ногъ. Въ этихъ дополнительныхъ линіяхъ можно-бы предположить нѣкоторыя указанія на одежду — можетъ быть плащъ, скрѣпленный на груди длиннымъ шнуркомъ.

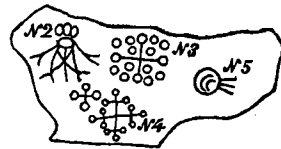

Рис. № 16.

У ногъ этой фигуры и рядомъ съ нею расположены три другіе рисунка,

представляющіе постепенное развитіе одной темы. Сперва это простой крестъ, украшенный на каждомъ концѣ круглою чашечкою отъ трехъ до четырехъ сантиметровъ въ діаметрѣ и въ глубину. Въ слѣдующей фигурѣ основныя линіи становятся длиннѣе, къ нимъ прибавляется по концамъ поперечная прямая линія, отчего получается крестъ (11 сант. въ высоту и 9 сант. въ ширину), составленный изъ четырехъ меньшихъ крестовъ, причемъ каждый конецъ оканчивается такою-же чашечкою какъ и въ первомъ. Фигура № 3, представляетъ четырехконечный крестъ (высота и ширина $8\frac{1}{2}$ сант.) съ чашечкою около 5—6 сант. на концахъ; въ промежуткахъ между его вѣтвями помѣщаются по три чашечки поменьше.

Послѣдняя фигура представляетъ кругъ въ 28 сант. въ поперечникѣ съ двумя дугами внутри и тремя параллельными придатками.

Камень № 5, ближе всѣхъ придвинутый къ Днѣстру, представляетъ цѣлую группу изъ четырехъ камней — одного большаго и окружающихъ его трехъ меньшихъ. Средній камень имѣетъ 2,65 м. высоты и 2,57 м. ширины съ запада на востокъ; основаніе его 1,30 м., но длина камня постепенно увеличивается къ верху и достигаетъ 3 метровъ, причемъ южная сторона какъ-бы образуетъ навѣсъ. Остальные камни значительно меньшихъ размѣровъ: В имѣетъ 1 м. въ высоту, хотя больше трехъ метровъ въ длину и около 0,50 м.

Рис. № 17.

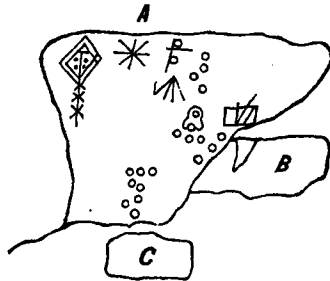

Рис. № 18.

въ толщину, С и D еще меньше и едва достигаютъ 0,50 м. въ высоту. Впрочемъ, нужно замѣтить, что высота большей части камней значительно скрадывается толстымъ слоемъ щебня, который покрываетъ склоны горы и отчасти даже маскируетъ рисунки въ нижнихъ частяхъ камней.

Съ западной стороны группа имѣетъ слѣдующій видъ (рис. № 18):

На южной сторонѣ большаго камня выдолблены на вертикальной плоскости три круглыя чашки, каждая около 12 сант. глубины и 12—15 сант. въ діаметрѣ. Западная сторона носитъ довольно сложный рисунокъ, состоящій по большей части изъ прямыхъ линій и небольшихъ чашечекъ.

Здѣсь отчасти повторяются основныя черты указанныхъ выше рисунковъ; такъ напримѣръ фигура $\frac{+}{\ominus}$ представляетъ комбинацію прямыхъ линій и чашечекъ, напоминающую болѣе сложную фигуру на камнѣ № 3; прямоугольникъ и треугольникъ также повторяются довольно часто, какъ на другихъ нагорянскихъ камняхъ, такъ и на многихъ аналогичныхъ памятникахъ другихъ странъ. Далѣе мы замѣчаемъ звезду изъ взаимно пересѣкающихся прямыхъ линій и нѣсколько наискось отъ нея другую подобную фигуру — какъ-бы часть

такой-же звѣзды. Наконецъ видимъ опять тѣ-же чашечныя углубленія, расположенныя то по прямой линіи по три в рядѣ, то въ видѣ треугольниковъ тоже по три и даже по двѣ рядомъ; кажется число три имѣло значеніе при группировкѣ чашекъ на этомъ рисункѣ. Сверхъ того замѣчаются двѣ новыя фигуры. Одна состоитъ изъ трехъ полукруглій съ двумя чашечками внутри и тремя такими-же чашечками внизу; подобныя этой фигуры, одна проще, другая сложнѣе, сдѣланныя одними чертами безъ круглыхъ углубленій, встрѣчаются также какъ и звѣзда среди многихъ другихъ изображеній на одномъ изъ камней въ Long-Crew.

Рис. № 19. Long-Crew (Fergusson. 329-335).

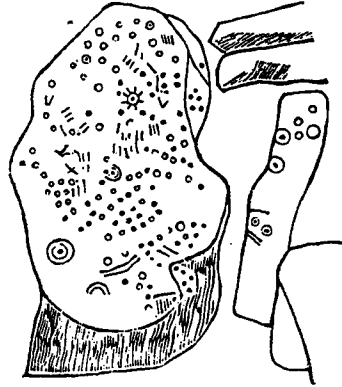

Рис. № 20.

Другая фигура, открывающая собою рядъ указанныхъ выше рисунковъ и совершенно оригинальная, аналогіи съ которою намъ не удалось встрѣтить въ археологическихъ изданіяхъ, представляетъ двойной ромбъ острымъ угломъ къ верху, почти изъ вершины его опущена перпендикулярная линія, которая дѣлитъ ромбъ на двѣ половины; вдоль верхней части этой линіи по обѣимъ сторонамъ ея выдолблены по двѣ маленькія чашечки, нижняя часть украшена двумя крестами. Въ общемъ фигура эта представляетъ родъ знамени или чего нибудь подобнаго.

Наибольшее число рисунковъ находится на монолитѣ № 6.

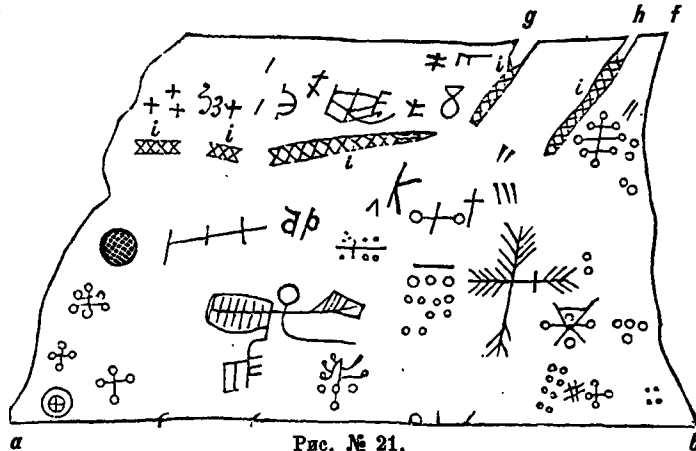

Рис. № 21.

Камень этотъ относительно невеликъ: длина $ab=2,45$ м., ширина $cd=1,60$ м., высота $bf=1,45$; онъ имѣетъ форму неправильной четырехугольной призмы,

лежащей на самой длинной своей грани, *g* и *h* глубокія выемки на подобіе зарубокъ, которыя проходятъ по всей поверхности камня и продолжаются на обѣихъ боковыхъ сторонахъ, восточной и западной; такія-же зарубки тянутся и вдоль восточнаго фаса *iii*, глубина ихъ 3—12 сант.

Три стороны этого камня покрыты рисунками, причѣмъ наибольшее число ихъ находится на той поверхности, которая обращена къ востоку и на которой рисунки идутъ довольно правильными рядами, больше другихъ напоминая іероглифическую надпись въ нѣсколько строкъ.

Здѣсь мы видимъ собранными почти всѣ тѣ фигуры, какія встрѣчались на первыхъ камняхъ: простые и сложные кресты изъ прямыхъ линій съ чашками и безъ чашекъ; изображеніе дерева и подобіе различныхъ буквъ, какія замѣчены на камнѣ № 4; небольшія чашечки, расположенныя въ видѣ различныхъ фигуръ и параллельныхъ линій; ту-же постоянно повторяющуюся фигуру и ея варианты и др.

Изъ новыхъ можно отмѣтить въ первомъ ряду очень оригинальную фигуру , въ которой можно видѣть изображеніе лодки съ парусомъ. Правда на первый взглядъ она повидимому мало напоминаетъ тѣ доисторическія изображенія судовъ, какія извѣстны понынѣ изъ древнѣйшихъ рисунковъ на скалахъ, но если всмотрѣться внимательнѣе, то разница становится менѣе рѣзкою. 1) Отсутствуютъ вѣсла и гребцы, которыхъ мы привыкли видѣть на древнѣйшихъ изображеніяхъ лодокъ. 2) Въ противоположность этимъ изображеніямъ нашъ рисунокъ указываетъ на незначительную длину лодки при относительно высокихъ бортахъ. 3) Наконецъ корма и носъ очерчены прямою линією, чего также не встрѣчается на другихъ аналогичныхъ изображеніяхъ, гдѣ эти части судовъ также высоки, но всегда представляютъ очень изящно изогнутую линію, причѣмъ она нерѣдко бываетъ двойною и даже тройною. Впрочемъ, иногда замѣчается двойной загибъ только на одномъ концѣ лодки, какъ это можно видѣть на картинѣ морскаго сраженія, изображеннаго на скалахъ Богуслана въ Швеціи *). Тоже самое замѣчается и въ нагоряпскомъ рисункѣ—двойная корма и рядомъ небольшой придатокъ, въ которомъ можно видѣть или весло или начало такой-же придаточной дуги въ противоположную сторону. Сверхъ того, здѣсь находится еще мачта съ поперечной перекладиной для паруса и три параллельные поперечныя линіи на кормѣ, чего мы не видимъ на другихъ рисункахъ.

Сравнивая эту фигуру съ извѣстными понынѣ доисторическими изображеніями судовъ, можно указать какъ наиболѣе подходящія по типу изображенія на камнѣ Håggeby **) и указанный выше рисунокъ на скалахъ Богуслана. Но еще больше она напоминаетъ своей формой—короткимъ и широкимъ остовомъ

*) Nadaillac. II, 192—197. **) Тоже. II, 193.

при высокихъ бортахъ и сильно закругленномъ днѣ — современныя китайскія лодки и тѣ незатѣйливыя, весьма примитивнаго типа суда мѣстнаго производства, какія и въ настоящее время ходять по Днѣстру. На весьма значительную ширину лодки указываетъ поперечная мачта, равная по длинѣ съ главной мачтой, представленная на рисункѣ горизонтальною линіею, которая соединяетъ оба конца лодки.

Далѣе замѣчаются нѣсколько мелкихъ фигуръ или знаковъ: ' ', ' ' и ' ', соединенная съ фигурой креста съ чашечками на концахъ; всѣ онѣ постоянно повторяются въ числѣ другихъ изображеній на камняхъ въ Long-Stew. Затѣмъ мы видимъ большое чашечное углубленіе около 20 сант. въ діаметрѣ и въ глубину; двойной кругъ съ крестомъ посерединѣ—фигура, которая весьма часто встрѣчается въ числѣ рисунковъ на скалахъ, какъ напримѣръ на указанномъ выше монолитѣ въ Сканиі, и какъ орнаментъ сосудовъ и другихъ предметовъ каменнаго періода *) и даже бронзоваго вѣка, напримѣръ орнаментъ личныхъ вазъ Hissarlik'a въ Малой Азіи **).

Наконецъ, въ предпоследнемъ ряду этого рисунка или надписи замѣчается фигура, представляющая нѣкоторое подобіе крылатаго человѣка. Рисунокъ выполненъ довольно грубо, представлена только верхняя часть человѣческой фигуры и та не вполне закончена; вѣроятно она должна была имѣть какое-нибудь символическое значеніе—можетъ быть вмѣсто самаго представленія о человѣкѣ, она могла обозначить какую нибудь отвлеченную идею, можетъ быть, понятіе души человѣческой.

Рисунки продолжаютъ еще ниже, можетъ быть до самаго основанія камня, но нижняя часть его занесена толстымъ слоемъ щебня, для расчистки котораго потребовалась бы настоящая раскопка.

Западная сторона того-же камня носить также на своей поверхности рисунокъ на подобіе надписи въ двѣ строки. Здѣсь можно отмѣтить фигуры: и вариантъ первой, подобныя которымъ можно видѣть на указанномъ выше снимкѣ съ надписи на камнѣ въ Сеага; аналогичная фигура встрѣчается также среди другихъ рисунковъ на скалахъ въ Rio Dose ***). Затѣмъ, клиновидныя фигуры и полукругъ на подобіе сердца — всѣ они повторяются во множествѣ на стѣнахъ Long-Stew.

Южная сторона камня, обращенная къ рѣкѣ, носить рисунокъ, на которомъ повторяются тѣ-же самыя фигуры, какія замѣчены на восточной и западной поверхности того-же камня.

*) Mortillet. La croix avant le christianisme.

***) Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme. IX, 367.

***) Nadsillac. II, 97.

На поверхности монолита № 8 находятся только два небольшія чашечныя углубленія (écuelles).

На сѣверномъ фасѣ № 9, обращенномъ въ сторону пещеръ, вырѣзаны три чашечки, каждая около 2 сант. въ діаметрѣ и 1 сант. въ глубину, звѣзда и на южномъ фасѣ + и чашечка 5 сант. въ діаметрѣ и 4 сантим. въ глубину.

Камень № 10 имѣетъ форму четырехугольной призмы, какъ-бы разрѣзанной по діагонали; высота его = 1,35 м., поверхность = 3 метра. Своимъ внѣшнимъ видомъ камень этотъ чрезвычайно напоминаетъ указанный выше № 3. Величина и отношенія размѣровъ почти однѣ и тѣ-же, форма обѣихъ весьма аналогична, — верхняя площадь обѣихъ представляетъ неправильный прямоугольникъ; различіе только въ постановкѣ: № 10 обращенъ нижнимъ концемъ на югъ къ рѣкѣ, между тѣмъ какъ № 3 соответственнымъ концемъ обращенъ въ противоположную сторону — къ пещерамъ.

Верхняя сторона послѣдняго камня (№ 10), шириною въ 1,75 м. и длиною въ 3 метра, украшена тремя изображеніями: въ западномъ углу представлена человѣческая фигура, въ 37 сантиметровъ высоту, обращенная на югъ къ рѣкѣ; судя по одеждѣ, она повидимому должна изображать женщину. Нужно замѣтить, что эта послѣдняя фигура отдѣлана гораздо старательнѣе и полнѣе двухъ первыхъ — въ ней не только ясно видѣнъ костюмъ древняго человѣка, но сверхъ того замѣтна попытка представить даже отдѣлку этого костюма. Въ противоположномъ восточномъ углу мы видимъ звѣзду, какую встрѣчали на предыдущемъ камнѣ и внизу крестъ, украшенный пятью чашечками на концахъ, въ 18 сант. длины.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ рисунки, вырѣзанныя глубокими чертами, какіе удалось возстановить на большей части нагорянскихъ камней. Сверхъ того замѣтны слѣды рисунковъ и круглыхъ углубленій на другихъ поверхностяхъ камней, которыя сильнѣе пострадали отъ вывѣтриванія и потому изображенныя на нихъ фигуры не могутъ быть возстановлены съ точностью.

Что касается чашечныхъ углубленій, то мы не могли измѣрять каждое изъ нихъ отдѣльно. Замѣтимъ только, что всѣ указанныя чашки — во первыхъ, носятъ ясныя слѣды искусственной выдѣлки — всѣ они выдолблены совершенно правильными полушаріями величиною отъ 1—2 сант. до 15—20 сант. въ глубину и въ поперечникѣ и рѣзко отличаются отъ естественныхъ кругловатыхъ углубленій, происходящихъ отъ вывѣтриванія мѣстнаго известняка. Во вторыхъ, большинство этихъ чашекъ открывається на отвѣсную поверхность камня, чѣмъ отымається возможность предположенія, что они могли быть выдолблены дождевою водою. Тоже самое повторяется весьма часто на такъ

называемых чашечныхъ камней (pièges à écuelles), на стѣнахъ дольменовъ, ментровъ и похоронныхъ камеръ. Назовемъ для примѣра, кромѣ указанныхъ выше мегалитовъ Long-Crew и др., центральную камеру гробницы Mnaidra (на о. Мальтъ)*), ментръ Nassar**) и наконецъ множество скалъ въ Индіи, вся отвѣсная поверхность которыхъ покрыта сплошною сѣтью такихъ чашечныхъ углубленій.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя обстоятельства—искусственную группировку нагорянскихъ камней по ясно опредѣленному плану на южномъ склонѣ горы, у подножія пещеръ, на берегу рѣки и основываясь на чрезвычайномъ сходствѣ покрывающихъ эти камни рисунковъ со многими доисторическими орнаментами, изображеніями и надписями, которые въ науѣ пока еще принято относить къ разряду мегалитическихъ памятниковъ, — въ особенности на аналогіи съ изображеніями, открытыми въ южной Америкѣ, въ Бретани, Ирландіи и Скандинавіи, — мы считаемъ возможнымъ причислить нагорянскую группу къ отдѣлу мегалитовъ и замѣченные на нихъ рисунки отнести ко времени ихъ сооруженія.

На пространствѣ, ограниченномъ камнями, найдено на поверхности почвы болѣе 20 экземпляровъ отбивныхъ кремневыхъ орудій простѣйшаго типа; вѣроятно гораздо большее количество ихъ могло-бы быть найдено при болѣе тщательныхъ поискахъ въ массѣ щебня, покрывающаго склонъ горы до самаго берега. Орудія эти могутъ, кажется, до нѣкоторой степени освѣтить вопросъ о времени возникновенія нагорянскихъ мегалитовъ.

Если допустить, что нагорянскія пещеры могли служить жилищемъ для древняго человѣка, что весьма правдоподобно благодаря ихъ выгодному положенію, то судя по находимыхъ вблизи ихъ орудіямъ это было еще въ эпоху каменнаго вѣка — нельзя сказать по малочисленности данныхъ, въ которомъ именно періодѣ. Къ тому-же времени слѣдуетъ отнести и сооруженіе указанныхъ мегалитовъ вмѣстѣ съ ихъ рисунками или надписями, которые можно разсматривать какъ памятники религіознаго или культурнаго развитія пещерныхъ жителей.

Замѣтимъ, что большая часть описанныхъ нами подольскихъ мегалитовъ, подобно херсонскимъ, расположены на скальномъ грунтѣ, иногда расчищенномъ какъ напримѣръ монолитъ въ Лядавѣ, но въ большинствѣ случаевъ представ-

*) Fergusson. 443.

**) Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme. VIII, 184.

ляющемъ естественную поверхность скалы; по этому едва-ли можно будетъ предположить въ нихъ надгробные памятники съ какимъ-бы то ни было погребеніемъ.

Изображенія на скалахъ въ Бакотѣ и Лядавѣ, благодаря чрезвычайному ихъ сходству съ нагорянскими въ приемахъ и вообще въ характерѣ выполненія, а также оба монолита въ этихъ мѣстностяхъ, кажется, безъ большой погрѣшности могутъ быть отнесены къ той же эпохѣ и той-же расѣ.

Л. Мелоникъ.

Скиѣскіе элементы въ Чудскихъ древностяхъ Казанской губерніи.

А. О. Лихачева.

съ 3 таблицами.

Въ числѣ археологическихъ вопросовъ, имѣющихъ большое значеніе для исторіи Россіи и требующихъ всесторонней разработки, однимъ изъ главныхъ представляется вопросъ о значеніи аналогіи существующей между скиѣскими и чудскими памятниками быта.

Нѣкоторые изслѣдователи въ этой аналогіи видятъ доказательства этнической однородности и предполагаютъ, что первоначальное отечество скиѣовъ было близъ Алтая, откуда они переселились на югъ, гдѣ, вытѣснивъ киммеріянъ, утвердились на побережьяхъ Чернаго моря.

Но такое предположеніе, хотя и кажется на первый взглядъ правдоподобнымъ, требуетъ для своего оправданія и подрѣпленія много изслѣдованій по части археологіи и этнографіи. Памятники быта народа, жившаго въ доисторическія времена близъ Алтая, гдѣ онъ оставилъ многочисленныя слѣды своего долговременнаго обитанія, еще мало разработаны и окончательно еще не рѣшенъ вопросъ къ какой расѣ принадлежитъ этотъ народъ: были-ли то финны или тюрки. Этнографическая личность самыхъ скиѣовъ еще не выяснена окончательно, хотя о нихъ существуютъ уже и письменныя историческія извѣстія. Если съ одной стороны изученіе археологическихъ бытовыхъ памятниковъ приводитъ къ заключенію, что алтайская культура распространялась къ Уралу; то съ другой стороны, сношенія скиѣовъ съ сѣверными народами, засвидѣтельствованныя историческими извѣстіями Геродота, могли бы также способствовать къ распространенію у нихъ скиѣской культуры, которая чрезъ соприкосновеніе съ высшей эллинской цивилизаціей несомнѣнно должна была усовершенствоваться.

Въ видахъ разъясненія этого вопроса необходимо изучать возможно большее число археологическихъ памятниковъ древняго быта, открываемыхъ на пространствахъ земли отъ р. Дона до западнаго Урала и приводитъ въ извѣстность тѣ изъ нихъ, въ которыхъ замѣтны скиѣскіе и чудскіе элементы. До сихъ поръ такихъ бытовыхъ памятниковъ извѣстно еще очень мало; но это, можетъ быть, происходитъ отъ того, что на нихъ не было обращено особаго вниманія и ихъ смѣшивали съ памятниками позднѣйшихъ культурныхъ эпохъ.

Желаю съ своей стороны оказать посильное содѣйствіе къ разрѣшенію вышесказаннаго вопроса, я счелъ полезнымъ сдѣлать извѣстными тѣ памятники

древняго быта, найденные въ Казанской губерніи, которые относятся къ такъ называемымъ *чудскимъ* древностямъ съ указаніемъ на замѣчаемую въ нихъ аналогію со скифскими.

Если когда-либо скифскій народъ, двигаясь отъ Алтая къ побережьямъ Чернаго моря, переходилъ черезъ уральскій горный хребетъ, то онъ долженъ-бы былъ нѣкоторое время кочевать въ западномъ Приуральи и вслѣдствіе того могъ оставить въ почвѣ этихъ странъ различные памятники быта, какъ слѣды своего пребыванія. Дѣйствительно, въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской находится множество кургановъ; но только въ Бузулукскомъ уѣздѣ извѣстенъ курганъ близъ р. Самары, на которомъ была поставлена «каменная баба», о чемъ упоминаетъ Палласъ. Конечно такія каменные изваянія могли быть въ послѣдствіи уничтожены и во всякомъ случаѣ тщательное изслѣдованіе кургановъ было-бы желательно. Но, при этомъ должно имѣть въ виду, что курганныя насыпи принадлежатъ къ разнымъ эпохамъ. Однако-же при разрытіи нѣкоторыхъ кургановъ въ Оренбургской губерніи были находимы устроенныя изъ каменныхъ плитъ гробницы и хотя этотъ признакъ довольно общій для курганныхъ погребеній, но слѣдовало-бы привести въ ясность, къ какой эпохѣ могутъ относиться найденныя тутъ вещи ¹⁾.

Безъ сомнѣнія еще много времени пройдетъ прежде нежели археологическія изслѣдованія объяснятъ намъ, въ какомъ отношеніи и на сколько географическія познанія черноморскихъ грековъ о Скиѣи и сопредѣльныхъ съ ней странахъ, записанныя Геродотомъ, согласовались съ дѣйствительностью или-же были неточны. Въ настоящее время результаты раскопокъ въ Екатеринославской губерніи, представляя блестящее подтвержденіе извѣстію Геродота, относительно обычаевъ, соблюдавшихся у скифовъ царскихъ при погребеніяхъ царей, въ то-же время оказываются несогласными, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, съ географическимъ положеніемъ страны Геррота, указаннымъ Геродотомъ. Но, факты, открытые раскопками, представляются пока только отрывочными и потому окончательнаго вывода изъ нихъ въ настоящее время сдѣлать еще нельзя.

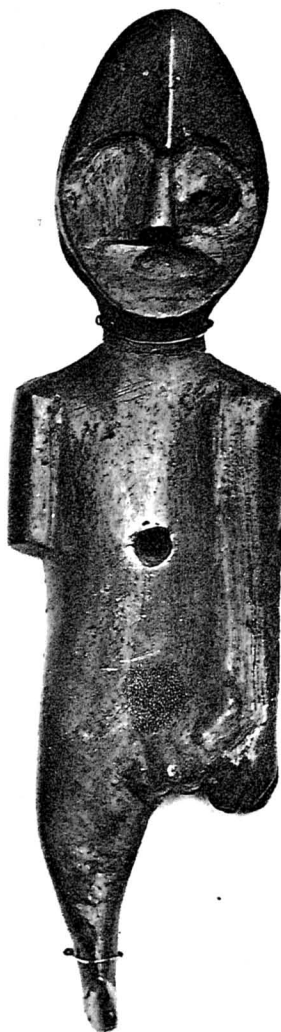
¹⁾ «Мѣдныя пряжки, бляхи серебряныя, позолоченныя и одна даже съ остаткомъ дерева», См. Труды I Арх. Съѣзда, т. I, стр. 154. «Курганы и городища оренбургскаго края» Р. Г. Игнатьева.

Дополненіе. Къ прим. 1. Въ только что вышедшемъ въ свѣтъ I томѣ «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда», въ Казани, помѣщено сообщеніе П. В. Алабина объ остаткахъ древности въ самарскомъ край. Авторъ сообщаетъ о существованіи въ курганахъ Бузулукскаго и Новоузенскаго уѣздовъ квадратныхъ пространствъ и даже небольшихъ комнатъ съ корридорами и ходами, выложенныхъ отчасти сырцовымъ и отчасти обожженнымъ кирпичемъ и сверху покрытыхъ плитнякомъ. Къ сожалѣнію эти гробницы оказываются уже давно разоренными кладочскателями. На нѣкоторыхъ курганахъ въ Николаевскомъ уѣздѣ стояли «каменные бабы», двѣ изъ которыхъ были перевезены въ г. Самару и переданы въ мѣстный статистическій комитетъ, откуда къ сожалѣнію въ послѣдствіи пропали. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы подобныя курганы были разслѣдованы научнымъ образомъ, сравнительно со скифскими въ Екатеринославской губерніи и въ Керчи. Очень можетъ быть, что найдутся еще такіе курганы, которымъ удалось избѣгнуть заступы кладочскателей.

1.

2.

Однако-же, если погребенныя въ курганахъ лица и не были современниками Геродота, то во всей обстановкѣ такъ много сходнаго съ его описаніями скинскихъ обычаевъ, что трудно не признать эти курганы за скинскіе.

Этнографическая индивидуальность скиновъ представляетъ собой такую загадку, которая, не смотря на многократныя попытки такъ или иначе ее разгадать все еще остается для насъ не понятной и не разгаданной. Несомнѣннымъ кажется только одно, что во времена Геродота скины дѣйствительно представляли собою извѣстную этнографическую индивидуальность или народъ, который называлъ себя *сколотами* и который у древнихъ персовъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *саковъ*. Этотъ народъ сколотовъ состоялъ изъ нѣсколькихъ племенъ, которыя носили названія *акхатовъ*, *китировъ*, *трастиевъ* и *парлатовъ*. Последнее племя было сильнѣйшимъ между всѣми сколотами и было извѣстно у грековъ подъ именемъ скиновъ царскихъ ²⁾. Имя *скиновъ* было придумано для сколотовъ греками и въ первый разъ встрѣчается у Гезіода; этимологія этого слова до сихъ поръ остается не объясненной. Въ послѣдующія времена это народное названіе изъ имени собственнаго перешло въ нарицательное и сдѣлалось синонимомъ слова *варваръ*; но при Геродотѣ оно, повидимому, не имѣло еще такого значенія, ибо, признавая всѣхъ народовъ, обитавшихъ по побережьямъ эвксинскаго понта, самыми невѣжественными и непросвѣщенными съ эллинской точки зрѣнія, онъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу однихъ только скиновъ и хотя не одобряетъ вообще ихъ обычаи, однакоже находитъ возможнымъ похвалить ихъ кочевой образъ жизни, благодаря которому они были недоступными для атаки, и находитъ, что эта задача у нихъ разрѣшена наиболѣе разумнымъ образомъ, нежели у всѣхъ другихъ извѣстныхъ ему народовъ ³⁾.

Изъ всѣхъ разсказовъ Геродота о скинахъ можно выводить заключеніе, что это былъ могущественный и сильный народъ, имѣвшій свой оригинальный бытъ и уже выработавшій свою цивилизацію до такой степени, что она имѣла, повидимому, вліяніе на другихъ сосѣднихъ съ нимъ народовъ, находившихся еще на болѣе низкихъ степеняхъ культурнаго развитія, ибо они подражали скинамъ въ одеждѣ, обычаяхъ и образѣ жизни.

Археологическія изслѣдованія обнаруживаютъ въ предметахъ скинскаго быта такую амальгаму элементовъ азиатскихъ съ эллинскими, что Скинія представляется какъ-бы лабораторіей, въ которой идеи и традиціи Востока и Запада такъ тѣсно соединились, что дали возможность выработаться здѣсь своеобразному виду искусства, которое можно назвать греко-скинскимъ. Въ немъ азиатскія фантазіи передаются высокимъ греческимъ стилемъ и греческія идеи обезображиваются на азиатскій ладъ, въ варварской передачѣ скинскихъ мастеровъ.

²⁾ Herodote. IV, 6.

³⁾ Ibid. IV, 46.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что со времени основанія греческихъ колоній на берегахъ Чернаго моря эллинская цивилизація не повліяла смягчающимъ образомъ на нравы полудикихъ обитателей прибрежій и въ особенности на скиоовъ, какъ ближайшихъ сосѣдей, съ которыми греки находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Смягченіе нравовъ уже видно въ томъ, что Понтъ прежде «негостепріимный» (Ἀξένος) становится въ послѣдствіи «гостепріимнымъ» (Εὐξένος) ⁴⁾. Хотя Геродотъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что скиѣ старательно избѣгали усвоивать себѣ иностранные обычаи ⁵⁾ и въ особенности греческіе, но, кажется, это должно понимать только въ смыслѣ отступленія отъ вѣры, т. е. ренегатства, ибо въ другихъ отношеніяхъ памятники древняго быта, находимые при раскопкахъ, свидѣтельствуютъ о большихъ позаимствованіяхъ изъ греческой цивилизаціи. Близкое сосѣдство съ греческими колоніями и частыя сношенія въ силу торговыхъ интересовъ должны были съ теченіемъ времени подчинять скиоовъ смягчающему вліянію высшей эллинской цивилизаціи, дѣйствовавшей на нихъ иногда и противъ воли. Божества, которымъ поклонялись скиѣ оказываются довольно аналогичными съ греческими, какъ это можно видѣть изъ параллели, приводимой Геродотомъ ⁶⁾, а самый мифъ божественнаго происхожденія скийскаго народа отъ Юпитера (παλαίος) и нимфы, дочери рѣки Борисеена, родившей перваго скиѣа Таргитаса ⁷⁾ построенъ совсѣмъ по греческому шаблону, хотя сами греки насчетъ происхожденія скийскаго народа сочинили иную генеалогію: отъ Геркулеса и Эхидны ⁸⁾. Примѣры ужасной расправы съ Анахарсисомъ и Скиласомъ вызываютъ на соображеніе не потому-ли скиѣ такъ жестоко съ ними поступили, что греческое вліяніе уже отражалось въ скиискомъ бытѣ въ такой значительной степени, что вызывало опасеніе совсѣмъ утратить свою скиискую національность и, быть можетъ, надѣялись, крайне жестокими мѣрами карая элленофильство, остановить своихъ сородичей отъ наклонности къ полной элленизаціи. Извѣстно, что во времена крайней опасности практикуются и крутыя мѣры. А что перерожденіе скиоовъ уже существовало во времена Геродота въ значительной степени, то это не подлежитъ сомнѣнію, ибо скииское поколѣніе каллипидовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Борисеенскимъ портомъ, онъ прямо называетъ греко-скиѣами, т. е. происшедшими отъ смѣшенія греческой крови со скииской ⁹⁾. Въ самомъ образѣ жизни скиоовъ замѣчаются такія черты, которыя указываютъ на то, что они не были совер-

⁴⁾ Страбонъ. Географія, кн. VII, гл. 3, § 6.

⁵⁾ Herodote. IV, 76.

⁶⁾ Ibid. IV, 59.

⁷⁾ Ibid. IV, 5.

⁸⁾ Ibid. IV, 8—10. Вѣроятно эта генеалогія была придумана съ цѣлью объяснить этнографическое сродство съ агазирсами, гелонами и скиѣами, замѣченное греками.

⁹⁾ Ibid. IV, 17.

шенно дикимъ народомъ, но имѣли уже выработанный, своеобразный гражданскій бытъ и свою культуру. Въ сношеніяхъ съ греками они оказывались простодушными, нековарными, менѣе расточительными, чѣмъ сами греки и довольными своимъ положеніемъ. По словамъ Страбона характеристическими доблестями скиѣской національности были любезность, простота, справедливость ¹⁰⁾. Можно даже полагать, что они находились въ переходномъ состояніи отъ кочеваго быта къ жизни осѣдлой, ибо нѣкоторыя скиѣскія племена, по свидѣтельству Геродота, занимались земледѣліемъ и при томъ въ такихъ размѣрахъ, что сѣяли хлѣбъ не только для собственнаго пропитанія, какъ напр. алазоны, но и для продажи, какъ это дѣлали скиѣы, которыхъ Геродотъ называетъ *земледѣльцами* ¹¹⁾. Кромѣ полеводства они занимались также и огородничествомъ, ибо культивировали лукъ, чеснокъ и бобы ¹²⁾. Вообще кочевой бытъ скиѣовъ представляется довольно аналогичнымъ съ таковымъ-же бытомъ другихъ азіатскихъ помадовъ, еще и въ наше время ведущихъ такой образъ жизни. Между ними также замѣчено, что нѣкоторыя племена занимаются воздѣлываніемъ хлѣбныхъ злаковъ и огородныхъ растений, въ то время, какъ другіе ихъ сородичи заняты только скотоводствомъ и коневодствомъ.

Земледѣліе въ Скиѣи было развито въ такой степени, что эта страна служила житницей не только для самой Греціи, но и для другихъ странъ на Средиземномъ морѣ. Вѣроятно даже, что главнымъ стимуломъ къ основанію греческихъ колоній на Черномъ морѣ была закупка хлѣбнаго зерна въ Скиѣи и очень понятно, что усиленное требованіе на земледѣльческіе продукты должно было вызвать въ Скиѣи и расширеніе полеводства. Въ малой Скиѣи почва была особенно хороша для произрастанія хлѣбныхъ посѣвовъ: по извѣстію Страбона поле, вспаханное тамъ любимъ землекопомъ, давало урожая самъ-тридцать и въ прежнія времена оттуда доставляли въ Элладу хлѣбъ, подобно тому, какъ соленая рыба доставлялась изъ Местиды ¹³⁾. Но конечно греческая торговля не ограничивала своего круга дѣйствій или своихъ операцій одними продовольственными продуктами и умѣла извлекать свои выгоды изъ всѣхъ произведеній природы и человѣческой культуры тѣхъ странъ и народовъ, куда она проникала. Существуетъ даже мнѣніе, что географическія и этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ какъ о Скиѣи, такъ и окружавшихъ ея странахъ, можно понимать какъ торговый путь, котораго держались караваны съ товарами, отправляемые изъ греческихъ колониальныхъ портовъ на побережьяхъ Эвксинскаго понта ¹⁴⁾.

¹⁰⁾ Страб. кн. VII, гл. 3, § 8.

¹¹⁾ Herod. IV, 17.

¹²⁾ Ibid.

¹³⁾ Страб. кн. VII, гл. 4, § 6.

¹⁴⁾ Это мнѣніе высказываетъ и г. Забѣлинъ въ его изслѣдованіи «Исторія русской жизни съ древн. временъ». Москва 1876, ч. I, стр. 235.

Такое мнѣніе можно выводить изъ словъ самого Геродота, сообщающаго, что свѣдѣнія о странахъ и народахъ, лежащихъ отъ Скиѳіи по направленію къ отдаленному сѣверовостоку до «высокихъ горъ», служившихъ крайнимъ предѣломъ географическихъ познаній грековъ въ этомъ направленіи, можно было узнать по той причинѣ, что *нѣкоторые скиѳы посѣщаютъ эти страны*, и получить справки можно было отъ нихъ, или-же отъ грековъ Борисеенскаго и другихъ портовъ Эвксинскаго понта. Скиѳы-же, которые приходятъ къ грекамъ, говорятъ на семи языкахъ и для того, чтобы ихъ понимать, нужно было имѣть семь переводчиковъ ¹⁵⁾. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что отдаленныя сѣверовосточныя страны не были посѣщаемы лично самими греками. но только *нѣкоторыми* скиѳами, приходившими потомъ въ греческіе порты и пересказывавшими грекамъ свои путевыя наблюденія и впечатлѣнія. Если-же признать за истину, что подъ географическими и этнографическими указаніями здѣсь скрывается торговый маршрутъ движенія греческихъ каравановъ съ товарами, то необходимо слѣдуетъ думать, что именно эти самые скиѳы—разсказчики и водили караваны съ греческими товарами на сѣверо-востокъ, къ *высокимъ горамъ*, т. е. они принимали участіе въ греческой торговлѣ и служили кушамъ-грекамъ въ качествѣ агентовъ и комиссіонеровъ.

Географическія и этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ объ отдаленныхъ отъ Скиѳіи сѣверо-восточныхъ странахъ, лежавшихъ по направленію къ *высокимъ горамъ*, обнаруживаютъ въ себѣ, отчасти, мифическій или легендарный характеръ и при этомъ кажется, что одни и тѣ-же свѣдѣнія передаются въ двухъ вариантахъ. Древнѣйшій изъ разсказовъ принадлежитъ эпическому поэту Аристею изъ Прокооннеса ¹⁶⁾, повѣствующему, что вдохновенный Фебомъ, онъ отправился къ народу исседонамъ, за которыми живутъ аримаспы—люди съ однимъ глазомъ; за ними находятся гриффы, стерегущіе золото, за которыми обитаютъ гиперборейцы, до самаго моря (т. е. сѣвернаго). Всѣ эти народы, по сказанію поэта, кромѣ гиперборейцевъ, начиная отъ аримасповъ, всегда вторгались въ земли своихъ сосѣдей. Исседоны, будучи вытѣсняемы аримаспами, въ свою очередь тѣснили скиѳовъ, которые вторгались въ земли

¹⁵⁾ Herod. IV, 24. Это, довольно темное по смыслу мѣсто, обыкновенно объясняется такъ, что подъ этими скиѳами, приходившими къ грекамъ, слѣдуетъ понимать именно тѣхъ самыхъ скиѳовъ, которые посѣщали упомянутыя отдаленныя страны и, чтобы объясняться съ обитавшими тамъ разными народами должны были умѣть говорить на семи языкахъ или употреблять для того семь переводчиковъ.

¹⁶⁾ Относительно подробностей жизни этого поэта существуютъ только баснословные разсказы. Его представляютъ, какъ волшебника, душа котораго могла свободно покидать свою тѣлесную оболочку и снова въ нее возвращаться. Повидимому онъ былъ преданъ культу Аполлона, который и былъ имъ введенъ въ Метапонтъ. См. Herod. VI, 14—15. Cp. Smith, Diction. de Biogr., Mythol. et Geogr. anc. p. 90.

киммеріанъ и заставили ихъ наконецъ вовсе покинуть страну¹⁷⁾. Легендарность или сказачность этого разсказа очевидна и повидимому содержитъ въ себѣ отголосокъ того общаго повѣрья, которое существовало у древнихъ народовъ Европы, что на крайнемъ сѣверѣ земля изобиловала золотомъ, которое добывалось оттуда съ превеликимъ трудомъ, ибо было охраняемо такими чудовищами, какъ баснословные гриффы, звѣри-птицы. Гиперборейцы были тоже совершенно мифическій народъ, также, какъ и одноглазые аримаспы. Можно даже сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли Аристей посѣтилъ лично страну исседоновъ, ибо названіе аримасповъ объясняется Геродотомъ съ помощью скийскаго языка, на которомъ *арима* значило — одинъ, а *слу* — глазъ¹⁸⁾. Такимъ образомъ есть основаніе полагать, что Аристей не путешествовалъ дальше Скиѳіи и отъ скиѳовъ получилъ всѣ сообщаемые имъ свѣдѣнія. Уже и самъ Геродотъ высказывалъ сомнѣніе въ личномъ посѣщеніи Аристеемъ описываемыхъ имъ странъ, опираясь на то, что поэтъ въ своихъ стихахъ вовсе не утверждалъ, что самъ былъ въ странахъ за исседонами¹⁹⁾. Желая исправить показанія Аристея, казавшіяся невѣроятными и неточными Геродоту, онъ сообщаетъ другія свѣдѣнія, которыя собралъ самъ въ Скиѳіи отъ скиѳовъ и греческихъ колонистовъ; но и въ этихъ свѣдѣніяхъ, хотя гораздо позднѣйшихъ, примѣсъ мифическаго элемента оказывается еще весьма значительной.

Рѣка Танаисъ (Донъ) уже съ глубокой древности слыха границей, отдѣляющей Европу отъ Азіи и Геродотъ объ этомъ упоминаетъ²⁰⁾. Эта-же рѣка служила границей для самой Скиѳіи, отдѣляя ее отъ территоріи, занятой сарматами, народомъ смѣшанной расы, происшедшей отъ скиѳовъ и амазонокъ²¹⁾. Земля сарматовъ лежала по направленію къ сѣверу отъ угла Азовскаго моря, занимая пространство на 15 дней пути и была совершенно безлѣсна. За ней лежала страна будиновъ, покрытая всякаго рода деревьями. За будинами, по направленію къ сѣверу сначала встрѣчалась необитаемая степь, простиравшаяся на семь дней пути, за которой склоняясь къ востоку, обитали оисагеты — индигены этой мѣстности и народъ многочисленный, промышлявшій охотой. По содѣйствию съ ними, въ тѣхъ-же мѣстахъ утвердились Иврги (*Ἰβρῆαι*), также народъ охотническій. За ними, склоняясь все къ востоку, обитали *другіе скиѳы*, переселившіеся въ эти мѣста послѣ своего возмущенія противъ скиѳовъ царскихъ. До земли этихъ бѣглыхъ скиѳовъ поверхность всей страны представляеть равнину съ глубокой почвой; но за тѣмъ она становится жесткой и ка-

¹⁷⁾ Herod. IV, 13.

¹⁸⁾ Ibid. IV, 27.

¹⁹⁾ Ibid. IV, 16.

²⁰⁾ Ibid. IV, 45.

²¹⁾ Ibid. IV, 113, 116, 117.

менистой. Пройдя значительную часть этой неровной мѣстности подходили къ подножью *высокихъ горъ*, гдѣ обиталъ народъ аргиппей ²²⁾. Далѣе этого народа никто не ходилъ, ибо путь преграждался высокими горами, недоступными къ переходу и потому никто черезъ нихъ не отваживался переходить. Однако-же аргиппей сказывали, что въ горахъ живутъ *люди съ козьими ногами*; а перелезавъ черезъ горы можно было придти къ другимъ людямъ, которые спали въ теченіи шести мѣсяцевъ ²³⁾.

Въ этомъ разсказѣ аргиппеевъ замѣчается большая аналогія съ тѣмъ, что сообщали исседоны Аристеемъ о народахъ, обитавшихъ за ними, и можно догадываться, что оба разсказа составляютъ лишь варианты одного и того-же преданія о крайнемъ сѣверѣ земли. Гиперборейцы обитали за гиперборейскими горами до Ледовитаго моря и очень сходны съ тѣми сѣверными-же людьми, у которыхъ ночь продолжалась въ теченіи полгода. Люди съ козьими ногами въ своемъ родѣ такія-же чудовища, порожденныя фантазіей, какъ и гриффы—небывалыя звѣри-птицы. Сами аргиппей всѣ поголовно отъ рожденія плѣшивые, мужчины и женщины не менѣе странны, какъ и одноглазые аримаспы. Но, въ разсказѣ исседоновъ упоминается о золотѣ, которое стерегли гриффы, изъ за него враждовавшіе съ аримаспами. Въ сообщеніи-же аргиппеевъ о людяхъ съ козьими ногами, жившихъ въ горахъ, о золотѣ не упоминается; но за то подкладка разсказа оказывается гораздо реальнѣе, ибо въ этихъ странныхъ обитателяхъ горъ не трудно узнать горный народъ ²⁴⁾, который вѣроятно занимался охотой и горнымъ промысломъ, сбывая свою добычу аргиппейцамъ, передававшимъ ее скиескимъ караванщикамъ. Можетъ быть о золотѣ не упоминается съ умысломъ, вслѣдствіе торговыхъ соображеній, такъ же какъ и вообще во всемъ вышеприведенномъ разсказѣ Геродота ничего не говорится о товарахъ.

Высказывая недовѣріе къ нѣкоторымъ сообщеніямъ Аристеемъ, Геродотъ однакоже не сомнѣвается въ дѣйствительности существованія народа исседоновъ. Онъ помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ аргиппеевъ ²⁵⁾ и сообщаетъ, что они жили насупротивъ массачетовъ по другую сторону р. Аракса ²⁶⁾; при этомъ онъ дѣлаетъ оговорку, что по направленію къ сѣверу, какъ за аргиппейцами, такъ и за исседонами ничего не было извѣстно кромѣ того, что они сами разсказывали. Изъ этого видно, что оба эти народа были крайними на сѣверо-востокѣ, о ко-

²²⁾ Ibid. IV, 21—23.

²³⁾ Ibid. IV, 25.

²⁴⁾ Жителей равнинъ всегда поражала удивленіемъ способность обитателей горъ ходить по такимъ тропинкамъ, гдѣ казалось могли свободно ходить только однѣ козы, вслѣдствіе чего сложилось убѣжденіе, что и горные люди должны были обладать козьими ногами.

²⁵⁾ Herod. IV, 25.

²⁶⁾ Ibid. I, 201.

торыхъ знали греки по рассказамъ о нихъ скивовъ, ходившихъ къ нимъ²⁷⁾. Но, изъ того, что аргиппей и исседоны не говорятъ другъ о другѣ, видно, что эти народы не знали одинъ другаго, можетъ быть потому, что жили вдалекѣ другъ отъ друга, и скивы, посѣщавшіе тѣхъ и другихъ, ходили къ нимъ отдѣльными караванами по разнымъ путямъ.

«*Высокія горы*», у подошвы которыхъ обитали аргиппей, помѣщаются Геродотомъ на сѣверо-востокѣ; но въ этомъ указаніи такъ мало опредѣленности, что въ связи съ недовольно точно выясненнымъ географическимъ положеніемъ самой Скиѳіи, изслѣдователи примѣняли это указаніе, то къ Карпатамъ, то къ Уралу, то къ Алтаю. Но если, какъ сказано выше, пути къ исседонамъ и аргиппеямъ были различны, то можно-бы думать, что и рассказы этихъ народовъ относились не къ однимъ и тѣмъ-же мѣстамъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы признать, что гиперборейскія горы исседоновъ и высокія горы аргиппеевъ подразумѣваютъ двѣ различныя горныя цѣпи, къ которымъ караваны доходили отдѣльными путями и, не переваливая за нихъ, возвращались назадъ той-же дорогой. Признавъ такой смыслъ обонхъ рассказовъ мы имѣли-бы основаніе предположить, что подъ *высокими* горами слѣдуетъ понимать уральскій горный хребетъ, а подъ *гиперборейскими*, лежавшими на крайнемъ сѣверѣ, болѣе отдаленную горную цѣпь Алтая. Но, извѣстно, что гиперборейскія горы называли также *рифейскими*; а позднѣйшіе изъ древнихъ географовъ помѣщаютъ эти послѣднія на сѣверо-востокъ отъ горы Алауна, на границѣ азіатской Сарматіи и поэтому рифейскія горы древнихъ можно отождествлять съ западной вѣтвью уральскихъ горъ²⁸⁾. Большинство комментаторовъ Геродота его «высокія горы» тоже отождествляютъ съ рифейскими и принимаютъ за уральскія горы; самое же названіе *рифей* объясняютъ изъ языка вогуловъ, обитающихъ въ этихъ горахъ и называющихъ ихъ геер, что означаетъ гору вообще²⁹⁾. Такимъ образомъ оказывается, что на сѣверо-востокѣ греки временъ Геродота, не смотря на различіе названій, могли знать только однѣ уральскія горы.

Придерживаясь свѣдѣній лично принадлежащихъ Геродоту и принимая его «высокія горы» за уральскія, мы должны также признать, что аргиппей былъ народъ, жившій у подошвы уральскаго горнаго хребта; но отъ этихъ мѣстъ до прибрежій черноморскихъ лежитъ огромное пространство земли. Отъ аргиппеевъ до границъ Скиѳіи обитали еще: 1) скивы-эмигранты, 2) иврки, 3) еиссагеты, 4) будины, 5) гелоны и 6) сарматы. Географическое положеніе мѣстъ, обитаемыхъ этими народами, указано Геродотомъ вообще на столько неопредѣленно, что не допускаетъ возможности угадать ихъ точныя границы. Изучая

²⁷⁾ Ср. Herod. IV, 25 и 27.

²⁸⁾ Ср. Smith, Diction. p. 324 et 506.

²⁹⁾ См. Fischer, «Siberische Geschichte».

географическія извѣстія Геродота о Скиѣи и сосѣднихъ съ ней странахъ и соображая ихъ съ нынѣшними названіями рѣкъ и мѣстностей, изслѣдователь, не находя возможнымъ привести въ согласіе то и другое, невольно начинаетъ недовѣрять географическимъ познаніямъ «отца исторіи». Даже въ отношеніи самой Скиѣи, знаменитый четырехугольникъ, въ который заключалъ ее Геродотъ³⁰⁾, представляется только воображаемымъ, въ дѣйствительности-же не поддается никакимъ усиліямъ возстановленія: предѣлы страны то слишкомъ расширяются, то на оборотъ суживаются, кажется болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Разсказъ о походѣ Дарія, совершенный отъ Дуная, черезъ всю Скиѣю за Танаисъ, до рѣки Оара и обратно въ теченіи всего только 60 дней³¹⁾, еще болѣе усиливаетъ недоумѣніе. Если рѣку Танаисъ принять за нынѣшній Донъ, то Оаромъ могла быть Волга, но для того, чтобы пройти пространство, раздѣляющее Дунай отъ Волги, время указанное Геродотомъ представляется слишкомъ недостаточнымъ. Правда, персидское войско просрочило и возвратилось къ мосту на Истрѣ нѣсколько поздне противъ назначеннаго времени³²⁾; но у Геродота точно не обозначено, сколько дней еще приходилось іонянамъ, стерегшимъ мостъ, ожидать возвращенія Дарія. Нельзя не пожалѣть о томъ, что «отецъ исторіи» оставилъ этотъ пробѣлъ, ибо для точнаго опредѣленія пройденнаго персидскимъ войскомъ пространства необходимо принимать въ соображеніе и время пересрочки.

Новѣйшія попытки привести геродотовы извѣстія о Скиѣи, въ связи съ походомъ Дарія, въ согласіе съ существующей нынѣ дѣйствительностью, приводятъ къ тому, что за исключеніемъ аргиппеевъ, всѣ народы, по Геродоту обитавшіе за Скиѣею къ сѣверо-востоку, по направленію къ уральскимъ горамъ, — въ сущности обитали только до праваго берега Дона. Даже самые скиѣ-эмигранты не переходили за эту рѣку³³⁾. При такомъ комментированіи геродотовыхъ указаній, географическія свѣдѣнія современныхъ ему грековъ о странахъ и народахъ, прилегавшихъ къ Скиѣи, представляются весьма ограниченными и неполными. Геродотъ съ увѣренностью говоритъ, что страны по направленію къ сѣверо-востоку за Скиѣею до самыхъ «высокихъ горъ» извѣстны, также какъ и различные народы тамъ обитающіе. За бѣглыми скиѣами онъ прямо помѣщаетъ аргиппеевъ, не упоминая о томъ, чтобы ихъ раздѣляло очень большое пространство. Правда, что Геродотъ ограничиваетъ Скиѣю вдоль и поперекъ всего только 20 днями пути или 4000 стадій, назначая на день 200 стадій³⁴⁾.

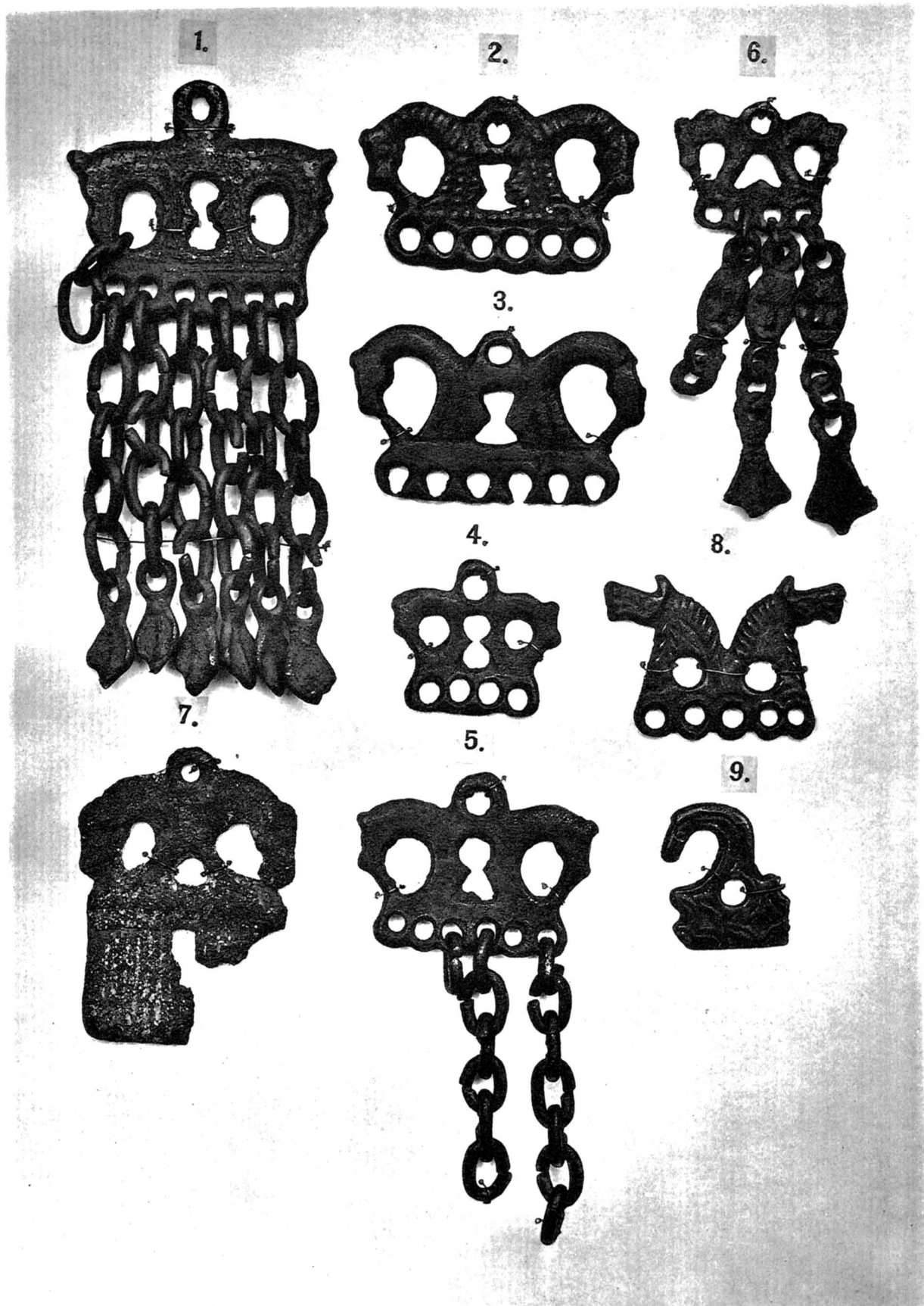
³⁰⁾ Herod. IV, 101.

³¹⁾ Ibid. IV, 97.

³²⁾ Ibid. IV, 133, 136, 140.

³³⁾ Ф. К. Брунъ. «Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѣи и смежныхъ съ нею земляхъ», стр. XCIII. См. 2-й вып. «Древности Геродотовой Скиѣи» 1872.

³⁴⁾ Herod. IV, 101.

Землю сарматовъ, обитавшихъ за Танаисомъ, онъ опредѣляетъ въ 15 дней пути ³⁵⁾ или въ 3000 стадій, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 600 стадій промежуточной земли, ибо перемѣшавшіеся съ амазонками скины поселились, перейдя за Донъ, на разстояніи трехъ дней пути отъ рѣки ³⁶⁾. Но пространство земли будиновъ остается неопредѣленнымъ. Степь, отдѣлявшая ихъ отъ ессаетовъ, исчислена въ 7 дней пути или 1400 стадій. Относительно всего остального пространства до подошвы «высокихъ горъ» Геродотъ также умалчиваетъ. Вслѣдствіе такого умолчанія изслѣдователямъ представляется возможность растягивать или сокращать, по усмотрѣнію, пространство тѣхъ земель, измѣреніе которыхъ не указано Геродотомъ. Относительно земли будиновъ еще необходимо сообразоваться съ 60 днями персидскаго похода; но земли ессаетовъ и ивровъ, также какъ бѣглыхъ сиевовъ и аргишпеевъ, не были связаны 60 узлами Даріева ремня.

Если справедливо, что греческая торговля доходила до уральскихъ горъ, то спрашивается, какой путь служилъ для передвиженія товаровъ: водный или сухопутный? По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ было сказано выше, подъ гидрографическими указаніями Геродота слѣдуетъ понимать собственно торговые пути, которыми пользовались греческіе купцы изъ черноморскихъ колоній для передвиженія своихъ товаровъ: слѣдовательно путь движенія товаровъ былъ водный. Но скины, безъ сомнѣнія, принимавшіе участіе въ перевозкѣ и передачѣ греческихъ товаровъ, какъ народъ конный, могли водить караваны и по сухому пути; поэтому можно думать, что перевозка товаровъ совершалась тѣмъ и другимъ способомъ.

Въ первомъ случаѣ система рѣки Дона кажется должна была играть очень важную роль при передвиженіи товаровъ по направленію къ уральскимъ горамъ и самая р. Донъ, которую уже во времена Геродота подъ именемъ Танаиса считали рубежомъ, отдѣлявшимъ Европу отъ Азіи, не могла не быть хорошо извѣстной грекамъ. Волжскій бассейнъ, такъ тѣсно соприкасающійся съ донскимъ и имѣющій въ наше время такое важное значеніе при передвиженіи товарныхъ грузовъ, кажется, долженъ бы былъ и въ древнія времена играть ту же роль. Можно бы смѣло ожидать найти въ извѣстіяхъ Геродота точную характеристику обѣихъ этихъ очень важныхъ рѣкъ; но мы встрѣчаемся здѣсь съ очень страннымъ фактомъ. Изъ указаній Геродота, подвергнутыхъ строгому критическому разбору, оказывается, что географическое положеніе самой р. Дона не было ему точно извѣстно; нѣкоторая же запутанность въ указаніяхъ, относящихся къ положенію этой рѣки, приводитъ ученыхъ

³⁵⁾ Ibid. IV, 21.

³⁶⁾ Ibid. IV, 116.

критиковъ къ соображенію, что во времена Геродота не одна, а двѣ рѣки носили названіе Танаиса; но это обстоятельство не было извѣстно «отцу исторіи» и поэтому онъ смѣшивалъ обѣ эти рѣки ³⁷⁾.

Еще страннѣе кажется то обстоятельство, что р. Волга, повидимому, въ то время вовсе не была извѣстна грекамъ. Превосходя по своей величинѣ рѣку Донъ, она смѣло могла быть поставлена въ параллель съ Истромъ и должна была обращать на себя вниманіе на столько, чтобы заслужить особую характеристику; однако же мы не находимъ этого у Геродота. Но если караванный путь греческой торговли доходилъ до уральскихъ горъ, то какимъ образомъ можно было обойти Волгу? Если допустить, что по ней не плавали и караваны ходили сухимъ путемъ, то все же въ какомъ либо мѣстѣ имъ приходилось переправляться черезъ Волгу, чтобы придти къ подножію западной вѣтви уральскаго хребта. Правда, великій историкъ упоминаетъ вскользь, что изъ страны еиссагетовъ текутъ четыре большія рѣки: Лигусъ, Оаръ, Танаисъ и Сиргизъ ³⁸⁾. Рѣка Оаръ, повидимому, послужившая препятствіемъ къ дальнѣйшему движенію впередъ войска Дарія, нѣкоторыми изслѣдователями отождествляется съ рѣкой Волгой, но Геродотъ всѣ эти 4 рѣки заставляетъ изливаться въ Азовское море ³⁹⁾, тогда какъ Волга въ дѣйствительности впадаетъ въ Каспійское море. Такая неточность могла бы удивлять, ибо Каспійское море, повидимому, было хорошо знакомо грекамъ Геродотова времени, однако же о сѣверной его части не встрѣчается указаній и потому можно думать, что эта часть моря не была въ то время извѣстной по той причинѣ, что ея прибрежья были тогда заняты варварскими народами, недопускавшими къ себѣ чужеземцевъ. Изъ сообщеній Страбона мы знаемъ, что и въ болѣе позднюю эпоху встрѣчалось подобное препятствіе для излѣдованія рѣки Танаида ⁴⁰⁾. Изъ того же источника узнаемъ мы, что о теченіи этой рѣки существовало у древнихъ нѣсколько различныхъ мнѣній, которыя Страбонъ, подвергая критикѣ, опровергаетъ; но въ мнѣніи, лично ему принадлежащемъ, или котораго онъ держится, оказывается такая же неясность, какъ и у Геродота, ибо онъ утверждаетъ напр., что устья Танаида находятся въ *сѣверныхъ* частяхъ Меотійскаго озера и въ *наибольше восточныхъ* ⁴¹⁾. Разногласіе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ конечно могло происходить оттого, что самый предметъ не былъ точно извѣстенъ. Страбонъ и говоритъ, что Танаидъ былъ извѣстенъ грекамъ только въ своихъ устьяхъ; выше устьевъ была извѣстна только небольшая

³⁷⁾ Ф. К. Брунъ, «Опытъ соглашенія» и пр., стр. LXVII.

³⁸⁾ Herod. IV, 123.

³⁹⁾ Ibid.

⁴⁰⁾ Страб. кн. XI, гл. 2, § 2.

⁴¹⁾ Ibid. кн. II, гл. 4, § 6; ср. кн. VII, гл. 4, § 5 и кн. XI, гл. 2, § 2.

часть рѣки. Иноземные изслѣдователи или путешественники не рѣшались пустаться далѣе въ верхъ по теченію рѣки. Причиной этого былъ холодъ и бѣдность лежащихъ тамъ странъ. Такія неудобства, по мнѣнію Страбона, могли быть переносимы туземцами, которые по обычаю номадовъ питались мясомъ и молокомъ, но они невыносимы для иностранцевъ. Кромѣ того, номады, будучи негостепріимными къ иностранцамъ, будучи многочисленными и сильными, закрываютъ доступъ въ тѣ части страны, которыя сколько нибудь доступны, или къ рѣкамъ, позволяющимъ плаваніе въ верхъ ⁴²⁾). Конечно тѣ же самыя причины отнимали охоту у черноморскихъ грековъ, временъ Геродота, самимъ путешествовать въ глубь этихъ негостепріимныхъ странъ и побуждали ихъ для перевозки товаровъ пользоваться услугами скиѣскихъ караванщиковъ. Что касается до *бѣдности* лежащихъ къ сѣверо-востоку странъ, то кажется она была не безусловной, ибо во времена Страбона, по его же сообщенію, вдоль р. Танаида жилъ значительный народъ аорсы, ведшія караванную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ армянъ и медянъ. *Они носили золотыя украшенія потому, что были богаты* ⁴³⁾). Такая неясность географическихъ указаній относительно р. Танаиса можетъ еще порождать вопросъ, что именно принималось въ древнія времена подъ именемъ Танаиса и считалось рубежомъ, отдѣлявшимъ Европу отъ Азіи: дѣйствительно ли теперешняя р. Донъ или же Донецъ?

При подобной неточности и неполнотѣ географическихъ указаній древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ оказывается очень затруднительнымъ опредѣлить тотъ караванный путь, по которому шли греческіе товары къ уральскимъ горамъ. Для уясненія его неизбежно приходится обращаться къ помощи догадокъ и предположеній; но такой способъ, хотя и единственно возможный въ данномъ случаѣ, не можетъ, однако же, считаться точнымъ. Если допустить, что для передвиженія товаровъ въ тѣ времена предпочитались преимущественно рѣчные пути, какъ представлявшіе болѣе удобства для передвиженія, сравнительно съ сухопутными дорогами и лѣтомъ и зимой, то на основаніи аналогіи съ тѣмъ, какъ это практикуется въ наше время, слѣдовало бы признать, что съ рѣки Дона товары передавались на Волгу, и затѣмъ по Камѣ и ея притокамъ доставлялись къ уральскимъ горамъ.

Въ такомъ случаѣ волжско-камскій край, по древней географіи лежащій въ предѣлахъ Азіи, не могъ бы оставаться въ совершенной неизвѣстности и во времена Геродота, ибо лежалъ на пути торговаго транзита къ Уралу. Въ точности предѣлы земель занятыхъ еиссагетами и иврками неизвѣстны; но принимая во вниманіе охотническій образъ жизни этихъ народовъ, требовавшій

⁴²⁾ Ibid. кн. XI, гл. 2, § 2.

⁴³⁾ Ibid. кн. XI, гл. 5, § 8.

значительныхъ пространствъ, ибо для успѣшной охоты за звѣрями было необходимо при умаленіи добычи мѣнять мѣста, кажется, было бы неосновательно слишкомъ стѣснять границы земель, занятыхъ этими народами. Изъ краткаго сообщенія Геродота объ этихъ народахъ нельзя вывести опредѣленнаго заключенія относительно ихъ этнографіи; но еиссагеты считались *аборигенами* занятаго ими края и позднѣе по сосѣдству съ ними утвердились иврки ⁴⁴⁾.

Древнѣйшее населеніе волжско-камскаго края несомнѣнно должно было также вести охотническій образъ жизни, ибо край этотъ изобилывалъ густыми лѣсами, гдѣ удобно могли водиться всякаго рода пушныя звѣри, свойственные сѣверному климату. Еще и понынѣ инородцы финнской расы, обитающіе въ этомъ краѣ отличаются природной склонностью къ охотѣ и считаются весьма искусными стрѣлками.

Повидимому область, простирающаяся отъ западнаго Урала и ограничиваемая рѣками Камой и Волгой до ихъ слиянія, была обитаема съ очень давнихъ временъ различными народами, переходившими сюда изъ Сибири и среднеазиатскихъ степей. Причиной переселенія народовъ въ древнія времена не всегда была жажда завоеваній и не всегда совершались они внезапно съ всеокружительной стремительностью горныхъ потоковъ. Въ большинствѣ случаевъ они происходили постепенно, будучи вызываемы многими разнообразными естественными причинами. Народы кочевые по самому образу своей жизни должны были вѣчно двигаться подъ вліяніемъ заботы о приисканіи надежныхъ пастбищъ и водопоя для своихъ стадъ и табуновъ, отъ существованія которыхъ зависѣло ихъ собственное благосостояніе. Изъ древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ можно видѣть, что номады постоянно вторгались во владѣнія своихъ сосѣдей и тѣмъ заставляли ихъ тоже подвигаться впередъ. Въ случаѣ же сопротивленія, конечно, возникала вражда, разрѣшавшаяся войной и кровопролитіемъ; но это была борьба за существованіе, въ которой всегда уступалъ слабѣйшій. Весьма вѣроятно, что въ такомъ постепенномъ и постоянномъ движеніи народовъ на юго-западъ привольныя луговыя побережья Волги служили на нѣкоторое время кочевымъ народамъ удобной станціей, гдѣ они могли оставаться на болѣе или менѣе продолжительное время. Но переселеніе народовъ могло совершаться не только по сухому пути, но также и по теченію рѣчныхъ потоковъ, и въ этомъ случаѣ р. Кама представляла собою очень удобный путь. Такимъ образомъ древняя колонизація волжско-камскаго края могла совершиться двоякимъ путемъ: отъ устьевъ Волги, въ верхъ по луговой сторонѣ и внизъ по Камѣ до слиянія ея съ Волгой.

Историческія свидѣтельства, которыя можно считать достовѣрными, упоминаютъ объ этомъ краѣ, сравнительно, довольно поздно, въ ту эпоху уже,

⁴⁴⁾ Шафарикъ вмѣстѣ съ Рейхардомъ помѣщаетъ еиссагетовъ между Волгой и Камой. См. Слав. Древн. т. I, кн. 2, стр. 47.

когда здѣсь образовалось и утвердилось государство Волжской Булгаріи, одинъ изъ эмировъ котораго, по имени Альмасъ сынъ Шелки, принявъ исламъ, пожелалъ оффиціально присоединиться къ восточному халифату. Точное извѣстіе объ этомъ событіи сохранилось въ географическомъ сочиненіи арабскаго писателя Якута и принадлежитъ Ибнъ-Фадлану, который въ качествѣ секретаря участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ халифомъ Муктедиромъ въ Булгаръ (на Волгѣ) въ 310 году гиджры (= 922 Хр. сч.) ⁴⁵⁾. Но начало образованія государства Волжской Булгаріи, оставшееся незамѣченнымъ исторіей, должно было совершиться въ болѣе ранній періодъ времени, можетъ быть въ V вѣкѣ и первое появленіе булгаровъ на Волгѣ можетъ быть совпадаетъ съ эпохой великаго переселенія народовъ ⁴⁶⁾, потому что имя булгаровъ у западныхъ историковъ появляется тотчасъ послѣ распадѣнія гуннской имперіи. По этому слѣдуетъ полагать, что они, вмѣстѣ съ уграми, входили въ составъ гуннскихъ полчищъ подъ общимъ именемъ гунновъ.

Если гунны устремились въ Европу изъ за Волги подъ предводительствомъ царя своего Баламира, то очень возможно, что приблизившись сперва къ лѣвому берегу Волги и найдя здѣсь прекрасныя пастбища, они нѣкоторое время кочевали въ этихъ мѣстахъ, поднимаясь въ верхъ до слиянія Камы съ Волгой и здѣсь положили первое основаніе будущему государству волжской Булгаріи. Преданіе о томъ, что булгары дунайскіе жили прежде на Волгѣ, записано въ извѣстіяхъ византійскихъ историковъ Диоклеаса и Никифора Грегоры ⁴⁷⁾. Но, у армянскихъ историковъ сохранилось и болѣе древнее извѣстіе о булгарахъ, на основаніи котораго слѣдовало бы полагать, что булгары уже во II вѣкѣ до Р. Хр. жили въ приволжскихъ странахъ по сосѣдству съ угрофиннами ⁴⁸⁾. Для исторіи камско-волжскаго края было бы очень важнымъ если бы достовѣрность этого извѣстія могла быть утверждена ученой критикой, ибо археологическія изслѣдованія доказываютъ, что край этотъ, подобно другимъ странамъ, пережилъ всѣ эпохи культурнаго развитія человѣчества: въ почвѣ сохранились слѣды изъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ.

Первоначальные насельники камско-волжскаго края пришли сюда съ первобытной культурой каменнаго вѣка, но въ періодъ *неолитическій*, ибо всѣ

⁴⁵⁾ В. В. Григорьевъ, «Россія и Азія», 1876, стр. 82—83.

⁴⁶⁾ Ср. *ibidem* мнѣніе Григорьева, стр. 81.

⁴⁷⁾ Визан. ист., т. I, стр. 24.

⁴⁸⁾ У Моисея Хоренскаго въ «Исторіи Арменіи» встрѣчается извѣстіе, что булгары жили въ этихъ мѣстахъ еще во второмъ столѣтіи до Р. Хр. Это извѣстіе принадлежитъ Аббасу Катянѣ, жившему при Аршакѣ, второмъ армянскомъ Арсакидѣ (цар. 157—114 до Р. Хр.) Онъ сообщаетъ, что часть булгаровъ была изгнана около 120 года до Р. Хр. изъ своего отечества и переселилась, придя отъ Кавказа до области Карса, гдѣ Моисей Хоренскій, писавшій около 460 года по Р. Хр. зналъ еще потомковъ этихъ переселенцевъ См. «Исторія Арменіи» пер. Эмина, 1858, стр. 87.

до сихъ поръ найденные здѣсь предметы каменнаго вѣка относятся именно къ этому періоду. Большинство каменныхъ орудій выдѣлялось изъ мѣстныхъ горныхъ породъ, преимущественно изъ кремней пермской формации и лишь немногія орудія, какъ напр., молотки изъ *сиенита* и *серпентина* и наконечники для стрѣлъ изъ *кварцита*, какъ породъ несвойственныхъ мѣстной почвѣ, указываютъ, можетъ быть, на Уралъ, какъ на пунктъ отправленія, откуда двигалась эта первоначальная колонизація.

Народы каменнаго вѣка почти исключительно селились по берегамъ морей, озеръ и рѣкъ въ видахъ обезпеченія себя провіантомъ и вслѣдствіе того должны были выработать въ себѣ качества искусныхъ рыболововъ и пловцовъ. Поэтому и переселенія ихъ совершались сообразно направленію рѣчныхъ путей. Свидѣтельствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что прибрежныя песчаныя дюны многихъ рѣкъ въ своихъ пескахъ содержатъ памятники быта изъ каменнаго вѣка. Но, разъ утвердившись въ краѣ, разумѣется, что люди каменнаго вѣка знакомились съ нимъ короче и не ограничивали своего пропитанія одной ловлей рыбы: они отдалялись отъ берега рѣки и уходили въ лѣса, гдѣ занимались охотой; поэтому каменные орудія встрѣчаются и въ отдаленіи отъ рѣчныхъ береговъ. Формы предметовъ каменнаго вѣка указываютъ на ихъ назначеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ понятіе о потребностяхъ и родахъ занятій людей этого культурнаго періода. Какъ невозможно опредѣлить хронологически начало колонизаціи волжско-камскаго края, точно также не представляется никакихъ данныхъ для опредѣленія въ точныхъ хронологическихъ границахъ, какъ долго длился этотъ періодъ. Но настало наконецъ и здѣсь такое время, когда на смѣну камня является металлъ. Эта эпоха повсемѣстно обозначается названіемъ «бронзоваго вѣка» и здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, почва сохранила представителей этого вѣка въ видѣ *бронзовыхъ* орудій, аналогичныхъ съ каменными. Однако-же здѣсь наблюдается тотъ-же самый фактъ, который былъ замѣченъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, подвергавшихся археологическимъ изслѣдованіямъ, именно: предметы бронзоваго вѣка оказываются на столько рѣдкими и немногочисленными, что исключаютъ возможность составить представленіе о бронзовомъ вѣкѣ, какъ о періодѣ времени болѣе или менѣе продолжительномъ и самостоятельномъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствительно существовалъ такой періодъ значительное время, современные ему бытовые памятники обнаруживаютъ и свойственную ему культурную обстановку, которая видоизмѣняется съ наступленіемъ желѣзнаго періода. Здѣсь-же, напротивъ, самостоятельной культуры, свойственной бронзовому вѣку, нигдѣ не обнаружено и въ тѣхъ случаяхъ, которые допускали возможность наблюдать отношеніе древняго населенія къ предметамъ бронзоваго вѣка, оказывалось, что предметы эти находились, повидимому, въ великомъ почтеніи, что ихъ старательно сберегали, какъ нѣкоторые драгоцен-

ности или рѣдкости ⁴⁹). Изъ этого кажется можно-бы вывести заключеніе, что съ наступленіемъ бронзоваго вѣка въ волжско-камскій край не иммигрировалъ никакой новый народъ; а предметы, если они шли изъ зауралья, передавались сюда посредствомъ международныхъ сношеній и вѣроятно доставлялись здѣшнимъ дикарямъ по весьма дорогой цѣнѣ, что и заставляло такъ бережно къ нимъ относиться тѣхъ счастливицевъ, которые были въ состояніи ихъ приобрести.

Совершенно обратное явленіе примѣчается въ Сибири, гдѣ существованіе продолжительнаго бронзоваго вѣка можетъ считаться доказаннымъ. Тамъ главный центръ этой цивилизаціи сосредоточивался въ верховьяхъ рѣки Енисея и въ особенности около Минусинска, гдѣ по сіе время еще не было обнаружено достаточно вѣрныхъ признаковъ существованія каменнаго вѣка. Это обстоятельство по мнѣнію извѣстнаго датскаго археолога г. Ворсо позволяетъ заключать, что цивилизація бронзоваго вѣка была внесена внутрь Сибири какимъ-то иммигрировавшимъ народомъ, который пришелъ туда сухимъ путемъ, ознакомившись уже ранѣе и въ другомъ мѣстѣ съ металлургическими приемами выплавки мѣди и составленія бронзоваго сплава ⁵⁰).

Со времени интересныхъ разслѣдованій кургановъ въ южной Россіи было замѣчено, что памятники древняго быта, открытые тамъ, которые позволительно относить къ скифской цивилизаціи, обнаруживаютъ значительную аналогію съ древностями, добытыми изъ кургановъ въ западной Сибири. Тамъ эти курганы извѣстны подъ именемъ *чудскихъ*, а потому и памятники древняго быта, оттуда добытые, обыкновенно называются чудскими. Извѣстно однакоже, что названіе это вовсе случайно и лишь по созвучію сходно съ народнымъ именемъ финскаго поколѣнія *чуди*, жившей по сосѣдству съ новгородскими славянами. Если когда либо сѣверные славяне и называли всѣ финскіе народы именемъ чуди, то въ послѣдствіи русскій простой народъ сталъ называть: *чудаками*, *чудинами* и *чудью* неизвѣстные народы курганнаго періода, которые могли быть и не финскаго происхожденія ⁵¹). Въ наукѣ этотъ терминъ часто прилагается къ восточнымъ финнамъ, подразумѣвая древнее финское племя, а также къ па-

⁴⁹) Такъ при раскопкахъ ананьинскаго некрополя были находимы предметы бронзоваго періода тщательно обернутыми въ березовую кору или *бересту*; эти обертки походили какъ-бы на футляры, очевидно предназначавшіеся для того, чтобы предохранять уложенные въ нихъ предметы отъ порчи. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы этотъ обычай, завертывать въ бересту предметы соблюдался только при погребеніи; но, принимая во вниманіе, что усопшій вообще окружался предметами своей житейской обстановки и вещами, которыми наиболее дорожилъ, можно-бы думать, что вещи, положенныя въ футлярахъ изъ бересты въ могилу, такимъ же образомъ берегались и при жизни.

⁵⁰) J. J. A. Warsaae. «Des âges de pierre et de bronze dans l'ancien et le nouveau monde». — Mem. de la société Roy. des Antiq. du Nord, 1880, p. 206.

⁵¹) См. Шафарика, «Слав. Древн.» т. I. кн. 2, § 14.

мятникамъ древняго быта извѣстнаго стиля. Предметы этого рода, хотя часто встрѣчаются въ почвѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ по историческимъ извѣстіямъ жили народы финскіе, но новѣйшія археологическія изслѣдованія, все болѣе распространяясь, обнаруживаютъ предметы подобнаго-же стиля въ такихъ странахъ, до которыхъ финская раса едвали могла распространиться.

Однако-же значительная аналогія, обнаруживающаяся не только въ самыхъ предметахъ древняго быта изъ курганнаго періода юго-запада и сѣверо-востока теперешней Россіи, но также и въ устройствѣ самыхъ кургановъ и въ погребальной обстановкѣ, привела нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей древности къ заключенію объ этнической однородности скифовъ и такъ называемой сибирской чуди⁵²⁾. Конечно вопросъ этотъ при теперешнемъ состояніи научныхъ изслѣдованій еще не можетъ считаться рѣшеннымъ и вѣроятно еще далеко то время, когда значительная сумма фактовъ поможетъ съ успѣхомъ рѣшить его въ ту или другую сторону; но нельзя оставить безъ вниманія то обстоятельство, что антропологическія изслѣдованія, хотя и пользовавшіяся еще ограниченнымъ матеріаломъ, какъ-бы подтверждаютъ вышеупомянутое мнѣніе объ однородности скифовъ съ чудью. Академикъ К. М. Бэръ, производившій сравнительныя измѣренія череповъ скифскихъ изъ александропольскаго кургана съ чудскими изъ сибирскихъ кургановъ, нашелъ, что тѣ и другіе брахицефальны и хотя чудскіе еще короче и значительно выше, но общее между ними сходство все таки существуетъ⁵³⁾. Но сибирскіе курганы еще недостаточно точно изслѣдованы и черепа иногда доставлялись въ антропологическую коллекцію академіи наукъ безъ соблюденія точности въ указаніи мѣстонахожденія: такъ, напр. г. Маакъ доставилъ изъ восточной Сибири черепъ, который совершенно походитъ на черепа скифскіе, а между тѣмъ ни мѣстонахожденіе, ни обстоятельства сопровождавшіе эту находку не обозначены⁵⁴⁾.

Волжско-камскій край, изобилуя памятниками древняго быта тѣхъ народовъ, которые въ разныя эпохи въ немъ обитали, сохранилъ между ними и такіе, которые представляютъ очень близкое сходство съ *чудскими*, находимыми въ Сибири. Первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ древностей упомянутого края слѣдуетъ отнести знаменитому кургану, лежавшему на луговой сторонѣ р. Камы у самаго берега, неподалеку отъ уѣзднаго города Елабуги, Вятской губерніи, въ дачѣ, принадлежавшей селу Ананьину, отъ котораго и получилъ извѣстное въ наукѣ наименованіе «Ананьинскаго некрополя». Онъ достаточно извѣстенъ изъ описаній нѣсколько разъ появлявшихся, между которыми описаніе К. И. Нево-

⁵²⁾ Э. И. Эйхвальдъ, «О Чудскихъ копияхъ».

⁵³⁾ «Древн. Герод. Скиевн», вып. I. Приложение: «Описаніе череповъ» и пр. К. М. Бэра, стр. XIV.

⁵⁴⁾ Ibid. стр. XV.

1.

4.

2.

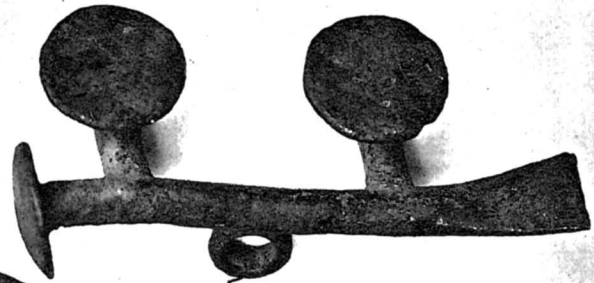
3.

8.

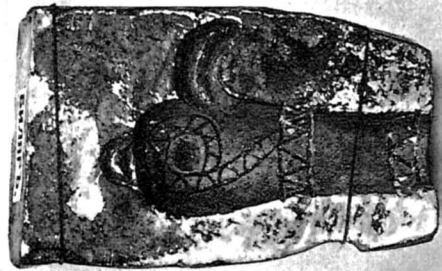
7.

6.

5.

9.

10.

11.

струева ⁵⁵⁾ отличается большими подробностями въ отношеніи характеристики, но послѣдняя и окончательная раскопка этого некрополя, произведенная въ 1881 году, по инициативѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ, обнаружила нѣкоторыя новыя данныя, дополняющія результаты, добытыя прежними раскопками, и вслѣдствіе того необходимо отчасти измѣнить прежніе взгляды на культурное состояніе племени, воздвигнувшаго этотъ курганъ.

Памятники древняго быта, открытыя въ курганѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ относится къ той доисторической эпохѣ культурнаго развитія, которая составляетъ переходъ отъ употребленія бронзы къ желѣзу. Здѣсь встрѣчается еще значительное число бронзовыхъ орудій, какъ топоры, мотыги, наконечники для копій и стрѣлъ; но кинжалы уже выдѣлывались изъ желѣза, хотя сохраняли прежнія формы бронзовыхъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже бывали соединены оба металла, т. е. при *железномъ* клинкѣ рукоятка или отдѣлка была бронзовая, что несомнѣнно указываетъ на переходную эпоху. Въмѣстѣ съ тѣмъ однакоже, въ числѣ предметовъ быта, окружавшихъ покойниковъ, были находимы и каменные орудія, какъ бы въ томъ смыслѣ, что и они еще не успѣли совершенно выйдти изъ употребленія. Можно бы рѣшиться приписывать ихъ присутствіе тутъ какому либо суевѣрному къ нимъ отношенію, подобно тому, какъ это было замѣчено въ другихъ странахъ ⁵⁶⁾; но этому мѣшаетъ то обстоятельство, что бронзовые кельты, здѣсь встрѣчающіеся, сохраняютъ еще формы каменныхъ топоровъ и по замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей составляютъ прямой переходъ отъ прежнихъ каменныхъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ ⁵⁷⁾. Такимъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, который былъ неоднократно наблюдаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, т. е. что употребленіе желѣза пришло почти одновременно съ бронзой или, другими словами, бронзовый вѣкъ былъ такимъ кратковременнымъ, что не успѣлъ еще совершенно вытѣснить изъ употребленія камня, какъ уже долженъ былъ уступить мѣсто новому металлу — желѣзу. По устройству могилъ, которыя здѣсь во многихъ случаяхъ оказывались обставленными большими камнями и покрытыми каменными плитами, Ананьинскій некрополь оказывается аналогичнымъ не только съ сибирскими курганами, но также съ курганами на югѣ Россіи, въ Киевской и Екатеринославской губерніяхъ. Кромѣ того онъ обнаруживаетъ, въ этомъ отношеніи, также большую аналогію съ извѣстнымъ Галльштадтскимъ некропо-

⁵⁵⁾ См. «Труды I Арх. Съѣзда», 1869, т. 2, «Ананьинскій могильникъ», К. И. Невструева.

⁵⁶⁾ См. E. Cartbailhac, «L'âge de pierre dans les souvenirs et superstitions populaires», 1877.

⁵⁷⁾ П. И. Лерхъ. См. «Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1885 г.» Спб. 1886.

лемъ въ Австрiи, съ которыми сходенъ еще и въ томъ, что погребенiя производились двумя способами: т. е. или обыкновеннымъ зарыванiемъ трупа въ землю, или же предварительнымъ сожиганiемъ его и затѣмъ помѣщенiемъ обгорѣлыхъ частей въ гробницу, при чемъ пепелъ и зола, собранные съ костра насыпались въ глиняные горшки, которые помѣщались тоже въ гробницу.

Что касается до самыхъ предметовъ быта, которые были найдены въ Ананьинскомъ некрополѣ, то въ нихъ замѣчается аналогія съ сибирскими чудскими древностями, а орудiя и оружіе, въ особенности кинжалы, по своимъ формамъ оказываются даже очень сходными съ тѣми, которые находятъ въ курганахъ западной Сибири⁵⁸). Съ другой стороны въ формахъ рукоятокъ тѣхъ же кинжаловъ и въ нѣкоторыхъ вещахъ, относящихся къ предметамъ убранства, нельзя не замѣтить значительной аналогіи съ кинжалами и другими вещами, найденными въ курганахъ Екатеринбургской губерніи⁵⁹). Въ Ананьинскомъ некрополѣ, какъ и въ курганахъ Скиѳiи замѣчено употребленіе шейныхъ обручей (torques) и головныхъ повязокъ изъ металлическихъ пластинокъ. Кажется несомнѣнно, что древнее населеніе Ананьинской мѣстности въ отношенiи одежды и убранства придерживалось скифскихъ обычаевъ. Но при всемъ общемъ сходствѣ предметовъ убора замѣтно и различіе, которое, можетъ быть, обуславливалось бѣдностью древняго Ананьинскаго племени и значительной отдаленностью отъ греческихъ колонiй, вслѣдствіе чего вліяніе эллинской культуры не могло доходить сюда.

Въ отношенiи устройства гробницъ въ Ананьинскомъ некрополѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что изъ чтенiя описанiя производившихся раскопокъ выносится убѣжденіе, что въ немъ, также какъ и въ положенiи покойниковъ, не соблюдалось никакой правильности. Нѣкоторыя гробницы, принадлежавшія можетъ быть лицамъ, болѣе богатымъ или болѣе знатнымъ, были выложены камнемъ съ особенной старательностью и прикрывались какъ бы сводомъ изъ плитъ, представлявшимъ нѣкоторое подобіе грота. Такихъ однакоже было немного, сравнительно съ другими; но въ послѣднихъ раскопкахъ удалось вскрыть одну такую и съ точностью замѣтить всѣ подробности обстановки⁶⁰).

Извѣстно, что на многихъ сибирскихъ курганахъ, также какъ и на курганахъ въ южной Россіи, находились каменные изваянiя съ изображенiемъ человѣческихъ фигуръ болѣе или менѣе грубо сдѣланныхъ. Такія изваянiя получили въ народѣ прозваніе «каменныхъ бабъ» и подъ этимъ именемъ извѣстны въ наукѣ. Съ технической стороны эти изваянiя оказываются весьма разно-

⁵⁸) См. въ сборникѣ г. Аспелина, «Antiquités du Nord Finno-Ougrien», I. L'âge du bronze altaï—ouralien et II. L'âge du fer: 1. Necropole d'Ananino et Supplement.

⁵⁹) Ср. напр. у Аспелина въ «Necropole d'Ananino», p. 114, fig. 474.

⁶⁰) При вскрытiи этой гробницы съ нею были сняты фотографіи, находящiяся въ археологической коллекціи Общ. арх., истор. и этногр. при Имп. Казанск. университетѣ.

образными, но можно замѣтить, что находящіяся на югѣ вообще сдѣланы лучше нежели сѣверныя ⁶¹⁾. Ананьинскій курганъ и въ этомъ отношеніи представилъ аналогію, ибо на немъ былъ тоже найденъ большой камень съ изображеніемъ человѣческой фигуры. Правда, что здѣсь она исполнена только барельефомъ, тогда какъ большинство каменныхъ бабъ вырубалось en ronde bosse; но между множествомъ подобныхъ намятниковъ можно найти экземпляры весьма разнообразной выдѣлки, зависѣвшей, какъ отъ степени умѣлости мастера, такъ и отъ самаго матеріала, который приходилось обрабатывать. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, нельзя оспаривать у Ананьинскаго камня, помѣщеннаго на курганѣ, значенія совершенно однороднаго съ каменными бабами.

Племя, погребавшее своихъ покойниковъ въ Ананьинскомъ некрополѣ, несомнѣнно принадлежало къ народамъ *коннымъ*, какъ это явствуетъ изъ найденныхъ въ курганѣ лошадиныхъ костей и уздечныхъ удилъ бронзовыхъ и желѣзныхъ.

Такая замѣчательная аналогія Ананьинскаго кургана съ одной стороны съ чудскими курганами въ Сибири и съ другой — съ курганами въ южной Россіи представила поводъ причислить и этотъ памятникъ древности къ числу *чудско-скиѣскихъ*. Профессоръ Э. И. Эйхвальдъ, отождествляющій скиѣовъ съ чюдью, принимаетъ и племя Ананьинскаго некрополя за «скиѣское или чудское», считая, что «погребенные тамъ скиѣы, можетъ быть, были современники еще Дарія, персидскаго царя». ⁶²⁾ К. И. Невоструевъ также принималъ ананьинское племя за скиѣское, находя подтвержденіе тому въ изображеніи человѣческой фигуры, высѣченной на вышеупомянутомъ надгробномъ камнѣ, лежавшемъ на вершинѣ кургана. По его мнѣнію фигура изображала погребенное въ курганѣ лицо, во всемъ его нарядѣ, который сходенъ съ описаніемъ у Геродота скиѣской одежды ⁶³⁾.

Последняя раскопка кургана привела къ открытію, которое можетъ еще болѣе увеличивать аналогію этого кургана со скиѣскими. Дѣло въ томъ, что въ прежнихъ описаніяхъ Ананьинскаго некрополя неоднократно и настойчиво повторялось, что въ немъ драгоценныхъ металловъ, какъ то: золота и серебра находимо не было. Невоструевъ этому факту придавалъ очень важное значеніе въ хронологическомъ смыслѣ. Его замѣчаніе повторено и у Аспелина, однако же съ тѣмъ различіемъ, что первый относилъ цивилизацію курганнаго племени къ *бронзовому* вѣку, тогда какъ послѣдній съ большимъ правдоподобіемъ относитъ ее къ переходной эпохѣ изъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Э. И. Эйхвальдъ прямо усмотрѣлъ здѣсь *желѣзный* вѣкъ, и послѣдняя раскопка кургана

⁶¹⁾ См. «Труды I Арх. Съѣзда», т. 2, и «Свидѣнія о каменныхъ бабахъ», графа А. С. Уварова.

⁶²⁾ См. Bulletin de la société Imp. des naturalistes de Moscou 1860, № IV—«Ueber die Säugethierfauna der neueren Molasse des Südlichen Russlands» etc.

⁶³⁾ К. И. Невоструевъ, «Авань. Мор.» стр. 627.

фактически доказала, что такое опредѣленіе эпохи, въ приложеніи къ Ананьинскому некрополю, можетъ оказаться наиболѣе точнымъ, ибо при послѣднихъ раскопкахъ въ гробницахъ были найдены нѣкоторыя вещи изъ *серебра*. Извѣстно, что этотъ металлъ, по наблюденіямъ многихъ ученыхъ изслѣдователей въ разныхъ странахъ, нигдѣ не появляется ранѣе желѣзнаго вѣка. Серебряныя вещи, добытыя изъ ананьинскаго кургана, были найдены всего только въ трехъ могилахъ и состоятъ изъ одного *шейнаго обруча* и трехъ *спиралей* ⁶⁴⁾. Шейный обручъ этотъ совершенно сходенъ, по своей формѣ, съ найденными въ разное время въ томъ-же курганѣ *бронзовыми* подобными обручами. Онъ сдѣланъ изъ толстой проволоки, перекрученной на подобіе веревки, и концы его расплющены въ видѣ треугольничковъ. Въ скифскихъ курганахъ тоже были находимы вещи изъ серебра ⁶⁵⁾.

На основаніи вышеизложенной столь замѣтной аналогіи между ананьинскимъ курганомъ и таковыми-же въ южной Россіи слѣдовало-бы признать и племя Ананьинскаго некрополя тоже *скифскимъ* и видѣть въ немъ, можетъ быть, то самое скифское поколѣніе, которое по свидѣтельству Геродота, будучи сначала подчиненнымъ скиеамъ царскимъ, въ послѣдствіи возмутилось противъ нихъ и эмигрировало къ сѣверу, гдѣ поселилось между иврами и аргипшеями ⁶⁶⁾. Профессоръ Ф. Е. Брунъ помѣщаетъ ихъ между Донцемъ и Дономъ, но кажется, что въ этомъ случаѣ разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ царскихъ скифовъ, было слишкомъ мало и они тутъ не могли-бы укрыться отъ мстительности своихъ властелиновъ, были-бы достигнуты и возвращены въ прежнія мѣста жительства. Бѣгство за Донъ и Волгу было надежнѣе, ибо преградой для преслѣдованія полагало весьма значительное пространство и двѣ большія рѣки.

Но, существуетъ однако-же обстоятельство, которое мѣшаетъ тому, чтобы въ ананьинскомъ курганномъ племени можно было признать *близкихъ* скифовъ.

⁶⁴⁾ См. Каталогъ выставки Общ. арх. ист. и этногр. при Имп. Казанскомъ университетѣ. Казань, 1882, стр. 9—10.

⁶⁵⁾ Это обстоятельство даже подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ къ сомнѣнію въ томъ, чтобы курганы эти можно было признавать за скифскіе, ибо Геродотъ въ описаніи царскихъ погребеній скифовъ, перечисляя предметы домашняго быта, которые помѣщались въ гробницу, упоминаетъ: «... и *золотыя чаши*, ибо они не употребляютъ ни серебра, ни бронзы». (Her. IV, 71). Эти слова историка иногда принимаются въ смыслъ свидѣтельства того, что скифы *вовсе не употребляли ни серебра, ни бронзы*. Но здѣсь Геродотъ очевидно подразумѣваетъ только *чаши*, которыя они исключительно употребляли *золотыя*, не выдѣлывая ихъ ни изъ серебра, ни изъ бронзы. Конечно, это замѣчаніе подразумѣваетъ только царей и было приведено историкомъ, какъ воспоминаніе о золотой чашѣ, упавшей съ неба, упоминаемой въ мѣстѣ о происхожденіи скифскаго народа (Her. IV, 5); ибо какимъ же образомъ можно признать, что скифы не употребляли напр. *бронзы*, когда по свидѣтельству того же историка они имѣли *бронзовыя* стрѣлы, изъ которыхъ былъ даже сдѣланъ знаменитый аксампейскій котелъ (Her. IV, 81).

⁶⁶⁾ Herod. IV, 22.

Дѣло въ томъ, что самый способъ погребенія оказывается не сходнымъ съ тѣмъ, который употреблялся скивами на югѣ. Они не сжигали своихъ покойниковъ; въ курганѣ-же ананьинскомъ замѣчены оба рода погребенія, при чемъ *сожиганіе* труповъ оказалось (совершенно аналогично съ тѣмъ, что наблюдается въ некрополяхъ галльштадтской эпохи) преобладающимъ въ весьма значительной степени надъ погребеніемъ обыкновеннымъ. Убѣгая изъ своей родины скивскіе эмигранты безъ сомнѣнія унесли-бы въ новое отечество обычаи своего племени, которые на чужбинѣ, вѣроятно, сохраняли-бы и поддерживали съ большей ревностью и стойкостью, ибо въ этомъ представлялся залогъ ихъ народной индивидуальности и воспоминаніе о покинутомъ отечествѣ. Въ особенности должны были стойко соблюдаться погребальныя обычаи, имѣвшіе значеніе равнявшееся религиозному культу. Впрочемъ въ курганахъ Бѣвской губерніи, которые г. Фундуклей считалъ тоже *скивскими*, было замѣчено двоякаго рода погребеніе, костры и отдѣльное погребеніе череповъ, т. е. сожиганіе трупа по частямъ⁶⁷⁾, что наблюдалось и въ ананьинскомъ некрополѣ.

Въ настоящее время ощущается настоятельная потребность въ томъ, чтобы ананьинскій некрополь, теперь уже не существующій, снова былъ подробно изученъ по тѣмъ памятникамъ, которые были изъ него добыты и описаніямы раскопокъ въ разное время производившихся. Въ виду результатовъ, добытыхъ окончательной раскопкой кургана уже и болѣе полное описаніе Невоструева оказывается недостаточнымъ; а между тѣмъ необходимо опредѣлить этому замѣчательному памятнику древности подобающее мѣсто и значеніе въ смыслѣ доисторической этнографіи края.

По свидѣтельству Э. И. Эйхвальда, черепа изъ ананьинскаго некрополя, находящіеся въ этнографическомъ музеѣ имп. географическаго общества, съ антропологической стороны были признаны за финскіе⁶⁸⁾. Такое опредѣленіе совершенно гармонируетъ и съ памятниками быта, найденными въ курганѣ, которые очевидно слѣдуетъ признать также финскими, ибо многія формы предметовъ, относящихся къ убранству одежды нынѣ живущихъ въ Казанской и смежныхъ губерніяхъ инородческихъ племенъ финской расы, обнаруживаютъ еще замѣтную аналогію, какъ съ древностями изъ ананьинскаго некрополя, такъ и вообще съ чудскими. Но археологическія изслѣдованія показываютъ, что аналогія эта проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе предметы отдаляются отъ нашего времени.

Совершенное отсутствіе въ Ананьинскомъ некрополѣ монетъ и такихъ предметовъ, которые давали-бы внятные хронологическія указанія, весьма затруд-

⁶⁷⁾ См. Фундуклей, «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Бѣвской губерніи». 1848, стр. 103—109.

⁶⁸⁾ «Ueber die Säugthierfauna» etc.

днаетъ опредѣленіе его эпохи въ хронологическомъ отношеніи. Во всемъ камско-волжскомъ краѣ этотъ памятникъ представляется доселѣ единственнымъ. Правда, что неподалеку отъ него въ той-же мѣстности существуетъ еще другой курганъ, который по сіе время не изслѣдованъ въ точности; но предметы, иногда добываемые оттуда крестьянами с. Ананьина, доказываютъ, что онъ долженъ относиться къ другой, позднѣйшей эпохѣ, хотя съ этнографической стороны долженъ также принадлежать къ народности финнскаго происхожденія. Значительная архаичность ананьинскаго некрополя представляется неоспоримой, однакоже въ погребальныхъ обрядахъ нельзя не замѣтить много аналогичнаго съ тѣмъ, что открыто изслѣдованіями мерянскихъ могилъ, въ которыхъ обнаруженъ тоже двоякій родъ погребенія съ значительнымъ преобладаніемъ трупосожиганія. Но древнѣйшая эпоха мерянскихъ могилъ, по изслѣдованію графа А. С. Уварова, не восходитъ ранѣе IX—X вѣка ⁶⁹⁾, тогда какъ некрополь ананьинскій долженъ быть несравненно древнѣе. Въ періодъ «железнаго вѣка» обычай сожиганія труповъ былъ, повидимому, въ общемъ употребленіи и по свидѣтельству русскоі лѣтописи его придерживались также и многія славянскія племена: древліане, сѣверяне, радимичи и вятичи; послѣдніе держались его даже въ XI вѣкѣ ⁷⁰⁾. Арабскій писатель Ибнъ-Фадланъ, въ 922 году побѣдившій гор. Булгаръ на Волгѣ, какъ очевидецъ описываетъ подробности погребенія одного богатаго купца изъ народа руссовъ, которое было совершено также съ трупосожженіемъ ⁷¹⁾. Слѣдовательно этотъ обычай не можетъ служить пособіемъ для точнаго хронологическаго опредѣленія эпохи и, будучи всеобщимъ, точно также не представляетъ никакого особаго значенія въ этнографическомъ смыслѣ.

Если мы обратимся къ изученію самыхъ предметовъ быта, добытыхъ изъ Ананьинскаго некрополя, то лишь въ общихъ чертахъ можемъ угадывать этническую связь многихъ формъ съ подобными предметами изъ сибирскихъ кургановъ; въ частности же ананьинскія вещи представляютъ такія отклоненія отъ типовъ, которыя можно считать принятыми позднѣе. Слѣдовательно, культурное движеніе, въ связи съ расселеніемъ народовъ, направлялось отъ Алтая къ Уралу ⁷²⁾. Но источникъ цивилизаціи бронзоваго вѣка въ Сибири до сихъ поръ еще не могъ быть угаданъ съ положительной достовѣрностью. Г. Версо полагаетъ, что его слѣдуетъ искать въ Китаѣ и Индіи, и указываетъ на то обстоятельство, что на бронзовыхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Сибири, также какъ

⁶⁹⁾ См. «Труды I Арх. Съѣзда», т. 2, изслѣдованіе графа А. С. Уварова, «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ».

⁷⁰⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 6.

⁷¹⁾ С. М. Fraehn: «Ibn-Foslan's Russen», S. 11 и ff.

⁷²⁾ Это доказывается также и древними жѣдными копями, которыя на Уралѣ достигаютъ большаго развитія, сравнительно съ Алтайскими. По замѣчанію Спасскаго, ходы уральскихъ копей устранивались глубже и сложнѣе, нежели на Алтай.

и на китайскихъ встрѣчаются рельефныя изображенія животныхъ ⁷³). Но, въ Британскомъ музеѣ хранится бронзовый топоръ съ рельефнымъ изображеніемъ фантастическаго звѣря, найденный въ древней Экбатанѣ, въ Персіи, и если сравнить эти три упомянутые экземпляра, то мы найдемъ, что въ персидскомъ оказывается болѣе сродственныхъ элементовъ съ сибирскими, нежели въ китайскомъ ⁷⁴). Но съ другой стороны должно сказать, что въ Британскомъ же музеѣ хранится китайскій топоръ, представляющій въ своихъ формахъ и устройствѣ несомнѣнное сходство съ сибирскими ⁷⁵) и вообще замѣчается довольно близкая аналогія между топорами или *кельтами*, найденными не только въ Китаѣ, но на островѣ Целебесѣ и въ Камбоджѣ, съ сибирскими и западно-уральскими ⁷⁶).

Предметы изъ Ананьинскаго некрополя относятся къ концу бронзоваго и началу желѣзнаго вѣка. На нѣкоторыхъ вещахъ, составлявшихъ принадлежность одежды или относившихся къ домашнему обиходу, встрѣчаются иногда изображенія различныхъ животныхъ, преимущественно фантастическихъ; въ нихъ замѣтна аналогія отчасти съ чуждыми древностями сибирскими и отчасти со скискими древностями южной Россіи. Но, при недостаткѣ въ предметахъ, которые могли бы послужить основаніемъ для точнаго хронологическаго опредѣленія той эпохи, къ которой относится Ананьинскій некрополь, приходится ограничиваться лишь приблизительнымъ опредѣленіемъ времени, въ которое жилъ погребенный въ немъ народъ.

Мнѣнія, высказанныя по этому предмету нѣкоторыми изслѣдователями (Эйхвальдъ, Невоструевъ, Аспелинъ) сходятся въ томъ, что некрополь долженъ быть относимъ вообще ко временамъ дохристіанской эры, но однако же не слишкомъ отъ нея отдаленнымъ.

Этнографическая сторона ананьинскаго курганнаго племени представляетъ тоже много загадочнаго именно потому, что этотъ некрополь остается до сихъ поръ какъ фактъ единичный, совершенно изолированный. Трудно себѣ представить, чтобы въ обширномъ краѣ въ извѣстную эпоху жило сравнительно такое малочисленное племя, какъ то, которое устроило некрополь ⁷⁷) и затѣмъ ни въ близи, ни въ отдаленіи — нигдѣ не встрѣчается такихъ же некрополей.

⁷³) J. J. A. Worsaae, «Des âges de pierre et de bronze» etc. p. 207.

⁷⁴) См. Worsaae ibid. p. 188, fig. 4. p. 194, fig. 11 et Aspelin, «Antiquités du Nord Finno-Ougrien», livr. I, l'âge de bronze, fig. 142 et 210.

⁷⁵) См. Worsaae, ibid. p. 195, fig. 13 et Aspelin ibid. fig. 236.

⁷⁶) См. Worsaae, ibid. p. 195, fig. 17—18 et p. 196, fig. 2, 3, 4 et 5.

⁷⁷) Тогда, какъ въ мерянской землѣ было разрыто до 7729 кургановъ, въ которыхъ иногда было найдено по нѣскольку погребеній (См. Труды I Арх. съѣзда, т. 2, стр. 634) и изслѣдована только центральная часть страны; въ Ананьинскомъ некрополѣ число погребеній едва-ли доходило до трехсотъ, ибо г. Аспелинъ соображаетъ, что часть кургана, разрытая г. Алабинымъ, содержащая 46 погребеній, равнялась $\frac{1}{3}$ всего некрополя (Aspelin, l'âge du fer, p. 106).

Если принять въ соображеніе, что въ Ананьинскомъ курганѣ встрѣчаются еще предметы каменнаго вѣка, тогда какъ самая эпоха представляется переходной отъ бронзы къ желѣзу и переходъ этотъ, по замѣчанію изслѣдователей, совершился путемъ мирнымъ ⁷⁸⁾, то можно бы полагать, что это курганное племя было однородно съ первобытными обитателями края, которые жили еще въ каменномъ вѣкѣ и представляетъ собою, можетъ быть, лишь болѣе богатую и оттого болѣе культивированную часть того-же первобытнаго населенія, которое въ большинствѣ, по недостатку въ средствахъ (по бѣдности), продолжало оставаться при прежней культурѣ каменнаго вѣка ⁷⁹⁾? Или же курганное племя слѣдуетъ считать потомками первобытнаго населенія, жившаго въ послѣдующей эпохѣ культурнаго развитія ⁸⁰⁾?

Выше было упоминаемо о той связи, которая замѣчается въ формахъ многихъ предметовъ убранства изъ числа чудскихъ древностей камско-волжскаго края съ предметами изъ ананьинскаго некрополя. Связь эту можно прослѣдить не только въ мерянскихъ могилахъ, но и въ черемисскихъ кладбищахъ XVII вѣка и даже находить ее въ формѣ нѣкоторыхъ предметовъ у нынѣ живущихъ въ Казанской и смежныхъ губерніяхъ инородческихъ племенъ финнской расы. Если бы въ этой связи можно было признать не слѣды древней, нѣкогда очень распространенной и стойкой моды, а указаніе на генетическую связь народовъ, то слѣдовало бы придти къ заключенію, что какъ нѣкоторые предметы убранства изъ ананьинскаго некрополя можно признать прототипами для предметовъ убранства народовъ финскихъ, также точно и курганное ананьинское племя можетъ быть принимаемо за прото-предковъ финскихъ народовъ, живущихъ по сю сторону уральской горной цѣпи. Такое заключеніе не противорѣчило бы и антропологическому изслѣдованію череповъ изъ кургана, по которому они, какъ сообщаетъ Э. И. Эйхвальдъ, были признаны за финскіе.

Нынѣшняя Казанская губернія, составляющая часть камско-волжскаго края, также изобилуетъ различными археологическими памятниками доказы-

⁷⁸⁾ См. у Aspelin *ibidem* p. 102.

⁷⁹⁾ На это, повидимому, намекаютъ нѣкоторые случайныя открытія древнихъ кладбищъ, сдѣланныя въ последнее время въ Казанской губерніи; но, по недостатку научной оцѣнки замѣченныхъ фактовъ, мы упоминаемъ здѣсь о нихъ лишь вскользь.

⁸⁰⁾ Въ сожалѣнію, остается не выясненнымъ значеніе присутствія въ некрополѣ предметовъ каменнаго вѣка, т. е. продолжали ли ихъ употреблять, какъ орудія или ими же уже значеніе талисмановъ въ смыслѣ *троловыхъ стрѣлъ*. Последняя раскопка привела къ разслѣдованію песчаной береговой дюны, на южной сторонѣ которой былъ устроенъ некрополь, и въ дюнѣ, независимо отъ некрополя, были найдены каменные и костяные осколки и орудія (см. каталогъ выставки Общ. Арх. Ист. и Этногр. 1882, стр. 13). Это доказываетъ, что истребитель была обитаемой и въ эпоху каменнаго вѣка, слѣдовательно, каменные орудія курганное племя могло доставать изъ дюны.

вающими, что заселение ея должно быть относимо тоже къ доисторическимъ временамъ.

Каменный вѣкъ, повидимому, былъ довольно распространенъ по всей территоріи губерніи: мы находимъ его слѣды въ Спасскомъ, Чистопольскомъ, Лапшевскомъ, Казанскомъ, Свияжскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ ⁸¹⁾. Но, всѣ доселѣ сдѣланныя находки убѣждаютъ въ томъ, что здѣшній каменный вѣкъ долженъ относиться къ періоду *неолитическому*, къ эпохѣ шлифованныхъ орудій ⁸²⁾ и при томъ многіе предметы должны принадлежать къ концу этого періода, сливающегося здѣсь съ желѣзнымъ вѣкомъ.

Не смотря на многія доказательства мѣстной обработки каменныхъ орудій, заключающихся въ кремневыхъ осколкахъ, ядрищахъ и колотушкахъ, долгое время не удавалось напасть на слѣдъ такъ называемыхъ *мастерскихъ*, т. е. мѣстъ, гдѣ множество скученныхъ осколковъ кремней указывали бы на прежнее мѣсто жительства или *становище* каменнаго вѣка. По большей части находки каменныхъ орудій дѣлаются совершенно случайно при полевыхъ или землеопытныхъ работахъ и предметы являются не сгруппированными а по одиночѣ. При такихъ находкахъ предметовъ каменнаго вѣка техническая сторона обработки камня представляется неразъясненной и трудно угадывается. Напротивъ, мѣста, гдѣ производилась выдѣлка орудій, сохраняютъ всегда множество *отбросовъ*, среди которыхъ можно встрѣтить и самые инструменты, служившіе для обработки, вмѣстѣ съ недоделанными или неудавшимися, а иногда и цѣлыми, но затерянными въ массѣ осколковъ предметами. Изслѣдованіе такихъ остатковъ производства можетъ приводить къ выясненію не только технической стороны обдѣлки, но также и того, какіе предметы выдѣлывались и какова была степень развитости мастера, выражающаяся въ снаровкѣ, находчивости и сообразительности приемовъ, что позволяетъ выводить заключеніе и о понятливости субъекта. Но, припоминая себѣ, что въ каменномъ вѣкѣ производство орудій изъ камня не исключительно принадлежало особамъ наиболѣе интеллигентнымъ, а было всеобщимъ, мы найдемъ возможнымъ заключеніе о степени понятливости одного субъекта прилагать къ цѣлому племени, занимавшемуся выдѣлкой каменныхъ орудій. Вотъ причины, по которымъ для изслѣдователя находка мѣстъ выдѣлки, или мастерскихъ каменнаго вѣка представляетъ большой интересъ.

Лѣтомъ 1878 года мнѣ удалось открыть въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Казани слѣды такихъ мастерскихъ на заливной равнинѣ р. Волги. Я изслѣ-

⁸¹⁾ Больше точныя свѣдѣнія о распространеніи каменнаго вѣка въ предѣлахъ Казанской губерніи могутъ быть получены тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность всѣ, сдѣланныя разными лицами находки каменныхъ орудій, съ обозначеніемъ ихъ мѣстонахожденій, которыя должны быть отмѣчаемы на картѣ губерніи.

⁸²⁾ Изъ періода палеолитическаго еще не встрѣчалось здѣсь ни одной находки.

довалъ ихъ въ трехъ мѣстахъ: 1) на берегу безыменнаго озера, лежащаго по лѣвую сторону дороги, ведущей отъ города къ Бакалдинской пристани; 2) на берегу болотистаго ручья по правую сторону той же дороги и 3) на берегу озера при дер. Кокушкино. Въ первомъ мѣстѣ остатки обработки кремневыхъ орудій вмѣстѣ съ цѣлыми предметами были найдены въ береговомъ пескѣ и отчасти разбросанными въ разныхъ мѣстахъ по берегу озера. Въ двухъ остальныхъ пунктахъ предметы оказались вкрапленными въ береговой илъ и проросшими корнями травы такъ, что ихъ приходилось вырѣзывать ножомъ. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ были собраны мной очень интересныя коллекціи предметовъ на различныхъ степеняхъ обработки, вмѣстѣ съ орудіями, служившими для обдѣлки и кусками кремней, служившими матеріаломъ. По своему топографическому положенію эти мѣстонахожденія слѣдовъ каменнаго вѣка должны считаться *временными стоянками*, ибо мѣстность, гдѣ они лежатъ покрывается водами весеннихъ разливовъ Волги, и потому здѣсь не могло быть постояннаго обитанія. Цѣлью посѣщеній этихъ мѣстъ очевидно была охота на птицъ и мелкихъ животных⁸³⁾; а также рыбная ловля, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ найденные здѣсь разнообразныя наконечники для стрѣлъ и орудія, похожія на рыболовные крючки, изъ кремня⁸⁴⁾. Разнообразныя матеріалы, собранныя въ этихъ трехъ *мастерскихъ* или *стоянкахъ* указываютъ на сильное развитіе технической стороны обработки; а нѣкоторыя формы наконечниковъ представляютъ замѣчательную аналогію съ желѣзными наконечниками. Поэтому мастерскія эти слѣдуетъ относить къ самому концу каменнаго вѣка, можетъ быть, даже къ тому времени, когда желѣзо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи уже начало входить въ общее употребленіе.

Между случайно находимыми каменными орудіями здѣсь встрѣчаются всѣ обычные типы, какъ-то: разнаго вида *долота* и *топоры*; большіе *наконечники копій*, которые могли бы служить и вмѣсто *кинжаловъ*, будучи вставлены въ короткія рукоятки; *ножи* въ видѣ длинныхъ и короткихъ кремневыхъ осколковъ и *ножи* кривые, обдѣланные изъ камня; разнаго вида *скребки*; *молотки* искусно сдѣланные, со сверлинками и разнаго вида *колотушки* изъ натуральныхъ большихъ галекъ, замѣнявшіе молотки; наконецъ, множество *наконечниковъ* для *дротовъ* и *стрѣлъ* разныхъ величинъ и очень разнообразныхъ формъ.

Бронзовый вѣкъ въ Казанской губерніи оставилъ также свои слѣды въ почвѣ; но судя по рѣдкости находокъ *бронзовыхъ орудій*, слѣдуетъ полагать, что бронзовый вѣкъ здѣсь не имѣлъ самостоятельнаго развитія и появленіе

⁸³⁾ Вѣроятно зайцевъ, собирающихся во время половодья на островкахъ иногда въ большомъ числѣ и тонущихъ массами, когда большіе разливы потопаютъ всю равнину.

⁸⁴⁾ О находкѣ этихъ стоянокъ каменнаго вѣка было мною сообщено въ мѣстное Общество Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанскомъ университетѣ. См. «Извѣстія» этого Общества, т. I, стр. 51—52.

бронзы въ краѣ, вѣроятно, совершилось не задолго до появленія желѣза. Можетъ быть первые образцы бронзовыхъ орудій, принесенные въ край путемъ торговыхъ сношеній, по своей мѣновой стоимости, оказывались слишкомъ дорогими для небогатаго туземнаго населенія, которое для своихъ потребностей умѣло обходиться самодѣльными каменными орудіями и не имѣя возможности дорого платить за привозныя бронзовыя орудія, осталось при своихъ каменныхъ впрядь до знакомства съ желѣзомъ.

Раскопки нѣкоторыхъ городковъ и древнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, произведенныя въ послѣднее время въ Казанской губерніи, не обнаружили еще ничего такого, что помогло бы установить ясную связь между древнимъ населеніемъ этого края и курганнымъ племенемъ с. Ананьина. Но случайныя находки бронзовыхъ орудій указываютъ на то, что такая связь должна была существовать.

Изъ различныхъ видовъ бронзовыхъ орудій, найденныхъ въ мѣстности пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда, можно видѣть, что типы этихъ орудій несомнѣнно родственны съ сибирскими. *Вогнутое долото* сходно съ найденнымъ въ Ананьинскомъ некрополѣ, а также и съ сибирскими ⁸⁵⁾. Небольшой *ножъ*, по своей формѣ, весьма аналогиченъ съ находимыми въ Минусинскѣ ⁸⁶⁾. *Кельтъ*, найденный въ Билярскѣ по своему устройству (à aileçons) нѣсколько уклоняется отъ типа кельтовъ, найденныхъ въ Ананьинскомъ некрополѣ; но мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ Казанской губерніи «попадаютъ кельты, совершенно тождественные съ ананьинскими ⁸⁷⁾. Весьма интереснымъ представляется найденный въ Билярскѣ *кривой ножъ*, который безъ сомнѣнія слѣдуетъ принимать за *серпъ*. Онъ указываетъ на то, что уже въ ранній періодъ бронзоваго вѣка древніе обитатели края для своего пропитанія не исключительно занимались охотой и рыбной ловлей, но отчасти были уже знакомы и съ земледѣліемъ. Однако же бронзовый вѣкъ, не имѣвшій въ Казанской губерніи значительнаго развитія, не могъ и способствовать къ культурнымъ нововведеніямъ. При томъ же извѣстно, что *новый вѣкъ*, при своемъ наступленіи, не вводитъ съ разу новыхъ формъ, а придерживается тѣхъ, которыя засталъ выработанными предшествующимъ вѣкомъ. Такимъ образомъ, соответствующую этому серпу форму должно искать между предметами мѣстнаго каменнаго вѣка. Дѣйствительно, между каменными орудіями, находимыми въ Казанской губерніи встрѣчаются *кривые ножи*, форма которыхъ представляетъ аналогію съ бронзовымъ серпомъ. Кромѣ того, здѣсь же находятъ иногда *каменные топоры* такихъ большихъ размѣровъ, что, повидимому, они могли служить только какъ *мотыки* для вскапыванія земли; между ними одинъ видъ представляетъ даже очень замѣт-

⁸⁵⁾ См. Aspelin, «L'âge du bronze», p. 61, fig. 244.

⁸⁶⁾ См. Aspelin. «L'âge du bronze», p. 55.

⁸⁷⁾ См. «Извѣстія» общ. арх., ист. и этногр. при Имп. Казанск. университетѣ, т. III. стр. 325.

ное сходство въ формахъ съ желѣзной мотыкой, найденной въ мѣстности гор. Булгара. Вопросъ о возможности воздѣлыванія земли въ культурный періодъ каменнаго вѣка уже рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ⁸⁸⁾; слѣдовательно, не можетъ казаться невѣроятнымъ, чтобы и въ здѣшнемъ краѣ, въ концѣ неолитическаго періода каменнаго вѣка, могла обнаружиться среди мѣстнаго населенія потребность въ воздѣлываніи земли, хотя бы и въ скромныхъ размѣрахъ, болѣе соответствовавшихъ *огородничеству*, нежели *полеводству*.

Кочевой и охотническій образъ жизни народовъ не исключаетъ временной осѣдлости на мѣстахъ; а уже извѣстно, напр., что азіатскіе номады издавна употребляли въ пищу *просо*. Если бы они сами его воздѣлывали, то откуда бы они могли его получать при своихъ перекочевкахъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не растетъ въ дикомъ состояніи? Между скиеами, времени Геродота, при общемъ кочевомъ образѣ жизни, нѣкоторыя племена занимались земледѣліемъ уже не только для собственнаго пропитанія, но и для продажи своихъ продуктовъ грекамъ. Въ это время скиеы-земледѣльцы, конечно, вели уже осѣдлый образъ жизни; но въ VII вѣкѣ до Р. Хр. при началѣ греческой колонизаціи на побережьяхъ понта Эвксинскаго могло и не быть еще полной осѣдлости, а земледѣліемъ уже занимались.

Между предметами, относящимися къ бронзовому вѣку, случайно найденными въ Казанской губерніи, вовсе не встрѣчается *бронзовыхъ наконечниковъ для стрѣлъ*, какіе найдены въ Анахисскомъ некрополѣ и тѣхъ, которые въ множествѣ бывали находимы въ южной Россіи, не только въ гробницахъ, но и въ степныхъ пескахъ. Здѣсь, какъ бы въ замѣнъ этихъ бронзовыхъ наконечниковъ встрѣчается множество аналогичныхъ, но сдѣланныхъ *изъ кости*.

Извѣстно, что повсюду въ теченіе каменнаго вѣка, одновременно съ кремневыми выдѣлывались и костяные наконечники; но тѣ всегда сохраняютъ формы аналогичныя съ каменными наконечниками. Мы находимъ здѣсь и такіе; но особеннаго вниманія заслуживаютъ именно тѣ, которые въ устройствѣ своемъ, а отчасти и въ самыхъ формахъ, аналогичны съ бронзовыми. Они имѣютъ видъ вытянутыхъ конусовъ съ очень острой вершиной и въ основаніи продолблены въ глубь, что и служитъ втулкой для надѣванія на древно. Длина ихъ бывала различна. Эти наконечники представляютъ особенный интересъ потому, что оказываются весьма похожими на тѣ, какіе были найдены въ скиескихъ курганахъ южной Россіи⁸⁹⁾. Костяные наконечники, находимые въ мѣстности

⁸⁸⁾ См. Le Non. «L'homme fossile en Europe» etc. p. 189.

⁸⁹⁾ При раскопкахъ Александропольскаго кургана (Луговая могила) были найдены г-мъ Люценко, при островѣ, подобныя костяные наконечники вмѣстѣ съ бронзовыми. (См. «Древности Геродотовой Скиеи», вып. I, стр. 12—14 и атласъ таб. XI, фиг. 11—12). Г. Забѣлинъ также находилъ при раскопкѣ знаменитаго Чертомлыцкаго кургана такіе же наконечники вмѣстѣ съ бронзовыми. (См. «Древн. Герод. Скиеи», вып. 2, стр. 99 и 101, а также «Исторія русской жизни съ древн. временъ», стр. 618).

пригорода Билярска относятся къ предметамъ туземнаго производства, ибо между ними встрѣчаются экземпляры недодѣланные и добываются они на мѣстѣ древняго поселенія, которое несомнѣнно занималось выдѣлкой изъ кости разныхъ вещей. Здѣсь встрѣчаются значительныя залежи костей разныхъ крупныхъ животныхъ, очевидно съ намѣреніемъ собранныя въ эти мѣста и между ними попадаются даже кости животныхъ ископаемыхъ, напр. мамонта⁹⁰⁾. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ наконечниковъ стрѣлъ, кажется, выдѣлывались изъ клыковъ и другихъ костей этого животнаго, кости котораго можно находить въ здѣшнемъ краѣ. Съ технической стороны, обработка всѣхъ этихъ наконечниковъ, не смотря на кажущуюся правильность, производилась приемомъ первобытнымъ, безъ употребленія токарнаго станка, просто отъ руки.

Мѣстность нынѣшняго пригорода Билярска, судя по бытовымъ древностямъ находимымъ въ ней, была обитаема уже съ отдаленныхъ временъ и, въ болгарскую эпоху, въ ней былъ построенъ городъ Биляръ⁹¹⁾. Повидимому древнѣйшее финское населеніе Казанской губерніи, перейдя къ осѣдлой жизни, такъ удачно выбрало мѣста для главныхъ центровъ своего поселенія, что послѣдующіе насельники прямо занимали эти мѣста, вытѣсняя своихъ предшественниковъ. Въ обоихъ главныхъ городахъ болгарскаго царства, въ Булгарѣ и Билярѣ, почва сохранила такіе бытовые памятники, которые должны были предшествовать болгарской культурѣ; но если въ мѣстности города Булгара встрѣчаются каменные и бронзовые орудія, то билярская мѣстность представляетъ ту особенность, что въ ней *кремневыхъ* орудій вовсе не встрѣчается, а каменные вообще составляютъ большую рѣдкость⁹²⁾; вмѣсто того здѣсь находятъ бронзовые и косточныя. Культура каменнаго вѣка допускаетъ совмѣстное употребленіе, какъ матеріала: камня, кости, рога и дерева, слѣдовательно, встрѣчающіеся здѣсь костяныя орудія могутъ еще принадлежать къ культурѣ каменнаго вѣка, и дѣйствительно, нѣкоторые наконечники для стрѣлъ имѣютъ формы аналогичныя съ кремневыми наконечниками, находимыми въ другихъ мѣстностяхъ губерніи. Но, признать, что древніе билярскіе обитатели въ каменномъ вѣкѣ вовсе не пользовались камнемъ, какъ матеріаломъ — невозможно, ибо этому препятствуетъ чисто-техническое соображеніе: если не было кремня

⁹⁰⁾ Въ 1880 году ко мнѣ былъ доставленъ, найденный между костями, коренной зубъ мамонта.

⁹¹⁾ См. С. М. Шпилевскій, «Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». 1877, стр. 349.

⁹²⁾ При всемъ стараніи въ теченіи болѣе 10-лѣтняго собранія памятниковъ древняго быта изъ этой мѣстности я могъ достать лишь только одинъ и то разбитый каменный просверленный *молотокъ*, сдѣланный, повидимому, изъ *срлентина*. Онъ былъ доставленъ ко мнѣ въ 1883 году и представляетъ лишь одну переднюю половину съ выдѣланнымъ носкомъ; задней не было найдено. Судя по матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, слѣдуетъ полагать, что молотокъ этотъ былъ принесенъ сюда древними колонизаторами края съ Урала.

или другой породы твердыхъ камней, то посредствомъ чего могла бы производиться обдѣлка кости, при незнакомствѣ съ металлами? Песокъ и вода могли служить для окончательной обдѣлки предмета; но для предварительной работы, для подготовки вчернѣ надо было раскалывать, обрубать, подпиливать или обтесывать кость; а для этихъ дѣйствій требовалось имѣть инструменты, которые были бы тверже кости. Если объяснять отсутствіе каменныхъ орудій недостаткомъ въ мѣстной почвѣ твердыхъ горныхъ породъ, то въ эпоху каменнаго вѣка для добыванія необходимаго матеріала не стеснялись пространствами и доставали бы его издалека. Въслѣдствіе такихъ соображеній возникаетъ вопросъ, не были ли всѣ, встрѣчавшіеся въ почвѣ каменные орудія въ послѣдствіи систематически истреблены для добыванія огня? — Въ этой мѣстности, дѣйствительно, встрѣчаются между памятниками древняго быта, разнаго вида *огнивы* въ большомъ количествѣ, чего въ другихъ мѣстахъ древнихъ поселеній здѣшняго края не было замѣчено.

Вышеупомянутыя залежи костянаго матеріала, отчасти находящіяся подъ домами теперешнихъ жителей, съ нѣкоторыхъ поръ начали быть эксплуатируемы мѣстными крестьянами, которые, вырывая кости массами, продаютъ ихъ въ г. Чистополь. Эти ненаучныя раскопки приводятъ все таки къ интереснымъ результатамъ, ибо даютъ возможность убѣдиться въ томъ, что здѣсь въ давнія времена существовала, какъ сказано, обдѣлка кости, достигавшая, въ извѣстныхъ эпохи, размѣровъ настоящаго производства; начало ея, по всей вѣроятности, было положено первыми насельниками края, принадлежавшими къ финскимъ народамъ; но потомъ она традиціонно продолжалась при булгарахъ и, можетъ быть, также при монголо-татарахъ, съ эпохой которыхъ и прекратилась.

Сходство упомянутыхъ костяныхъ наконечниковъ конической формы съ найденными въ скиескихъ могилахъ весьма замѣчательно; но съ какой цѣлью они выдѣлывались и могли ли равняться въ своемъ назначеніи съ бронзовыми, съ которыми въ устройствѣ своемъ оказываются аналогичными? — Въ курганахъ скиескихъ костяные наконечники встрѣчаются одновременно съ бронзовыми; но послѣдніе тамъ преобладаютъ, здѣсь же бронзовыхъ наконечниковъ вовсе не встрѣчается и находятъ костяные въ большомъ числѣ. — Употреблялись ли костяные наконечники лишь для охоты, или же могли служить и на войнѣ? — Судя по ихъ устройству, они, кажется, могли съ успѣхомъ быть употребляемы въ обоихъ случаяхъ: у многихъ изъ нихъ концы остры какъ шило и кость, изъ которой они выдѣланы, очень крѣпка. Сила полета и удара стрѣлы во многомъ зависѣли отъ степени упругости лука; а относительно успѣшности употребленія на войнѣ стрѣлъ съ костяными наконечниками сохранилось даже историческое свидѣтельство Амміана Марцеллина, который описывая гунновъ, говоритъ: «но вотъ что особенно дѣлаетъ ихъ (гунновъ) настрашнѣйшими воинами на свѣтѣ: это во первыхъ ихъ мѣткіе удары стрѣлами,

хотя бы и на далекомъ разстояніи, у которыхъ, вмѣсто желѣза, прикрѣплены *очень искусно заостренныя кости*; во вторыхъ, когда въ схваткѣ одинъ на одинъ, дерутся мечами, они съ необыкновенной ловкостью въ одно мгновеніе навидываютъ на врага ремень и тѣмъ лишаютъ его всякаго движенія»⁹³). Кажется что это историческое свидѣтельство должно послужить основаніемъ какъ для хронологическаго, такъ и для этнографическаго опредѣленія здѣшнихъ костяныхъ наконечниковъ, ибо, не смотря на ихъ близкое сходство съ тѣми, которые были найдены въ скинскихъ курганахъ, еще нельзя быть вполне увѣреннымъ въ ихъ современности, ибо, на основаніи найденныхъ въ «Луговой могилѣ» произведеній греческаго искусства, эпоху Александропольскаго кургана относятъ къ III столѣтію до Р. Хр. Что же касается до гуновъ, то обитаніе ихъ въ камско-волжскомъ краѣ, хотя бы подъ именемъ булгаровъ и угровъ не подлежитъ сомнѣнію и профессоръ Э. И. Эйхвальдъ смотритъ на курганное племя Ананьинскаго некрополя, какъ на родственное гуннамъ, «которые подъ именемъ Угорской или Югорской Чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, отсюда пошли на югъ и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ»⁹⁴).

Если костяные наконечники дѣйствительно могутъ быть отнесены къ гуннамъ, то очень интереснымъ представляется тотъ фактъ, что въ житейскомъ обиходѣ быта гунновъ употреблялись предметы, сходные со скинскими⁹⁵).

Но аналогія находимыхъ въ Казанской губерніи памятниковъ древняго быта со скинскими не ограничивается только одними костяными наконечниками для стрѣлъ. Здѣсь встрѣчаются между множествомъ разнообразнаго рода бусъ или пронизокъ для ожерельевъ нѣкоторые виды, весьма сходные съ тѣми, какіе были находимы въ скинскихъ курганахъ и въ древней Пантикапѣ.⁹⁶

Съ нѣкоторыхъ поръ между древностями здѣшняго края начинаютъ появляться такіе предметы, которые невольнымъ образомъ приводятъ на память рассказы Геродота о скинахъ и обитателяхъ сѣверныхъ странъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ такія находки были сдѣланы въ той-же мѣстности пригорода Билярска, откуда происходятъ и вышеупомянутые костяные наконечники для стрѣлъ⁹⁷).

Въ 1882 году тамъ было найдено небольшое бронзовое зеркало изъ числа тѣхъ, какія обыкновенно были въ употребленіи у многихъ древнихъ народовъ

⁹³) См. эту цитату у Забѣлина, «Ист. русск. жизни», стр. 321.

⁹⁴) См. «Ueber die Säugthierfauna» etc.

⁹⁵) При раскопкахъ нѣкоторыхъ кургановъ въ Оренбургской губерніи, въ числѣ найденныхъ предметовъ упоминаются бронзовые, *костяные* и желѣзные наконечники для стрѣлъ; но къ сожалѣнію не объяснено какого вида были эти костяные наконечники. См. «Труды I арх. съезда», т. I, стр. 154.

⁹⁶) См. «Древн. Герод. Скиѣи» и «Воспорское царство».

⁹⁷) Замѣчательно, что найденные въ другихъ мѣстахъ Казанской губерніи костяные наконечники не походятъ на эти.

и носились у пояса. Такіе зеркала всегда имѣютъ съ лицевой стороны гладкую отполированную поверхность, а съ оборотной скобку или ушко для продѣванія шнура. Эта сторона по большей части бывала орнаментирована, но иногда оставлялась безъ всякихъ украшеній. До сихъ поръ металлическія зеркала встрѣчались здѣсь довольно часто и такъ какъ многія изъ нихъ на оборотной сторонѣ, вокругъ орнамента, имѣютъ еще и куфическія арабскія надписи, то принадлежность этихъ зеркалъ къ мусульманской эпохѣ представлялась достаточно выясненной. Но, на этотъ разъ бронзовое зеркало оказалось безъ надписей и съ такимъ орнаментомъ, который еще не встрѣчался на здѣшнихъ зеркалахъ: на немъ низкимъ рельефомъ сдѣлано изображеніе *грифона*. По разсказу поэта Аристеея, цитируемаго Геродотомъ, эти фантастическіе звѣри обитали на отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ стерегли золото, и на скиескихъ бытовыхъ древностяхъ весьма часто встрѣчается изображеніе грифоновъ. Стилъ изображенія на биллярскомъ зеркалѣ можно признать строго художественнымъ; поза фантастическаго животнаго выражаетъ какъ-бы готовность вступить въ борьбу и фигура его одушевлена сознаниемъ могущества и силы⁹⁸).

Въ здѣшней мѣстности, какъ упомянуто выше, довольно часто встрѣчаются бронзовыя зеркала изъ арабо-булгарской и монголо-татарской эпохъ; на нихъ тоже находимъ изображенія животныхъ, какъ реальныхъ, такъ и фантастическихъ; но въ эти изображенія отличаются недостаточной жизненностью и условностью передачи. Есть одинъ типъ орнамента на арабскомъ зеркалѣ, въ составъ котораго вошли два изображенія фантастическихъ животныхъ, соединенныхъ арабской. Эти фигуры имѣютъ тѣло и 4 ноги звѣриныя, а голову женскую и за плечами крылья. Нѣкоторые полагаютъ, что эти странныя фигуры, быть можетъ, воспроизводятъ античныхъ *сфинксовъ*⁹⁹); но они переданы въ стилѣ вовсе не античномъ и если такова была передача арабскими художниками античныхъ сюжетовъ, то не представляется ни малѣйшаго основанія относить биллярское зеркало къ произведеніямъ арабской эпохи. Точно также и въ персидскомъ искусствѣ изъ эпохи Сассанидовъ мы не находимъ тѣхъ элементовъ художественности, какіе замѣтны въ изображеніи грифона на биллярскомъ зеркалѣ. Только античное греческое искусство было въ силахъ изъ неслѣпаго сочетанія различныхъ частей тѣла разнородныхъ живыхъ существъ создавать такое гармоническое цѣлое, которое не поражало съ разу своей странностью, не возбуждало при первомъ же взглядѣ въ умѣ зрителя вопроса о возможности существованія въ природѣ такого страннаго существа, а привлекало къ себѣ и, лаская глазъ красотой линій и ритмомъ частей, дышало такой жизненностью, что казалось созданіемъ не фантазіи человѣка, а самой природы.

⁹⁸) Къ сожалѣнію зеркало это много пострадало отъ времени.

⁹⁹) См. Re naud, «Monuments arabes, persans et turcs» etc. t. II, p. 396 et pl. VIII.

Если биллярское зеркало не может быть отнесено ни къ древне-персидскому, ни къ арабскому искусству, то тѣмъ менѣе возможно его относить къ эпохѣ монголо-татарской XIII—XIV столѣтій. Нельзя его также приписывать и искусству византийскому VIII—XII вѣка, ибо произведенія его весьма далеки отъ греческаго классицизма.

Античное происхожденіе биллярскаго зеркала, кажется, неоспоримо и эпоха, къ которой оно можетъ принадлежать, выясняется характерными подробностями самаго изображенія *грифона*. Въ древнія времена греческаго искусства въ изображеніяхъ этого мифическаго звѣря встрѣчаются многія варіаціи въ подробностяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить изображенія грифоновъ на греческихъ вазахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ города Керчи и на различныхъ предметахъ, добытыхъ изъ кургановъ Екатеринославской губерніи: тамъ тѣло животнаго не львиное, а болѣе похоже на леопарда и переднія ноги не имѣютъ орлиныхъ когтей.¹⁰⁰⁾ На золотыхъ монетахъ города Сантикапей голова грифона украшалась даже рогами¹⁰¹⁾. Греки до такой степени были увѣрены въ дѣйствительномъ существованіи въ природѣ такого животнаго, какъ *грифонъ*, что Плиніи старшій занесъ его въ свою «Натуральную Исторію»¹⁰²⁾. Замѣчая, что древнѣйшія греческія изображенія грифона въ характеристическихъ подробностяхъ не сходятся съ описаніемъ Плиніа, можно думать, что въ тѣ времена еще не былъ окончательно выработанъ и установленъ типъ этого фантастическаго звѣря и художники, имѣя о немъ понятіе лишь въ общихъ чертахъ, варіировали подробности по своему усмотрѣнію. Но изображеніе грифона на биллярскомъ зеркалѣ уже вполне соответствуетъ описанію Плиніа и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что это описаніе служило руководствомъ для художника, изобразившаго грифона на зеркалѣ. Слѣдовательно, зеркало это должно быть относимо къ римской эпохѣ, и дѣйствительно изображенный на немъ грифонъ совершенно походить на таковыя же изображенія, встрѣчающіяся на мочерпахъ изъ этой эпохи, также, какъ и на монетахъ нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ¹⁰³⁾. Съ технической стороны зеркало также представляется древнимъ: изображеніе звѣря, какъ на всѣхъ античныхъ зеркалахъ, сдѣлано низкимъ рельефомъ, нигдѣ не выступающимъ выше ободка, которымъ обведенъ край зеркала, въ предохраненіе орнамента отъ порчи. Лицевая сторона представляется слегка выпуклой, тоже подобно античнымъ зеркаламъ, и составъ бронзы напоминаетъ обыкновенную античную бронзу, а не тотъ сплавъ, имѣющій стальной сѣрый цвѣтъ, который извѣстенъ подъ именемъ «зеркальной бронзы» и появляется, повидимому, уже въ болѣе позднюю эпоху.

¹⁰⁰⁾ См. А. Ашикъ, «Воспорское царство», а также «Древн. Герод. Скиевн».

¹⁰¹⁾ См. Спасскій, «Восфоръ Климерійскій», стр. 36 и таб. I, фиг. 16.

¹⁰²⁾ Plin. Hist. Nat. X, 69.

¹⁰³⁾ Ср. А. Rich, «Dictionnaire des ant. rom. et grecque» p. 305.

До находки этого зеркала между памятниками древняго быта, встрѣчающимися въ Казанской губерніи, еще небыло находимо такихъ предметовъ, которые обнаруживали бы ясные признаки своей принадлежности къ классическому античному міру. Въ здѣшнемъ краѣ античныя монеты, даже изъ византійской эпохи, попадаются очень рѣдко. Изъ римскихъ монетъ мнѣ лично извѣстна только одна мѣдная монета имп. Аврелиана (ц. 270—275), найденная въ мѣстности древняго города Булгара, въ лѣто 1873 года¹⁰⁴). О находеніи въ той же мѣстности римскихъ монетъ изъ III и IV вѣка извѣстно еще только изъ краткаго сообщенія проф. Ешевскаго¹⁰⁵). При такой бѣдности находокъ изъ міра классической цивилизаціи въ здѣшней почвѣ, весьма понятно, что биллярское зеркало съ изображеніемъ грифона можетъ возбуждать сомнѣніе въ томъ, должно ли оно быть относимо къ такой отдаленной эпохѣ и не слѣдуетъ ли его приурочивать къ болѣе позднимъ временамъ? Но, мы уже изложили выше причины непозволяющія признать его ни за арабское, ни за византійское произведеніе. Что же касается до употребленія зеркалъ древнимъ населеніемъ камско-волжскаго края, то оно уже встрѣчается у анацинскаго курганнаго племени, ибо въ некрополѣ не разъ бывали находимы бронзовыя зеркала и одно изъ нихъ изображено у Невоструева¹⁰⁶), другое у г. Аспелина¹⁰⁷). — Кромѣ того въ дневникѣ раскопокъ Алабина неоднократно упоминается о находеніи какихъ-то *кышечекъ съ ушкою*, которыя, конечно, ни что иное какъ тѣ-же бронзовыя зеркала. Правда, что экземпляры этихъ предметовъ, найденные въ некрополѣ, относятся къ простѣйшимъ видамъ и на нихъ не было замѣчено орнаментовъ; но въ Сибири бывали находимы зеркала съ орнаментомъ и украшенныя изображеніями животныхъ; одно изъ такихъ, украшенное на оборотѣ фигурами шести идущихъ одинъ за другимъ оленей, г. Аспелинъ относитъ даже къ эпохѣ бронзоваго вѣка¹⁰⁸). Этотъ орнаментъ выполненъ не барельефомъ, а просто *очеркомъ* (au trait), т. е. фигуры обозначены лишь по контуру возвышенной чертой. Точно такой же техническій приѣмъ встрѣчается въ исполненіи орнамента на нѣкоторыхъ зеркалахъ, найденныхъ въ волжской Булгаріи, тоже украшенныхъ изображеніемъ различныхъ животныхъ; но относительно этого рода зеркалъ можно бы полагать, что они не были привозными въ этотъ край,

¹⁰⁴) Эта монета сходна съ описанной у Н. Cohen, «Description histor. des monnaies frar. sous l'emp. rom.» t. V, p. 146, № 166. Она хранится въ моей коллекціи и о ней вмѣстѣ съ другими изъ византійской эпохи монетами, найденными въ здѣшнемъ краѣ, было представлено мною въ 1882 году сообщеніе въ мѣстное Общ. арх. ист. и этногр. при Имп. казанскомъ университетѣ.

¹⁰⁵) См. «Пермскій сборникъ» I, стр. 135.

¹⁰⁶) См. атласъ къ «Трудамъ I арх. съѣзда», таб. XXII, фиг. 41.

¹⁰⁷) «Antiquités du Nord Finno-Ongrien; l'âge du fer. Necropole d'Ananino, p. 113, fig. 468.

¹⁰⁸) См. Aspelin. *ibid.*, l'âge du bronze, p. 71, fig. 323.

а принадлежать къ предметамъ мѣстной индустріи, хотя сходство технического приѣма въ передачѣ изображеній животныхъ *очеркомъ* на этихъ зеркалахъ и вышеупомянутомъ, относимомъ къ бронзовому вѣку, можно принимать за указаніе на какую то связь, существующую между тѣми и другими.

Въ теченіи лѣта того-же 1882 года, въ мѣстности пригорода Билярска, былъ найденъ другой бронзовый предметъ, заслуживающій особаго вниманія. Онъ также принадлежитъ къ тому отдѣлу древностей, который за неимѣніемъ болѣе точнаго этнографическаго термина, мы принуждены называть *чудскимъ*. Это небольшой бронзовый барельефъ, имѣющій коническое очертаніе. Съ лицевой стороны онъ представляется выпуклымъ, съ оборотной вогнутымъ; онъ отлитъ изъ желтой бронзы и покрытъ значительнымъ слоемъ окиси. На лицевой сторонѣ его находится грубое и отчасти фантастическое изображеніе человѣка въ высокой, остроконечной шапкѣ, руки котораго сближены у живота и раздвинутые пальцы какъ будто поддерживаютъ *что-то* (чашку?). Около нижней части лица и тамъ, гдѣ должны-бы быть ноги фигуры, фонъ барельефа проскваженъ съ нахлѣпемъ, или-же случайно вывалился въ послѣдствіи, когда металлъ перержавѣлъ; но отъ этого теперь происходитъ трудность угадать очертаніе ногъ фигуры ¹⁰⁹⁾. По первому взгляду на изображеніе можно опредѣлять, что этотъ предметъ относится къ произведеніямъ такъ называемаго, варварскаго искусства, никакихъ художественныхъ традицій не имѣвшаго и развившагося изъ собственной дикой самобытности. Изображеніе человѣка вышло здѣсь уродливо и фантастично не по произволу, а вслѣдствіе неумѣлости. Человѣкъ выглядитъ карликомъ съ очень большой головой, короткимъ туловищемъ и ногами еще болѣе короткими, кажется, кривыми и широко разставленными. Стоитъ только обратить вниманіе на то, какъ исполнено лицо, смотрящее прямо; на очертаніе глазъ, выглядывающихъ изъ подъ высокой, остроконечной шапки; на длину носа и совершенное отсутствіе губъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что мастеръ, дѣлавшій форму для отливки этого барельефа, не имѣлъ никакого понятія о рисункѣ, о правильности и гармоніи формъ.

Но, этотъ барельефъ важенъ для насъ не въ художественномъ отношеніи, а потому недостатки техническаго исполненія нисколько не умаляютъ его значенія. Дѣло въ томъ, что при внимательномъ осмотрѣ изображенія на барельефѣ, въ немъ замѣчается поразительная аналогія съ тѣми древними изваяніями, которыя извѣстны подъ именемъ *«каменныхъ бабъ»*.

На барельефѣ фигура человѣка, повидимому, представлена одѣтой и на плечи накинута нѣчто въ родѣ косматого плаща, сдѣланнаго, вѣроятно, изъ звѣриныхъ кожъ, можетъ быть овчинъ, шерстью наружу (не *бурка-ли*?). На груди

¹⁰⁹⁾ См. таб. 3, № 1.

ромбональная бляха, соответствующая, можетъ быть, пряжкѣ отъ пояса. Голова несоразмѣрно большая, лице широкое и плоское, глаза очерчены треугольникомъ, носъ чрезмѣрно длинень, ротъ не обозначенъ. Та-же неуклюжесть въ исполненіи, та-же неясность въ передачѣ одежды, такая-же неправильность въ размѣрахъ формъ и то-же положеніе рукъ внизу живота, держащихъ чашку, замѣчается въ фигурахъ «каменныхъ бабъ». Кажется, что и на барельефѣ въ рукахъ фигуры должна быть чашка, только она здѣсь не вышла вслѣдствіе неумѣнія мастера справиться съ задачей.

Мужскія фигуры «каменныхъ бабъ» часто отличаются отъ женскихъ своимъ головнымъ уборомъ, который имѣетъ видъ высокихъ остроконечныхъ шапокъ ¹¹⁰⁾, похожихъ на ту, какую мы видимъ на фигурѣ биларскаго барельефа. Слѣдуетъ припомнить, что и на той каменной плитѣ, которая была найдена на вершинѣ ананьинскаго кургана и которую К. И. Невоструевъ весьма основательно приравнивалъ къ «каменнымъ бабамъ», находилось изображеніе человѣка въ остроконечной шапкѣ на головѣ ¹¹¹⁾. На ананьинскомъ памятникѣ отъ конической шапки спускаются съ боковъ фигуры, по замѣчанію Невоструева, «двѣ какія-то покроя» ¹¹²⁾. На фигурѣ бронзоваго барельефа также можно замѣтить подобныя покроя или лепты, спускающіяся отъ шапки по обѣ стороны фигуры до низу, отчасти перевитыя, служащія на барельефѣ какъ-бы рамкой, окружающей изображеніе.

У Геродота въ описаніи одежды и вооруженія скифовъ упоминается, что они носили на головахъ высокія, прямостоящія, съ коническимъ верхомъ шапки ¹¹³⁾. На извѣстной электрической вазѣ, найденной въ кулобской гробницѣ близъ города Керчи, въ 1830 году, изображенъ эпизодъ изъ скифской жизни и на головахъ нѣкоторыхъ изъ скифовъ тоже надѣты высокія конусообразныя шапки, вѣроятно, подобныя тѣмъ, какія видѣлъ Геродотъ ¹¹⁴⁾. Но, фигуры человѣка въ высокой на головѣ шапкѣ встрѣчаются и на бронзахъ, найденныхъ въ сибирскихъ курганахъ ¹¹⁵⁾. Кроме того, биларскій барельефъ обнаруживаетъ также большую аналогію съ нѣкоторыми бронзовыми-же барельефами, изъ числа *пермскихъ* древностей, на которыхъ тоже встрѣчаются изображенія фантастическихъ человѣческихъ фигуръ ¹¹⁶⁾. Лица человѣческихъ изображеній, встрѣчающіяся на нихъ, представлены тоже, въ большинствѣ случаевъ, безбородыми. Въ числѣ

¹¹⁰⁾ См. атласъ къ «Трудамъ I арх. съѣзда», таб. II, фиг. 10, 14, 23, таб. III, фиг. 17.

¹¹¹⁾ См. тамъ же, таб. IV, фиг. 1.

¹¹²⁾ «Труды I арх. съѣзда, т. II, стр. 627.

¹¹³⁾ Herod. VII, 64.

¹¹⁴⁾ См. А. Ашикъ «Воспор. цар.», ч. III, рис. 120.

¹¹⁵⁾ См. въ «Запискахъ арх. общ.», т. V, статья Муральта «Скифскія древности, хранящіяся въ Импер. эрмитажѣ», стр. 214.

¹¹⁶⁾ Ср. у Arpelin, l'âge du fer, p. 131—132.

этих барельефовъ есть одинъ предметъ, по сходству изображенія и технического приѣма исполненія очень близко стоящій къ биларскому; но тамъ человѣческая фигура держитъ обѣими руками не чашу, а кажется ребенка ¹¹⁷). Назначеніе этого предмета не объясняется; но, повидимому онъ есть ни что иное, какъ маленькій идолъ и, быть можетъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть воспроизведеніе въ миниатюрѣ знаменитой «золотой бабы», которой въ древности поклонялись народы пермяціе ¹¹⁸).

Биларскому барельефу нельзя присвоить значеніе идола, ибо его форма довольно ясно указываетъ на то, что онъ долженъ былъ служить наконечникомъ для ноженъ небольшого ножа и, вѣроятно, былъ вставленъ въ особую оправу, которая не сохранилась. Въ этомъ отношеніи въ чудскихъ древностяхъ казанскаго края обнаруживается значительное отклоненіе отъ пермскихъ: тамъ человѣческія изображенія встрѣчаются на такихъ предметахъ, которые можно принимать за маленькихъ идоловъ или за ех voto, приносимыя богамъ, какъ обѣтныя жертвы, иногда, быть можетъ, за талисманы, которые носили на себѣ; здѣсь-же человѣческое изображеніе находится на обиходномъ предметѣ, служившемъ для обычнаго ежедневнаго употребленія и, очевидно, просто играетъ роль орнамента.

Лѣтомъ 1883 года въ мѣстности пригорода Биларска снова были сдѣланы нѣкоторыя интересныя находки изъ числа предметовъ древняго быта. Между ними особенно замѣчательнъ небольшой бронзовый идолъ, найденный на горѣ Балынгузъ, отстоящей отъ биларскаго городища версты на 3 и лежащей за рѣкой Малымъ Черемшаномъ ¹¹⁹). Подобнаго рода находки принадлежатъ въ здѣшнемъ краѣ къ числу очень рѣдкихъ. Много лѣтъ тому назадъ въ мѣстности города Булгара была найдена бронзовая голова небольшого трехличнаго идола: позднѣе, въ биларскомъ городищѣ было найдено безголовое туловище бронзоваго-же идола, мужскаго пола. Въ послѣдствіи оказалось, что въ Самарской губерніи былъ найденъ цѣльный, тоже бронзовый идолъ, совмѣщавшій въ себѣ всѣ особенности, замѣченныя въ отдѣльныхъ частяхъ, найденныхъ въ Булгарѣ и Биларѣ ¹²⁰); но эти части принадлежали къ двумъ разнымъ экземплярамъ такого идола ¹²¹).

¹¹⁷) Aspelin, ibidem, p. 131. fig. 537. Этотъ маленькій идолъ находится въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

¹¹⁸) Объ этомъ идолѣ упоминается въ Новгородской лѣтописи подъ 1398 годомъ и въ житіи Стевана Велико-Пермскаго. Преданіе о «золотой бабѣ», стоявшей у устьевъ Оби, въ Обдорской области, сохранялось еще въ XVI столѣтіи и записано у Герберштейна и Гваньини.

¹¹⁹) Объ этой горѣ см. у С. М. Шпилевскаго, «Древн. города» и пр., стр. 354.

¹²⁰) Этотъ, найденный въ Самарской губерніи, идолъ впоследствии, кажется, поступилъ въ музей Моск. арх. общ. Въ VI томѣ «Извѣстій Имп. русск. арх. общ.» есть еще сообщеніе о находкѣ на свертѣ Синихъ горъ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, бронзоваго «деуличнаго буржачника», находившагося въ коллекціи г. Алибина.

¹²¹) Описаніе и изображеніе этихъ находокъ, см. въ «Трудахъ II арх. съѣзда», т. I, «Бытовые памятники великой Булгаріи».

Идолъ найденный въ 1883 году не походитъ на прежній, но представляетъ собою новый типъ, не менѣ странный и кажется доселѣ еще нигдѣ не встрѣчавшійся; но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ его структуры замѣчаются черты, усвоенныя обоимъ идоламъ. Онъ однолицый и также изображаетъ мужчину, тѣло котораго обнажено; но на головѣ надѣта остроконечная шапка. У трехлицаго идола изъ четырехъ конечностей вполне выдѣлана одна лишь лѣвая рука, правая — только по локоть и обѣ ноги только до колѣнъ; но правая нога, судя по размѣрамъ фигуры, даже не доходитъ до колѣна. У однолицаго идола вполне выдѣланы только лѣвая рука и правая нога, лѣвой ноги не достаеътъ вовсе, а правая рука не доходитъ и до локтя.

Такие недостатки въ фигурахъ происходятъ не отъ случайной утраты частей членовъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ землѣ и окисленія металла а также и не отъ неумѣнья мастера, изготовлявшаго форму, ибо сдѣлавъ одну руку или ногу, онъ конечно могъ-бы сдумѣть сдѣлать и другую. Нѣтъ, здѣсь очевидна *предназначенность* такой уродливости, ибо, видѣнный мной экземпляръ трехлицаго идола, найденный въ Самарской губерніи, былъ во всѣхъ подробностяхъ сходенъ съ такимъ-же, найденнымъ въ здѣшнемъ краѣ, вся разница была лишь въ томъ, что черты его лица напоминали болѣе южный типъ, тогда какъ здѣшній въ чертахъ лица имѣетъ нѣчто напоминающее типы мѣстныхъ инородцевъ. Предназначенность уродливости идоловъ безъ сомнѣнія имѣла свое значеніе, которое для насъ остается непонятнымъ.

На туловищѣ однолицаго идола въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна оканчиваться грудная клетка, находится сквозное отверстіе круглой формы, можетъ быть служившее для того, чтобы подвѣшивать или утверждать эту фигуру въ вертикальномъ положеніи. Черты лица этого идола особенно характерны, ибо онъ представленъ *одноглазымъ*. Только лѣвый глазъ у него выдѣланъ; на мѣстѣ-же праваго глаза остается лишь незначительная впадина. Ротъ, повидимому, открытъ, ибо губы раздвинуты въ ширину и между ними сдѣлана довольно глубокая ямка; а подбородокъ сильно выступаетъ впередъ и выдѣланъ такъ, что вмѣстѣ съ конической шапкой образуетъ нѣчто въ родѣ рыцарскаго шлема¹²²⁾. Въ общемъ это лице напоминаетъ черты глиняной маски, найденной въ городѣ Керчи, принадлежащей къ разряду тѣхъ, которыя назывались *magna latio* и должны были внушать ужасъ смотрявшимъ на нихъ¹²³⁾. Относительно общихъ размѣровъ фигуры можно сказать, что она представляетъ малорослаго человека, имѣющаго очень большую голову, удлиненный корпусъ и короткія ноги. Слѣдуетъ еще замѣтить, что правая его нога представляется обутой въ

¹²²⁾ См. таб. 1, № 2. Рядомъ съ нимъ помѣщены и части трехлицаго идола, для сравненія.

¹²³⁾ См. А. Ашикъ, «Восп. цар.», ч. III, стр. 46, фиг. 95.

мягкую съ острымъ носкомъ обуви, весьма похожую на ту, какую мы видимъ на глиняной-же статуэткѣ, найденной въ Керчи и изображающей молодого Скиаа ¹²⁴⁾. Въ техническомъ отношеніи оба идола исполнены одинаково, посредствомъ односторонней отливки, т. е. задняя сторона представляется вогнутой, и въ этомъ отношеніи они различествуютъ съ тѣмъ идоломъ, который былъ найденъ въ Перми ¹²⁵⁾ и другимъ, найденнымъ при с. Туровскомъ, Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи ¹²⁶⁾, которые отлиты массивно. Замѣчательно, что у обоихъ этихъ послѣднихъ идоловъ голова тоже несоразмѣрно велика, какъ и у здѣшнихъ и, повидимому, лицу преднамѣренно придавалось такое выраженіе, которое должно было устрашать зрителя. Слѣдовательно, надо думать, что идолы эти изображали злыхъ, враждебныхъ божествъ, поклоненіе которымъ у всѣхъ мало цивилизованныхъ народовъ было болѣе развито, нежели поклоненіе божествамъ благодѣтельнымъ и добрымъ: эти, будучи добрыми по своей природѣ, считались неспособными причинять людямъ вредъ и потому молитвы имъ и жертвоприношенія признавались ненужными. Злые божества, напротивъ, требовали умилостивленія, обѣтовъ и жертвъ, иначе могли жестоко вредить.

Очень можетъ быть, что эти идолы имѣютъ какую либо связь съ древнимъ культомъ *шаманизма* или «черной вѣры»; но одноглазый идолъ заставляетъ невольно вспомнить рассказы Аристея объ одноглазыхъ *аримаспахъ*, народѣ, жившемъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ грифонами, сторожившими золото ¹²⁷⁾, и если предположить, что подобные идолы существовали уже во времена грековъ, то одинъ изъ нихъ, занесенный въ греческія колоніи на Эвксинскомъ понтѣ, могъ-бы послужить поводомъ для вымысла объ аримаспахъ.

Между чудскими древностями, встрѣчающимися въ западномъ приуральи, часто попадаются предметы убранства изъ бронзы, въ видѣ различной формы панделоковъ, украшенныхъ дѣлочками, на которыхъ привѣшены маленькія подвѣски, имѣющія видъ бубенчиковъ; иногда-же они имѣютъ видъ гусиныхъ лапокъ. Многіе изъ этихъ предметовъ были сдѣланы на манеръ филиграни изъ мѣдной проволоки, съ напайкой мѣдныхъ шариковъ, соединенныхъ въ пирамидки; другіе панделоки бывали сдѣланы просто отливкой въ формы. Оба вида этихъ привѣсокъ можно считать одновременными и характерными для известной эпохи. Такихъ предметовъ убранства не было находимо въ Анапийскомъ некрополѣ; а потому ихъ слѣдуетъ относить къ болѣе позднему времени.

Подобные предметы убранства, находимые въ Казанской губерніи, обнаруживаютъ большое разнообразіе и замѣчательное сродство не только съ тѣми,

¹²⁴⁾ См. *ibid.*, ч. III, стр. 41, фиг. 78.

¹²⁵⁾ См. *Aspelin*, *l'âge du bronze*, p. 68, fig. 304.

¹²⁶⁾ См. *ibid.* p. 67, fig. 299.

¹²⁷⁾ У Эсхила въ «Прометей» также упоминается о *мономматасъ* или одноглазыхъ людяхъ; но онъ ихъ помѣщаетъ въ Африкѣ. См. также Страб. кн. VII, гл. 3, § 6.

какіе были находимы въ Пермской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ, но также въ мерянскихъ могилахъ.

Между панделоками встрѣчается одинъ видъ, очень характерный, въ орнаментациі котораго употреблены двѣ конскія головки, смотрящія въ разныя стороны ¹²⁸). Иногда между этими головками изображалась маска человѣческаго лица. Такіе экземпляры были найдены: одинъ въ мѣстности развалинъ древняго города Булгара, въ Казанской губерніи, другой въ Устьсысольскѣ ¹²⁹). Очень можетъ быть, что это изображеніе человѣческаго лица, между двумя конскими головками имѣетъ какое либо символическое значеніе. Обыкновенно такіе панделоки украшались нѣсколькими цѣпочками, которыя заканчивались маленькими привѣсками, имѣвшими видъ колокольчиковъ, бубенчиковъ или гусиныхъ лапокъ. Въ мѣстности пригорода Билярска неоднократно уже были находимы подобныя панделоки; но въ 1883 году былъ найденъ такой экземпляръ, какового доселѣ еще нигдѣ не встрѣчалось. Обыкновенно звѣнья цѣпочекъ у этихъ панделокъ составлялись изъ гладкихъ, овальной формы, колець, согнутыхъ изъ толстой проволоки; но въ ново-найденномъ экземплярѣ, вмѣсто обычныхъ звѣньевъ цѣпочки, привѣшены маски человѣческихъ лицъ, къ которымъ прицѣплены гусиныя лапки. Всего было четыре маски, изъ которыхъ уцѣлѣло только три ¹³⁰). Въ данномъ случаѣ маски человѣческаго лица употреблены, повидиму, просто въ виду орнамента, также, какъ и то изображеніе человѣка, съ конической на головѣ шапкой, которое находится на вышеописанномъ наконечникѣ отъ ноженъ небольшого ножа. Въ пермскихъ древностяхъ тоже встрѣчается иногда изображеніе человѣческихъ фигуръ на небольшихъ барельефахъ и отдѣльныя маленькія фигуры всадниковъ; но какъ уже сказано выше, такіе предметы могли имѣть значеніе *ex voto* и приносились, какъ жертвы, иногда же ихъ можно принимать за идоловъ. Но, въ описанномъ панделокѣ человѣческія маски, замѣняющія звѣнья цѣпочекъ, очевидно, употреблены какъ орнаментъ, въ томъ же смыслѣ какъ напр. на скифскихъ одеждахъ пришивали золотыя дробницы греческой работы, изображавшія различныя человѣческія маски.

Такой родъ орнаментациі на предметахъ древняго быта, находимыхъ въ Казанской губерніи, встрѣчается однакоже очень рѣдко и мы имѣемъ еще только

¹²⁸) Этотъ орнаментъ встрѣчается еще на капителяхъ колоннъ въ развалинахъ Персеполяса. (См. Вейсъ «Визитный бытъ народовъ», т. I, стр. 216, фиг. 156). Но, тотъ же орнаментъ, подъ именемъ «коньковъ», перешелъ и къ русскому народу, будучи вѣроятно заимствованъ отъ народовъ чудскихъ.

¹²⁹) См. у Arpelin, *l'âge du fer*, p. 167, fig. 783 et p. 154, fig. 677. Первый находится въ моей коллекціи и былъ въ первый разъ изображенъ въ атласѣ къ «Трудамъ II арх. съезда», таб. I, фиг. 21.

¹³⁰) См. таб. 2, рис. 6.

одну, вырѣзанную въ темно-сѣромъ жировикѣ форму для отливки изъ металла большихъ медальоновъ, или, можетъ быть, зеркалъ. На одномъ изъ этихъ медальоновъ вырѣзаны 8 масокъ, расположенныхъ вокругъ звѣзды, или цвѣтка о 8 лепесткахъ, занимающаго центръ круга. Изъ масокъ 4 большаго размѣра и 4 меньшаго расположены поочередно такъ, что образуютъ двѣ крестообразныя фигуры¹³¹⁾.

Однакоже невозможно утверждать, чтобы такія человѣческія изображенія, хотя и употреблявшіеся видимо какъ орнаментъ, вовсе не имѣли какого либо талисманическаго значенія, ибо въ здѣшнемъ краѣ встрѣчается напр. изображеніе *итифаллической руки*, которое уже несомнѣнно, будучи употреблено какъ орнаментъ, въ то же время имѣло значеніе талисмана.

Выше было упомянуто, при описаніи костяныхъ наконечниковъ для стрѣлъ, что въ мѣстности бильярскаго городища существуютъ слѣды бывалого тутъ нѣкогда костянаго производства. Въ слѣдъ костей въ видѣ матеріала и отбросовъ производства бываютъ находимы и разнообразныя издѣлія изъ кости въ разныхъ степеняхъ отдѣлки. Между прочимъ здѣсь же находятъ очень различныя по формѣ костяныя шила. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ совершенно первобытный видъ; другія походятъ на бронзовыя шпильки изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, а также на тѣ, которыя были находимы въ Сибири¹³²⁾. Но, въ 1879 году была сдѣлана находка костянаго шила, у котораго, вмѣсто обычнаго бутона или головки для обвязыванія шнура, оказалась выдѣланная *итифаллическая ручка*¹³³⁾.

Изображеніе такой руки въ понятіи многихъ народовъ имѣло значеніе талисмана, предохранявшаго отъ вліянія дурнаго глаза. Какъ извѣстно, такое понятіе первоначально было связано съ очень древнимъ культомъ, который въ основаніи своемъ имѣлъ обожаніе творческихъ силъ природы. Этотъ культъ былъ нѣкогда весьма распространенъ и изъ Индіи и Египта проникъ въ Грецію и Римъ. Съ нимъ долго боролось христіанство; но наклонность къ суевѣрію въ человѣчествѣ такъ велика и упорна, что итифаллическіе амулеты доселѣ, напр. въ Италіи, почитаются спасительными противъ вреднаго вліянія *дженстатуры* и подъ видомъ коралловыхъ брелочковъ продолжаютъ выдѣлываться и понынѣ.

Встрѣтить подобнаго рода предметъ между чудскими бытовыми древностями, среди другихъ костяныхъ шпильевъ и шпилекъ болѣе простыхъ и грубыхъ формъ, было, конечно, совершенной неожиданностью и можно бы было отвергать

¹³¹⁾ Эта форма уже была мною описана прежде. См. «Труды II арх. съезда», т. I, Бытовые памятники великой Булгаріи», стр. 17 и атласъ, табл. IV, фиг. 17.

¹³²⁾ Ср. Aspelin, l'âge du bronze, p. 63.

¹³³⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстно у антикваріевъ изображеніе человѣческой руки, пальцы которой сложены въ жестъ, не считающійся приличнымъ.

этотъ предметъ, если бы онъ оставался совершенно одинокимъ, но дѣло въ томъ, что въ 1883 году въ той же мѣстности была найдена привѣска изъ янтаря, имѣющая видъ тоже человѣческой руки, сложенной *въ кулакъ*. Однакоже, не смотря на видимую приличность этого изображенія, кажется, что оно должно было имѣть то-же самое талисманическое значеніе и если не представляетъ вполне характернаго вида, присвоеннаго такому амулету, то скромность эта произошла лишь вслѣдствіе значительной хрупкости матеріала въ связи съ недостаточнымъ умѣньемъ мастера ¹³⁴). Эта янтарная ручка могла быть носима на ожерельи или служить подвѣской къ серьгѣ и безъ сомнѣнія должна быть относима къ мѣстнымъ издѣліямъ, ибо мы имѣемъ ясные слѣды древней обдѣлки янтаря въ той же мѣстности въ видѣ разныхъ недодѣланныхъ предметовъ и цѣльныхъ кусковъ янтаря ¹³⁵).

Однимъ изъ мотивовъ орнаментации, часто встрѣчающимся на скиескихъ бытовыхъ памятникахъ, представляется борьба разныхъ звѣрей, какъ реальныхъ, такъ и фантастическихъ. Очень можетъ быть, что этотъ мотивъ принадлежитъ къ элементу азиатскому и первоначально заимствованъ изъ Ирана, куда проникъ изъ Индіи; но онъ такъ угодили на скиескій вкусъ, что можно сказать сдѣлался любимымъ сюжетомъ, который на скиескихъ предметахъ быть-воспроизводился руками греческихъ мастеровъ съ неподражаемымъ совершенствомъ и скиескими самобытными мастерами, въ стилѣ значительно варварскомъ.

Между бытовыми древностями, найденными въ пригородѣ Билярскѣ, находящимися въ моемъ собраніи, есть одинъ небольшой бронзовый барельефъ, на которомъ тоже изображена сцена борьбы двухъ животныхъ, повидимому, *медвѣдя* и *орла*; къ сожалѣнію фигура этого послѣдняго вышла не вполне, ибо самый барельефъ кажется недодѣланнымъ. На шеѣ медвѣдя замѣчается нѣчто въ родѣ ошейника изъ шариковъ, подобнаго тому, какой встрѣчается на изображеніяхъ медвѣдей, найденныхъ въ Тобольской губерніи ¹³⁶). Внизу, подъ изображеніями животныхъ, въ видѣ фриза, выдѣланъ орнаментъ изъ кружковъ съ точкой, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго вертикальной чертой, которая имѣетъ видъ спурга. Въ этомъ барельефѣ, не смотря на его варварскій стиль и даже самобытность изображеній, ощущается какая-то аналогія со скиескими древностями; а фризъ можно бы даже принять за дурно переданныя классическія *овы* ¹³⁷).

¹³⁴) См. таб. 3, № 11.

¹³⁵) Ср. изображеніе сложенной въ кулакъ ручки на ожерельи, найденномъ въ гробницѣ на берегу Ахтанизовскаго лимана. (А. Ашигъ, «Восп. цар.», ч. II, § 18 и ч. III, стр. 72, рис. 210).

¹³⁶) См. Aspelin, l'âge du fer, p. 133, fig. 553 и 556.

¹³⁷) См. таб. 3, № 8.

По всей вѣроятности этотъ барельефъ долженъ былъ служить штампомъ для оттиска изображенія на тонкихъ металлическихъ пластинкахъ; но онъ былъ не удачно отлитъ и потому, вѣроятно, не могъ быть употребленъ въ дѣло. Въ мѣстности пригорода Билярска, повидимому, издревле жило племя, одаренное отъ природы склонностью къ разнаго рода ремесленнымъ производствамъ, начиная съ костяныхъ издѣлій. Штампованіе на металахъ здѣсь, кажется, тоже существовало въ теченіе долгаго времени традиціонно, ибо различные штампы встрѣчаются въ этой мѣстности довольно часто; но стѣль украшеній, вырѣзанныхъ на нихъ, можетъ относиться и къ позднѣйшей эпохѣ, которая, въ данномъ случаѣ, не входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія.

Изъ числа чудскихъ предметовъ быта, найденныхъ тоже въ мѣстности пригорода Билярска, встрѣчаются такіе, назначеніе которыхъ не вполне ясно, но стиль и техническая сторона исполненія обращаютъ на себя вниманіе. Одинъ изъ такихъ предметовъ, по стилю совершенно родственныи съ древностями изъ ананьинскаго некрополя, кажется, можетъ быть принятъ за *биранчикъ* отъ удила. Онъ имѣетъ видъ стержня, который на одномъ концѣ расплющенъ, а на другомъ накрытъ, какъ гвоздь, плоской шляпкой. Съ одной стороны придѣланы два крючка, оканчивающіеся тоже такими же плоскими шляпками, служившіе для прикрѣпленія поводьевъ; а съ противоположной стороны, въ срединѣ стержня находится неподвижное кольцо, за которое прицѣплялись удила. Расплющенный конецъ выгибается кнаружи; но онъ обломанъ и потому нельзя угадать какимъ онъ былъ въ цѣломъ видѣ¹³⁸⁾. Въ Ананьинскомъ курганѣ были находимы бронзовыя удила; но въ Казанской губерніи такихъ еще не было находимо.

Другой предметъ, замѣчательный въ техническомъ отношеніи, имѣетъ видъ повѣшеннаго на кольцо крючка, конецъ котораго выдѣланъ въ видѣ конской головки¹³⁹⁾. Этотъ крючекъ отличается изяществомъ формы и размѣровъ; отдѣлка его очень старательная. Онъ покрытъ блестящимъ слоемъ окиси темно-зеленаго цвѣта (*vert antique*). Трудно угадать точное назначеніе этого предмета; но судя по его формѣ, онъ, кажется, могъ служить застѣжкой для пояса, или можетъ быть на этомъ крючкѣ носили у пояса какой нибудь необходимый предметъ обихода.

Въ отдѣлу чудскихъ бытовыхъ древностей слѣдуетъ также отнести находимыя въ мѣстности пригорода Билярска бронзовыя рукоятки отъ неизвѣстныхъ предметовъ, украшенныя изображеніемъ головъ разныхъ животныхъ. Въ Ананьинскомъ некрополѣ были также находимы бронзовыя рукоятки, назначеніе которыхъ не разгадано. Одна изъ нихъ оканчивается неподвижнымъ кольцомъ,

¹³⁸⁾ См. таб. 3, № 7.

¹³⁹⁾ См. таб. 3, № 6.

другая украшена изображеніемъ полу-луны¹⁴⁰⁾; иногда имѣли видъ рожка¹⁴¹⁾. Судя по тому, что втулки этихъ рукоятокъ имѣютъ совершенно круглую цилиндрическую форму, слѣдуетъ полагать, что онѣ не могли служить рукоятками для ножей, ибо таковыя въ разрѣзѣ всегда овалны; но основываясь на томъ, что въ нѣкоторыхъ ананьинскихъ экземплярахъ были найдены остатки дерева¹⁴²⁾, можно думать, что онѣ надѣвались на палку, и въ такомъ случаѣ является предположеніе, не служили ли онѣ украшеніемъ *кнотовища плетокъ?*¹⁴³⁾. Ана-ньинское курганное племя было народомъ коннымъ, что доказывается лошадиными костями, найденными въ некрополѣ. Въ мѣстности пригорода Билярска, въ упомянутомъ древнемъ скопленіи костей встрѣчается тоже много лошадиныхъ. Въ Ананьинскомъ некрополѣ не было найдено рукоятокъ, украшенныхъ изображеніями головъ разныхъ животныхъ; но на другихъ предметахъ такія изображенія тамъ все-таки встрѣчаются. Рукоятки, найденныя въ Билярскѣ, украшены изображеніями головъ: оленя, барана и какой-то хищной птицы. Въ исполненіи двухъ первыхъ замѣтно стремленіе къ реальной передачѣ сюжета, изобличающее художественный инстинктъ мастера. Голова оленя, въ особенности, передана съ такимъ мастерствомъ, которое напоминаетъ архаическія греческія и этрусскія произведенія¹⁴⁴⁾. На втулкѣ этой рукоятки выдѣланъ орнаментъ, состоящій изъ пяти возвышенныхъ поясковъ, которые какъ-бы выдвигаются одинъ изъ другаго. Этотъ орнаментъ отчасти напоминаетъ на-рѣзку винта и подобный ему находится на той рукояткѣ, найденной въ Ана-ньинскомъ некрополѣ, которая имѣетъ на верху изображеніе серпа луны¹⁴⁵⁾. Баранья головка въ исполненіи, сравнительно съ предыдущей, обнаруживаетъ меньшую степень искусства въ передачѣ сюжета; нѣкоторыя подробности въ рисункѣ кажутся невѣрными и произвольными¹⁴⁶⁾. Эта рукоятка сохранилась только въ видѣ одной половины, изъ чего можно заключать, что отливка такихъ рукоятокъ производилась въ формы отдѣльными половинами, которыя послѣ спайки на огнѣ съ помощью бронзовыхъ опилокъ. У этой, вслѣдствіе окисленія металла, половинки раздѣлились и одна изъ нихъ утратилась. Оленья головка, повидимому, тоже была отлита тѣмъ же способомъ; но если у нея были спайки, то она такъ искусно замаскирована, что трудно отыскать ихъ

¹⁴⁰⁾ См. Aspelin, l'âge du fer, p. 113, fig. 462 et 469.

¹⁴¹⁾ См. въ дневникѣ г. Алабина у К. И. Невоструева «Труды I арх. съезда, т. II, стр. 605.

¹⁴²⁾ См. Невоструевъ, *ibid.*

¹⁴³⁾ Въ Кулобской гробницѣ (въ Керчи), которую по богатству погребальной обстановки можно принимать за царскую, была найдена *плеть*, рукоятъ которой была обвита золотымъ листомъ. См. А. Ашикъ, «Восп. Цар.», стр. 32.

¹⁴⁴⁾ См. таб. 3, № 2.

¹⁴⁵⁾ См. Aspelin, l'âge du fer, p. 113, fig. 469.

¹⁴⁶⁾ См. таб. 3, № 3.

слѣды. Голова хищной птицы на третьей рукояткѣ обнаруживаетъ такъ мало искусства въ исполненіи, что трудно узнать какую именно птицу хотѣли изобразить. Размѣры частей неправильны, клювъ слишкомъ вытянутъ, а голова мала; можно догадываться, что въ намѣреніи было изобразить голову орла; но исполненіе вышло неудачно, также какъ неудалась и отливка, ибо темя головы и одинъ глазъ не вышли. На верхней части клюва выдѣланъ рельефомъ орнаментъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ геральдической *миллей*, часто встрѣчающійся въ персидской и арабской орнаментации. Но, при раскопкѣ «Толстой могилы» Краснокутской, по дорогѣ отъ Екатеринослава къ Никополю, въ 1860 году были найдены двѣ продолговатыя рѣзные бляхи, составлявшія наушники отъ конской сбруи, на которыхъ были изображены змѣи съ конскими головами, и между извивами змѣй помѣщенъ вышеупомянутый орнаментъ, похожій на геральдическую лилію ¹⁴⁷⁾. Въ этомъ курганѣ были найдены также остатки погребальной колесницы съ многими конскими остовами и по всѣмъ признакамъ онъ долженъ относиться къ скиескимъ. — Рукоятку съ птичьей головой, подобную биларской, я имѣлъ случай видѣть между древностями, найденными въ мѣстности гор. Херсониса, въ Севастопольскомъ отдѣлѣ политехнической выставки въ Москвѣ, въ 1872 году ¹⁴⁸⁾.

Между скиескими древностями тоже можно встрѣтить аналогію въ изображеніяхъ оленей съ изображеніемъ оленьей головы на рукояткѣ, найденной въ Биларскѣ ¹⁴⁹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отношеніи реальности въ передачѣ сюжета, эта рукоятка обнаруживаетъ много общаго въ характерѣ и съ изображеніями оленей изъ бронзы, найденными въ губерніяхъ Енисейской (Минусинскъ) и Пермской, которыя относятъ къ бронзовому вѣку; но только эти изображенія представляютъ оленей въ цѣлыхъ фигурахъ ¹⁵⁰⁾. Судя по совершенству технической стороны исполненія рукоятки съ оленьей головой ее невозможно причислять къ мѣстнымъ издѣліямъ. Вѣроятно тоже слѣдуетъ думать и о второй рукояткѣ съ бараньей головкой, хотя исполненіе ея слабѣе предъидущей ¹⁵¹⁾. Но, относительно третьей рукоятки, украшенной птичьей головкой, можно

¹⁴⁷⁾ См. Древн. Герод. Скиеи, вып. 2, стр. 47 и таб. XXIII, фиг. 5.

¹⁴⁸⁾ Въ каталогѣ этотъ предметъ былъ обозначенъ, какъ часть инструмента съ «ягурной оконечностью въ видѣ головы птицы. См. И. Мансветоу, «Историческое описаніе древняго Херсониса» и пр. Москва. 1872, стр. 95, № 114.

¹⁴⁹⁾ Ср. напр. «Древн. Герод. Скиеи», вып. I, атласъ, таб. I, фиг. 4. — Золотой крючекъ съ изображеніемъ оленя.

¹⁵⁰⁾ См. Azélin, l'âge du bronze, p. 68—69.

¹⁵¹⁾ Объ этой рукояткѣ, уже однажды мною описанной, я прежде думалъ, что она могла бы относиться къ предметамъ мѣстной выдѣлки (см. «Бытовые памятники великой Бугаріи», въ «Трудахъ II арх. съѣзда», т. I, стр. 18); но теперь, имѣя изъ той же мѣстности еще болѣе искусный по исполненію экземпляръ рукоятки съ оленьей головкой, представляется уже сомнительнымъ, чтобы мѣстная индустрія могла достигать такого мастерства въ ту древнюю эпоху, къ которой должны относиться эти предметы.

допустить предположеніе, что она сдѣлана мѣстнымъ мастеромъ, ибо техника ея довольно грубая и отливка вышла неудачной; къ тому же и самый цвѣтъ бронзы указываетъ на излишекъ мѣди въ составѣ. Сверхъ того, въ мѣстной выдѣлкѣ рукоятокъ съ птичьими головками не можетъ быть сомнѣнія потому, что здѣсь же встрѣчаются и формы для отливки подобныхъ. Одна такая форма, вырѣзанная въ мягкомъ известнякѣ (опокѣ), представляетъ половину рукоятки, заканчивающейся фантастической птичьей головой, которая украшена орнаментомъ изъ зигзаговъ, окружающимъ глазъ; тотъ же орнаментъ расположенъ въ видѣ двухъ поясковъ, изъ которыхъ въ верхнемъ, какъ бы представляющимъ ошейникъ, между зубцами ломанной линіи, поставлены еще точки. На вершинѣ головки, въ формѣ, выдѣлана скобка, конечно, для продѣванія шнура. Орнаментъ изъ зигзаговъ (*en dents de loup*) несомнѣнно древній, ибо встрѣчается на предметахъ быта, относящихся къ бронзовому вѣку. Эта каменная форма была найдена въ мѣстности пригорода Билярска въ 1883 году и весьма интересна тѣмъ еще, что вполне доказываетъ техническій приемъ отливки рукоятокъ въ двѣ половинчатыхъ формы ¹⁵²⁾.

Изъ числа бронзовыхъ предметовъ быта, относящихся къ чудскимъ, слѣдуетъ еще упомянуть о *шпилькѣ* или *шилль* (?), которое я уже имѣлъ случай описывать ранѣе ¹⁵³⁾. Эта шпилька, замѣчательная по своимъ размѣрамъ, украшена плоской ромбoidalной головкой, на лицевой сторонѣ которой находится орнаментъ изъ кружковъ съ точкой въ центрѣ, сгруппированныхъ такъ, что они образуютъ фигуру, отчасти похожую на крестъ ¹⁵⁴⁾. Этотъ предметъ былъ найденъ въ мѣстности развалинъ города Булгара.

Весной нынѣшняго 1884 года въ мѣстности билярскаго городища былъ найденъ очень странный предметъ, сдѣланный изъ кости мамонтоваго глыка. Онъ имѣетъ видъ желобоватаго овала; съ двухъ боковыхъ сторонъ просверлено по два отверстія, въ которыя, вѣроятно, продѣвались тонкіе ремни или шнуры. Наружная, выпуклая сторона выдѣлана такъ, что верхній и нижній концы овала нѣсколько выгибаются кнаружи. Назначеніе этого предмета трудно угадать, но, кажется, онъ могъ быть употребляемъ при стрѣльбѣ изъ лука и надѣвался на большой палецъ лѣвой руки для защиты отъ удара тетивы при пусканіи стрѣлы. Этотъ предметъ особенно замѣчателенъ по орнаменту, которымъ украшена его наружная сторона. Центральный орнаментъ, занимающій верхнюю половину овала, составленъ изъ трехъ птицъ, сгруппированныхъ такъ, что средняя изъ нихъ выступаетъ къ верху и какъ бы господствуетъ надъ остальными; къ ея распростертымъ лапамъ и длинному хвосту, съ обѣихъ

¹⁵²⁾ См. таб. 3, № № 4 и 5.

¹⁵³⁾ См. «Труды II арх. съѣзда», т. I, стр. 14.

¹⁵⁴⁾ См. таб. 3, № 10.

сторонъ, прижнуты двѣ, сходныя между собою, птицы, и между хвостами и лапами ихъ помѣщена еще голова какого-то четвероногого съ длинными ушами (м. б. зайца?). Въ средней птицѣ, составляющей главную фигуру, изображенной съ круглой головой, короткимъ клювомъ и ушами, можно признать *филлима* ¹⁵⁵⁾; двѣ боковыя фигуры птицъ похожи на *голубей*. Вокругъ, по краю овала вырѣзана арабесочная коемка. Центральная орнаментная группа составлена совершенно въ духѣ скиеской орнаментаціи, а арабесочная коемка по рисунку своему совершенно сходна съ тѣмъ орнаментами, который подъ именемъ *византийскаго*, часто воспроизводится на русскихъ мѣдныхъ иконахъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Но этотъ орнаментъ встрѣчается гораздо ранѣе на скиескихъ вещахъ даже греческой ювелирной работы. Для примѣра можно указать на золотой медальонъ съ изображеніемъ головы Минервы, найденный въ знаменитой Кулубской гробницѣ въ Керчи ¹⁵⁶⁾. Орнаментъ близко похожій на тотъ, который вырѣзанъ на костяномъ предметѣ, найденномъ въ Билярскѣ, можно также видѣть на одномъ серебряномъ сосудѣ, найденномъ въ Пермской губерніи и находящемся въ коллекціи графа С. Г. Строгонова. Этотъ сосудъ былъ описанъ Келеромъ, признавшимъ его за произведение *монгольскаго искусства* ¹⁵⁷⁾, но, судя по изображеніямъ на немъ женскихъ фигуръ, кажется, слѣдовало бы принимать его за *индійское* произведение, ибо женскія фигуры очевидно изображаютъ индійскихъ *надтчей* — или танцовщицъ, посвященныхъ богамъ и служащихъ при храмахъ. Одна изъ фигуръ танцуетъ съ развѣвающимся шарфомъ; другая держитъ музыкальные инструменты, замѣняющіе кастаньеты. Одежда ихъ, ожерелья и браслеты совершенно напоминаютъ индійскихъ женскихъ бурхановъ, которые изображаются тоже до пояса обнаженными; наконецъ въ самыхъ чертахъ лица сказанныхъ фигуръ нѣтъ ничего монгольскаго и напротивъ они походятъ на лица упомянутыхъ индійскихъ идоловъ, которые всегда изображаются красивыми. Въ конструкціи ножки подъ блюдомъ тоже замѣчается индійскій характеръ и можно бы думать, что это блюдо было предназначено для того, чтобы служить при жертвоприношеніяхъ богамъ.

Вотъ всѣ предметы древняго быта, найденные въ Казанской губерніи, въ которыхъ замѣтно присутствіе скиескихъ элементовъ. Было бы весьма желательно объяснить значеніе этого факта; но въ виду сравнительной малочисленности такихъ предметовъ подобная задача представляеть большія трудности. Проявленіе скиескихъ элементовъ могло-бы зависѣть отъ двухъ причинъ: 1) вслѣдствіе распространенія скиеской культуры посредствомъ международныхъ сношеній, или 2) въ силу этнографическаго родства.

¹⁵⁵⁾ Изображеніе этой птицы встрѣчается въ числѣ фигуръ другихъ животныхъ въ пермскихъ бронзахъ. См. у Asprelin, *l'âge du fer*, p. 128, fig. 519.

¹⁵⁶⁾ См. А. Ашикъ, «Восп. цар.», ч. III, фиг. 121.

¹⁵⁷⁾ См. Köhler's *Gesammelte Schriften*, t. VI, p. 48, Taf. 7.

Существованіе международныхъ сношеній скифовъ съ отдаленными народами сѣверо-восточной Россіи можно подозрѣвать на основаніи нѣкоторыхъ намековъ въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ Геродота; что же касается до этнографическаго родства, то оно представляется пока еще очень темнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго требуетъ много всякаго рода изслѣдованій.

Изученіе курганныхъ древностей, открытыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что нѣкогда господствовалъ какой-то общій стиль издѣлій, державшійся весьма продолжительное время и видоизмѣнявшійся въ частностяхъ, сообразно эпохамъ и мѣстностямъ, неутрачивая общаго сходства между предметами въ главныхъ чертахъ.

Недавнія изслѣдованія древняго некрополя въ Оссетіи при небольшой осетинской деревни Кобани въ горахъ Тагаура, обнаружили въ найденныхъ предметахъ убранства большое сходство съ чудскими, находимыми въ камско-волжскомъ краѣ. Вещи, въ которыхъ замѣтно это сходство, состоятъ преимущественно изъ панделоконъ, имѣющихъ видъ различныхъ животныхъ и одна привѣсна украшена даже изображеніями обнаженныхъ человѣческихъ фигурокъ¹⁸⁸); нѣкоторыя изъ этихъ вещей, повидимому, были исполнены изъ перевитой проволоки на манеръ мѣдной филигрانی. Но, сходство обнаруживается еще и въ бытовой обстановкѣ, ибо тутъ были найдены точильные камни просверленные на одномъ концѣ, шейные обручи, бронзовыя зеркала и пинцеты, также какъ и другіе предметы, аналогичные по употребленію съ находимыми въ камско-волжскомъ краѣ, но различные по формамъ. Кобанскій некрополь, подобно Ананьинскому, принадлежалъ къ эпохѣ перехода отъ бронзы къ желѣзу; но древность его гораздо значительнѣе, ибо профессоръ Вирховъ относитъ его за X вѣковъ до христіанской эры. Форма бронзовыхъ вижаловъ, фибулъ, застежекъ отъ поясовъ напоминаетъ древности Галльштадтской эпохи, подобныхъ которымъ въ камско-волжскомъ краѣ не встрѣчается, ибо Ананьинскій некрополь лишь по устройству своему аналогиченъ съ Галльштадтскимъ.

Но, Кобанскій некрополь не единственное мѣсто на Кавказѣ, гдѣ доисторическіе памятники быта обнаруживаютъ нѣкоторое сходство съ чудскими. Въ Пятигорскомъ округѣ, гдѣ также въ недавнее время были изслѣдованы нѣкоторыя могилы, между предметами быта, относящимися къ убранству, встрѣчаются даже *прически съ започками, украшенныя конскими яловками*, которыя доголѣ можно было считать характерными для сѣверо-востока Россіи.

¹⁸⁸) См. E. Chantre, «La nécropole de Coban en Ossétie». *Materiaux p. l'hist. de l'homme* 1882, t. XIII, p. 259. Авторъ говоритъ: «il est à noter aussi que plusieurs de ces pendeloques présentent des ressemblances frappantes avec certains objets découverts soit dans les régions permienes, soit sur les bords du Volga et de la Kama, que M-r Aspelin a si bien fait connaître récemment et qui sont certainement d'une époque postérieure à celle de la nécropole de Koban».

Уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ древности найденныя на Кавказѣ, въ Большой Кабардѣ и Малой Чечнѣ, отчасти совершенно сходныя по типу съ кобанскими, обратили на себя вниманіе гг. Хапыкова и Бартоломея. Нѣкоторые изъ этихъ находокъ были доставлены П. С. Савельеву и были имъ описаны¹⁵⁹⁾. Въ формѣ и стилѣ этихъ вещей онъ призналъ сходство съ находимыми на всемъ протяженіи сѣверо-восточной полосы Россіи, отъ Владимірской и Московской губерній на западъ до береговъ Балтійскаго моря, въ курганахъ, вмѣстѣ съ монетами VIII—XI вѣка, единственными хронологическими указателями этихъ могилъ. Но, полагалъ, что кавказскія находки могутъ быть и древнѣе на нѣсколько столѣтій.

Изъ этого можно видѣть, что чудскій стиль въ издѣліяхъ удерживался до сравнительно поздней эпохи, которая въ западномъ приуральи сливается, можетъ быть, съ эпохой монголо-татарской. Находя вещи этого стиля у разноплеменныхъ народовъ, едва ли возможно господство его объяснять исключительно этнографической однородностью народовъ, употреблявшихъ въ своемъ бытѣ такія вещи. Можетъ быть эта распространенность и долговременное господство извѣстнаго рода предметовъ обуславливались сходствомъ въ образѣ жизни у разноплеменныхъ народовъ и, своего рода, модой на извѣстныя предметы? Еще и теперь можно встрѣтить между инородческими племенами сѣверо-восточной Россіи, пребывающими въ язычествѣ, значительное сходство въ образѣ жизни и въ одеждѣ, тогда какъ одни изъ нихъ говорятъ нарѣчіями финскими, а другіе тюркскими. Черемисы и чуваша, живущіе совмѣстно, могутъ служить тому нагляднымъ примѣромъ.

Что касается до того, гдѣ слѣдуетъ искать первоначальный источникъ, изъ котораго послѣдовало распространеніе стиля, называемаго чудскимъ, то безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ находиться въ Азіи. Стиль этотъ возникъ еще въ бронзовомъ вѣкѣ и выработывался впоследствии, видоизмѣняясь сообразно мѣстнымъ условіямъ даже въ теченіи перваго періода желѣзнаго вѣка, постепенно дробясь и обособляясь на мелкія группы. Но бронзовый вѣкъ распространялся между разными народами не съ одного раза и не однимъ путемъ. Онъ долженъ былъ расходиться тоже постепенно и передаваться отъ однихъ народовъ къ другимъ, но должно думать, что вмѣстѣ съ металломъ разносились и понятія о металлургіи, т. е. нарѣды, знакомясь съ металломъ, вскорѣ научались и тому, какъ его добывать и обрабатывать, ибо въ разныхъ странахъ въ выдѣлкѣ предметовъ однороднаго назначенія замѣчаются уклопенія въ формахъ и варіаціи общаго типа, становящіяся характерными для извѣстной

¹⁵⁹⁾ См. П. С. Савельевъ, «Археологическіе и нумизматическіе отрывки», кн. I. Спб., 1855, IV «Древности, найденныя на Кавказѣ».

страны или мѣстности. Такія измѣненія и варіаціи производились сообразно развитію вкуса и природныхъ задатковъ техническихъ способностей у каждой народной индивидуальности.

Изображенія животныхъ, какъ орнаментъ на предметахъ быта, встрѣчаются у различныхъ народовъ даже въ раннія культурныя эпохи; но способъ передачи сюжета бываетъ весьма различенъ и нерѣдко можетъ служить вѣрнымъ признакомъ для распознаванія эпохи и народности, къ которой можетъ быть относимъ. Сравнивая, напр., изображенія головъ животныхъ, найденныя въ Казанской губерніи, съ тѣми изображеніями животныхъ вообще, какія были находимы въ Пермской губерніи, можно легко убѣдиться въ томъ, что первыя по искусству стоятъ несравненно выше послѣднихъ. Тогда какъ въ пермскихъ бронзовыхъ издѣліяхъ, относимыхъ къ первой половинѣ желѣзнаго вѣка, замѣчается большая аналогія въ характерѣ передачи сюжета съ издѣліями коряковъ, изъ моржовой кости ¹⁶⁰), билярскія находки обнаруживаютъ такую степень мастерства, которая прямо напоминаетъ архаическій періодъ греческаго искусства. Въ мѣстности пригорода Билярска, гдѣ были найдены эти вещи, встрѣчаются, какъ было сказано выше, и такія, которыя прямо схожи съ пермскими; слѣдовательно, здѣсь нѣкогда обитало тоже чудское племя, которое въ культурномъ отношеніи едва ли могло стоять выше обитателей Біарміи. Какимъ же образомъ могутъ встрѣчаться здѣсь предметы, представляющіе признаки совсѣмъ иной культуры? — Безъ сомнѣнія слѣдуетъ полагать, что подобные предметы были занесены сюда изъ другихъ странъ.

Сношенія древнихъ народовъ, обитавшихъ въ западномъ приуральи, съ азиатскими странами существовали издавна, и побережья Камы въ Пермскомъ и отчасти Вятскомъ краѣ сохранили вещественные слѣды подобныхъ сношеній изъ эпохи Сассанидовъ ¹⁶¹). Въ Казанской губерніи еще не было найдено такихъ драгоценныхъ предметовъ, какъ древняя серебряная посуда; но въ Билярскѣ, гдѣ было найдено большинство описываемыхъ здѣсь предметовъ, были найдены двѣ, вырѣзанныя на агатовыхъ пронизкахъ, печати, относящіяся къ концу сассанидской эпохи ¹⁶²).

Но между экземплярами серебряной посуды, найденными на берегахъ Камы, встрѣчаются также предметы греческой работы, относящіяся, по всей

¹⁶⁰) Ср. въ альбомѣ «Путешествія камергера Булычева въ Камчатку», ч. I.

¹⁶¹) См. J. R. Aspelin, «De la civilisation préhistorique des peuples Permians et de leur commerce avec l'Orient». Travaux de la 3-me Session du Congrès intern. des orientalistes. St.-Petersbourg, 1876, t. 2.

¹⁶²) Обѣ эти печати находятся въ моей коллекціи.

вѣроятности, къ римской эпохѣ ¹⁶³⁾. Въ числѣ пермскихъ древностей въ коллекціи графа С. Г. Строгонова находилось изображеніе Пріапа и одинъ бронзовый phallus, какъ говорятъ, также найденные въ пермскомъ краѣ ¹⁶⁴⁾. Кроме того въ числѣ пермскихъ древностей, изображенныхъ въ сборникѣ г. Аспелина, находится небольшая бронзовая фигура мужчины, голова котораго покрыта звѣриной кожей такъ, что лапы спускаются по обѣ стороны лица человека ¹⁶⁵⁾. Эта бронзовая фигура рѣзко выдѣляется отъ всѣхъ остальныхъ пермскихъ бронзъ по манерѣ исполненія, и ее можно принять за грубое подражаніе изображенію Геркулеса, голова котораго покрыта кожей немейскаго льва. Если такая догадка справедлива, то въ этой фигурѣ слѣдуетъ также признать присутствіе скинскаго элемента, ибо, по Геродоту, Геркулесъ почитался родоначальникомъ скивовъ. Пермская фигурка не принадлежитъ къ классическимъ произведеніямъ; ея варварское исполненіе заставляетъ относить ее къ работѣ туземныхъ мастеровъ; но для того, чтобы сдѣлать такую фигуру, надо было имѣть понятіе о миѣ Геркулеса и видѣть греческія его изображенія.

Присоединяя къ этимъ находкамъ, сдѣланнымъ въ Пермскомъ краѣ, тѣ, описанныя нами выше, памятники древняго быта, найденные въ Казанской губерніи, въ которыхъ можно подмѣтить присутствіе скинскихъ элементовъ и нѣкоторую связь съ древнимъ классическимъ міромъ, мы получаемъ рядъ такихъ фактовъ, которые могутъ быть приняты за доказательства существованія сношеній у приуральскихъ народовъ съ черноморскими скивами. Если эти факты нельзя относить къ временамъ Геродота, то все таки они могутъ восходить къ первымъ вѣкамъ христіанской эры и служить доказательствомъ сношеній приуральскихъ народовъ съ Гиммерійскимъ Воспоромъ, вѣроятно, ранѣе 375 года, когда гунны, вторгнувшись въ предѣлы Воспорскаго царства, совершенно его уничтожили.

Сношенія эти могли происходить черезъ посредство упоминаемыхъ Страбономъ аорсовъ и сираговъ, которыхъ онъ называетъ *также скивами* ¹⁶⁶⁾. Онъ считалъ ихъ бѣглецами изъ среды народовъ, обитающихъ выше. Они занимали большую страну между Азовскимъ и Каспійскимъ морями и вели караванную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ армявъ

¹⁶³⁾ Такіе были описаны Кёлеромъ: «Ueber die Denkmäler des Alterthums aus Silber in der Sammlung des Herrn Grafen von Strogonow». Н. К. Е. Köhler's Gesam. Schrift. VI St.-Petersb., 1853, p. 44, 48—53, Taf. 2—3. См. воспроизведеніе ихъ также у J. R. Aspelin, l'âge du fer, p. 139.

¹⁶⁴⁾ См. J. R. Aspelin, «De la civilisation préhist. d. p. Perm. etc. p. 403. note 2.

¹⁶⁵⁾ См. J. R. Aspelin, l'âge du fer, p. 131, fig. 535.

¹⁶⁶⁾ Страбонъ, Географія, кн. XI, гл. 2, § 1.

и медянъ. Аорсы жили вдоль Танаида, а сираки вдоль Ахардея, который вытекаетъ изъ Кавказскихъ горъ и впадаетъ въ Меотиду. Аорсовъ Страбонъ дѣлитъ на верхнихъ и нижнихъ. Народы эти были многочисленны, ибо нижніе аорсы могли выставить 200 тысячъ войска, а верхніе еще больше. Они носили золотыя украшенія, ибо были богаты ¹⁶⁷⁾. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей аорсы и сираки принадлежали къ народамъ финскимъ ¹⁶⁸⁾; въ такомъ случаѣ ихъ сношенія съ обитателями древней Біарміи еще легче могли бы объясняться и этнографическимъ родствомъ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ еще неизвѣстно никакихъ памятниковъ быта, которые могли бы быть приписаны этимъ народамъ.

А. Лукачевъ.

¹⁶⁷⁾ Ibid. т. 5, § 8.

¹⁶⁸⁾ Eichwald, «Alte Geographie des Südlichen Russlands».

Могильныя древности Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи.

Д. Я. Саломасова.

По словамъ И. Е. Забѣлина, «нигдѣ нельзя встрѣтить такого числа могилъ, самой разнообразной величины и конструкціи, какъ на пространствѣ, окружающемъ днѣпровскіе пороги верстъ на 200 или 300 въ квадратъ». Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе мѣстность, лежащая за порогами, ниже острова Хортицы, надъ рѣкою Конкою. Осматривая эту мѣстность въ 1883 году, я замѣтилъ множество курганныхъ насыпей, расположенныхъ на площади, возвышающейся надъ правымъ берегомъ рѣки Конки, между урочищемъ Городиско и станціей Краснокутовкою Лозово-Севастопольской дороги, на протяженіи около семи верстъ въ длину и двухъ въ ширину. Между ними различаются:

«Безсчастная могила», лежащая въ разстояніи двухъ верстъ отъ м. Ново-григорьевки, по александровской дорогѣ, имѣющая около 350 аршинъ въ окружности основанія и 22 арш. отвѣсной высоты.

Двѣнадцать могилъ, удаленныхъ другъ отъ друга на протяженіи отъ полуверсты до двухъ верстъ, имѣющихъ отъ 6 до 18 аршинъ отвѣсной высоты и отъ 120 до 300 арш. въ окружности основанія.

До пятидесяти могилъ, расположенныхъ группами и одиночно, имѣющихъ отъ 1 до 5 арш. отвѣсной высоты и отъ 40 до 150 арш. въ окружности основанія.

Наконецъ, множество могилъ менѣе одного аршина высоты, распавшихся и представляющихъ собою едва замѣтныя возвышенія.

По формѣ курганы сказанной мѣстности чрезвычайно разнообразны. Форма наиболѣе сохранившихся насыпей измѣняется отъ остраго конуса до правильнаго полушара, причѣмъ сѣверная сторона кургановъ большой и средней величины почти всегда выше и круче южной стороны. Многія насыпи по окружности основанія обложены камнемъ; нѣкоторыя обложены имъ по всей поверх-ности. Первоначальная форма большинства кургановъ измѣнена распашкою, до-

бывателями камня, кладонскателями и проч.; многіе распаханы по всей поверхности, а другіе только сръзаны съ боковъ. Еще на памяти старожиловъ вершины многихъ кургановъ большой и средней величины оканчивались каменными истуканами, которые частью побиты мѣстными жителями, частью свезены въ усадьбы. Шестъ каменныхъ бабъ и теперь еще хранятся въ усадьбахъ Ново-григорьевки и Краснокутовки. По словамъ мѣстныхъ жителей, много каменныхъ бабъ было снято съ кургановъ въ прошедшемъ столѣтіи, по распоряженію Екатерины II, которая приказала, будто-бы, обставлять ими почтовые тракты.

Распрашивая мѣстныхъ жителей о случайныхъ находкахъ древностей, я получилъ слѣдующія свѣдѣнія :

Дочь мѣстнаго помѣщика, Вѣра Александровна Лесевича, подарила мнѣ, найденные ею на поверхности земли, каменный, шлифованный, со сверлиною, топоръ-молотъ и каменное шлифованное орудіе, въ родѣ молотка, безъ сверлины.

На лѣвомъ берегу р. Конки, въ усадьбѣ Веселой, принадлежащей И. В. Канкрину, при раскопкахъ кургана, для возведенія на его мѣстѣ постройки, были найдены два цѣлыхъ бронзовыхъ топора и половина третьяго. Топоры эти, имѣвшіе форму нынѣшнихъ желѣзныхъ малороссійскихъ топоровъ, утрачены.

Вблизи Новогригорьевки, въ дѣпровскихъ плавняхъ, въ подмытомъ берегу рѣки, были найдены подаренные мнѣ графомъ И. В. Канкринимъ небольшой, съ толстыми стѣнками, бронзовый сосудъ, украшенный грубымъ, рельефнымъ изображеніемъ человѣческаго лица и мѣдный топоръ, имѣющій форму нынѣшнихъ малороссійскихъ топоровъ.

Въ шестидесятихъ годахъ, возлѣ Безсчастной могилы былъ выпаханъ большой, гранитный камень, подъ которымъ найдена бронзовая ваза, подаренная графомъ А. Е. Канкринимъ въ музей Одесскаго общества исторіи и древностей.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, на правомъ берегу р. Конки, въ урочищѣ Городиско, былъ раскопанъ небольшой курганъ, въ которомъ найдены: человѣческій остовъ, серебряный браслетъ и золотое кольцо.

Мѣстные крестьяне, при распашкѣ полей въ окрестностяхъ Новогригорьевки, нерѣдко находили различной формы бронзовые и желѣзные наконечники стрѣлъ.

Въ 1883 году, при первоначальномъ осмотрѣ кургановъ на побережьяхъ р. Конки, я раскопалъ для пробы одинъ изъ нихъ, лежавшій въ разстояніи двухъ съ половиною верстъ отъ усадьбы графа Д. А. Канкринина, съ правой стороны дороги на городъ Александровскъ. Этотъ курганъ имѣлъ 50 арш. въ окружности основанія и 2 арш. отвѣсной высоты. По снятіи вершины на глубину аршина, былъ заложенъ колодезь въ 10 арш. въ квадратѣ. Подъ слоємъ дерна вся поверхность насыпи оказалась заложеною колотымъ камнемъ. Въ центральной части кургана камень длился непрерывнымъ слоємъ съ вершины насыпи

до материка и продолжался далѣе въ могильной ямѣ, вырытой въ материковой глицѣ, въ размѣрѣ 4-хъ арш. въ квадратѣ. По мѣрѣ движенія въ глубь ямы камень становился крупнѣе. На днѣ могильной ямы, лежавшемъ на глубинѣ семи аршинъ отъ вершины насыпи, обнаружены слѣды разбросаннаго въ безпорядкѣ человѣческаго остова, обломокъ тонкой золотой проволоки, бронзовый воронкообразный предметъ, два окисшихъ желѣзныхъ наконечника копій и фрагменты панцыря изъ желѣзныхъ продолговатыхъ пластинокъ, насаженныхъ чешуеобразно другъ на друга, совершенно подобнаго панцырямъ, найденнымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

Мѣстоположеніе, количество, величина, разнообразіе формъ кургановъ въ окрестностяхъ Новогригорьевки и случайныя находки въ нихъ приводили къ мысли, что систематическое изслѣдованіе древнихъ могилъ, сохранившихся на берегахъ р. Конки, могло привести къ важнымъ научнымъ результатамъ, могло доставить богатый и разнообразный археологическій матеріалъ. Это соображеніе было сообщено мною г. предсѣдателю Императорской археологической комисіи, при случайной встрѣчѣ съ нимъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ октябрѣ прошедшаго года. А. А. Васильчиковъ предложилъ мнѣ произвести раскопки въ описанной мѣстности для Императорскаго Эрмитажа, на средства сказанной комисіи. Это предложеніе было принято мною и раскопки въ окрестностяхъ Новогригорьевки начаты 15 іюня 1884 года.

Втеченіи двухъ мѣсяцевъ раскопаны мною упомянутый выше большой курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Безсчастной могилы, большой курганъ, лежавшій въ разстояніи одной версты отъ Безсчастной могилы въ направленіи на сѣверъ и 26 могилъ средней и малой величины изъ сохранившихся въ окрестностяхъ поименованныхъ большихъ кургановъ.

Безсчастливая могила помѣщается на землѣ графа Д. А. Канкринна, съ правой стороны дороги, ведущей изъ м. Новогригорьевки, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ праваго берега р. Конки, въ томъ пунктѣ, гдѣ сказанная дорога раздѣляется на двѣ: дорогу на г. Александровскъ и дорогу на Краснокутовку.

По сказанію мѣстныхъ старожиловъ, Безсчастливая могила получила свое названіе въ прошломъ столѣтіи отъ разбойника-атамана Безсчастливаго, имѣвшаго свой притонъ въ балкѣ, прилегающей къ Безсчастной могилѣ съ юго-западной стороны и носящей то же названіе (Безсчастливая балка). Этотъ разбойникъ, по преданію, былъ окруженъ царскими войсками при Екатеринѣ II, схваченъ ими и увезенъ въ Москву, оставивъ о себѣ память въ названіяхъ балки и могилы, съ которой производилъ свои наблюденія за проезжающими.

Безсчастливая могила представляла собою правильный конусъ, съ закругленною вершиною, насыпанный изъ чернозема въ 22 арш. отвѣсной высоты и около 350 арш. въ окружности основанія.

Вблизи Безсчастной могилы сохранилось 28 кургановъ средней и малой величины и замѣтны слѣды многихъ распаханыхъ кургановъ, число которыхъ въ точности опредѣлить невозможно. Въ направленіи на западъ отъ Безсчастной могилы, по обѣимъ сторонамъ краснокутовской дороги, тянется почти непрерывно курганное кладбище, на протяженіи около пяти верстъ, состоящее изъ насыпей различной формы и величины. Срѣзана верхняя часть насыпи Безсчастной могилы на 10 арш. глубины, затѣмъ въ направленіи съ востока на западъ, прорѣзана траншея до материка, въ размѣрѣ 75 арш. длины и 40 арш. ширины, наконецъ, въ боковыхъ стѣнкахъ, съ сѣверной, южной и западной сторонъ прорѣзаны траншеи, въ размѣрѣ 25 арш. длины и отъ 3-хъ до 4-хъ арш. ширины. Въ сѣверной половинѣ насыпи, на днѣ заросшей ямы, вырытой, вѣроятно, кладоискателями, найдена грубая, каменная баба, разбитая на двѣ половины, представляющая собою известковую плиту въ 10 четвертей длины, три четверти ширины и три вершка толщины, верхняя часть обрѣзана въ форму человѣческой головы, а въ средней вырѣзаны руки, держащія сосудъ.

Встрѣчены въ Безсчастной могилѣ четырнадцать могилъ: пять въ насыпи, на различной глубинѣ отъ поверхности, двѣ на подшвѣ и семь въ материкѣ. По устройству, между ними различаются три вида: деревянныя гробницы въ насыпи, деревянныя гробницы въ материкѣ и катакомбы. Пять могилъ въ насыпи и двѣ могилы на подшвѣ ея, на материкѣ, имѣли одинаковое слѣдующее устройство: четырехугольная площадка, отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ арш. длины и отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ арш. ширины, утрамбованная и замазанная глиною, составляетъ ложе или дно могилы; это ложе со всѣхъ сторонъ обставляли досками или частоколомъ, отъ 2-хъ до 3-хъ арш. высоты, а сверху могилу покрывали также досками или брусьями, составлявшими потолокъ гробницы. Потолокъ во всѣхъ гробницахъ найденъ сгнившимъ и обрушившимся на дно, вслѣдствіе чего могилы были наполнены рыхлою землею и рыжеватымъ порошкомъ отъ сгниваго дерева. Остатки гнилаго дерева на стѣнкахъ могилъ и рыхлая земля, ихъ наполнявшая, давали возможность точно опредѣлить размѣры могильныхъ помѣщеній въ насыпи кургана, состоявшей изъ плотнаго чернозема.

Двѣ деревянныя гробницы въ материкѣ отличались отъ деревянныхъ гробницъ въ насыпи только тѣмъ, что были устроены не въ насыпной землѣ, а вырыты въ глинистомъ грунтѣ, на глубину отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ.

Продолговатыя четырехугольныя ямы, вырытыя въ материковомъ слоѣ желтой глины, были обставлены съ боковъ и закрыты сверху деревомъ, слѣды котораго въ видѣ гнилыхъ кусковъ и рыжеватаго порошка сохранились на стѣнкахъ и на днѣ могилъ. Какъ могилы въ насыпи, такъ и могилы въ грунтѣ были наполнены рыхлымъ черноземомъ, проникшимъ въ нихъ изъ насыпи кургана за обрушившимся потолокомъ. При очисткѣ дна кургана, насыпаннаго на грунтѣ, состоящемъ изъ желтой глины, сказанныя могилы рѣзко обозначались

правильнымъ, продолговатымъ четырехугольникомъ, имѣвшимъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ арш. длины и отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ арш. ширины. Одна изъ такихъ могилъ открыта почти въ центрѣ подошвы кургана, въ пространствѣ, обставленномъ съ восточной и западной сторонъ двумя изогнутыми рядами гранитныхъ плитъ, поставленныхъ на ребро, имѣвшихъ отъ 1 до 2-хъ арш. длины и ширины и отъ одной до двухъ четвертей толщины. Три могилы этого-же вида открыты въ западной половинѣ кургана, внѣ сказанной каменной ограды.

Третій видъ могилъ составляютъ три катакомбы, открытыя въ юго-восточной половинѣ кургана, вырубленныя въ плотномъ слоѣ материковой глины. Для погребенія покойниковъ въ могилахъ этого вида, приготовляли могильныя помѣщенія слѣдующимъ образомъ. Въ материковомъ слоѣ глины копали продолговатую четырехугольную яму, въ размѣрѣ отъ 2-хъ до $2\frac{1}{2}$ арш. длины, отъ 1-го до $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и отъ 2-хъ до 4-хъ арш. глубины. Затѣмъ, въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ ямы дѣлали выемку, въ размѣрѣ отъ трехъ четвертей до аршина въ квадратѣ, черезъ которую прорубали подземелье, съ горизонтальнымъ дномъ и сводообразными боками и потолкомъ, въ размѣрѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ арш. длины, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. ширины и отъ 2-хъ до $2\frac{1}{2}$ арш. высоты. Положивъ въ этомъ помѣщеніи покойника, съ наружной стороны закрывали отверстіе, ведущее въ катакомбу изъ входной ямы, одною или двумя каменными плитками и входную яму плотно забивали глиною, вынутую изъ той-же ямы. Этотъ способъ затрамбовки ямъ, ведущихъ въ катакомбы, служить причиною, по которой открывать ихъ очень трудно; глина закрывающая ямы, ведущія къ катакомбнымъ отверстіямъ, плотностію и цвѣтомъ почти не отличается отъ нерушенной материковой глины. Первая катакомба была открыта случайно, одна изъ лошадей, вывозившихъ землю по открытому дну кургана, образовала ногою маленькій провалъ въ материковой глинѣ. Введя въ этотъ провалъ руку со щупомъ, я могъ свободно вращать его во всѣ стороны. Тогда дыра, пробитая копытомъ лошади, была осторожно расширена и обнаружено подземелье, вырубленное въ материковой глинѣ, имѣвшее 4 арш. длины въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ и $2\frac{1}{2}$ арш. ширины, въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, дно которой было завалено обвалившимися верхними частями катакомбы. По очисткѣ дна отъ обвалившейся земли, оно оказалось лежащимъ на глубинѣ 4-хъ аршинъ отъ поверхности материка, а въ юго-восточной стѣнкѣ, на двѣ четверти выше дна открыто отверстіе около аршина въ квадратѣ, заставленное снаружи каменною плитою. Дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ обнаружено, что къ сказанному отверстію ведетъ продолговатая четырехугольная яма, забитая глиною. Глина этой ямы отличалась отъ материковой нерушенной глины только едва замѣтнымъ бѣловатымъ оттѣнкомъ и меньшимъ количествомъ известковыхъ зеренъ, а плотностію была подобна нерушенному матеріку. При помощи сказанныхъ признаковъ, на обна-

руженной подошвѣ кургана, были открыты еще двѣ ямы, ведущія въ катакомбы по устройству подобныя описанной.

По содержанію всѣ могильныя помѣщенія, открытыя въ Безсчастной могилѣ, оказались очень сходными. На днѣ двѣнадцати могилъ, открытыхъ въ насыпи и въ материкѣ, включая сюда и катакомбы, встрѣчены остатки покойниковъ, обращенныхъ головами въ разныя стороны, лежащихъ чаще на лѣвомъ боку (семь случаевъ), а рѣже на правомъ (пять случаевъ), въ одинаковомъ, скорченномъ положеніи, въ томъ положеніи, какое имѣетъ младенецъ въ утробѣ матери, руки пригнуты къ груди такъ, что кости кистей помѣщаются у нижней челюсти, бедра пригнуты къ животу, а голени къ бедрамъ такъ, что кости пястей помѣщаются непосредственно за костями таза. Въ двухъ могилахъ, одной въ насыпи и одной въ материкѣ, встрѣчены остатки остова, лежащихъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями по длинѣ туловища. Въ четырехъ могилахъ, помѣщавшихся въ насыпи, кромѣ очень разломившихся человѣческихъ костяковъ, въ описанномъ положеніи, найдены три сосуда изъ грубой, зернистой глины, раздавленные землею, и двѣ костяныя пряжки, одна изъ которыхъ прекрасно сохранилась, а другая распалась на мелкіе куски. Одна изъ могилъ, открытыхъ на подошвѣ кургана, заключала въ себѣ два дѣтскихъ остова, въ скорченномъ положеніи, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ головою на западъ, а другой на востокъ, и слѣдующіе предметы: глиняный горшечекъ, съ ушкомъ и острымъ дномъ; головную булавку изъ кости, украшенную рѣзнымъ узоромъ, около пяти вершковъ длины; ожерелье изъ продыравленныхъ зубовъ хищныхъ животныхъ, ожерелье изъ продолговатыхъ косточекъ, украшенныхъ винтообразною вырѣзкою; множество мелкихъ бусъ изъ продыравленныхъ растительныхъ зеренъ, круглую бронзовую бляху съ точечнымъ узоромъ, порошокъ и мелкіе кусочки алой краски. Въ другой могилѣ, открытой на подошвѣ насыпи, при дѣтскомъ остоу, найдены разломившіяся деревянный сосудъ, въ родѣ чашки съ ушкомъ и кусочки алой краски.

Въ материковой могилѣ, помѣщавшейся въ центральной части подошвы кургана, имѣвшей три аршина глубины, встрѣченъ только взрослый человѣческій остоу, весь покрытый красной краскою. Изъ трехъ материковыхъ могилъ, открытыхъ въ западной половинѣ кургана, каждая заключала въ себѣ взрослый человѣческій остоу, а сверхъ того, въ одной, при скорченномъ остоу, найденъ наконечникъ копья изъ кремня, около трехъ вершковъ длиною, а въ другой, при остоу съ вытянутыми конечностями, овальный продолговатый камень, по всей вѣроятности, служившій молоткомъ, кремневой скребокъ и кусочки бѣлой и красной краски. Одна изъ катакомбъ заключала въ себѣ взрослый человѣческій остоу и какое-то древко, слѣды котораго тянутся по длинѣ всего остова, съ лѣвой его стороны. Въ другой катакомбѣ, при дѣтскомъ остоу, встрѣчены: круглая, бронзовая бляха, головная костяная булавка въ четверть длиною,

ожерелье изъ гладкихъ овальныхъ косточекъ; ожерелье изъ продолговатыхъ косточекъ, украшенныхъ винтообразною вырѣзкою, и продыравленные зубы хищнаго животнаго. Наконецъ, въ третей катакомбѣ, при взросломъ, скорченномъ человѣческомъ остовѣ, встрѣчены: два шлифованныхъ камня (кварцитъ и діоритъ), бронзовый, четырехугольный наконечникъ стрѣлы, бронзовый наконечникъ копья и два ложкообразныхъ предмета изъ темной кости человѣческаго черепа.

При раскопкѣ, по многимъ признакамъ было замѣчено, что Безсчастная могила была насыпана одновременно, а увеличивалась, по мѣрѣ погребенія въ ней покойниковъ, подобно древнѣйшимъ курганамъ на Кавказѣ, изслѣдованнымъ мною въ окрестностяхъ Пятигорска и Кисловодска въ 1881 и 1882 годахъ. (См. Могильныя древности Пятигорскаго округа Д. Я. Самоквасова).

Второй курганъ большой величины, раскопанный мною въ окрестностяхъ Новогригорьевки, помѣщался въ разстояніи одной версты отъ Безсчастной могилы по направленію на сѣверъ. Поводомъ къ его раскопкѣ послужила находка золотыхъ украшеній въ могилахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, лежавшихъ вблизи большаго кургана № II. Можно было предполагать, что подъ нимъ скрывается богатая могила того народа, которому принадлежали сказанныя могилы съ золотыми предметами. Изслѣдованіе не оправдало этого предположенія. Въ большомъ курганѣ № II, имѣвшемъ 220 арш. въ окружности основанія и 15 арш. отвѣсной высоты, раскопанномъ траншеею въ 75 арш. длины и 25 арш. ширины, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, открыты восемь могилъ, четыре въ насыпи и четыре въ материкѣ, по устройству и содержанію, совершенно подобныхъ деревяннымъ гробницамъ, открытымъ въ Безсчастной могилѣ. Пять могилъ заключали въ себѣ остатки покойниковъ въ скорченномъ, утробномъ положеніи, а три съ конечностями вытянутыми. При остовахъ найдены только предметы изъ глины, камня, мѣди и кусочки краски. Къ этимъ предметамъ принадлежатъ: глиняный, орнаментированный сосудъ, имѣющій форму обыкновеннаго малороссійскаго горшка; два маленькихъ глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ имѣетъ форму стакана, а другой удлиненнаго горшечка; глиняная орнаментированная тарелка, на трехъ ножкахъ; каменный шлифованный, со сверляною топорикъ-молотокъ; наконечникъ копья изъ кремня; наконечникъ копья изъ бронзы; кусочки красокъ разнаго цвѣта. Подобно Безсчастной могилѣ насыпь кургана № II увеличивалась съ количествомъ покойниковъ въ ней погребенныхъ.

Курганы средней и малой величины, изслѣдованные мною въ окрестностяхъ Новогригорьевки, расположены были въ трехъ группахъ: вблизи Безсчастной могилы, вблизи большаго кургана № II и вблизи кургана средней величины, который мы означимъ № III.

Во всѣхъ группахъ было открыто наслоеніе могилъ различнаго устройства и содержанія, принадлежавшихъ различнымъ историческимъ эпохамъ.

Въ восьми курганахъ, имѣвшихъ отъ 50 до 100 арш. въ окружности основанія и отъ 2-хъ до 8 арш. отвѣсной высоты, встрѣчены могилы, по устройству и содержанію, соответствующія могиламъ, открытымъ въ Безсчастной могилѣ и въ безымянномъ курганѣ № II. Они заключали въ себѣ очень разложившіяся кости покойниковъ, въ большинствѣ случаевъ, погребенныхъ въ скорченномъ (утробномъ) положеніи, въ продолговатыхъ, четырехугольныхъ гробницахъ, устроенныхъ въ насыпи или вырытыхъ въ материкѣ на глубину отъ 1-го до 2-хъ аршинъ и закрытыхъ сверху тростникомъ, деревомъ и камнемъ. Въ трехъ могилахъ, при остаткахъ скорченныхъ костяковъ, были найдены грубые, глиняные сосуды и кусочки краски. Курганъ, лежавшій между Безсчастною могилою и курганомъ № II, имѣвшій около ста аршинъ въ окружности основанія и восемь аршинъ отвѣсной высоты, прикрывалъ три могилы, изъ которыхъ двѣ помѣщались въ насыпи и одна въ материкѣ. Материковая могила имѣла 3 арш. длины, 2 арш. ширины и 2 арш. глубины, была закрыта сверху деревомъ и слоемъ камня, имѣвшимъ 10 арш. въ діаметръ и около 2-хъ арш. толщины; на днѣ ея обнаруженъ скорченный человѣческій остовъ, обращенный головою на западъ, на лѣвомъ боку, а при немъ найдены: глиняный горшечекъ, бронзовый наконечникъ копьѣи и нѣсколько мелкихъ, продолговатыхъ и круглыхъ бронзовыхъ бусъ. Могилы въ насыпи заключали въ себѣ только остатки скорченныхъ костяковъ.

Почти вся насыпь одного изъ кургановъ, раскопанныхъ вблизи кургана № II, имѣвшаго около 80 арш. въ окружности основанія и 4 арш. отвѣсной высоты, состояла изъ колотаго известковаго камня. На подошвѣ насыпи, въ южной ея половинѣ, обнаруженъ очень разложившійся человѣческій остовъ, въ скорченномъ положеніи, головою на западъ. Въ сѣверной половинѣ того-же кургана, почти подъ центромъ насыпи, встрѣчена могила позднѣйшаго устройства и содержанія. Эта могила была вырыта въ насыпи и углублена въ материкъ на одинъ аршинъ, въ размѣрѣ $3\frac{1}{2}$ арш. длины, въ направленіи съ востока на западъ, и $2\frac{1}{2}$ арш. ширины, въ направленіи съ сѣвера на югъ. На днѣ ея, въ южной половинѣ, найдены хорошо сохранившіяся кости человѣка, погребеннаго головою на востокъ, туловище на спинѣ, конечности вытянуты вдоль туловища, въ сѣверной половинѣ часть лошадиного остова, именно, голова лошади, обращенная мордою къ западу, а за нею, по длинѣ человѣческаго остова, переднія и заднія лошадиныя конечности; остальныхъ частей лошадиного остова, лопатокъ, хребта и таза, въ могилѣ не было. Въ челюстяхъ лошадиной морды сохранились желѣзныя удила, а между конечностями окисшія желѣзныя стремена. При человѣческомъ остовѣ найдены остатки окисшихъ желѣзныхъ гвоздей,

пряжекъ, наконечниковъ стрѣлъ, ножей и бляшекъ различной формы, вѣроятно, украшавшихъ колчанъ.

Курганы третьей группы, вблизи кургана № III-й, заключали въ себѣ могилы слѣдующаго устройства и содержанія. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій около 100 аршинъ въ окружности основанія и 3 арш. отвѣсной высоты (распаханный), прикрывалъ собою три могилы. Въ южной половинѣ, на днѣ насыпи, подъ каменною закладкою, открытъ очень сгнившій человѣческій остовъ, на правомъ боку, головою на западъ, въ скорченномъ положеніи, безъ вещей. Подъ центромъ насыпи обнаружена могила, вырытая въ материкъ на глубину 2-хъ арш., въ размѣрѣ 3-хъ арш. длины и 2-хъ арш. ширины; на днѣ этой могилы найдены разбросанные въ беспорядкѣ фрагменты человѣческаго и лошадиного костяковъ, три бронзовыхъ, треугольныхъ наконечника стрѣлъ и фрагменты порваннаго и разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ дна могилы чешуйчатого желѣзнаго панцыря, совершенно подобнаго панцырю, найденному мною въ 1883 году въ одномъ изъ кургановъ той-же мѣстности. Боковаго подкопа, грабительскаго, въ эту могилу не обнаружено; повидимому, она была ограблена раскопкою сверху. При обследованіи стѣнокъ могилы, съ цѣлью открыть грабительскій подкопъ, въ восточной материковой стѣнѣ была замѣчена яма, въ пять четвертей ширины, шедшая на двѣ четверти ниже дна только что описанной могилы, засыпанная желтою глиною, смѣшанною съ черноземомъ. Сначала эта яма была принята мною за грабительскую мину, но дальнѣйшая расчистка ея, на протяженіи двухъ аршинъ, привела къ отверстию, за которымъ помѣщалась катакомба, вырубленная въ желтой глинѣ, въ направленіи съ сѣвера на югъ, затекшая землею, проникшею въ нее черезъ входное отверстіе, найденное открытымъ; каменная плитка, закрывавшая входное отверстіе, лежала въ проходѣ, въ разстояніи аршина отъ сказаннаго отверстія. По всей вѣроятности, эта катакомба была открыта и осмотрѣна при устройствѣ только что описанной могилы позднѣйшаго времени. На днѣ катакомбы замѣчены слѣды совершенно сгнивашаго человѣческаго остова, опредѣлить первоначальное положеніе котораго было невозможно. По устройству, эта катакомба была совершенно подобна открытымъ въ Безсчастной могилѣ.

Во второмъ курганѣ той-же группы, имѣвшемъ 60 арш. въ окружности и 3 арш. отвѣсной высоты (распаханный), открыта могила, вырытая въ материкѣ, въ размѣрѣ 3-хъ арш. длины, въ направленіи съ востока на западъ, 2½ арш. ширины и 4-хъ арш. глубины. Эта могила несомнѣнно была ограблена раскопкою сверху, послѣ которой была снова завалена землею и камнемъ. Въ западномъ углу могильной ямы, на глубинѣ 5½ арш. отъ вершины насыпи и на 2½ арш. выше дна могилы, встрѣчена куча конскихъ и человѣческихъ костей, сброшенныхъ въ беспорядкѣ, а между ними найдены четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и обломки разбитаго желѣзнаго меча. Отдѣльныя конскія

и человѣческія кости, обломки окисшихъ и поломанныхъ желѣзныхъ предметовъ и бронзовые наконечники стрѣлъ встрѣчались и въ другихъ частяхъ могилы, въ рушенной землѣ ее наполнявшей. Наконецъ, на днѣ могилы, у восточной ея стѣнки, встрѣчена вторая куча костей, лошадиного и человѣческаго костяковъ, сброшенныхъ въ беспорядкѣ, а у южной стѣнки найдены 66 треугольныхъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и обломки узорчатыхъ золотыхъ бляхъ, вѣроятно, украшавшихъ колчанъ.

Въ третьемъ курганѣ той же группы открыта разграбленная могила, подобная предыдущей; на днѣ ея между разбросанными костями человѣческаго остова, найденъ только бронзовый треугольный наконечникъ стрѣлы.

Курганъ № III-й господствовавшій въ третьей группѣ, имѣлъ 150 арш. въ окружности основанія и 10 арш. отвѣсной высоты. По снятіи вершины на глубину 4-хъ арш., раскопанъ колодезь въ 15 арш. въ діаметрѣ. На всемъ пространствѣ заложенаго колодца, до уровня материка, длилась крѣпкая за-трамбовка, состоявшая изъ плотной земли, глины и крупнаго камня. На материкѣ, подъ центромъ кургана, обнаружена четырёхъугольная яма, въ размѣрѣ 4-хъ арш. длины, въ направленіи съ востока на западъ, и 3-хъ арш. ширины, засыпанная землею и камнемъ. На днѣ могилы, лежавшемъ на глубинѣ 4-хъ арш. отъ уровня материка, встрѣчены разбросанныя въ беспорядкѣ человѣческія, конскія и бараньи кости, два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и бронзовая ваза, на одной массивной ножкѣ, съ двумя ушками съ боковъ, заключающая въ себѣ кости барава.

Въ пяти курганахъ, лежавшихъ съ восточной стороны Безсчастной могилы, имѣвшихъ отъ 40 до 100 арш. въ окружности основанія и отъ 1-го до 6-ти арш. отвѣсной высоты, открыты могилы слѣдующаго устройства. На пошвѣ насыпи обнаруживается застилка изъ тонкаго слоя глины, покрытаго слоемъ сгнившаго камыша отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ дюймовъ толщины, обставленная вокругъ камнемъ. Въ центрѣ этой застилки помѣщается могильная яма отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ арш. длины, отъ 1-го до $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ арш. глубины. Въ западной стѣнкѣ ямы, по ея длинѣ, обнаруживается подкопъ, отъ 1-го до $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, заставленный каменными плитами или деревомъ. Въ подкопахъ встрѣчаются разбросанныя въ беспорядкѣ остатки человѣческихъ костяковъ, желѣзнаго оружія, збруи и украшеній. Всѣ могилы этого вида, раскопанныя мною, оказались ограбленными посредствомъ раскопки сверху и снова засыпанными, такъ что снаружи незамѣтно никакихъ признаковъ ограбленія. Ясными указаніями расхищенія служатъ слѣдующіе признаки: а) отсутствіе надъ могильными ямами застилки изъ глины и камыша; б) свернутыя съ первоначальнаго мѣста каменные плиты, прикрывавшія могильный подкопъ; с) беспорядочно разбросанныя кости человѣческаго остова на днѣ подвоя, д) по-

ломанные и беспорядочно разбросанные предметы изъ могильной обстановки погребеннаго.

Первый курганъ этого типа имѣлъ 90 арш. въ окружности основанія и 6 арш. отвѣсной высоты. На подошвѣ насыпи встрѣченъ слой глины, въ дюймъ толщиною, покрытый слоемъ обожженнаго очерега, въ размѣрѣ 15 арш. въ діаметрѣ. Подъ этимъ слоемъ встрѣченъ рядъ колотаго камня, покрывавшаго пространство въ 10 арш. въ діаметрѣ. Въ центральной части дна насыпи сказанныхъ глиняной замазки и каменной закладки не было; камень, покрывавшій центральную часть дна насыпи, былъ вынутъ и разбросанъ въ беспорядкѣ вокругъ могильной ямы, обнаружившейся въ глинистомъ материкѣ правильнымъ четырехугольникомъ, въ размѣрѣ 4-хъ арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, засыпанной черноземомъ. На днѣ ямы, на глубинѣ 4-хъ арш. отъ уровня материка, встрѣчены четыре известковыя плиты, двѣ изъ которыхъ стояли ребромъ у западной стѣнки, плотно примыкая къ ней, а двѣ были отворочены и лежали горизонтально на днѣ. Въ западной стѣнкѣ ямы, за сказанными плитами, обнаруженъ подкопъ въ направленіи могильной ямы, съ сѣвера на югъ, а на днѣ подкopa, подъ слоемъ рушенной земли, найдены кости разбросаннаго въ беспорядкѣ человѣческаго остова, окисшіе желѣзные наконечники стрѣлъ, обломки желѣзнаго ножа, желѣзныя бляшки, желѣзные гвозди, кусочекъ кожи и серебряная пластинка.

Въ подкопѣ могильной ямы, заставленной сгнившими брусьями или досками, открытой во второмъ курганѣ, между костями разбросаннаго остова найдены: золотая пуговка, обломки мелкихъ золотыхъ бляшекъ, три жемчужины и двѣ стекляныя бусы.

Въ подкопѣ третьяго кургана встрѣчены только кости разбросаннаго остова.

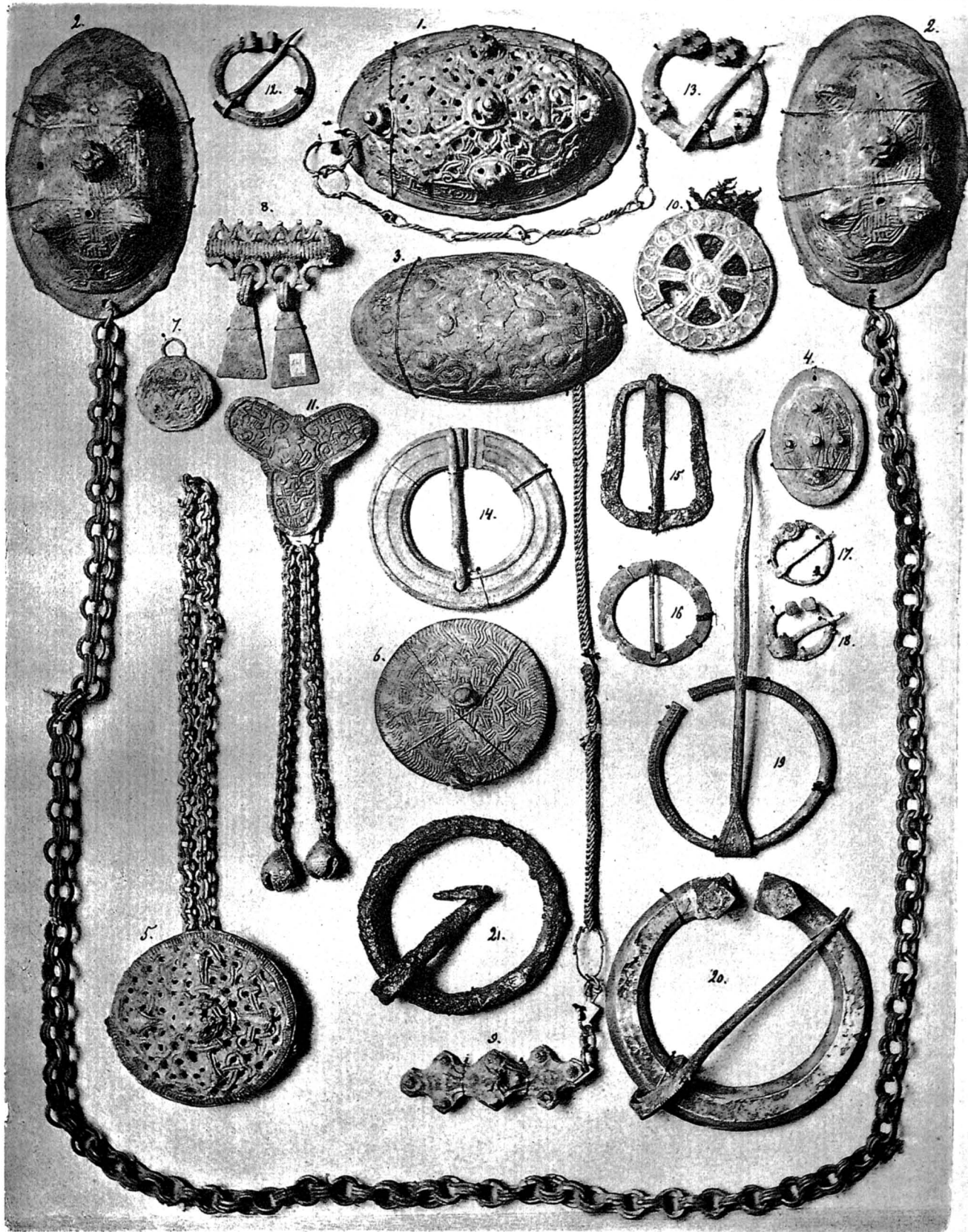
Въ четвертомъ курганѣ, имѣвшемъ 60 арш. въ окружности основанія и 3 арш. отвѣсной высоты, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. отъ вершины насыпи, встрѣченъ слой гнилаго, несожженнаго камыша, толщиною въ $\frac{1}{2}$ вершка. Ниже этой застилки, въ материковомъ слоѣ глины, обнаружена засыпанная черноземомъ могильная яма въ $3\frac{1}{2}$ арш. длины, въ направленіи съ сѣвера на югъ и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Надъ этою ямою сказанная камышевая застилка прерывалась. Въ ямѣ, на глубинѣ 3 арш. отъ уровня материка, встрѣчены четыре известковыя плиты, стоявшія вертикально, ребромъ, у западной стѣнки ямы и одна плита, лежащая на днѣ плашмя. Возлѣ послѣдней былъ сброшенъ въ кучу человѣческій остовъ, за исключеніемъ черепа, шейныхъ позвонковъ и лопатокъ. Черепъ и лопатки были найдены за стоявшими плитами на днѣ подкopa, вмѣстѣ съ кусками гнилаго дерева, обломками желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и обломками другихъ желѣзныхъ предметовъ, кусочкомъ золотой ткани и овальнымъ стеклышкомъ.

Въ пятомъ курганѣ, по устройству, совершенно сходнымъ съ предыдущими, въ подкопѣ могильной ямы, между костями разбросаннаго человѣческаго остова, найдены обломки желѣзнаго копья, желѣзный ножъ, обломки стремянъ и удила, остатки желѣзныхъ украшеній колчана и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ.

Особый видъ могилъ, въ первый разъ встрѣтившійся въ моей практикѣ, представляютъ собою девять могилъ, не имѣвшихъ курганныхъ насыпей. По наружному виду, эти могилы представляютъ собою круглыя, ровныя пятна отъ 15 до 40 арш. въ діаметрѣ, помѣщающіяся на распаханыхъ поляхъ, но обходимыя плугами пахарей, а потому поросшія дикими растеніями. Исслѣдованіе показало, что плугъ обходитъ сказанныя пятна по той причинѣ, что въ нихъ залегаеетъ слой камня, на глубинѣ отъ одной до двухъ четвертей отъ поверхности.

Первое изъ сказанныхъ пятенъ было замѣчено мною въ разстояніи около 200 саж. отъ Безсчастной могилы по направленію на сѣверъ. Незапаханное круглое пространство около тридцати аршинъ въ діаметрѣ, поросшее травой, помѣщалось на нивѣ, засѣянной просомъ. На всемъ пространствѣ этого пятна, за исключеніемъ центральной его части, при посредствѣ стального шупа, обнаруженъ слой камня на глубинѣ двухъ четвертей отъ поверхности. Желая узнать причину присутствія камня подъ сказаннымъ пятномъ, я очистилъ каменный слой отъ покрывавшей его земли, вынулъ камень на всемъ пространствѣ пятна и всю землю подъ нимъ до глинистаго материка, лежавшаго на глубинѣ пяти четвертей отъ поверхности пятна. При раскопкѣ, въ центральной части пятна, неимѣвшей камня, найдены желѣзное кольцо, глиняный продырявленный шарикъ и нѣсколько обломковъ тонкихъ золотыхъ бляшекъ. Подъ слоемъ камня, имѣвшимъ около двухъ четвертей толщины, состоявшимъ изъ булыжника и колотыхъ кусковъ, попадались уголь, обугленные кости человѣка и лошади, а сверхъ того, въ восточной сторонѣ пятна найдены: хорошо сохранившійся наконечникъ копья и двѣ квадратныя, бронзовыя, узорчатыя бляшки. Ясно было, что въ изслѣдованномъ пунктѣ помѣщалась могила, съ остатками трупосоженія, главное содержаніе которой было вынута въ давнее время посредствомъ раскопки центральной части могилы.

По изслѣдованіи описанной могилы, были осмотрѣны мною окрестныя поля, найдены и раскопаны еще 8 могилъ, по устройству, подобныхъ только что описанной. Шесть изъ нихъ были также ограблены въ давности, а двѣ сохранились нетронутыми давними искателями могильнаго содержанія. При раскопкѣ шести пятенъ, боковыя части ихъ оказались тщательно выложенными булыжникомъ, битымъ камнемъ и плитками, а въ среднихъ частяхъ хотя и встрѣчался камень, но очевидно перекопанный и сброшенный въ беспорядкѣ.

Въ одномъ пятнѣ, имѣвшемъ 45 арш. въ окружности, не было найдено никакихъ предметовъ, за исключеніемъ угля и женныхъ костей. Съ западной стороны его, подъ почвою, на глубинѣ двухъ четвертей отъ поверхности, обнаружена каменная стѣнка въ 2 арш. ширины и 2 четверти толщины, шедшая полукругомъ въ направленіи съ востока на западъ, сложенная изъ булыжника и битого камня, значеніе которой опредѣлить трудно, такъ какъ при откапываніи ея никакихъ предметовъ не найдено.

Въ другомъ пятнѣ, имѣвшемъ около 80 арш. въ окружности, въ центральной, въ давности раскопанной части, найдены только черепки разбитого глинянаго сосуда.

Въ третьемъ пятнѣ, имѣвшемъ около 100 арш. въ окружности, въ восточной половинѣ, подъ нерушенной частью каменнаго слоя, между углемъ и женными костями, найдены: желѣзный ножъ, желѣзный мундштукъ, два треугольныхъ бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, квадратная бронзовая бляха, съ прорѣзомъ на срединѣ и продолговатая бронзовая пластинка.

Въ четвертомъ пятнѣ, имѣвшемъ 45 арш. въ окружности, найдена только разбитая глиняная тарелочка или мисочка.

Въ пятомъ пятнѣ, имѣвшемъ 60 арш. въ окружности, кромѣ угля и женныхъ костей найдены: терракотовая амфора, разбитая на множество кусковъ, обломки сосуда изъ простой глины и половина крупной стеклянной глазированной бусы.

Въ шестомъ пятнѣ, имѣвшемъ 120 арш. въ окружности, въ западной половинѣ, подъ частью каменнаго слоя, нерушеннаго давними копателами могилъ, кромѣ угля и женныхъ костей найдены слѣдующіе предметы: раздавленный сосудъ изъ красной глины, согнутый вдвое желѣзный мечъ, три бронзовыя пластинки, съ продѣтыми въ нихъ бронзовыми гвоздиками и сдавленные въ одну кучу желѣзные наконечники стрѣлъ, желѣзное удило, бронзовая пряжка, три круглыя золотыя бляхи, съ выдавленными на нихъ изображеніемъ головы медузы, двѣ узорчатыя продолговатыя золотыя бляхи, съ заостренными концами, и двѣнадцать продолговатыхъ четырехугольныхъ золотыхъ бляшекъ.

Вполнѣ сохранившееся содержаніе могилъ этого вида открыто только въ двухъ пятнахъ. Первое изъ нихъ имѣло 45 арш. въ окружности. На всемъ его пространствѣ, подъ слоемъ чернозема въ двѣ четверти толщиною, обнаруженъ слой небольшихъ камней, отъ одной до двухъ четвертей въ поперечникѣ. Въ слое земли подъ камнемъ, въ центральной части пятна, попадались отдѣльныя кости четвероногихъ животныхъ и птицъ и черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, вѣроятно, остатки погребальной трезны. Подъ слоемъ камня, также въ центральной части пятна, на глубинѣ аршина отъ поверхности, на пространствѣ шести аршинъ въ квадратѣ были найдены слѣдующіе предметы: уголь, женныя лошадиныя и человѣческія кости, раздавленный на мелкіе куски гли-

няный сосудъ; желѣзный мечъ, съ покрывавшею его золотою бляхою; желѣзный ножъ, съ покрывавшею его золотою бляхою; двѣнадцать треугольныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, съ прикипѣвшими къ нимъ кусочками золотой бляхи, вѣроятно, покрывавшей колчанъ; желѣзный крючекъ, въ родѣ фибулы; бронзовая пластинка около пяти четвертей длины, свернутая въ четыре раза, съ остатками на ней позолоты; бронзовая четырехугольная бляха, съ тремя на ней сердцевидными гнѣздами для камней или стеколъ и остатками позолоты; полубронзовые полужелѣзные удила; двѣ полукруглыя золотыя бляхи, украшенныя чешуйчатымъ узоромъ, покрывавшія колчанъ; двѣ продолговатыя гладкія золотыя бляхи, украшавшія саадакъ; двѣ пятиугольныя золотыя бляхи, съ круглыми стеклами по срединѣ; двѣ крестообразныя бляхи, съ круглымъ стекломъ по срединѣ и четырьмя квадратными стеклами по бокамъ; двѣ узорчатыя золотыя бляшки формы полумѣсяца; три продолговатыя узорчатыя золотыя бляхи, съ красными квадратными камушками у основанія; обломокъ овальной золотой бляхи, украшенный восьмью красными камнями; покоевидная золотая бляха, украшенная четырнадцатью камушками; часть такой же бляхи, съ одиннадцатью камнями; золотая пластинка, съ пятью красными камушками; продолговатая золотая бляха, съ пятью сердцевидными гнѣздами для стеколъ; пять продолговатыхъ четырехугольныхъ золотыхъ бляшекъ, съ четырьмя камнями каждая; три золотыя бляшки той-же формы, безъ камней; восьмиугольная золотая бляшка, съ тремя камнями, бляшка такая-же безъ камней; двѣ маленькія круглыя узорчатыя золотыя бляшки; золотая шапочка гвоздика, съ камнемъ; золотая пряжка, съ серебрянымъ кольцомъ, украшенная десятью камнями, двѣ серебряныя пряжки, обтянутыя золотыми бляхами съ квадратными гнѣздами для стеколъ; золотая пряжка, съ четырьмя треугольными гнѣздами для камней; золотое кольцо отъ такой-же пряжки; двѣ маленькія бронзовыя пряжки; золотой слитокъ, съ сохранившимися частями гладкой золотой бляхи и половиною серебрянаго кольца; серебряный слитокъ, повидимому, отъ распавшейся фибулы; три слитка отъ предметовъ неизвѣстнаго значенія; обломки золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ бляхъ, различной формы и величины. Перечисленные предметы были разбросаны на вышесказанномъ пространствѣ въ совершенномъ безпорядкѣ. Признаговъ сожженія трупа на мѣстѣ его могилы не было: уголь, жженыя кости и всѣ перечисленные предметы помѣщались въ слоѣ черной земли, не имѣвшей никакихъ признаковъ обжиганія, дѣйствія огня; подъ этимъ слоемъ чернозема слѣдовалъ нерушенный материковый слой желтой глины, на которомъ тоже не было замѣчено никакихъ признаковъ дѣйствія огня. Повидимому, трупъ покойника, его лошадь, оружіе и украшения были сожжены внѣ могилы, а послѣ сожженія остатки костра собраны, разсыпаны въ неглубокой могилѣ, и прикрыты слоемъ чернозема, а по немъ слоемъ камня.

Второе сохранившееся пятно отличалось от предыдущаго только тѣмъ, что имѣло значительно большій размѣръ, заключало въ себѣ около ста аршинъ въ окружности. Устройство и содержаніе могилы было совершенно подобное устройству и содержанію могилы предыдущей. На третьей четверти отъ поверхности, открытъ въ немъ слой камня на пространствѣ около 30 арш. въ діаметрѣ, въ двѣ четверти толщиною, подъ центральною частью котораго, на пространствѣ около 10 арш. въ діаметрѣ, въ слой черной земли, имѣвшемъ три четверти толщины и лежавшемъ на материковомъ слой желтой глины, найдены разбросанными въ беспорядкѣ слѣдующіе предметы: уголь, жженыя человѣческія, лошадиныя и бараньи кости; обломки раздавленныхъ землею глинянаго и стекляннаго сосудовъ; хорошо сохранившійся желѣзный мечъ, пять четвертей длины съ надѣтою на его рукоятку шестигранною желѣзною продолговатою пластинкою; лежавшій у рукоятки предметъ неизвѣстнаго назначенія, состоящій изъ серебрянаго тѣла, обтянутаго круглою золотою пластинкою, инкрустированною десятью красными камнями, и продѣтаго нижнимъ стержнемъ въ крупную, круглую янтарную бусу; двѣнадцать треугольныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, двѣ полукруглыя золотыя бляхи, украшенныя чешуйчатымъ узоромъ, покрывавшія колчанъ; двѣ гладкія изогнутыя бляхи, украшавшія саадакъ, съ прикипѣвшими въ одной изъ нихъ частью серебрянаго кольца и продолговатою четырехугольною бляшкою, съ гнѣздами для камней; продолговатая гладкая золотая бляха, украшавшая ножны ножа; золотая гладкая бляха сложенная вдвое, украшавшая рукоятку ножа; четыре гладкія, четырехугольныя золотыя бляшки; четыре ромбовидныя гладкія золотыя; бляшки; двѣ пятиугольныя золотыя бляшки, съ круглымъ стекломъ по срединѣ; обломки крестообразной бляхи, украшенной стеклами, четверугольная продолговатая золотая бляха, украшенная шестнадцатью сердоликами; продолговатая четырехугольная золотая бляха, съ восемью квадратными гнѣздами для стеколъ; двѣ продолговатыя четырехугольныя бляшки, каждая съ тремя сердцевидными гнѣздами для стеколъ, узорчатая золотая бляшка, формы полумѣсяца; три продолговатыя узорчатыя золотыя бляхи, вродѣ наконечниковъ пояса; продолговатая четырехугольная золотая бляха, съ шестью треугольными красными камушками; два обломка бляхъ, подобныхъ предыдущей; пять продолговатыхъ, четырехугольныхъ золотыхъ бляшекъ, съ четырьмя камнями каждая; одна золотая бляшка, подобная предыдущимъ, но безъ камней; бронзовый гвоздикъ, съ золотою шапочкою и сердоликомъ на ней; четырехугольная золотая пластинка, украшенная тремя сердоликами, повидимому украшавшая электровую пряжку, при которой найдена: серебряная пряжка, обтянутая золотою бляшкою, съ квадратнымъ стекломъ, золотая пряжка, съ двумя овальными стеклами; согнутая бронзовая пластинка, около аршина длины, обтянутая золотою бляшкою; желѣзная пластинка, съ прикипѣвшими къ ней углемъ, обломками гладкой золотой бляхи и

продолговатую четырехугольную золотую бляху, съ четырьмя камнями; желѣзная пластинка, повидимому, рукоятка кинжала, съ прикипѣвшими къ ней углемъ, обломками гладкой золотой бляхи, золотую крестообразную бляху, украшенную стеклами, двумя продолговатыми золотыми бляхами, съ шестью красными камнями каждая, и массивнымъ серебрянымъ кольцомъ; наконецъ, обломки гладкихъ золотыхъ бляхъ, различной величины.

Признаковъ трупосоженія на мѣстѣ только что описанной могилы, какъ и въ предыдущихъ могилахъ, не было замѣчено; уголь, жженныя кости, оружіе, украшенія и другія предметы, во всѣхъ описанныхъ могилахъ, были найдены подъ слоемъ камня, въ слоѣ не пережженной черной земли, лежавшемъ на материковомъ слоѣ желтой глины, также не прожженномъ.

Сравнивая устройство и содержаніе древнихъ могилъ, раскопанныхъ въ окрестностяхъ Новогригорьевки, и сопоставляя ихъ съ устройствомъ и содержаніемъ кургановъ, открытыхъ въ другихъ мѣстностяхъ Приднѣпровья, мы ясно различаемъ на изслѣдованномъ пространствѣ праваго берега рѣки Конки наслоеніе древнихъ могилъ, относящихся къ четыремъ историческимъ эпохамъ.

1. Къ древнѣйшей эпохѣ относятся Безчастная могила, Безымянный большой курганъ, означенный № II, и восемь кургановъ средней и малой величины. Могилы этой эпохи отличаются такъ называемымъ утробнымъ или скорченнымъ положеніемъ покойниковъ и могильною обстановкою, состоящею только изъ предметовъ глиняныхъ, каменныхъ, костяныхъ, мѣдныхъ и различнаго цвѣта красокъ. Могилы этого вида часто встрѣчаются въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Къ нимъ принадлежать курганы, о которыхъ И. Е. Забѣляинъ, въ его статьѣ «Древняя Скиѣія въ своихъ могилахъ» говоритъ слѣдующее: бѣдность погребенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначаетъ древность могилы. Таковы, по нашему мнѣнію, всѣ могилы, отличающіяся своею величиною, но несодержащія въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ какого нибудь богатства. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія по своей древности заслуживаетъ большая могила, находившаяся вблизи селенія Бѣленькаго, на правомъ берегу Днѣпра, имѣвшая въ окружности болѣе 100 саж., а отвѣсной высоты слишкомъ 4 саж. Раскопка обнаружила въ центрѣ этого кургана гробницу, съ покойникомъ въ скорченномъ положеніи, при которомъ никакихъ вещей не было. По сторонамъ этого покойника находилось еще нѣсколько гробницъ или могилокъ, въ которыхъ также никакихъ вещей не было, за исключеніемъ костей. Только въ насыпи кургана были найдены костяное кольцо грубой работы и каменный молотокъ. «Очевидно этотъ курганъ долженъ относиться къ очень глубокой древности, когда въ запорожскія степи не приходили еще и Геродотовскія скиѣи». Къ очень отдаленной древности авторъ относитъ также раскопанный имъ курганъ Гермесову Близицу, имѣвшій въ окружности 92 саж., а отвѣсной высоты 3 саж. Въ немъ найдено нѣсколько земляныхъ гробницъ, отличавшихся очень бѣднымъ

содержаніемъ. Въ большинствѣ могилъ, кромѣ костей, не было найдено никакихъ предметовъ; только въ головахъ нѣсколькихъ покойниковъ стояли простые грубой работы горшки, иногда лежали бычачьи или бараньи кости; при двухъ лежали обыкновенныя рѣчныя раковины; у одного, возлѣ затылка, найдены: кремневое копые и острый кремешекъ, на подобіе стрѣлы; наконецъ, подлѣ костей попадалась иногда небольшіе комки глины или краски. Въ трудахъ Кіевского съѣзда археологовъ напечатано сообщеніе Г. О. Оссовскаго о раскопѣ кургана въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, у села Залужья, заключавшаго въ себѣ остатки покойника въ скорченномъ положеніи, грубый глиняный сосудъ и кремневой ножикъ. Въ моей практикѣ прежнихъ лѣтъ могилы съ остатками покойниковъ въ скорченномъ положеніи, глиняными, костяными и каменными предметами, были встрѣчены въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ Таврической губерніи, въ окрестностяхъ Евпаторіи, и на Кавказѣ, въ окрестностяхъ Пятигорска.

2. Ко второй эпохѣ относятся пять кургановъ, найденныхъ разграбленными. Предметы, оставленные древними грабителями въ могилахъ этого вида, не оставляютъ сомнѣнія въ принадлежности ихъ исторической эпохѣ, именуемой скиескою, т. е. къ первымъ столѣтіямъ до Рождества Христова. Бронзовая ваза съ костями барана, найденная въ одной изъ нихъ, совершенно соответствуетъ слѣдующему описанію бронзовыхъ котловъ или вазъ, найденныхъ въ скиескихъ могилахъ И. Е. Забѣлинымъ.

«Домашній бытъ Скиеа сосредоточивался около его котла, въ которомъ онъ варилъ свою пищу. Такіе котлы, по ихъ формѣ, мы назвали вазами. Они состоятъ собственно изъ большой кубоватой чаши на высокомъ поддонѣ или стоянцѣ вродѣ ножки. Этотъ поваренный сосудъ, какъ нельзя больше, согласовался съ степными порядками быта. Его ставили на землю, разводили подъ нимъ огонь, чему очень способствовалъ высокій стоянецъ-поддонъ котла, оставлявшій достаточно мѣста для дровъ и другаго горючаго матеріала. Найденные котлы всѣ были болѣе и менѣе сильно закованы съ нижней части и сохраняли въ себѣ лошадиныя или бараньи кости». (См. И. Е. Забѣлина «Ист. Рус. жизни», т. I, приложеніе стр. 645). Желѣзные панцири, найденные въ курганахъ этого вида, точно также вполнѣ соответствуютъ скиескимъ панцирямъ, найденнымъ въ Черномлыцкомъ курганѣ. «Нѣкоторые скиеи носили и броню, состоявшую изъ желѣзныхъ квадратныхъ или продолговатыхъ пластинокъ величиною около вершка, со скважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ эти пластинки нашивались на особую сорочку или кафтанъ такимъ способомъ, что они покрывали другъ друга и составляли какъ-бы желѣзную чешую на одеждѣ. Быть можетъ, такая скрѣпа пластинокъ устраивалась и посредствомъ желѣзной проволоки и вся броня такимъ образомъ составляла желѣзную сорочку». (Тамъ-же, стр. 644). Столько же сходны съ могильною обстановкою скиеовъ и всѣ

другіе предметы, найденные въ сказанныхъ курганахъ, до ста мелкихъ бронзовыхъ треугольныхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовая воронка, обломки золотыхъ узорчатыхъ бляхъ, а равно и погребеніе вмѣстѣ съ покойникомъ его лошади.

3. Труднѣе опредѣлить эпоху могилъ съ остатками трупосоженія. По способу похоронъ, онѣ существенно отличаются отъ могилъ скиѣской эпохи и болѣе сходны съ могилами славянской эпохи, заключающими въ себѣ кострища съ остатками сожженныхъ покойниковъ, открытыми въ Черниговской и Кіевской губерніяхъ. Украшеній, представляющихъ собою бронзовыя или серебряныя пластинки, различной формы и величины, обтянутыя золотыми бляхами, съ выдавленными на нихъ несложными узорами, камнями и стекломъ, не приходилось встрѣчать мнѣ въ практикѣ раскопокъ предыдущихъ лѣтъ. Нѣкоторые предметы, напримѣръ, круглыя золотыя бляхи съ изображеніемъ медузиной головы, желѣзный мундштукъ, два треугольныхъ бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, терракотовая амфора, крупная стеклянная глазированная буса, полубронзовыя-полужелѣзныя удила, совершенно сходны съ предметами изъ могилъ скиѣской эпохи. Нѣкоторые предметы, напримѣръ, длинные желѣзные мечи, узорчатыя бронзовыя бляхи, золотыя бляхи формы полумѣсяца и др., очень сходны съ предметами изъ могилъ славянской эпохи. Повидимому, могилы съ остатками трупосоженія, открытыя въ окрестностяхъ Новогригорьевки, должны быть отнесены ко времени господства сарматовъ въ области Приднѣпровья, въ переходному времени отъ скиѣской эпохи къ эпохѣ славянской.

4. Время могилъ четвертаго вида опредѣляется монетами, найденными въ нынѣшнемъ году при пробныхъ раскопкахъ, произведенныхъ А. А. Карцовой въ Новомосковскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Вороной. Здѣсь сохранилось около 150 кургановъ насыпей, расположенныхъ въ двухъ группахъ, изъ которыхъ одна называется Рясною, а другая Яцовой. Подъ курганами открыты могилы, по устройству и содержанію, совершенно сходныя съ могилами новѣйшаго происхожденія, открытыми въ курганахъ окрестностей Новогригорьевки. Въ одномъ изъ рясныхъ кургановъ, раскопанномъ А. А. Карцовой, въ боковомъ поддонѣ могилы, вырытой въ материкъ на глубину 2-хъ аршинъ, при мужскомъ остовѣ, кромѣ желѣзныхъ гвоздей, стремянъ, удила, пряжекъ, ножа, наконечниковъ стрѣлъ и огнива, найдены двѣ монеты, по опредѣленію В. Г. Тизенгаузена, — золотоордынскія хана Узбека. Въ другомъ курганѣ, раскопанномъ также А. А. Карцовой, по устройству и содержанію, подобномъ предыдущему, найдена монета хана Джанибека. Въ одной изъ могилъ, раскопанныхъ мною въ группѣ рясныхъ кургановъ, при костяхъ разбросаннаго женскаго остова, найдены слѣдующіе предметы: обломки окисшихъ желѣзныхъ ножницъ (для стрижки овецъ), обдѣланная въ золото подвѣска изъ композиціи, двѣ зо-

лотыя пластинки, золотая пуговка, 10 бронзовыхъ проволокъ, съ мелкими на нихъ стеклянными бусами, бусы различной формы и различного состава и золотой продолговатый предметъ, вродѣ коробочки, съ восточною надписью на концахъ. Слѣдовательно, могилы открытыя въ окрестностяхъ Вороной, по монетамъ въ нихъ найденнымъ, относятся ко времени господства татаръ въ южныхъ степяхъ Россіи. Къ той-же эпохѣ должны быть отнесены и могилы четвертаго типа, открытыя въ окрестностяхъ Новогригорьевки, какъ совершенно сходныя, по устройству и содержанію, съ ясными могилами, открытыми въ окрестностяхъ Вороной.

Д. Я. Самоквасовъ.

Къ вопросу о типахъ фибулъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи.

Н. А. Бранденбурга.

о 2 таблицахъ.

Въ пунктѣ 5-мъ программы настоящаго съѣзда, по древностямъ первобытнымъ, значится: *«Какіе типы фибулъ встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи и Кавказа и можно-ли сдѣлать какіе либо выводы по отношенію къ распредѣленію по могиламъ различныхъ эпохъ и мѣстностей?»*.

Вопросъ этотъ существенно важенъ, потому что многіе типы упоминаемыхъ фибулъ представляютъ вполне ясныя особенности, указывающія на ихъ иноземное происхожденіе, и такимъ образомъ независимо отъ своего болѣе тѣснаго этнографическаго интереса, какъ извѣстныхъ предметовъ бытовой обстановки, географическое распространеніе подобныхъ фибулъ въ древней доисторической Руси можетъ служить новой руководящей нитью въ изученіи торговыхъ путей нашихъ предковъ въ курганномъ періодѣ.

Поэтому было бы крайне любопытно исчерпать вполне поставленный вопросъ; къ сожалѣнію, объемъ выработанныхъ уже въ этомъ отношеніи археологическихъ данныхъ далеко еще не на столько полонъ, чтобы на основаніи ихъ можно было придти къ точнымъ научнымъ выводамъ, вслѣдствіе чего едва ли не будетъ преждевременнымъ стремиться уже теперь къ полному разрѣшенію поставленной программой съѣзда задачи, не рискуя стать на почву заключеній болѣе или менѣе произвольныхъ.

Въ виду этого я позволю себѣ счесть болѣе существеннымъ ограничиться лишь частью поставленнаго вопроса, т. е. воспользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы лишь пополнить имѣющійся уже по отношенію къ фибуламъ археологическій матеріалъ тѣми новыми данными, которые мнѣ удалось добыть при своихъ курганныхъ раскопкахъ въ южномъ Приладожьѣ и сдѣлать о нихъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Типы фибулъ, встрѣченныхъ на низовьяхъ рѣкъ Паши, Воронеги и Сяси, представляютъ слѣдующія категоріи:

1) Фибулы, такъ называемыя скорлупообразныя, или чашеобразныя (таб. 1, рис. 1, 2, 3 и 4, таб. 2), въ видѣ большихъ бронзовыхъ полуэллипсоидовъ, соединенныхъ попарно длинной цѣпочкой въ экземплярахъ наилучше сохранившихся, или съ болѣе или менѣе явственными слѣдами и остатками подобнаго-же соединенія въ экземплярахъ сохранившихся хуже.

Въ конструктивномъ отношеніи типъ этотъ представляетъ три существенныя разновидности:

а) Фибулы составныя (рис. 1), изъ овальной получашки, съ таковой же прорѣзной или ажурной накладкой на лицевой сторонѣ; на накладкѣ пять или девять характерныхъ конусообразныхъ выступовъ.

б) Фибулы сплошныя (рис. 2 и 4), т. е. безъ накладки, но съ тѣми-же характерными выступами на лицевой сторонѣ; послѣдняя украшена чеканнымъ или рѣзнымъ орнаментомъ.

и в) Фибулы сплошныя-же (рис. 3), по совершенно инаго характера, безъ выступовъ на лицевой сторонѣ, упрощенной весьма типичнымъ выдавленнымъ орнаментомъ.

Первый изъ упомянутыхъ видовъ, т. е. фибулы составныя, встрѣчался сравнительно наиболѣе, причемъ величина найденныхъ экземпляровъ была всегда одинакова (4, 5 д. \times 3 д.) и орнаментъ на нихъ весьма сходенъ. Почти во всѣхъ случаяхъ онѣ встрѣчены въ могилахъ съ трупосожженіемъ и только одинъ разъ при костякѣ погребенномъ обыкновеннымъ образомъ; въ могилахъ оказывались онѣ всегда парами.

Второй видъ, т. е. сплошныя безъ накладокъ, встрѣченъ гораздо рѣже и равнымъ образомъ только одинъ разъ при костякѣ погребенномъ, въ прочихъ же случаяхъ могилы были съ трупосожженіемъ; по величинѣ своей могутъ быть раздѣлены на большія, среднія и малыя и бывали находимы какъ по одной, такъ и попарно, соединенными цѣпью.

Наконецъ третій видъ тѣхъ-же скорлупообразныхъ фибулъ, т. е. безъ накладокъ но и безъ выступовъ, встрѣченъ всего только одинъ разъ; могила была также съ трупосожженіемъ и упоминаемыхъ фибулъ въ ней оказалось два экземпляра.

Теперь остановимся нѣсколько на тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя неволью вызываются какъ характеристикой внѣшняго вида упомянутыхъ образцовъ, такъ и высказанными о нихъ въ литературѣ соображеніями.

Въ общей своей совокупности описанный типъ скорлупообразныхъ фибулъ имѣетъ въ нашемъ отечествѣ довольно широкое географическое распространеніе, констатируемое находками этихъ фибулъ въ сѣверной половинѣ Россіи. Такъ, кромѣ южнаго Приладожья, онѣ были найдены во Владимірской и

Ярославской губерніяхъ въ могилахъ древнихъ мерянъ; затѣмъ двѣ отдѣльныя находки ихъ сдѣланы близъ Смоленска и въ Динабургѣ; еще западнѣе онѣ встрѣчены въ Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи и на Аландскихъ островахъ, и наконецъ на сѣверѣ—въ Финляндіи. Дальнѣйшее развитіе археологическихъ изысканій, безъ сомнѣнія, болѣе точно опредѣлитъ тѣсную связь перечисленныхъ пунктовъ мѣстонахожденій съ тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя же фибулы точно также встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Шотландіи и Ирландіи, но пока въ наукѣ господствуетъ еще положеніе, что скорлупообразныя фибулы вообще принадлежать къ издѣліямъ скандинавскимъ и такимъ образомъ шли въ древнюю Русь именно съ запада.

Положеніе это, однако, покоится на едва-ли вполне прочныхъ основаніяхъ, такъ какъ понемногу обнаруживаются факты, могущіе невольнo вызывать сомнѣніе, или по крайней мѣрѣ не вполне, объясняемые именно скандинавскимъ происхожденіемъ упоминаемыхъ фибулъ вообще.

Такъ, во первыхъ, мы уже видѣли, что самый типъ скорлупообразныхъ фибулъ представляетъ три существенно отличныя разновидности, которыя едва-ли рационально смѣшивать между собою, по причинѣ присущихъ имъ своеобразностей. Въ этомъ отношеніи невольнo бросается въ глаза все рѣзкое различіе, представляемое напр. фибулами составными, имѣющими ажурную накладку, и фибулами сплошными безъ коническихъ выступовъ, украшенными выбивнымъ орнаментомъ. Различіе это полное не только въ орнаментации, но и въ техническихъ приемахъ выдѣлки, ибо первыя изъ нихъ изготовлены путемъ отливки, послѣднія-же, повидимому, штампованіемъ. Орнаментъ, украшающій эти послѣднія, совершенно своеобразенъ и дѣйствительно повторяется въ тѣхъ-же тождественныхъ формахъ на нѣкоторыхъ образцахъ фибулъ, найденныхъ въ Даніи, но онѣ не имѣютъ въ то-же время ничего общаго съ орнаментацией на фибулахъ съ ажурной накладкой, слѣдовательно, уже прямо рождается поводъ заподозрить несомнѣнность приурочиванія ихъ къ одному общему источнику производства. Въ этомъ направленіи можно даже сдѣлать еще шагъ далѣе, именно, что подобное же рѣзкое различіе между упоминаемыми фибулами замѣчается и въ химическомъ составѣ матеріала, изъ котораго онѣ приготовлены; въ современной археологической литературѣ было высказано, что скорлупообразныя фибулы выливались изъ особаго рода мѣди, которую находятъ только въ Скандинавіи, химическій-же анализъ бронзъ тѣхъ и другихъ фибулъ, сдѣланный въ петербургскомъ археологическомъ обществѣ, показалъ между ними большое различіе. По анализу въ нихъ общей чертой оказалось только ничтожное содержаніе олова, но во первыхъ это-же самое замѣчено и во многихъ другихъ курганныхъ издѣліяхъ, найденныхъ въ Приладожьѣ, не имѣющихъ, однако, отношенія къ Скандинавіи, а во вторыхъ въ остальномъ сплавъ упоминаемыхъ фибулъ существенно различенъ, а именно представляетъ большое содержаніе цинка (болѣе

24%) въ фибулѣ штампованной (безъ накладки), при почти абсолютномъ отсутствіи въ сплавѣ свинца, а въ фибулахъ съ ажурной накладкой наоборотъ — малое количество цинка (отъ 3—9%), при ощутительномъ присутствіи свинца. Отсюда вытекаетъ весьма вѣроятное заключеніе, что между тѣмъ и другимъ видомъ скорлупообразныхъ фибулъ едва-ли можетъ быть что общее, — заключеніе, которое можетъ находить себѣ опору и въ упомянутомъ выше положеніи объ исключительномъ составѣ сплава разбираемыхъ фибулъ, если это положеніе вполнѣ вѣрно, и такимъ образомъ получается еще поводъ къ сомнѣнію въ общности ихъ скандинавскаго происхожденія.

Далѣе, нельзя не обратить вниманія, что сличая внимательно орнаментацию тѣхъ-же чашеобразныхъ фибулъ, украшенныхъ прорѣзными накладками, съ изданными образцами подобныхъ-же украшеній, найденныхъ въ самой Даніи, мы видимъ между ними существенную разницу: датскіе образцы въ своей орнаментации заключаютъ именно тѣ характерныя особенности (какъ напримѣръ человѣческія личины, изображенія животныхъ въ разныхъ фантастическихъ формахъ, маски, изображенія фантастическихъ драконовъ, змѣй и т. п.), которыя такъ свойственны скандинавскому стилю, на образцахъ-же найденныхъ въ Россіи этого далеко не замѣчается. Послѣдніе представляютъ лишь подобіе общей своей формы скандинавскимъ, не болѣе, но это легко можетъ объясняться однимъ простымъ подражаніемъ извѣстнымъ образцамъ, занесеннымъ съ запада, и не даетъ еще положительнаго основанія принимать всѣ находимые въ нашемъ отечествѣ экземпляры скорлупообразныхъ фибулъ за непосредственныя произведенія скандинавскаго сѣвера, точно также какъ напр. тѣ грубыя подражанія восточнымъ и западнымъ монетамъ, которыя попадаются въ языческихъ могилахъ X—XI в. финскихъ народностей, не даютъ еще основанія считать эти поддѣлки за произведенія соответственныхъ странъ, а легко могутъ представлять свои-же мѣстныя, домашнія издѣлія. Нельзя пройти молчаніемъ и еще одного обстоятельства, представляющаго также свой интересъ, но остающагося еще совершенно не разъясненнымъ: это фактъ полного отсутствія скорлупообразныхъ фибулъ въ землѣ древней Вотн. Здѣсь въ предѣлахъ Вотской пятины древняго Новгорода изслѣдовано уже нѣсколько тысячъ кургановъ, относящихся къ той-же эпохѣ какъ приволжскіе и мерянскіе, но ни одного случая находки упоминаемыхъ фибулъ сдѣлано не было! Обстоятельство это заслуживаетъ полного вниманія, если принять въ соображеніе географическое положеніе Вотской пятины, занимающей пространство между Финскимъ заливомъ, Невою и Волховомъ, т. е. такую мѣстность, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которой на востокъ и на западъ находки скорлупообразныхъ фибулъ довольно обыкновенны. Съ точки зрѣнія происхожденія этихъ фибулъ какъ предметовъ скандинавскаго издѣлія, становится неяснымъ, почему-же слѣды ввоза этихъ предметовъ, найденные на Зап. Двинѣ, найденные въ губерніяхъ при-

балтійскихъ и затѣмъ на водяныхъ путяхъ изъ юго-восточнаго угла Ладожскаго озера (р. Сясь и Паша), почему эти-же предметы обходили землю Вотовъ, точно также прилегавшую къ побережью Финскаго залива, и къ берегамъ Невы и Волхова, т. е. къ такимъ водянымъ путямъ, по которымъ безъ сомнѣнія должна была направляться торговля съ варягами. Между тѣмъ, повторяемъ, ни въ землѣ Вотовъ, ни на Волховѣ, ни на Ловати, археологическія раскопки не обнаружили находокъ скорлупообразныхъ фибулъ, а послѣднія оказываются гораздо восточнѣе, на водяныхъ путяхъ изъ середины Новгородской губерніи!

Всѣ изложенныя обстоятельства въ своей совокупности заставляютъ съ крайней осторожностью относиться къ разбираемому вопросу и, кажется, будетъ болѣе рациональнымъ выдѣлить изъ общаго вида скорлупообразныхъ фибулъ только тѣ образцы, которые носятъ на себѣ несомнѣнныя типичныя черты скандинавской орнаментаціи, — т. е. именно фибулы безъ накладокъ, штампованныя (рис. 3); эти фибулы не позволяютъ сомнѣваться въ ихъ происхожденіи и дѣйствительно должны быть привезены скандинавами, что-же касается до прочихъ, то родина ихъ представляетъ еще вопросъ, допускающій различныя болѣе или менѣе вѣроятныя догадки, но и только.

Говоря о фибулахъ этого типа, я не могу не указать еще на то сближеніе, которое можно сдѣлать съ ними по поводу извѣстнаго разсказа арабскаго писателя X вѣка о нарядѣ видѣнныхъ имъ на берегахъ Волги руссовъ.

Ибнъ-Фодланъ передаетъ, что у руссовъ каждая женщина имѣетъ на груди прирѣпленную коробочку, на которой имѣется кольцо и на послѣднемъ ножицъ. На одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій съѣзда, графомъ Уваровымъ была сдѣлана попытка объяснить значеніе и видъ этой коробочки, причемъ была проведена параллель послѣдней съ нѣсколькими аналогичнымъ украшеніемъ въ томъ-же родѣ, употреблявшимся мордвою, а также по замѣчанію проф. Висковатаго—и нѣкоторыми изъ эстовъ. Объясненіе это важно именно, какъ могущее дать намекъ на неизвѣстную національность тѣхъ руссовъ, которыхъ въ X вѣкѣ видѣлъ вышеупомянутый посолъ халифа Муктадира.

Но невозможно-ли, однако, сдѣлать еще другое аналогичное-же сближеніе?

Дѣло въ томъ, что въ числѣ разныхъ предположеній по поводу упомянутой національности Ибнъ-Фодлановскихъ руссовъ, было также высказываемо, что этими руссами легко могли быть тѣ меряне, которые вели торгъ по Волгѣ между прочимъ и съ булгарами. Быть этой древней мери изложено въ извѣстномъ всѣмъ сочиненіи графа Уварова и мы знаемъ что у мерянскихъ женщинъ находились въ употребленіи между другими видами фибулъ также и скорлупообразныя, образцы которыхъ добыты курганными раскопками.

Эти мерянскія фибулы въ общихъ своихъ чертахъ ни чѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить выше; онѣ такой же чашеобразной формы, которую одинаково близко можно назвать и корбчатой,

следовательно, легко быть может, что пресловутыя коробочки, видѣнные Ибнъ-Фодланомъ на женахъ руссовъ суть не болѣе какъ именно тѣ-же скорлупообразныя фибулы, о которыхъ уже говорено выше. Къ подобнымъ фибуламъ нерѣдко присоединялись цѣпочки, на которыхъ подвѣшивались различные предметы, точно также и Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что къ видѣннымъ имъ коробочкамъ прикрѣплялся на кольцо ножики. Все это настолько аналогично между собою, принимая во вниманіе и ту весьма нерѣдкую запутанность древнихъ текстовъ, которая встрѣчается у арабскихъ писателей (между прочимъ, и у Ибнъ-Фодлана), что предполагаемая мною тождественность загадочнаго украшенія руссовъ съ скорлупообразной фибулой получаетъ свое вѣроятіе, неуступающее, по крайней мѣрѣ, вѣроятію сближенія той-же Ибнъ-Фодлановской «коробочки» съ демонстрированнымъ въ одно изъ прошедшихъ засѣданій мордовскимъ украшеніемъ въ видѣ круглой бляхи съ откидной дверцей.

Прошу извинить за это невольное отступленіе и возвращаюсь къ предмету моего изложенія.

Второй типъ фибулъ, встрѣченный лишь на низовьяхъ р. Паши, можно назвать круглыми щитообразными (рис. 5, 6); онѣ всѣ одной величины (около $2\frac{3}{4}$ д. въ діаметрѣ), въ видѣ бронзоваго слегка выпуклаго кружка, съ конусообразнымъ выступомъ въ центрѣ, но въ конструктивномъ отношеніи также представляютъ двѣ существенныя разновидности: а) составныя и б) сплошныя.

Первый видъ (рис. 5) состоитъ изъ бронзовой исподней оболочки, съ прорѣзной накладкой на лицевой сторонѣ, орнаментированной совершенно аналогично съ подобными же накладками на вышеупомянутыхъ фибулахъ скорлупообразныхъ, съ которыми онѣ такимъ образомъ являются въ полномъ соотвѣтствіи. Находки ихъ бывали какъ въ курганахъ съ погребеніемъ, такъ и съ трупосожженіемъ, но во всѣхъ случаяхъ оказывались поодиночкѣ, причемъ любопытно замѣтить, что всегда имъ сопутствовали и фибулы скорлупообразныя. Кромѣ низовьевъ р. Паши, онѣ, судя по изданнымъ описаніямъ, бывали найдены въ курганахъ мерянскихъ, въ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ.

Что касается до другаго ихъ вида (рис. 6), т. е. щитообразныхъ, сплошныхъ (безъ накладокъ), то онѣ были встрѣчены лишь однажды и курганъ былъ съ трупосожженіемъ. Видъ этотъ также повторяется въ довольно близкой орнаментациіи и у мерянъ, а въ основной своей формѣ, хотя и встрѣчается между образцами датскихъ фибулъ, но орнаментъ послѣднихъ съ ними ничего общаго не имѣетъ, такъ что трудно дѣлать здѣсь и какое либо сближеніе.

Еще одинъ экземпляръ щитообразныхъ, сплошныхъ фибулъ (рис. 7), встрѣченный также лишь одинъ разъ (въ курганѣ съ трупосожженіемъ), представляетъ исключеніе по своимъ малымъ размѣрамъ (ок. 1 д. въ діаметрѣ), но въ характерѣ своихъ украшеній онъ также рѣзко отличается отъ подобныхъ же образцовъ найденныхъ въ Даніи, представляя, однако, полную аналогію въ

орнаментаци съ таковыми-же экземплярами, найденными на Аландскихъ островахъ. Въ курганѣ вмѣстѣ съ нимъ оказалась и фибула скорлупообразная.

Общее замѣчаніе относительно щитообразныхъ фибулъ первыхъ двухъ видовъ можно сдѣлать то-же самое, что и о фибулахъ скорлупообразныхъ, такъ какъ и о нихъ въ археологической литературѣ было высказано мнѣніе, какъ о предметахъ, привозившихся изъ Скандинавіи. Приходится, однако, повторить, что подобное положеніе не можетъ быть обобщаемо въ широкомъ смыслѣ, въ силу существенныхъ отличій въ характерѣ орнаментаци, замѣчаемыхъ на подобныхъ фибулахъ; имѣются экземпляры дѣйствительно съ типическими чертами скандинавскаго стиля (напр. украшенные личинами, или масками), но имѣются и такіе, въ которыхъ можно видѣть лишь повтореніе идеи основной формы, не дающей неопровержимаго права на приведенное мнѣніе объ ихъ происхожденіи. Замѣтимъ кстати, что и этихъ фибулъ, подобно скорлупообразнымъ, не встрѣчено ни одной во всей массѣ раскопанныхъ кургановъ Вотской пятины, а равно не встрѣчаемъ ихъ и въ изданномъ археологическомъ матеріалѣ кургановъ прибалтійскихъ губерній, что въ указываемомъ отношеніи должно также имѣть свое значеніе.

Третій типъ фибулъ въ южномъ Приладожьѣ, встрѣченный въ двухъ образцахъ (рис. 8, 9), можетъ быть названъ брошкообразными, но какъ онъ, такъ и остальные нижеприведенные, представляютъ уже находки единичныя, встрѣченныя лишь по одному разу. Оба образца, впрочемъ, сближаются только въ общей формѣ своей конструкціи, представляя застежку въ родѣ продолговатой брошки, но притомъ рисунка въ каждой изъ нихъ совершенно своеобразнаго. Тѣмъ не менѣе оба имѣютъ себѣ подобныхъ-же, даже почти тождественныхъ представителей, въ мѣстностяхъ весьма другъ отъ друга удаленныхъ. Одинъ изъ нихъ, снабженный характерными треугольными подвѣсками (рис. 8), повторяется въ курганныхъ находкахъ области мерянь, другой-же (рис. 9) встрѣчается въ древностяхъ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ. О послѣднемъ можно еще замѣтить, что онъ, будучи найденъ на низовьяхъ Паши въ курганѣ съ трупосожженіемъ, былъ соединенъ цѣпочкой съ скорлупообразной фибулой, носившей на себѣ характерныя черты скандинавской орнаментаци.

Наконецъ еще два послѣднихъ типа, найденные вмѣстѣ въ одномъ и томъ-же курганѣ (на р. Пашѣ) съ костякомъ, погребеннымъ обыкновеннымъ образомъ, суть также образцы совершенно своеобразныя. Одинъ изъ нихъ даже вполне исключительный, такъ какъ представляетъ типъ новый, не встрѣчаемый ни у мерянь, ни въ прибалтійскихъ губерніяхъ, ни въ Даніи; это серебряная фибула (рис. 10) имѣющая полное подобіе плоскаго колеса (діам. 2 дюйма), почему и самый типъ ихъ можно назвать колесообразнымъ.

Что-же касается до другаго, то онъ имѣетъ форму равносторонняго треугольника, съ закругленными углами и вогнутыми сторонами (рис. 11),

лицевая поверхность котораго украшена орнаментомъ и позолотой. Фибулы этого послѣдняго типа повторяются у мерянъ, при орнаментировкѣ почти тождественной, также и въ Даніи, но въ послѣднемъ случаѣ характеръ орнамента является совершенно иной, не имѣющій ничего общаго съ экземплярами приладожскими и мерянскими, такъ что между ними остается только общность ихъ наружнаго очертанія, не болѣе.

Изложенными фактами находокъ фибулъ въ южномъ Приладожьѣ исчерпывается почти все, что я имѣлъ въ виду сообщить въ настоящемъ случаѣ. Говорю, однако, почти все, потому, что кромѣ вышеописанныхъ образцовъ въ Приладожьѣ было встрѣчено еще множество вариантовъ тѣхъ кольцеобразныхъ и подковообразныхъ пряжекъ (рис. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21), которыя представляютъ находки весьма обыкновенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Эти пряжки встрѣчены въ несравненно большемъ количествѣ, нежели типы вышеописанные, и притомъ изготовленными изъ разнородныхъ матеріаловъ, но чаще всего попадались бронзовыя, а гораздо рѣже желѣзныя и серебряныя. Изъ числа найденныхъ экземпляровъ весьма любопытна бронзовая подковообразная фибула (рис. 20), до 4 дюймовъ въ діаметрѣ, имѣющая серебряную напайку, по всей своей лицевой поверхности; очень характерны также экземпляры подковообразныхъ фибулъ, украшенные тонкими, довольно длинными цилиндрическими шипами на своихъ конечныхъ и срединныхъ утолщеніяхъ (рис. 13). Большинство упоминаемыхъ пряжекъ имѣютъ размѣры весьма небольшіе, причѣмъ о нихъ въ литературѣ высказано мнѣніе какъ о предметахъ происхожденія восточнаго; однако, съ этимъ безусловно согласиться едва ли можно, такъ какъ, напр. подобныя-же кольцеобразныя пряжки и до нашихъ дней можно встрѣтить въ употребленіи между финскимъ населеніемъ Петербургской губерніи; такъ, напр. въ финской деревнѣ Порогахъ, на правомъ берегу Невы, верстахъ въ 50-ти отъ Петербурга, крестьяне и крестьянки до сихъ поръ застегиваютъ воротъ рубашки плоскими кольцеобразными пряжками, величиной около двугривеннаго. Пряжки эти по своей формѣ настолько близки къ нѣкоторымъ видамъ фибулъ, добытыхъ при курганныхъ раскопкахъ въ Приладожьѣ (рис. 16), что легко могутъ быть приняты однѣ за другія и, какъ оказалось изъ распросовъ, приобрѣтаются крестьянами изъ мѣстной деревни Колтышей, откуда ихъ привозятъ для продажи. Въ русскихъ деревняхъ на противоположномъ берегу Невы, пряжекъ этихъ, однако, не употребляютъ, такъ что онѣ являются продуктомъ непосредственно финской культуры и, болѣе чѣмъ вѣроятно, составляли издавна самостоятельныя-же издѣлія финской народности.

Н. Бранденбургъ.

Археологическія разслѣдованія на островѣ Березани.

Р. А. Пренделл.

Островъ Березань лежитъ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ на $49^{\circ}, 16'$ вост. долг. и $46^{\circ}, 36'$ с. ш. и по своимъ очертаніямъ напоминаетъ очертанія береговъ Африки. Сѣверная, болѣе расширенная часть его (около 200 саж.) вытянута въ одно мѣстѣ въ косу, которая, судя по направленію отмели, тянущейся отъ этой косы къ Аджіаскому берегу, соединилась нѣкогда съ косой, выступающей къ востоку отъ с. Аджіаскъ. Посрединѣ островъ имѣетъ наименьшую ширину (около 100 саж.), такъ какъ въ этомъ мѣстѣ въ него вдаются двѣ бухты: съ запада болѣе большая и съ востока меньшая. Къ югу островъ постепенно суживается и у южной оконечности его выступаетъ на поверхность отдѣльная скала и два подводныхъ камня, отторгнутые отъ самаго острова въ сравнительно не особенно отдаленномъ прошедшемъ. Вокругъ острова на довольно большомъ пространствѣ находится широкая мелъ (глубина 2—6 фут.). Поверхность острова имѣетъ уклонъ къ СВ и пересѣкается въ нѣсколькихъ мѣстахъ траншеями и крѣпостными валами.

Въ сѣверной половинѣ замѣчается нѣсколько (6) кургановъ, повидимому, уже разрытыхъ. Въ сѣверной же части находится могила французскаго лейтенанта, утонувшаго у береговъ о. Березани при рекогносцировкѣ этого острова во время войны 1855 года. Надъ могилою лежитъ плита изъ мѣстнаго известняка съ надписью:

C. M. J. de Flotte

Lieut. de Vaisseau.

Mai 1. 1855.

Слѣды земляныхъ укрѣпленій (французскихъ?) видны на сѣверо-восточномъ берегу (два замкнутыхъ укрѣпленія соединенныхъ рвомъ) и въ южной части (гдѣ онѣ представляются въ видѣ треугольнаго вала съ замкнутымъ укрѣпленіемъ на сѣверной сторонѣ этого треугольника). Внутри южнаго укрѣпленія находятся два засыпанныхъ колодца. На юго-восточномъ берегу у уровня моря

Объясненіе знаковъ.

- Кухонныя остатки.
- ☉ Курганы
- ⋈ Место, гдѣ росла груша
- Развалины крепост. стѣны
- † Могила французск. лейтенанта
- ⊞ Слѣды земляныхъ укрѣпленій
- Заброшенныя колодези
- Место напиль. растѣль

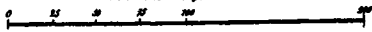

КАРТА

Озѣ БЕРЕЗАНИ

(Компасная съемка 1884 г.)

МАСШТАБЪ
100 сажъ въ дюймѣ

Лит. А. С. Угрюмовъ, Спбск.

замѣтны развалины крѣпостныхъ стѣнъ. Немного сѣвернѣе южнаго укрѣпленія указываютъ мѣсто, гдѣ еще сравнительно недавно росло дерево (груша). Я считаю нужнымъ упомянуть объ этомъ обстоятельстве, въ виду того, что въ статьѣ г. Бруна объ островѣ Березани (о. св. Евсерія), *) приведена выписка изъ Житія Святыхъ, въ которой между прочимъ говорится: «идѣ-же погребше его (Св. Евсерія) вѣрши, поставивша на гробъ его столпъ и дрѣвеса высокія тамо израстоша, показывающая издавеча гробъ Святаго». Мѣсто же, гдѣ росла груша, есть единственное мѣсто, гдѣ старожилы помнятъ древесную растительность на о. Березани, покрытаго исключительно травой.

Крутые берега острова имѣютъ наибольшую высоту въ южной и юго-западной части его, — наименьшую въ сѣверо-восточной, гдѣ и находится мѣсто наиболѣе удобное для приставанія шлюпокъ. Исслѣдованіе береговъ показало, что въ составъ этого острова входятъ (считая отъ горизонта моря): третичные раковинные известняки (Одесскій известнякъ), падающіе на NO и кроющіеся желтоватымъ пескомъ. На этихъ породахъ лежитъ въ сѣверной части рыхлая сѣрватая земля, перемѣшанная съ золою, углемъ, черепками глиняной посуды и перегруженная раковинами съѣдобныхъ моллюсковъ *Mytilus latus* и *Cardium edule*. Въ этомъ же отложеніи встрѣчаются кости быка, свиньи, овцы, разныхъ рыбъ и птицъ. Кости, содержащія полости, по большей части разломаны. Толщина этого отложенія въ сѣверной части отъ 1—2 саж.; по направленію къ югу оно постепенно утончается и наконецъ совершенно исчезаетъ. Въ южной части на желтоватомъ пескѣ лежитъ красная глина съ большимъ количествомъ известковыхъ стяженій (бѣлоглазка), а выше лёсъсъ. Имѣя въ виду цѣль моей командировки — отысканіе слѣдовъ пребыванія на этомъ островѣ челоуѣка доисторической эпохи (предположеніе, высказанное Барботъ де-Марни, въ его «Геологическомъ очеркѣ Херсонской губерніи»), я въ сообществѣ съ г. Видгальмомъ начали раскопки въ слояхъ вышеупомянутыхъ скопленій кухонныхъ остатковъ.

Раскопки начаты были на западномъ берегу, гдѣ, при изслѣдованіи береговыхъ обнаженій, нами были усмотрѣны торчащія изъ земли части челоуѣческихъ скелетовъ. Раскопки велись въ этомъ мѣстѣ траншеей отъ берега внутрь острова. Направленіе траншей WNW на OSO h 7. Мѣсто раскопокъ лежитъ къ WNW отъ могилы французскаго лейтенанта de Flotte саженьяхъ въ 75. Одинъ конецъ траншей приходился на самомъ краю берега, а другой упирался въ близъ лежащій курганъ. Снимая слой за слоемъ землю, мы на глубинѣ приблизительно 1 метра встрѣтили отдѣльные необтесанные камни, лежавшіе особнякомъ по направленію траншей. (NW—SO).

Глубже лежалъ обыкновенно темный слой земли, заключавшій массу золы, обугленныхъ костей и куски древеснаго угля. Въ этомъ слой или по сосѣдству

*) См. Ф. Брунъ : Черноморье, 1879, ч. I, стр. 16.

съ нимъ находились обыкновенно или цѣльные кувшинчики, слезницы или большіе черепки и отдѣльныя части изломанныхъ кувшиновъ и урнъ. Кувшины и урны заключали золу и обугленные кости животныхъ. Впрочемъ, въ одномъ глиняномъ изломанномъ сосудѣ, имѣющемъ форму большаго чапа (вѣрнѣе, форму малороссійской посуды, носящей названіе «макотры») заключались сильно вывѣтрившіяся кости дѣтскаго скелета. Ниже слоя золы въ разныхъ горизонтахъ и въ разныхъ положеніяхъ относительно странъ свѣта найдены нами нѣсколько человѣческихъ скелетовъ, кости которыхъ вслѣдствіе ихъ рыхлости не могли быть извлечены цѣльными. Подъ черепомъ одного изъ этихъ скелетовъ, лежавшаго лицомъ на NO, найдена монета (obolus), въ ногахъ же его лежала большая урна съ золою. Подробно осматривая каждый черепокъ, мы не могли найти ни на обломкахъ кувшиновъ, ни на ручкахъ послѣднихъ никакихъ надписей. Судя по этимъ черепкамъ и ручкамъ, самые кувшины должны были быть весьма разнообразной формы. На одномъ горлышкѣ было изображено три кружка, расположеннымъ такимъ образомъ °°. Нѣкоторые черепки покрыты глазурью и разрисованы. На двухъ слезницахъ, найденныхъ нами, довольно хорошо сохранились рисунки фигуръ. Никакихъ металлическихъ украшеній при скелетахъ не оказалось.

При предварительномъ изслѣдованіи мѣстности, немного влѣво отъ начала траншеи, найдены кости ребенка и вмѣстѣ съ ними, въ отброшенной землѣ, находились отдѣльныя янтарныя бусы, составлявшія, повидимому, ожерелье.

Углубивъ траншею до слоя песка и сдѣлавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперечныя канавы, *) мы не найдя чего либо, что бы указывало на существованіе здѣсь признаковъ доисторической культуры, перешли на восточный берегъ острова.

Произведенныя здѣсь въ двухъ мѣстахъ раскопки не привели къ желаемымъ результатамъ. Между тщательно осматриваемыми и просѣваемыми обломками раковинъ, костей, угля и черепковъ, найдены въ верхнихъ слояхъ двѣ монеты временъ Егатерины, желѣзные болты и гвозди ниже нѣсколько трубчатыхъ головокъ, въ самыхъ же нижнихъ слояхъ кусочки мѣди и много монетокъ, имѣющихъ форму дельфиновъ. Последняя раскопка была сдѣлана на западномъ берегу недалеко отъ границы распространенія слоевъ съ кухонными остатками. Здѣсь на поверхность земли выступало нѣсколько камней, обрисовывавшихъ въ общихъ чертахъ контуръ могилы. По разрытіи этого мѣста оказалось, что здѣсь были погребены два трупа, обращенные другъ къ другу лицомъ (одинъ смотрѣлъ лицомъ на западъ, другой на востокъ). По сравнительно хорошей сохранности череповъ и другихъ костей можно предположить, что могила эта принадлежитъ сравнительно болѣе новой эпохѣ.

*) Всего вынуто здѣсь земля около 5—6 куб. сажень.

На основаніи всего вышесказаннаго слѣдуетъ замѣтить, что находящіеся на о. Березани слои кухонныхъ остатковъ едва-ли могутъ принадлежать эпохѣ доисторическаго человѣка, а должны быть скорѣе отнесены ко времени древнегреческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря. Не смотря на то, что въ этихъ слояхъ нерѣдко попадаются куски разныхъ кремнекислыхъ породъ, указывающихъ на то, что обитатели о. Березани были въ сношеніяхъ съ жителями вулканическихъ странъ южной Европы, нигдѣ нами не было найдено ни кремня, ни издѣлій изъ кремня или другой какой нибудь твердой кристаллической породы *). Въ заключеніе, считаю нужнымъ упомянуть, что на основаніи геологическаго строенія можно принять, что островъ Березань былъ въ новѣйшія геологическія эпохи соединенъ съ материкомъ. Когда же произошло отдѣленіе его отъ Аджіаскаго берега, до поселенія на немъ человѣка или послѣ — на этотъ вопросъ могли, быть можетъ, дать отвѣтъ археологическія изслѣдованія всего побережья моря между Березанскимъ и Тилигульскимъ лиманами.

Одесса, 16 Іюня. 1884.

Р. Пределъ.

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что наканунѣ нашего отъѣзда однимъ изъ рабочихъ найденъ на склонѣ обрыва кусочекъ кремня, напоминающій въ общемъ обломокъ кремневаго ножа.

О курганахъ близъ м. Смѣла (Кіевской губерніи).

графа А. А. Бобринскаго.

(по раскопкамъ 1881—1884 г.).

Въ извѣстномъ «Обозрѣніи могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» Фундуклея (Кіевъ 1848 г.) между прочимъ говорится (стр. 10): «значительное количество могилъ находится также около Смѣлы». При этомъ во всемъ Черкасскомъ уѣздѣ Фундуклей насчитываетъ до 100 могилъ. На дѣлѣ ихъ гораздо больше. Такъ, въ одномъ только 20-ти верстномъ районѣ отъ мѣстечка Смѣла мною насчитано до 200 кургановъ. Полагаю, что во всемъ Черкасскомъ уѣздѣ ихъ можно-бы насчитать свыше тысячи.

Многіе изъ этихъ кургановъ до того сглажены ежегодной вспашкой, что едва замѣтны. Надо также имѣть въ виду, что большое количество ихъ окончательно разнесено плугами и не оставило никакихъ слѣдовъ.

По наружному виду, курганы близъ Смѣлы всѣ большею частію относятся къ могиламъ перваго разряда, согласно подраздѣленію Фундуклея, (*loco citato*); но есть нѣсколько могилъ и третьяго разряда, (*ibid.*); есть и такія, къ которымъ пристроены валы; иные курганы отличаются неглубокою выемкою посерединѣ. На иныхъ — за 20 лѣтъ тому назадъ еще лежали обломки камня.

Большинство кургановъ имѣетъ форму удлиненнаго купола. Но первоначальная форма кургановъ, очевидно, измѣнилась втеченіи многихъ вѣковъ, истекшихъ со дня ихъ насыпки.

Курганы вообще, за немногими исключеніями построены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ данной мѣстности. Они рѣдко совершенно одиноки, а обыкновенно сгруппированы, въ количествѣ до 2-хъ, 3-хъ, 10-ти и до свыше 20-ти кургановъ на одномъ мѣстѣ.

Слѣдовъ рововъ, валуновъ или другихъ построеній обыкновенно не видать.

Высота 16-ти изслѣдованныхъ мною кургановъ варьируетъ отъ 2½ до 10-ти аршинъ. Но есть, въ окрестностяхъ Смѣлы, нѣкоторые еще высшіе. Впрочемъ, о первоначальной ихъ высотѣ судить трудно. Очевидно, что курганы были

нѣкогда гораздо выше, нежели нынѣ. Ихъ понизило время и многолѣтніа вспашки. Быть можетъ, что предположеніе Фундуклея (I. с. стр. 62), по которому «теперь мы основательно судить будемъ о ихъ (кургановъ) высотѣ, проводя мысленно линію, отъ основанія могилъ вверхъ, такъ чтобы крайняя верхушка составляла конусъ» — справедливо.

Діаметры площадей основанія, занимаемыхъ раскопанными мною курганами, варьируютъ отъ 12 до 31 сажени. Окружность кургана (считая отъ крайнихъ слѣдовъ насыпи) отъ 38 до 95 сажень.

Особыхъ названій курганы большею частію не имѣютъ. Называютъ ихъ курганами или могилами вообще. Впрочемъ, есть исключенія. Такъ существуетъ *красная* могила (у села Коноплянки); *времучая* могила, изъ подъ которой будто бы раздается по ночамъ звонъ, (на Юрьевой горѣ); *чернецкая* могила (у Репяши); *козацкая* могила (около Корсуня) и *батыева* могила (подлѣ Городища).

Особыхъ мѣстныхъ преданій о нашихъ курганахъ нѣтъ, ежели не обращать вниманія на толки о подземныхъ ходахъ, боченгахъ съ золотомъ, всадникахъ, закопанныхъ вмѣстѣ съ конями, мѣловыхъ бомбахъ, «лѣхахъ» и «мѣрахъ». Подобнаго рода рассказы непремѣнно предшествуютъ почти каждой раскопкѣ кургана и никогда не оправдываются. Эти толки находятъ, впрочемъ, нѣкоторое оправданіе въ дѣйствительномъ существованіи подземнаго хода, на очень большомъ протяженіи между мѣстечкомъ Смѣлой и Юрьевой горой. Ходъ этотъ мѣстами иногда обрушивается. Лѣтъ за тридцать тому назадъ можно было свободно влѣзати въ него и ходить втеченіи нѣкотораго времени. Недавно мнѣ удалось самому увидать этотъ ходъ, посерединѣ мѣстечка, на глубинѣ до 2-хъ сажень. Ходъ покрытъ былъ очень толстымъ деревомъ. Въ него можно было влѣзати и ходить по немъ на небольшомъ разстояніи. По бокамъ вырыты были углубленія, въ родѣ нишей.

Раскопано мною до сихъ поръ всего 16 кургановъ. Я раскапывалъ ихъ широкими колодцами, діаметромъ доходившимъ до 13 сажень. Кромѣ того боковыя стѣнки могилъ прорывались до материка въ разныхъ мѣстахъ.

Изъ этихъ 16-ти изслѣдованныхъ мною насыпей, только одна (№ X) не содержала въ себѣ слѣдовъ погребенія, или костей. Всѣ остальные курганы суть безспорно надгробные памятники и насыпаны въ глубокой, доисторической древности надъ однимъ или нѣсколькими покойниками.

Впоследствии, по прошествіи извѣстнаго времени, но во всякомъ случаѣ въ совершенно другую, позднѣйшую, уже быть можетъ историческую эпоху, въ среднихъ слояхъ этихъ самъхъ могильныхъ насыпей похоронены и другіе мертвые. Наконецъ, въ верхнихъ слояхъ кургановъ встрѣчаются погребенія еще позднѣйшія; хотя и эти верхніе остовы принадлежатъ иногда къ весьма отдаленному отъ насъ времени

Такимъ образомъ, повидимому, до-историческіе автохтоны насыпали курганы, а послѣдующіе народы пользовались ими для своихъ погребеній. Иногда же эти послѣдующія племена насыпали себѣ свои собственныя могилы, на подобіе прежнихъ. Наконецъ точно также, быть можетъ, поступали и вновь послѣдовавшіе народы, пользовавшіеся, когда могли, готовыми могилами предмѣстниковъ и насыпавшіе новые курганы, когда таковыхъ не было подъ рукою.

Отсюда тѣ большія различія между погребальными обрядами курганной эпохи, о которой свидѣтельствуютъ изслѣдователи.

Впрочемъ въ тѣхъ 16-ти могилахъ, кои мною до сихъ поръ изслѣдованы, можно, мнѣ кажется, судя по способу погребенія, отнести тотъ или другой встрѣчаемый остовъ, къ одному изъ трехъ или четырехъ главныхъ выдающихся типовъ.

А именно: 1) Автохтоны. Каменный вѣкъ. Для погребенія роется въ материкѣ продолговатая прямоугольная яма, глубиною обыкновенно въ 1 аршинъ. Затѣмъ часто строится склепъ изъ чрезвычайно толстыхъ деревьевъ. Крыша склепа, вѣроятно, куполообразная. Эти крыши почти постоянно встрѣчаются провалившимися во внутрь. При этомъ дерево обрушивается на остовъ и разбиваетъ черепъ и кости на куски. Дерево иногда сохраняется кусками довольно большими. Въ головахъ надъ остовами, иногда же подъ ними, очень маленькіе кремневые инструменты; обыкновенно не болѣе одного кремешка при каждомъ остовѣ. (Это—ножи, стрѣлы скребки, и проч. весьма мелкихъ размѣровъ). Вдоль по тѣлу, или въ ногахъ слѣды палокъ, или вѣрнѣе деревянныхъ орудій, дровки коихъ иногда сохраняются въ небольшихъ обломкахъ. Цѣльныя кости попадаются лишь рѣдко. Онѣ обыкновенно окончательно распались, обращаясь въ желтую пыль. Нѣкоторые верхушки череповъ, однако удалось, сохранить. Большая долихокефаличность, большая простота швовъ; иногда весьма сильно выдающіяся надбровныя дуги, иногда очень стертые зубы, замѣтная прогнатичность.

Вообще всѣ кости очень толсты. Ростъ большой. Прободенія лоптеваго углубленія нѣтъ (хотя бываютъ исключенія) саблевидность большой берцовой кости и столбовидность бедренной кости замѣчается въ болѣе или менѣе сильной степени. Весьма развитая мускулатура черепа, по вынутіи изъ земли, болѣею частію окрашены въ ярко красный цвѣтъ (краска на воздухѣ скоро исчезаетъ). Тотъ же остатокъ красной окраски виднѣнъ иногда на тѣлѣ, на рукахъ и на ногахъ (это вѣроятно слѣды татуировки, какъ будетъ сказано далѣе). Встрѣчаются иногда комки буро-красной, розовой и лиловой краски. На нѣкоторыхъ черепахъ дыры, въ которыхъ специалисты найдутъ, быть можетъ, признаки трепанаци. Остовы окружены деревомъ. Надъ ними слѣды бѣлой коры (?) дерева (Береста?) Подъ остовами особая подстилка. Вещей почти никогда никакихъ. Слѣды волосатаго одѣянья (шубы?) При остовахъ такого рода иногда встрѣчается глиняный горшокъ, весьма грубой работы. Эти горшки обыкновенно

помѣщены далеко отъ остововъ. При нихъ или въ нихъ иногда дѣтскія кости, зубы; украшенія горшка самыя первоначальныя, произведенныя посредствомъ ногтя или стебля соломы. Горшки разбиты въ дребезги тяжестью земли. Не далеко отъ остововъ вырыты въ материкѣ ямы, засыпанныя черноземомъ. Въ нихъ иногда кости животныхъ, сѣмена растеній, сѣмечки и косточки отъ фруктовъ. Это, вѣроятно, запасы съѣстныхъ припасовъ для покойника.

Остововъ подъ каждымъ курганомъ (на материкѣ) — два, иногда три, изрѣдка болѣе (до семи).

Иногда склепы надстроены только надъ однимъ изъ остововъ, другіе похоронены безъ склепа.

Остовы болѣею частію лежатъ головою къ *W*, иногда къ *SW* или къ *S*.

Бываютъ и остовы головою къ *SO*, изрѣдка къ *NW* и наконецъ, къ *O*.

Положеніе остововъ обыкновенно согнутое. Голова иногда на лѣвой щекѣ, иногда же на правой; руки то сложены на животъ, то вытянуты по тѣлу, иногда одна рука вытянута, другая согнута. Въ иныхъ случаяхъ остовъ лежитъ прямо навзничъ, на спинѣ. Колѣни въ иныхъ случаяхъ согнуты кверху, въ другихъ — ноги поджаты подъ себя. (Это — при боговомъ положеніи остова).

II) Бронзовый вѣкъ. Относятся ли курганы, въ которыхъ, въ нижнихъ слояхъ, на материкѣ встрѣчается бронза — къ другой эпохѣ, нежели тѣ, въ коихъ встрѣчаются одни каменные орудія — не знаю. Быть можетъ, что все разслѣдованное мною до сихъ поръ 16 кургановъ слѣдуетъ отнести къ самому началу бронзоваго вѣка, предположивъ, что бронзовые предметы встрѣчаются только въ самыхъ богатыхъ могилахъ; быть можетъ, на оборотъ, и въ этомъ послѣднемъ предположеніи я вижу болѣе правдоподобности: мы имѣемъ дѣло съ двумя эпохами, относящимися одна къ концу каменнаго вѣка (робенгаузенская эпоха?), другая къ началу бронзоваго вѣка.

Во всякомъ случаѣ, изъ 16-ти кургановъ, — бронза, въ нижнихъ слояхъ встрѣтилась лишь въ двухъ случаяхъ (кург. №№ III и XV) въ двухъ смежныхъ курганахъ. Можетъ быть оба эти курганы насыпаны позднѣе остальныхъ. Кромѣ того, въ другомъ курганѣ (№ II) найдены бронзовые удила, въ самомъ верхнемъ слоѣ могилы и слѣды бронзы въ среднемъ слоѣ.

III) Желѣзный вѣкъ. — Въ большинствѣ случаевъ, при обнаруживаніи остова въ верхнихъ или среднихъ слояхъ кургана представляется весьма затруднительнымъ разрѣшить, къ какой эпохѣ онъ долженъ быть отнесенъ. Это — потому, что при остовахъ крайне рѣдко встрѣчаются вещи. Иногда при нихъ находятъ глиняные горшки и кости животныхъ, но другаго рода предметы — рѣдки.

Желѣзныя вещи найдены въ курганѣ № VIII, (удила и ножъ) и въ курганѣ № XIV, (при остовахъ лежалъ длинный мечъ, совершенно уничтоженный

ржавчиной и распавшейся въ мелкіе куски). Въ нѣкоторыхъ другихъ курганахъ попадались обломки желѣзныхъ предметовъ въ верхнихъ слояхъ.

Затѣмъ, глиняные горшки, находимые при остовахъ, весьма разнообразны. Иные совершенно первоначальной формы, другіе — болѣе тонкой работы. Но въ иныхъ курганахъ и тѣ и другіе горшки встрѣчаются рядомъ. Посему неизящная форма или грубая отдѣлка горшка, ежели и должна въ иныхъ случаяхъ указывать на древность самаго горшка, зато въ другихъ случаяхъ объясняется только не тщательной обдѣлкой со стороны горшечника.

Что касается положенія остововъ, находимыхъ въ среднихъ и верхнихъ слояхъ кургановъ, то оно весьма разнообразно.

Выдѣляется, однако, цѣлый разрядъ остововъ, лежащихъ навзничъ, на спинѣ, съ горшками у головы.

Затѣмъ особенно замѣчательны двѣ пары остововъ изъ кургана № II.

(Другихъ случаевъ такого попарнаго погребенія въ прочихъ курганахъ не встрѣтилось; ежели не ошибаюсь, такая форма погребенія вообще рѣдкая и заслуживаетъ вниманія).

А именно: на глубинѣ 6 аршинъ сверху и на высотѣ 4 аршинъ отъ материка, въ большемъ курганѣ (№ II) найдены между прочимъ два остова. Они похоронены были въ полусидячемъ, полулежащемъ положеніи, справа мужчина, слѣва весьма молодая женщина. Черепа обращены лицомъ къ лицу, касаясь одинъ другаго на равной высотѣ и какъ бы цѣлуясь. Правый остовъ облокоченъ на лѣвую руку, лѣвый остовъ на правую руку. Другія руки лежали свободно, вдоль по тѣлу. Лѣвая нога праваго остова согнута по направленію къ лѣвому остову и, вѣроятно, касалась его колѣномъ. На костяхъ слѣды одѣянія, въ пыли никакихъ вещей или горшковъ. На шеяхъ слѣды бронзы, въ видѣ ярко зеленой пыли. Направленіе головъ къ *N*.

Не подалеку отъ этихъ остововъ, въ томъ же слоѣ, найдены еще два остова, лежащіе также рядомъ одинъ подлѣ другаго, но въ совершенно лежащемъ положеніи. Справа — мужчина, слѣва женщина. Обои мъ около 30 лѣтъ. Правый остовъ лежалъ выше лѣваго. Черепъ лѣваго остова покоился у плеча праваго остова. Черепа обращены лицомъ къ лицу (но не столь близко, какъ въ предыдущемъ случаѣ). Лице мужчины наклонено внизъ, на встрѣчу къ лицу женщины. Правая рука праваго остова согнута и сходилась съ лѣвой рукой лѣваго остова. Ноги вытянуты. Правая нога праваго остова согнута. Ни вещей, ни горшковъ не найдено. Слѣды одѣянія въ пыли. На шеяхъ, также, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, ярко зеленые слѣды мѣди или бронзы — въ пыли. Головы направлены къ *W*.

Въ видѣ общаго замѣчанія: въ среднихъ слояхъ никогда не встрѣчаются слѣды сѣлеповъ или гробовъ. Гробы находятся только изрѣдка на самомъ верху кургановъ.

Представляю краткое извлеченіе изъ сообщенныхъ Импер. Московскому Археологич. Обществу отчетовъ о раскопкѣ кургановъ близъ мѣстечка Смѣла. (1881—1884).

Курганъ № I. Найденъ только совершенно распавшійся остовъ, на материкѣ.

Курганъ № II. Высота 10 аршинъ. Диаметръ площади основанія 64 аршина.

Сверху: Уголь, пепель.

Глубина 1 аршина: Бронзовыя удила; каменная буса. Три бронзов. наконечника стрѣлъ.

Глубина 3 аршина: Остовъ (IV). Направленіе S—N(?). Въ головахъ глиняный кувшинчикъ.

Остовъ (II). Мужчина, не достигшій 30 лѣтъ. Направленіе: W—O.(?) Въ головахъ глиняный горшокъ.

Остовъ (I). Направленіе W—O. Въ головахъ (?) глиняный горшокъ.

Остовъ (III). Направленіе NW—SO. Мужчина, около 40 лѣтъ. Чрезвычайно большаго роста. Навзничъ.

Кости животныхъ, уголь, пепель.

Глубина 5 аршинъ. Остовъ (IV bis). Глиняная тарелка. Кости животныхъ. Кусочекъ металла (?).

Остовъ (IV с). Глиняная плошка. На пальцѣ остова кольцо изъ мелкихъ костяныхъ зеренъ. Кости животныхъ.

Глубина 6½ аршинъ. Два остова (V и VI) мужчина и весьма молодая женщина, лицомъ къ лицу, какъ бы цѣлуясь. На шеяхъ слѣды бронзы. Въ ногахъ остатки ремешковъ (?). Кости животныхъ. Направленіе S—N.

Два остова (XI и X) мужчина и женщина. Обоиъ за 30 лѣтъ. Женщина погнута на плечѣ мужчины, лицомъ къ лицу. На шеяхъ слѣды бронзы; въ ногахъ ремешки (?). Направленіе W—O.

Остовъ (VII). Кости животныхъ.

Остовъ (IX). Въ головахъ глиняная плошка и большая глиняная ваза. Обломки другой глиняной плошки. Кости животныхъ. Обожженная земля. Пепель.

Глубина 9 аршинъ. Кремневые осколки. Остатки металла (?). Кости животныхъ. Слѣды дерева, уголь, пепель. Жженыя кости. Человѣческія кости.

Материкъ (10 арш.) Вырыты три могилы. Средняя могила: кости и слѣды деревяннаго склепа. Вторая могила: уголь и сгнившія кости (человѣческія). Третья могила: Остатки остова взрослога человѣка и кости очень малаго ребенка. Въ сторонѣ — большой камень (гранитъ) и кости животныхъ.

Кости животныхъ, встрѣтившихся въ кург. № II.

1. Лошадь (*Equus caballus*). 2. Корова (*Bos Taurus*). 3. Баранъ (*Aegoceros ovis*). 4. Заяцъ (*Lepus timidus*). 5. Слѣпецъ об. (*Spalax typhlus*) (въ очень большомъ количествѣ). 6. Хомякъ об. (*Cricetus frumentarius*) (въ большомъ количествѣ). 7. Сусликъ (*Spermophilus quttatus*). 8. Хорекъ (*Foetorius putorius*).

9. Водяная полевка (*Arvicola amphib.*). 10. Землян. соня (*Myotus glis*). 11. Байбакъ (*Arctomys bobac*). 12. Лисица (*Canis vulpes*). 13. Тетеревъ (*tetrao tetrix*). 14. Курица (?) можетъ быть — тетеревъ. 15. Сорока (*Pica caudata*). 16. Птицы разныя, неопредѣленные.

Курганъ № III. Высота: $7\frac{1}{2}$ аршинъ. Діаметръ площади основанія около 75 аршинъ.

Глубина 1 аршинъ. Деревянный (берестовый?) гробъ. Въ немъ остовъ (I). Направленіе *W—O*. Мужчина свыше 50 лѣтъ. Кости животныхъ (свинья—*Sus scrofa domestica* и лошадь (клыкъ хищника (*ursus*?).

Глубина 3 аршина. Жженыя кости (въ числѣ ихъ лошадиныя).

Кременевая привѣска. Слѣды двухъ деревянныхъ, наклоненныхъ крышъ одна надъ другою въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршина, черезъ почти весь курганъ. Жженыя кости (зайца русака, лошади, собаки, хомяка, коровы и какой-то птицы), дерево, уголь.

Глубина 5—6 аршинъ. Обломки гладкаго глинянаго сосуда. Слѣды досокъ.

Материкъ (7 аршинъ), подпочва, лёсъ), по срединѣ глиняный горшокъ, вокругъ него четыре могилы.

Первая могила. Остовъ (III). Направленіе *S—N*. Положеніе согнутое, на лѣвомъ боку. Надъ остовомъ слѣды шѣди.

Вторая могила. Остовъ (V), при немъ глиняные черепки и кости животныхъ (домашній баранъ и корова). Положеніе согнутое. Направленіе *O—W*.

Третья могила. Остовъ (II), при немъ два большіе черепка. Положеніе согнутое. Направленіе *O—W* (?). Вблизи обгорѣлые кусочки раковины и кости животныхъ (лошади и коровы).

Четвертая могила. Остовъ (IV), при немъ кости животныхъ (коровы и хомяка).

Вообще въ этомъ курганѣ, въ разныхъ слояхъ попадались многіе кремневые инструменты и осколки.

Курганъ № IV. Высота 3 аршина. Діаметръ 19 сажень.

Глубина $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Черепокъ, дерево, кости животныхъ (коровы, барсука—*meles taxus*, слѣпца, хомяка, суслика и двухъ видовъ птицъ).

Материкъ (подпочва, лёсъ). Двѣ могилы.

Первая могила: глубина $\frac{1}{2}$ аршина. Остовъ (I). Направленіе *W—O*. Положеніе согнутое.

Вторая могила: На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. остовъ. Направленіе *W—O*. Положеніе согнутое. При немъ кремнев. орудіе. На костяхъ слѣды красной окраски. Слѣды дерева.

Курганъ № V. Высота почти 3 аршина. Діаметръ площади основанія 55 арш.

Глубина 1 аршина: дерево, обломки глинянаго горшка, кремневое орудіе. Остовъ (о). Другое кремневое орудіе.

Глубина 1½ аршина: зола, пепель, уголь, кости животныхъ (хомяка и слѣпца), дерево.

Материкъ (глубина: 3 арш. въ лёсъ, полпочвъ). Три могилы.

Первая могила: на глубинѣ ½ арш. остовъ (1) слѣды, розовой окраски, слѣды коры. Положеніе согнутое. Направленіе NW—SO.

Вторая могила: на глубинѣ ¾ аршин. остовъ (2). Положеніе согнутое. Направленіе W—O. Слѣды розовой окраски и коры.

Третья могила: остовъ (3). Надъ нимъ дерево. Слѣды розово-лиловой окраски. Подъ остовомъ подстилка.

Курганъ № IV (майданъ). Высота 6 аршинъ. Діаметръ площади основанія 69 арш.

Глубина 2 аршина: деревянный гробъ. Остовъ SW—NO (въ пыли).

Глубина 5 аршина: дерево, человѣческія кости въ пыли.

Материкъ (6 арш.) остовъ подъ цѣльнымъ (?) деревомъ, лежитъ въ другомъ, выдолбленномъ (?) деревѣ. Уголь, пепель. Направленіе остова SO—NW, два дерева, направленіе NW—SO, уголь.

Вообще въ курганѣ: три кремневыхъ орудія, отломокъ топорика (сомнительной древности) глиняные черепки, кости животныхъ (коровы, черепахи — *emys lutaria*? — и грызуновъ).

Курганъ № VII. Высота 3 аршина. Діаметръ площади основанія 66 арш.

Глубина 2 аршина. Уголь, жженая земля, кости барсука.

Материкъ (глуб. 3 аршина). Жженая земля, уголь. Въ материкѣ (почва—лёсъ) яма до 3 аршинъ глубины, засыпанная черноземомъ. Въ ней — остовъ. При немъ кости животныхъ (лошади и барсука). Подъ остовомъ яма еще на аршинъ глубины. Въ ней уголь.

Курганъ № VIII. Высота 6 аршинъ. Діаметръ площади основанія 90 арш.

Глубина ½ аршина. Слѣды досокъ, бревенъ (дубъ, ясень, берестъ и сосна). Слой обожженной земли, уголь, пепель. Жженыя кости человѣка и животныхъ (лисицы, свиньи, зайца-русака, слѣпца и хомяка), черепки, кремневыхъ орудія.

Глубина 1½ аршин. Слѣды крыши деревянной, уголь, пепель, обломокъ желѣзнаго ножа, жженыя кости человѣческія, а также животныхъ (лошади, коровы, лисицы, зайца-русака, слѣпца, птицы — голубя? и рыбы — плотвы?), глиняные черепки.

Глубина 2 аршина. Слѣды второй крыши (дубъ, берестъ), жженыя кости человѣка и животныхъ (лошади, коровы, лисицы, свиньи, зайца-русака, слѣпца), глиняные черепки.

Глиняная большая урна, надъ нею глиняная локанъ и обломки двухъ

глиняныхъ чарокъ. При нихъ уголь, кости лошади, желѣзныя удила и ихъ принадлежности, желѣзный ножъ.

Глубина 4 аршина. Кости человѣка и животныхъ (коровы, зайца-русака), рукоятка изъ оленьяго рога, очень мелкія кремневыя орудія, дерево.

Материкъ (глуб. 6 аршинъ, въ подпочвѣ, лёсъ) двѣ могилы.

Центральная могила: на глубинѣ 1 арш. дерево, остовъ, на немъ черепокъ. Положеніе согнутое (?). Направленіе *W—O* (?). Подлѣ этой могилы яма, глубиною въ $\frac{1}{2}$ аршина, въ ней кости животнаго, дерево.

Вторая могила. Слѣды склепа (?), на глубинѣ 1 аршина остовъ. Положеніе согнутое. Направленіе *W—O*. При немъ кремневое орудіе. Надъ нимъ глиняной черепокъ. Слѣды лилово-розовой окраски.

По остаткамъ дерева очевидно, что были построены двѣ деревянныя крыши изъ наклоненныхъ досокъ. Высота центра нижней крыши — $3\frac{1}{2}$ арш. надъ материкомъ; діаметръ этой крыши, у основанія ея, 23 аршина. Высота верхней крыши, около 6 аршинъ надъ материкомъ, діаметръ у основанія, на материкѣ — около 40 аршинъ. Надъ крышами — слой жженыхъ костей и земли.

Курганы № LX. Высота $2\frac{1}{2}$ арш. Діаметръ площади основанія 48 арш.

Сверху — остатки человѣческихъ костей.

Глубина 1 аршина. Остовъ (о) навзничь. Мужчина (?) около 50 лѣтъ. Направленіе *W—O*. Сзади головы глиняный горшокъ при костяхъ барана, на которыхъ слѣды красной окраски. На грудяхъ маленькій глиняный горшочекъ. Сбоку, у плеча — круглая костяная привѣска, кажется изъ человѣческой кости. Подъ остовомъ кремневый скребокъ. На костяхъ остова слѣды ярко-красной окраски. Близъ остова кости слѣпца, на которыхъ также слѣды окраски.

Глубина 2 аршина: (материкъ), въ подпочвѣ, лёсъ, двѣ могилы.

Первая могила: на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина остовъ. Положеніе согнутое. Направленіе *W—O*. При немъ два слѣпца (*Spalax t.*); дерево. Слѣды бѣло-розовой матеріи (?).

Вторая могила: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина остовъ, слѣды дерева, кости слѣпца (*Spalax t.*).

Курганы № X. Кости *spalax typhlus*. Ничего не найдено. Высота $2\frac{1}{2}$ аршина. Діаметръ площади основанія 66 аршинъ.

Курганы № XI. Высота $2\frac{1}{2}$ аршина. Діаметръ площади основанія 61 аршинъ. Сверху кремневое орудіе. Уголь. Дерево.

Глубина $2\frac{1}{2}$ арш. (Материкъ). Въ лёсъ (подпочвѣ) двѣ могилы. Центральная могила: на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. остовъ. Слѣва деревянная палка (?). Положеніе немного согнутое. Направленіе *NW—SO*. На костяхъ слѣды ярко красной окраски.

Вторая могила. Слѣды гроба (?). На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. остовъ. Направленіе *W—O*. Положеніе согнутое. (Узна 250 м. м.) Слѣды одѣянна (?). —

Курганъ № XII. Высота свыше 3 аршинъ. Диаметръ площади основанія 66 аршинъ.

Глубина 1/2 аршина. Остовъ (о). Направленіе *W—O*. (Прободенія локтев. углубл. нѣтъ; femur столбообразенъ. Femur — 395 (?) м. м. Tibia — 339 м. м.; Clavicala — 132 (?) м. м.)

Слѣва отъ остова палка (?). На костяхъ слѣды ярко красной окраски. Близъ остова (слѣва) комокъ ярко лиловой краски. Въ ногахъ черепокъ. Кости животныхъ (лисицы, зайца, со слѣдами красной окраски; собаки или волка, барана, *cricetus frum.*, (много) *spalax typhl.* (во многихъ экземплярахъ), *cricetus fr.* со слѣдами красной окраски, *spermophilus quitt.*) Кремневые инструменты, дерево; часть глинянаго горшка.

Слѣды человѣческаго остова.

Материкъ (глубина свыше 3 аршинъ). Въ лесѣ (подпочвѣ) три могилы.

Первая могила. Слѣды дерева, кирпича (?). На глубинѣ 1 аршина остовъ (1), нѣсколько на правомъ боку, голова на правой щекѣ, ноги согнуты. Долихоцефалъ. На лбу слѣды красной окраски. Слѣды бѣлой матеріи (?). Дерево.

Вторая могила: На глубинѣ 1/4 аршина остатка остова, сожженнаго (?).

Третья могила: Слѣды склепа (деревяннаго). На глубинѣ свыше одного аршина остовъ. Направленіе *W—O* (?). Положеніе согнутое (?) на правомъ боку. Слѣды розовой окраски. При остовѣ черепокъ.

Курганъ № XIII. Высота 4 1/2 аршина; диаметръ площади основанія 55 арш.

Глубина 1 1/2 арш. Кости 4-хъ *spalax typhlus*, 46 *Spermophilus quittatus* вмѣстѣ. Кости лисицы. Остовъ (о). Направленіе *W—O*. (Локтевое углубл. почти прободено). Дерево.

Глубина 2—2 1/2 арш. Остовъ. — Слѣды матеріи (?). Дерево. Черепки. Кости *spalax typhl.*, *cricetus frum.* и др животныхъ.

Материкъ (глуб. 4 1/2 арш. Въ лесѣ, подпочвѣ :) Двѣ могилы.

Первая могила: слѣды высокаго склепа. Остовъ навзничъ (1). Ноги согнуты. Направленіе *S—N*. (Прободен. локтев. углубл. — нѣтъ. *Angulus mandib.* 148°). Подлѣ остова слѣды чего-то благаго.

Вторая могила: На глубинѣ 1 1/2 аршина очень толстыя дубовыя доски, сложенныя на крестъ. Остовъ (2). На спинѣ, ноги согнуты. Направленіе *SW—NO*. На черепѣ и костяхъ красная окраска. Въ ногахъ деревянные палки (?). (*Index cephalic.* — чрезвычайно неточно 74,1; во всякомъ случаѣ большая долихоцефаличность. Длина ключицы — 159—160 м.м.

Курганъ № XIV. Высота 4 3/4 арш. Диаметръ площади основанія 73 арш. Сверху, въ срединѣ кургана остовъ (о). Глиняные черепки. Нѣсколько экземпляровъ *Spalax Spermophilus q.* и *Iricetus frum.* Кости другихъ животныхъ. Скорлупки яицъ.

Глубина 3 арш. Сбоку — остовъ (1). Направленіе *NW—SO*. На спинѣ

при остовѣ остатки желѣзнаго меча (?), распавшагося въ пыль. (Index cephaliq. — весьма неточно — 66,8? — Долихоцефаль.)

На костяхъ двѣ глиняныя и одна костяная мелкія пуговицы. Въ ногахъ глиняный горошокъ, съ ручкой. Подлѣ него кость, кажется, барана и небольшой желѣзный ножъ. Бромъ того кости грызуновъ. Въ другомъ мѣстѣ кремневое остріе и скребокъ.

Деревянная доска. Подъ ней остовъ (2). Направление *NO—SW*. Кости животныхъ (птицы 12 *Spermophilus* q. хорекъ, *sralax*, *cricetus*.)

Глубина $4\frac{1}{2}$ аршина. Каменные пряслицы. Каменный, полированный молотъ. Подлѣ него слѣды дерева (рукоятки?) въ пыли. Кости животныхъ (между ними *cricetus* f.) Слѣды дубовыхъ досокъ.

Материкъ: (глубина $4\frac{1}{2}$ арш.) Въ лѣсѣ (подпочвѣ) одна могила посерединѣ кургана. Въ ней слѣды скелета (берестъ?). На глубинѣ 1 аршина остовъ (3), направление *NW—SO*. На правомъ боку, ноги согнуты. Вся голова окрашена въ красный цвѣтъ. Кости *spermophil gutt*. Съмечки фруктъ. Въ сторонѣ — обломки чрезвычайно грубаго глинянаго горшка съ круглымъ низомъ. Въ немъ (?) человѣческія кости (4) и ключица ребенка. Яма, засыпанная черноземомъ. Въ ней съмечки дыни (?) и кости животного.

Курганъ № XV. Высота $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Діаметръ площади основанія 90 арш.

Сверху: кости *Sralax typhlus*; куски гранита (небольшіе); глиняные черепки, дерево.

Глубина 4 аршина. Дерево, кремневые орудія, глиняные черепки, камешки. Кости звѣрей (въ томъ числѣ *sralax t*; *cricetus* fr.) Человѣческіе зубы; слѣды деревянной крыши.

Глубина 5 аршинъ. Кремневый скребокъ, пила и стрѣлка. Кость звѣря, просверленная. Зубъ, кажется, лошади.

Материкъ (глубина $5\frac{1}{2}$ арш.) Въ лѣсѣ (подпочвѣ) четыре могилы.

Первая могила: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина остовъ (1) ребенка. Направление *SO=NW*. (Лѣтъ 4-хъ пробод. локтев. углубл. нѣтъ; сплюсненности *tibia* — нѣтъ; *ferug* — начало столбовидности. *Ferug* 150 m.m.? *Clavicula* 69 m.m.?)

Вторая могила: на глубинѣ 1 аршина остовъ, на правомъ боку. Ноги согнуты подъ себя. Подъ остовомъ кремневый скребокъ, который, можетъ быть, висѣлъ на шеѣ остова, пригрѣпленный посредствомъ смолы? Направление остова *W—O*. (Скелетъ: прободеніе локтеваго углубленія, величиною въ булавоич. головку. *Ferug* — отчасти саблевидна; 290 m.m. *Tibia* — 310 m.m. Саблевидности нѣтъ.

Вѣроятно женщина.

Уголъ лба около 160° .

Діаметръ передне-задній	201 m.m.?
» наиб. ширины.....	124 » » ?

Index. cephalicus	61,14 m.m.
(приблизительно большая долихоцефаличность.)	
Изгибъ подъ мозговой.....	15 m.m.
» лобный	119 » »
» темянной.....	139 » »
» затылочный	72 » »
Діаметръ наибольш. лобный	94?
Index лобный	75,8??
Діаметръ продольн. метопическ.....	197?
» » иніачный	180??
Ширина носа	22??
Длина »	41??
Index носовой	53,6??

Нижняя челюсть.

Разстояніе между угломъ и точкой подбородка	93 (кривая)
Высота до верха прос. condyl	59 (прямая).
» отъ » »	55,5 »
Angulus mandibulae	130°.

Третья могила. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина согнутый остовъ (3). Направление SO—NW. (Кажется, женщина. Просверленія локтев. углубленія нѣтъ. Femur—435 m.m. не столбообразный. Tibia — 372 m.m. саблевидна. Index cephalicus — 68,3, приблизительно. Сильная долихоцефаличность. Angulus mandibulae 139°).

Четвертая могила. Сейчасъ же за черепомъ остова 2 лежали ноги остова 4; на правомъ боку, ноги согнуты подъ себя. Направление W—O. (Integus не прободенъ).

Яма по срединѣ кургана. На глубинѣ выше аршина очень толстое дерево, накрестъ врубленное и скрѣпленное одно надъ другимъ. Подъ деревомъ очевидно складъ вещей. Деревянный полъ, деревянные стѣны и потолокъ, обрушившіяся внутрь. Здѣсь найдены уголь, большая мѣдная урна, испорченная временемъ; глиняный горшокъ; въ немъ глиняная чарка. Въ другомъ концѣ бронзовыя (или мѣдныя) удила и глиняный горшечекъ. Въ срединѣ слѣды деревянныхъ и костяныхъ издѣлій, распавшихся въ пыль.

Сбоку 2 ямы, въ которыхъ кости животнаго.

Кургана XVI; высота $7\frac{1}{2}$ арш. Діаметръ площади основанія 63 арш.

Глубина 1 аршина. Желѣзный ножъ. Кремневый инструментъ. Ашельской эпохи. Слѣды жженныхъ костей человѣка и, кажется, лисацы. Кости spalax t., scicetus fr. spermophilus q. Два большихъ обломка гранита.

Глубина $2\frac{1}{2}$ аршина. Уголь, пепель, черепки. Кремневые орудія.

Материкъ (глубина $7\frac{1}{2}$ арш.) Въ лесѣ (подпочвѣ) семь могилъ.

Центральная могила. На глубинѣ аршина, подъ деревомъ остовъ (2); надъ

нимъ слѣды деревяннаго склепа. Направление *NW—SO*. Долихоцефаль. На костяхъ ярко-красная окраска. Положеніе — на правомъ боку, ноги согнуты подъ себя.

Вторая могила: на глубинѣ 1 аршина подъ деревомъ и при слѣдахъ склепа остовъ (2). Направление *W—O*. Положеніе: на правомъ боку, ноги согнуты подъ себя. Справа, у черепа комокъ розовой краски.

Третья могила: На глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина остовъ (1). Направление *W—O*. Положеніе: на правомъ боку, ноги согнуты подъ себя. Слѣды волосатаго одѣянія (шубы?) Чепель окрашенъ въ красный цвѣтъ, также на шубѣ (?) Долихоцефаль.

Четвертая могила: Остовъ, (0). Направление *NW—SO* (?) (tibia саблевидна).

Пятая могила: на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина — остовъ (6). Направление *S—N*. Положеніе согнутое, на правомъ боку, ноги подъ себя. Передъ грудью овальный комокъ ярко-красной (коричневой) краски. (Его удалось сохранить). Слѣды дерева.

Шестая могила: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина остовъ (3). Маленькій ребенокъ. Направление *W—O*. На тѣлѣ обломки костянаго ожерелья (?). Сбоку отъ черепа глиняный горшочекъ.

Седьмая могила: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина остовъ. Направление *W—O*. Положеніе согнутое, на правомъ боку, ноги подъ себя.

Нѣсколько словъ о красной окраскѣ череповъ и костей, въ нижнихъ слояхъ кургановъ.

Съ остова, на днѣ кургана № IX удалось собрать краску, покрывавшую черепъ и кости. Благодаря любезному содѣйствію профессора И. И. Мечникова, эта краска опредѣлена профессоромъ Вериго, какъ окись желѣза, которая представляетъ скорѣе простую желѣзную (краску) ржавчину, чѣмъ какую либо краску. Невольно вспоминаешь слова французскаго ученаго:

Quatrefuges (A. de) *L'Espèce Humaine* Paris, 1877. p. 239. *Race de Cromagnon*. «Enfin, il se tatouait, ou tout au moins se peignait avec les oxydes de fer ou de manganèse, dont on a trouvé, à plusieurs reprises de petites provisions, dans diverses stations et qui ont laissé leur trace sur les os de quelques squelettes sur celui de menton, par exemple».

Перечень нѣкоторыхъ вещей, найденныхъ при случайныхъ раскопкахъ и при запашкѣ полей въ окрестностяхъ Смѣлы.

КАМЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

1. Каменный молотъ, найденъ близъ деревни Николаевки.
2. Каменный молотъ, найденный въ Подольской губерніи.
3. Каменный молотъ, найденный на груди остова близъ села Сунки.
4. Каменные пряслицы, найденныя на поляхъ Холоднянской экономіи.

5. Тоже; другой экземпляръ.

6. Камни, имѣющіе подобіе орудій. Изъ нихъ: четыре найдены на берегу болота бывшего русла Днѣпра (Ирдынь), на глубинѣ сажени и болѣе, при углѣ, пенлѣ, костяхъ и глиняныхъ черепкахъ. Все это напоминаетъ кухонныя сорныя кучи каменнаго вѣка.

7. Такіе же камни. Изъ нихъ: №№ 999, 995—и 990—кремневые орудія, найдены на поляхъ въ разныхъ мѣстахъ; № 992 — на берегу Днѣпра, кремнь со слѣдами искусственной продольной борозды для пригрѣпленія; № 81, 82, 83,— изъ тѣхъ же сорныхъ кучъ, о коихъ упоминалось выше (гранитъ).

КОСТЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

8. Костяной кубикъ. На одной сторонѣ вырѣзанъ въ немъ топорикъ (отъ крестьянина села Мельниковки).

9. Костяное украшеніе съ тремя отверстіями, (изъ кургана въ Мельниковкѣ).

10. Кабаній клыкъ изъ села Мельниковки, въ курганѣ.

ЯНТАРЬ.

11. Четырехугольный кусокъ янтара, сильно попорченный, изъ кургана въ Мельниковкѣ.

12. Буса, оттуда-же.

ЗЕМЛЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

13. Черная буса, на ней украшенія желтаго цвѣта. Мастива. Изъ кургана въ Мельниковкѣ.

14. Глиняная буса (?) — изъ кургана въ Мельниковкѣ.

15. Тоже — на полѣ Малогинской экономіи.

16. Тоже.

17. Глиняный горшокъ и двѣ глиняныя чашечки, изъ кургана въ Мельниковкѣ.

18. Глиняный горшокъ подлѣ остова у лембергской плотины.

19. Глиняный стаканъ тамъ-же.

МѢДНЫЯ ПРЕДМЕТЫ.

20. Пять наконечниковъ мѣдныхъ стрѣлъ, изъ имѣнія кушца Гусева.

21. Тоже изъ Суногъ.

22. Тоже изъ Староселецкихъ полей.

23. Пряжка изъ кургана близъ села Яблоновки.

24. Серьга, (близъ Корсуня).

25. Молотъ или топоръ, найденный на полѣ у Балаклейскаго лѣсничества. На немъ украшеніе въ видѣ Андреевскаго креста.

26. Топоръ изъ села Мельниковки у рѣки, на немъ отверстіе.

27. Другой такой-же, тамъ-же, на полѣ.
 28. Топоръ изъ села Тальное.
 29. Привѣска (голокольчикъ?) изъ Кургана въ Мельниковѣхъ.
 30) Крестъ, внутри пустой съ изображеніемъ св. Георгія и надписью:
 ОАНГСГЕ | ОРГНОС |.

ЗОЛОТЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

31. Украшеніе. Грифонъ пожираетъ вола (?). На полѣ Владимірской
экономіи.
 32. Бляшка — тамъ-же.
 33. Тоже, другая — тамъ-же.

СТЕКЛО.

34. Буса, изъ кургана въ Мельниковѣхъ.

ЖЕЛѢЗО.

35. Удила и ихъ принадлежности, шестнадцать кусковъ, изъ кургана въ
Мельниковѣхъ.
 36. Бинжалъ, изъ Мельниковки.
 37. Тоже — найденный у Ивановскаго склада.
 38. Топоръ, найденный на Юрьевой горѣ.
 39. Наконечникъ копья, найденный у Староселья, таковыхъ 3 экземпляра
изъ разныхъ мѣстъ.
 40. Короткое копье, изъ Староселья, таковыхъ 2 экземпляра.
 41. Подкова (отъ сапога?).
 42. Инструментъ для обжиганія горшковъ (?). Онъ очень малъ.
 43. Шпора.
 44. Пряжка (?); по серединѣ мѣдное кольцо.
 45. Наконечникъ пика, изъ села Мельниковки.

ЧЕРЕПА.

- а) Черепъ изъ кургана, близъ Мельниковки.
 б) Черепъ изъ земли близъ Ивановск. склада, глубина около 3 аршинъ,
близъ склада кухонныхъ остатковъ каменнаго вѣка.
 в) Черепъ изъ земли близъ Черкасской плотины, на глубинѣ около 3 ар-
шинъ, при костяхъ животнаго.

Смѣла. Августа, 1884.

Графъ А. А. Бобринской.

О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей.

Д. Н. Анучина.

съ 1 таблицью рис.

Въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, въ коллекціяхъ вещей изъ различныхъ кургановъ и древнихъ могильниковъ, имѣется, между прочимъ, нѣсколько мечей, заслуживающихъ вниманія по своей древности и оригинальнымъ формамъ. Въ виду того, что эти древніе образцы оружія еще не были обстоятельно описаны, мнѣ казалось не лишеннымъ интереса — представить ихъ описаніе и изображеніе и сравнить ихъ съ другими образцами древнѣйшихъ мечей, найденными какъ въ Россіи, такъ и въ сосѣднихъ ей странахъ Европы. Такой трудъ мнѣ казался нелишнимъ потому, что свѣденія, имѣющіяся о древнѣйшемъ русскомъ вооруженіи, еще далеко не могутъ быть признаны достаточно полными и удовлетворительными, и пополненіе ихъ представляется желательнымъ въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ обстановкой древняго быта.

Изъ всѣхъ частей вооруженія, мечъ, въ качествѣ оружія наступательнаго, безспорно, игралъ въ древности наиболѣе видную роль. Это было привилегированное оружіе свободнаго воина, самое дорогое, наиболѣе имъ цѣнимое и по преимуществу рѣшавшее исходъ битвы. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что мечъ былъ оружіемъ сравнительно поздняго происхожденія, и что человѣчество прожило много вѣковъ, охотясь и сражаясь, но не зная употребленія меча. Люди имѣли палицы, ножи, князалы, топоры, молотки, щиты, копья, умѣли метать стрѣлы, дротики, пращи, бумеранги — ранѣе, чѣмъ дошли до искусства готовить себѣ длинные и острые клинки мечей. Всѣ перечисленные виды оружія возникли уже въ теченіи каменнаго вѣка, тогда какъ мечъ могъ появиться только въ металлическую эпоху, и то по достиженіи извѣстнаго успѣха въ искусствѣ обработки металловъ. Нѣкоторое подобіе мечей могло, впрочемъ, существовать и въ каменномъ вѣкѣ; это, именно, мечи, дѣланные изъ дерева. Такіе деревянные мечи были найдены, по крайней мѣрѣ, путешественниками у нѣкоторыхъ первобытныхъ дикарей, какъ на примѣръ у нѣкоторыхъ племенъ Новой Гвинеи, Австраліи, Новой Зеландіи, на Сандвичевыхъ островахъ, у племени

Мохосъ въ Южной Америкѣ и др. Они представляютъ собственно видоизмѣненіе палицы, имѣющей не крупную, а сплюсненную, иногда даже загнутую (въ родѣ сабли) форму и сточенную къ одному или обоимъ краямъ, которымъ и наносятся удары. На Каролингскихъ островахъ такой деревянный мечъ былъ снабженъ еще по обоимъ краямъ зубцами (именно зубами акулы), а въ Мексикѣ употреблялись плоскія палицы, утисканныя вдоль краевъ острыми осколками камня (обсидіана). Всѣ эти виды плоскихъ палицъ не имѣютъ однако ничего общаго съ настоящими, металлическими мечами и отнюдь не могутъ считаться ихъ первообразами.

Настоящій мечъ развился лишь мало по малу изъ кинжала, какъ то можетъ быть доказано соображеніемъ и данными археологіи. Уже а priori можно заключить, что въ первое время знакомства съ металломъ приготовленіе длинныхъ клинковъ должно было представлять значительныя трудности и что до выдѣлки ихъ люди могли дойти только постепенно, начавъ сперва съ короткихъ остриевъ, годныхъ для ножей, наконечниковъ копій или кинжаловъ. Первые попытки обработки металла выражались, вѣроятно, въ приготовленіи небольшихъ треугольныхъ пластинокъ, широкій конецъ которыхъ могъ играть роль лезвія топора, а острый далъ начало ножамъ, кинжаламъ, наконечникамъ копій. По мѣрѣ того, какъ искусство обработки металловъ совершенствовалось, стало возможнымъ отливать (бронзовые) или ковать (желѣзные) болѣе длинные ножи и кинжалы, изъ коихъ, такимъ образомъ, и выработался наконецъ мечъ, далеко не рѣдко отличающійся отъ этихъ своихъ первообразовъ и тѣсно связанный съ ними рядомъ переходныхъ формъ. Такое происхожденіе меча подтверждается, до известной степени, и данными археологіи.

Между предметами древнѣйшей эпохи «бронзоваго» вѣка на западѣ (напр. въ Англіи), находимыми совместно съ каменными орудіями, меча еще нѣтъ, а только простѣйшія формы ножей-кинжаловъ. Въ Скандинавіи бронзовые мечи появились, правда, раньше, но первые экземпляры ихъ были очевидно привозными и доставлялись, вѣроятно, изъ болѣе культурныхъ странъ (напр. Этруріи). Въ Сибири и Приуральи мы находимъ многочисленныя остатки древней «бронзовой» и «мѣдной» чудской культуры, но среди разнообразныхъ формъ кельтовъ, ножей и кинжаловъ, мы напрасно будемъ здѣсь искать типичнаго бронзоваго или мѣднаго меча. Въ древнѣйшихъ могильникахъ начальнаго желѣзнаго вѣка на Кавказѣ найдено было довольно много бронзовыхъ топоровъ, кинжаловъ, наконечниковъ копій, но бронзовыхъ мечей известно только нѣсколько экземпляровъ, и притомъ, по формѣ, похожихъ на длинные кинжалы. Желѣзные мечи первоначально также были, повидимому, рѣдкостью, и вмѣсто нихъ чаще употреблялись длинные ножи, какъ на примѣръ — у древнихъ германцевъ. Хорошій мечъ долго еще былъ оружіемъ богатыхъ и знатныхъ; обыкновенные же воины

довольствовались болѣе плохими и короткими клинками, пользуясь чаще копьями, топорами и лукомъ со стрѣлами.

Мы упомянули ранѣе о «бронзовомъ» вѣкѣ, исходя отъ того, болѣе или менѣе общепринятаго положенія, что знакомство съ мѣдью и бронзой предшествовало знакомству съ желѣзомъ. Въ настоящее время, однако, это положеніе многими оспаривается и съ технической точки зрѣнія болѣе вѣроятно, что люди скорѣе дошли до пользованія желѣзомъ, которое довольно легко выдѣляется, размягчается и куется, тѣмъ до приготовления бронзы (сплава мѣди съ оловомъ) и даже до выдѣленія и плавленія мѣди, отливка которой въ формы и послѣдующая обработка предполагаетъ уже значительное развитіе техники*). Можно думать потому, что желѣзо сдѣлалось извѣстнымъ довольно рано, но первоначально оно было весьма плохаго качества и сдѣланные изъ него предметы легко окислялись и разрушались въ землѣ. Этимъ можно объяснить отсутствіе желѣза въ древнѣйшихъ могилахъ Европы, гдѣ находятъ, однако, издѣлія изъ бронзы, а также тотъ фактъ, что привозныя бронзовыя оружія и орудія могли въ первое время получить значительное распространеніе и, благодаря своей прочности и изяществу, даже вытѣснить до извѣстной степени, плохія туземныя изъ желѣза. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что во многихъ странахъ (напр. Африкѣ) желѣзо было извѣстно съ незапамятныхъ временъ и что желѣзный вѣкъ слѣдовалъ здѣсь непосредственно за каменнымъ. Тоже приложимо, повидимому, и къ восточной Европѣ, гдѣ слѣды типичнаго «бронзоваго» вѣка весьма скудны и гдѣ каменный вѣкъ, продолжавшійся, вѣроятно, до сравнительно поздней эпохи, перешелъ также прямо въ желѣзный. Впрочемъ, и у насъ, по крайней мѣрѣ въ Приуральи, Сибири, въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ, существовала эпоха, когда бронза и мѣдь употреблялись для выдѣлки многихъ видовъ орудій и оружія, которыя впоследствии уступили мѣсто желѣзнымъ, такъ что, въ извѣстной степени, и здѣсь можетъ быть рѣчь о «бронзовомъ» вѣкѣ, только подъ условіемъ, чтобы этотъ терминъ понимался не въ смыслѣ — исключительнаго употребленія одного металла, а въ смыслѣ лишь болѣе широкаго пользованія мѣдью и ея сплавами для приготовления извѣстныхъ формъ орудій и оружія.

Выше мы сказали, что слѣды типичнаго «бронзоваго» вѣка (съ отсутствіемъ желѣза) у насъ скудны. Дѣйствительно, рядомъ съ бронзовыми кельтами, кинжалами и другими предметами, у насъ находятъ обыкновенно и издѣлія изъ желѣза, только большей частью плохо сохранившіяся. Притомъ у насъ почти совершенно неизвѣстны бронзовые мечи, подобные тѣмъ, какіе находятъ въ Скандинавіи, сѣверной Германіи и другихъ странахъ Западной Европы.

*) См. подробности объ этомъ въ большомъ сочиненіи Бека: L. Beck, Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. 1-te Abtheilung. Von der ältesten Zeit bis um das Jahr 1500 n. Chr. Braunschweig, 1864.

Въ Сибири и Приуральи ихъ замѣняютъ кинжалы, иногда довольно длинные, украшенные на рукоятѣ изображеніями звѣриныхъ или птичьихъ головъ, но тѣмъ не менѣе отличающіеся отъ мечей. Бронзовые мечи находили у насъ (и то рѣдко) только на окраинахъ, причемъ на западѣ (въ Финляндіи, Польшѣ) они являются въ характеристичныхъ западныхъ типахъ и были, очевидно, завезены изъ Скандинавіи и Германіи, а на югѣ, именно на Кавказѣ, они выказываютъ особенную широкую форму съ округленнымъ остриемъ и съ тонкою рукояткою, оканчивающеюся на верху небольшою полукруглою или полуовальною шишкою. Эти послѣдніе (изъ нижняго этажа Самтаврскаго могильника близъ Мцхета и др.) не представляютъ сходства, по словамъ Софуса Мюллера *) ни съ древне-греческими (изъ Микенъ) бронзовыми мечами, ни съ какими бы то ни было европейскими, но во многомъ походятъ на мечи, изображенные на различныхъ ассирійскихъ памятникахъ. «Мы можемъ поэтому, говорить о нѣ, съ достаточною вѣроятностію приписать ихъ ассирійской культурѣ, вліяніе которой распространялось далеко за эти страны и слѣды которой встрѣчаются также въ скизскихъ гробницахъ Крыма». Прибавимъ еще, что эти бронзовые кавказскіе мечи сопровождаются весьма похожими на нихъ, по общей формѣ, кинжалами и что, по мнѣнію Вирхова, культура нижняго этажа Самтавро, а равно и другихъ однородныхъ могильниковъ Кавказа (Делижанъ, Кобанъ и др.) относится къ эпохѣ около 2000 л. до Р. Х.

Замѣтимъ однако, что во всѣхъ упомянутыхъ кавказскихъ могильникахъ, встрѣчаются и слѣды желѣза, которое употреблялось, между прочимъ, и на изготовленіе мечей. Такіе желѣзные мечи, большей частью въ обломкахъ, были найдены какъ въ Кобанскомъ могильникѣ, такъ и среди различныхъ бронзовыхъ предметовъ, входившихъ въ составъклада, открытаго Г. Д. Филимоновымъ у сел. Степанъ-Цминда (близъ ст. Казбекъ). Мечи изъ этой послѣдней мѣстности имѣютъ бронзовыя рукояти длиною около 10 сантиметровъ, простой но характеристичной формы, именно суженныя въ срединѣ и расширенныя (до 7,5 сант.) къ верхнему и къ нижнему концу (см. табл. 1, рис. 4). Желѣзо клинка прочно укрѣплено въ нихъ, и мѣдъ служитъ, большей частью, только для обкладки желѣзной основы. Нѣкоторыя изъ рукоятей, впрочемъ, литыя и представляютъ два треугольныхъ (сквозныхъ) отверстія, сходящіяся острыми концами, образуя фигуру въ родѣ буквы X (см. рисунокъ). Такая форма рукоятей не можетъ, однако, считаться, особенно оригинальною, такъ какъ подобную ей мы находимъ уже на нѣкоторыхъ видахъ ассирійскихъ кин-

*) Sophus Müller, Ursprung und erste Entwicklung der europäischen Bronzezeit, beleuchtet durch die ältesten Bronzefunde im südöstlichen Europa, въ «Archiv für Anthropologie», 1883. Ср. также брошюру: «Предметы древности въ хранилищѣ Общества Любителей Кавказской Археологіи». Тифлисъ, 1877, и Virchow, «Das Gräberfeld von Koban». Berlin, 1883.

жаловъ и греческихъ мечей *). Въ Кобаньскомъ могильникѣ, рядомъ съ бронзовыми кинжалами, топорами, фибулами и т. д., г. Филимоновъ нашелъ также желѣзные ножи и фрагменты желѣзнаго меча, причемъ послѣдній имѣеть и рукоять желѣзную. По своей формѣ этотъ мечъ отличается отъ всѣхъ другихъ: онъ довольно широкъ, имѣлъ, повидимому, значительную длину и его рукоять, плоская и длинная, оканчивалась на верху кольцомъ (см. таб. 1, рис. 3), вся длина рукояти 15,6 сант., до кольца—10,7; она, очевидно, была обложена деревомъ или костью. Мечи такой формы, насколько мнѣ известно, не были находимы ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ, и аналогичныя рукояти съ кольцомъ можно встрѣтить только на нѣкоторыхъ мѣдныхъ ножахъ и кинжалахъ изъ Сибири и Приуралья. Любопытно, однако, что въ Микенахъ былъ найденъ одинъ бронзовый ножъ, который представляетъ много сходнаго съ желѣзнымъ мечемъ изъ Кобани. Этотъ однолезвийный ножъ (онъ изображенъ въ статьѣ S. Müller'a, l. c., стр. 329, рис. 21) можно было-бы назвать мечемъ, такъ какъ его клинокъ имѣеть до 67 сантиметровъ въ длину, если бы по своей формѣ онъ не подходилъ скорѣе къ ножамъ и не отличался бы такъ рѣзко отъ типичныхъ, обоюдоострыхъ мечей той эпохи. Клинокъ его имѣеть форму ивоваго листа и снабженъ длинною (но круглою) рукоятью, оканчивающеюся, вмѣсто шишки, кольцомъ, помѣщеннымъ, впрочемъ, нѣсколько сбоку. Какъ бы то ни было, но изъ всѣхъ извѣстныхъ древнихъ мечей, кобанскій наиболѣе подходитъ къ только что описанному бронзовому, микенскому, и, по всей вѣроятности, первообразъ того и другаго слѣдуетъ искать въ аналогичныхъ формахъ бронзовыхъ мечей, употреблявшихся гдѣ либо въ Передней Азіи.

Обратимся теперь къ Европейской Россіи и постараемся отдать себѣ отчетъ въ формахъ древнѣйшихъ желѣзныхъ мечей, бывшихъ здѣсь въ употребленіи. Остановимся прежде всего на скиѣской эпохѣ и на соответственныхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ южной Россіи. По словамъ Геродота, у скиѣовъ были святилища, родъ кургановъ изъ хвороста, посвященныя Арею и на которыхъ водружался старый желѣзный мечъ, символъ этого бога. Отсюда можно заключить, что у скиѣовъ были желѣзные мечи, что подтверждаютъ и раскопки большихъ южно-русскихъ кургановъ, принимаемыхъ, какъ извѣстно, за царскіе — скиѣскіе. Любопытно, однако, что на извѣстныхъ вазахъ греческой работы, золотой — куль-обской и серебряной — никопольской, на которыхъ изображены сцены изъ жизни какаго то кочеваго варварскаго племени (какъ полагаютъ — скиѣовъ, хотя типъ и костюмъ людей на обѣихъ вазахъ различный) — мечей не видно, хотя колчаны, луки, копыя и щиты представлены. Изображенія

* См. у Бека. l. c., стр. 129, рис. 28 (7) и стр. 444, рис. 72 (3). Кромѣ рукоятей и обломковъ клинковъ, г. Филимоновъ нашелъ еще мѣдный наконечникъ и нѣсколько срединныхъ частей отъ ноженъ желѣзнаго меча. Ножны эти были деревянные, обложенныя снаружи мѣдью.

мечей не встрѣчаются также на золотыхъ бляхахъ и другихъ «скиескихъ» украшеніяхъ, добытыхъ изъ южно-русскихъ кургановъ, хотя на нихъ нерѣдко изображены всадники съ копьями или пѣшіе, стрѣляющіе изъ луковъ.*) Въ такъ называемыхъ «скиескихъ» курганахъ, мечи, однако, находили: И. Е. Забѣлинъ нашелъ нѣсколько ихъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ. Они желѣзные, обоюдо-острые, очень заостренные къ концу и короткіе (длиною 21 дюймъ); рукоятки ихъ, сравнительно съ клинкомъ, довольно длинныя и соответственно богатству гробницъ, украшены чеканнымъ золотомъ съ изображеніями грифоновъ и оленей. Форма рукоятокъ довольно характеристична: сверху онѣ оканчиваются попеременно-овальнымъ, сплюснутымъ набалдашникомъ, а внизу, на границѣ съ клинкомъ отдѣлены отъ послѣдняго неширокой перекладиной или утолщеніемъ, имѣющимъ округленно треугольную форму, съ однимъ угломъ, обращеннымъ вверхъ, къ рукояти, и съ противоположной ему стороной, представляющей въ срединѣ вогнутость. На одной рукояткѣ изображены сцены охоты (всадники, стрѣляющіе изъ луковъ въ бѣгущихъ передъ ними козловъ), а сверху, вмѣсто попеременно овальной шишки, помѣщены двѣ бычачьи головы безъ роговъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ могилахъ, причисляемыхъ также къ скиескимъ, находили мечи съ рукоятками еще иной формы. Верхній конецъ ихъ представляетъ боковые выступы или рожки, которые загибаются вверхъ и къ срединѣ на манеръ подковы или серповъ**). Рукоятки этого послѣдняго типа напоминаютъ нѣсколько одинъ видъ западно-европейскихъ бронзовыхъ мечей, а также нѣкоторыя формы желѣзныхъ мечей начального желѣзнаго вѣка (изъ гальштадтскаго могильника), но сходство въ данномъ случаѣ довольно ограниченное, тѣмъ болѣе что форма перекладины отлична отъ западно-европейской. Что же касается до описанныхъ выше типовъ рукоятокъ (изъ Чертомлыцкаго кургана), то ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ на бронзовыхъ и желѣзныхъ мечахъ западной Европы, равно какъ и на позднѣйшихъ мечахъ изъ русскихъ кургановъ. Чтобы найти аналогіи, нужно обратиться къ сибирскимъ мѣднымъ кинжаламъ, между которыми мы находимъ, дѣйствительно, формы, представляющія поразительное

*) На фрескахъ въ керченскихъ катакомбахъ, — воины также вооружены больше копьями, но у одного коннаго (безъ шапки) изображенъ на лѣвомъ боку мечъ, который по формѣ своей рукоятки напоминаетъ желѣзный мечъ съ бронзовой рукояткой, и въ обложенныхъ бронзою ножахъ, найденный Байерномъ въ Самтаврскомъ могильникѣ и хранящійся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. — У другаго воина, пѣшаго, съ бородой, въ правой рукѣ виднѣн короткій мечъ или ножъ, а въ лѣвой — четырехугольный ромбическаго цвѣта.

**) Изображенія мечей изъ «скиескихъ» гробницъ можно видѣть въ изданіи Прокорова; «Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ». 1881. Образецъ меча съ рукояткой послѣдняго типа (съ рожками) можно было видѣть на выставкѣ при Одесскомъ съѣздѣ (изъ Нимеона, близъ Керчи).

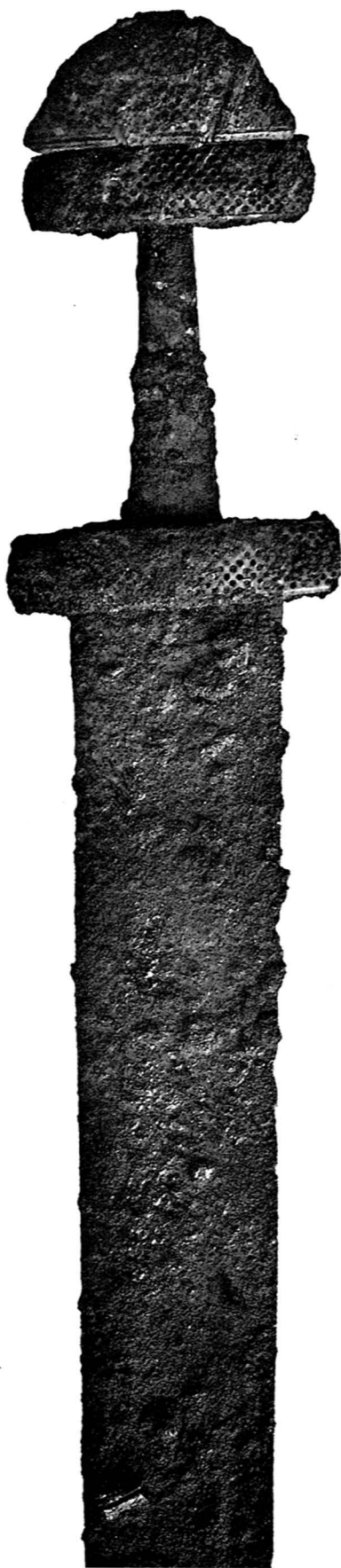
1.

2.

3.

4.

5.

сходство съ этими «скиескими» мечами *). Рукоятки многихъ кинжаловъ представляютъ нерѣдко такую же поперечно-овальную сплюсненную шишку вверху и такой же треугольникъ съ выемкой внизу на перекладинѣ (при соединеніи рукоятки съ клинкомъ). На другихъ кинжалахъ имѣются изображенія звѣриныхъ головъ (на одномъ экземплярѣ изъ коллекціи Лопатина въ верху рукоятки изображены бычи или бараньи головы съ рогами, сливающимися между собою), на иныхъ, наконецъ, рукоятка имѣетъ вверху два рожка, загибающихся вверху и внутрь. Такимъ образомъ, всѣ типичныя формы рукоятокъ «скиескихъ» мечей встрѣчаются и между сибирскими кинжалами, — новый доводъ въ пользу родства такъ называемой «скиеской» культуры съ чудскою. Правда, сибирскіе кинжалы — мѣдные или бронзовые, а скиескіе — желѣзные, и притомъ не кинжалы, а мечи, но различіе это не столь рѣзко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Въ коллекціи г. Лопатина, рядомъ съ мѣдными кинжалами, имѣется одинъ совершенно тождественный желѣзный (другой бронзовый, но съ желѣзной рукояткою), а что касается до «скиескихъ» мечей, то они немногимъ ушли отъ большихъ кинжаловъ. Дѣйствительно, длина въ 21 дюймъ — скорѣе прилична большому кинжалу, чѣмъ мечу, и на рисункѣ у Прохорова (I. с. противъ страницы 16-й) можно видѣть, что у остова воина, найденнаго И. Е. Забѣлинымъ въ юго-западномъ наугольномъ подземельи Чертомлыцкаго кургана, «мечъ» находился у лѣваго бедра, рядомъ съ небольшимъ ножомъ съ костяною ручкой, и занималъ въ длину лишь небольшое разстояніе отъ таза до нижней трети бедра. Замѣтимъ, впрочемъ, что мечи древнихъ грековъ, римлянъ и даковъ были также короткіе, хотя и болѣе солидные и широкіе, чѣмъ такъ называемые «мечи скивовъ».

Въ курганахъ средней и сѣверной Россіи (IX—XI вѣковъ) мечи составляютъ большую рѣдкость, такъ что, по всей вѣроятности, они были мало распространены и употреблялись лишь людьми состоятельными **). По словамъ Ибнъ-Фодлана, впрочемъ, руссы всегда носили съ собою сѣкуру, ножъ и мечъ, причемъ относительно мечей арабскій писатель замѣчаетъ, что они широки и *работы франкской съ насъкой*. Другой арабскій авторъ, Ибнъ-Даста говоритъ, что мечи у руссовъ были «Соломоновы» или, по другому толкованію, «Сельманскіе», т. е. изъ области Сельманъ въ Хорассанѣ, — вообще привозные, доставлявшіеся въ Итиль и Болгарь арабскими купцами ***).

*) Богатую серію мѣдныхъ сибирскихъ кинжаловъ можно видѣть въ Императорскомъ Историческомъ музеѣ, въ коллекціяхъ г. Лопатина и другихъ.

***) Сравн.: «Историческій Каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея», сост. Н. Е. Бранденбургомъ, ч. I. Спб., 1877, стр. 171 слѣд.

***) Ср. Frähn, Ibn-Foslan's und anderer Araber Berichte etc., также Хвольсона «Извѣстія о хозарахъ, бургасахъ, болгарахъ и пр. и Гаркави, Извѣстія арабскихъ писателей о славянахъ и руссахъ».

Такимъ образомъ, по словамъ арабскихъ писателей, мечи у руссовъ были не туземной работы, а доставлялись имъ съ запада или съ востока. «Франкскіе» мечи Ибнъ-Фодланъ описываетъ такъ, что они были «широкіе и волнообразно отточенные, украшенные съ одной стороны фигурными рисунками», — опредѣленіе несовсѣмъ понятное и объясняемое различно. Упомянутое о рисункахъ нѣкоторые комментаторы относятъ не къ мечамъ, а къ одеждѣ; что же касается до «волнообразности», то, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній подразумѣвать въ данномъ случаѣ волнообразно искривленные клинки, въ родѣ, напримѣръ какъ у малайскихъ «крисовъ», то полагаютъ, что этими словами авторъ хотѣлъ выразить волнистую игру поверхности клинка, въ родѣ той, которая замѣчается на дамасскихъ издѣльяхъ. Въ такомъ случаѣ и упоминаніе о рисункахъ можетъ стать понятнымъ и выражать собою просто узоры стального клинка. Замѣтимъ впрочемъ, что всѣ эти извѣстія относятся до «руссовъ», въ славянствѣ коихъ нѣкоторые еще сомнѣваются; относительно же славянъ Ибнъ-Даста говорить, что въ началѣ X вѣка они были вооружены щитами, дротиками и копьями, а князья еще кольчугами; о мечахъ же у нихъ онъ не упоминаетъ.

Мечи, впрочемъ, упоминаются у воиновъ Святослава, въ повѣствованіи Льва діакона въ договорѣ Игоря съ греками, а также въ древнѣйшей нашей лѣтописи, описывающей, какъ хазары обложили полянъ данью по мечу съ дыма, причѣмъ замѣчено, что «сихъ (полянъ) оружье обоюдоостро, рещи мечъ», тогда какъ оружіемъ хазаръ были сабли. Тѣмъ не менѣе, мечи, какъ уже сказано, попадаются весьма рѣдко въ нашихъ курганахъ, особенно въ сѣверныхъ. Такъ, въ курганахъ Московской губерніи не найдено ни одного меча; въ курганахъ меженскихъ, разрытыхъ гр. Уваровымъ и Савельевымъ, Кельсиевымъ, Керцелли было найдено всего четыре-пять мечей (на 8000 почти кургановъ); изъ кургановъ Рязанской, Нижегородской, Тамбовской, Воронежской, Уфимской губерній — не было добыто также мечей, за исключеніемъ немногихъ сабель позднѣйшаго типа. Нѣсколько чаще попадаются, повидимому, мечи области древнихъ сѣверянъ, кривичей, полянъ и особенно на побережьи Балтійскаго моря, въ Лифляндіи, Петербургской губерніи, Финляндіи. Но здѣсь, на западной окраинѣ, они воспроизводятъ вполнѣ типы скандинавскихъ мечей позднѣйшаго желѣзнаго вѣка (по Гильдебранду — съ 700 по 1000 г. по р. X.), и даже средневѣковыхъ мечей XI—XIII вѣковъ*). Тоже сходство съ западными (въ частности норманскими) типами представляютъ и мечи, добытые проф. Д. Я. Самоковасовымъ изъ Черниговскихъ кургановъ, г. Кушинскимъ изъ кургана Смоленской губерніи и описанный В. А. Тизенгаузеномъ, какъ найденный въ Трубчевскомъ уѣздѣ

*) Сравни, напримѣръ, изображенія мечей у Aspelin'a: *Antiquités finnoises* или *Bähr'a: Die Gräber der Liven*, съ изображеніями скандинавскихъ и германскихъ мечей у Ворсо, Линденшмидта и др.

Орловской губернии *). Всѣ эти мечи длинные, широкіе, съ массивными рукоятками, нерѣдко украшенными серебряною, простою или узорчатою насѣчкою. Мечъ изъ Смоленской губернии (изъ Гнѣздовскаго кургана), находящійся въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ, имѣетъ въ длину 99 сантиметровъ, изъ коихъ 82 приходится на клинокъ и 17 на рукоятку, (см. табл. I — рис. 1). Ширина меча, подъ рукояткою, 6,5 сант.; на разстояніи двухъ сантиметровъ отъ остраго конца — 3 сантиметра. Рукоять состоитъ изъ перекадины, стержня и набалдашника. Перекадина — длиною (поперекъ 4 оси меча) въ 10 сантиметровъ и шириною въ 2,7 къ обоямъ (сѣковымъ) концамъ сужена и закруглена; она покрыта серебряной насѣчкою, представляющей множество круглыхъ и мелкихъ ячеекъ. Желѣзный стержень видѣнъ на протяженіи 8,5 сант.; онъ нѣсколько суживается къ набалдашнику и былъ, несомнѣнно, обложенъ деревомъ, костью или какимъ нибудь другимъ матерьяломъ, истлѣвшимъ въ могилѣ. Набалдашникъ (длинною, по оси меча, 6,4 сант.) состоитъ изъ двухъ частей: конечной, большей, полуовальной и другой, находящейся подъ ней и сходной по формѣ съ перекадиной, только нѣсколько покореже (8 сант.); обѣ части набалдашника покрыты такой же ячеистой серебряной насѣчкою, а на конечной, полуовальной шпикѣ можно различить еще подраздѣленіе ея желобками на три отдѣла или лопасти, средняя изъ коихъ наибольшая, а двѣ боковыхъ — меньшихъ. Подобное же устройство и форму имѣетъ и рукоятка меча, найденнаго г. Самоквасовымъ въ курганѣ «Гульбище», которая также украшена серебряной ячеистой насѣчкою, — а равно и рукоятка меча изъ Трубчевскаго уѣзда Орловской губ., которая, впрочемъ, сильно повреждена, и насѣчка которой, мѣстами

*) Мечи г. Самоквасова (хранящіеся въ его коллекціи) были добыты въ большихъ курганахъ «Гульбище» и «Черная Могила» въ г. Черниговѣ. Въ «Гульбищѣ» найденъ мечъ съ богатою, украшенною серебромъ, рукояткою; въ «Черной могилѣ» — два меча, болѣе простой отдѣлки. Оба кургана заключали въ себѣ кострища, и въ «Гульбищѣ» мечъ былъ найденъ въ центрѣ кургана, въ одной обугленной массѣ, вмѣстѣ съ мѣднымъ щитомъ и желѣзными — шлемомъ, кольчугой, копьемъ и стременами, а въ «Черной Могилѣ» мечи были найдены ниже центра кургана, въ обширномъ пепелищѣ, слитыми въ общую массу съ двумя копьями, двумя ножами, шашкой или саблей, двумя стременами, частями щитовъ и т. д. Найденныя, здѣсь же, золотыя византийскія монеты IX и X вѣковъ указываютъ на принадлежность кургановъ X-му вѣку. См. отчеты г. Самоквасова въ «Древностяхъ» Моск. Арх. Общества въ «Извѣстіяхъ Общ. Люб. Естествознанія», въ «Древней и Новой Россіи» и т. д. — Мечъ, найденный г. Кушчинскимъ, происходитъ изъ одного кургана близъ дер. Гнѣздово, гдѣ онъ былъ вонзенъ въ дно кургана, и гдѣ были найдены также: длинный (около 3 четвертей) наконечникъ желѣзнаго копья, большой сосудъ съ жжеными костями и бронзовая лампа съ изображеніемъ женскаго лица, (съ носомъ украшеннымъ двумя зернами бирюзы), взянной работы, не подходящей впрочемъ ни къ классическому, ни къ восточному стилю, а напоминающей скорѣе что то индійское. См. Протоколъ Моск. Археол. Общ. 1874 г., окт. 18. — Мечъ описанный г. Тизенгаузеномъ (онъ изображенъ въ III т. «Древностей») былъ найденъ крестьянами Трубчевскаго у., Юровской волости, дер. Монастырища, при рытвѣ рва, и поступилъ въ Импер. Эрмитажъ; мечъ же, найденный г. Кушчинскимъ, находится въ Моск. Историческомъ Музеѣ.

позолоченная, не просто ячевидна, а узорчата и представляет, по выраженію г. Тизенгаузена, «сплетеніе какихъ то фантастичныхъ животныхъ» напоминающее норманскій стиль. Г. Тизенгаузенъ и назвалъ описанный имъ мечъ «норманскимъ», замѣтивъ, что по формѣ и узору рукоятки онъ представляетъ сходство съ древними скандинавскими образцами, изображенными въ атласѣ сѣверныхъ древностей Ворсо. Но не меньшее очевидное сходство съ норманскими типами выказываютъ и мечи, найденные гг. Самоквасовымъ и Куцинскимъ. Такъ, мечъ г. Куцинскаго представляетъ сходство почти во всѣхъ частностяхъ съ мечемъ позднѣйшаго сѣвернаго желѣзнаго вѣка, такъ называемымъ «мечемъ викинговъ», рукоятка котораго изображена на прилагаемомъ рисункѣ 1.*).

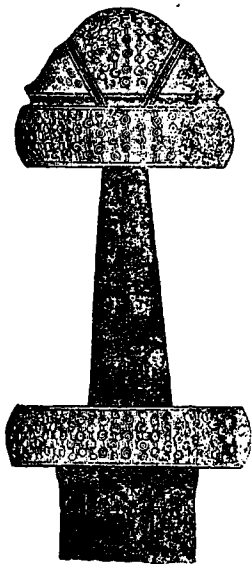

Рис. 1. Рукоятка норманскаго меча съ серебряной насѣчкой позднѣйшаго желѣзнаго вѣка (700-1000 по Р. Хр.)

сходство въ данномъ случаѣ выражается въ длинѣ меча, ширинѣ его, устройствѣ рукоятки, формѣ ея перекладины и набалдашника (состоящаго изъ двухъ частей, изъ коихъ конечная подраздѣлена на три лопасти), серебряной насѣчкѣ и т. д. **). Было высказано мнѣніе, что, несмотря на такое сходство, мечи этой формы могли быть славяно-русскими — издѣліемъ туземныхъ черниговскихъ и кievскихъ мастеровъ X вѣка, но съ этимъ трудно согласиться. Если въ XIII вѣкѣ между русскими и были уже искусные мастера (какъ о томъ свидѣтельствуетъ Рубруквисъ, встрѣтившій такихъ мастеровъ въ станѣ монгольскаго хана), то въ X-мъ они еще едва ли встрѣчались, и во всякомъ случаѣ работа указанныхъ мечей представляетъ полнѣйшее подражаніе работѣ скандинавскихъ оружейниковъ. Что мечи подобной формы не были славянскимъ изобрѣтеніемъ, явствуетъ и изъ того, что мы не знаемъ на русской почвѣ ихъ предшествовавшихъ типовъ и ихъ послѣдующихъ варіацій, тогда какъ на западѣ мы можемъ прослѣдить болѣе или менѣе ихъ генезисъ и ихъ послѣдующее развитіе до новѣйшей шпаги включительно.

Какъ полагаютъ западные археологи ***) , первыми образцами западно-европейскихъ желѣзныхъ мечей были кельтскіе, о формѣ которыхъ мы можемъ судить изъ найденныхъ въ Гальштадтскомъ могильникѣ, въ Зальцбургѣ и въ

*) Рисунокъ этотъ заимствованъ изъ сочиненія Ганса Гильдебранда, «Das Heidnische Zeitalter in Schweden», deutsch v. Mestorf. Hamburg, 1873. S. 43.

***) Только на скандинавскомъ экземплярѣ насѣчка представляетъ не ячей, а кружки съ точкой, и кромѣ того замѣчаются еще соединяющія эти кружки двойныя линіи.

****) См., между прочимъ, сочиненіе Ingwald Undset, «Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa», deutsch v. Mestorf. Hamburg, 1882.

свайной постройки La Tène близъ Masin, на Нейенбургскомъ озерѣ въ Швейцаріи. Эти мечи, отчасти выказывающіе подражаніе бронзовымъ типамъ, но большей величины и съ нѣкоторыми другими отличіями, распространились, какъ показываютъ новѣйшія находки, на сѣверъ Германіи въ Ютландію и даже Швецію, и дали впослѣдствіи начало другимъ типамъ, изъ нихъ развившимся. Значительный толчокъ этому развитію дало внесеніе въ Южную Германію, къ началу нашей эры, римской культуры, которая, ассимилируясь съ варварскими туземными элементами, вызвала къ жизни особенную римско-провинціальную культуру, отличную во многихъ отношеніяхъ отъ первоначальной итало-римской. Подъ вліяніемъ указанной ассимиляціи, между прочимъ, и короткій мечъ римскихъ легионеровъ былъ замѣненъ болѣе длиннымъ, соответствующимъ германской (собственно кельтской) *spatha*, а съ другой стороны и туземный мечъ германскихъ племенъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя особенности меча римскаго. Рядомъ съ короткими мечами-ножами, употреблявшимися отчасти для метанія, въ меровингскую эпоху мы встрѣчаемъ уже характеристичный длинный германскій мечъ, съ перекладной и конечной, треугольной или полуовальной шишкой на рукояткѣ *). Желѣзный стержень рукоятки управлялся въ дерево, кость или рогъ, рѣдко въ слововую кость; перекладина и набалдашникъ украшались серебряной и даже золотой, болѣе или менѣе узорчатой насѣчкой, а иногда снабжались еще фацетками и ячейками для укрѣпленія въ нихъ гранатовъ и другихъ камней. Подобныя рукоятки, со вставленными въ нихъ камнями, встрѣчаются впрочемъ, чаще, по крайней мѣрѣ въ Скандинавіи, въ болѣе раннюю эпоху желѣзнаго вѣка, примѣрно съ 3-го по 7-й вѣкъ по р. Х., эпоху, характеризующуюся находеніемъ съ вещами римскихъ денаровъ и солидовъ. Тогда рукоятки мечей дѣлались часто изъ бронзы, позолочивались, снабжались рѣзнымъ орнаментомъ и украшались вставными камнями. Въ позднѣйшую эпоху, съ 700 по 1000 по р. Х., — когда мѣсто римскихъ солидовъ замѣняютъ, въ находкахъ, арабскія и западныя монеты, — мечи становятся массивнѣе, шире, рукоятки ихъ солиднѣе и дѣлаются уже только изъ желѣза, причемъ прежній уборъ замѣняется серебряной насѣчкой. Дальнѣйшее развитіе меча на западѣ состояло въ томъ, что перекладина рукоятки стала дѣлаться длиннѣе и тоньше, а набалдашникъ меньше, такъ что мечъ съ рукояткою сталъ представлять больше подобіе креста **). При этомъ клинокъ постепенно суживался, дѣлался легче, а рукоятка, сравнительно съ клинкомъ, длиннѣе ***). Еще позже, въ XIII-мъ вѣкѣ, перекладинѣ стали придавать изогнутую форму, т. е. выпуклую книзу, къ клинку (см. рис. 2), а иногда и кверху, къ рукоятки; съ 15-го же столѣтія, къ

*) См. Lindenschmidt. Handbuch der deutschen Alterthumskunde 1-te Lieferung. Braunschweig. 1880. S. 217 ff.

**) См., напримѣръ, мечъ Карла Великаго (въ Луврѣ) и нѣкоторые мечи XI-го вѣка, изображенные въ соч., L. Beck'a, Die Geschichte des Eisens, S. 854.

***) См. Ворсо, «Сѣверныя Древности Королевскаго Музея въ Копенгагенѣ», стр. 168—169.

поперечной перекладинѣ стали придѣлываться кольца или пластинки (*quillons, ras d'âne*), которыя впоследствии развились въ сложные эфесы, защищающіе руку, а въ малой степени развитія сохранились еще на нѣкоторыхъ видахъ новѣйшихъ шпагъ*).

Подобной исторіи развитія мы напрасно будемъ искать по отношенію къ русскому мечу. Найденныя до сихъ поръ у насъ формы большихъ желѣзныхъ мечей не выказываютъ никакой связи съ древнѣйшими «скиѣскими» мечами, и между ними мы не находимъ той послѣдовательности, какая можетъ быть констатирована на западѣ, отъ эпохи Ла-Тень и Гальштадта до Меровингской и Карловингской, и затѣмъ отъ этой послѣдней до XV и XVI вѣковъ. Описанные большіе желѣзные мечи изъ черниговскихъ и смоленскихъ кургановъ, съ ихъ рукоятками, украшенными серебряной насѣчкой, были такими же чужеземными издѣльями на русской почвѣ, какъ и найденныя, вмѣстѣ съ ними — бронзовая лампа, турій рогъ въ дорогой оправѣ и византійскія золотыя монеты. Если бы эти мечи были продуктами мѣстной культуры, то мы могли бы ожидать отъ нихъ большаго разнообразія и цѣлаго ряда послѣдующихъ вариаций; но этого мы не находимъ, и не многіе позднѣйшіе, обоюдоострые мечи носятъ на себѣ еще въ болѣе высокой степени печать иноземнаго происхожденія. Таковы,

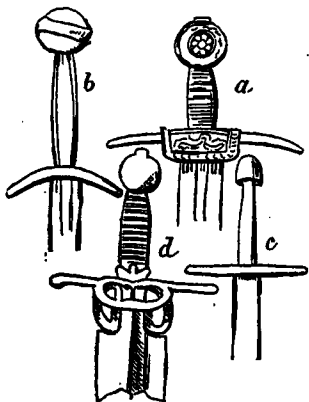

Рис. 2. Рукоятки средневековыхъ мечей западнаго издѣлья: а) мечъ св. благовѣрнаго князя Тимофея, предъ крещеніемъ именованнаго Довмонтомъ, находившійся въ Троицкомъ соборѣ, при мощахъ его, въ Псковѣ; б) мечъ XIII вѣка, на которомъ имѣется готскіи письменами надпись „Maria“; хранится въ парижскомъ артиллерійскомъ музеѣ; в) мечъ XI вѣка изъ San Agata dei Goti въ неаполитанской области; хранится въ музеѣ г. Эрбаха, д) мечъ съ т. наз. „*ras d'âne*“ XV вѣка.

напримѣръ, мечи, хранящіеся въ Псковскомъ Троицкомъ соборѣ и приписываемые, одинъ, святому благовѣрному князю Тимофею, до крещенія именованному Довмонтомъ, и другой — св. благовѣрному князю Гавриилу Псковскому. Оба они довольно длинныя и узкіе, изящной работы; клинки съ «долами», т. е. съ продольными желобками, въ богатыхъ ножнахъ, рукоятки украшены золотомъ и камнями. Мечъ Довмонта — въ ножнахъ, обтянутыхъ зеленымъ бархатомъ, съ золотымъ (?) длиннымъ, узорчатымъ наконечникомъ, представляющимъ разводы, на подобіе дубовыхъ листьевъ. Рукоятка съ длинной и тонкой перекладиной, выгнутой внизу (къ клинку) и снабженной на одной сторонѣ золотой (или позолоченной) небольшою, пластинкой (*ras d'âne*); набалдашникъ небольшою крутой, былъ украшенъ камнемъ. Въ общемъ, этотъ мечъ съ его рукояткой представляетъ полнѣйшее сходство съ западно-европейскими мечами XIII—XIV вѣковъ, какъ то видно уже изъ прилагаемыхъ рисунковъ, а еще

*) Изложенный краткій абрисъ исторіи меча на западѣ касается только главнаго типа мечей, рядомъ съ которыми существовали и другіе типы, о нѣкоторыхъ изъ коихъ будетъ сказано далѣе.

болѣе изъ сравненія съ сѣверными мечами XIV вѣка, изображенными у Ворсо *). Тоже можетъ быть сказано и относительно меча кн. Всеволода-Гавриила, зеленая рукоятка котораго (изъ какого то зеленого камня?) снабжена также длинной изогнутой перекладиной (но вогнутой кверху, къ рукояти), а многогранный набаддашигъ, съ темлякомъ, представляетъ золотое изображеніе двухъ стоящихъ львовъ подъ короною (то же изображеніе есть и на ножнахъ). Впрочемъ, западное происхожденіе этого меча доказываютъ уже имѣющіяся на немъ латинскія надписи.

Длинные прямые мечи, во всякомъ случаѣ, употреблялись на Руси не долго и ихъ скоро вытѣснили сабли, заимствованныя, повидимому, у хазарь, печенѣговъ, татарь, черкасъ и другихъ восточныхъ народовъ. Изъ письменныхъ памятниковъ видно, что сабли были извѣстны у насъ уже съ IX вѣка, а въ «Словѣ о полку Игоревомъ» онѣ упоминаются уже неоднократно въ качествѣ русскаго оружія **) Древность сабель на Руси подтверждаютъ и раскопки кургановъ; такъ одна сабля была найдена г. Самогвасовымъ, вмѣстѣ съ варяжскими мечами, въ черниговской «Черной Могилѣ» X-го вѣка; другая сабля, съ клинкомъ длиною въ 21 вершокъ, была найдена въ мерянскомъ курганѣ у села Городища ***); извѣстно также нѣсколько сабель — изъ кургана на Липецкомъ полѣ, изъ кургановъ Нижегородскаго уѣзда, Самарской губерніи, Терской области и т. д., но, повидимому, большей частью, уже позднѣйшей эпохи. Старинныя сабли имѣли часто весьма значительную длину, какъ показываетъ примѣръ мерянской сабли, а еще болѣе многіе экземпляры изъ кургановъ Терской области, клинокъ коихъ имѣетъ до 110 и болѣе сантиметровъ въ длину. Такія длинныя сабли, очевидно, могли носиться удобно только коннымъ народомъ, сражающимся постоянно на лошадяхъ. Рукоятка этихъ сабель — съ поперечной перекладиной

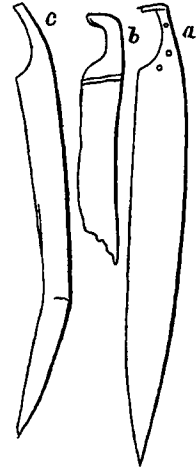

Рис. 3. Древнѣйшіе желѣзные мечи (ножи), найденные въ средней и сѣверной Европѣ: а) мечъ изъ каменнаго гробника, подъ насыпнымъ лаптевымъ курганомъ, близъ Rundsberge на о-вѣ Oeland; найденъ при раскопкѣ вмѣстѣ съ желѣзными копьемъ и остатками щита; б) желѣзный рѣзакъ изъ Галльштадтскаго могильника, начальнаго желѣзнаго вѣка; в) древнѣйшій желѣзный мечъ (экземпляръ нѣсколько погнутъ) изъ могилы со скѣлками группированна на о-вѣ Борнгольмъ.

*) Ворсо, Сѣверныя Древности, средніе вѣка, 2-е отдѣленіе, стр. 168—169, рисунки 579, 580, 581. Хорошія, раскрашенные изображенія мечей Довмонта и Всеволода-Гавриила, въ $\frac{1}{6}$ настоящей величины, можно видѣть въ Императорскомъ Историческомъ Музѣѣ, въ коллекціи рисунковъ г. Мартынова.

**) Ярополкъ Изяславичъ былъ «саблею съ коня прободенъ» (подъ 1085 г.); Изяслава Давидовича (подъ 1162) «постигже Воиборъ Негечевичъ и съче по главѣ саблею». Въ словѣ о полку Игоревомъ упоминаются: «сабли изъострени», «поскепаны саблями калеными шеломы Оварсыя», «Ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя» и т. д. См. «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одежды, оружія» и проч. П. Савваитова. Спб., 1865, стр. 25. На миниатюрахъ «Сказанія о святыхъ Борясѣ и Глѣбѣ», варяги вооружены длинными мечами, но у одного изъ убійцъ Глѣба представлена и широкая сабля.

***) Гр. А. С. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ. «Труды Московскаго Арх. Съѣзда», стр. 756—757.

(около 12 сант. длиною), на которой нерѣдко укрѣпленъ желѣзный крестъ, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ 3; носились сабли въ деревянныхъ ножнахъ, отъ которыхъ сохранился иногда только желѣзный наконечникъ.

Гр. А. С. Уваровъ, описывая мерянскую (городищенскую) саблю, замѣтилъ, что по своему изгибу она сходна съ скандинавскими саблями второй эпохи желѣзнаго вѣка и, вѣроятно, была скандинавскимъ издѣльемъ. Съ этимъ мнѣніемъ, однако, едва ли можно согласиться, такъ какъ скандинавскія «сабли» имѣли другую форму, отличную отъ типичныхъ восточныхъ сабель. Если подѣлать саблей разумѣть всякій клинокъ съ изогнутымъ, выпуклымъ лезвиемъ, то употребленіе сабель можно приписать и древнимъ грекамъ, и кельтамъ, и германцамъ. У спартанцевъ были короткіе, широкіе, изогнутые, съ выпуклымъ лезвиемъ (*Μάχισρα*); въ гальштадтскомъ могильникѣ встрѣчаются короткіе и широкіе ножи, въ родѣ косарей, (рис. 4, 5) бывшіе, по мнѣнію Ундсета, первообразами послѣдующихъ однолезвийныхъ и изогнутыхъ мечей германцевъ; въ Скандинавіи, въ позднѣйшую эпоху желѣзнаго вѣка употреблялись длинные меча (типа описаннаго ранѣе) съ нѣскольکو выпуклымъ къ концу лезвиемъ; въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ (ранѣе Меровингской эпохи) также попадаются ножи съ изогнутымъ лезвиемъ (тогда какъ въ Меровингскую эпоху — ножи и мечи прямые) и т. д.*). Но всѣ эти формы, не имѣвшія, повидимому, большаго распространенія и вытѣсненныя впоследствии формами съ прямымъ лезвиемъ, едва ли могутъ быть названы саблями и во всякомъ случаѣ не представляютъ никакого сходства съ позднѣйшими восточными типами послѣднихъ, а также и съ древними саблями, находимыми въ русскихъ курганахъ**). Типичная сабля, какъ то показываетъ самый корень ея названія, и вся исторія ея распространенія ведетъ свое начало съ востока, гдѣ — въ Индіи, Персіи и у тюркскихъ народовъ — она была въ употребленіи съ давнихъ временъ и отсюда она была заимствована и русскими, а равно и другими славянами, литовцами, нѣмцами и т. д. Въ старинныхъ русскихъ описаніяхъ оружія упоминаются сабли турецкія, угорскія, кизылбашскія, горскія и т. д., и даже сабли московской работы, по различію образцовъ, были на турецкое дѣло, на угорское дѣло, на черкасское дѣло, на кизылбашскій выковъ и т. д., что все указываетъ на заимствованіе у сосѣднихъ восточныхъ

*). См. Beck, Die Geschichte des Eisens, S. 444—445, fig. 72, 2; Undset, l. c. Tab. 1, fig. 5; Ворсо, l. c. Жел. вѣкъ II, fig. 493; Lindenschmidt, Handbuch, S. 205. Всѣ эти формы — съ выпуклымъ лезвиемъ, о мечахъ же съ вогнутымъ лезвиемъ будетъ сказано далѣе.

**). Гр. Уваровъ сравниваетъ мерянскую саблю съ скандинавскими, изображенными у Ворсо, №№ 493 и 496; но № 493 есть длинный, норманскій мечъ, съ его типичною рукояткою и съ прямымъ обоюдоострымъ лезвиемъ, только къ концу нѣсколько изогнутымъ (выпуклымъ), а № 496 представляетъ однолезвийный мечъ съ вогнутымъ лезвиемъ, и оба не имѣютъ, по моему мнѣнію, никакого сходства съ мерянскою саблею.

народовъ *). Одна изъ причинъ, почему сабля получила столь широкое распространение и вытѣснила у многихъ народовъ прямой мечъ, заключается въ ея преимуществѣ, какъ рѣзущаго орудія; лезвіе ея наноситъ ударъ косвенно и потому обладаетъ большею, прорѣзывающею силою. Какъ извѣстно, рѣзущая

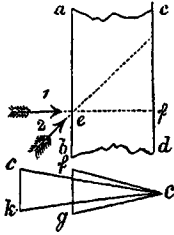

Рис. 5. Чертежъ, разъясняющій преимущество сабли. какъ рѣзущаго орудія, а b c d есть элементъ клинка меча, въ которомъ ab — лезвіе, cd — тылье. Если предметъ, который долженъ быть разрѣзанъ мечемъ, приходится въ перпендикулярномъ положеніи къ лезвію, какъ показываетъ стрѣлка № 1, то поперечное сѣченіе клинка, которымъ наносится ударъ, по линіи ef представится въ видѣ треугольника f g c; если же предметъ приходится въ косвенномъ положеніи къ лезвію, какъ показываетъ стрѣлка № 2, то поперечное сѣченіе клинка представится въ видѣ треугольника e k c, — уголъ котораго (на c) будетъ значительно острѣе и, следовательно, при одинаковыхъ условіяхъ, рѣзущая сила больше. Для достиженія этой большей остроты угла, въ некоторыхъ странахъ Востока употребляютъ такой прѣмъ, что ударяютъ мечемъ косвенно, стараясь, чтобы въ моментъ удара онъ не только расклевало, но и разрывало (дергая его къ себѣ). Но тотъ же результатъ получается при употребленіи клинка вездѣ (придаемъ ему форму сабли), потому что тогда, и при обыкновенно разрывающемъ ударѣ, лезвіе будетъ падать на предметъ косвенно.

сила лезвія пропорціональна его остротѣ, другими словами обратно пропорціональна величинѣ угла, образуемаго двумя сторонами лезвія. Но уменьшеніе величины этого угла можетъ идти только до извѣстнаго предѣла, обусловливаемаго степенью крѣпости, какою долженъ обладать клинокъ, для того чтобы проникать твердое вещество (кость). Дальше этого предѣла заостреніе лезвия было бы непрактичнымъ,

но острота его можетъ быть усилена приданьемъ лезвию выпуклой формы **). На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 5) a b c d представляетъ отрѣзокъ клинка меча, причежъ ab есть лезвіе, а c d — тылье, толщиною $\frac{1}{8}$ дюйма. Если предметъ, который требуется разрѣзать, будетъ соприкасаться съ лезвіемъ подъ прямымъ угломъ, какъ показываетъ стрѣлка № 1, то поперечный разрѣзъ клинка, которымъ долженъ быть нанесенъ ударъ, будетъ представлять треугольникъ f e g; но если разрѣзаемый предметъ будетъ соприкасаться съ лезвіемъ косвенно, по направленію стрѣлки № 1, то поперечный разрѣзъ клинка, по линіи удара, будетъ представлять секъ, причежъ можно видѣть, что острота угла въ e значительно увеличится. Для того, чтобы получить такой косвенный ударъ, необходимо или придать прямому мечу, при ударѣ, сотрясательное движеніе (т. е., ударяя, въ то же время дергать имъ къ себѣ) или, что удобнѣе, изогнуть мечъ, т. е. сдѣлать лезвіе выпуклымъ. Въ древнія времена, какъ мы видѣли, сабли иногда дѣлались очень длинныя, но позже стали употребляться болѣе короткія (часто также болѣе изогнутыя), причежъ, для приданія болѣе сильной силы удару, нижняя часть клинка обыкновенно выковывалась болѣе широкою (такъ наз. «елмань» или «елмацъ»). Со времени нашествія монголовъ

Рис. 4. Кривые мечи съ выпуклымъ лезвіемъ: а) Персидскій ятаганъ; б) кукри (kookrie), мечъ племена Гурковъ (Gurkhas), въ Непалѣ; в) греческой „лописъ“, — копія изобразленія на одной греческой вазѣ въ Брианскомъ музеѣ, на которой представлена битва между богами и титанами.

гнуть мечъ, т. е. сдѣлать лезвіе выпуклымъ. Въ древнія времена, какъ мы видѣли, сабли иногда дѣлались очень длинныя, но позже стали употребляться болѣе короткія (часто также болѣе изогнутыя), причежъ, для приданія болѣе сильной силы удару, нижняя часть клинка обыкновенно выковывалась болѣе широкою (такъ наз. «елмань» или «елмацъ»). Со времени нашествія монголовъ

*) Савваитовъ, Описаніе старинныхъ утварей и пр. стр. 260. Были, впрочемъ, сабли и на «московскій выковъ» хотя типичной «московской» формы сабель, кажется, и небыло.

**) Предлагаемое объясненіе преимущества сабли, какъ рѣзущаго орудія, заимствовано мною, у Lane Tux'a, см его «Catalogue of the Anthropological collection», L. 1877., p. 171.

прямой мечъ, повидимому, окончательно сталъ выводиться на Руси и съ этого времени его мѣсто всюду заступила сабля.

Такимъ образомъ, изъ двухъ зашедшихъ на русскую почву типовъ мечей, прямого—норманскаго и криваго—восточнаго, сабли, второй получилъ преобладаніе и скоро окончательно вытѣснилъ первый. Возможно, что въ болѣе древнюю эпоху у русскихъ славянъ и ихъ финскихъ сосѣдей были и свои собственные мечи, но, если они и были, то по всей вѣроятности довольно плохого качества, а потому и не сохранились въ могиллахъ, а равно и не могли выдержать конкуренціи съ гораздо болѣе совершенными, западными и восточными издѣльями. Къ числу такихъ туземныхъ мечей, можетъ быть, слѣдуетъ отнести фрагменты клинковъ, найденные въ Муромѣ, при устройствѣ водопровода (въ коллекціяхъ гг. Сонцова и Керцелли, теперь въ Историческомъ Музеѣ) и нѣсколько фрагментовъ мечей — изъ Ярославскихъ и Владимірскихъ кургановъ (одинъ изъ нихъ, съ рукояткой, представленъ на таб. I, рис. 4). Но въ особенности заслуживаетъ вниманія мечъ, изображенный на той же таблицѣ, рис. 2, и который былъ найденъ, повидимому, въ одномъ курганѣ Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи *). Мечъ этотъ, плохо сохранившійся, имѣетъ въ длину около 41 сантиметра, при ширинѣ въ 2,8 сант. и съ рукояткой, длиною въ 6,7 сант.; онъ однолезвийный, съ тыльемъ въ 0,9 сант. и правильно изогнутъ, причемъ лезвіе его *вогнуто*, тылье выпукло (т. е. обратно, чѣмъ у сабель), и рукоятка продолжаетъ изгибъ клинка. Между рукояткой и клинкомъ граница опредѣляется маленькимъ выступомъ (въ обѣ стороны); притомъ рукоятка нѣсколько уже клинка и представляетъ отверстія, очевидно для гвоздей, которыми пригнѣплялась къ ней деревянная или костяная оправа. Конецъ клинка обломанъ, впрочемъ, не много, и во всякомъ случаѣ видно, что лезвіе сохраняло свою вогнутость до конца и не переходило въ выпуклость, какъ на восточныхъ ятаганахъ. Насколько мнѣ извѣстно, другаго такого меча изъ курганскихъ находокъ неизвѣстно, а потому и трудно сказать что либо опредѣленное относительно распространенія и происхожденія этой формы. Можно только замѣтить, что она не совершенно исключительная и что подобныя ей могутъ быть указаны, какъ среди западно-европейскихъ, такъ и среди азіатскихъ формъ мечей.

Вогнутая форма клинковъ была уже въ употребленіи у этрусковъ, какъ то показываютъ экземпляры мечей, найденные въ Veji. Еще ранѣе подобную вогнутость представлялъ мечъ, называвшійся у грековъ *κοπίς*; у котораго, однако, къ концу, лезвіе дѣлалось прямымъ или изгибалось въ противоположную

*) Говоримъ — «повидимому», потому что относительно мѣстонахожденія этого меча имѣется нѣкоторое сомнѣніе. На Антропологической выставкѣ 1879 г. онъ фигурировалъ въ числѣ вещей изъ кургановъ Рыбинскаго уѣзда, раскопанныхъ Н. Г. Керцелли (который самъ принималъ участіе въ устройствѣ выставки), но въ протоколахъ этихъ раскопокъ, помѣщенныхъ въ X томѣ Извѣстій Общества Люб. Естествознанія, о мечѣ не упоминается, а говорится только о топорахъ, копьяхъ, бусахъ, бронзовыхъ привѣскахъ и т. д. Протоколы, впрочемъ, не обнимаютъ собою всѣхъ раскопокъ, и во всякомъ случаѣ мечъ этотъ происходитъ либо изъ Ярославскихъ, либо изъ Владимірскихъ кургановъ.

сторону. (См. рис. 6). Изображенія такихъ мечей встрѣчаются на древнихъ росписныхъ вазахъ; подлинныя же образцы ихъ были найдены въ Испаніи, въ могилахъ, относимыхъ къ римской эпохѣ. По словамъ Ксенофонта, копья употреблялись персами и варварами, а Квинтъ Курцій говоритъ, что имъ пользовались персы на охотѣ *). Большое сходство съ кописомъ представляетъ индѣйскій *кукри*, — мечъ гуркасовъ въ Непалѣ (рис. 6, б), а также, въ болѣе отдаленной степени, кабилская флисса и турецкіе и персидскіе ятаганы (рис. 6, в) Съ другой серіей вогнутыхъ мечей познакомили насъ раскопки сѣверогерманскихъ и скандинавскихъ могилъ. Въ могилахъ острова Борнгольма, съ остатками костищъ, и даже въ болѣе древнихъ, подъ курганами, ссыпанными изъ камней, встрѣчаются однолезвийные мечи, лезвіе которыхъ вогнуто, а рукоятка продолжаетъ собою изгибъ клинка (рис. 4, а). Въ Швеціи, особенно въ восточной ея части и на островахъ Эландѣ и Готландѣ, въ каменныхъ гробницахъ, были также найдены широкіе мечи съ выпуклымъ тыльемъ и съ прямымъ, или слегка выгнутымъ лезвіемъ (рис. 4, б), а равно подобныя же вогнутые мечи (или ножи) извѣстны и изъ Даніи **). Сравнивая всѣ эти формы съ ярославскимъ экземпляромъ, можно заключить, что изъ западно-европейскихъ формъ наиболѣе сходства съ нимъ представляетъ Борнгольмскій мечъ, но и онъ отличается тѣмъ, что клинокъ его болѣе суживается къ концу, а рукоятка значительно уже клинка и имѣетъ другую форму; у прочихъ же западно-европейскихъ формъ можно констатировать еще болѣе различій. Восточныя формы, и въ частности ятаганы, представляютъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, болѣе сходства: клинокъ ихъ также удерживаетъ почти до конца одинаковую ширину, а рукоятка также немногимъ уже клинка и отдѣляется отъ него подобными же боковыми выступами; но, съ другой стороны, вогнутость лезвія ятагановъ переходитъ обыкновенно, къ концу въ выпуклость, чего на описываемомъ нами экземплярѣ незамѣтно. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что описанная форма ведетъ свое происхожденіе скорѣе съ востока, чѣмъ съ запада, хотя, быть можетъ, впоследствии будутъ найдены переходныя формы, которыя въ состояніи будутъ связать её и съ скандинавскими типами. Во всякомъ случаѣ эта форма представляется у насъ покуда исключительною и описанный экземпляръ, вѣроятно, попалъ въ Ярославскую губернію случайно.

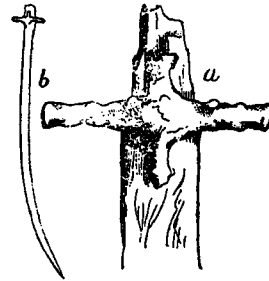

Рис. 6. Длинная сабля изъ одного кургана Терской области: а) рукоятка ея (верхній конецъ обломанъ) — съ перекладнымъ въ оорій креста; б) вся сабля — въ очень маломъ масштабѣ.

Д. Анучинъ.

*) Lane Fox, Catalogue etc. p. 174—175, plate XIV. — У древнихъ даковъ, судя по изображеніямъ на Траяновой колоннѣ были также кривые ножи, съ вогнутымъ лезвіемъ, но похожіе скорѣе на серпы; мечи даковъ были, однако, прямые, короткіе.

**) Undest, l. c. S. 404, fig. 119, S. 480, fig. 170; Ворео, l. c. Jernalderen II. fig. 496.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦЫ.

Рис. 1. Желѣзный мечъ, найденный г. Кушинскимъ, въ курганѣ Смоленской губ. и уѣзда, близъ д. Гвѣздово. Представленъ до половины клинка; но въ дѣйствительности онъ сохранился весь и имѣетъ въ длину 99 сантиметровъ. Рукоятка его съ серебряной насѣчкой. Хранится въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ.

Рис. 2. Желѣзный мечъ съ вогнутымъ лезвиемъ, изъ кургана Рыбинскаго уѣзда (?) Ярославской губ. (раскопки Н. Г. Керцелли), длиною 41 сант. Коллекція Моск. Университета (Общ. Люб. Ест.) въ Историческ. Музеѣ.

Рис. 3. Фрагментъ желѣзнаго меча съ рукояткой, оканчивающейся кольцомъ, изъ Кобаньскаго могильника въ Осетіи, раскопки Г. Д. Филимонова. Коллекція Москов. Университета (Общ. Люб. Ест.) въ Историческомъ Музеѣ.

Рис. 4. Бронзовая литая рукоятъ отъ желѣзнаго меча, съ слѣдами клинка, изъ клада, найденнаго у Степанъ-Цминда, близъ Казбека, Г. Д. Филимоновымъ, Колл. Моск. Унив. (Общ. Люб. Ест.), въ Историческомъ Музеѣ.

Рис. 5. Фрагментъ желѣзнаго меча съ частью рукоятки. Изъ Ярославскихъ кургановъ. Колл. Моск. Унив. (Общ. Люб. Ест.), въ Историческомъ Музеѣ.

О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи.

В. В. Суслова.

СЪ 3 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ.

До настоящаго времени всѣ труды нашихъ ученыхъ художниковъ по изслѣдованію древняго русскаго зодчества были направлены только на изученіе каменныхъ образцовъ его, изслѣдованіе же деревянной архитектуры если и не совсѣмъ, то замѣтно игнорировали. Академикъ Даль, въ этомъ случаѣ, былъ выдающимся исключеніемъ, положивъ починъ серьезному, специальному изслѣдованію деревянныхъ памятниковъ роднаго зодчества, но по смерти его никто не продолжилъ начатаго имъ труда; между тѣмъ изученіе лучшихъ образцовъ весьма важно для насъ не только въ смыслѣ уясненія вліянія деревянной архитектуры на каменную лучшаго періода, но какъ и естественный духовный продуктъ самобытной народной жизни. Въ виду того, что памятники этой вѣтви зодчества съ каждымъ годомъ безслѣдно исчезаютъ — я получилъ предложеніе отъ Императорской Академіи Художествъ осмотрѣть и сдѣлать тщательные обмѣры ихъ и рисунки. Мое вниманіе прежде всего обратилось на Архангельскую и Вологодскую губерніи, какъ на самый лѣсной край, въ которомъ по преимуществу развивалась деревянная архитектура. Въ настоящее время, окончивъ обработку собраннаго мною матеріала по этому предмету, имѣю честь въ краткомъ рефератѣ ознакомить собраніе съ тѣми данными, которыя добылъ я за время моего путешествія. Трудъ мой заключается специально въ изслѣдованіи развитія нашего зодчества въ этихъ краяхъ и такъ какъ первымъ импульсомъ этому развитію послужило здѣсь насажденіе христіанства, то и считаю не лишнимъ хотя-бы въ общихъ чертахъ намѣтить исторію распространенія его.

Почти съ достовѣрностью можно сказать, что поселенцы Сухоны (чудь) еще въ княженіе св. Владиміра были подвластны Новгороду; ибо въ лѣтописяхъ упоминается, что жители Печоры платили въ это время дань Новгороду, а такъ какъ на Печорѣ не было другаго пути какъ черезъ Сухону, то и трудно остановиться на томъ, что Новгородъ управлялъ бы краемъ, не подчинивъ себя

предварительно чюдъ бѣлоглазую. Вообще извѣстно, что жители сѣверныхъ окраинъ всегда производили большую торговлю (пушными и др. товарами) съ Новгородомъ и Ростовомъ, слѣдовательно были знакомы съ христіанствомъ, если не въ X то въ XI стол. Такъ въ 1147 г. преподобный Герасимъ, насаждая здѣсь христіанскую вѣру, уже нашелъ въ Вологдѣ церковь Воскресенія Христова. Онъ строить здѣсь Троицкій Кайсаровскій монастырь, совершаетъ этимъ постепенно побѣду надъ язычествомъ, и край уже привлекаетъ серьезное вниманіе Новгородцевъ. Они заводятъ здѣсь колонію, «рубятъ города» для защиты отъ непріятелей, посылаютъ священниковъ крестить корель, ставятъ церкви, часовни — словомъ край начинаетъ быстро культивироваться и народъ проникается идеями новой религіи; но при этомъ, столкновеніе столь различныхъ элементовъ нравственной жизни христіанъ и язычниковъ порождаетъ полное броженіе умовъ, такъ что въ то время, когда народъ уже началъ жить идеями христіанской религіи, онъ не вполне отрѣшается отъ своихъ дикихъ, языческихъ забавъ. Наконецъ духовная борьба иноковъ — обличителей окончательно сдавила и заглушила всѣ проявленія народной жизни: смолкаютъ пѣсни баяновъ, игры, пляски; появляется символика въ связи съ аллегорическимъ олицетвореніемъ событій. Вслѣдствіе такого стремленія къ нравственному совершенству строится множество монастырей, куда приходятъ, начиная отъ простаго селянина до владѣтельнаго князя. Такъ, Глѣбъ Васильевичъ основалъ знаменитый Каменный монастырь, который былъ свѣточемъ духовной жизни не только прибрежныхъ жителей, но и для отдаленнаго сѣверо-востока. Тамъ, въ этой дикой части края появляются монастырскіе иноки, ревностно проповѣдуютъ вѣру Христа, строятъ церкви и часовни, какъ болѣе понятные символы новой религіи. Такимъ образомъ съ развитіемъ христіанской религіозной жизни и всеобщаго уваженія къ инокамъ, особенно во время междоусобицъ и смутъ, въ народѣ порождается стремленіе къ совершенству по образу Христа, желаніе уйти въ монастырь, чтобы покойно углубиться въ духовную жизнь. Такое состояніе народа, безспорно, должно было вызвать массу церковныхъ построекъ и дѣйствительно, въ два столѣтія монгольскаго ига было построено монастырей вдвое больше, чѣмъ въ предыдущія два съ половиною столѣтія. Эта внутренняя потребность народа къ постройкѣ храмовъ и дала прямую возможность развиваться строительному дѣлу, особенно въ вѣчевой періодъ, до замѣчательныхъ образцовъ, хотя правда весьма благоприятнымъ обстоятельствомъ въ его развитіи былъ, конечно, свободный доступъ иноземнымъ мастерамъ (изъ Византіи, а потомъ «отъ всѣхъ земель»), которые строили по своимъ планамъ. И въ силу такихъ свободныхъ принциповъ русскаго народа, въ Новгородѣ даже существовала цѣлая улица мастеровъ. При первыхъ-же постройкахъ деревянныхъ храмовъ русскіе мастера скоро присматриваются къ дѣлу своихъ иноземныхъ товарищей, такъ что не въ долгѣ (1194 г.) по городамъ и селамъ

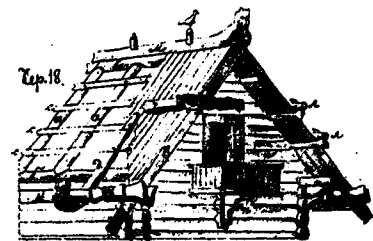
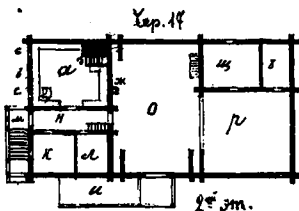
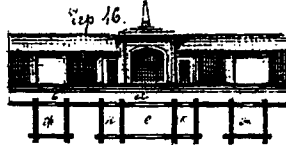
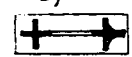
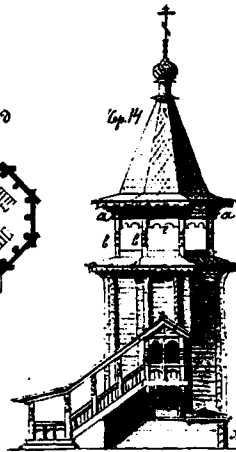
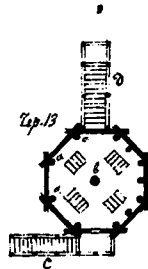
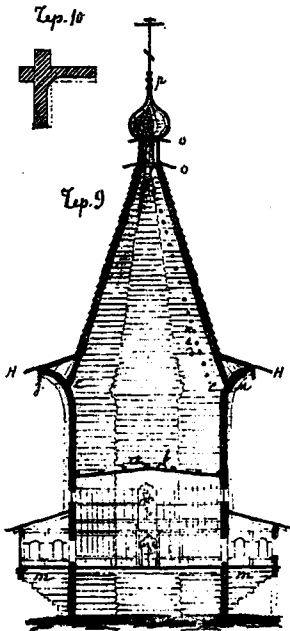
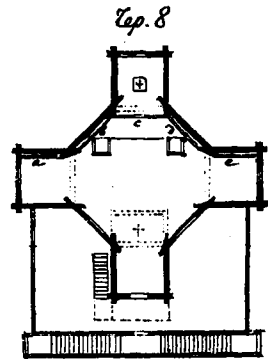
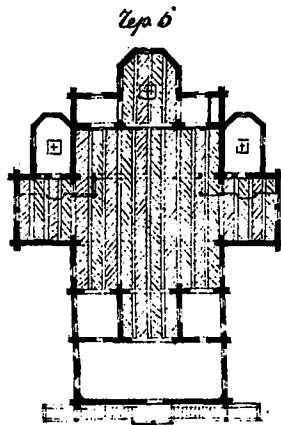
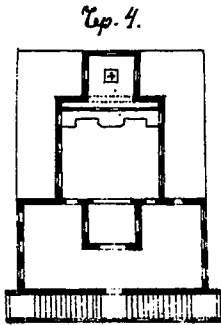
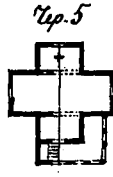
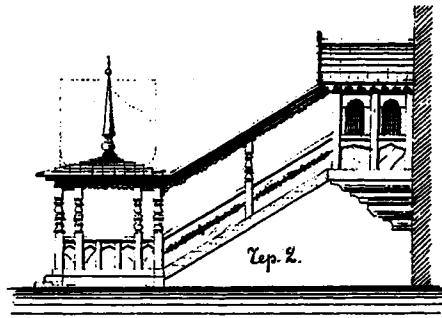
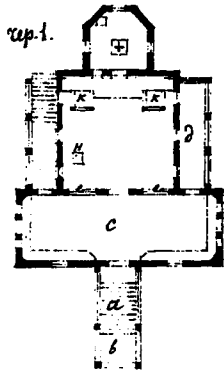
появляются свои зодчіи, которые впоследствии, хотя не шли въ иноземныя артели, гдѣ нужно было пройти степени ученика, подмастерья и затѣмъ мастера, но составили свои собственные, могущія успѣшно конкурировать съ пришлецами. Тѣ-же подряды, въ которыхъ что либо не могла сдѣлать русская артель одна, она брала вмѣстѣ съ иностранцами. Этимъ путемъ наше искусство продолжаетъ развиваться и въ монгольское иго, хотя казалось-бы, что подъ этимъ гнетомъ оно должно было-бы заглохнуть. Но оказалось, что монголы, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній, смотрѣли на мастера, какъ на лицо, свыше осѣненное, т. е. причисляли ихъ къ людямъ церковнымъ, относительно которыхъ упоминается даже въ одномъ изъ ярлыковъ хана: «а что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, а въ наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ». Отсюда видимъ, что мастера пользовались особой привилегіей, вслѣдствіе чего для нашихъ и иноземныхъ мастеровъ дорога къ дальнѣйшему усовершенствованію была всегда открыта. Разореніе же церквей, поруганіе святыхъ, при наказаніи монголами князей и областей оправдывается ихъ понятіями о войнѣ, согласно съ законами Чингизъ-Хана и не противорѣчатъ ихъ вѣротерпимости въ мирное время.

Къ концу XIV вѣка христіанская вѣра устанавливается и проникаетъ въ самую глубь сѣверо-востока. Дмитрій Прилуцкій основываетъ первый общежительскій монастырь; прокладываетъ дорогу въ Комельскій лѣсъ, строитъ келии и дѣлаетъ эти непроходимыя мѣста новою колыбелью проповѣдниковъ имени Христа. Нѣсколько позже св. Стефанъ вноситъ христіанство въ древнюю Беармію (Пермь) къ зырянамъ, переводитъ на ихъ языкъ церковныя книги и воздвигаетъ первую церковь въ Усть-Вымѣ; далѣе, проходя деревни, непоколебимо проповѣдуя ученіе Христа, ставитъ дорогой кресты, часовни, церкви и въ короткое время обращаетъ въ христіанство язычниковъ на протяженіи до 200 верстъ.

Около половины XV стол. новгородецъ Зосима, достигнувъ острововъ Бѣлаго моря, положилъ начало знаменитому Соловецкому монастырю, снискалъ расположеніе посадницы Марыи Борецкой и при ея помощи украсилъ острова церквами и часовнями. Послѣ него здѣсь-же появляется новое свѣтило церкви св. Филиппъ; онъ строитъ трапезную церковь, соборъ, мельницу и др. уже каменныя постройки. Кромѣ этихъ иноковъ-строителей, нельзя не замѣтить, что при благоустройствѣ церквей всегда принимали большое участіе сосѣдніе князья и промысловые люди. Такъ, напримѣръ, Вятка, благодаря своей цвѣтущей промышленности, всегда помогала зырянамъ въ постройкѣ церквей; князья же при этомъ охотно уступали обширныя участки земли людямъ, бравшимся населить ихъ, и давали имъ при томъ большія льготы. Въ такихъ условіяхъ напр. Строгановы на столько развили свою дѣятельность въ области Камы, что воздвигли

гали цѣлые города: Конгура, Кергеданъ съ крѣпостями, башнями, церквами и пр. Все это вмѣстѣ вызвало большой запросъ на мастеровъ. Рушился вѣчевой строй, политическія силы стянулись къ Москвѣ, мастера разбѣжались по окраинамъ сѣвера и не шли въ Москву, не смотря на то, что она уже неоднократно требовала ихъ, не шли во первыхъ потому, что на сѣверѣ, среди цвѣтущей промышленности, они получали такую цѣну, какую Москва не могла дать имъ, а во вторыхъ, что боялись столкновений съ московскими мастерами. Эта цвѣтущая пора для нашего плотничнаго искусства, воспитаннаго на родной почвѣ, была послѣдней. Москва не на шутку взялась за мастеровъ; она требовала, чтобы намѣченныя ею артели стали на казенныя работы и при этомъ, для обезпеченія, брала заложниковъ. И вотъ потянулись со всѣхъ сторонъ артели къ Москвѣ съ тѣмъ запасомъ свѣденій по строительной части, которыя выросли вѣками на свободныхъ принципахъ богатаго сѣвера и которыя имъ пришлось примѣнять уже къ каменнымъ постройкамъ. Въ сѣверныхъ же губерніяхъ искусство шло уже традиціоннымъ путемъ и только при воеводахъ оно тормозилось наступившимъ смутнымъ временемъ самозванцевъ, расколомъ и т. п. Хотя эти событія и не оставили замѣтныхъ слѣдовъ на развитіи искусства, но все-таки нѣсколько стѣсняли его. Судя по обстоятельствамъ, при которыхъ развивалось наше строительное дѣло, видимъ, что главное мѣсто въ постройкахъ принадлежитъ церквамъ. Развитію гражданской архитектуры препятствовало правительство, которое всегда увеличивало налоги на владѣльцевъ богатыхъ построекъ и по поводу этого обстоятельства замѣтилъ тогдашній публицистъ Котошихинъ, «кто построить хорошій домъ, тотъ непременно раззорится». Намѣтивъ такимъ образомъ историческій ходъ распространенія христіанства и народонаселенія въ соединеніи съ развитіемъ зодчества въ этихъ отдаленныхъ отъ центра Россіи мѣстахъ, рассмотримъ болѣе подробно сохранившіеся памятники архитектуры церковной.

Одинъ изъ самыхъ простыхъ типовъ въ нашей церкви состоитъ изъ прямоугольнаго сруба «клети» маленькаго прируба съ восточной стороны для алтаря и открытой галлерейкой съ западной стороны. Церковь покрывалась двухскатной крышей съ главкой, а галлерейка — односкатной. Болѣе развитой типъ подобныхъ церквей имѣеть слѣдующее расположеніе: 1) лѣстница ведетъ въ церковь двумя маршами и покрыта двухскатной крышей съ переламываніемъ (церковь въ Шеговарской волости), или же лѣстница шла въ одинъ маршъ (а) по направленію продольной оси церкви и была открыта съ боковъ (церковь въ селѣ Ростовскомъ) (Таб. I, чер. 1). Лѣстницы оперливались и имѣли площадки; входная площадка б) покрывалась односкатной, двухскатной или четырехскатной крышами или бочками и такой входъ назывался рундукомъ. Верхняя площадка лѣстницы иногда закрывалась съ боковъ досками (черт. 2) съ маленькими окнами (забиралась въ столбы) и покрывалась особой двухскатной

крышею, при чемъ такой тамбуръ лежалъ обыкновенно на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ.

По лѣстницѣ входили въ большое помѣщеніе, называемое трапезной (с, чер. 1), въ которомъ потолокъ иногда подпирался столбами, обдѣланными въ видѣ колонокъ *). Вдоль всѣхъ стѣнъ трапезной тянулись опущенныя лавки, а посрединѣ помѣщенія были еще иногда двѣ скамьи. Для образовъ на стѣнахъ были полки и все это помѣщеніе освѣщалось небольшими окнами съ сѣверной и южной сторонъ, причемъ, если съ каждой стороны было по три окна, то въ большинствѣ случаевъ, среднее было большое, а по бокамъ волоковыя, называвшіяся, какъ извѣстно, такъ потому, что онѣ не затворялись, а задвигались, заволакивались. Потолокъ состоялъ изъ матиць (балокъ), забранныхъ досками прямою или въ косякъ. Изъ трапезной иногда былъ выходъ на особую галлерею д, съ которой священникъ кропилъ святой водой скотъ, приводимый крестьянами въ день св. Георгія.

Назначеніе же самой трапезной было слѣдующее: во время большихъ, въ особенности престольныхъ, праздниковъ болѣе зажиточные жители дѣлали складчину на пиръ, и народъ, со всѣхъ сторонъ далеко раскинувшася прихода, являлся сюда на праздникъ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, канономъ. Обычай этой «братчины» былъ, какъ извѣстно, распространенъ въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, сюда же перешелъ отъ новгородцевъ. О братчинѣ говорятъ наши лѣтописи, о ней поетъ и старая русская пѣсня. — Въ простые праздники, въ промежутокъ между заутреней и обѣдней, пришедшіе изъ далекихъ деревень богомольцы завтракали здѣсь и въ присутствіи священника, какъ болѣе свѣдующаго и духовнаго человѣка, бесѣдовали о дѣлахъ церковныхъ и общественныхъ. Изъ трапезной входили въ квадратное помѣщеніе, служившее мѣстомъ для молитвы. При большомъ стеченіи народа, нѣкоторые могли стоять въ трапезной и черезъ продолговатыя отверстія (с, чер. 1), находившіяся по бокамъ входа, слѣдить за отправленіемъ богослуженія. Отверстія эти (е, с), вышиною въ 10, вер. и отъ 2—2½ арш. длиною, были на высотѣ 2 арш. отъ полу и всегда имѣли рѣшетку или слюдяную узорчатую раму, поднимаемую вверхъ. Потолокъ самой церкви былъ хотя не выше, чѣмъ въ трапезной, но рѣдко достигалъ 6 арш. Въ церкви обыкновенно было два клироса, (ж, чер. 1) украшенныхъ узорчатыми досками, на полу же стояла казна (н, чер. 1), т. е. сундукъ съ церковными деньгами. Церковь освѣщалась большею частью съ южной стороны, вѣроятно, для того, чтобы дать меньше доступа холоду при сѣверныхъ вѣтрахъ. Солея возвышалась преимущественно на одну ступень или шла въ уровень съ церковнымъ поломъ. Алтарь, нерѣдко о трехъ и больше стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвен-

*) Смотри «Зодчій», 1883 годъ №№ 31, 32, 59, 60 (листы).

ника, или же только двумя волоковыми. Наружный видъ подобныхъ церквей, называемыхъ теплымъ или «клецки», былъ незатѣйливъ, т. е. все строеніе покрывалось двухскатной кровлей и только на самой церкви была одна главка или бочка съ главкой. И такъ, зная основной мотивъ нашихъ деревянныхъ церквей въ этомъ краѣ, мы просмотримъ по памятникамъ постепенное развитіе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтимъ нѣкоторыя мѣстныя, характерныя черты. Въ Вельскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось видѣть храмы уже описаннаго типа, и разница была только въ наружномъ ихъ устройствѣ т. е. на прямоугольномъ срубѣ поставлены одинъ, два или три осьмиугольныхъ, постепенно уменьшающихся въ діаметрѣ и высотѣ, но послѣдній при этомъ всегда покрытъ куполомъ съ главкою, какъ напримѣръ, въ селѣ Ростовскомъ (чер. 3). Покрытіе это по всемъ вѣроятіямъ позднѣйшее, хотя абрисъ купола даетъ впечатлѣніе бочечныхъ формъ съ главкамн. Фасады этихъ церквей очень часто росписаны въ шахматы. Подъѣзжая къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной типъ церквей, т. е. планъ имѣетъ видъ латинскаго креста (чер. 4), а по фасаду прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высоній осьмерикъ, увѣнчанный восьмиграннымъ шатромъ или конусообразнымъ, закругленнымъ у его основанія. Надъ алтаремъ же дѣлался такой куполь, какой мы видимъ въ церкви села Ростовскаго. Въ церквяхъ этого типа размѣры трапезной уменьшаются какъ напр. въ церкви Шеговорской волости и весь храмъ принимаетъ довольно художественный видъ. Далѣе, церкви принимаютъ большіе размѣры и другія формы, напр. равносторонняго греческаго креста (чер. 5). Затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи плана подобныхъ церквей, т. е. при увеличеніи размѣровъ, усложненіи формъ и богатствѣ деталей появляются уже такіе образцы нашего зодчества, какъ напр. соборъ въ г. Шенкурскѣ (чер. 6). Приближаясь къ р. Двинѣ, типъ этихъ церквей смѣшивается съ новымъ пріемомъ плана: повсюду замѣчается форма восьмиугольная, которая, какъ видно изъ лѣтописи Устюжской церкви, также весьма древняя. Съ восточной стороны восьмиугольника дѣлаютъ прирубъ для алтаря, а съ западной для паперти (чер. 7), далѣе, пробуютъ дѣлать еще третій прирубъ съ сѣверной стороны, предназначая его для особаго престола, — оставалось затѣмъ сдѣлать и четвертый прирубъ и получался по плану уже совершенно новый типъ креста, господствующій по всей Двинѣ (чер. 8). Какъ весьма интересный памятникъ подобнаго образца приводимъ церковь на рѣкѣ Бокшенгѣ (чер. 8). Иногда въ такихъ церквяхъ надъ западнымъ прирубомъ помѣщался особый придѣлъ, лѣстница въ который вела изъ нишевика, т. е. галлерей, окружающей церковь. Рядомъ съ вышеописанными типами церквей попадаются теплыя церкви или какъ выше было сказано «клецки». Устройство ихъ вполне аналогично съ общимъ типомъ, описаннымъ въ началѣ сообщенія и различіе только по верхушкѣ надъ самою церковью, т. е. поверхъ двухскатной крыши была бочка съ одной главкой или двѣ пересѣкающіяся бочки

съ тремя главками, или же главка находилась на низеньких восьмирикахъ. Затѣмъ, встрѣчается еще такой мотивъ въ наружномъ устройствѣ церквей, — мотивъ новгородскихъ и псковскихъ церквей и состоитъ въ покрытіи изъ двухъ пересѣкающихся двускатныхъ крышъ, вслѣдствіе чего полагается восемь скатовъ (чер. 11, а). Нельзя при этомъ не упомянуть объ общей формѣ церквей на берегахъ Двины, особенность которыхъ состоитъ въ контурѣ, общемъ силуэтѣ, напоминающемъ видъ корабля (чер. 1). Въ періодъ развитія у насъ символики такою формою выражалась народное представленіе о значеніи церкви въ жизни человѣка. Церковь уподоблялась кораблю, который одинъ только можетъ привести черезъ море житейское въ вѣчное пристанище. Въ формѣ этой нельзя не подмѣтить такъ же и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣтяхъ, устраняли во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей, образовъ и т. п. Описавъ общіе приемы постройки храмовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ деталяхъ.

Галлерей, какъ замѣчено выше, назывались «нищевниками», въ холодныхъ шатровыхъ церквахъ на рѣкѣ Двинѣ. Онѣ помѣщены на высотѣ 3--4 ар. отъ поверхности земли и покоятся на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ (чер. 9, т) на особомъ срубѣ или же просто на столбахъ. Галлерей состояла изъ брусковаго скелета, забраннаго досками «прямою» или «въ косякъ», причемъ дѣлались маленькія отверстія иногда довольно причудливаго очертанія, затворяющіяся съ внутренней стороны особыми затворами. Снизу это отверстіе ограничивалось горизонтальнымъ брускомъ, называемымъ «подлокотникомъ», пространство ниже котораго между стойками разбивалось на двѣ или на три части дощечками, имѣющими видъ вырѣзнаго фронтона. Съ южной стороны церкви, куда менѣе проникаетъ рѣзкій вѣтеръ, галлерей дѣлалась совсѣмъ открытою и тогда стойки обдѣлывались въ видѣ колоннокъ. (Ц. Влад. Бож. Мат.). Внутри нищевника, около стѣнъ тянулись скамьи для отдыха молящихся. Лѣстницы были такихъ мотивовъ, которые уже мной описаны; прибавлю только, что на Двинѣ онѣ гораздо богаче, съ бочечнымъ покрытіемъ на столбахъ, обдѣланныхъ въ видѣ колоннокъ и «опериливались» двумя досками вдоль, при этомъ шовъ между ними разыгрывался въ видѣ орнамента. *Алтари* Вельскаго уѣзда по большей части о пяти стѣнахъ съ куполомъ, какъ въ селѣ Ростовскомъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ устройство ихъ чаще о трехъ стѣнахъ съ бочечнымъ покрытіемъ и особой главкой, причемъ углы нерѣдко скашивались. При болѣе сложномъ устройствѣ алтарной части, какъ напр. въ Шенкурскомъ соборѣ, ихъ тройственное дѣленіе по фасаду весьма аналогично съ алтарями византійскихъ церквей. *Иконостасы* древняго устройства почти не встрѣчаются; мнѣ пришлось видѣть только одинъ въ церкви Спаса на р. Бокшенгѣ Вологодской губерніи Тотемскаго уѣзда, гдѣ онъ занимаетъ все протяженіе 5-ти стѣнъ церкви (чер. 8, а, b, c, d, e) и состоитъ изъ горизонтальныхъ брус-

ковъ, прибитыхъ къ стѣнѣ на разныхъ высотахъ и образующихъ такимъ образомъ ярусы; въ каждомъ изъ такихъ ярусовъ или рядовъ иконостаса помѣщались образа въ томъ порядкѣ, который принятъ, т. е. въ одномъ мѣстномъ, затѣмъ, праздничные, потомъ изображенія апостоловъ и праотцевъ. Съ нижняго бруска спускалась матерія, а остальные бруски «опушались» досками, имѣющими непрерывный раскрашенный орнаментъ довольно типичнаго рисунка. На эти бруски въ видѣ полокъ и ставились образа, одинъ къ другому безъ вертикальныхъ брусчатыхъ подраздѣленій между собою. Потолки, когда нужно было покрыть большое пространство, дѣлались въ видѣ фронтона (чер. 9) для того, чтобы доски между балками *a*, дѣлая распоръ, значительно уменьшали прогибъ самыхъ балокъ. Для достиженія резонанса въ церкви дѣлали круглыя отверстія въ потолкѣ и накрывали ихъ большими глиняными горшками (чер. 9, *b*). Рубка стѣнъ производилась въ «шапъ» (какъ у насъ въ «лапу»), причѣмъ внутреннія церковныя стѣны обтесывались плоскостями, «выскабливались въ лась», а въ углахъ закруглялись (чер. 10). Рубка «въ лапу» производилась большею частью въ верхнихъ восьмерикахъ и въ галлерейкахъ. Срубы церкви обыкновенно дѣлали въ сосѣднемъ лѣсу и ставили на заранѣ освященномъ мѣстѣ прямо на «пошвѣ» безъ фундамента, вслѣдствіе чего часто происходила неравномерная осадка, и церкви искривлялись. Устройство шатровъ представляло ту особенность, что всѣ они бревенчатые, «рубленные», чѣмъ и освобождались отъ всякой стропильной системы. Шатеръ иногда доходилъ до 30 арш. вышины и свое начало бралъ изъ первыхъ вѣнцовъ откоса главнаго карниза (чер. 9, *c*), который дѣлался также рубленный и этотъ откосъ его доходилъ до 3½ арш. Параллельно одной изъ плоскостей шатра, внутри шли, вродѣ ступеней тонкіе кругляки (*d*, *e*, *k*) (режи), по которымъ можно было проинвнуть до самаго креста церкви. Поверхность шатра, шейка и глава покрывались чешуйчатымъ обиваніемъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называлось «лемихъ»), откосы же карнизовъ обшивались тесинами съ обломами; точно также крылись и основанія шеекъ и главокъ (чер. 9, *n*, *o*) въ видѣ зонтика (эти украшенія замѣтны и въ путевыхъ рисункахъ Олеарія). Вогнутая поверхность карниза иногда обшивалась досками (чер. 9 *m*) съ раскрашенными орнаментами, надписями и верхній вѣнецъ его надъ обломами закрывался доской «карниста» (чер. 9, *z*) съ вырѣзками различнаго рисунка. Кресты, увѣличивающіе церковь, имѣли въ основаніи обвязку, какая встрѣчается въ грузинскихъ церквахъ (чер. 9, *p*) и верхній конецъ ея едва возвышался надъ вторымъ горизонтальнымъ брускомъ. Мы уже упомянули, что шатровыя церкви, имѣя шатеръ иногда вышиною 30 арш., внутри доходили всего до 10 арш. высоты (Ц. Влад. Бож. Мат.), такъ что вся внутренность шатра и почти половина высоты церкви оставались совершенно непроизводительными (чер. 9). Эта странность объясняется отчасти тѣмъ взглядомъ народа, который представленіе о

церкви соединяетъ съ чѣмъ-то грандіознымъ по внѣшности и скромнымъ по внутреннему убранству. Къ этому надо прибавить еще крайнее несовершенство печей, особенно въ курныхъ церквахъ, заставившее уменьшить нагрѣваемое пространство. При Алексѣѣ Михайловичѣ постройка подобныхъ шатровыхъ церквей хотя была запрещена, но народъ не могъ такъ скоро отрѣшиться отъ излюбленнаго мотива и дѣлаетъ въ каменныхъ церквахъ, устроенныхъ также на подклѣткахъ и съ галлерейной, шатеръ открытымъ, предназначая его для колокольни.

Верхняя часть сруба и весь шатеръ, не занятая въ деревянныхъ церквахъ особымъ придѣломъ, вѣроятно, по ненадежности пола, — въ каменныхъ церквахъ, при сводчатомъ покрытіи, какъ нельзя болѣе удачно были утилизированы колокольней, причѣмъ детальная обработка ея въ соединеніи съ оставшеюся формою шатра сохранили и общій прежній видъ храма и придали еще большій художественный ансамбль. Какъ весьма подходящій образецъ такой постройки, можно указать на церковь Рожд. Богород. въ г. Ярославлѣ. Бочечное покрытіе «прирубовъ церкви» дѣлалось какъ и шатровое изъ бревенъ и также «кожушилось» (покрывалось) гонтомъ въ чешую. Изъ разныхъ мотивовъ бочечныхъ формъ можно предположить, что самая простая изъ нихъ — «покрытіе съ переламываніемъ» (чер. 12, а) постепенно развивалась при увеличеніи числа переламываній (чер. 12, в, е) и дошла до закругленныхъ формъ (черт. 12, д, с, ж) и, можно думать, что зарожденіе и развитіе этой формы было въ деревянной архитектурѣ. Обдѣлка церковныхъ дверей особенно трапезной въ церкви была иногда весьма богата, причѣмъ колонки и всѣ украшенія портала вырѣзывались въ самой колодѣ, которая въ верху дѣлалась фронтономъ и богато расписывалась. Окно по преимуществу состояло просто изъ колоды, причѣмъ верхній брусъ ея какъ-бы схватывалъ двѣ вертикальныя части и имѣлъ на концахъ вырѣзныя формы въ родѣ карниза. Сверху колода имѣла крышечку, — ребро которой было орнаментировано. Въ нѣкоторыхъ окнахъ верхняя часть колоды дѣлалась фронтономъ и внутренняя линія его, постепенно усложняясь, дошла до вычурнаго очертанія. Такимъ образомъ изоцряясь въ украшеніи оконъ, мастера наши даютъ такія прекрасныя формы окнамъ, (окно въ церкви села Черевкова Саловычегодскаго уѣзда), что украшенія ихъ почти цѣликомъ переходятъ въ каменную архитектуру XVII столѣтія. Тоже самое можно сказать о порталахъ. Указавъ на нѣкоторыя характерныя черты устройства самыхъ церквей, не лишнимъ будетъ сказать и о другихъ церковныхъ постройкахъ.

1) *Колокольни*, какъ извѣстно, появляются въ Россіи довольно поздно. У насъ, какъ и въ греческихъ церквахъ, въ первые вѣка христіанства народъ призывался въ церковь ударами въ деревянное или желѣзное «било» (какъ видно изъ путешествія Олеарія). Это «било» въ множествѣ продержалось въ нашихъ церквахъ до

XV вѣка. Колокола, хотя и упоминаются въ XI вѣкѣ, но замѣтно не были распространены въ XIV вѣкѣ и даже въ XV вѣкѣ часто замѣнялись желѣзнымъ «клепаломъ», имѣющимъ видъ полаго полушара съ металлическимъ языкомъ внутри. Самый древній видъ колоколенъ — это, такъ называемыя «звонницы» (въ Псковѣ и Новгородѣ), имѣющія видъ небольшой стѣны съ однимъ или двумя пролетами, куда и вѣшались колокола. Какъ болѣе развитой приѣмъ звонницъ состоитъ изъ продолговатаго 4-хъ-стѣннаго помѣщенія, верхняя часть котораго трактовалась рядомъ сквозныхъ арочекъ, гдѣ и помѣщались колокола. Въ путешествіи Олеарія замѣчаемъ, что колокола висѣли иногда просто на перекладинѣ, одинъ конецъ которой лежалъ на подоконникѣ церкви, а другой на деревянной стойкѣ, или же эта перекладина положена копчами на два большихъ столба съ раскосами и все это обдѣлано иногда вродѣ воротъ. Судя по сохранившимся древнимъ каменнымъ колокольнямъ, надо предположить, что онѣ появляются въ самомъ концѣ XVI стол., и то какъ бы въ переходномъ состояніи отъ вытянутой формы къ квадратной, напр. колокольня Дудина монастыря въ Нижегородской губерніи (1600 г.), Дмитрія Солунскаго въ Москвѣ. Вполнѣ развитой типъ русскихъ колоколенъ встрѣчается только въ концѣ XVII стол. Относительно же деревянныхъ колоколенъ можно безошибочно сказать, что типъ ихъ былъ вполнѣ опредѣленъ если не въ XV стол. то во всякомъ случаѣ въ XVI ст., ибо, судя по лѣтописи Вологодскаго собора, въ которой упоминается о сдачи подряда въ 1621 г. «рубить колокольню о 8 стѣнахъ», видно, что мастера наши уже производили подобныя работы раньше, тѣмъ болѣе, что восьмистѣнные срубы при постройкѣ церквей уже приобрѣли давно художественную форму и передали ее каменной архитектурѣ. Колокольни съ квадратнымъ основаніемъ, какъ болѣе простой приѣмъ постройки, существовали несомнѣнно еще раньше. Деревяныя колокольницы», какъ называются онѣ въ лѣтописяхъ, разбросаны въ большомъ количествѣ по всему сѣверному краю, хотя въ Вельскомъ уѣздѣ ихъ не сохранилось. Всѣ колокольни стоятъ отдѣльно отъ церкви, большею частью на юго-восточной и сѣверо-западной сторонѣ. Колокольня состояла изъ высокаго квадратнаго или восьмиугольнаго сруба, причеиъ послѣдній иногда раздѣлялся карнизиками на нѣсколько ярусовъ и ставился на особый квадратный срубъ (чер. 14, ж). Этимъ срубомъ обыкновенно какъ бы одѣвался скелетъ колокольни, который состоялъ изъ 4, 8, 16 вертикальныхъ или наклонныхъ къ центру, толстыхъ бревенчатыхъ стоекъ (чер. 13, а) и самый срубъ тогда былъ въ видѣ усѣченной пирамиды, возвышавшейся надъ срубомъ аршина на 2 или на 3. На верхнихъ концахъ стоекъ покоился рубленый съ пропусками карнизъ (чер. 14, а), состоящій изъ круглыхъ или отесанныхъ съ 4-хъ сторонъ бревень. Обнаруженная часть стоекъ, соприкасающихся съ срубомъ, всегда обдѣлывалась въ видѣ колоннокъ (в), между ними въ верхней части пролета вставлялись особыя доски (арочки) (е),

имѣющія видъ украшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ служили связкою скелета колокольни. Вертикальная ось этого строенія составляла толстое бревно 14 верш. (чер. 13, в), идущее во всю высоту колокольни; верхняя часть его заканчивалась крестомъ. Покрытие колоколенъ въ большинствѣ случаевъ одношатровое, въ рѣдкихъ случаяхъ пятишатровое, (цер. на Ракульскомъ погостѣ), причемъ средней шатеръ восьмигранный, а остальные четырехгранные. Шатеръ, шейка и глава колокольни всегда покрывались гонтомъ «въ чешую». Лѣстница на колокольню помѣщалась вся внутри или-же нижняя часть ея находилась снаружи (чер. 14) и имѣла одинъ или два рундука. Наружная часть лѣстницы располагалась параллельно входной стѣнѣ (чер. 13, с) или перпендикулярно къ ней. (Чер. 13, d).

2) *Ворота*. Обыкновенно въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ церкви ставили ворота и каждый, проходящій въ церковь, считалъ долгомъ помолиться иконамъ, въ нихъ находящимся, и тѣмъ приготовиться съ большимъ благоговѣнiемъ войти въ самый храмъ. Такъ ворота состояли изъ двухъ крестчатыхъ въ планѣ срубинъ (чер. 15), покрытыхъ двухскатной крышей, увѣнчанной главкой; въ пролетѣ воротъ подъ крышей дѣлалась полка для образовъ (а), фронтоны убрались орнаментами, а главка крылась «чешуйчатымъ обиванiемъ».

3) *Ограды*. Всѣ церковныя строенія (колокольни, теплыя и холодныя церкви) обносились иногда оградами (чер. 16), внѣшняя сторона (а) которыхъ представляла собой прямыя стѣны, высотой до 4 арш. съ маленькими отверстиями (в) вродѣ оконъ; эти отверстия выходили въ особые четырехугольные срубы (ж), служившіе контрафорсами стѣны и въ то же время мѣстомъ продажи всевозможныхъ товаровъ въ праздничные дни. Вся ограда въ ширину срубовъ покрывалась двухскатной крышей и имѣла двое воротъ, отличавшихся отъ ограды болѣе богатымъ устройствомъ. Ворота эти были въ двухъ противоположныхъ частяхъ ограды и состояли изъ проѣзда (е) и двухъ проходовъ (к, г). — Перейдемъ теперь къ описанiю построекъ для жилья. Начну съ сельскихъ избъ, такъ какъ другихъ болѣе значительныхъ древнихъ зданiй, за исключенiемъ дома Петра въ Архангельскѣ, мнѣ не пришлось видѣть. Общiй типъ избъ, ихъ конструкцiя и даже строительные термины, употреблявшiеся при ихъ возведенiи и сохранившiеся понынѣ, — все это вмѣстѣ можетъ характеризовать намъ не только образъ селитбы, но даже вообще весь складъ народа. Изъ болѣе интересныхъ и древнихъ избъ мною приведена изба Кадниковскаго уѣзда, который славится убранствомъ своихъ жилищъ. Все помѣщенiе состояло изъ двухъ этажей и первый изъ нихъ (чер. 17) ставился «на пошвѣ», т. е. прямо на землѣ или на столбахъ. Изба (чер. 17, а) эта срублена на «подзавалы», съ однимъ «краснымъ» (б) (узорчатымъ) окномъ и по бокамъ двумя волоковыми (с). Все помѣщенiе нагрѣвается глиняной битой печкой, устроенной слѣдующимъ образомъ: на клѣтку, состоящую изъ четырехъ брусковъ, настилали доски — плахи, такия же доски ставили и по бокамъ (съ 4-хъ сторонъ), затѣмъ на нижнiя плахи

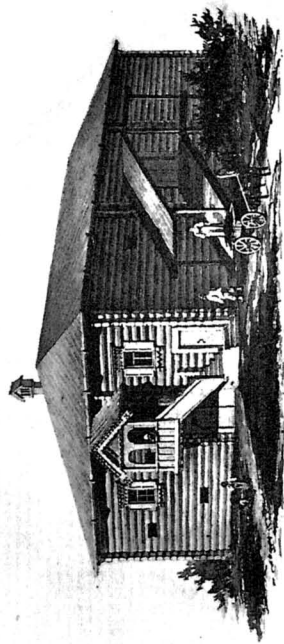
насыпали небольшой слой песку. Въ средину образовавшагося ящика клали половинку толстаго бревна (боровъ), которое и давало объемъ внутренности печи; по борову и бокамъ клали глину и утрамбовывали ее, отчего и самая печь получила названіе «битой». По изготовленіи такой печи и по просушкѣ ея боровъ вынимался. Чтобы пламя во время топки не направлялось въ потолокъ, надъ отверстіемъ печи (хайломъ) придѣлывался «кажухъ», имѣющій видъ четверти сферической поверхности, полая часть которой обращена внизъ; иногда такой «кажухъ» замѣнялся горизонтальной плитой. Около хайла находилась печурка, въ которой разжигали уголь во время большихъ холодовъ. Къ печкѣ обыкновенно примыкала лѣсенка (чер. 17, д) для схода въ «голубецъ» (кладовая для провизіи), отдѣленная легкой, невысокой перегородкой, не доходившей до потолка. Полъ мостили «на кладяхъ» (прогонахъ) половыми досками «въ причертъ съ вытесомъ» т. е. одна доска находила на другую, черезъ посредство вынутыхъ въ края четвертей.

Потолокъ состоялъ изъ «мятиць» (балокъ), на которыя накатывали круглякъ или клали плахи. Около печи во внутренней стѣнѣ, на высотѣ 2-хъ арш. отъ пола было отверстіе въ деревянную трубу — дымницу или дымникъ, въ который и вытягивался скопившійся въ избѣ дымъ. Въ стѣны вдѣлывались 2 или 3 шеста для устройства колыбелей и хозяйственныхъ приспособленій. Затѣмъ, вдоль стѣнъ устраивались лавки, а на высотѣ 2½ арш. полати. Подъ избой находилось подполье (подклѣтъ или, какъ значитса въ древнихъ лѣтописяхъ, порубъ), служившее иногда жильемъ. Часть подполья отводилось для кладовой (голубецъ), а остальное пространство, освѣщаемое просвѣтцами вродѣ волоковыхъ оконъ, назначалось для куръ, гусей и т. п. Клѣтъ (чер. 17, к) или горница, называемая иногда «боковушей» освѣщалась краснымъ окномъ и имѣла маленькое отдѣленьце для домашняго скарба (л). Помѣщеніе подъ горницей (подклѣтъ) раздѣлялось на стойку (для мелкаго скота) и кладовую (мшаникъ). Пространство между избой и клѣтью, забранное въ столбы, носило названіе сѣней (чер. 17, в,) въ нихъ находилась полка для образцовъ и лѣсенка на вышку «въ теремъ», устроенный въ фронтонѣ. Изъ сѣней выходили на крыльцо (м), всегда украшенное рѣзбою и затѣмъ спускались на улицу. Подъ сѣнями было «подсѣнье», въ которомъ съ одной стороны были ворота на улицу, а съ другихъ — двери въ стойки и въ другой подсѣнникъ или большія стаи. Остальная часть строенія, называемая дворищемъ и неизмѣющая потолка, состояла изъ слѣдующихъ помѣщеній: (чер. 17, о) сѣнникъ, т. е. помѣщеніе безъ потолка, гдѣ находились сѣни, телѣги, сбруи и другія хозяйственныя принадлежности. Изъ него вела лѣсенка въ подсѣнникъ, гдѣ обыкновенно стояли лошади. Рядомъ съ большимъ сѣнникомъ былъ другой, малый сѣнникъ (р), часть котораго «задцы» или «придѣльцы» (щ, ъ) предназначалась для необходимыхъ предметовъ домашняго обихода. Въ сѣнникѣ (р) хранился кормъ для скота, въ

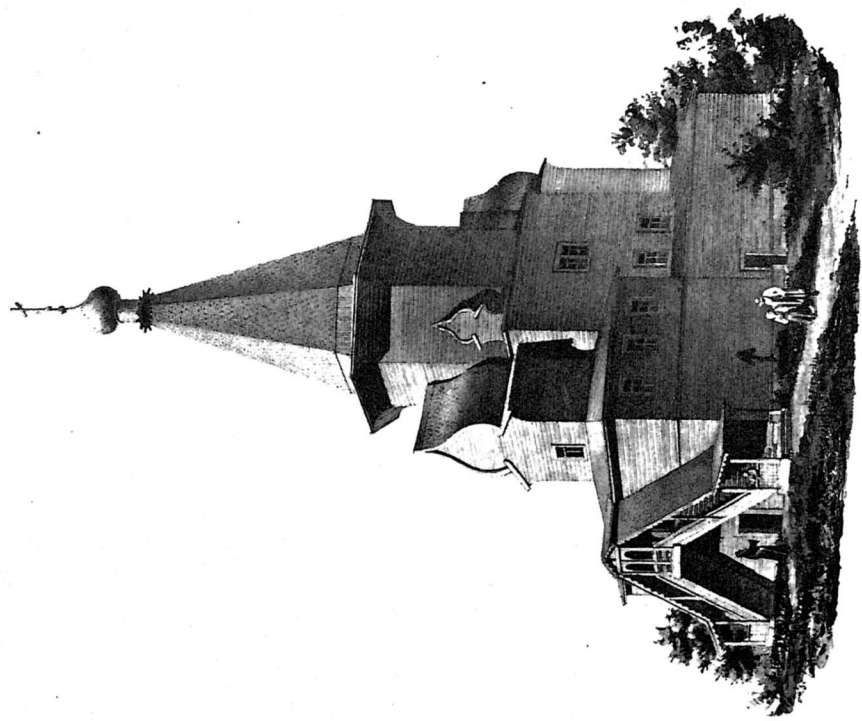
КЪЗГА

Викторской гви. Падшиновского
Виды в Калужской.

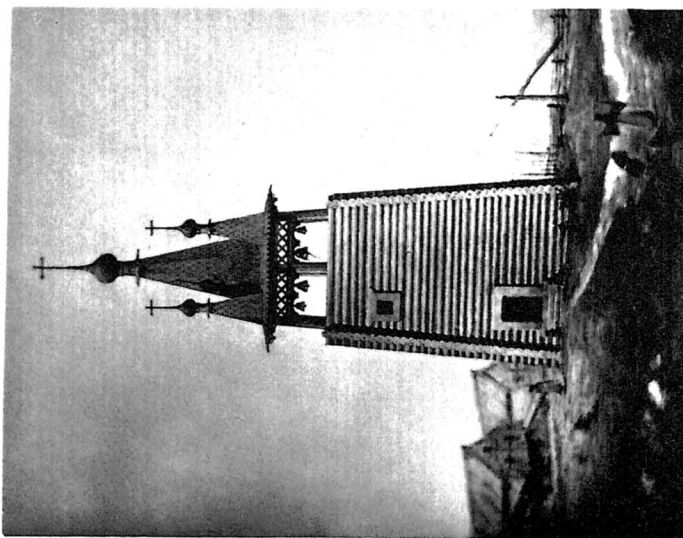

Церковь в Рязани

Брехиньская гви. Церковь в Рязани, на Школьной площади, построена в 1882

В. Сусловъ. 1887г.

лѣтнее же время въ немъ спали. Съ улицы въ него велъ поднимающійся «възвѣздъ» (чер. 17, а) изъ сплошныхъ кругляковъ или изъ обтесанныхъ бревенъ. Подъ придѣльцами и малымъ сѣнникомъ были коровники и маленькія стайки. Все это строеніе, кромѣ «възвѣзда» и наружной лѣстницы, имѣющихъ особая крыши, покрывалось двухскатной крышей съ фронтонами, или, какъ въ рассматриваемой нами избѣ, — крышей на три ската, причѣмъ съ главнаго фасада такая покрывка называлась «палаткой». Конструкція покрытія избъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей (чер. 18): быковъ (строительныхъ ногъ) (а), которые ставились обыкновенно на приготовленномъ срубѣ и врубались нижними концами въ «подкуретники» (последній вѣнецъ строенія) (б), а верхними какъ бы схватывали князевую слегу (в) (подноньковый брусъ). На быги горизонтально наколачивались «лотоки» (с) (обрѣшетники), затѣмъ къ лотокамъ приколачивалась «курица» (д), поддерживающая въ свою очередь водотечникъ (н). Остовъ крыши покрывался «подскальникомъ» (тесомъ), называемымъ такъ потому, что его иногда, въ избѣжаніе течи, обкладывали берестой (скалою); поверхъ скалы набивался второй рядъ теса съ обломами. На ребро крыши налагало толстое бревно (м) (охлупень), конецъ котораго въ церковныхъ постройкахъ закрывался прорѣзной доскою съ крестомъ, въ избахъ же онъ обрабатывался чрезвычайно богато и разнообразно. То же богатство обдѣлки корневыхъ концовъ замѣчается въ «курицѣ» и водотечникѣ (н, д). Для того, чтобы одежду крыши не смело вѣтромъ, клали бревна или «гнеты» (ч), концы которыхъ схватывались толстою доскою «огнивомъ» (о), всегда съ обрѣзнымъ контуромъ. На бруски (ф) (слега или подтечина), выходящіе изъ-за фронтона, набивалась причелина (к) и вѣтвеница, или же эти своими корнями поддерживали маленькіе гнеты (л). Въ срединѣ фронтона выходилъ рядъ выпускныхъ бревенъ (п) въ видѣ кронштейновъ, называемыхъ, «повалами» которые поддерживали баллонъ. Бревна фронтона назывались «самцы» (р). Рассмотрѣвъ всѣ характерныя особенности церковныхъ и отчасти гражданскихъ построекъ сѣвера, видимъ, что въ этомъ краѣ — «лѣсной землѣ», какъ называли его южные князья, главнымъ строительнымъ матеріаломъ было дерево, что и объясняется обиліемъ лѣса и удобствомъ доставки. Быстрое освоеніе мастеровъ съ обработкой его и объясняетъ намъ ту скорость, съ которой воздвигались въ старину храмы, такъ что нерѣдко большая обыденная церковь рубилась и наряжалась въ одинъ день. Кромѣ того кирпичное производство, не только здѣсь, но вообще въ Россіи, до Аристотеля Фіоравентія было въ самомъ младенческомъ состояніи и даже послѣ него, до прихода голландскихъ мастеровъ, оно опять какъ бы приостановилось, вѣроятно потому, что народъ не могъ скоро отстать отъ укоренившейся привычки къ деревяннымъ постройкамъ. Нельзя не замѣтить, что даже въ XVII стол. наши князья не особенно жаловали каменные постройки и больше любили жить въ деревянныхъ хоромашъ.

Такое предпочтеніе, конечно, дало возможность, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ, развитіе плотничное искусство отъ самыхъ первобытныхъ его приемовъ до созданія художественныхъ произведеній и, судя по памятникамъ, деревянная архитектура не брала себѣ чуждыхъ ей формъ, какъ случалось это въ каменныхъ постройкахъ: оставаясь всегда вѣрной самой себѣ, она шла впередъ на своихъ началахъ, своими народными силами. Прекрасно освоившись со своимъ дѣломъ, наши мастера давали полный просторъ своему воображенію: соборъ въ Новгородѣ (XII ст.) былъ построенъ о «тринадцати верхахъ», церковь Успенія Бож. Мат. въ г. Устюгѣ — о «двадцати стѣнахъ»; кромѣ того лѣтописи упоминаютъ объ огромныхъ городскихъ стѣнахъ, башняхъ, хоромахъ и различныхъ общественныхъ зданіяхъ. Рѣзное дѣло также въ силу тѣхъ же условій дошло до прекрасныхъ образцовъ (окно въ Черевковской церкви): лѣстницы и въ особенности царскія двери въ церкви на р. Ишнѣ.

Въ наружныхъ и вообще въ болѣе крупныхъ украшеніяхъ мы видимъ по преимуществу всевозможныя сочетанія простыхъ геометрическихъ формъ (зубчиковъ, желобковъ, городковъ, кругляковъ и т. п.), иногда довольно сложнаго орнамента (другіе мотивы украшеній часто заимствованы изъ иконописи). Подобная рѣзба всегда удавалась русскому мастеру. «Нѣмецкая же фигурная рѣзба» стиля возрожденія, занесенная къ намъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, здѣсь почти не привилась, за исключеніемъ развѣ большихъ городовъ, такъ какъ наши плотничные старосты во первыхъ не умѣли хорошо «знаменить» (рисовать), а во вторыхъ, не понимали этого стиля, а если и дѣлали, то рабски копировали съ печатныхъ листовъ. Такой ходъ народнаго мастерства, развившагося собственными силами, привелъ къ созданію дошедшихъ до насъ весьма самобытныхъ и нерѣдко изящныхъ образцовъ русскаго зодчества. Искусство, какъ одна изъ важныхъ формъ народной жизни, служить намъ къ уясненію народнаго быта, нравовъ, обычаевъ и вообще всего того, что пережили русскій человѣкъ.

Если въ настоящее время среди нашего общества явилось сознаніе необходимости продолжать родное искусство, то разностороннее изученіе его зарожденія, его жизни въ связи съ жизнью народа укажетъ намъ его законы и опредѣлитъ болѣе твердую почву для правильнаго возрожденія его. Изученіе это уже пошло большими шагами, и только къ сожалѣнію Двина и Поморье у насъ еще мало изслѣдованы; между тѣмъ, по выраженію нашего извѣстнаго археографа Строева, «въ этой классической сторонѣ русскаго народа» лежатъ еще нетронутыми огромные матеріалы для полнаго изученія историческаго уклада народной жизни. Наконецъ изученіе здѣсь древняго деревяннаго зодчества, въ смыслѣ уясненія его вліянія на каменное, укажетъ намъ еще болѣе вѣрный путь къ пониманію сохранившихся образцовъ и тѣмъ заставитъ

для возрожденія внести изъ старины формы, наиболее подходящія къ духу народа, преданіямъ и вообще всей жизни его. Откладывать даже не на долго изслѣдованіе памятниковъ этой глухой и далекой стороны нельзя: время, — неумолимый сокрушитель, виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ нѣмыми свидѣтелями глубокой старины, и близокъ уже часъ, когда безслѣдно исчезнутъ они съ лица земли русской.

В. Сусловъ.

Знамя первых наших христіанскихъ великихъ князей.

Графа И. И. Толстаго.

Въ виду существованія на VI археолог. съѣздѣ византійскаго отдѣла и присутствія на немъ всѣмъ извѣстныхъ знатоковъ Византіи, я считаю полезнымъ вновь обратить вниманіе на одинъ специальный вопросъ въ области отечественной археологіи, разрѣшенія котораго можно, мнѣ кажется, достигнуть лишь при содѣйствіи знатоковъ археологіи византійской.

Послѣ принятія христіанства, Святой Владиміръ сталъ чеканить собственную монету, причѣмъ за образецъ была, очевидно, принята въ главныхъ чертахъ монета византійская. Чеканка монеты вполне однородной продолжалась и при его двухъ сыновьяхъ Святополкѣ и Ярославѣ. По сходству типовъ и изображеній на монетахъ нашихъ первыхъ христіанскихъ государей ихъ необходимо разсматривать въ совокупности, на что было указываемо всѣми, занимавшимися въ послѣднее время этимъ отдѣломъ русской нумизматики.

Разматривая ихъ такимъ образомъ, т. е. въ совокупности, легко замѣтить, что подражаніе византійскимъ пробразамъ было не рабское, но что, напротивъ того, первыми русскими монетчиками, кадой національности они ни были, византійскій типъ былъ скопированъ лишь въ общихъ, въ большинствѣ случаевъ, чертахъ, и нанесены на штемпеля такіа изображенія и своеобразные штрихи, если можно такъ выразиться, которыя рѣзко отличаютъ наши монеты и отъ византійскихъ и отъ многочисленныхъ подражаній византійскому типу у сосѣднихъ народовъ.

Въ числу такихъ особенныхъ изображеній принадлежитъ между прочимъ загадочная фигура, находящаяся на всѣхъ нашихъ монетахъ. Думаю, что каждый изъ присутствующихъ здѣсь согласится съ тѣмъ, что фигура должна быть названа загадочной, если узнаетъ, что надъ объясненіемъ ея трудились такіе выдающіеся знатоки старины, каковы высокоуважаемый предсѣдатель нашего съѣзда гр. Алексѣй Сер. Уваровъ, академикъ Буникъ, баронъ Кене, Бартоломей

и другіе, и всѣ высказали лишь предположенія о значеніи ея, предоставляя окончательное рѣшеніе вопроса будущему.

Занявшись тому назадъ нѣсколько лѣтъ вопросомъ объ упомянутыхъ монетахъ, я въ изданіи, посвященномъ имъ, выдѣлилъ цѣлую главу, въ которой сгруппировалъ всѣ эти попытки объяснить фигуру, о которой я завелъ рѣчь. Въ виду того, что большинство присутствующихъ здѣсь не имѣли возможности ознакомиться съ моей книгой, изданной въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, я позволяю себѣ вкратцѣ изложить содержаніе этой главы, такъ какъ въ нее включена вся литература вопроса, существовавшая до выхода въ свѣтъ моего изданія, а послѣ того не было новыхъ попытокъ объяснить загадочную фигуру.

Не желая утомлять вниманія слушателей подробнымъ разборомъ cadaго неудачнаго объясненія фигуры въ отдѣльности, помѣщеннымъ въ этой главѣ, считаю нелишнимъ привести здѣсь наиболѣе остроумную и основанную на критическомъ разборѣ фигуры догадку графа Уварова. Указывая, что весь характеръ нашихъ монетъ неоспоримо носить на себѣ отпечатокъ византійскаго искусства, графъ Уваровъ искалъ разрѣшенія загадки въ области византійской археологін. Въ рукописи XI вѣка на рисункѣ, представляющемъ Никифора Вонтіата и Марію, императрица представлена со скипетромъ въ рукахъ, оканчивающимся верхушкой, напоминающей въ общемъ нашу фигуру.

Верхушка эта представляетъ собою нѣчто вродѣ полумѣсяца съ тупыми рогами и съ водруженнымъ на немъ крестомъ. Этотъ скипетръ носилъ названіе *βασιλικιον*'а и не былъ, какъ *σταυρός*, отличительнымъ скипетромъ императора — его носили какъ самъ императоръ, такъ и императрица и даже главнѣйшіе сановники. «Надо предполагать, говорятъ графъ Уваровъ, что этотъ скипетръ присланъ былъ Владиміру изъ Царьграда и привезенъ княжною Анной вмѣстѣ съ прочими вещами. Можетъ быть, императоры византійскіе придавали ему значеніе инвеституры, данной ими Владиміру или, по крайней мѣрѣ, признанія ими Владиміра владѣтельнымъ княземъ. Выборъ именно этого скипетра соответствуетъ тому, что на монетахъ не встрѣчается отличительныхъ регалій, которыя по праву принадлежали одному восточному императору, какъ-то *σάκκος*, *λῆρος* и *σταυρός*. Отсутствие этихъ регалій на монетахъ нашихъ князей не могло быть случайно и навѣрно опредѣляло степень значенія великаго князя, въ сравненіи съ императоромъ византійскимъ. Владиміръ и Ярославъ, быть можетъ, соблюдали эти отгѣнки съ намѣреніемъ, находясь въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ Царьграду...»

Кромѣ этого объясненія фигуры существуетъ, какъ я сказалъ раѣе, нѣсколько другихъ менѣе удачныхъ: Карамзинъ предлагалъ, что она представляетъ трезубецъ, Шодуаръ и Воейковъ считали ее изображеніемъ трикирія или паникадила, Волошинскій — хоругви, графъ Строгановъ — поргала, Бартоломей —

якоря, баронъ Кёне и академикъ Кунигъ — птицы (одинъ ворона, какъ гербъ Норманна, другой — голубя, какъ символъ Св. Духа), г. Тилезіусъ видѣлъ одно время въ ней изображеніе франциска (древняго оружія франковъ).

Исслѣдователи не согласны между собой не только насчетъ вида изображеннаго предмета, но даже и рода его: одни думали, что онъ, будучи заимствованъ изъ Византіи, служилъ какъ-бы знакомъ степени власти русскаго вел. князя, или даже номинальной зависимости отъ императоровъ; такъ понимали эту фигуру гр. Уваровъ, говоря о *δικαικιον* ѣ и г. Тилезіусъ, который отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія и примкнулъ къ объясненію Волошинскаго, допуская, что русскіе в. князья измѣнили первоначальную форму лабара, боясь оскорбить императоровъ, присвоивъ византійскую форму своему стягу.

Другіе видѣли въ фигурѣ символъ тѣхъ интересовъ, которые наиболѣе занимали страну въ ту эпоху — какъ-то торговли и судоходства (видя въ фигурѣ якорь), религій (видя трикирій, церковную хоругвь, голубя, какъ символъ Св. Духа). Третьи, видимо, подозрѣвали въ ней геральдическій смыслъ (воронъ, какъ гербъ нормана, франциска, порталъ, генуезскій гербъ, получившій широкое распространеніе).

Всѣ 3 предположенія допустимы, но всѣ объясненія мнѣ кажутся несостоятельными. Спрашивается, которое изъ предположеній вѣроятнѣе?

Если фигура представляла предметъ, заимствованный отъ Византіи, какъ атрибутъ власти вел. князя, то наши первые христіанскіе государи очевидно гордились имъ, выставяя его непзмѣнно и на видномъ мѣстѣ на своихъ деньгахъ; но такой предметъ гордости былъ бы изображенъ ясно, чтобъ не подавать повода къ сомнѣніямъ; онъ не подвергался бы крупнымъ измѣненіямъ на монетахъ сознательно; сознательность же измѣненій очевидна (говору объ этомъ, какъ о фактѣ, который можетъ быть доказанъ, но доказательство котораго невозможно здѣсь по недостатку времени). Между тѣмъ, оба предмета, предложенные до сихъ поръ для объясненія фигуры, имѣя довольно опредѣленную форму, рѣшительно мало соответствуютъ ей: какъ гр. Уваровъ, такъ и г. Тилезіусъ должны были сознаться, что сходство ея какъ съ *δικαικιον* оумъ, такъ и съ лабаромъ можетъ быть констатировано лишь на немногихъ отдѣльныхъ штемпеляхъ.

Предположивъ даже, что на монетахъ представлена вершина *δικαικιον* а, трудно объяснить, почему рѣзчики не помѣстили этого скипетра въ руки князя, а изобразили его съ другимъ, тоже новымъ жезломъ, а *δικαικιον* помѣстили или рядомъ съ княземъ или на оборотѣ монеты? Тоже слѣдуетъ сказать и о лабарѣ, часто изображавшемся въ рукахъ у императора на византійскихъ монетахъ.

При разборѣ втораго предложенія, встрѣчаемся съ возраженіемъ аналогичнымъ тому, которое встрѣтилось при разборѣ перваго. Рѣзчикъ былъ бы особенно внимателенъ къ вѣрности изображенія предмета христіанскаго культа,

которые всё хорошо известны. Неправильное (въ данномъ случаѣ до неузнаваемости) изображеніе такого предмета едва-ли допустимо на монетахъ такихъ ревнителей христіанства, каковы Владиміръ и Ярославъ.

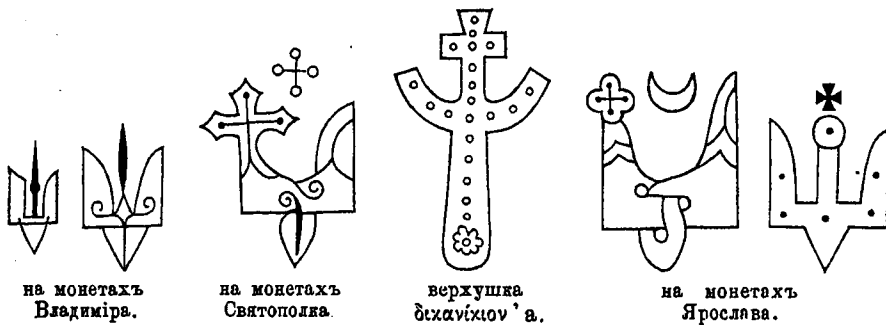
Если рѣзчикъ хотѣлъ символически указать на преобладающіе мірскіе интересы, онъ долженъ былъ очевидно изобразить общеизвестный предметъ. Мыслимо ли, чтобъ мастера, нѣкоторые изъ которыхъ, судя по монетамъ, обладали выдающимся для своего времени искусствомъ, изобразили такой предметъ такъ, что мы сомнѣваемся, представленъ ли на штемпеляхъ якорь, птица или хоругвь? Къ тому же сознательное измѣненіе формы фигуры было бы тогда тоже непонятно.

Разматривая 3-е предположеніе, т. е. что наша фигура имѣетъ геральдическій смыслъ (употребляю это слово ради краткости и вслѣдствіе его удобопонятности, жертвуя точностью), то всё измѣненіе ея становятся тотчасъ допустимы. Дѣйствительно, геральдическая фигура всегда имѣла свойство измѣняться, служа отличительнымъ знакомъ рода, переходя по наслѣдству отъ одного лица къ другому, или изъ семейства въ семейство. Къ сожалѣнію, ни одно изъ предложенныхъ въ этомъ направленіи объясненій не можетъ выдержать критики и остается лишь констатировать вѣроятность факта, что мы здѣсь имѣемъ дѣло со знаменемъ (въ смыслѣ герба, печати, хирографа) ради нашихъ первыхъ князей. Считаю излишнимъ распространяться о томъ, какое значеніе пріобрѣтаетъ этотъ невзрачный значокъ не только для археолога, но и для историка, если мое убѣжденіе касательно его значенія будетъ признано правильнымъ: разгадка его способна пролить новый свѣтъ на интереснѣйшую эпоху нашей исторіи, не оставившей намъ никакихъ непосредственныхъ документальныхъ памятниковъ и весьма мало вещественныхъ.

Не останавливаясь на изложеніи моего предположенія о возможности объяснить фигуру посредствомъ т. н. связанныхъ рунъ (Bindrunen), служившихъ знаками собственности на сѣверѣ. Объясненіе это помѣщено въ моемъ изданіи въ концѣ главы о фигурѣ, но я считаю его основаннымъ пока на столь шаткихъ соображеніяхъ, что не смѣю утомлять вниманія слушателей ихъ повтореніемъ. Считаю, однако, нужнымъ упомянуть объ этомъ объясненіи, чтобъ показать, что разгадку фигуры вполне возможно искать не въ одной византійской археологіи. Позволилъ же я себѣ возвратиться къ этому старому вопросу именно потому, что знатоки византійской археологіи лучше всего смогутъ рѣшить вопросъ, насколько наша фигура, какъ основною своей формой, такъ и придаточной орнаментацией, носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго искусства. Если орнаментъ фигуры будетъ признанъ византійскимъ, основная же фигура останется безъ аналогіи въ византійской археологіи, намъ придется искать объясненія одного лишь основнаго очертанія фигуры въ другомъ мѣстѣ. Если ни орнаментация, ни основная фигура не объяснимы съ точки зрѣнія византійской

археологiи, то придется отыскивать аналогiи не въ одномъ лишь основномъ очертанiи, но и въ самой измѣняемости его. Если то и другое гармонируетъ съ византийскими образцами, то разрѣшенiе вопроса явится само собой.

Ограничиваюсь тѣмъ, что ставлю эти вопросы, не имѣя самъ возможности въ настоящее время отвѣтить на нихъ.

на монетахъ
Владимира.

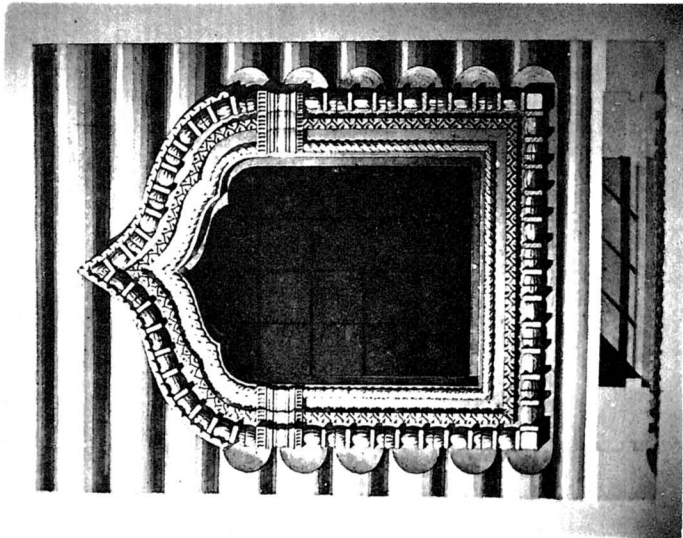
на монетахъ
Святополка.

верхушка
дѣланіику 'а.

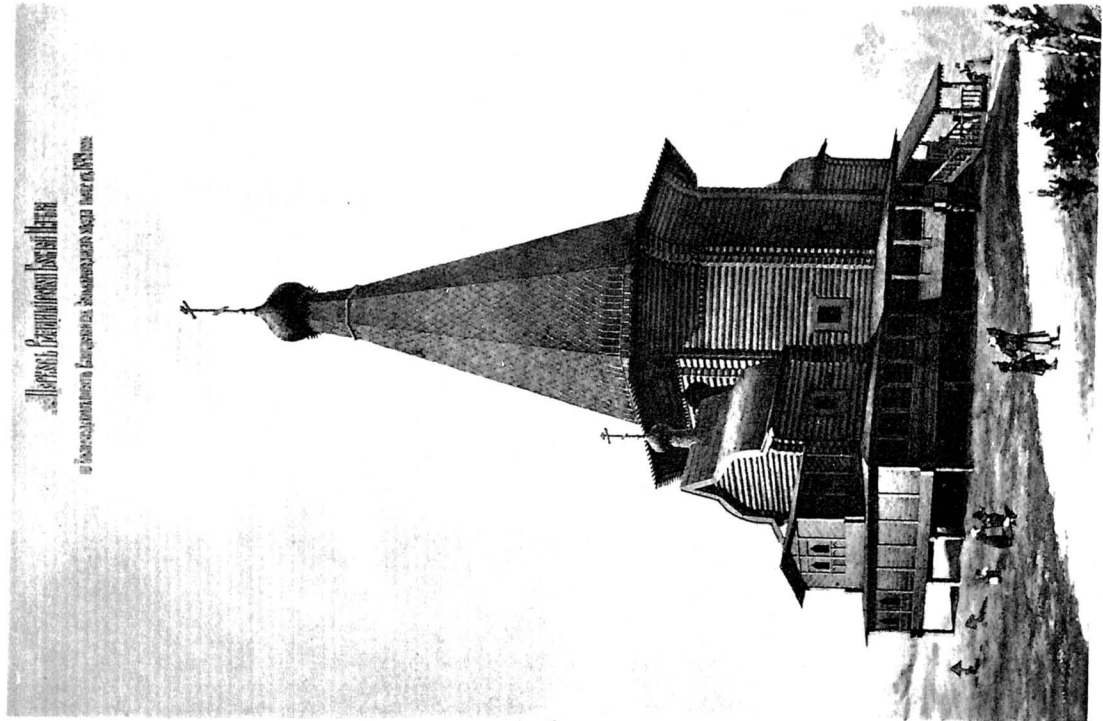
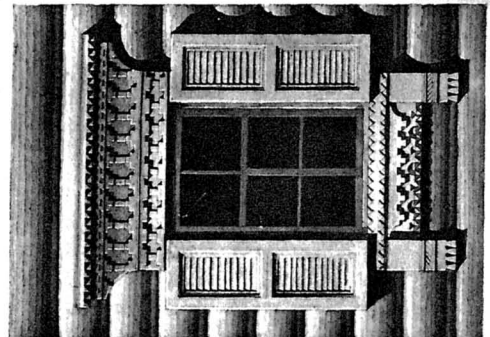
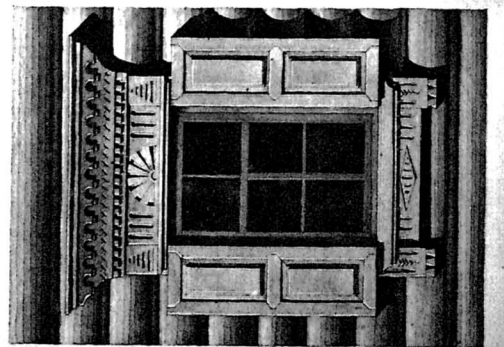
на монетахъ
Ярослава.

Графъ И. Толстой.

ЦЕРКОВНОЕ ОКНО XVII в. ВОЛОГ. ГУБ., СОЛВЬЕНГОД. У., ВЪ С. ЧЕРЕВКОВЬ.

ЦЕРКОВЬ РАДОНИЖСКОГО РАЙОНА
 в близости сел. Черевки. Фотограф. А. М. Мухоморова. 1910 г.

О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Ю. Б. Иверсена.

Считаю не безъинтереснымъ дать краткій отчетъ о монетныхъ кладахъ, которые въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ со времени V-го археологическаго съѣзда, были у меня на разсмотрѣніи. Почти всѣ были мнѣ для этой цѣли переданы Императорскою Археологическою Коммиссіею. Изъ числа 85 кладовъ, два клада были римскихъ монетъ, одинъ средневѣковой, а всѣ другіе принадлежали болѣе новѣйшему времени.

Первый римскій кладъ найденъ въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда въ деревни Гридаковѣ. Изъ этого клада мнѣ попали только 6 монетъ, а именно: двѣ монеты Антонина и по одной Коммода, Фаустины старшей, Адриана и Пертинакса. 75 монетъ этого клада раньше были переданы въ музей Вѣвской духовной академіи, другія разошлись. Сколько всего было — неизвѣстно.

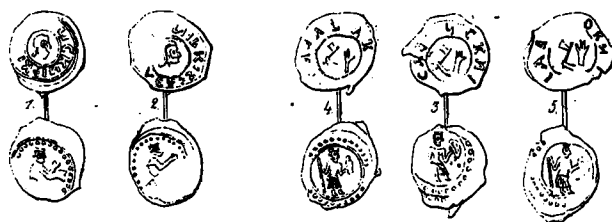
Второй римскій кладъ, найденный въ Ковенской губерніи, близъ города Россіены, состоялъ изъ 43 очень стертыхъ монетъ. Въ нихъ нѣсколько консульскихъ, кромѣ того монеты Нервы, Траяна, Домиціана, Антонина, Марка Аврелія, обѣихъ Фаустины, старшей и младшей, Юліи Августы, Александра Севера, Элія и Карагаллы.

Кладъ XI-го вѣка, найденный въ Витебской губерніи, Макашанской волости, Рѣзницкаго уѣзда, состоялъ изъ монетъ городовъ Эмдена, Утрехта, Гренингена и фрисландскихъ маркграфовъ Экберта II и Бруно.

Кромѣ 13 русскихъ, всѣ другіе клады состояли изъ монетъ конца XVI-го или XVII вѣка, польскихъ, рижскихъ и голландскихъ, почти безъ всякаго интереса для науки.

Русскіе клады были найдены въ слѣдующихъ губерніяхъ: Балужской, Костромской, Люблинской, Нижегородской, Самарской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской. И эти клады, за исключеніемъ одного, представляли мало интереса, потому что состояли изъ монетъ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго, и ничего новаго не дали.

За то кладъ, который былъ найденъ лѣтомъ 1872 года въ одной верстѣ отъ деревни Большой Андреевки Нижегородской губерніи, Гнягининскаго уѣзда, крайне интересенъ для науки, хотя монеты были очень худо сохранены, такъ что изъ 256 монетъ князя Данила Борисовича ни одинъ экземпляръ не хорошъ. Въ этомъ кладѣ, вѣсомъ 1 фунтъ 29 золотниковъ, нашлись кромѣ порядочнаго числа монетъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго, татарской надписью и русскою, монеты Псковскія (деньга Заманина), Рязанскія князя Ивана Федоровича, Тверскія князя Александра Ивановича, Суздальскихъ князей Ивана и Данила Борисовичей и русско-татарскія монеты. Всѣ эти монеты болѣе или менѣе извѣстны изъ описанія Черткова, Шодуара, Сонцова, Чапскаго и др. Сверхъ того, въ этомъ кладѣ были монеты Суздальскія, которыя до сихъ поръ никѣмъ не описаны, и, значитъ, неизвѣстны. Ихъ было двѣ разной чеканки. Для большей ясности, мною заказана таблица, на которой онѣ изображены.

12 АКІЗДАЛЪСКИИ

3 КЗСААЛЪСКИИ

4 КЗСААЛАКИИ

5 КЗСААЛОКИИ

а) Первая монета, обозначена на таблицѣ 1 и 2, находилась въ кладѣ въ числѣ 5 экземпляровъ. На лицевой сторонѣ человѣчья голова, обращенная вправо. Бруговая надпись, составленная изъ всѣхъ экземпляровъ:

АКІЗДАЛЪСКИИ

Оборотная сторона: Въ кругѣ изъ точекъ человѣкъ стоя, въ шапкѣ, обращенный вправо.

Вторая монета была въ кладѣ въ числѣ 22 экземпляровъ, но къ сожалѣнію они всё худо чеканены и ни одинъ экземпляръ не полонъ и не чистъ. На лицевой сторонѣ представлена рука съ топоромъ, а возлѣ отсѣченная рука. Бруговая надпись, составленная изъ разныхъ экземпляровъ этой монеты, показываетъ слѣдующія разности:

КЗСДАЛЬСКИ
 КЗСДАЛАКИ
 КЗСДАЛОКИ

что доказываетъ, что существовали разные штампы, сдѣланные или неграмотными рѣзчиками или незнающими русскій языкъ.

На оборотной сторонѣ въ кругѣ изъ точекъ: стоящій человекъ въ шапкѣ, обращенный вправо, держитъ въ правой рукѣ палку, а въ лѣвой что то-неясное, вѣнокъ, щитъ или тому подобное. На нѣкоторыхъ подъ вѣнкомъ три точки.

Самые лучшіе экземпляры этихъ монетъ переданы въ мицкабинетъ Императорскаго Эрмитажа.

Ю. Шверсена.

Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія, по рукописямъ XI—XV вв.

Г. А. Воскресенскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Болѣе тысячи лѣтъ протекло уже съ тѣхъ поръ, какъ единоплеменнымъ съ нами славянамъ паннонскимъ и моравскимъ дарованъ былъ Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ славянскій переводъ книгъ св. Писанія. Этотъ апостольскій трудъ славянскихъ просвѣтителей тогда же, тысячу лѣтъ тому назадъ, унаслѣдовали себѣ отъ паннонцевъ и моравовъ славяне южные — Болгары и Сербы, а потомъ чрезъ Болгаръ и наши предки, славяне Русскіе...

Чтоже это былъ за переводъ, которымъ какъ безцѣннымъ наслѣдіемъ Свв. Кирилла и Меѳодія, пользовались наши предки? Можно ли открыть хотя какіе либо слѣды и остатки этого первоначальнаго перевода библейскихъ книгъ? И что случилось съ нимъ за эту тысячу лѣтъ? Въ какомъ отношеніи къ нему стоитъ нынѣшній общепринятый текстъ? Если и въ нынѣшнемъ текстѣ книгъ св. Писанія сохраняются большіе или меньшіе остатки перевода древнѣйшаго, то какія же измѣненія претерпѣвалъ онъ въ теченіи вѣковъ и у разныхъ славянскихъ народовъ, прежде чѣмъ дошелъ до своего настоящаго состоянія?

Желаая предложить просвѣщенному вниманію достопочтеннаго собранія нѣкоторые результаты своего изслѣдованія о текстѣ древняго славянскаго перевода Евангелія, считаемъ умѣстнымъ и даже совершенно необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о самомъ методѣ и системѣ своего изслѣдованія.

При критическихъ изслѣдованіяхъ Евангелійскаго текста по рукописямъ XI—XV в. насъ занимали слѣдующіе вопросы: каковъ текстъ Евангелія, содержащійся въ этихъ рукописяхъ? Чѣмъ отличается отъ нынѣшняго печатнаго? Однообразный ли текстъ содержится въ древнихъ спискахъ, и, если нѣтъ, не могутъ ли они быть распредѣлены по разрядамъ или редакціямъ, и какіе отличительные признаки этихъ редакцій? Не было ли новыхъ самостоятельныхъ переводовъ? Изученіе рукописей Евангелія XI—XV в. и въ отдѣльности, и въ

сравненіи ихъ между собою и съ греческимъ текстомъ привело насъ въ слѣдующему результату: всѣ рукописи Евангелія XI—XV в. по особенностямъ текста раздѣляются на пять главныхъ разрядовъ или фамилій, и соответственно съ симъ должны быть признаны пять редакцій¹⁾ Евангельскаго текста въ славянскомъ переводѣ: 1) древнѣйшая югославянская, 2) древняя русская — не позже конца XI или начала XII в., 3) русская XIV в., содержащаяся въ списокѣ Новаго Завѣта, писанномъ, по преданію, рукою святителя Алексія, 4) русская же, содержащаяся въ четвероевангеліи 1383 г., писанномъ въ Константинополь и 5) русско-болгарская XV в., содержащаяся въ полномъ списокѣ Библии 1499 года и во множествѣ бумажныхъ рукописей XV—XVII в.

Исслѣдованіе древнѣйшихъ славянскихъ списковъ Евангелія представляетъ тѣмъ большую важность и интересъ, что въ нихъ исслѣдователь надѣется открыть слѣды и остатки первоначальнаго перевода Евангелія, совершеннаго свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но вправдѣ ли онъ надѣяться? Можно ли возстановить первоначальный текстъ славянскаго перевода Евангелія, и если можно, то на сколько и какимъ образомъ? (Какія должны быть при семъ руководительныя критическія начала?)

Припомнимъ, что переводъ Евангелія былъ первымъ плодомъ проповѣднической дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Славянскіе списки Евангелія, кирилловскіе и глаголическіе, начинаются съ XI вѣка. Правда, и древнѣйшіе списки Евангелія далеко не представляютъ желаемаго сходства и однообразія текста. Списки эти юсовые, сербскіе, русскіе — представляютъ значительныя разности и носятъ ясныя слѣды наслоеній какъ историческихъ, такъ и діалектическихъ. Славянскія рукописи Евангелія подверглись той же участи, какая постигла и всѣ вообще древнія библейскія рукописи. Не всегда осторожныя и осмотрительныя переписчики много вносили ошибокъ въ свои списки, которые при новой перепискѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше разнообразились. Эти поврежденія текста производились не намѣренно. Но кромѣ того, славянскій текстъ Евангелія, какъ и Апостола и Псалтири, изъ древности былъ исправляемъ и такимъ образомъ испыталъ много намѣренныхъ измѣненій. Измѣненія эти изъ древности были двухъ родовъ: а) когда устарѣвшія или ставшія непонятными слова замѣняли другими, болѣе употребительными и понятными, что было совершенно естественно и даже необходимо, особенно при переходѣ памятника изъ одной мѣстности въ другую (изъ Болгаріи напр. въ Сербію или Русь), и б) когда исправители славянскаго перевода сносились съ греческими списками, бывшими у нихъ въ рукахъ. И дѣйствительно, уже древнѣйшіе списки Евангелія пред-

¹⁾ Подъ редакціей мы разумемъ не отдѣльныя разночтенія, а послѣдовательное, проходящее чрезъ все Евангеліе, исправленіе или новый переводъ текста. Отдѣльныя же разночтенія свойственны каждому списку, такъ что по сему можно бы насчитать столько редакцій, сколько списковъ.

ставляют иногда такія особенности текста, которыя заставляют предположить вліяніе иных греческих чтеній или вариантовъ. Но всѣ эти измѣненія древняго перевода, равно происшедшія и отъ ошибокъ переписчиковъ, должна выдѣлать и правильно оцѣнить научная критика библейскаго текста чрезъ сравненіе списковъ между собою и съ греческимъ подлинникомъ.

Древній и болѣе или менѣе первоначальный переводъ Евангелія на славянскій языкъ можетъ быть возстановленъ именно чрезъ сличеніе древнихъ списковъ Евангелія между собою и съ греческимъ подлинникомъ. Чѣмъ болѣе и древнѣе будетъ такихъ документовъ, тѣмъ безопаснѣе по нимъ можно составить сужденіе. Ни одинъ изъ древнихъ списковъ Евангелія не заключаетъ въ себѣ первоначальный славянскій переводъ во всей чистотѣ, но каждый изъ нихъ содержитъ большіе или меньшіе слѣды и остатки перевода первоначальнаго. Какія же должны быть приняты руководительныя начала для выдѣленія того, что въ древнихъ спискахъ Евангелія можетъ быть относимо къ остаткамъ первоначальнаго перевода и что не можетъ?

1. Для того, чтобы сравненіе списковъ между собою могло опираться на болѣе прочномъ основаніи, необходимо поставить во главу сравниваемыхъ списковъ такой, который бы находился въ возможной близости къ древнѣйшему тексту Евангелія на славянскомъ языкѣ. Такимъ спискомъ мы приняли Галицкое четвероевангеліе 1144 года, рукопись Московской Синодальной бібліотеки. Древнѣйшіе славянскіе списки Евангелія, какъ извѣстно, восходятъ къ XI вѣку. Но между ними нѣтъ ни одного четвероевангелія, по крайней мѣрѣ писаннаго кирилловскими письменами (на основаніи палеографическихъ данныхъ къ XI в. относятъ два глаголическихъ списка четвероевангелія — Зографскій и Маринскій). Кирилловскіе списки четвероевангелія начинаются съ XII в. и древнѣйшій между ними, съ обозначеніемъ года, и лучшій списокъ — Галицкое четвероевангеліе 1144 года. Евангелія — апракосы не представляютъ евангельскій текстъ въ его полнотѣ и первоначальномъ видѣ: въ началѣ чтеній они нѣкогда опускаютъ, другое прибавляютъ, иногда соединяютъ сказанное въ разныхъ мѣстахъ, даже у разныхъ евангелистовъ. Галицскій списокъ 1144 года, какъ представляющій почти полный текстъ всего четвероевангелія (какою полнотою не могутъ похвалиться вышеупомянутые нами глаголическіе списки четвероевангелія) и при томъ текстъ, въ основѣ согласный съ древнѣйшими списками XI в. кирилловскими и глаголическими, съ удобствомъ можетъ быть положенъ въ основаніе при сравнительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ древняго славянскаго перевода Евангелія; но при семъ, само собою разумѣется, должно быть отдаваемо все должное значеніе древнѣйшимъ спискамъ XI в. кирилловскимъ и глаголическимъ.

2. Взаимное отношеніе и относительное значеніе списковъ можетъ опредѣлиться только въ слѣдствіе ихъ сличенія между собою. Тѣмъ же путемъ

слѣдуетъ искать возстановленія чтенія древняго перевода изъ разнообразія отдѣльных чтеній и редакцій. Именно, если послѣ тщательнаго сличенія списковъ окажется, что извѣстныя мѣста Евангелія читаются во всѣхъ нихъ или по крайней мѣрѣ въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ совершенно одинаково, то такія мѣста съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ остаткамъ первоначальнаго перевода. Личныя же особенности списковъ въ отношеніи текста должны быть относимы къ тѣмъ измѣненіямъ, какія претерпѣвалъ древній переводъ въ рукахъ переписчиковъ и исправителей.

3. При оцѣнкѣ различныхъ чтеній должно обращать вниманіе на внутреннее ихъ качество. При семъ чтеніе югославянское и въ частности болгарское должно быть предпочитаемо русскому и сербскому.

4. Встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ рукописяхъ Евангелія непереведенныя греческія и вообще чужія слова съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ особенностямъ первоначальнаго перевода. Позднѣе же эти греческія и другія чужія слова стали передаваться славянскими.

5. При сличеніи славянскихъ списковъ между собою и съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ, постоянно должно имѣть въ виду подлинный текстъ греческій. При семъ открывается, что особенности древняго славянскаго перевода отъ нынѣшняго заключаются 1) въ вариантахъ и 2) собственно въ переводѣ. Что такое варианты? Вариантами мы называемъ такія разночтенія славянскихъ списковъ, которыя имѣютъ себѣ основаніе въ разночтеніяхъ списковъ греческихъ. И греческій новозавѣтный текстъ не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ: подлинники (автографы) самихъ новозавѣтныхъ писателей весьма рано утратились.¹⁾ Дошедшіе до насъ древнѣйшіе греческіе кодексы новозавѣтныхъ книгъ не восходятъ раньше IV вѣка. Греческіе списки св. Писанія также богаты разночтеніями текста или вариантами. Насчитываютъ до 50,000 новозавѣтныхъ вариантовъ. — Важнѣйшіе варианты греческаго текста состоятъ 1) въ замѣненіи однихъ словъ и выраженій другими, а также въ замѣненіи однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) въ опущеніяхъ и прибавленіяхъ и 3) въ перестановкѣ словъ. Древній славянскій переводъ Евангелія, какъ и Апостола и Псалтыри, дословно и буквально слѣдуетъ своему подлиннику. Посему и въ славянскихъ спискахъ Евангелія замѣчаются, 1) замѣненія славянскихъ словъ другими соотвѣтственно тѣмъ или инымъ греческимъ чтеніямъ, а также замѣненія однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) опущенія и прибавленія согласно съ греческими списками и 3) различное словорасположеніе, опять по тѣмъ или инымъ греческимъ спискамъ. По этимъ категоріямъ (замѣненія, опу-

¹⁾ Гэрке, Введеніе въ Новоз. книги Св. Писанія, переводъ съ нѣм. подъ ред. архимандрита Михаала, М. 1869, стр. 226. См. также въ Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, herausgeg. von Herzog und Plitt, Zweite Auflage, II Band, Leipzig, 1878. Статью Gebhardt: «Bibeltext des N. T.» S. 400 и слѣд.

щенія и прибавленія, перестановки) мы и рассматриваемъ древній славянскій текстъ Евангелія въ отношеніи его къ греческимъ вариантамъ. *Переводъ* собственно не имѣетъ въ виду разныхъ греческихъ чтеній и касается тѣхъ случаевъ, когда одно и то же греческое слово, выраженіе, форма передаются по славянски различно въ различныхъ спискахъ или и въ одномъ и томъ же спискѣ въ разныхъ его мѣстахъ, иногда согласно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ, иногда же несогласно. При выдѣленіи чтенія древняго перевода изъ разнообразія отдѣльныхъ чтеній необходимо обращать вниманіе на согласіе списковъ и на внутреннее качество самаго чтенія.

Въ разсмотрѣніи разностей перевода, въ мѣстахъ трудныхъ и замѣчательныхъ въ филологическомъ и другихъ отношеніяхъ, мы прибѣгаемъ къ другимъ древнимъ переводамъ библіи и отеческихъ твореній, равно какъ и къ прочимъ духовнымъ памятникамъ славянъ. Именно, мы приводимъ параллельныя мѣста, встрѣчающіяся въ слѣдующихъ памятникахъ: въ древнихъ славянскихъ спискахъ Апостола ¹⁾ и Псалтыри ²⁾, въ Пандектѣ Антіоха XI в. ³⁾, въ Изборникахъ 1073 г. ⁴⁾ и 1076 г. ⁵⁾ въ XIII словахъ Григорія Богослова по рукописи XI в. ⁶⁾ въ Супрасльской рукописи, ⁷⁾ въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ ⁸⁾, въ глаголическомъ сборникѣ Клоца (Glagolita Clozianus) ⁹⁾, въ Огласительныхъ поученіяхъ Кирилла Іерусалимскаго по списку XII—XIII в. ¹⁰⁾ въ Златоструѣ XII в. ¹¹⁾, въ сочиненіяхъ Кирилла епископа Туровскаго ¹²⁾ и въ другихъ памятникахъ. Сличеніе евангельскаго текста съ сими памятниками столько можетъ объяснять данныя мѣста, столько же и указывать на употребленіе въ древности первоначальнаго перевода. Только должно помнить, что въ этихъ памятникахъ еван-

¹⁾ Пользуемся своимъ трудомъ: Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. М. 1879.

²⁾ О древнемъ славянскомъ переводѣ Псалтыри трудъ В. Срезневскаго СПб. 1877—78. Отдѣльные отрывки изъ разныхъ древнихъ рукописей Псалтыри издана И. И. Срезневскимъ въ Древн. слав. пам. юсов. письма. Спб. 1868.

³⁾ По рукописи Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Цитаты Евангельскаго текста изъ этой рукописи приводятся о. архим. Амѣлохіемъ въ его трудѣ: Галицкое четвероевангеліе, М. 1882—83.

⁴⁾ По рукописи Московской Синод. библ. № 161 (31).

⁵⁾ Отрывки у Срезневскаго въ Древн. пам. рус. языка, стр. 141—146 и у Буслаева въ Истор. Христом. М. 1861, стр. 289—299.

⁶⁾ Издана А. С. Будиловичемъ, Спб. 1875.

⁷⁾ Издана Фр. Миклошичемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Supraclienai. Vindobonae, 1851.

⁸⁾ По изданію Кеппена въ Собраніи славянскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи, Спб. 1827.

⁹⁾ По изданію Б. Копятара, въ Вѣнѣ, 1836.

¹⁰⁾ Рукопись Московской Синод. Библиотеки № 114 (478). См. Оп. слав. рук. Сиб. библ. II: 2. 44—62.

¹¹⁾ Исслѣдованіе о Златоструѣ В. Малинина, Кіевъ, 1878.

¹²⁾ По изд. Калайдовича въ Нам. російской словесности XII в. М. 1821.

гельскій текстъ часто или вновь переводится, или же воспроизводится недословно, не буквально, на память. Оттого они не могутъ часто имѣть рѣшающей силы при опредѣленіи текста древнѣйшаго.

И такъ, въ разсмотрѣніи текста славянскаго перевода Евангелія по древнѣйшимъ онаго спискамъ мы сначала отмѣчаемъ такія отличія ихъ отъ нынѣшняго печатнаго текста — въ вариантахъ и переводѣ, которыя общи всемъ спискамъ или по крайней мѣрѣ большей ихъ части и которыя посему могутъ быть относимы къ первоначальному славянскому переводу, и затѣмъ отмѣчаемъ частныя или личныя особенности списковъ, которыя въ большей части случаевъ съ вѣроятностію могутъ быть разсматриваемы, какъ позднѣйшія исправленія древняго перевода. Конечно, можетъ случиться, что одинъ какой либо списокъ въ данномъ мѣстѣ вѣрнѣе сохраняетъ древній переводъ, чѣмъ всѣ остальные списки, но такіе случаи нечасты. Древность чтенія перевода, хотя бы оно не раздѣлялось многими списками, доказывается разсмотрѣніемъ внутренняго его качества и снесеніемъ съ другими памятниками древней церковнославянской письменности.

Такимъ то образомъ изслѣдована нами первая или древнѣйшая редакція текста Евангелія. Тѣ же приемы мы прилагаемъ при опредѣленіи характеристическихъ особенностей и послѣдующихъ редакцій славянскаго перевода Евангелія. Только при семъ мы показываемъ отношеніе ихъ какъ къ нынѣшнему печатному тексту, такъ и къ предшествующимъ имъ славянскимъ спискамъ.

Рукописи Евангелія, разсматриваемыя нами въ настоящемъ изслѣдованіи — сравнительно съ основнымъ спискомъ, Галицкимъ Евангеліемъ, распредѣляются по редакціи текста слѣдующимъ образомъ :

А) СПИСКИ ЕВАНГЕЛІЯ ПЕРВОЙ, ДРЕВНѢЙШЕЙ РЕДАКЦИИ :

Остр. Остромирово Евангеліе — апракосъ 1056—1057 г. (294 л.) рукопись Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ.

Тур. Туровское Евангеліе — апракосъ XI в. (отрывки, 10 листовъ, русскаго письма), хран. въ Виленской публ. библіотекѣ. Виленскимъ учебнымъ округомъ изданъ литографическій снимокъ ео всѣхъ десяти листовъ, приготовленный въ 1868 г. въ С.-Петербургѣ, въ литографіи Бермелѣва. На нихъ помѣщены слѣдующія евангельскія чтенія: Матѣ. XV, 21—28; XXIV, 40—44; XXV, 1—13, 14—30. Лук. IV, 31—36; V, 1—11, 17—26, 27—32; VI, 31—36; VII, 11—12. Иоан. X, 1—9, 17—20; XII, 27—34.

Сав. Саввино Евангеліе — апракосъ XI в. юсоваго письма, рукопись Синод. Типогр. библ. въ Москвѣ № 15.

Арх. 1092 г. Архангельское Евангеліе — апракосъ 1092 г. русскаго письма, рукопись Моск. Румянцевскаго Музея.

Ассем. Ассеманіево или Ватиканское Глаголическое Евангеліе -- апракосъ XI в. юсоваго письма. Издано глаголицей Фр. Рачкимъ въ Загребѣ 1865 г. и латинскими буквами И. Черничемъ (Iv. Črnič) въ Римѣ 1878 г.

Зор. Зографское глаголическое четвероевангеліе XI в. юсоваго письма. Изд. проф. Ягичемъ въ Берлинѣ 1879 г.

Мар. Маріинское глаголическое четвероевангеліе XI в. юсоваго письма. Издано проф. В. Ягичемъ въ С.-Петербургѣ 1883. Недостающее въ Маріинскомъ Евангеліи Мате. I—V, 24 заимствовано г. Ягичемъ изъ Дечаскаго четвероевангелія XIII в. юсоваго письма, рукоп. Императорской Публ. библ. въ С.-Петербур.

Тит. 1. Четвероевангеліе XII в. 191 л. русскаго письма, Моск. Син. Тип. библ. № 1 (54).

Вол. 1. Евангеліе—апракосъ XII—XIII в. русскаго письма,—152 л. (неполное), биб. Моск. Дух. Академіи № 1 (изъ волоколамскихъ рукописей).

Карп. Евангеліе и апостолъ (апракосы) XIII—XIV в. юсоваго письма, 313 л. бывшей Хлудовской библ. № 28, хран. нынѣ въ Преображенскомъ Единоѣрческомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

Никол. Никольское четвероевангеліе XIV в. сербскаго письма. Издано Даничичемъ въ Бѣлградѣ, 1864.

Бългр. Четвероевангеліе XIV в. сербскаго письма (неполное), Бѣлградской народной бібліотеки. Варианты изъ этого списка напечатаны Даничичемъ въ его изданіи Никольскаго Евангелія. Бѣлградъ, 1864.

Хлуд. 31. Евангеліе и апостолъ (апракосъ), XIV в. 271 л. юсоваго письма, бывшей Хлуд. библ. № 31, нынѣ въ Петерб. Единоѣрч. мон. въ Москвѣ.

Син. 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31. Евангелія — апракосы XIV в. русскаго письма, хран. въ московской синодальной библ. подъ вышеозначенными №№ (по опис. Горскаго и Невоструева).

Рейм. Реймское Евангеліе—апракосъ (отрывки, 16 листовъ, на коихъ помѣщены слѣдующія евангельскія чтенія—по мѣсяцеслову отъ 27 октября до 9 марта: Мате. I, 1—25; II, 1—12, 13—23; III, 1—6, 13—17; IV, 1—11, 12, 17, 25; V, 1—12; X, 1, 5—8; XI, 2—15, 27, 30; XII, 15—21; XX, 1—8. Марк. I, 1—8, 9—11; V, 24—34; IX, 33, 41. Лук. II, 1—20; 20—52, 21—40, 22—40; III, 1—18; VI, 17, 23. Иоан. I, 29, 34, всего 24 чтенія).

в) СПИСКИ ЕВАНГЕЛІЯ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ:

Мст. Евангеліе—апракосъ, писанное въ началѣ XII в. для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича (русскаго правописанія, 213 л.), хран. въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Юр. Юрьевское Евангеліе—апракосъ 1120—1128 г. (русскаго письма, 232 л.) Хранилось до недавняго времени въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, нынѣ перенесено въ Московскую Синодальную бібліотеку и значится здѣсь подъ № 1003.

Добр. Добриловское Евангеліе—апракосъ 1164 г. (русскаго письма, 270 л.), хран. въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Тип. 6. Евангеліе—апракосъ XII в. (русскаго письма, въ малую 8-ку, 228 л.) Моск. Сян. типогр. библіотеки № 6 (60).

Арх. 2. Евангеліе—апракосъ XIII в. (русскаго письма 259 л.), хран. въ Москов. Арханг. соборѣ подъ № 2.

Сим. Симоновское Евангеліе—апракосъ 1270 г. (русскаго письма 167 л.), хран. въ Румянцовскомъ музеѣ.

Лавр. Евангеліе—апракосъ XIV в. (русскаго письма, 164 л.), библ. Троице-Сергіевой лавры № 5.

Хлуд. 29. Евангеліе—апракосъ 1323 года (русскаго письма, 219 л.) бывшей Хлуд. библ. № 29, нынѣ въ Преобр. Единов. монастырѣ въ Москвѣ. Отличія текста, свойственныя второй редакціи, въ семь спискѣ къмъ-то повидимому въ недавнее время старательно соскоблены, и по скобленому написаны вновь нынѣшнія чтенія.

Хлуд. 30. Евангеліе—апракосъ XIV в. (русскаго письма 213 л.) бывшей хлуд. библ. № 30, нынѣ въ Преобр. Единовѣр. мон. въ Москвѣ.

Амф. 4. Евангеліе—апракосъ XV в. (154 л.), собранія о. архимандрита Амфилохія (настоятеля Данилова монастыря въ Москвѣ) № 4¹⁾.

в) СПИСОКЪ ЕВАНГЕЛІЯ ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦІИ :

Чуд. Новый Заветъ Святителя Алексія, рукопись Московскаго Чудова монастыря (русскаго письма, 170 л.).

г) СПИСКИ ЕВАНГЕЛІЯ ЧЕТВЕРТОЙ РЕДАКЦІИ :

Конст. Четвероевангеліе 1383 г. (русскаго письма, 282 л.), писанное въ Константинополѣ, рукоп. Моск. Синодальной библіотеки № 26 (742).

Ником. Никоновское четвероевангеліе XIV в. (русскаго письма, 199 л.), библ. Московской Д. Академіи № 138 (изъ фундамент. библ.).

д) СПИСКИ ЕВАНГЕЛІЯ ПЯТОЙ РЕДАКЦІИ :

Библ. 1499. Евангеліе, содержащееся въ полномъ спискѣ Библии 1499 г. (русско-болгарскаго письма 986 л.), рукоп. Моск. Сянод. библ. № 1 (915).

Ал. 1, 2, 3, 17. Списки четвероевангелія XV в. (русско-болгарскаго письма), библ. Моск. Д. Академіи № 1, 2, 3 (изъ фундам.) и 17 (изъ Волокол.). Списки № 1 и 3 болѣе, чѣмъ № 2 и 17 удерживаютъ древнія чтенія.

¹⁾ Подъ сокращеніями *Амф.* 1, 2, 3 и т. д. до 37, помѣщаемъ варианты изъ 37 списковъ Евангелія XV—XVII в. собр. о. архим. Амфилохія, приводимые въ его изданіи Галичскаго Евангелія. Москва, 1882—83).

Списокъ Евангелія этой редакціи сохранилось весьма много отъ XV—XVII вв. и во всѣхъ нихъ текстъ Евангелій почти одинаковъ, такой же какой содержится въ полномъ спискѣ Библии 1499 года.

Примѣчаніе. Привлекаемъ къ сравненію также печатныя библии: Острожскую 1581 года, Московскую 1751 г. и Кіевскую 1788 г.

Основными списками приняты нами для первой редакціи Галичское Евангеліе 1144 года, для второй — Мстиславова Евангеліе, для четвертой — Константинопольское 1383 г., для пятой — полный списокъ Библии 1499 г.; наконецъ, третья редакція сохранилась всего въ одномъ спискѣ, усвояемомъ, по преданію, святителю Алексію.

Для сличенія славянскаго перевода Евангелія съ греческимъ оригинальнымъ текстомъ мы пользуемся критическими изданіями Миллія ¹⁾, Рейнекція ²⁾, Гризбаха ³⁾, Маттея ⁴⁾, Шольца ⁵⁾ и Тишендорфа ⁶⁾. Чаще всего ссылки дѣлаемъ на послѣднее (8-е) большое изданіе К. Тишендорфа. Въ этомъ изданіи Тишендорфа приняты 52 кодекса не позднѣе X в. (codices unciales) для возстановленія древнѣйшаго евангельскаго текста. Отдѣльные греческіе списки представляютъ обильныя данныя для уясненія многихъ разночтеній славянскаго перевода Евангелія.

Чаще цитируемые нами греческіе кодексы:

✠ *Син.* Синайскій (Sinaiticus Petropolitanus) кодексъ IV в., хранится въ Императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ. Содержитъ весь Новый Заветъ вполнѣ.

А *Ал.* Александрійскій (Alexandrinus) кодексъ V в., собственность Британскаго Музея въ Лондонѣ. Изъ Евангелій недостаетъ съ начала Евангелія Маттея до XXV, 6, также Іоан, VI, 50—VIII, 52.

В *Ват.* Ватиканскій (Vaticanus № 1209) кодексъ IV в. въ Римѣ. Евангелія содержитъ вполнѣ.

С *Ефр.* Ефремовскій (Ephraemi Syri) кодексъ V в. въ Парижѣ. Многого недостаетъ изъ Евангелій.

Д *Кембр.* Кембриджскій (Bezae Cantabrigiensis Graecus et Latinus) код. VI в. въ Кембриджѣ. Недостаетъ Мате. I, 1—20; VI, 20—IX, 2; XXVII, 2—12. Іоан. I, 16—III, 26.

Е *Баз.* Базельскій (Basileensis) кодексъ VIII в. Недостаетъ изъ Евангелія только Лук. III, 4—15; XXIV, 47 до конца.

¹⁾ Millii, I. Novum Testamentum graecum, ed. secunda. Lipsiae, MDCCXXIII (1723).

²⁾ Reineccius, M. Chr. Nov. Test. graecum, Weissenfelsae, 1725,

³⁾ Griesbach, Nov. Test. graece, ed. secunda, Vol. I. Halae, MDCCCVI (1806).

⁴⁾ Matthaei, Chr. Nov. Test. graece, t. I. Wittenbergae, MDCCCIII (1803).

⁵⁾ Scholz, I. Nov. Test. graece, vol. I. Lipsiae, 1830.

⁶⁾ Tischendorf, Nov. Test. graece, ed. octava critica major, vol. I. Lipsiae, 1869.

F^a *Коасл.* Коаслинскій (Coislincianus) кодексъ VII в. въ Парижѣ.

I *Пал.* I. Отрывки палимпсеста V—VI в. въ Петербургѣ.

K *Пар.* 63. Парижскій (Cyprius Parisiensis № 63) код. IX в. Содержитъ сполна всѣ четыре Евангелія.

L *Пар.* 62. Парижскій (Parisensis № 62) код. VIII в. Недостають Матѣ. IV, 22—V, 14; XXVIII, 17 до конца. Марк. X, 16—30; XV, 2—20. Иоан. 21, 15 до конца.

M *Пар.* 48. Парижскій (Parisensis № 48) код. второй пол. IX в.

N *Отр. N.* Отрывки Евангелій VI в., хран. часть въ Лондонѣ, часть въ Вѣнѣ, въ Римѣ и на островѣ Патмосѣ.

O *Отр. O.* Отрывки Евангелія IX в. въ Москвѣ.

P *Пал.* P. Отрывки палимпсеста (codex Guelferbytanus) VI в.

Q *Пал.* Q. Отрывки палимпсеста (codex Guelferbytanus) V в.

S *Ват.* 949. Ватиканскій (Vaticanus № 354) код. 949 года. Содержитъ сполна всѣ четыре Евангелія.

U *Вен.* Венеціанскій (Venetus Marcianus) код. IX—X в. Сполна всѣ четыре Евангелія содержатъ.

V *Моск.* Московскій (Mosquensis) код. IX в. въ Моск. Синодальной библиотекѣ. Недостають Матѣ. V, 44—VI, 12; IX, 18—X, 1. Кромѣ того, Иоан. VII, 39 до конца дополнено въ XIII в.

X *Мюнх.* Мюнхенскій (bibl. universitatis Monacensis) кодексъ IX—X в.

A *Окс.* Охонинскій код. IX в. Содержитъ Евангелія Луки и Иоанна.

z *Лонд.* Отрывки палимпсеста VIII в. изъ Евангелія Луки, хран. въ библиотекѣ Лондонскаго библейскаго общества.

П *Пет.* Петербургскій кодексъ, почти полный, IX в. Найденъ въ Смирнѣ. Древніе переводы Новаго Завѣта.

Боптскій (III в.) — въ нижнемъ Египтѣ.

Фивскій или Сагидскій (III в.) — въ верхнемъ Египтѣ.

Есіопскій (IV в.).

Готскій (IV в.).

Древне-Италійскій (до Иеронима, во мног. спискахъ).

Вульгата (Иеронимовъ переводъ).

Армянскій (V в.).

Грузинскій (V или VI в.).

Сирскіе (Пешино II в., Филоксеновъ VI в.) и др.

См. у Шольца и Тишендорфа въ Prolegom. къ изданію Новаго Завѣта.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГАЛИЧСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1144 ГОДА.

Первая (древнѣйшая) редакція евангельскаго текста.

Галичское Евангеліе, согласно съ Остромировымъ, Саввинымъ, Ассеманіевымъ, Зографскимъ, Маріинскимъ и остальными списками той же редакціи, представляетъ слѣдующіе, отличные отъ нынѣшняго печатнаго текста, А) варианты:

А) ЗАМѢНЕНІЯ.

Матѳ. 5, 47 не и мзитаре ли тако творать (въ Баз. Пар. 63. 62. 48. Ват. 949. Вен. и др. кодексахъ, въ сир. и гот. переводахъ читается *oi telōnai*, вм. соответствующаго нынѣшнему славянскому переводу *oi 'Edivhoi*). Такъ всѣ списки первыхъ четырехъ редакцій. Въ Библи. 1499 г. Ар. 1. 2. 3. 17 азычнѣи, въ Острож. Моск. и Кіев. библияхъ по нын. азычнѣицы.

9, 9 видѣ члака на мзит'ниці сѣдлаца. именемъ мат'омеа (вм. общепринятаго *leuōmeon* въ Ват. 949 и нѣкоторыхъ другихъ кодексахъ, въ лат. и арм. переводахъ чит. *dnōmati*). Такъ всѣ списки 1-й и 2-й редакцій, и списки остальныхъ двухъ редакцій по нынѣшнему: *гаемаго*.

16, 11 ако не о Хлѣбѣ Хъ вамъ взнимати рѣХъ. Храните же са Ѡ кваса фарисейска. и садоукѣйска (у Шольца, Маттея и Тишендорфа означено въ вариантахъ соответствующее греч. чтеніе по Евр. и др. кодексамъ: *просέχετε, προσέχετε δὲ ἀπὸ...*) Такъ Зогр. Мар. Никол. Бѣлг. и списки 2-й редакціи: Мст. Тип. 6. Арх. 2. Лавр. — Въ Тип. 1: не о Хлѣбѣ Хъ вамъ взнимати рекоХъ, нз Ѡ кваса фарисейска (послѣ *просέχετε* чит. *ἀλλὰ* или *ἀλλ'* въ Пар. 48 и нѣкоторыхъ др. код. и у Теофилакта) и такъ-же Вол. Чуд. Конст. Никон. Библи. 1499 г. Ар. 1. 2. 3. 17 и Острож., а въ Моск. и Кіев. библияхъ не заключено въ скобки, какъ въ нынѣшнемъ текстѣ.

23, 25 оутрьоудоу же соутъ пзани гракленѣа и нечистотъи (вм. *ἀδικίας* въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ, въ лат. сагид. копт. переводахъ чит. *ἀκαθαρσίας, impuditia*). Такъ Зогр. Мар. Никол. Бѣлгр. Вол. Амф. 4.

Въ Мет. (вторн. страстн. нед. на утр.) Арх. 2. Лавр. гракленниа и неси-
тости (въ Син. Ват. Кембр. и друг. кодексакъ, арм. сир. пер. и у Вас. Вел.
чит. ἀκρασίας, въ лат. перев. intemperantia, incontinentia); въ Мст. — вторн.
10 нед. — Юр. Сим. кесправьдина, Тип. 6 Добр. и списки 4-й и 5-й ред. по ны-
нѣшнему: неправьдзи (ἀδικίας чит. въ Ефр. Баз. Коасл. и во многихъ другихъ
спискахъ, у Вас. Вел. и у Златоуста).

24, 51 и часть его съ лицедѣки положить (въ всѣхъ греч. спискахъ μετὰ
τῶν ὑποκριτῶν). Такъ всѣ списки первыхъ трехъ редакцій, только въ Остром.
Мст. Тип. 6 Арх. 2 Лавр. μετὰ τῶν ὑποκριτῶν перев. съ лицемѣры ¹⁾ въ Сав.
Ас. Зогр. Мар. Тип. 1. Вол. оставлено безъ перевода: съ ὑποκριτῆσι. Но Конст.
Никон. и списки 5-й ред. по нын.: с невѣрными (μετὰ τῶν ἀπίστων читается
по Миллію и Рейненцію въ Діалогѣ противъ Марціона).

25, 18 а примзию единз шьдз раскопавз ²⁾ землю и сзкрзи срекро гна своего
(ἄρρεν γῆν въ текстѣ у Тишендорфа по Син. Ват. и др. кодексамъ; въ вариан-
тахъ отмѣчено соответствующее нынѣшнему слав. переводу чтение ἐν τῇ γῆ, въ
лат. переводахъ in terra, in tegam). Такъ всѣ списки 1-й и 2-й редакцій. Въ
Чуд. Конст. и Никон. ископа в земли, въ Библи. 1499 и прочихъ спискахъ этой
редакціи, также въ печ. библияхъ — Острож. Моск. и Киев. по нынѣшнему
вкопа ёго въ землю.

Марк. 1, 11 тзи кси смз мои вззлюклензию, о тогкѣ кѣговолѣхз (ἐν σοι въ
текстѣ у Тишендорфа по Син. Ват. Ефр. и многимъ другимъ спискамъ, а дру-
гое, соответствующее нын. слав. переводу, чтение ἐν φ̄ указывается въ вариан-
тахъ по Алекс. двумъ IX в. и другимъ болѣе позднимъ спискамъ). Такъ всѣ
списки 1-й и 2-й редакцій, кромѣ Тип. 6. Въ Тип. 6 мѣсяцесловѣ 6 янв. ³⁾ и
въ спискахъ 3-й, 4-й и 5-й ред. по нынѣшнему: ѿ нѣмъ же.

« 7, 30 окрѣте отроковицю лежащую ⁴⁾ и кѣсз шьдзшь (вполнѣ соответствую-
ющее греч. чтение: τὸ παιδίον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ τὸ δαιμόνιον ἐξεληλυθὸς
содержится въ Син. Ват. Пар. 62 и другихъ кодексахъ). Такъ всѣ списки 1-й
и 2-й редакцій, но списки остальныхъ трехъ редакцій по нынѣшнему, и соот-
вѣтственное греч. чтение εὗραν τὸ δαιμόνιον ἐξεληλυθὸς καὶ τὴν θυγατέρα βεβλημένην
ἐπὶ τῆς κλίνης отмѣчено у Тишендорфа въ вариантахъ по Ал. Мюнх. и другимъ
спискамъ.

2, 43 и не чюста родителю его (καὶ οὐκ ἔγνωσαν οἱ γονεῖς αὐτοῦ въ Син.
Ват. Кембр. и другихъ кодексахъ и принято Тишендорфомъ въ текстѣ). Такъ
Сав. Ас. Зогр. Никол.

¹⁾ Въ Изборникѣ 1073 г. л. 94 об. чит. да не часть твоя съ лицемѣры поло-
житьсяса.

²⁾ Въ Остр. Зогр. Мар. Никол. и др. спискахъ: раскопа.

³⁾ Въ Тип. 6 — въ пон. 11-й нед. — читается согласно съ Галицскимъ Евангелиемъ.

⁴⁾ Въ Зогр. Мар. Никол. Мст. и др. сп. прибавлено: на одрѣ.

Но Остром. и не чоу носифъ и мати его (καὶ οὐκ ἔγνω ἰωσηφ καὶ μήτηρ αὐτοῦ въ Ал. Ефр. и во многихъ другихъ кодексахъ). По Остромирову списку и Тип. 1. и списки остальныхъ трехъ редакцій, только οὐκ ἔγνω въ Чуд. перев. не вѣдаше, въ Конст. не οὐβѣдѣ въ Рейм. Бѣлгр. Никон. Библ. 1499 г. Ак. 1. 2. 3. 17 и печатныхъ библияхъ по нынѣшнему: не разоумѣ.

6, 10 онъ же простѣрѣтъ въ Син. Кембр. Мюнх. и другихъ спискахъ и въ разныхъ древнихъ переводахъ читается ἐξέταμεν, вм. обычнаго ἐποίησεν или ἐποίησεν οὐτω). Такъ воѣ списки первыхъ трехъ редакцій. Но Конст. Никон. и списки 5-й ред. по нын. сотвори тако.

8, 37 и молша и всъ народъ области гергесиньскыя (вм. τῶν Γαδαρηῶν въ Син. Ефр. и др. кодексахъ и въ древнихъ переводахъ стоитъ Γεργεςτηῶν, Сл. Матѣ. 8, 28, и это чтеніе принято у Тишендорфа въ текстѣ въ семь стихѣ какъ и въ ст. 26). Такъ Остр. Ас.¹⁾ Сав. Арх. 1092 г. Зогр. Тип. 1 Никон. и списки 2-й редакціи: Мст. Тип. 6. Арх. 2.

Въ Лав. и Бѣлгр. генисаретьскыя,²⁾ въ Мар. Вол. и спискахъ, 3 4 и 5 редакцій по нын.: гадариньскыя.

17, 2 оучѣне имоу кзи кзило аще кзи камень жьрнъвнзи взложено на всю его (вм. μόλος ὄνικος, Кеповое чтеніе соотвѣтствуетъ нынѣшнему переводу — жерновъ оселскій, сл. Матѣ 18, 6, въ Син. Ват. Кембр. и друг. кодексахъ и древнихъ переводахъ читается λίθος μόλικός, сл. Марк. 9, 42 и это чтеніе принято у Тишендорфа въ текстѣ). Такъ воѣ списки 1, 2, 4 редакцій и изъ списковъ 5 ред. Ак. 1. 3. Въ Пандетѣ Антиоха XI в. чит. οὐνε βδα кы камень на взин жрнъвнзи повѣшенъ. Въ Чуд. жерновъ осли, Библ. 1499 г. Ак. 2. 17 и печ. библияхъ по нын. жерновъ всельскы.

Іоан. 1, 28 си въ виданіи взшла. Такъ воѣ списки первыхъ трехъ редакцій. Но Конст. Никон. и списки 5 редакціи по нын.: въ вифаварѣ. Ἐν Βηθαβάρᾳ читается почти въ всѣхъ древнихъ греч. кодексахъ и у Маттея, Шольца, Тишендорфа принято въ текстѣ, хотя Оригенъ, Епифаній, Златоустъ, Евсевій, Теофилактъ, Евѣимій и другіе отцы и писатели церковные предпочитаютъ чтеніе Ἐν Βηθαβάρᾳ.

5, 2 исть же въ иерамѣхъ на овъчи коупѣли. Такъ воѣ списки до XV в. и изъ печатныхъ библий Острожская. Въ Моск. и Кіев. библ. по нын.: овчла иѣпѣль. Во всѣхъ древнихъ греческихъ кодексахъ чит. ἐπὶ (или ἐν) τῇ προβατικῇ κολυμβήθρᾳ, только нѣкоторые поздніе списки, латинскіе и другіе переводы, Злат. Теоф. и латинскіе отцы читаютъ προβατικῇ κολυμβήθρα.

5, 4 аггелъ ко гнѣ на всако время мзишеся въ коупѣли (вм. обычнаго κατέβηκεν чит. Ἐλυόετο въ Ал. Пар. 63 Пет. код., въ сир. и ер. пер.) Такъ воѣ

¹⁾ Въ Ас. стихи 26 и 37 заключены въ скобки, въ Карп. совѣмъ выпущены.

²⁾ Въ ст. 26 Гол. Зогр. Никол. Бѣлгр.: ГЕНИСАРЕТСКОУ, Остр. Мар. Мст. и прочіе списки: ГАДАРИНЬСКЪ.

списки 1 и 2 ред. кромѣ Юр. Тип. 1. 6. и Бѣлгр. въ коихъ, также какъ въ спискахъ 4 и 5 редакцій по нынѣшнему: сѣхѡждааше (Чуд. низлезаше).

5, 8 встанѣ възми одрѣ твоѣ, и иди въ домѣ свои (вм. обычнаго καὶ περιπάτη въ одномъ греч. спискѣ XI в. въ сир. пер. и въ толк. Злат. читается καὶ βαρε εἰς τὸν οἶκόν σου). Такъ все списки 1 и 2 редакцій, кромѣ Тип. 6 и Сим. въ коихъ, также какъ въ спискахъ остальныхъ трехъ редакцій по нын. : и Ходн.

6, 39 се ко есть вола оца моего (тоу патрѡс ѡв въ текстѣ у Тишендорфа согласно съ Син. Ват. Ефр. Кембр. и друг. древними кодексамн, древними переводами и отеческими толкованіями). Такъ все списки 1 и 2 редакцій, кромѣ Вол. и Лавр. Списки остальныхъ трехъ редакцій имѣютъ по нынѣшнему (въ Ал. Баз. и друг. спискахъ IX—X в. и у Злат. чит. тоу πέρεφαιτός ѡв). Вол. и Лавр. совмѣщаютъ оба чтенія пославшаго ма оца; впрочемъ соотвѣтственное греч. чтеніе указывается у Тишендорфа въ вариантахъ.

12, 47 и аще кто оуслышитъ глѣзи моѣ и не сѣтворитъ ихъ. Въ Зогр. Мар. Ас. Вол. Никол. Амф. 4: не сѣхранитъ ихъ, Юр. Добр. не сѣкюдеть (у Тишендорфа въ текстѣ καὶ μὴ φυλάξῃ по Син. Ал. Ват. и друг. древнимъ кодексамъ).

Но Остр. по нынѣшнему: и аще кто оуслышитъ глѣзи моѣ и не вѣрѡуетъ (καὶ μὴ πιστεύσῃ въ Баз. Пар. 48 и многихъ другихъ спискахъ VIII—X вв.) и такъ же Мет.? и списки остальныхъ трехъ редакцій.

в) Опущенія и прибавленія.

Матѡ. 4, 6 ако аггеломѣ своимъ заповѣсть о тоуѣ (сохранити та опущ., и ни въ одномъ греч. спискѣ ни у Шольца, ни у Маттея, ни у Тишендорфа нѣтъ словъ тоу διαφολάξαι сѣ, внесенныхъ, конечно, изъ пс. 90, 11, откуда приводится сие мѣсто, сл. Лук. 4, 10). Такъ все списки первыхъ трехъ редакцій. Но Конст. Никон. и списки 5 ред. по нынѣшнему прибавляютъ: схранити та.

18, 30 дождеже вздасть ѡмоу всъ (приб.) дзлгъ (въ Ефр. и нѣкот. друг. кодексамъ и у Дам. предъ τὸ δεξιόμεινον прибавлено πάν, сл. ст. 34). Такъ все списки 1 и 2 редакцій. Списки остальныхъ трехъ редак. по нынѣшнему.

22, 32 нѣсть къ (вторичное Бгъ опущ.) мъртвѣхъ нз (Бгъ опущ.) живѣхъ. Такъ все списки 1 и 2 ред. *) Соотвѣтственное греч. чтеніе οὐκ ἔστιν θεός νεκρῶν ἀλλὰ ζώντων въ текстѣ у Тишендорфа по Син. Ват. Кембр. и друг. кодексамъ, древнимъ пер. и отеч. толкованіямъ). Въ Конст. Никон. и Чуд.: нѣ къ къ мъртвѣхъ, но (Бгъ опущ.) живѣхъ, въ Библ. 1499 г. Ак. 1. 2. 3. 17 и печ. библіяхъ по нынѣшнему.

27, 49. Между симъ и слѣдующимъ 50-мъ стихомъ вставлено: дроугзи же примѣ копые прокоде ѡмоу ребра и изиде вода и крѣвь (изъ Иоан. 19, 34).

*) Въ Мет. Арх. 2. Лавр. опущены начальныя слова 32 стиха главы 22-й. Изъ ѣсмь...

Такъ Остр. Сав. Ас. Зогр. Мар. Тип. 1. Никол. Бѣлгр. Син. 21. 23. 24. 27. 28. 30. 31 и списки 2 редакцій: Мст. — ев. вел. пят. на лит., — Тип. 6 Арх. 2—7-е страстн. ев., Сим. Лавр.¹⁾ (въ Лавр... и акые изиде кровь и вода, — соотвѣтственное чтеніе указано Тишендорфомъ въ Вен. списокѣ IX—X в.).

Но Карп. Син. 22. 25. 29. равно Мст. въ 7 стр. ев., Арх. 2 въ ев. на лит. вел. пят. и списки остальныхъ трехъ редакцій не имѣють означенной вставки, какъ нѣтъ ея и въ большей части греч. списковъ, въ разныхъ древнихъ переводахъ и отеческихъ толкованіяхъ. Вставка эта неумѣстна, что замѣчено Тишендорфомъ въ вариантахъ.

Марк. 6, 33 и видѣша а ѣдоуша (народы оп.) и познаша га мнози (въ древнихъ греч. кодексахъ нѣтъ слова *οἱ ὄχλοι*, — оно указывается у Тишендорфа въ вариантахъ по нѣкоторымъ позднимъ греч. спискамъ). Такъ всѣ списки. Въ Острожс. библии: ѱ видѣша и ѱдѣша народ, въ Моск. и Кіев. по нын.: народы.

6, 44 бѣша же ѣдѣши (икв опущ.) патъ тѣсоуць моуць (прибавленіе *ὡσεὶ*, взятое, вѣроятно, изъ парал. мѣстъ Матѳ. 14, 21, Лук. 9, 14 и Иоан. 6, 10 имѣють только нѣкоторые поздніе греч. списки у Шольца, Маттея и Тишендорфа). Такъ всѣ списки. Печатныя библии — Острожс. Моск. и Кіев. имѣють по нынѣшнему.

8, 14 и закѣша (оучѣцы 'егв оп.) вззати хлѣбы (изъ древнихъ кодексовъ только Кембр. прибавляетъ *οἱ μαθηταί*, а Вен. *οἱ μαθηταί αὐτοῦ*, сл. Матѳ. 16, 5, — въ остальныхъ эти слова опущены). Такъ всѣ списки первыхъ трехъ редакцій. Списки 4 и 5 редакцій по нынѣшнему.

10, 21 и рече ѣмоу. аще Хоуеши сзвѣршенѣ кѣти (приб.) єдинога еси не докончалѣз (въ Пар. 63. 48. Остр. Н. Пет. код. въ коп. сир. ее. пер. послѣ словъ *καὶ εἶπεν αὐτῷ* прибавлено: *εἰ θέλει τέλειος εἶναι*, сл. Матѳ. 19, 21). Такъ Зогр. Никол. Бѣлгр. Въ Мар. Тип. 1 Вол. и спискахъ 2-й ред. Мст. Тип. 6. Арх. 2. Лавр. означенное прибавленіе читается послѣ словъ: єдинога еси не докончалѣз (соотв. греч. вариантъ указанъ у Тишендорфа). Но списки 3, 4 и 5 ред. по нын., безъ прибавленія.

11, 30 Хрѣшеные иоаново Ѡ коудоу кѣ (приб.) с нѣсе лѣ. или Ѡ чѣкѣ (въ Син. Ефр. и друг. код. также приб. *πῶθεν ἔν*, сл. Матѳ. 21. 25). Такъ всѣ списки 1 и 2 ред. кромѣ Арх. 2 Списки остальныхъ трехъ ред. и Арх. 2 по нын.

12, 32 ѣко єдинѣ кестъ (Бгѣз оп.). Такъ всѣ списки. Въ печатныхъ библи. Острож. Моск. и Кіев. по нын. Въ древнѣйшихъ греч. код. Син. Ал. Ват. и др. не читается *θεός*; прибавленіе сего слова показано у Тишендорфа въ Кембр. и еще въ четырехъ древн. спискахъ, въ саг. коп. арм. сир. переводахъ.

¹⁾ Въ древнѣйшихъ греч. кодексахъ: Син. Ват. Ефр. Пар. 62. Вен., въ сп. 844 г. въ пяти спискахъ XI—XIII вв. въ сир. и ее. пер. и у Злат. также читаются соотвѣтствующія слова: ἄλλος βὲ λαβὼν λόγγην ἔνοσεν αὐτοῦ τὴν πλεορὰν, καὶ ἔξῆλθεν ὄδωρ καὶ ἄψα.

14, 65 прорци намъ Хѣ кто есть оудари тл (приб., въ Пет. отрывкахъ палимпс. V—VI в., Вен. Мюнх. Сангал. код. и другихъ позднихъ спискахъ, лат. саг. коп. сир. арм. ео. переводахъ послѣ слова *προφήτευσον* прибавлено: *ἐμὴν χριστέ τίς ἐστιν ὁ παίσας σε*, сл. Матѳ. 26, 68). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Списки остальныхъ трехъ редакцій по нынѣшнему.

9, 50 не краните ѿмоу. нѣсть ко на взл (приб.). иже ко нѣсть на взл по васъ есть (послѣ *μὴ κολούετε* Ефр. Рембр. Пар. 62. и другіе списки приб. *αὐτὸν*, сл. Марг. 9, 39, а Пар. 62 и Лонд. списки, коп. и сир. переводы, кромѣ того, имѣютъ приб. *οὐ γὰρ ἐστι καθ' ἑμῶν*). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій, только въ Мар. и Вол. послѣ не краните нѣтъ приб. ѿмоу. Списки остальныхъ трехъ редакцій по нынѣшнему.

Иоан. 4, 51 се раки него сзрѣтоша и (н̄ възвѣстиша ѿмѣ опущ., какъ и въ греч. код.: Ват. и Пар. 62 въ коп. и ео. пер. и у Ор. Злат. не читается *καὶ ἀπ' ἡγεῖλαν*). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій, кромѣ Юр. въ коемъ, также какъ въ спискахъ остальныхъ трехъ редакцій по нын. (Чуд. съ опущ. ѿмѣ, какъ не читается *αὐτῶν* и въ большей части древнихъ греческихъ кодексовъ.

7, 39 не оу ко кѣ ДХ стѣи данз (приб.). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Списки 4 и 5 ред. по нын. безъ прибавленія слова данз (Чуд. не оу ко кѣ ДХ стѣго. Въ Ват. кодексѣ IV в. читается *δεδομένον*, и еще въ одномъ позднемъ спискѣ *δοθέν*; прибавленіе сіе имѣютъ лат. сир. переводы и Ор. Евс., — оно сдѣлано, вѣроятно, на основаніи толкованія Златоуста: *οὐπω γὰρ ἔνυ πνεῦμα ἅγιον τοῦτέστι δοθέν*.

8, 6 іс же низз поклонѣса пѣр'стѣмъ п'саше на земл'и (не слагалъ имъ оп., въ большей части греч. кодексовъ нѣтъ слова *προσποιοῦμενος*, нѣтъ его въ текстѣ ни у Шольца, ни у Тишендорфа, а отмѣченъ въ вар. по Баз. и тремъ спискамъ IX в.)¹⁾ Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Копст. и Никон.: н̄ не слагала змз (какъ и въ нѣкот. греч. спискахъ приб. *καὶ*). Списки 5 ред. и печ. библии по нын. (Чуд. не притворага).

8, 9 сазшавѣше же (н̄ совѣстїю окличаѣми опущ.) исхожахоу. ѿдинз по ѿдиномоу. начьнзше Ѡ старьцъ (до послѣднихъ опущ.). Опущеніе соответствующихъ греч. словъ *καὶ ὑπὸ τῆς συνεῖδ'σεως ἐλεγχόμενοι, ἕως τῶν ἰσχυάτων* показано у Тишендорфа по многимъ греч. кодексамъ и древнимъ переводамъ. Такъ всѣ списки 1 и 2 ред., кромѣ Бѣлгр. (только въ Мар. Тип. 1 чпт. до послѣднихъ). Въ Чуд. чит. Ѡ совѣсти окличаѣми, съ опущеніемъ словъ до послѣднихъ, въ Бѣлгр. и спискахъ 4 и 5 ред. по нынѣшнему.

11, 17 пришѣдз же ісз въ виданїю (приб., въ Ал. Рембр. и нѣкот. другихъ кодексахъ и древнихъ перев. приб. *εἰς Βηθανίαν*). Такъ всѣ списки 1 и 2

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что древнѣйшіе кодексы: Сик. Ал. Ват. Ефр. и другіе совсѣмъ опускаютъ Иоан. 8, 1—11.

ред. кромѣ Карп. въ коемъ, также какъ въ спискахъ остальныхъ трехъ ред. по нынѣшнему.

20, 16 гла нѣмоу еврейски (приб.) раввоуни. Такъ Мар. Ас. Тип. 1. Никол. Амф. 4 и списки 2 ред. Мет. Арх. 2. Лавр. и Чуд. Но Остр. Тип. 6. Добр. и списки 4 и 5 ред. по нын. безъ прибавленія. Въ Син. Ват. Кембр. и другихъ древн. код. и древн. переводахъ предъ Ῥαββουὶ стоитъ Ἑβραϊστί, и это слово принято Тишендорфомъ въ текстъ, а опущеніе его замѣчено въ вариантахъ по Ал. Баз. и другимъ кодексамъ.

в) ПЕРЕСТАНОВКИ.

Матѣ. 6, 24.

9, 17 нѣ вино новое въ мѣхѣхъ новыиъ вливають (въ Син. Ефр. код. чит. ἀλλ' οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς βάλλουσιν καινοὺς, въ лат. переводахъ, въ вулг. и у Авг. καινοὺς βάλλουσιν). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Списки остальныхъ трехъ ред. по нынѣшнему.

10, 8 мѣртвѣзна възкрѣшаите прокаженѣи очищайте (νεκροὺς ἐγείρετε, λεπροὺς καθάρizzate въ текстѣ у Тишендорфа по Син. Ват. Ефр. Кембр. и друг. кодексамъ). Такъ Зогр. Мар. Тип. 1. Вол. Никол. и списки 2 ред. Мст. Тип. 6. Лавр.

Въ Арх. 2. Амф. 1, 4, 7, и спискахъ 4 и 5 ред. мѣртвѣзна възкрѣшаите опущено, какъ опускаются соответствующія греч. слова въ весьма многихъ кодексахъ, по Тишендорфу. — Въ печ. библіяхъ — Остр. Моск. и Кіев. читается по нынѣшнему.

23, 13-й стихъ помѣщается послѣ 14-го стиха во всѣхъ спискахъ; только въ печ. библіяхъ Остр. Моск. и Кіев. читается по нынѣшнему. Соответственная перестановка 13-го стиха находится въ Баз. и въ весьма многихъ другихъ греч. код. въ древнихъ переводахъ и у Злат. Дам. Евф. Зиг., Теоф. по Шольцу, Маттею и Тишендорфу. Но у Тишендорфа ст. 14 вовсе исключенъ изъ текста по Син. Ват. Кембр. и другимъ древнимъ кодексамъ.

Лук. 4, 8 гоу коу твоѣмоу поклонишиа (κύριον τὸν θεόν σου προσκυνήσεις — въ Син. Ват. Ефр. и въ очень многихъ другихъ спискахъ и въ разныхъ древнихъ переводахъ, сл. Матѣ. 4, 10). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Списки остальныхъ трехъ редакцій по нынѣшнему.

Иоан. 9, 21 самого възпросите въздратѣ имать (αὐτὸν ἐρωτήσατε, ἵλιχίαν ἔχει въ текстѣ у Тишендорфа по Син. Ват. Кембр. и друг. кодексамъ и древнимъ переводамъ). Такъ всѣ списки 1 и 2 ред., только въ Остром. предъ въздратѣ имать приб. самѣ. Но списки остальныхъ трехъ редакцій по нынѣшнему.

Рѣдки случаи, когда Галичское Евангеліе не раздѣляетъ отличій Остромирова, Зографскаго, Маріинскаго и другихъ списковъ 1-й редакцій отъ нынѣшняго печатнаго списка и представляетъ текстъ, принятый болѣею частію нынѣ. Сюда относятся слѣдующія особенныя чтенія или варианты греческіе.

Матв. 9, 7, Острож.: и въставъ (вземъ ѿдръ свой опущ.) иде въ домъ свои. Такъ всѣ списки первыхъ трехъ редакцій. Но Гал.: и въставъ възъмъ ѿдръ свои. иде въ домъ свои, и также списки 4 и 5 ред. и Острож. библия. Въ Моск. и Киев. библияхъ, какъ и нынѣ, означенныя слова заключены въ скобки. Слова эти взяты изъ Марк. 2. 12, или прибавлены на основаніи предъидущаго стиха; греческіе же списки, по видимому, не представляютъ соотвѣтствующаго чтенія.

11, 2, Острож.: пославаъ оученики своими (у Тишендорфа въ текстѣ διὰ τῶν μαθητῶν по Син. Ват. Ефр. Кембр. и другимъ кодексамъ). Такъ Ас. Зогр. (Арх. 1092 г. прѣдъз оучники своими). Но Гал.: пославаъ два оученика него (по многимъ греч. спискамъ VIII—IX в., по толк. Ор. и Златоуста, читающимъ вмѣсто διὰ — δύο, сл. Лук. 7, 19) и такъ же Карп. Син. 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 31. Никол. Рѣйм. (Вол. пославаъ ѿ оученикъ своихъ), Мст. и всѣ списки остальныхъ четырехъ редакцій, какъ и въ нынѣшнемъ печ. текстѣ.

Лук. 7, 11, Острож. и съ нимъ идѣхъ оученици него (мнози опущ., такъ и въ древнѣйшихъ греч. кодексахъ Син. Ват. и др. опущ. ἕκανοί). Такъ Тур. Ас. Зогр. Мар. Карп. Вол. Никол. Бѣлгр. Мст. Тип. 6. Добрил. Амф. 1. Но Гал.: оученици него єдині, Арх. 2 Лавр. и списки 3, 4 и 5 ред. по нын.: мнози.

Іоан. 6, 23, Острож.: Хвалаъ въздавшю гоу (εὐχαριστήσαντος τοῦ χορίου). Такъ Зогр. Вол. Никол. Бѣлгр. Мст. Арх. 2 (Чуд. благодарившю еу, Констан. и Никон. благодарившоу гоу). Но Гал. по нынѣшнему: Хвалоу въздаше гоу и также Тип. 1. Син. 21. 28 (Ас. Хвалаъ въздаше когови, Тип. 6 Хвалоу въздавшие, съ оп. гоу), всѣ списки 5-й ред. и печ. библии. У Шольца и Тишендорфа указываются латинскіе и сирскіи переводы, коимъ въ греческомъ должны соотвѣтствовать слова: εὐχαριστήσαντες τῷ χορίῳ или θεῷ. — Наконецъ, въ Лавр. Син. 22, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 31. Амф. 2: и Хвалу въздаша еу.

8, 10, Зогр. възсклонъ же са ис̄ (и ни єдинаго видѣвъ, точію женѣ опущ.) рече єи. Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій. Соотвѣтствующія слова: καὶ ἠθένα θεοσάμενος πλὴν τῆς γυναίκος опущены въ Кембр. Пар. 48, Ват. 949 г. Пет. 844 г. и другихъ болѣе позднихъ спискахъ, въ лат. коп. сир. єе. переводахъ. Но Гал. и списки 3, 4 и 5 редакцій по нынѣшнему прибавляютъ: нікого же не видѣ развѣ женѣ.

Іоан. 9, 8, Зогр.: ꙗко проситель еѣ. Такъ Ас. Карп. Арх. 1092 г. Вол. Никол. Бѣлгр., Добр. Лавр. Амф. 2, 4, 17. Но Гал. ꙗко слѣпъ еѣ, и такъ же Остр. Мар. и списки остальныхъ четырехъ редакцій, какъ и въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ. Въ древнѣйшихъ греч. кодексахъ. Син. Ал. Ват. Ефр. Кембр. въ древнихъ переводахъ и у Злат. Кир. читается ὅτι προσαιτῆς ἦν; другое чтеніе — τοφλὸς ἦν — указано Тишендорфомъ въ вариантахъ по нѣкоторымъ греч. спискамъ IX-го вѣка.

Примѣчаніе. Здѣсь же отмѣтить можно ошибку, идущую, повидимому, отъ глубокой древности, но въ Галичскомъ Евангеліи исправленную.

Матѣ. 10, 3, Зогр.: ꙗ келевен наречензи тадѣи (καὶ λεββαῖος ὁ ἐπικληθεὶς Θαδδαῖος). Такъ Мар. Карп. Вол. Никол. Син. 22, 25, 29, 31, Тип. 6. Лавр. Никон., Библ. 1499 г. Ав. 1, 2, 3, 17. и Острож. библ. 1581 г. (въ Конст. и Чуд.: и селевѣки наречены Фадѣи, Амф. 2 селевкѣи). Шафарикъ въ Рамátk. hlaholsk. přeměnitostí (Praha, 1853), стр. XXXI указываетъ такъ же ошибочное чтеніе: и келевен... въ Цетин. Пс. 1495 г. и въ серб. и болг. рукописяхъ Евангелія. Но Гал.: и ле(вин) ¹⁾ принаречензи ладѣи (Мст. левеос), въ Моск. и Кіев. библіяхъ по нын.: ꙗ Леввей нареченный Фаддѣи.

Б) Согласно съ древнѣйшими списками Евангелія, кирилловскими и глаголическими, Галичское Евангеліе представляетъ слѣдующія отличія отъ нынѣшняго печатнаго текста *ex переводѣ*:

5, 9 бѣжи сѣмирающѣи (οἱ εἰρηνοποιοί). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакціи. Но Чуд. и списки 4 и 5 ред. по нынѣшнему: миротворци.

5, 32 и же потѣбѣгоу ἀπολελυμένην поемлетъ. прѣлюбы дѣять. Такъ всѣ списки 1 и 2 редакціи (Зогр. Мар. подзѣбѣж). Но Чуд. и списки 4 и 5 ред. по нын. поущеницѣ (Ср. Матѣ. 19, 9 и женанса подзѣбѣгоу — въ всѣхъ спискахъ 1 и 2 ред. кромѣ Тип. 6, въ коемъ также какъ въ спискахъ 3, 4 и 5 редакцій по нынѣшнему: поущеницею, — въ Пандектѣ Актіоза XI в. и женанса поущтеницеж. Но Лук. 16. 18 и женанса поущеною Ѡ моужа ὁ ἀπολελυμένην ἀπὸ ἀνδρός γαμῶν, — такъ и во всѣхъ спискахъ).

5, 40 и Хоташемому соудз приати съ токою (σοι κριθῆναι). Такъ всѣ списки 1, 2 и 4 редакціи. Въ Чуд. ти сдѣити, въ Библіи 1499 г. и печ. библіяхъ по нын. соудитиса.

6, 16 просмражаютъ ко лица своа (ἀφανίζουσιν). Такъ всѣ списки 1, 2, 3 и 4 редакцій (только Добр. овлѣжаютъ, Амф. 4 вклежаще). Но библ. 1499 г. и печатныя по нынѣшнему: помрачаютъ.

6, 27 кто же Ѡ васз пекзиса. можетъ приложити тѣлеси (ἐπὶ τὴν ἡλικίαν) своему локзть едннз. Такъ всѣ списки 1, 2 и 4 редакцій. Въ Чуд. Библ. 1499 г. и печатныхъ по нын.: возрастоу. Ср. Лук. 12, 25; 19, 3. Греч. ἡλικία переводится тѣло и въ древнѣйшихъ спискахъ Апостола, Еф. 4, 13: въ мѣроу тѣла (ἡλικίας, нынѣ возраста) исплзненію Хвс (въ нашемъ изслѣд. объ Апостолѣ, стр. 329). Въ словахъ Константина Пресвитера (рукоп. Моск. Син. библ. № 163—262, л. 63) чит. кто можетъ отъ васз приложити на тѣло свое локзть едннз.

10, 29 не два ли оуто вракыа на ссарии вѣнима юста (πρωλεῖται). Такъ Зогр.: вѣните са, Мар. и Карп. вѣнимѣ есте, Никол. винѣми есте. Но Остр. цѣнимѣ есте. Мст. и списки 2-й ред. продаѣтася, Чуд. продаѣта, Конст. и списки 5 ред. по нын.: цѣнитъса. Но Лук. 12, 6 въ Гал. Ев. — въ одномъ —

¹⁾ Заключенное въ скобки въ Гал. рукописи соскоблено.

читается: не пат'ли птица мѣнить пѣнатема двѣма (πωλοῦνται), тогда какъ въ Зогр. Мар. Тип. 1. Карп. Никол. Бѣлгр. опять: вѣнитъ са (Остром. Арх. 1092 г. списки 2, 4 и 5 ред. по нын.: цѣнитъса, Чуд. проодает^с).

13, 22 и печаль свѣта сего (τοῦ αἰῶνος). Такъ все списки 1, 2 и 3 ред. кромѣ Карп. Никол. въ коихъ такъ же какъ въ спискахъ 4 и 5 ред. по нын. вѣка т. е. міра сего).

15, 33 Ѡ коудоу вземемъ на поуств¹) хлѣбзи (πόθεν ἔμιν ἐν ἐρημίᾳ ἄρτοι τωσούτοι). Такъ Ас. Зогр. Мар. Тип. 1. Вол. и списки 2 и 3 редакцій. Но Остр. Никол. Бѣлгр.: отъ кждоу намъ (Сав. кзде оу насъ) въ поуствѣ мѣствѣ хлѣбъ толико, — и такъ же Конст. Никон. и списки 5 ред. только въ сихъ послѣднихъ и ἐν ἐρημίᾳ пер. по нын.: в поуствыни.

17, 29 тгда пристуопаше оченіцъ ісови къ едн'ому рѣшл (κατ' ἰδίαν нынѣ: на єдинѣ). Такъ все списки (кромѣ Чуд.) и Остром. библияхъ. Въ Моск. и Кіев. библ. по нын. (Чуд. осокъ).

19, 12 соутъ ко кажениці. иже ішрева мѣрн'а родишася тако. и соутъ кажениці аже исказиша члци. и соутъ кажениці иже исказишася сами (εὐνοῦχοι, εὐνοχίσθησαν ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων, εὐνοχίσαν ἑαυτοῦς). Такъ все списки 1, 2 и 4 редакцій. Въ Чуд. и спискахъ 5 редакцій по нын. скопцы, скопишас.

22, 19 покажете ми скаатъ, киньнзи (τὸ νόμισμα τοῦ χήνου, нынѣ златицъ кинсоннью). Такъ еще Мар. Зогр. ²). Но Остр. цатъ киньсьнжж, и такъ же Чуд (Ас. Карп. окразъ, списки 2, 4 и 5 ред. по нын.).

26, 39 и прѣшздъ мало паде ницъ (ἐνὶ πρόσωπον αὐτοῦ) молася. Такъ все списки 1 и 2 редакцій. Въ Чуд. и спискахъ 5 ред. по нынѣшнему: на лици своємъ (въ Конст. два перевода: паде ницъ на лици своємъ).

27, 15 на всакъ же днъ великъ. окъчмаі къ иг'емону (κατά δὲ ἑορτῆν т. е. праздникъ пасхи). Такъ все списки 1 и 2 редакцій, кромѣ Юр. въ которомъ, такъ же какъ въ спискахъ 3, 4 и 5 редакцій по нын.: праздникъ.

Марк 1, 35 и оутро прокрѣзгоу зѣло. взставъ изиде (καὶ πρῶτῃ ἔννοχον λίαν). Такъ Зогр. Мар. Тип. 1. Бѣлгр. (Карп. и Никол. ошибочно: по кргоу). Но Мст. и остальные списки 2-й редакцій: и заоутра въ соумрачно зѣло (Арх. 2 мрачно), Чуд. и оутрѣ по ранѣ, Конст. Никон. и списки 5 ред. по нынѣшнему ноци соуци.

7, 2 Фарисеи — зазрахоу (ἐμειψαντο, нынѣ — р8гах8са). Такъ все списки 1, 2 и 4 редакцій (Зогр. Мар. зазырѣахж, Никол. Бѣлгр. зазырѣхоу, Мст. и прочіе сп. 2-й ред. зазираахоу, Конст. и Никон. зазирахоу). Въ Чуд. это слово пропущено, согласно съ Син. Ал. Ват. и другими древними греч. кодексами, въ коихъ также не чит. ἐμειψαντο. Въ Библ. 1499 г. и печаткахъ по нынѣшнему: р8гаах8са.

¹) Въ Остр. Ас. Зогр. Мар. Сав. Карп. Никол. и др. спискахъ приб. мѣствѣ.

²) Въ Зогр. Матѣ. 22, 20—24, 20 писано позднѣйшею рукою.

13, 9 и прѣдѣз воеводами. и цри станете мене радѣ (σταθίζεσθε). Такъ всѣ списки 1, 2, 3 и 4 редакцій (Юр. коудете) и Ар. 3. Въ Библии 1499 г. ведете (са?), Ар. 1. 2. 17. Острожс. Моск. и Кіев. библ. по нынѣшнему ведени бждете.

13, 28 і прозакнетъ мѣстѣме (ἐκφύει). Такъ всѣ списки 1, 2, 3 и 4 редакцій. Въ Библ. 1499 г. и печ. по нын.: израцаѣт.

14, 55 да и оуб ють (εἰς τὸ θανάτωσαι αὐτόν). Такъ всѣ списки 1-й редакціи. Но Мст. и прочіе списки 2-й ред. да и оуморать, Чуд. оуморать ёго, Конст. Никон. и списки 5 ред. по нынѣшнему: да оумер твать ёго.

15, 28 и сѣ беззаконнікома причтенъ кзис (ἐλογίσθη). Такъ всѣ списки 1, 2 и 4 редакцій. Но Чуд. и списки 5 ред. по нынѣшнему: вмѣниса.

Лук. 1, 58 и слзшаша окръстѣ живоущи. и роженые кел (οἱ συγγενεῖς). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакціи. Въ Чуд. сродници, Конст. Никон. и списки 5 ред. по нын.: южики. — Въ ст. 61 ἐκ τῆς συγγενείας перев. Ѡ роженѣа въ спискахъ 1, 2 и 4 редакцій (Карп. Ѡ рода), но въ Чуд. Библ. 1499 г. и Острожс. въ сродствѣ, Моск. и Кіев. библ. по нынѣшнему: въ родствѣ (исправители читали, вѣроятно, ἐν τῇ συγγενείᾳ, какъ значится въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ). Также Лук. 2, 44: и искашета него въ роженѣи. и въ знаньи (ἐν τοῖς συγγενέσι καὶ ἐν τοῖς γνωστοῖς) — во всѣхъ спискахъ 1 2 редакціи и Никон. (Чуд. въ сродницѣхъ и знаньи, Конст. в рожданинѣ, а переводъ греч. — ἐν τοῖς γνωστοῖς опущенъ, Библ. 1499 г. и печ. по нын.: въ сродницѣхъ и въ знаѣмыхъ).

3, 22 и снѣде дх стѣзи тѣлеснзнымъ зракзмъ (εἶδει). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакціи (Чуд. відом. Конст. Никон. и списки 5 ред. по нын.: шкразомъ).

5, 2 плакахоу мрѣжа (ἀπέπλυαν). Такъ всѣ списки 1 5 редакціи и Острожс. библия. Но Мст. Тип. 6 платахоу, Конст. Никон. платахоу, Арх. 2. волочахоу, Чуд. полоскахоу, Моск. и Кіев. библии по нын.: измывахс. Глаголь плакати въ значеніи полоскати употребленъ въ Библ. 1499 г. Іез. 16, 9: шплакаахъ кровь твою Ѡ тебе (ἀπέπλυα).

6, 24 како възпрѣте оутѣхоу вашу (ἀπέχετε). Такъ всѣ списки 1, 2, 3 и 4 редакцій, кромѣ Бѣлгр., только въ Добр. възпримете, Лавр. Чуд. и Никон. възпріемлете, а въ Конст. два перевода: како Ѡстойте възпріемлете оутѣшениѣ ваше. Въ Библ. 1499 г. и печатныхъ Ев. (и въ Бѣлгр. како Ѡстойте оутѣшениѣ вашего, только въ Моск. и Кіев. библ. на полѣ напечатано: възпріемлете, какъ и въ нын. печатножѣ текстѣ.

6, 32 - 34 каа вамъ Хвала естъ (χαρίς). Такъ всѣ списки первыхъ четырехъ редакцій. Въ Библ. 1499 г. и печ. по нын.: кагдѣ (только въ ст. 34 и Библ. 1499 г. имѣеть: Хвала).

6, 49 ѣнже Храминѣ приразиса рѣка (προσέρρηξεν). Такъ всѣ списки 1, 2 и 3 ред. кромѣ Арх. 2, въ коемъ, также какъ въ спискахъ 4 и 5 ред. по нынѣшнему припаде.

7, 38 начатъ мочити нозѣ его слъзами (βρέχων). Такъ всѣ списки первыхъ четырехъ редакцій (Ас. омакати). Въ Библ. 1499 г. смывати, Остр. Моск. и Кіев. библ. по нынѣшнему: оумывати.

8, 56. и оужасостаса родителю нѣа (έξέοτησαν). Такъ всѣ списки первыхъ трехъ редакцій, кромѣ Бѣлгр. (Сав. и Зогр. оужаснжстаса, Ас. оужасостѣ са, Мар. оужасетѣ са, Чуд. оужасаХоуса). Въ Конст. Никон. Бѣлгр. и спискахъ 5 ред. по нын. дивнстаса.

11, 50 да мститѣся крвъ всѣхъ прркъ (να έκρητήθη). Такъ всѣ списки первыхъ трехъ редакцій (Мст. въ четв. 7 нед. по Гал. списку, но въ мѣсяцесловѣ 17 дек. да възискана кудет.). Въ Конст. и спискахъ 5 ред. по нын. да възщитѣся.

16, 14 и подражаХоута и (καί έξεμυκτήριζον αυτόν). Такъ всѣ списки 1 ред. и Мст. Чуд. Но тип. 6. Юр. Арх. 2 Добр. Лавр. поХоуллаХоутѣ и, такъ и Конст. Никон. поХоуллаХоу Его, Библ. 1499 г. и печ. по нын. рргаХоуса Егоу. Также Лук. 23, 35.

20, 1 скташася архіереи (έπέστυσαν οι άρχιερείς). Такъ всѣ списки 1 и 2 редакцій (Жар. припадъ), только въ Мст. и остальныхъ спискахъ 2-й редакцій οι άρχιερείς перев. старѣшинзи жьрьчскзи. Въ Чуд. присташа ереи (чит. οι іερείς, какъ во многихъ греч. кодексахъ), Конст. и Никон. свѣщашася иерѣи (Амф. 2, 4 сѣкрашася), Библ. 1499 г. и печ. по нын.: прідоша сщеници.

22, 25 цре азыкомъ оустомѣ имъ (οι βασιλείς των έθνων κορυβούσαν α' των, нын.: господствѣютъ). Такъ всѣ списки 1 ред.; а равно Мст. Тип. 6. Арх. 2 въ вел. четв., но въ понед. сыроп. нед. эти списки 2 редакцій имѣютъ: цесаре странамъ сзвладаютъ ими. Въ спискахъ остальныхъ трехъ ред. по нынѣшнему. Ср. Матѣ. 20, 25. Κορυβέειν перев. оустомѣти въ древнихъ спискахъ Апостола Римл. 7, 1; 2 Кор. 1, 24 (стр. 209, 294).

23, 16 показавъ оуко ѿпоуцию и (παιδεύσας). Такъ всѣ списки 1, 2 (Юр. кивъ), 4 и 5 редакцій, а равно Острожс. библия. Въ Чуд., Моск. и Кіев. библ. по нын.: наказавъ. Также въ ст. 22. — Въ древнихъ спискахъ Апостола ἡ ἐπιτιμία пер. показнь (стр. 294). Въ Фрейзингенской 1-й статьѣ читаемъ: i da bim pa zem zlehe tasoga grescha rosazen vzet, т. е. дабы на семь свѣтъ принялъ когда нѣе за такой грѣхъ (Кеппень, стр. 5).

3, 33 примзши его свѣдѣтельствыи запечаталѣ (εσφράγισεν), ако бѣ истинныи кста. Такъ всѣ списки 1, 2 (Юр. знамена), 3 и 4 редакцій. Въ Библ. 1499 г. и печ. по нын.: вѣрова (только въ Моск. и Кіев. библияхъ на полѣ напечатано оутверди, какъ и въ нын. текстѣ внизу).

4, 6 бѣ же тоу стоуденьцъ иаковль, — сѣдаше тоу на стоуден'ци (πλήθη, ἐπὶ τῇ πλήθῃ). Такъ Ас. Мар. Тип. 1. Вол. Никол. Бѣлгр., Мст. Арх. 2. Лавр. Но Зогр. Арх. 1092 г. Юр. Тип. 6 πλήθ' перев. кладазь, Чуд. и списки 4 и 5 ред. по нынѣш.: источникъ.

11, 28 оучитель се есть (παρέστιν). Такъ всё списки 1 и 2 редакціи (Лавр. приде). Въ Чуд. Стог., Конст. и Никон. предста, Библ. 1499 г. и печ. по нынѣшнему: пришелъ ѿ.

11, 54 и тоу живаше съ оученики своими (διέτριβεν). Такъ всё списки 1, 2, 3 и 4 редакцій. Въ Библ. 1499 г. и печ. по нын.: Хожаше. — Διέτριβεν перев. живаше въ Гал. и во всѣхъ спискахъ, равно и въ нынѣшнемъ текстѣ, Иоан. 3, 22.

12, 33 се же глаше клепа'а (σημαίνων). Такъ Сав. Арх. 1092 г. Мар. Вол. Никол. Тип. 1; а равно Мст. въ мѣсяцесловѣ 14 сентября, но 23 февр. на знаменавана, въ среду страсти. н. и вт. 6 нед. согласно съ Остромировымъ — знаменана. Въ Ас. Тип. 6. Лавр. назнаменуѡта, и также въ спискахъ 3, 4 и 5 редакціи. по нынѣшнему. — Клепаа читается въ Гал. и другихъ спискахъ 1-й ред. также Иоан. 18. 32, но Иоан. 21, 19 Гал. Остр. и др. списки имѣютъ знаменаа, списки 4 и 5 ред. по нын.: назнаменуѡта, тогда какъ Зогр. Ас. Сав. Вол. Сип. 22, 23, 24, 27, 28, 29. Лавр. и въ семъ мѣстѣ имѣютъ клепаа: се же рече клепа'а (σημαίνων). Въ Мар. и Никол. сего мѣста нѣтъ, за утратою соответствующихъ листовъ. — См. от. пер. 31 Клепати.

16, 25 не окуѡма (σα) о оці възвѣщю вамъ (παρρησία). Такъ всё списки 1, 2 и 4 редакцій. Въ Чуд. дерзновеніемъ, Библ. 1499 г. и печ. по нын.: гавѣ. Но въ ст. 29 и нынѣшній печ. текстъ вмѣстѣ съ древними списками имѣеть: не укинѣаса.

19, 1 тѣгда платъ поятъ іса. и тепе (ἐμαστίγωσεν, нын.: ки). Также Ас. Мар. Барп. Но Остр. Сав. Зогр. Никол. и др. сп. 1-й и остальн. ред. по нын.: ви. Въ Ас. еще Матѣ. 10, 17 чит. и на сѣньмиштиниѡхъ вашиѡхъ оутепѡтъ взі (μαστίγώσουσιν, Гал. и прочіе списки оубъють или кнють).

Представимъ древній, отличный отъ нынѣшняго, переводъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, чаще встрѣчающихся словъ.

Графѣ, γραφαί, γραμμαта переводятся однимъ словомъ кнзигы (по древнему употребленію этого слова въ значеніи письменности вообще, Священнаго Писанія въ частности, также писанія, буквы, какъ лат. litterae). Иоан. 5, 39 испитаѡте кнзигы (τὰς γραφάς). 5, 47 аще ли того кнзигама вѣрзи не кмаете (γραμμάσιν). 7, 42 не кнзигы ли рѣшл (ἡ γραφή). Также Матѣ. 21, 42; 22, 29; 26, 54, 56. Марк. 12, 24; 14, 49. Лук. 16, 5, 7; 23, 38; 24, 27, 32. Иоан. 2, 22, 7, 15, 38, 10, 35, 13, 18, 16, 12; 19, 24, 28, 36, 37; 20, 9. Также и другіе списки 1-й редакціи (Мст. и остальные 2-й ред. иногда согласны съ Галицскимъ Евангеліемъ, напр. Матѣ. 22, 29; 26, 54, 56, но чаще переводятъ по нын. писаніе, — такъ и списки остальныхъ трехъ редакцій, — Чуд. Матѣ. 21, 42 писаныа). Словомъ кнзигы переводится также βιβλος Матѣ. 1, 1; Лук. 3, 4, — βιβλίον Лук. 4, 17, 20 (нынѣ — книга). Сл. Матѣ. 5. 31; 19, 7; Марк. 10, 4 кнзигы распуѡстѡна (ἀνοστάσιον, нынѣ книга распѡстнал). Граμμα перев.

боуки Лук. 16, 6, 7 прими боуки своя въ Гал. Зогр. Мар. Марк. и другихъ спискахъ 1-й редакціи (Мст. и прочіе сп. 2 ред. книжки, Чуд. грамота, Бонст. и списки 5 ред. по нын. писанію).—Также переводятся эти слова въ древнихъ спискахъ Апостола, Псалтыри въ Златоструѣ и другихъ памятниковъ (стр. 213, 266).

Κόσμος перев. весь миръ. Матѣ. 4, 8 и показа юмоу вса црсьа всего мира (των κόσμων). 5, 14 взі есте свѣзъ всемоу мироу. 13, 38 а село есте весь миръ. Иоан. 15, 19 аще Ѡ всего мира взіете взіли. вса миръ оуко свое люкїлз кзї. акоже Ѡ всего мира нѣсте. нз азъ избврахъ взї Ѡ всего мира. сего радї ненави- дїть васъ вса миръ. Еще Матѣ. 13, 35, 38; 24, 21; 25, 34. Лук. 11, 50. Иоан. 1, 29; 3, 16, 17, 19; 4, 42; 6, 14, 33, 51; 7, 4; 8, 12, 26; 9, 5; 11, 27; 12, 19, 47; 13, 1; 14, 31; 15, 18; 16, 8, 20, 33; 17, 6, 13, 14, 15, 16, 18, 21, 23, 24, 25; 18, 20, 37; 21, 25. Такъ и другіе списки 1 ред. (и Мст. Матѣ. 5, 14; 13, 35; Иоан. 6, 33, 51; 7, 4, 7; 8, 12, 26; 17, 13), но списки остальныхъ трехъ редакцій переводятъ Κόσμος однимъ словомъ миръ, какъ и въ нынѣшнемъ печ. текстѣ. Κόσμος перев. весь миръ также въ древнихъ спискахъ Апостола и въ другихъ памятникахъ церковнослав. письменности (стр. 216—217, 266, 297, 315, 331). Прибавленіе весь дѣлалось, вѣроятно, для объясненія и усиленія понятія мїръ (Буслаевъ, О влиян. христ. на сл. яз. 193).

Μονογενής перев. иночадїи. Лук. 9, 38 како иночад'ми есте (нынѣ ѣди- народенз). Такъ Сав. Ас. Мар. Вол. Но. Остр. Зогр. Никол. Бѣлгр. и списки 2 ред. единочадз (Иоан. 1, 14, 18 и Гал. также перев. μονογενής), списки остальныхъ трехъ ред. по нынѣшнему. См. еще Лук. 7, 42; 8, 42; Иоан. 3, 16, 18.

Πιστεύω перев. вѣржъ юмліж. Матѣ. 21, 32 прїде ко иванз Хрѣлв. поутьмъ правднзъмъ. и не есте юмоу вѣрзї. мзїтаре же и люкодѣица гаша юмоу вѣроу. взїже видѣвзшеш не раскастеса послѣдъ гати юмоу вѣроу, нынѣ: не вѣростае, вѣростае, вѣрвати). Еще Матѣ. 21, 25; 24, 23; 27, 42. Лук. 1, 45; 8, 12, 13; 24, 11. Иоан. 2, 22; 4, 21, 48, 50; 5, 24, 46, 47; 8, 46; 9, 35, 36; 10, 25, 26, 38; 11, 15, 48; 14, 11. Такъ списки 1 и 2 редакціи, списки юстальныхъ ред. по нынѣшнему.

Ὁ πλῆσιον — искрїни. Марк. 12, 31 взлюбїши искрїнаго своего како самз себе (нынѣ: ближнаго. Еще Марк. 12, 33. Лук. 10, 27, 29, 36. Такъ списки 1 и 2 ред., списки остальныхъ ред. по нынѣшнему.

Πονηρός, когда симъ словомъ означаетя злїй духъ перев. неприазнь. Матѣ. 6, 13 нз изкави насз Ѡ неприазни (нынѣ: Ѡ лскавагв). Еще Матѣ. 13, 19; Лук. 11, 4. Такъ списки 1-й ред. и Мст. а также и нѣкоторые другіе списки 2-й редакціи. но списки остальныхъ редакцій по нынѣшнему. Такъ перев. πονηρός (неприазнь) въ древнихъ спискахъ Апостола и въ друг. памят- никахъ (стр. 263, 295, 329).

Ὁρα пер. година. Матѣ. 14, 15 и годїна минуоу оуже (нынѣ м. часз оуте мїнз). Еще Матѣ. 20, 3, 5, 6, 9; 24, 42, 26, 45, 46; Марк. 15, 25, 33, 34.

Лук. 12, 46; 22, 14, 59; 23, 44. Иоан. 1, 39; 2, 4; 4, 6, 21, 23, 52, 53; 5, 25, 28, 35; 8, 20; 11, 9; 12, 23, 27; 13 1; 16, 2, 32; 17, 1; 19, 14. Такъ списки 1-й части и 2 ред., списки остальныхъ редакцій по нынѣшнему.

Примѣры свободнаго перевода:

Лук. 2, 25 и члкъ съ правд'нхъ и чьстивхъ (εὐλαβής или εὐσεβής). Такъ въ списки 1 и 2 ред. (Зогр. чьтивхъ, Ас. когочьтивхъ). Но Чуд. и Никон. блгоговѣннзі Еонст. имѣеть два перевода блгочтивхъ говѣннхъ, при чемъ на послѣднемъ словѣ поставлены черточки, означающія, что оно излишне, Библи. 1499 г. блгочтивъ, Остроже. Моск. и Кіев. по нын. блгочестивхъ. См. въ наш. изсл. объ Апост. стр. 215 — εὐαρεστος.

Лук. 5, 26 яко відѣхомъ дѣвна дьньсь (παράδοξα). Такъ Тур. Сав. Ас. Зогр. Мар. Вол. Тип. 1. Бѣлг. Мст. Но Остром. Тип. 6. Арх. 2 Лавр. и списки 3, 4 и 5 ред. по нынѣшнему: прѣславьна (Карп. славьнама). Проф. Ягичъ видитъ здѣсь вліяніе лат. перевода — *mirabilia* (См. введение къ изд. Ассем. Ев. стр. LXXXVI).

Лук. 18, 7 и търпнть на нихъ (μακροθυμεῖ нынѣ долготерпа w нихъ). Такъ списки 1 и 2 редакцій, списки остальныхъ ред. по нынѣшнему. Также перев. μακροθυμεῖν — търпѣти въ древнихъ спискахъ Апостола (стр. 215—216).

Оставлены безъ перевода въ Галичскомъ, Ассеманіевомъ, Зографскомъ, Маріинскомъ и другихъ спискахъ первой редакцій слѣдующія чужія слова:

Ἀπόστολος — аплх Іо. 13, 16, нынѣ — посланникъ.

Ἀρχιερεὺς — архіереи Матѣ. 2, 4, нынѣ — первосщеникъ; ἱερεὺς — и(е)реи Лук. 10, 31, нынѣ священникъ.

Ἀρχισυναγωγός — архисунагогъ Лук. 13, 14, нынѣ — старѣйшина соборъ.

Βλασφημία — власвумина Лук. 5, 21; Иоан. 10, 33, нынѣ — Угла Углы.

Βλασφημεῖν — власвимисати Лук. 12, 10; Иоан. 10, 36, нынѣ — Углити, Углас глаголати ¹⁾.

Γαζοφυλάκιον — газофюлакиа Марк. 12, 41, 43; Лук. 21, 1; Иоан. 8, 20, нынѣ — сокровищное Хранилище.

Δεκάπολις — декаполиа Матѣ. 4, 25; Марк. 5, 20, нынѣ — десять градъ.

Καταπέτασμα — катапетазма Лук. 23, 45, нынѣ завѣса. — Въ Остр. Зогр. Мар. Тип. 6. Сим. Чуд. это слово оставлено безъ перевода также Матѣ.

¹⁾ Но Βλασφημία перев. въ Гал. Евангелія — вѣдногланые Матѣ. 12, 31; 15, 19, — беззаконнѣи разоуми Марк. 3, 28; 7, 22, — беззаконно разоумѣнны Матѣ. 26, 65, Марк. 14, 64; Βλασφημεῖ перев. въ Гал. Ев. вѣднѣ глѣть Матѣ. 9, 3, — беззаконнѣ развѣмѣють Матѣ. 26, 65; Марк. 2, 7; 3, 29, тогда какъ въ Зогр. Ас. Мар. Карп. Никол. и др. спискахъ 1-й ред. и въ этихъ мѣстахъ греч. слова оставлены безъ перевода.

27, 51, но Гал. понавѣца, Сав. Барп. Вонст. опона, Арх. 1092 г. Юр. запона, Мст. и списки 5 ред. по нын.: завѣса).

Κεντύριων — кентоурионъ Марк. 15, 45, нынѣ — сотникъ.

Κρανίου τόπος — краниево мѣсто Марк. 15, 22; Лук. 23, 33, нынѣ — лобное.

Οἰκονόμος — икономъ Лук. 16, 8, нынѣ — строитель ¹⁾.

Παράκλητος — параклитель Иоан. 15, 26; 16, 7, но Иоан. 14, 26 въ Гал. — бѣтѣшитель, по нынѣшнему.

Παρασκευή — Параскевки Лук. 23, 54; Иоан. 19, 14, 31 ²⁾.

Πίρα — пира Лук. 22, 35, 36, нынѣ — мѣхъ. Въ Барп. Никол. также въ спискахъ 4 и 5 ред. и въ нынѣшнемъ текстѣ *πίρα* оставлено безъ перевода еще Матѳ. 10, 10, но въ Гал. Зогр. Мар. Чуд. перев. мошъка, Мст. и спискахъ 2 ред. мѣхъ. Ср. Марк. 6, 8.

Ραββί — равви Матѳ. 23, 7, 8; ραββονί — ракоуни Марк. 10, 51, нынѣ — оучитель.

Σκηνη — скиния Лук. 9, 33, нынѣ сѣнь.

Σκηνοπηγία — скинопигия Иоан. 7, 2, нынѣ — потченіе сѣни.

Στρατήγος — стратигъ Лук. 22, 52, нынѣ — воєвода.

Συκάμινος — секамина Лук. 17, 6, нынѣ — гагодичина.

Συκόμορον — сѹкоморина Лук. 19, 4, нынѣ гагодичина.

Τετράρχης — тетрархъ Матѳ. 14, 1, Лук. 9, 7, нынѣ — четверовластникъ.

Φόρος — форъ Лук. 20, 22, нынѣ — дань.

Ἰποκρίτης ὑποκριτѣ Матѳ. 6, 16, Лук. 11, 47; 12, 56, нынѣ — лицемѣръ ³⁾.

Ἰσσοπος — ὕσσος Иоан. 19, 29, нынѣ — трость ⁴⁾.

На оборотѣ, чужія слова, въ нынѣшнемъ славянскомъ текстѣ оставлены безъ перевода, въ Галичскомъ и другихъ спискахъ 1-й ред. переводятся.

Ἀλέκτωρ — коуръ Матѳ. 26, 34; Марк. 14, 68.

Πυρμὼν — воєвода Лук. 20, 20.

Μύρον — Хризма Лук. 7, 37, 38, 46; 23, 56; Иоан. 11, 2, 12, 3, 5 ⁵⁾.

¹⁾ Но Лук. 12, 42 οἰκονόμος перев. въ Гал. Зогр. Мар. и друг. древн. спискахъ — приставникъ (Чуд. икономъ, списки 2, 4 и 5 ред. по нынѣшн.: строитель).

²⁾ Иоан. 19, 31 въ Гал. Ев. два чтенія: праскевини и патъкъ.

³⁾ Но Матѳ. 6, 2; 22, 28; 23; Марк. 7, 6 ἰποκρίτης перев. въ Гал. лицедѣи (ср. Маѳ. 12, 15 ἰποκρίτης — лицедѣианые, — Матѳ. 6, 5 — лицемѣръ, — тогда какъ въ Зогр. Мар. и другихъ спискахъ 1-й ред. и въ сихъ мѣстахъ ἰποκρίτης оставлено безъ перевода).

⁴⁾ Ἰουδαίος.

⁵⁾ Но μύρον перев. въ Галичскомъ Евангеліи кѣговонна масть Матѳ. 26, 7, — масть Матѳ. 26, 12; Марк. 14, 3, — тогда какъ Зогр. Мар. Барп. и друг. списки 1-й ред. и въ сихъ мѣстахъ имѣютъ Хризма.

Отмѣтимъ здѣсь также переводъ *λεπτον* — трѣхъ Лук. 12, 59 дондеже и послѣднии трѣхъ въздаси (нынѣ—мѣдницѣ въ Гал. Зогр. Мар. Никол. Бѣлгр.

Ассеманіевъ, Зографскій, Маринскій, Карпинскій и другіе списки 1-й редакціи, кромѣ Галичскаго Евангелія, представляютъ еще слѣдующія отличія отъ нынѣшняго печатнаго текста *въ переводѣ*:

Матѣ. 5, 22, Зогр. гнѣваамъ са на крата своего спзѣти (*εἰκῆ*). повиненъ естъ сѣдоу. Такъ еще Карп. Но Гал. и списки 2 ред. соуе, списки 4 и 5 ред. по нын.: коуе (Деч. кезоума, Чуд. очиють).

Под. образомъ Иоан. 15, 25, Зогр. ѣко възненавидѣша ма спзѣти (*δωρεάν*). Такъ Ас. Сав. Мар. (Карп. и Никол. и спзѣти)¹⁾. Но Гал. Остром. Тип. 1. Вол. и списки 1 редакціи: ако възненавидѣша ма без оума²⁾, Чуд. и списки 4 и 5 ред. по нынѣшнему: тоуе.

8, 18, Мар. сзрѣтете и дзѣа кѣсна отъ жални ісходаша лютѣ зѣло *ἐκ τῶν μυημάτων*). Также Арх. 1092 г. Тип. 1. Карп. Но Гал. Остром. Сав. Никол. и списки 2, 3, 4 и 5 ред. по нын.: Ѡ гроковъ (Ас. грокиштѣ, Зогр. грекиштѣ). Въ лѣтописяхъ нашихъ и другихъ памятникахъ жалныкъ — кладбище, жаловать-сѣтовать, печалиться. См. словарь Востокова и Минлошича.

14, 8, Мар. даждь митрече сѣде. на мисѣ главѣ иоана крѣститель (ἐπὶ πλάκῃ). Такъ же Карп. Никол. Такъ и въ ст. 11, и Марк. 6, 28, Лук. 11, 39. Но гал. и прочіе списки по нын. на блудѣ.

20, 25, Мар. вѣстѣ ѣко кзнази іаѣкѣ оустоіаѣтѣ имѣ (*κατακρίσεως*) нынѣ господствуютъ ими. Такъ же Зогр. Карп. Никол. Но Гал. и списки 2 ред. сзѣладоутъ имѣ, Чуд. и списки 4 и 5 ред. по нынѣшнему: *κρίσεως αὐτῶν* пер. и въ Гал. Евангелія вмѣстѣ съ другими списками 1-й ред. устоіаѣтѣ имѣ Лук. 22, 25.

28, 7, 8, Мар. іадро шьдзши рыѣѣта оученикомъ ёго (*τάχῃ*). Такъ же Карп. Никол. (и Ас. въ ст. 8)³⁾. Но Остр. Сав. Зогр., Ас. въ ст. 7 и прочіе списки по нынѣшнему: скоро.

Марк. 2, 17, Мар. не трѣкоуіаѣтѣ сздравшъ калита нъ колашей (*ιατροῦ*). Такъ Мар. и 5, 26; Лук. 4, 23; 8, 43, — въ двухъ послѣднихъ случаяхъ съ Маринскимъ согласно и Карпинское Евангеліе. Но Гал. и прочіе списки *ιατρόс* перев. по нын. врачъ.

9, 2, Никол. и възведе ё на гороу высокоу сѣѣгло (*κατ' ἰδίαν*) едини. Такъ еще Карп. Но Гал. Зогр. Мар. и другіе сп. 1-ред. только: едѣнзи, Мст. и сп. 2, 3, 4 и 5 ред. по нын. осокъ едины.

¹⁾ Въ древнѣйшихъ спискахъ Апостола: Охр. Мак. а также Гер. 14 и Бѣлгр. 213, Римл. 13, 4 чит. не испзѣти ко мѣча носить (*οὐκ εἶκῆ*), См. стр. 219 и въ словарѣ Минлошича подъ слово спзѣти.

²⁾ И въ Чудовскомъ спискѣ всѣ эти слова оставлены непереведенными, но въ спискахъ 2, 4 и 5 редакціи они передаются соответствующими славянскими словами.

³⁾ Такъ же въ Мар. Никол. Лук. 14, 21 и Иоан. 11, 29, 31.

10, 46, Зогр. слѣпъ сѣдѣаше при пѣти Хлѣпах (просαιτων). Такъ еще Никол. (Мар. Хлѣпах), Барп. Мст. Но Гал. и прочіе списки по нын. проса. — Такъ же пер. ἐπατεῖν — Хлѣпати Лук. 16, 3 въ Зогр. Мар. Барп. Никол. Хлѣпати стѣжѣж са).

Лук. 3, 20, Мар. 1 заклепе иона въ темьниці (κατέχλεισεν). Такъ еще Барп. Никол. Но Зогр. заклачи, Гал. и прочіе списки по нын. затвори. Такъ еще Лук. 4, 25 егда заклепе са неко (ἐκλείσθη) въ Мар. Барп. Никол. (въ Зогр. пропуц., Остр. Ас. Сав. заклачи (са), по нын., но Гал. затвориса).

24, 25, Зогр. ѡ несѣмзислзнаа і мѣдзнаа срьдцьемь (βραδείς). Такъ еще Мар. Тип. 1. Барп. Арх. 2 (Лавр. и Сим. мѣтнаа). Но Гал. Остр. Мст. Тип. 6 мѣдылаа, Чуд. Вонст. Никон. медленаа, Никол. Бѣлгр. касна, Библи. 1499 г. и печ. по нын. коснаа. Въ древнихъ спискахъ Апостола — Охридскаго, Сип. 45. 46. Тип. 46, Римл. 1, 9 чит. не замодно памати вамъ творѣ (ἀδιαλείπτως), въ другихъ спискахъ Апостола это слово переводится разнообразно. (См. стр. 219).

Іоан. 4, 5, Зогр. іскръ въси (πληστόν τοῦ χωρίου). Такъ еще Мар. Барп. Никол. Но Гал. и проч. списки по нын. кльзъ всі.

4, 14, Зогр. еждетъ въ немь источникъ водъи въслѣпаштѣжъ въ животѣ вѣчньзи (αλλομένου). Такъ еще Ас. Барп. Тип. 1 Никол. (Арх. 1092 г. въскапюшала, Амф. 2 искапющи, Добр. чрѣпющю Сим. въскапющъ²⁾, — Чуд. вѣдзи измѣноуѣмзи вѣжъзнь). Но Остр. Мст. Арх. 2 истѣкапюшала, Мор. въходаша, Гал. Тип. 6. Вол. Бѣлгр. Юр. Лавр. и списки 4 и 5 ред. по нынѣшнему: водзи текоуща въ животѣ вѣчньзин. Согласно съ Зографскими и другими древними списками читается это мѣсто въ разныхъ памятникахъ древней церковно слав. письменности. (См. ст. пер. съ 27—28).

Тѣс переводится етера въ Зогр. Ас. Мар. Барп. Никол. евангеліяхъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Матѣ. 9, 3 (і се етера отъ книжьнихъ рѣша къ секѣ); 12, 38, 47; 16, 28; 18, 12; 19, 16; 21, 28; 27, 47; 28, 11. Марк. 2, 6; 9, 38; 14, 4. Лук. 7, 41; 10, 25, 38; 11, 45; 13, 23; 15, 11; 18, 2; 21, 5; 24, 22, 24. Іоан. 5, 5; 6, 64; 7, 25, 44; 9, 16; 11, 49. (Ас. вромѣ того, Лук. 8, 41; Барп. Лук. 20, 41; 21, 2; Никол. Лук. 8, 3). Но Гал. Евангеліе обыкновенно перев. тѣс нѣкзѣа, по нын., только Лук. 7, 41 и въ Гал. читается; замодавцью етеруу.

Оставлены безъ перевода:

Акрѣдес — акридъ Матѣ. 3, 4 въ Остр. Ас. Тип. 1. Арх. 2 (въ Зогр. и Мар. пропуц., Гал. Сав. Никол. Тип. 1. Лавр. по нын. проузі, Мст. габрѣдне — испорчено изъ акридзі?). Также Марк. 2, 6.

¹⁾ Ошибочно написано, вм. въслѣпаштѣа, какъ въ Ас. спискахъ.

²⁾ Въ Чуд. Толк. Пс. л. 63 чит. кзпашта жѣзнь вѣчньж. См. также въ словарѣ Востокова: въскапѣти, кзпѣти.

Ἀλάβαστρος — алавастръ Матѣ. 26, 7 въ Остр. Зогр. Мар. и др. сп. 1-й, частію 2-й, 3 и 4 ред. Но Гал., въкоторые списки 2 ред. и списки 5 ред. по нын. стькланица. Ср. Марк. 14, 3; Лук. 7, 37, 38.

Γναφεός — гнафеи Марк. 9, 3 въ Зогр. Мар. Барп. Никол. Но Гал. и др. сп. по нын. кѣлианик.

Ἐγκαινία — енкениѣ Ісан. 10, 22 въ Мар. Никол. (только въ Никол. испорчено — никентик), изъ списковъ 2-й ред. Добр. емьгемьа. Но Остр. и др. оп. сценина, Гал. по нын. обновемьа.

Ἐλαιον — олѣи Марк. 6, 13 въ Остр. Зогр. Мар. и друг. сп. Но Гал. масть, Мст. масло древаное, списки 4 и 5 ред. по нынѣшнему: масло. Ср. еще Лук. 7, 46.

Ἐφημερία — ефимериа Лук. 1, 5 въ Остром. Мар. Арх. 1092 г. Барп. (Гал. чрѣда, Зогр. списки 4 и 5 ред. по нын.: дьнезнама чрѣда).

Κάμηλος — камилз Лук. 18, 25 въ Никол. Евангеліи (Гал. и прочіе списки вельбоудз).

Κεῖρια — кириа: окетань ногами и роукама кириѣми Іоан. 11, 44 въ Никол. Барп. (Гал. оуброузмь, Мар. и пр. списки по нын.: оукроемь).

Ὁλοκάτωμα — олокавтрома Марк. 12, 33 въ Зогр. Мар. Чуд. Бѣлгр. (Гал. трѣка?, Ас. Барп. Никол. възсезжааемзихъ жрхтвз, Мст. Юр. и списки 4 и 5 ред. по нын. възсезжени).

Παροφείς, род. παροφείδος — паропсидѣ: възѣштзнее стькланици і паропсидѣ Матѣ. 23, 25 въ Зогр. Никол. Бѣлгр. Такъ и въ ст. 26 Зогр. Никол. Бѣлгр. Вол. (Гал. и другіе списки по нын.: блюдо).

Σκάνδαλον — скандалаз Матѣ. 18, 7 въ Зогр. Мар. Никол. — Въ Мар. Барп. еще Лук. 17, 1 (Гал. и прочіе списки по нын.: съблазнз).

Σκανδαλίσειν — скандалисати Матѣ. 18, 6 въ Зогр. Мар. Никол. (Гал. съблажнати).

Σπιρα — спира Матѣ. 27, 27 въ Остром. Зогр. Мар. Сав. Арх. 1092 г. Барп. Никол. равно въ спискахъ 2 и 3 редакц. (Гал. множество народа, Бонст. и списки 5 ред. по нын.: множество воинз). Ср. Марк. 15, 16 спира въ Мар. Зогр. и др. списки и въ нынѣшнемъ текстѣ, но Гал. опять: множество народа.

Τροβλίον — тривлии Марк. 14, 20 въ Барп. Никол. (Гал. и остальные списки по нын. солио).

Χλαμύς — хламида Мтѣ. 27, 31 въ Зогр. Мар. Чуд. (Гал. окрилз, остальные списки по нын. каграница).

Наоборотъ, чужія слова, оставленные безъ перевода въ нынѣшнемъ славянскомъ текстѣ, передаются соответствующими славянскими.

Ἑλληνίς — поганзини Марк. 7, 26 въ Зогр. Мар. Барп. Никол. (Гал. по нын.: балиньска, Чуд. балини).

Ἐσμιρνισμένος οἶνος — оцътно вино Марк. 15, 23 въ Остр. Зогр. Мар. Сав. Арх. 1092 г. Тип. 1. и спискахъ 2 ред. (Гал. огорчено вино, Ас. озмърнено, Никол. Бѣлгр. осмърнено, Конст. и списки 5 ред. по нын.: 'Ѹсмирнисмено вино')¹⁾.

Изъ предшествующаго разсмотрѣнія славянскаго перевода Евангелія по древнимъ спискамъ первой редакціи получаются такимъ образомъ слѣдующіе выводы:

1. Галичское Евангеліе, вмѣстѣ съ Остроміровымъ, Саввинымъ, Ассеманіевымъ, Зографскимъ, Маринскимъ, Борпинскимъ, Никольскимъ и остальными списками первой редакціи представляетъ много отличій отъ нынѣшняго печатнаго текста *въ вариантахъ и собственно въ переводѣ*. Въ этихъ отличныхъ отъ нынѣшняго мѣстахъ, одинаково читающихся во всѣхъ или въ большей части древнихъ списковъ, можно съ вѣроятностію усматривать слѣдъ первоначальнаго перевода Евангелія на славянскій языкъ.

2. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Галичское Евангеліе не раздѣляетъ отличій Остромірова, Саввина, Ассеманіева, Зографскаго, Маринскаго, Борпинскаго, Никольскаго и другихъ списковъ первой редакціи отъ нынѣшняго печатнаго текста. И въ этихъ древнихъ спискахъ, гдѣ они между собою совершенно согласны можно также усматривать слѣды первоначальнаго перевода; Галичское же Евангеліе въ этихъ случаяхъ представляетъ исправленія древняго перевода, принятыя б. ч. въ нынѣшній печатный текстъ.

3. Галичскій, равно и всѣ остальные списки Евангелія первой редакціи имѣютъ свои частныя, личныя особенности текста, происшедшія частію отъ исправленій по греческимъ спискамъ, частію отъ самовольныхъ поправокъ, ошибокъ писца и т. п. причинъ. Однако, при всѣхъ этихъ частныхъ отличіяхъ, и въ Галичскомъ и другихъ подобныхъ спискахъ безъ труда можно усмотрѣть одну общую основу текста. Частныя отличія, правда, нѣсколько заслопляютъ эту основу, но не препятствуютъ разсмотрѣнные выше списки Евангелія отнести къ одной и той же древней и болѣе или менѣе первоначальной редакціи.

4. Что касается греческаго текста, послужившаго образцомъ для древняго славянскаго перевода Евангелія по Галичскому и другимъ спискамъ первой редакціи, то онъ содержится въ древнѣйшихъ греческихъ кодексахъ Новаго Завѣта IV—VI в. Синайскомъ, Александрійскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовскомъ, Кембриджскомъ, иногда въ кодексахъ VII—IX в. Коаслинскомъ, Базельскомъ, Парижскихъ № 62, 63 и под.

¹⁾ Въ Библии 1499 г. подъ строкою замѣчено (также почеркомъ, коимъ писанъ и самый текстъ): по реки 'Ѹсмиръ а по латыни мерра, трава велми горка, пелыни и жочн гочае, и коли смѣсѣ с вино ино и прикшати не мочи.

5. Древній славянскій переводъ Евангелія отличается точностію, вѣрностію подлиннику и ясностію при большей или меньшей свободѣ переложенія. Встрѣчаются довольно въ значительномъ количествѣ не переведенныя греческія и вообще чужія слова.

Тригорій Воскресенскій.

Сергіевъ Посадъ
30 Іюля 1884 года.

Червонорусскій переводъ Вислицкаго статута.

И. И. Перевѣфа.

Вслѣдствіе присоединенія Червонной и Подольской Руси къ Польшѣ въ XIV в. распространились туда разные польскіе порядки, въ томъ числѣ и польское право. Это послѣднее пожаловано польской Руси королемъ Владиславомъ Ягайломъ на сѣздахъ въ Едльпѣ (1430 г.) и Краковѣ (1433 г.), и его преемникомъ Владиславомъ III на коронаціонномъ сеймѣ 1434 года (*Volumina legum* I. 40, 91, *Dlugossi Hist. Polon.* IV. 396, 548). Такимъ образомъ польское право, какъ оно сведено еще Казиміромъ въ Вислицѣ и съ дополненіями, постановленными въ Вартѣ, введено тоже въ польской Руси. Въ первой книгѣ земскаго суда галичскаго, въ самомъ началѣ, записано:

Anno Domini 1435-o proxima feria secunda post festum Nativitalis Marie, post dacionem juris polonici terre Russie per S. principem dominum Wladislaum presens registrum est factum pro iudicio terrestri presentibus magnifico domino Johanne Cola iudice, Styboryo de Wasyczyn subjudice, Nicolao de Wodnyku camerario subjudicis dominorum.

Официальный языкъ Польши, латинскій, распространился, конечно, и на польскую Русь, вытѣсня мало-по-малу русскій языкъ изъ публичной жизни. Но это не случилось сейчасъ; о многихъ русскихъ панахъ можно было сказать то, что говорится о кастелянѣ Холмскомъ Вангѣ Кирдѣевичѣ (ок. 1440 г.), что онъ «латини невмеше (не умѣлъ), але литеру руску добре чтяше». Да и въ самой Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ сталъ, такъ сказать, другимъ роднымъ языкомъ шляхты, оказалась въ половинѣ XV вѣка необходимость перевести латинскіе статуты коронные и мазовскіе на польскій языкъ. Если въ Польшѣ и въ Мазовіи польскій переводъ статутовъ сталъ необходимостью, то понятно, что и въ польской Руси необходимо было перевести пожалованное ей въ 1434 г. коронное право съ латинскаго языка на русскій. Такимъ образомъ, возникаетъ русскій переводъ статутовъ Вислицкаго и Вартскаго. Въ нихъ, конечно, являются польскіе порядки въ русской одеждѣ; въ русскомъ текстѣ нѣтъ и помину о боярахъ, воеводахъ (т. е. русскихъ), сотскихъ, тиунахъ, дьякахъ, смердахъ, вѣчахъ, волостяхъ и пр., а встрѣчаются земляне, рыцере, шляхтичи, воеводы и старосты (польскіе), панове рады, судья, подсудокъ, подкоморый и другіе урядники,

кметы и ихъ шелтысы, соймы, повѣты и пр.; польская юридическая терминологія: речнигъ, поводъ, оправца, супоръ (sąpierz), паметное (pamiętne), и пр.

Когда сдѣланъ тотъ русскій переводъ, имѣлъ-ли онъ официальное значеніе, не извѣстно; можно только сказать, что переводъ сдѣланъ послѣ 1434 года, т. е. послѣ пожалованія польской Руси польскаго права. Одна рукопись этого перевода хранится въ Румянцовскомъ музеѣ, и издана въ Актахъ западной Россіи I. N-ros 2 и 27. Но кромѣ этой рукописи существуетъ и другая рукопись русскаго перевода Вислицкаго статута, которая и по редакціи, и по языку отличается отъ Румянцевской. Эта рукопись находилась до 1827 года въ Супрасльскомъ монастырѣ. Это былъ сборникъ разныхъ статей, писанный въ 1520 году; въ немъ находилась латинско-русская лѣтопись, изданная проф. Даниловичемъ (Latorisec Litwy, Wilno 1827), который въ этой своей книгѣ и описываетъ Супрасльскую рукопись (см. стр. 9 и 325, и кромѣ того его статью о литовскихъ лѣтописцахъ, въ варшавскомъ изданіи хроники Стрыйковскаго 1846 г., I. 56). Раньше Даниловича эта рукопись была въ рукахъ Сосновскаго, который изъ нея въ журналѣ Dzienik Wilenski (1822. II. 277) издалъ отрывки русскаго перевода Вислицкаго статута, но, къ сожалѣнію, съ многими ошибками; Даниловичъ обѣщалъ издать всю рукопись, но не сдѣлалъ этого. Гдѣ находится теперь эта рукопись, неизвѣстно; въ Вильнѣ ея нѣтъ, какъ мнѣ сообщилъ Я. Голловацкій, и въ Императорской Публичной Библіотекѣ я искалъ ее тоже напрасно.

Языкъ этого русскаго перевода Вислицкаго статута любопытенъ по тому, что въ немъ замѣтно вліяніе чешскаго языка; въ переводѣ участвовалъ какой-нибудь Чехъ, какъ видно по нѣкоторымъ чешскимъ словамъ, которыхъ не могъ употребить ни Русскій, ни Полякъ, напр., седлакъ (въ рп. Румянцева кметъ), дѣти цо леть немай, разгрешить, книжата, опытати, прото седлаци той вси быдлаци, крадь, небъ и пр. Приведемъ здѣсь выписку изъ этой рукописи (по изд. Сосновскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ и выписку изъ древне-польскаго перевода, котораго русскій переводчикъ не зналъ.

Бды жака забіють, такежъ кде и ксенза алибо жака посвещеного, былъ бы ранень а не забить, тогожъ мястя костель алибо церковь правемъ суть положоны во посвятныхъ обходехъ, а прото въ немъ служба божія неима быти о боже (?) такъ длуго, ажъ тенъ злоснигъ ксензу бискупу поданъ будетъ; а естлижбы тенъ злоснигъ не могъ улапанъ быти, тогда тито седлаци и маю присячь, ижъ его вкльпиги немогли, ани таки причины давали, абы втекль; тогда бискупъ има костель разгрешить зася ку службу божий.

Gde zak swiacony albo kapłan był by zabit, wranion, wchwacon, jął albo w jąłstwie dzirzan, tam circew albo cirekwi, acz jich wiacej jest, prawem albo ot prawa są zapowiedzany, to jest iż interdikt w nich samym prawem położon, a tego dla w nich urząd służby bożej niema być przez kapłany czynion, aliz winowaciele księdzu biskupowi bądźcie podan; jen niebądźcie-li być moć uchwacon albo jął, tedy przebywacze tego miasca przysiąga, jako wicowaćca jak niemoгли, ani jemu przyczyny ucieczenia dali; za tym biskup albo jego namiastnik włoży zapowiedz lubo interdikt prawem położony, to jest odpusci.

Въ предисловіи, къ сожалѣнію, напечатанномъ съ ошибками, неизвѣстный авторъ рассказываетъ панамъ судьямъ, «кто былъ то, ижъ о то былъ сталъ, а бы тыто книги правъ польскихъ изъ латины были въ часку (?) ричъ и въ тыхто строкахъ на дальней земли русскыи выложены». Это былъ «Ванко Кирдеевичъ, панъ земли Холмской, дворенинъ и рыцерь удатный, изъ рады пана короля Володислава»; онъ-де о тыхто книги праведныи статочне стоялъ, абы ему могли изъ чески (?) изъ латины выложены быть, небо латины чески (чести?) невмеше, але литеру руску добре чтяше». Кирдей (Кирдѣи), Кирдѣевичи были шляхетскій родъ на Руси Червонной, Подольской, Холмской и Волынской; его члены часто упоминаются въ XIV—XV вв.: Васько Кердеевичъ 1358—1387, Грыцько Кирдеевичъ 1404—1442, Сигизмундъ Кердей 1424. Гаврыло Шило Биреевичъ 1430, Олизаръ Кирдѣевичъ, маршалокъ волынской и Перфырій сынъ Ивановъ внукъ Васьковъ Бырѣдѣевича 1483—86; Ванко изъ Квасилова кастелянъ Холмской 1434—1445—по всей вѣроятности, тотъ Ванко Кирдеевичъ панъ земли Холмской; Кирдей Ванновичъ ок. 1500 г., и пр. Что въ томъ предисловіи говорится о Вангѣ Бирдеевичѣ, не совсѣмъ ясно; то, что напечаталъ Сосновскій, не даетъ смысла: были-ли эти «книги праведныя» переведены изъ рѣчи латинской въ «часку» и потомъ въ русскую. Очень можетъ быть, что вмѣсто словъ «часку», «чески», надо читать что-то другое. Въ томъ предисловіи авторъ, очевидно Чехъ, говоритъ тоже о родствѣ Русскихъ и Чеховъ, которое тогда, во время гуситскихъ войнъ и частыхъ сношеній Чеховъ съ Полягами и Русскими, проявлялось тоже въ практической жизни. Авторъ предисловія говоритъ, что «далеко отъ себе тыто земли, Чехи а Руси за леси иже суть Чехове люди на западе слонца на горахъ, а люди дощепны, мало отъ русскаго языка оттаргнены, а Русь есть люди близки ричи свы языка ческа—подъ усходомъ слонцемъ. Чеховѣ тыто великими а успанелыми дощепносцями чехи суть своими воевали, а велики валки по краль Вятславе а по смерти его ис цесаремъ Зыгимонтомъ королемъ угорскимъ, и зъ его стороны Немци, Ракушане, Швабы, Дурынки, Хаврати, Бавори, Сляфане и съ иными многими суть поступовали». Въ предисловіи упоминается «князь Казиміръ а панъ король польша роду», по всей вѣроятности, братъ польскаго короля Владислава III; этого королевича Казиміра выбрала славянская партія въ Чехіи въ чешскіе короли, противъ австрійскаго Альбрехта, въ 1438 году. Къ этому времени можно отнести предисловіе и вообще русскій переводъ статута.

Если найдется эта Супрасельская рукопись, можно будетъ на разные вопросы отвѣтить болѣе положительнымъ образомъ.

С. Перваловъ.

Можно-ли по одинаковымъ названіямъ населенныхъ мѣстъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Европейской Россіи, судить о колонизаціи этихъ частей?

И. А. Изюмова.

Каждый народъ, расселяясь по разнымъ отдѣльнымъ частямъ государства, даетъ часто своимъ поселеніямъ сходныя между собою, или совершенно одинаковыя названія. Такъ, по замѣчанію г. Максимова *), русскіе, подвигаясь съ юга на сѣверъ, основывали поселки, названія которыхъ: *Зарѣчья*, *Залорья* и пр. какъ бы указывали на это передвиженіе. При обратномъ движеніи народа возникали *Подгорья*, *Подбережья* и пр. Но одновременно съ такими селеніями образовалась и другая группа, получавшая названія по характеру мѣстности на, которой возникали селенія, такъ напр. селенія, получившія названія по именамъ деревьевъ, селенія основанныя на пескахъ, лугахъ, прудахъ, глинистой, каменистой почвѣ и проч. Очевидно, что если допустить справедливость предположенія о возникновеніи названій первой группы селеній, то по нимъ можно прослѣдить за направленіемъ передвиженія народа и если бы можно было указать время возникновенія каждого селенія, то было бы видно, съ какою хронологическою послѣдовательностію передвиженія совершались. По названіямъ селеній второй группы хотя и нельзя составить понятія о движеніи населенія, но различные варианты одного и того же названія могутъ указывать, были-ли основатели селеній великоруссы, бѣлоруссы или малоруссы. Всѣ селенія, возникновеніе которыхъ въ Россіи можно приписать инородцамъ, могутъ быть, кажется, раздѣлены, по своимъ названіямъ, на двѣ такія же группы. Селенія, возникавшія при постепенномъ движеніи народа въ какомъ либо направленіи, получали названія, по которымъ можно было прослѣдить это движеніе. Притомъ же они часто получали названія по именамъ основателей ихъ, а сохранившіеся народныя преданія о послѣднихъ могли указывать, откуда они выселились. Другая же группа инородческихъ селеній, также какъ и русскихъ получала названія по характеру мѣстности. Вообще, какъ уже мы имѣли случай неоднократно вы-

*) Древняя и Новая Россія 1876 г. № 6 «Обитель и Житель» ст. Максимова.

сказывать въ сообщенияхъ, дѣлаемыхъ на предъидущихъ сѣздахъ, по названіямъ селеній и по преданіямъ, уцѣлѣвшимъ въ народѣ, о возникновеніи этихъ селеній, можно судить не только о постепенной колонизаціи какого либо края, но и о другихъ вопросахъ, относящихся къ археологіи и исторіи этого края.

Однимъ изъ профессоровъ Казанской Духовной Академіи, г. Некрасовымъ, на годичномъ актѣ въ этой Академіи 8-го ноября 1879 г. произнесена была рѣчь: «О мѣстѣ первоначальнаго обособленія славянскаго племени и направленіи его движеній по отношенію къ Черному морю.» Стараясь доказать, «что послѣдняя группа арійскаго семейства — славянская — шла изъ Азіи въ Европу не сѣвернымъ, а южнымъ берегомъ Чернаго моря», г. Некрасовъ приводитъ нѣсколько названій населенныхъ мѣстъ, названій, которыя, по его мнѣнію, могутъ служить доказательствомъ такого движенія. Сначала приводятся имъ разные доводы «въ пользу родства древнихъ колхидцевъ съ славянами»^{*)}. «Изъ городовъ древней колхиды извѣстны *Эи* и *Фазисъ*, изъ рѣкъ также *Фазисъ*. Городъ и рѣка *Фазисъ* (*Фазис*, древняя форма *Фάσις*) будутъ означать: честь, слава, это тоже, что древнее *ван* — чтить, хвалить (а также *ванд*) откуда древнее названіе славянъ — венеты, анты, винды. Городъ *Эи* = нашъ Землянскъ или Землячевъ (Воронежской губ.)» Затѣмъ въ заключеніе о Колхидѣ онъ оставливается на названіи одного мѣста недалеко отъ Ахалциха; это — Артавани. Онъ думаетъ, что это «названіе составлено изъ двухъ словъ *ар*, *ато* (пашу), откуда и наше: *ору* или *орю*, *оратай*, *оратель* и т. п. и *ван* (чту, хвалю) и и значить что либо въ родѣ чести (почета) земледѣльцу. Это имя почти тождественно съ упоминаемымъ арабскими писателями названіемъ Руси — *Артанія*. *Артанія* — имя, или сокращенное язъ *Артаванія*, или производное отъ корня *ар* (*орать*) и значить: Земледѣльческая страна. Спускаясь южнѣе въ араратскую область», авторъ встрѣчаетъ названія *Артаксота* (древняя столица Арменіи) и *Араратъ* (гора), которая, по его мнѣнію, одинаковаго происхожденія съ *Артанія*. Озеро *Ванъ* на сѣверо-западъ отъ Арарата, давшее свое названіе городу *Ванъ*, носятъ, по мнѣнію г. Некрасова, одно изъ древнѣйшихъ названій; не далеко отъ него «въ долинахъ рѣки Аракса встрѣчаемъ названія *Эриванъ*, *Насичеванъ*, въ которыхъ конечныя половины звучатъ точно также, какъ *Ванъ*. А само *Ванъ* звучитъ совершенно чисто, безъ всякихъ суффиксовъ, подобно нашимъ словамъ: *садъ*, *градъ*, *варъ*, *жаръ*, *санъ* и др.»... «Родичи славянъ, уже

^{*)} «Болѣе древнее названіе говор. г. Некрасовъ, Колхиды—*Эв* (*Αἶα*), что значить *земля*,—тоже что *γᾶα* или *γᾶ-γῆ* это—не только земля, но и мать сыра земля, которой Язонъ, тотчасъ же по прибытіи въ Колхиду, принесъ жертву. А какъ названіе страны, это—земля *собранныя*, зародышъ *земства*, *земщины*. Царь этой земли *Эетъ* (*Αἶα, Αἶήτης*), какъ показываетъ самое названіе, есть олицетвореніе тойже «Земли». . . . это—нашъ Мпкудъ Семлиновичъ, Любимый сынъ матери сырой земли. Это—такой же *сигачъ* и такой же *оратай*, какъ и нашъ *Мякула*.»

подъ именемъ венетовъ или энетовъ (по греческому произношенію), вслѣдствіе натиска ассиріянь... двинулись на западъ къ константинопольскому проливу, придерживаясь южныхъ береговъ Чернаго моря. На это направленіе ихъ указываетъ названіе рѣки Артаны, впадающей въ Черное море съ южной стороны... рѣки, передѣланной греками въ Партеній, а турками въ Бартанъ; города Амисоса, нынѣшняго Самсуна (на востокъ отъ Синопа), который писатель VI вѣка до р. Х. Гекатей назвалъ «энетой, и *генетскаго мыса* (въ приморской части Каппадокіи). «Наконецъ слѣды венетовъ обнаруживаются», говоритъ г. Некрасовъ, «съ неотразимою ясностію, и притомъ венетовъ самыхъ древнихъ—доисторическихъ времянь, уже вблизи константинопольскаго пролива, въ сѣверо-западномъ углу древней Пафлагоніи». О венетахъ упоминаетъ древній географъ — Гомеръ, указывающій на Пилэмена изъ энетовъ, «которые владѣли Киторомъ (*Κίττορον*), обитали вокругъ Сесама, имѣли славные дома по рѣкѣ Партенію и населяли Кромну (*Κρομνάιν*), Эгіалъ и высокіе Эритины»... «Венеты жили почти на среднѣ восточнаго берега Мраморнаго моря—тамъ, гдѣ нынѣшняя Брусса»... На Дунаѣ славяне жили искони. Если справедливо, что скифы были предками славянъ, то на Дунаѣ знаетъ ихъ уже Геродотъ... Далѣе: Гильфердингъ неопровержимо доказалъ, что славяне въ самый древнѣйшій свой періодъ жили въ Венеціи... Въ Венецію двинулось лишь меньшинство, а большинство шло вверхъ по Дунаю», по Днѣпру на сѣверо-востокъ. «Путь днѣпровскій распадался на три главныхъ пути...: сѣверный, средній и южный. Сѣверный путь соединяетъ верховья Днѣпра съ рѣкою Волховомъ тремя дорогами... Путь этотъ идетъ потомъ далеко на сѣверъ: по Волхову—въ Ладожское озеро, потомъ по рѣкѣ Свирь—въ Онежское озеро и далѣе по сплошному почти ряду небольшихъ озеръ—къ Бѣлому морю. Одно изъ этихъ озеръ, съ островомъ по среднѣи и съ раскольническими скитами на послѣднемъ, у этихъ нашихъ старожиловъ зовется Кій—озеро (Немировичъ-Данченко, «На просторѣ», стр. 35, 51, 52). Такимъ образомъ на двухъ противоположныхъ концахъ этого пути мы имѣемъ два тождественныхъ названія Кій—городъ, т. е. Кіевъ и Кій—озеро; такъ есть основаніе предполагать, что Кіевъ назывался и Кій, подобно тому, какъ городъ Макарьевъ зовутъ и Макарію. Въ лѣтописяхъ кіевляне называются кіянами: «и послаша *Кіяне* ко Святославу». Названіе Кій—стародавнее; городъ Брусса, о которомъ уже упоминалось, получившій свое названіе отъ древней Прузы (*Προῦσα*) или Прусіады (*Προῦσιας*) сама еще древнѣе называлась Кій (*Κίος*); также называлась и рѣка, при которой стоялъ городъ, а заливъ, къ который впадала эта рѣка, назывался *κιανός* (по нашему *Кіевскій*). Этотъ доисторическій Кій—городъ, по легендарнымъ сказаніямъ грековъ, былъ также, какъ и нашъ Кіевъ, построенъ Кіемъ однимъ изъ спутниковъ Геракла. Средній путь идетъ отъ Днѣпра по Деснѣ, Сейму, по рѣкѣ Снопѣ, отдѣляющейся... небольшимъ хребтомъ отъ бывшаго озера, омывавшаго полукругомъ городъ

Кромы и соединявшася съ Окою, а по Окѣ этотъ путь приводитъ къ Москвѣ, Клязьмѣ и Волгѣ». Здѣсь г. Некрасовъ останавливается на названіи города Кромы (Орловской губерніи), которое онъ считаетъ множественнымъ числомъ отъ слова *кромъ*, имѣвшаго встарину «значеніе большаго (продолговатаго) ящика, ларя, прикрѣпленнаго къ стѣнѣ». Теперь оно употребляется только съ предлогомъ *за* — *закромъ*. «Слово *кромъ* въ древнеславянскомъ языкѣ имѣло сперва значеніе мыса, косы или стрѣлки, окруженныхъ съ трехъ сторонъ водой... Далѣе, вмѣстѣ съ г. Гротомъ, принявъ въ соображеніе, что всѣ наши кремль построены на стрѣлкахъ, г. Некрасовъ предполагаетъ, что и названіе кремль видоизмѣненіе того-же названія *кромъ*. Кромы получили названіе «потому, что расположены на двухъ кромахъ (мысахъ), вдавшихся когда-то въ озеро. Рѣчка, образовавшаяся среди этихъ двухъ мысовъ, зовется Недною, т. е. «рѣчкою, которая течетъ не по дну (бывшаго тутъ залива), а много выше бывшаго дна, по илу. Такого-же происхожденія названія греческаго города Кромы (*Κρόμων*), о которомъ упоминаетъ Павзаній въ перечисленіи городовъ Аркадіи и древняго венецкаго города Кромна, о которомъ упоминаетъ Гомеръ. Названіе города Коломна есть тоже, по мнѣнію г. Некрасова, есть тоже, что Гомеровская Кромна, обосновавшаяся первоначально, подобно гомеровской и и всѣмъ прочимъ кромамъ на широкомъ мысѣ, образуемъ рѣкою Москвою, рѣчкою Коломенковою и засыпанной въ настоящее время рѣчкою—озерцомъ. Далѣе по тому же пути г. Некрасовъ останавливается на названіяхъ рѣчки и города Москва. «Если имя *Кий*», говоритъ онъ, «съ береговъ мраморнаго моря перелетѣло къ Бѣлому, а имя *Кромна*, въ формѣ *Коломна*, съ береговъ чернаго моря долетѣло до Москвы—рѣки; то почему уже имени Московъ, какъ называло себя одно колхидское племя, не перелетѣть съ береговъ того же Чернаго моря на верховья Оки и не оставить по себѣ слѣда въ названіи рѣки Москвою или Москвою? Окончаніе *ва* будетъ только подтвержденіемъ славянскаго происхожденія этого имени; припомнимъ Славу, Драву, Мораву, Полтаву, Варшаву и т. д.»

Южный Днѣпровскій путь славянскаго движенія г. Некрасовъ раздѣляетъ на двѣ вѣтви: отъ Днѣпра къ Донцу, въ Донъ и Азовское изъ Днѣпра въ рѣки Самару (Самарь) и Тачаводу (Волчью воду), далѣе около мили волокомъ и рѣкою Міусомъ въ Азовское море.» . . . «Появившись на Дону и на берегахъ Азовскаго моря, родичи славянъ — скифы раздѣлились на нѣсколько вѣтвей: одна обосновалась на берегахъ Азовскаго моря и, уже какъ историческій народъ, извѣстная подъ именемъ азовскихъ и черныхъ болгаръ, двинулась въ послѣдствіи назадъ къ Дунаю и за Дунай; другая, сколько можно судить по показаніямъ Геродота, двинулась нѣсколько на сѣверъ по Дону; наконецъ третья—въ Азію, по сѣверному берегу Каспійскаго моря, далеко на сѣверо-востокъ отъ него! «Послѣдній шагъ, по отношенію къ Черному морю,» говоритъ проф. Некрасовъ

въ заключеніе своей рѣчи, «сдѣланъ славянами, въ лицѣ русскаго народа, черезъ Кавказъ въ древнюю прародину славянъ, а въ самые послѣдніе дни (1879 г.) и дальше этой прародины и сдѣланъ въ томъ же направленіи, въ какомъ начали свое движеніе самые первые славяне... Несомнѣнно, что движеніе и кровавыя движенія славянъ около Чернаго моря еще будутъ, потому что... сами славяне какъ-то рвутся къ этому морю, какъ будто къ купели, если не въ которой, то по крайней мѣрѣ около которой, они впервые крестились въ славянъ.»

Приводя эти подробныя выписки изъ рѣчи проф. Некрасова, мы имѣли въ виду во первыхъ, что рѣчь эта недостаточно распространена и, что выводы имъ сдѣланные недостаточно извѣстны многимъ гг. членамъ Археологическаго Съѣзда, а во вторыхъ и то, что хотя объясненія названій, приводимыхъ въ этой рѣчи, основаны преимущественно на однихъ только филологическихъ данныхъ, но и при этомъ уже она показываетъ, что по сходнымъ, одинаковымъ названіямъ селеній и урочищъ можно судить о направленіяхъ, по которымъ происходило передвиженіе народа. Какъ бы въ подтвержденіе же выводовъ, дѣлаемыхъ проф. Некрасовымъ, бывший предсѣдатель Казанскаго общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Почетный членъ этого общества, П. Д. Шестаковъ, въ своемъ сообщеніи о томъ «кто были древніе Булгары?»*), между прочимъ говоритъ, что «по свидѣтельству Никифора Григоры, племя, занявшее земли по Дунаю, прежде называлось скивами (Σκίθαί—Чудь), а потомъ прозвалось Булгарами по имени большой рѣки, которую туземцы называли Булга или Вулга. Въ этой рѣкѣ не трудно узнать нашу Волгу, которая вѣроятно всего носить славянское имя Волога, Влага, вода по преимуществу и названа такъ славянами, можетъ быть, первоначально въ своихъ верховьяхъ. Въ произношеніи Тюркскихъ племенъ Волга измѣнилась въ Болга, Булга, откуда городъ, построенный на берегу рѣки, прозвался Булгаръ, (Булгаръ можетъ быть сложное изъ Булга-яръ, *яр.*: по татарски берегъ, названіе города Черноярскъ вѣроятно дословный переводъ татарскаго кара-яръ), народъ Булгарами, а страна Булгаріей».

Если въ рефератѣ «о сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ»**) я назвалъ выводы проф. Некрасова, основанные на рассмотрѣніи одинаковыхъ, созвучныхъ названій различныхъ, значительно удаленныхъ одна отъ другой, мѣстностей (напр. Бромна—Боломна, Мосохъ—Москва и пр.), слишкомъ смѣлыми и если и здѣсь я долженъ отдать предпочтеніе выводамъ, дѣлаемымъ П. Д. Шестаковымъ, ибо онъ самъ говоритъ, что онъ не выдаетъ сво-

*) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ Т. III. 1880—82 г. Казань 1884. стр. 60.

**) Труды четвертаго Археологическаго Съѣзда. Отдѣленіе II стр. 99.

ихъ выводовъ за непреложную истину, и что высказанныя имъ заключенія, «можетъ быть, не болѣе какъ смѣлыя предложенія, особенно тѣ выводы, которые обоснованы на созвучіи словъ и именъ народовъ»,—то я не дозволяю себѣ ставить это въ вину г. Некрасову; я полагаю только, что рядомъ съ такими изслѣдованіями должны быть предпринимаемы другія болѣе осторожныя и основанныя, какъ на филологическихъ данныхъ, такъ и на тѣхъ сказаніяхъ объ основаніяхъ селеній, которыя еще сохраняются въ народѣ. Такія изслѣдованія особенно необходимы, по моему мнѣнію, въ тѣхъ окраинахъ нашего отечества, колонизація которыхъ еще не закончена, окраинахъ, въ которыхъ народныя передвиженія совершаются на нашихъ глазахъ и нерѣдко по нѣскольку разъ одинъ народъ смѣняетъ другаго. Новые поселенцы застаютъ иногда на заселяемыхъ ими мѣстахъ прежнихъ жителей, заимствуютъ отъ нихъ названія своимъ поселеніямъ и тѣ преданія, которыя могутъ служить къ объясненію этихъ названій. Наконецъ новымъ посѣлителямъ всегда болѣею частію точно извѣстно то мѣсто, куда выселились прежніе жители, или куда, съ увеличеніемъ народонаселенія и уменьшеніемъ земельного надѣла, вышли ихъ однодеревенцы. Собираніе такихъ свѣдѣній, касающихся колонизаціи края и возникновенія въ немъ селеній, можетъ вестись успѣшнѣе и удобнѣе во многихъ отношеніяхъ, если названія селеній, о которыхъ свѣдѣнія имѣются уже, или о которыхъ они будутъ собраны, распредѣлялись бы въ алфавитномъ порядкѣ. Такія алфавитныя описанія не только однихъ селеній, какъ нынѣ существующихъ, такъ исчезнувшихъ уже, но и урочищъ и древнихъ памятниковъ, имѣющихся уже въ разныхъ трудахъ и извѣстіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ, слѣдовало бы вести постепенно, слѣдовало бы установить,—какъ въ археологическихъ обществахъ, открытыхъ уже во многихъ городахъ, такъ и въ статистическихъ комитетахъ, казенныхъ палатахъ, земскихъ управахъ и другихъ учрежденіяхъ, собирающихъ различныя свѣдѣнія о населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностяхъ,—возможно одинаковыя формы для составленія и распредѣленія въ извѣстномъ порядкѣ описаній. Если бы каждое такое учрежденіе издавало постепенно алфавитныя описанія мѣстностей, относящихся къ опредѣленнымъ, изслѣдуемымъ ими районамъ, то, изъ сопоставленія и сличенія этихъ описаній, можно было бы придти ко многимъ весьма точнымъ и интереснымъ въ научномъ отношеніи выводамъ, выводамъ которые не казались бы такъ смѣлы, какъ кажутся, можетъ быть съ перваго взгляда, выводы проф. Некрасова. Сличеніе между собою алфавитныхъ списковъ, или описаній, относящихся къ различнымъ частямъ нашего отечества, окончателно, по моему мнѣнію, выяснило бы вопросъ, поставленный въ началѣ моего сообщенія: можно-ли по одинаковымъ названіямъ населенныхъ мѣстъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Европейской Россіи, судить о колонизаціи этихъ частей? вопросъ, рѣшеніе котораго въ утвердительномъ смыслѣ хотя и предвидится а priori, но который

желательно было бы выяснитъ не одними только смѣлыми, хотя бы и крайне удачными, предположеніями, основанными преимущественно на филологическихъ данныхъ, но и путемъ мѣстныхъ, кропотливыхъ изслѣдованій.

И теперь, конечно, въ каждомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ составляются списки населенныхъ мѣсть, а изъ нихъ въ центральномъ комитетѣ общіе списки. Но, не говоря уже о томъ, что во всѣхъ такихъ спискахъ приводятся одни только статистическія данныя о каждомъ селеніи, что многія названія пропущены и, что изъ числа приведенныхъ многія искажены, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что всѣ такіе списки составляются не по одной разѣ установившейся формѣ, но формы эти при каждомъ новомъ составленіи списковъ мѣняются и, что многія свѣдѣнія, имѣвшіяся въ прежнихъ спискахъ, не встрѣчаются въ новыхъ, такъ напр. въ новыхъ спискахъ отсутствуютъ названія тѣхъ селеній, которыя упразднились, или же встрѣчаются селенія, бывшія уже въ спискахъ, съ новыми названіями.

Заключивъ это сообщеніе, мы имѣли случай ознакомиться съ вышедшимъ на этихъ дняхъ первымъ томомъ Трудовъ четвертаго Археологическаго съѣзда. Во многихъ ученыхъ сообщеніяхъ, представленныхъ на этотъ съѣздъ и читанныхъ на немъ, приводятся, при объясненіяхъ разныхъ названій, ссылки на списки населенныхъ мѣсть, такъ напр. въ сообщеніяхъ А. Ѳ. Можаровскаго— «гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ можаръ, которые въ 1551 году среди поля Арскаго бились съ казанцами, вѣрные присягъ Русскому Царю?», Н. И. Золотницкаго— «О селеніяхъ въ поволжскихъ губерніяхъ съ названіемъ тарханъ». Просматривая же самые списки, читатель встрѣтитъ только одни названія селеній, дающія слишкомъ не много для того, чтобы быть увѣреннымъ, что всѣ цитируемыя селенія возникли очень давно и, что дѣйствительно основателями ихъ были можары или тарханы. Въ одномъ изъ сообщеній, а именно Н. А. Толмачева— «Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи» названія селеній заимствованы изъ «списка населенныхъ мѣсть Казанской губерніи» (изданіе центрального статистическаго комитета?), а опредѣленіе національности жителей составлено по книгѣ Вечеслава «Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губерніи». Такія названія ближайшихъ къ землянымъ сооруженіямъ селеній, расположенныхъ по рѣкамъ, г. Толмачевъ присоединилъ въ своимъ описаніямъ на томъ основаніи, что по его мнѣнію, «между ними могутъ встрѣчаться и такія инородческія (названія), которыя принадлежали языку племени, произведшаго сооруженія» *) Впрочемъ такъ какъ списки, которыми онъ пользовался, заключаютъ въ себѣ не всѣ существующія названія селеній и такъ какъ въ числѣ селеній, помѣщенныхъ въ спискахъ г. Толмачева, встрѣчаются недавно возникшія напр. Комаровка, Вла-

*) Труды Четвертаго Археол. Съѣзда. Отд. 1 стр. 62.

димировка, а другимъ селеніямъ, въ особенности инородческимъ, приведены названія не тѣ, которыя употребляются самими инородцами, то едва ли списки эти могутъ служить для той цѣли, которой они предназначаются.

Сославшись на нѣсколько сообщеній, помѣщенныхъ въ Трудахъ Археологическаго Съѣзда, сообщеній, въ которыхъ приводятся ссылки на названія селеній, или помѣщены самыя названія, и указавъ, что ссылки на имѣющіеся въ печати списки населенныхъ мѣстъ недостаточно подтверждаютъ справедливость положеній, доказываемыхъ въ сообщеніяхъ, мы хотѣли этимъ еще разъ подтвердить необходимость составленія болѣе подробныхъ и точныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ, урочищъ, древнихъ сооружений и пр.; что же касается установленія однообразной формы для такихъ списковъ, то выработать такую форму и сдѣлать ее обязательной по крайней мѣрѣ для Археологическихъ обществъ могло бы, по моему мнѣнію, настоящее собраніе гг. членовъ Археологическаго съѣзда.

И. Износкова.

6 Юля 1884 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

къ 1-му тому „Трудовъ VI Археологическаго Съезда“.

	Стр.
Портретъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.....	I
1. Отъ Редакціоннаго Комитета Съезда.....	III
2. <i>Д. Н. Анучина.</i> Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.....	XXI
3. Правила Съезда.....	XXIV
4. Программа Съезда.....	XLIII
5. Отчетъ Распорядительнаго Комитета.....	XLIX
6. Личный составъ Съезда.....	LXIII
7. Перечень рефератовъ, прочитанныхъ на Съездѣ.....	LXIX
8. Археологическая выставка VI-го Съезда (Таб. I).....	LXXVIII
9. Замятка объ экскурси членовъ Съезда въ Крымъ.....	
—	
1. <i>Д. Н. Анучина.</i> Въ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи. Съ 1 таблицей (Таб. II).....	1
2. <i>Д. Н. Анучина.</i> О нѣкоторыхъ каменныхъ издѣліяхъ въ Сибири. Съ 1 таблицей (Таб. III).....	35
3. <i>Г. О. Оссоескаю.</i> Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка. Съ 7 таблицами (стр. 52, таб. IV—IX).....	47
4. <i>Кл. П. А. Путятина.</i> Орнаментація древняго гончарства.....	72
5. <i>В. Б. Антоновича.</i> О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра. Съ 3 таблицами (Таб. X—XII).....	86
6. <i>Е. Н. Мельникъ.</i> Слѣды мегалитическихъ сооружений въ Южной Россіи.....	103
7. <i>А. Ѡ. Лихачева.</i> Слѣдскіе элементы въ Чудскихъ древностяхъ. Съ 3 таблицами (Таб. XIV—XVI).....	135
8. <i>Д. Я. Самокасова.</i> Могильныя древности Александр. уѣзда Екатер. губ.....	189
9. <i>Н. А. Бранденбурга.</i> Въ вопросу о типахъ фибулъ. Съ 2 таблицами (Таб. XVII—XVIII).....	208
10. <i>Р. А. Пренделя.</i> Археологическія розысканія на о. Березани. Съ картою.....	216
11. <i>Графа А. А. Бобринскаго.</i> О курганахъ близъ м. Смѣла (Кіев. губ.).....	220
12. <i>Д. Н. Анучина.</i> О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей. Съ 1 таблицей (Таб. XIII).....	235
13. <i>В. В. Суслова.</i> О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи. Съ 3 таблицами (Таб. XIX, XX, XXI).....	253
14. <i>Графа И. И. Толстаго.</i> Знамя первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей.....	268
15. <i>Ю. Б. Иверсена.</i> О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.....	273
16. <i>Г. А. Воскресенскаю.</i> Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія.....	276
17. <i>Г. А. Первольфа.</i> Червонорусскій переводъ Вислицкаго Статута.....	307
18. <i>И. А. Изюжкова.</i> Одинаковыя названія населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи и колонизація.....	310

